

ЛЮБИМЫЙ ХАРБИН – ГОРОД ДРУЖБЫ РОССИИ И КИТАЯ

ЛЮБИМЫЙ ХАРБИН – ГОРОД ДРУЖБЫ РОССИИ И КИТАЯ

Материалы международной научной конференции,
посвященной 120-летию русской истории г. Харбина,
прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае

Харбин, 16–18 июня 2018 г.

Русский клуб в Харбине

Приморское краевое отделение Всероссийской общественной организации
«Русское географическое общество» –
Общество изучения Амурского края

ЛЮБИМЫЙ ХАРБИН – ГОРОД ДРУЖБЫ РОССИИ И КИТАЯ

Материалы международной научно-практической конференции,
посвященной 120-летию русской истории г. Харбина,
прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае

Харбин
16–18 июня 2018 г.

*Ответственный редактор – Ли Яньлин, кавалер Ордена Дружбы РФ,
профессор Цицикарского университета КНР, иностранный член
Российской академии наук, член Союза писателей России*

Харбин–Владивосток
Издательство ВГУЭС
2019

哈尔滨俄侨协会
全俄社会组织“俄罗斯地理协会”滨海边疆区分部—阿穆尔地区研究协会

可爱的哈尔滨— 俄中友谊之城

谨以此献给国际学术研讨会（2018），献给哈尔滨俄侨 120 周年，
献给曾经和现在的在华俄罗斯侨民。

哈尔滨
2018 年 6 月 16-18 日

哈尔滨-符拉迪沃斯托克
ВГУЭС 出版社
2019

УДК 93/94
ББК 63.3(2)
Л93

Любимый Харбин – город дружбы России и Китая : материалы
Л93 международной научной-практической конференции, посвященной
120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему
русской диаспоры в Китае (Харбин, 16–18 июня 2018 г.) / отв. ред.
Ли Яньлин, ред. кол.: А.М. Буяков, С.Ю. Еремин, А.А. Забияко,
И.К. Капран, М.Б. Сердюк ; пер. на кит. яз., лит. ред. Чжоу Синьхой
и др. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. – 372 с.

ISBN 978-5-9736-0556-8

Освещается широкий круг проблем, связанных с историей русского
Харбина: строительство КВЖД; жизнь русской диаспоры в Китае в различ-
ные периоды истории; роль русской эмиграции в развитии Северо-Востока
Китае; памятники русской истории Харбина: здания, храмы и кладбища; ли-
тературное наследие русской эмиграции: имена, произведения, архивы; рус-
ская культура в Китае: адаптация, наследие, взаимодействие.

Адресовано историкам, филологам, культурологам, политологам, сту-
дентам и аспирантам, а также тем, кто интересуется историей и современным
состоянием русской эмиграции.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

Редакционная коллегия:

Буяков А.М. – председатель ПКО ВОО «Русское географическое общество» –
Общества изучения Амурского края;

Еремин С.Ю. – руководитель исторической секции Русского клуба в Харбине;

Забияко А.А. – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой литературы и мировой
художественной культуры, ведущий научный сотрудник «Центра изучения дальневосточ-
ной эмиграции» АмГУ;

Капран И.К. – канд. ист. наук, преподаватель КГА ПОУ «Энергетический кол-
ледж», руководитель Дальневосточного информационно-культурного центра «Русское за-
рубежье» ПКО ВОО «РГО» – ОИАК;

Ли Яньлин – отв. редактор, кавалер Ордена Дружбы РФ, профессор Цицикарского
университета КНР, иностранный член Российской академии наук, член Союза писателей
России;

Сердюк М.Б. – д-р ист. наук, профессор департамента искусств и дизайна Школы
искусств и гуманитарных наук ДВФУ.

ISBN 978-5-9736-0556-8

- © Приморское краевое отделение Русского географического общества – Общество изучения Амурского края, текст, 2019
- © ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса», оформление, 2019
- © ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет», перевод на кит. яз., 2019

УДК 93/94
ББК 63.3(2)
Л93

可爱的哈尔滨— 俄中友谊之城：谨以此献给国际学术研讨会，献给哈尔滨俄侨 120 周年，献给曾经和现在的在华俄罗斯侨民（哈尔滨，2018 年 6 月 16-18 日）/ 责任编辑：李延龄，编辑委员会成员：布亚科夫 A.M., 叶廖明 C.Ю., 扎比亚科 A.A., 卡普兰 И.К., 谢尔丘克 М.Б.; 汉语翻译兼文学编辑：周欣宇等 – 符拉迪沃斯托克：ВГУЭС 出版社, 2019. – 372 с.

ISBN 978-5-9736-0556-8

简述

本选集阐明了有关哈尔滨俄侨历史的一系列问题：中东铁路的历史；在华俄罗斯移民在不同历史时期的生活；俄罗斯移民在中国东北发展中的角色；哈尔滨俄罗斯的历史记忆：建筑、教堂和公墓；俄罗斯移民的文化遗产：姓名、作品、档案；中国的俄罗斯侨民文化：适应、遗产、相互关系。

谨以本书献给历史学家、语言学家、文化学者、政治家、各个层次的学生及所有对俄罗斯侨民过去和如今状况感兴趣的人。

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

编辑委员会成员：

布亚科夫 A.M. – 俄罗斯地理协会阿穆尔地区研究协会主席；

叶廖明 C.Ю. – 哈尔滨俄侨协会历史部主任。

扎比亚科 A.A. – 阿穆尔国立大学“远东移民研究中心”主任研究员，“文学与世界艺术文化”教研室主任，语言学博士，教授；

卡普兰 И.К. – 历史学副博士，国立区域自治专业教育机构“能源学院”讲师，俄罗斯地理协会阿穆尔地区研究协会“俄罗斯边境”远东信息文化中心主任。

李延龄 – 俄罗斯联邦友谊勋章获得者，俄罗斯科学院外籍院士，中国齐齐哈尔大学教授，阿穆尔作家协会副主席。

谢尔丘克 М.Б. – 历史学博士，远东联邦大学艺术与人文科学学院艺术与设计部教授。

ISBN 978-5-9736-0556-8

© 全俄社会组织“俄罗斯地理协会”滨海边疆区分部— 阿穆尔地区研究协会，文本，2019。

© 符拉迪沃斯托克国立经济与服务大学，排版，2019。

© 阿穆尔国立大学，汉语翻译，2019

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие участникам конференции Посла Российской Федерации в Китайской Народной Республике А.И. Денисова.....	8
Приветствие руководителя представительства Россотрудничества О.А. Мельниковой участникам конференции «Любимый Харбин – город дружбы России и Китая»	9
Резолюция Первой Международной научно-практической конференции «Любимый Харбин – город дружбы России и Китая»	10
<i>Ли Яньлин</i> . О литературе русской эмиграции в Китае	12
<i>Анташкевич Е.М.</i> Град Китеж в Китае (Слово писателя о Харбине)	16
<i>Кушнарченко М.С.</i> О Русском клубе в Харбине	21
Раздел 1. КВЖД В ИСТОРИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ.....	32
<i>Баранникова Н.В.</i> Ситуация в Маньчжурии в 1924–1931 гг. (по материалам периодической печати г. Харбина)	32
<i>Врадий С.Ю.</i> КВЖД в хозяйственном освоении российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая	37
<i>Галлямова Л.И.</i> КВЖД как фактор социокультурного развития Северо-Восточного Китая	43
<i>Сердюк М.Б.</i> Деньги Китайско-Восточной железной дороги: библиографический очерк	52
Раздел 2. СОЦИАЛЬНЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСТОЧНОЙ ВЕТВИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ	59
<i>Зуенко И.Ю.</i> Опыт реконструкции русскоязычной топонимики на территории Китая (в провинции Хэйлунцзян и автономном районе Внутренняя Монголия).....	59
<i>Капран И.К.</i> Условия жизни русских харбинцев в 1930–1940-е гг.....	68
<i>Краснова Т.И.</i> Миграции в Маньчжурию в эпоху революции в России и харбинская печать.....	74
<i>Курто О.И.</i> Роль приграничных китайских городов в системе адаптации современных русских мигрантов.....	80

<i>Ларкина Л.Л.</i> История журнала и литературно-музыкального салона «Австралийская лампада».....	88
<i>Лю Цуньин.</i> Путь аккультурации русских эмигрантов в Харбине	97
<i>Ли Лян.</i> Краткий обзор истории развития европейской пищевой промышленности и общественного питания в Харбине в первой половине XX в.	101
<i>Нагорных О.С.</i> Русские врачи в Китае XIX в.: историко-медицинский аспект диалога двух культур.....	109

Раздел 3. РЕЛИГИОЗНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ВОСТОЧНОЙ ВЕТВИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ115

<i>Бельчич Ю.В.</i> Профессор Э.Э. Анерт – выдающийся исследователь геологии и месторождений полезных ископаемых русского Дальнего Востока и Северной Маньчжурии.....	115
<i>Дин Сян.</i> Памятники русской архитектуры и культуры в Харбине	122
<i>Еремин С.Ю.</i> История Покровского храма в городе Харбине.....	131
<i>Киричков И.В.</i> Реконструкция православного участка кладбища Хуаншань в Харбине.....	144
<i>Литаврина М.Г.</i> «Мы ехали в Харбин по Китайской Восточной железной дороге...» (Гастроли актрисы В.Ф. Комиссаржевской в Харбине в 1909 г.).....	152
<i>Петров А.В.</i> Архитектор Владимир Рассушин – долгая дорога из Иркутска в Харбин.....	162
<i>Родионова К.И.</i> Католики в Северо-Восточном Китае (I-я половина XX в.): библиография	166
<i>Скороходова С.И.</i> Иоанн Шанхайский (Максимович) как духовный мыслитель: русская философская эмиграция в Королевстве Югославия и её взаимодействие с философскими идеями русской эмиграции Китая	172

Раздел 4. РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ЛИТЕРАТУРА, ПУБЛИЦИСТИКА, ВОСПОМИНАНИЯ, ФОЛЬКЛОР180

<i>Подалко П.Э.</i> Мемуаристика эмиграции. Особенности жанра на примере «Восточной ветви» русского зарубежья: случай Павла Васкевича	180
<i>Яроцкая Ю.А.</i> Русская культура и русское искусство в воспоминаниях о детстве и юности в Харбине	191
<i>Цзюй Вэй, Цзюй Кунь, Забияко А.А.</i> История Харбина в воспоминаниях дальневосточных эмигрантов: мемуары VS. мемораты.....	200
<i>Лю Ши.</i> Культура и литература русской эмиграции в оценке китайских ученых	214
<i>Чжоу Синьюй.</i> Китайский фольклор в произведениях писателя-синолога П.В. Шкуркина.....	220
<i>Сенина Е.В.</i> Металитературная рецепция китайской культуры в творчестве дальневосточных эмигрантов.....	228
<i>Фэн Ишань.</i> Образ родины в лирике А. Ачаира	242

<i>Капинос Е.В., Куликова Е.Ю.</i> Акмеистический фон «Поэмы без предмета»	
В. Перелешина	251
<i>Хадынская А.А.</i> Поэтическая мифология Лариссы Андерсен	260
<i>Цмыкал О.Е.</i> Текстологические проблемы изучения творческого наследия Лариссы Андерсен.....	269
<i>Кравцов А.Н.</i> Любимые авторы журнала «Рубеж»: Лович и другие.....	276
<i>Давыдов О.М.</i> Урал – Харбин: перекресток «геопоэтических» фронтиров	283
<i>Эфендиева Г.В.</i> «Целина по-маньчжурски»: Тооген в творчестве харбинских авторов	290
<i>Зиненко Я.В.</i> Как русский Харбин Крещение праздновал: заметки очевидцев	296
<i>Конталева Е.А.</i> Религиозный синкретизм в культуре русской эмиграции в Харбине.....	306
<i>Забияко А.П., Забияко А.А.</i> Бытование фольклора в русском Трёхречье: гендерный аспект	318
<i>Чжан Жуян.</i> Китайский и русский текст в фольклоре русских Трёхречья.....	332
<i>Забияко А.А.</i> «Центр изучения дальневосточной эмиграции» Амурского государственного университета: итоги и перспективы исследования истории, культуры и литературы восточной ветви русского зарубежья.....	339
НАШИ АВТОРЫ	352
АННОТАЦИИ СТАТЕЙ АВТОРОВ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	355

ПОСОЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКЕ

Участникам международной
научно-практической конференции
«Любимый Харбин – город дружбы
России и Китая»

Уважаемые участники конференции!

Город Харбин имеет сравнительно короткую по меркам Древнего Китая историю – всего около 120 лет. Но эти годы были наполнены поистине эпохальными событиями, причудливо отразившимися на его непростой судьбе. Основанный как железнодорожный узел, он быстро «набрал обороты» и превратился в крупный экономический, общественный и культурный центр Северо-Восточного Китая. Сегодняшний Харбин – это крупный современный индустриальный мегаполис, в котором бережно сохраняется уникальное и бесценное историко-культурное наследие. Китайский город Харбин, в котором всегда зримо ощущалось российское присутствие, стал своего рода символом переплетения исторических путей и духовного богатства наших стран и народов, дружбы и добрососедства.

Позвольте пожелать вам плодотворных дискуссий, успешной работы, бодрости и энергии.

15 июня 2018 г.
г. Пекин

С уважением,

АДЕНИСОВ

**Приветствие руководителя представительства
Россотрудничества О.А. Мельниковой участникам
конференции «Любимый Харбин – город дружбы
России и Китая»**

От имени представительства Россотрудничества в КНР – Российского культурного центра в Пекине приветствую участников международной конференции «Любимый Харбин – город дружбы России и Китая».

Харбин – особый город в российско-китайской истории. Велика объединяющая роль Харбина, в котором жили, трудились, создавали семьи, воспитывали детей люди самых разных национальностей.

Сегодня Харбин продолжает объединять и сплачивать потомков харбинцев, живущих в самых разных уголках России и других стран мира.

Российский культурный центр в Пекине приветствует начинание организаторов конференции, стремящихся привлечь российские регионы, особенно те, где существуют клубы потомков харбинцев, к изучению культурно-исторического наследия города, а также к проекту реконструкции и реновации кладбища Хуаншань.

Ведь уважение к предкам, а, следовательно, и к истории своей страны, проявляется во внимательном и почтительном отношении к местам их захоронения. Каждая неопознанная могила и сломанный на ней крест – свидетельство нашего равнодушного отношения к своей истории, к памяти наших соотечественников.

Объявленные перекрестные годы межрегионального сотрудничества России и Китая могут стать хорошей основой для вовлечения российских регионов в работу по идентификации могил и увековечиванию памяти соотечественников. Думается, что настало время привлечь к этому проекту широкое общественное внимание.

Российский культурный центр в Пекине, со своей стороны, подтверждает готовность содействовать развитию сотрудничества в области сохранения объектов российского исторического наследия на Северо-Востоке Китая.

Желаю успеха всем участникам международной конференции «Любимый Харбин» и выражаю надежду, что она будет проводиться на регулярной основе.

Руководитель представительства
Россотрудничества в КНР

О.А. Мельникова

РЕЗОЛЮЦИЯ

Первой Международной научно-практической конференции «Любимый Харбин – город дружбы России и Китая»

г. Харбин

18 июня 2018 г.

16–18 июня 2018 г. в г. Харбине состоялась Первая международная научно-практическая конференция «Любимый Харбин – город дружбы России и Китая», организованная Русским клубом в Харбине при поддержке Генерального консульства России (г. Шэньян, КНР), Российского культурного центра (г. Пекин, КНР) и Приморского краевого отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» – Общества изучения Амурского края (ПКО ВОО «РГО» – ОИАК, г. Владивосток).

Конференция приурочена к 120-летию Харбина и посвящена прошлому и настоящему жизни русской диаспоры города. В ней приняло участие более 60 человек: известные ученые, представители органов власти, эмигранты, аспиранты и магистранты китайских и российских вузов. В их числе – 14 докторов наук, 8 кандидатов наук из России (Москва, Владивосток, Благовещенск, Новосибирск, Томск, Иркутск, Якутск), Австралии, Китая, Латвии, США и Японии.

Конференция «Любимый Харбин – город дружбы России и Китая» выполнила свою задачу по привлечению внимания к бережному сохранению российского культурного наследия Харбина и созданию возможностей для прямого и плодотворного сотрудничества между китайскими и российскими учеными-историками наших стран.

Организаторы благодарят всех участников конференции (историков, литературоведов, лингвистов, краеведов, исследователей истории российского присутствия на Северо-Востоке Китая) за содержательные доклады и плодотворную дискуссию, продемонстрировавшие активный интерес научных сообществ России, Китая и других заинтересованных стран к темам конференции.

Учитывая положительный опыт проведения конференции «Любимый Харбин – город дружбы России и Китая», оргкомитет решил:

1. Издать сборник статей конференции «Любимый Харбин – город дружбы России и Китая» в 2018 г.

2. Одобрить в целом проект реновации православного участка харбинского кладбища Хуаншань, разработанный активом Русского клуба в Харбине (РКХ), и просить Посла России в Китае А.И. Денисова и Генерального консула РФ в г. Шэньяне (КНР) С.Ю. Пальтова ходатайствовать перед китайской стороной о получении согласия на реализацию предложенного проекта.

3. Учитывая заинтересованность в реализации проекта реновации православного участка кладбища Хуаншань со стороны дипломатических представи-

тельств в Китае Белоруссии, Польши и Украины, просить их поддержать проект Русского клуба в Харбине.

4. Обратиться к Послу России в КНР А.И. Денисову и Генеральному консулу России в Шэньяне (КНР) С.Ю. Пальтову с просьбой ходатайствовать перед китайской администрацией пров. Хэйлунцзян и г. Харбина о сохранении при реставрации объектов российского культурного наследия их исторического облика, включая здание Свято-Иверского храма.

5. Признать целесообразным регулярное проведение Международной научно-практической конференции «Любимый Харбин – город дружбы России и Китая» один раз в два года поочередно: на базе Русского клуба в Харбине или организаций на территории РФ. Провести в 2020 г. Вторую международную научно-практическую конференцию «Любимый Харбин – город дружбы России и Китая».

6. Учитывая долговременный рабочий интерес к делам соотечественников в Китае со стороны ГКУ «Московский Дом соотечественника», просить руководство МДС оказать финансовую помощь в реализации проекта реновации православного участка харбинского кладбища Хуаншань и в проведении второй конференции летом 2020 г.

7. Поддержать инициативу ПКО ВОО «РГО» – ОИАК и обратиться с просьбой к администрации Приморского края и города Владивостока предоставить Обществу помещение для создания Музея Русского Зарубежья во Владивостоке.

8. Выразить благодарность всем организаторам конференции за помощь, а руководству города Харбина за предоставленную возможность ее проведения.

9. Опубликовать настоящую резолюцию на сайте КССК и в СМИ России и Китая, разослать ее текст всем заинтересованным сторонам.

*Оргкомитет конференции
«Любимый Харбин – город дружбы России и Китая»*

О ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ

Ли Яньлин,

*кавалер Ордена дружбы РФ, иностранный член
Российской академии наук, профессор Цицикарского университета КНР,
член Союза писателей России*

О КВЖД

Относительно строительства КВЖД долгое время была весьма распространенной одна версия: строительство КВЖД является результатом экономической агрессии царской России. Эта версия, по-моему, не является всесторонней, а наоборот, представляет одностороннюю точку зрения.

Да, цель строительства КВЖД со стороны царской России заключалась в том, чтобы одержать верх над Японией в борьбе за гегемонию на Северо-Востоке Китая. Но это было только одной стороной многосложного явления. Ведь со стороны династии Цин цель строительства КВЖД заключалась в том, чтобы, во-первых, развить Северо-Восток Китая, во-вторых, осуществить стратегию «Соединение с Россией и защита от Японии».

История была такова: 31 марта 1890 года император Гуансюй подписал императорский указ о строительстве Северо-восточной железной дороги и в 1893 г. началось строительство, однако в результате поражения в китайско-японской войне только начавшееся строительство прекратилось... Спустя три года в июне 1896 г. Китай и Россия подписали Секретный договор и договор о строительстве КВЖД.

Поэтому, говоря по существу, строительство КВЖД является результатом совпадения политики России и политики династии Цин. Россия и Китай построили КВЖД совместными усилиями и в совместных интересах. В начале строительства КВЖД Китай осуществил инвестицию в предприятие в размере 300 килограммов серебра. 200 тысяч рабочих-строителей, не включая инженеров и техников, были китайцами. Об этом ярко свидетельствует большой альбом КВЖД с тысячами фотографий, который составил Музей провинции Хэйлунцзян. КВЖД, таким образом, является совместным российско-китайским предприятием. Благодаря постройке КВЖД Северо-Восток Китая приобрёл большую железнодорожную магистраль, которая намного продвинула развитие экономики, культуры и социальной сферы Северо-Востока КНР. Именно в результате постройки КВЖД появились такие крупные города, как Харбин, Чанчунь, Даянь, Цицикар и т.д.

На мой взгляд, в это время возникли экономика КВЖД и экономический пояс КВЖД. В то время КВЖД стала основой для жизни русских эмигрантов. Рус-

ские эмигранты принесли Китаю передовую культуру, которая была активной и полезной для Северо-Востока и Китая в целом.

О литературе русской эмиграции в Китае

Серебряный век литературы русской эмиграции в Харбине.

Когда Серебряный век в России уже закончился как литературная эпоха, в Харбине Серебряный век продолжил свое развитие. Здесь были и символизм, и акмеизм, и футуризм, и так далее. Потому я определяю это явление понятием «Харбинский серебряный век».

Харбинские писатели и поэты не только не принадлежали социалистическому реализму, но шли вразрез с ним, действовали наперекор. Тут возникло еще одно литературное течение, которое я определяю понятием «Харбинский критический реализм».

Как всем известно, литературная критика не является аналитической. Она путём обнажения сюжетов и лиризма осуществляет свои интенции. Поэтому в произведениях русских эмигрантов было много критики: жалоба на внутренние смуты, порицание красного терроризма, крик за свою судьбу. Их критика была направлена на избавление от Сталина, на некоторые промахи Советской России.

По исходным данным от февраля 1954 г. в Советском Союзе с 1921 по 01.02.1954 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности было приговорено к наказанию 3 775 318 человек, из них шестьсот (42 980) к расстрелу, остальные – к тюремному заключению или каторжным работам.

После 1934 года более ста тысяч харбинских русских вернулись в СССР. К сожалению, почти половина из них, то есть 48 133 человека были арестованы как харбинские японские шпионы. 30 992 из них были расстреляны, 17 141 человек были сосланы (Мустафин М. Харбинский архив // Русская Атлантида).

В результате сильного разрушения сельского хозяйства, как следствия насильственной коллективизации, случились большой неурожай и голод, от которого погибли 400 000 чел. на Украине и 2 500 000 чел. в Казахстане – половина населения республики. Таким образом, коллективизация дала крестьянству вовсе не рай, а ад.

Вот ответ на вопрос о том, почему возник харбинский критический реализм.

Поэма «Через океан», стихотворение «Переходя границу» самого яркого харбинского поэта Арсения Несмелова являются произведениями харбинского критического реализма:

«Русский!» – От голода и от страха
Прет бесшабашно на рожон.
Нету причины ни петь, ни ахать –
Воздух их родины заражен.

Это судёнышко – сыпнотифозный,
С койки своей убежавший в бреду.
Путь его к гибели неосознан:
«Без покаяния пропадут!»

Арсений Несмелов рассказывает о том, как в 1922 году группа русских на маленьком пароходе «Казань» перебиралась через Тихий океан в Америку. Герои бились отчаянно, проклинали, кричали, обвиняли...

Да, русские эмигранты были горяющими, стенающими.

И потому я несколько лет назад писал о том, что литература русской эмиграции была литературой с душевной травмой. Так, «плачущими» стихами были стихи Лидии Хаиндровой. Если бы эмигранты громко не расплакались, то глотали бы слёзы. Поэтому данная литература, по сравнению с литературой Советского Союза, является другим голосом, другой мелодией.

Однако в сравнении с советской литературой литература русской эмиграции была свободной – вне запретов. Писатели и поэты писали то, что хотели. Действительность, изображаемая ими, была настоящей, а не искажённой. Другими словами, харбинская литература является другим зеркалом, отразившим эпоху Советского Союза. Именно в этом заключается великая ценность литературы русской эмиграции в Китае.

Внимание к литературе русской эмиграции вовсе не означает принижения значения советской литературы. Советская литература успешно зафиксировала эпоху Советского Союза, начиная с 1919 г. до его распада. Она с лицевой стороны нарисовала эпоху Советского Союза и является одной из жемчужин в культурной сокровищнице мира, общим культурным богатством человечества.

В самом деле, СССР превратился в передовую промышленную страну спустя несколько пятилеток, особенно после Великой Отечественной войны советский народ почувствовал счастье жизни при социалистическом строе. В Советском Союзе были бесплатное образование, бесплатное жильё, бесплатное лечение и т.д. Данную счастливую жизнь стоило воспеть. Советская литература выполнила данную святую миссию, хотя она в то же время воспевала и культ личности. Дело в том, что нам надо, с одной стороны, услышать смех, с другой – послушать плач.

Далее необходимо подчеркнуть: в определённой степени литература русской эмиграции в Китае стала самостоятельным литературным явлением.

В Китае было большое количество русских писателей и поэтов. Только десяти томник «Литература русской эмиграции в Китае» собрал более ста писателей и поэтов. Данная литература сочетает черты русской и китайской культуры. Во многих произведениях харбинских авторов звучат китайские мотивы, китайские философские идеи. А роман «Великий Ван» основоположника мировой экологической литературы Николая Байкова основан на буддистской и даосской философии.

Литература русской эмиграции в Китае – драгоценность в истории мировой культуры, уникальный пример развития литературы и культуры России на земле Китая. Культура русской эмиграции стала одним большим своеобразием Харбина и провинции Хэйлунцзян.

Почему я увенчал все понятия определением «Харбин»?

Харбин – это колыбель литературы русской эмиграции в Китае. Большинство русских писателей и поэтов, ожививших литературную и культурную жизнь в Шанхае в 30-х гг. прошлого века, переселилось туда из Харбина, поэтому литература русской эмиграции в Шанхае стала продолжением литературы русской эмиграции в Харбине.

Харбин – святыня для тех, кто родился и вырос здесь, и загадка для тех, кто здесь ни разу не был. Надо сказать, что своеобразная культура Харбина является узловой связкой и мостом между Китаем и Россией. В последние годы Русский клуб в Харбине всеми силами продвигает дружбу Китая и России. Мы должны высоко оценить его работу.

Последний русский эмигрант Николай Заика несколько лет назад организовывал встречу 250 старых харбинцев, которые съехались из разных концов мира в гостиницу «Модерн». Я по приглашению выступал там с речью. Когда я сказал: «Никто иной, как ваши предки вместе с китайцами построили этот великий город Харбин», вспыхнули бурные аплодисменты, а некоторые гости даже заплакали.

Когда стратегическое партнёрство Китая и России развилось до самого высокого уровня, когда исследование востоковедения в России уже достигло великих успехов, учёные России и учёные Китая должны обратить ещё больше внимания на исследование культуры и литературы русской эмиграции в Китае.

Я уверен – действие «харбинского эффекта» еще впереди. Харбин непременно станет центром торговли Китая и России, центром гуманитарного обмена Китая и России, столицей дружбы Китая и России.

Посвящается 120-летнему юбилею города

ГРАД КИТЕЖ В КИТАЕ (Слово писателя о Харбине)

Е.М. Анташкевич,

*член Союза писателей России, автор романов «Харбин»
и «33 рассказа о китайском полицейском поручике Сорокине»*

*К*итайский город Харбин (с ударением на последний слог: «Харб́ин», «в Харбинé», «из Харбинá») сравнивают со сказочным исчезнувшим градом Китежем. Сравнение в строго научном смысле, конечно, неточное, как и любые сравнения. Оно родилось у русских первостроителей, русских беженцев и уроженцев этого города в их следующем беженстве и рассеянии по всему свету. Утрата реального Харбина заместилась в их сознании градом Китежем, возникающим в памяти из сказки. А ещё в их огромной переписке, в их представлении о том, что такое Город-счастье!

Сравнение с Китежем, русской Атлантидой, сопками Маньчжурии, каким-то непонятым Политехником, это то, что просочилось к нам, нынешним, из их мира, сохраненного харбинцами в их особенном харбинском языке. Они живут в своем мире, не нашем, а там, где град Китеж, иногда давая нам возможность погостить, хотя бы на страницах их журналов «Русская Атлантида», «Политехник», «На сопках Маньчжурии». Ныне это китайский город, забывший свою русскую историю, но сохранилась русская архитектура как свидетельство былого присутствия, как египетские пирамиды, которые сегодня любят даже арабы.

В самом деле, Харбин – город с редкой биографией, закладывался на русской территории в Китае и возник как следствие двух больших несчастий, произошедших в обоих наших государствах: Крымская война в России и две Опiumные войны в Китае. И тогда две страны, которые до этого несколько сот лет жили, повернувшись спинами, увидели, что могут помочь друг другу.

В 1898 г. на пустом берегу мощной реки Сунгари (松花江) русские инженеры, архитекторы, специалисты-железнодорожники, международный финансовый капитал, русские географы, синологи, купцы и огромное количество китайских рабочих заложили и за 30 лет построили полноценный город. Что означают эти три иероглифа 哈尔滨 (Харбин), сейчас, увы, уже никто объяснить не может, вместе они не несут никакого смысла. Есть только смутное упоминание о том, что здесь на сунгарийском берегу когда-то якобы сушили рыбацкие сети. И всё.

Темпами строительства нового города восхищались иностранцы. А русские (русские, татары, евреи, поляки, литовцы, эстонцы, грузины, армяне, всего двенадцать землячеств со своими культурными ценностями, финансами и вкусами) называли Харбин «наш губернский... Смоленск, Тамбов, Калуга, Саратов...», а дальше это зависело от того, откуда они сами приехали!

Изначально Харбин строился как главная на КВЖД узловая железнодорожная станция, имевшая полную и практически самодостаточную инфраструктуру для транспортного обеспечения России до Владивостока и Порт-Артура: собственное административное управление, юридическая база, финансовые инструменты, необходимая для локальных нужд наука, высшие учебные заведения (политехника, юриспруденция, медицина, духовность), среднее образование, обеспечение быта.

Особый интерес представляла юридическая база: Харбин был построен на арендованной земле с конкретным сроком эксплуатации и обязательным возвратом китайским властям после окончания этого срока. Но до его окончания Харбин стоял на юридически оформленной русской земле и русском законе: это называлось полоса отчуждения по всей длине КВЖД и Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) до Портсмутского мира (1905 г.), завершившего Русско-японскую войну. В полосе отчуждения применялось только русское законодательство, следствие и судебное производство; безопасность обеспечивала русская полиция, а с 1901 г. Заамурский округ Отдельного корпуса пограничной стражи.

Исторически Харбин прошел два этапа: до 1917 г., когда город развивался как часть Российской империи, и после, когда город перестал быть частью какой бы то ни было «империи».

Вся жизнь Харбина строилась на «матушке-кормилице КВЖД». Если дорога работала с проблемами, город жил бедно. Дорога начинала работать с прибылью, рождественские базары сводили харбинских женщин с ума, как писали местные газеты на русском языке, а их не бывало меньше двадцати одновременно, позже прибавились периодические издания на китайском, английской, японском языках и т.д.

Вокруг Харбина расцвели ранее полубезжизненные (на европейский взгляд) старые маньчжурские (в прямом смысле) города: Цицикар, Хайлар, Гирин (Цзи-линь), Мукден (Шэньян), Далянь, появились станции с экзотическими названиями: Яблоня, Эхо, Барим...

В Харбине не было улицы, не напоминавшей, что это русский город. Дома строили на Большом проспекте, улицах Садовой, Таможенной, Казачьей, Артиллерийской, Водопроводной, Почтовой, Торговой... А если названия звучали по-китайски, то это были Китайская, Гиринская, Маньчжурский проспект, но базар всё же стал Зелёным, а Яхт-клуб на берегу Сунгари как был, так и есть по сей день – Яхт-клуб. Даже улицу Гоголя нынешние китайцы восстановили как Гэгэли-цзе!

К 1940-м г. в Харбине полностью сложилась русская жизнь, русские стали в культурном отношении титульной нацией, и местные китайцы жили русской жизнью. Дети татар, евреев, грузин и др. учились в русских гимназиях, поступали в русские вузы, ходили на русские концерты, слушали русскую оперетту, а вывески на магазинах писали на двух языках. И даже японская агрессия не переломила эту ситуацию. В военно-политическом отношении японцы были

победителями и управляли городом и империей Пу И, но в культурном и духовном отношении остались чужаками.

Кроме мест, где русские пустили основательные корни, Харбин стал фильтром для беженцев из России, здесь они могли немного передохнуть и принять решение, куда идти дальше.

Совсем немного русских беженцев приютила Япония, буквально единицы; больше приняли Канада и Америка, фильтром стал и Шанхай. А Харбин взял на себя роль политического центра русской эмиграции на Дальнем Востоке: монархисты, легитимисты, мушкетёры, казаки, РОВС... Появлялись и исчезали другие «клубы» по политическим интересам, даже образовались русские фашисты, которых в 1932 г. в свои «тёплые» руки приняли японские завоеватели.

В Харбине возникло сменовеховство, идейным создателем которого стал профессор харбинского Политехнического института, самарский дворянин Николай Васильевич Устрялов. Харбин поддерживал постоянную связь с русской европейской эмиграцией, поэтому новости из Берлина, Белграда, а позже из Парижа и Нью-Йорка были так же актуальны и обсуждаемы, как вести из соседской квартиры или от коллеги в присутственном месте.

Русская жизнь год от года густела, и уже было бы странно, если бы не в Харбине начал сценическую карьеру Лемешев и мимо проехали бы Рерих, Шаляпин и Вертинский, последнему отказала в замужестве харбинская красавица, талантливая поэтесса и танцовщица Ларисса Андерсон.

Издавались порядка десяти толстых журналов, своей жизнью жили две художественные студии, «Великого Вана» написал полковник царской армии Николай Аполлонович Байков, маньчжурское зеркальное отражение уссурийского Владимира Клавдиевича Арсеньева. В поэтических студиях творили Арсений Несмелов и Алексей Грызлов (Ачаир), Лидия Хайндрова (тётка нынешнего грузинского политического деятеля Георгия Хаиндрáвы), Юстина Крузенштерн-Петерц (потомок гениального русского адмирала Ивана Крузенштерна) и многие другие.

В азиатском Харбине они чувствовали себя очень далеко от родины, дальше, чем русские в Париже и Америке, и писали пронзительно. Особый интерес представляли толстые журналы, наиболее примечательным из которых был «Рубеж», непрерывно издававшийся с 1926 по 1945 г.

«Рубеж» выходил как «еженедельный литературно-художественный журнал (1926)», «еженедельный литературно-художественный и научный журнал (1927)», «литературно-художественный иллюстрированный журнал (1928–1945)». Выпускался издательством «Заря», которое одновременно печатало «ежедневную демократическую газету «Заря». Директором-распорядителем товарищества «Рубеж» бессменно был Евгений Самойлович Кауфман.

Сегодня номера этого журнала хранятся в ГАРФ, Доме русского зарубежья, в РГБ, в Пражской национальной библиотеке Чешской Республики, Русской общественной библиотеке им. И.С. Тургенева в Париже (на электронных ресурсах указанных заведений и сегодня можно читать публикации «Рубежа», весьма увлекательно).

Украшением Харбина, конечно же, были два симфонических оркестра и библиотеки, библиотеки, библиотеки...

После того, как вошла в строй двухколейная КВЖД, Харбин стал индустриальным центром: транспорт, переработка сельскохозяйственных продуктов, соб-

ственное производство, международная торговля. В 1928 г. на торгово-промышленной выставке, посвященной юбилею города, две харбинские фирмы привлекли особое внимание публики – одна явила публике фонтан, в котором струями била водка, а на краю стояли кружки и стаканы, а другая воздвигла из своих бутылок с горячительным напитком башню по типу французского инженера Эйфеля.

Бытовал куплет:

Японцы воюют,
Китайцы горюют,
Монголы пасут,
Корейцы торгуют,
А русские танцуют!

И это отвечало действительности: в русском Харбине было 10 обязательных балов: Рождественский, Офицерский, Выпускников гимназий и училищ, Выпускной вузов, Белый (весенний женский), Железнодорожный и ещё, и ещё! В 1920-е гг. Харбин, как и весь мир, накрыли фокстрот, волейбол и конкурсы красоты.

Служили службу в двух православных монастырях: мужском в честь иконы Казанской Божией Матери и женском в честь иконы Владимирской Божией Матери. Всего в городе построили 24 храма, среди них 2 мечети, 2 синагоги, костёл и кирху. Самые известные харбинские храмы Св. Николая в самом центре города на Соборной площади (снесён хунвэйбинами, но воссоздана точная копия в пригородном районе Пинфан местным китайским предпринимателем, почитателем культуры Русского Харбина), военная Иверская церковь, построенная и расписанная на деньги и руками солдат и офицеров ветеранов Русско-японской войны сразу после окончания боевых действий (сохранилась, восстанавливается заботами китайских властей, но с изменением внешнего вида – вместо православных крестов на куполах поставлены шпили), и Софийская, ставшая открыткой Русского Харбина (приведена в порядок к 100-летию Харбина, используется городской властью как музей архитектуры Харбина). Церковь стоит недалеко от пешеходной с 90-х гг. прошлого века Китайской улицы, которую местные жители называют Харбинский Арбат.

Очень привлекает доминирующая в городе харбинская архитектура. Если пройтись по улицам ранним майским или июньским утром, когда нет пешеходов и не газуют автомобили, вы можете не сразу определить, что вы не в Хабаровске или Владивостоке, Томске или не у Кунста и Альберса в Благовещенске – сплошной, ничем не разбавленный «Арт Нуво»! Особняки Джибелло-Сокко (арх. Петр Джибелло-Сокко), Скидельского (арх. Михаил Трояновский) и Ковальского, Остроумова. Особенно удивляешься, когда въезжаешь в китайский город Фуцзянь, построенный китайскими жителями, строителями КВЖД и самого Харбина для себя.

Город Фуцзянь (сейчас это просто район Дао Вай) отделён от Харбина железной дорогой. Он, меньший по площади, но более плотно населенный, был спланирован и построен русскими архитекторами и инженерами по заказу китайских богатых людей.

Даже японцы, завоевавшие Маньчжурию и управлявшие из Харбина как из одного из центров империи Маньчжоу-Го, заказывали новые здания: гостиницу

«Нью Харбин» (сохранилась, инж. Семен Перминов) и редакцию газеты «Новое время» (тоже никуда не делась) русским архитекторам, которые остались на жительство в ставшем им родным городе.

И все харбинцы всех поколений с 1920 г. знают дом Торговой компании Мацуура и К^о на Китайской улице угол Пекарной – вторая открытка города, тоже был построен русским архитектором А.А. Мясковским, с кариатидами, которых японцы что ли придумали?

На город не упала ни одна бомба, ни один снаряд, советские войска вошли парадом, поэтому город и сегодня почти такой же: по характеру, геометрии улиц, сохранившимся зданиям. В основном остаётся узнаваемым административный район, раньше он назывался Новый город. Именно здесь располагалось всё то, что было и ныне связано с железной дорогой: и вокзал (перестроили, а сейчас жалеют), и первая городская гостиница «Ямато» (бывшее Гарнизонное собрание), и Правление КВЖД, и Управление КВЖД, и дом Железнодорожного («Желсоб») собрания (аналогично Офицерскому или Дворянскому), и капитальные с садами кирпичные одноэтажные на две семьи особняки сотрудников дороги, инженеров и мастеров, офицеров Заамурский округ Отдельного корпуса пограничной стражи.

Деловой центр между Сунгари и КВЖД строился богатыми людьми, назывался Пристань и сохранил все свои улицы, среди которых главная – Китайская.

Однако любой город вынужден расти. Харбин продолжил своё индустриальное развитие, только перестал быть русским и почти забыл об этом. Но опомнился – самые известные и красивые здания внесены в охранный список, городская власть проявляет заботу.

Сейчас в Харбине проживает несколько тысяч русских, не тех, конечно, и даже не их потомков, а современных граждан современной России. Они приехали сюда работать, преподавать из соседних Хабаровска, Благовещенска, Владивостока и других русских городов и обнаружили, что Харбин – вовсе не призрак, а живой, полнокровный город, который в этом году отпраздновал своё 120-летие.

УДК 93/94

О РУССКОМ КЛУБЕ В ХАРБИНЕ

М.С. Кушнаренко,

председатель Русского клуба в Харбине, проживает в Харбине с 2003 г.

Статья посвящена истории создания Русского клуба в Харбине и его деятельности. Рассказано о том, как создавался ныне действующий Русский клуб в Харбине и какие направления деятельности он включает.

Ключевые слова: *Русский клуб в Харбине, современные русские в Харбине, русское сообщество в Харбине.*

ABOUT RUSSIAN CLUB IN HARBIN

M.S. Kushnarenko,

*the President of the Russian Club in Harbin
lives in Harbin since 2003*

The article is devoted to the history of the Russian club in Harbin and its' activities. The author tells first-hand how the current Russian club in Harbin was created and what activities it includes.

Keywords: *Russian club in Harbin, Today's Russians in Harbin, Russian community in Harbin.*

Русский клуб в Харбине – некоммерческое общественное объединение, созданное с целью консолидации русскоговорящих людей в Харбине, содействия сохранению и популяризации русской культуры и русского языка. В настоящее время в Харбине проживает довольно много русских, точное число неизвестно, примерно несколько тысяч: русские студенты, члены русско-китайских семей, преподаватели, бизнесмены, музыканты, менеджеры, переводчики, повара и т.п.

Старожилов «русской поры» уже не осталось. После массового исхода в середине XX в. в Харбине насчитывалось совсем немного русских, к настоящему времени никого из них уже нет в живых. Последняя из них, Ефросиния Андреевна Никифорова, умерла в 2006 г. Тем не менее, еще живы потомки русских старожилов, несколько стариков-полукровок. Однако годы «культурной революции», когда говорить на иностранных языках было опасно, оставили свой след, и третье поколение почти совсем ассимилировалось. Людей, которые хоть в какой-то степени сохранили русский язык и русскую культуру, можно сосчитать по пальцам, но и они по менталитету все-таки ближе к китайцам. Те русские уроженцы Харби-

на, которые в 50-е гг. были еще совсем молоды, помнят город своей юности и периодически приезжают в него – из России, Америки, Австралии... Чтобы отыскать старые улицы и с горечью и восхищением отметить, как сильно изменился Харбин, каким огромным современным мегаполисом он стал и как мало, увы, в нем осталось от прежнего – родного для них – Харбина.

Следующая вторая большая волна русских в Харбине – это советские специалисты. Позднее, уже после распада Советского Союза, стал расти поток студентов и тех, кто приезжал работать или вести бизнес.

Русский клуб в Харбине (РКХ) берет свое начало от встреч, организованных посредством интернет-форума «Восточное Полушарие» (в начале 2000-х гг. это был крупнейший в русском сегменте Интернета форум о Китае, где общались проживавшие в Китае русскоговорящие люди, а также китаисты и синологи). Первая встреча РКХ состоялась в 2005 г., потом встречи стали регулярными, как правило, они были приурочены к каким-либо русским праздникам. Позднее был принят Устав, избраны председатель и правление клуба. В 2007 г. клуб стал участником Координационного совета соотечественников в Китае (КССК).

Клуб проводит разнообразные мероприятия. Детские праздники, конкурсы, турниры, литературные и музыкальные вечера, праздничные встречи и концерты, исторические лекции и экскурсии, митинги и субботники. Вся деятельность клуба ведется небольшой группой энтузиастов на общественных началах в свободное от работы время. Как правило, июль-август и январь-февраль – период затишья, в это время школы и университеты в Китае уходят на каникулы и многие члены клуба и русского сообщества уезжают в Россию или в путешествия по Китаю и другим странам.

В 2009–2011 гг. активисты клуба издавали ежемесячный иллюстрированный журнал «Берега дружбы» о русских в Китае, но спустя два года журнал был вынужденно закрыт, поскольку не удалось вывести его на самоокупаемость или найти финансовую поддержку. Лариса Жебокритская и Марина Кушнаренко были редакторами и верстальщиками журнала, Алёна Локтионова – фоторедактором, члены клуба и энтузиасты из других городов присылали тексты и фото для статей. Особая гордость редакции «Берегов» – спецвыпуск журнала, приуроченный к 65-му Дню Победы, целиком посвященный Маньчжурской освободительной операции и памяти о подвиге советских солдат. В Харбине и других городах предпринимались попытки издавать печатные газеты и журналы, но в условиях роста популярности электронных источников информации удерживать на плаву бумажное издание на самофинансировании было очень трудно.

Детская секция – одно из важных направлений деятельности клуба. Необходимо отметить роль Ларисы Владиславовны Жебокритской (приехавшей в Харбин еще в 1990-х гг.) – одного из основателей клуба, бессменного организатора, сценариста и режиссера детских и взрослых праздников, костюмера и швеи, хранителя реквизита, основателя и преподавателя школы выходного дня «Прочитайка». Кроме активности в клубе она также на общественных началах является секретарем Координационного совета соотечественников в Китае, совмещая это с работой русского редактора государственного китайского журнала на русском языке «Партнеры». Другой активист клуба – Галина Петровна Корчевская, преподаватель русского языка и рисования, художник-декоратор, артист и ведущая детских и взрослых праздников. Кроме того, на праздниках клуба выступают преподаватели и

студенты, музыканты Харбинской консерватории и Большого театра, дети и их родители.

Новогодний утренник – главное и наиболее трудоемкое детское мероприятие года. У харбинских детей стараниями энтузиастов РКХ есть самый настоящий традиционный русский Новогодний праздник с Дедом Морозом и Снегурочкой, сказочными персонажами, нарядным залом, сверкающей елкой, представлением, играми и конкурсами и, конечно, сладкими подарками – наборами российских конфет. Дети не только смотрят представление, но и выступают сами в концерте для Деда Мороза.

Декабрь 2018 г. Новогодний утренник (Здесь и далее – фото из фотоархива РКХ)

Хоровод на Дне русского языка в июне 2018 г.

Кроме Нового года детские праздники проводятся по таким поводам, как Масленица, Пасха, День русского языка, День знаний, Золотая осень, День матери и др. Дети поют, читают стихи, разыгрывают сценки, играют на музыкальных инструментах, исполняют спортивные номера. Благодаря этим мероприятиям дети погружаются в атмосферу русских праздников, знакомятся с обычаями России и, конечно, заводят новых русскоязычных друзей.

Дети выступают на празднике «Золотая осень», октябрь 2017 г.

Занятия «Прочитайки», 2015 г. Из фотоархива РКХ

Школа выходного дня «Прочитайка» – место, где для детей дошкольного и младшего школьного возраста проходят уроки по развитию речи, рисованию и шахматам, занятия по программе российской школы.

На конкурсах декламации, проводимых РКХ самостоятельно или совместно с другими Русскими клубами в рамках деятельности КССК, дети демонстрируют свои навыки художественного чтения на заданную тему. Родители присылают видеоролики с выступлениями, участники награждаются дипломами и детскими книгами на русском языке.

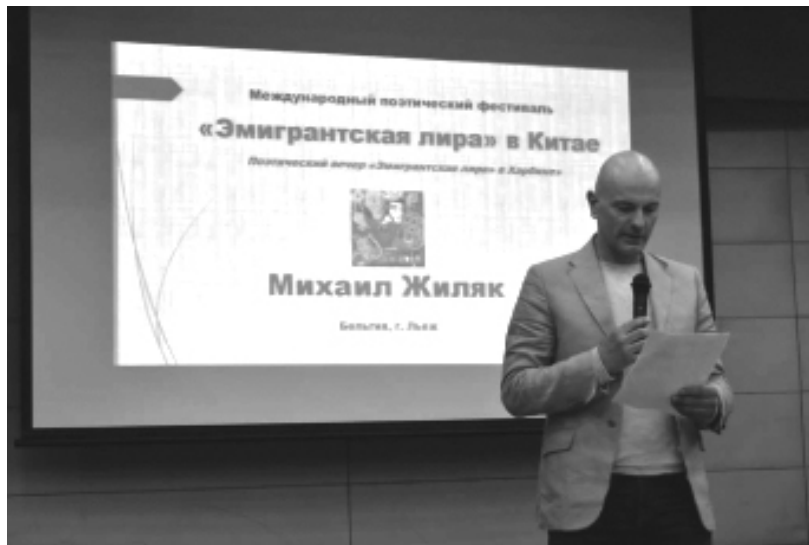

Творческий вечер Валентины Талызиной, сентябрь 2015 г.

Среди других Русских клубов в Китае Харбин славится как город, где придают большое значение сохранению русского языка для детей. Литературные, поэтические, музыкальные вечера для взрослых участников клуба нередко проходят в галерее русских картин «Jialand», хозяйка которой, китайка Надежда Лу (Лу Гуйлань), прекрасно говорит по-русски и очень любит русскую культуру. В стенах галереи живут и работают русские художники. Встречи клуба посещают не только россияне, но и представители Китая и других стран, в особенности китайские русисты (как студенты, так и зрелые люди). Китайские студенты, подготовленные русскими педагогами, нередко радуют участников встреч красочными выступлениями. Для членов Русского клуба выступают на вечерах профессиональные певцы и музыканты и талантливые любители, работающие в Харбине. Заслуженная артистка России Валентина Талызина, регулярно посещающая Харбин, уже не раз проводила для РКХ творческие вечера.

В марте 2017 г. Русский клуб в Харбине совместно с находящейся в Бельгии ассоциацией «Эмигрантская лира» (руководитель – Александр Мельников) и при поддержке Генконсульства России в Шэньяне провел поэтический фестиваль «Эмигрантская лира». В исполнении участников из Харбина и других городов Китая, России и Европы звучали стихи их собственного сочинения и произведения поэтов русского зарубежья. В фестивале принял участие поэт из Циндао

Мао Сюпу, автор русско-китайского сборника стихов «Вечный «Курск». Профессор, поэт и переводчик Ли Яньлин, составитель десятитомной антологии «Литература русских эмигрантов Китая», передал приветственное письмо и собственные стихотворения.

Поэтический фестиваль «Эмигрантская лира» в Харбине, март 2017 г.

Самый главным праздником Клуба считается День Победы. Он традиционно собирает наибольшее количество людей. В День Победы клуб проводит митинг и торжественное возложение цветов к памятнику воинам-освободителям. В ходе митинга действует акция «Георгиевская ленточка» и «Бессмертный полк». После митинга все желающие отправляются на автобусах, организованных клубом, за город к Мемориалу на кладбище советских воинов, павших при освобождении Маньчжурии от японской оккупации. Завершается празднование торжественным вечером, на котором звучат песни военных лет, стихи о войне и Победе, а также рассказы участников вечера о своих родственниках-ветеранах. На сцену выходят и дети, и молодежь, и люди зрелого возраста.

С 2016 г. клуб проводит митинги в честь годовщины окончания Второй мировой войны. Помимо россиян и выходцев из стран СНГ, в нем также принимают участие потомки китайских ветеранов, российские дипломаты, представители мэрии Харбина и делегации из приграничных краев и областей России.

Памятник советским воинам, где проходят митинги 9 мая и 3 сентября, расположен на бывшей Соборной площади Харбина. Ранее на этой площади находился Свято-Николаевский собор, разрушенный в годы «культурной революции». Его уменьшенная копия находится в торговой подземке под площадью, а точная копия стоит за городом, на территории усадьбы «Волга» – огромного тематического парка, все здания которого построены в русском стиле. Часть этих зданий представляет точные копии ныне не существующих харбинских зданий. Они, как и копия Свято-Николаевского собора, построены при содействии Николая Петровича Крадина, хабаровского профессора, историка, автора книги «Харбин – русская Атлантида» и ряда других книг. Усадьба «Волга» – уникаль-

ное место, «островок» России, частный проект харбинского бизнесмена, большого любителя России.

День Победы в Харбине, май 2018 г.

Сергей Юрьевич Еремин, руководитель исторической секции клуба, посвящает все свободное время изучению и сохранению истории русского присутствия в Китае. Он проводит экскурсии по памятным местам Харбина, лекции по истории, ведет обширную переписку с русскими выходцами из Харбина, живущими за рубежом. Энтузиасты исторической секции РКХ осуществляют перепись, уборку и реставрацию русских захоронений, помогают православной общине Покровского храма сохранять последнее харбинское кладбище Хуаншань в пригороде Харбина.

Лекция по истории «Харбин в наших сердцах», весна 2014 г.

С 2007 по 2016 г. РКХ многократно проводил субботники по уборке территории у Иверского храма – одного из немногих сохранившихся православных храмов Харбина. У стен этой церкви, которую в прошлом харбинцы называли «Офицерской» и считали одной из самых красивых в городе, были в свое время захоронены русские священники и воины, в том числе, генерал Белого движения Владимир Оскарович Каппель (позднее его останки были перевезены в Россию). В 2000-х г. храм был полуразрушенным, без куполов, окруженным тесным кольцом жилых домов и лачуг. В настоящее время благодаря значительному расширению площади Центрального вокзала, который находится неподалеку, пространство вокруг храма было освобождено и стало частью большой привокзальной площади перед Северным входом в вокзал. Иверский храм является охраняемым властями Китая памятником культуры.

Субботник на православном участке кладбища Хуаншань, май 2012 г.
Фото С.Ю. Еремина

Историческая секция клуба с 2009 г. собирает информацию о православном участке кладбища Хуаншань: активисты секции провели перепись захоронений, создали электронную версию плана и списков (алфавитного и порядкового). Большую помощь в этом оказали Григорий Легоньков и Александр Четвериков. Также было проведено несколько субботников по уборке территории кладбища. В период с 2011 по 2015 г. на средства, переданные Русскому клубу президентом Харбинско-китайского исторического общества (Сидней, Австралия) Игорем Казимировичем Савицким, были отремонтированы 19 памятников наиболее известным русским людям, упокоившимся на Хуаншань. В 2017–2018 гг. инженер Игорь Киричков (в содружестве с Сергеем Ереминым) создал проект реновации кладбища.

Субботник у Иверского храма, весна 2015 г. Фото С.Ю. Еремина
(Примечание: на фотоаппарате была неисправна настройка даты)

Из фонда БРЭМ (Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии), хранящегося в Хабаровском краевом архиве, секцией получены данные по 128 из 375 харбинцам, лежащим на последнем русском кладбище. В мае 2018 г. на средства российского инвестора у входа на кладбище установлен информационный стенд, на котором приведена схема захоронений, указаны наиболее значимые памятники (приведены краткие биографические данные на тридцать самых известных жителей Харбина), определен маршрут осмотра кладбища. Периодически по инициативе секции проводится сбор писем и подписей в защиту памятников русского присутствия в Харбине.

Летом 2018 г. Русский клуб в Харбине при поддержке Генерального консульства России в Шэньяне, Российского культурного центра в Пекине (представительства «Россотрудничества») и при участии Приморского краевого отделения Русского географического общества – Общества изучения Амурского края провел Первую международную историческую конференцию «Любимый Харбин – город дружбы России и Китая», посвященную 120-летию Харбина. В ней приняли участие около 60 человек из России, Китая и других стран. В течение двух дней участники выступали с докладами, а также совершили экскурсию по городу и приняли участие в Первом Харбинском балу Русского клуба, приуроченном к Дню России.

Еще один член правления клуба – Жанна Владимировна Васильева, переводчик издаваемой при Хэйлунцзянском университете газеты на русском языке «Дальневосточный торгово-экономический вестник». Жанна вместе с Сергеем являются активными участниками китайско-русской православной общины Покровского храма Харбина. Поскольку клуб светский, община существует независимо, членами ее являются русскоговорящие и китайские православные верующие, тем не менее, клуб состоит в дружеских отношениях с общиной. Свя-

щенник единственного действующего в Харбине православного храма (Покровской церкви), отец Александр, китаец, хорошо говорит по-русски, обучался в семинарии в России.

Аркадий Артемович Вершинин, старейший участник клуба – бессменный, любимый харбинской детворой Дед Мороз, а также соорганизатор дискуссионных встреч, литературных вечеров, шахматных турниров.

Участники КССК, в том числе и РКХ, периодически оказывают помощь соотечественникам, попавшим в беду, осуществляют сбор средств для экстренного лечения или транспортировки в Россию.

В Харбине есть Шахматный клуб, который, благодаря активности студентки Екатерины Перерва и других энтузиастов, не только начал самостоятельно проводить турниры, но и организовал обучение игре в шахматы и даже матчи с другими городами.

Российские студенты в Харбине создали свое объединение – Российский молодежный совет в Китае (РМСК), которое проводит различные мероприятия и находится в тесном контакте со студенческими объединениями других городов. В 2018 г. появилось еще одно студенческое объединение – Ассоциация российских студентов (АРС), созданная по подобию аналогичного объединения в Пекине (в настоящее время планируется также открытие АРС в Шанхае и других городах, которые будут частями единой сети).

Растет число российских специалистов, работающих в Харбине по приглашению китайской стороны. Так, в харбинской хоккейной команде выступают русские спортсмены. Специалисты из Москвы и Петербурга выступают и преподают в Большом театре Харбина, в Харбинской консерватории и филармонии.

В последние годы основное и наиболее активное интернет-общение русского сообщества в Китае происходит в вичате, бесплатном китайском мобильном приложении. Это главное средство интернет-общения подавляющего большинства населения Китая, а теперь и иностранцев в Китае. Так, для общения русских харбинцев в вичате существуют чаты Русского клуба, чат харбинских родителей, православный чат, информационные чаты, Доски объявлений и многие другие. Также существуют всекитайские русские чаты по интересам, чаты других городов и клубов, новостные и развлекательные паблики. Такие ресурсы, как Ватсап, Инстаграм, Твиттер, Фэйсбук, Ютуб, Одноклассники и многие другие заблокированы на территории Китая, доступ к ним без VPN-сервисов невозможен. У РКХ также есть группа в контакте с одноименным названием.

Помимо собственных мероприятий РКХ принимает участие в деятельности Координационного совета соотечественников в Китае. Участники КССК, представители русских клубов разных городов Китая проводят совместные мероприятия, конкурсы для детей и молодежи, собирают команды для участия во всемирных фестивалях российских соотечественников, которые проводит Россия. При поддержке посольства и консульств РФ в Китае также ежегодно проходят конференции КССК, на которых представители Русских клубов имеют возможность обсудить насущные проблемы не только друг с другом, но и с Послом России в Китае и главами Генеральных консульств. КССК есть свой регулярно обновляемый сайт www.russianchina.org.

Большую поддержку Русскому клубу в Харбине оказывает Генеральное консульство России в Шэньяне, а также Российский культурный центр в Пекине.

Немало людей в Харбине познакомились на встречах Русского клуба. Для кого-то это стало началом многолетней дружбы или делового сотрудничества, а для кого-то – и началом семейной истории. Многие люди, уезжая из Харбина, увозят с собой теплые воспоминания об этих встречах, новые люди приезжают в Харбин и вливаются в деятельность клуба. Пожалуй, самый ценный отзыв деятельности клуба, высказанный неоднократно разными людьми, звучит так: «На встречах клуба я чувствую себя так, словно побывал в России».

В заключение хочется выразить искреннюю благодарность всем, кто помог Русскому клубу в Харбине в организации и проведении Первой научно-практической конференции «Любимый Харбин – город Дружбы России и Китая». Приводим список организаторов конференции:

Председатель Оргкомитета конференции:

Еремин С.Ю. – руководитель исторической секции Русского клуба в Харбине, наблюдатель Координационного совета соотечественников в Китае.

Члены Оргкомитета:

Буяков А.М. – председатель Приморского краевого отделения Русского географического общества – Общества изучения Амурского края.

Пальтов С.Ю. – Генеральный консул Российской Федерации в Шэньяне, КНР.

Ли Яньлин – профессор Цицикарского университета КНР, иностранный член Российской академии наук, член Союза писателей России.

Мельникова О.А. – руководитель Российского Культурного центра в Пекине – представительство «Россотрудничества» в КНР.

Шерстюк С.Р. – вице-мэр города Владивостока.

Рабочая группа конференции:

Кушнарченко М.С. – председатель Русского клуба в Харбине, участник Координационного совета соотечественников в Китае.

Васильева Ж.В. – член Правления Русского клуба в Харбине.

Гу Шули (Александр) – менеджер международного туристического агентства «Harbin Railway», Харбин.

Жебокритская Л.В. – член Правления Русского клуба в Харбине.

Капран И.К. – кандидат исторических наук, преподаватель КГА ПОУ «Энергетический колледж», руководитель ДИКЦ «Русское зарубежье» ПКОО РГО – ОИАК.

Коннов В.А. – заместитель руководителя Пекинского РКЦ.

Кушнир А.А. – руководитель международного департамента мэрии Владивостока.

Нарышкин А.В. – атташе Генерального консульства РФ в Шэньяне, КНР.

Русский клуб в Харбине выражает благодарность Чрезвычайному полномочному послу РФ в КНР А.И. Денисову, руководителю Российского культурного центра в Пекине О.А. Мельниковой, Генеральному консулу России в Шэньяне (КНР) С.Ю. Пальтову за организационную поддержку, а также Генеральному консульству России в Шэньяне за финансовую поддержку в проведении Первой международной научной конференции «Любимый Харбин – город дружбы России и Китая».

Раздел 1. КВЖД В ИСТОРИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ

УДК 314.7/94

СИТУАЦИЯ В МАНЬЧЖУРИИ В 1924–1931 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ г. ХАРБИНА)

Н.В. Баранникова,

канд. ист. наук, доцент, кафедра истории и юриспруденции

*ФГБОУ ВО «Амурский гуманитарно-педагогический
государственный университет»*

г. Комсомольск-на-Амуре

На основе материалов периодической печати охарактеризованы некоторые вехи жизни россиян в г. Харбине и полосе отчуждения КВЖД в 1924–1931 гг.

***Ключевые слова:** КВЖД, полоса отчуждения, «Заря», «Рупор», эмигранты, китайские власти, политико-правовое положение.*

THE SITUATION IN MANZHOULY IN 1924–1931 (ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE PERIODICAL PRESS OF HARBIN CITY)

N.V. Barannikova,

PhD in History, Associate Professor

Department of History and Jurisprudence

Amure State University of Humanities and Pedagogy

In the article some parts of the life of Russians in Harbin city and right of way of the Chinese Eastern Railway in 1924–1931 are described according to the materials of the periodical press.

***Keywords:** Chinese Eastern Railway, roadway, «Zaria», «Rupor», emigrants, the Chinese authorities, political and legal situation.*

История российской колонии в Северо-Восточном Китае очень многогранна, несмотря на свою короткую по историческим меркам жизнь, ведь она существовала не более полусотни лет. Поэтому для статьи был выбран лишь один из многочисленных аспектов – ее политико-правовое положение в 1924–1931 гг., т.е. с момента заключения Мукденского соглашения 20 сентября 1924 г. и до оккупации Маньчжурии японцами. Изменения в положении россиян рассмотрены через призму периодической печати г. Харбина.

По данным китайской статистики русскими в Китае издавалось 189 газет и 305 журналов. Основная масса выходила в г. Шанхае и г. Харбине – местах

наибольшего сосредоточения россиян [21]. По хронологическим параметрам статьи автору подходят четыре издания: «Вестник Маньчжурии» (годы издания 1925–1934), «Рубеж» (годы издания 1926–1945), «Рупор» (1921–1938), «Заря» (1920–1943), «Вечерняя Заря» – приложение к газете «Заря» (1920–1945). Тематически наиболее информативны для избранного аспекта газеты «Заря», «Вечерняя Заря» и «Рупор».

Ежедневная газета «Заря» считалась самой читаемой и единственной межрегиональной газетой в Китае (выходила в Харбине, Шанхае и Тяньцзине). Для издания характерны такие черты, как объективность, оперативность реагирования на происходившие события, всеохватность (газета не только для интеллектуалов, но и для самых широких масс населения), разнообразие тем и рубрик.

«Рупор» – ежевечерняя газета, уступающая по популярности «Заре», но не менее интересная как для читателей тех лет, так и для современных исследователей. В сводном каталоге периодики русского зарубежья «Эмигрантика» перечислены места хранения данных газет: их немного (Государственный архив Российской Федерации, библиотека Российской Академии наук, Национальная библиотека Чешской Республики и др.), как и немного номеров самих газет [22]. Обращает на себя внимание то, что не указан ГАХК – Государственный архив Хабаровского края, печатный фонд которого состоит из 13 наименований эмигрантских газет, что составляет 244 шива [18, с. 12]. Большая часть шивов – это газета «Заря» – неисчерпаемый и ценный источник информации для любого исследователя российской колонии в Северо-Восточном Китае.

После революции 1917 г. и Гражданской войны численность россиян в Маньчжурии достигала, по средним подсчетам, 200 тыс. человек. Все россияне в полосе отчуждения КВЖД обладали принципом экстерриториальности, однако после реализации на практике условий Договора от 20 сентября 1920 г. «Об отмене экстерриториальности царской России в Китае» они стали эмигрантами с соответствующими данному статусу правами.

В 1924 г. между Китаем и Советским Союзом заключен ряд важных договоров, одним из которых являлось «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой» от 31 мая [19, с. 82].

Так как три восточные провинции (Цицикарская, Гиринская, Мукденская), по которым проходила КВЖД, не признавали центрального пекинского правительства, потребовалось отдельное соглашение с властями Автономных трех Восточных провинций. Мукденское соглашение, принятое 20 сентября 1924 г., в целом дублировало договор от 31 мая 1924 г., однако в нем более детально оговаривались вопросы, связанные с КВЖД [20, с. 94].

Последствием договоров 1924 г. стало постепенное изменение положения эмигрантов. На страницах газеты «Заря» очень живо обсуждался пункт договора, согласно которому право работать на КВЖД имели только лица, имевшие либо китайское, либо советское гражданство. Причем количество таких лиц должно было быть примерно равным: 50% советских граждан и 50% китайских. В частности, обсуждались действия правления дороги в марте 1925 г., которое отклонило ряд прошений о принятии на службу лиц, получивших китайское *подданство* (сохранено в оригинальной версии). В газете часто упоминалось понятие «подданство» по отношению к гражданам республик, видимо, сказывалась привычка. Это были принявшие китайское подданство русские эмигранты, надеявшиеся таким образом остаться или поступить на службу на КВЖД. Канцелярия правления КВЖД разъяснила, что на службу могли приниматься только лица китайской национальности, а не принявшие китайское гражданство русские [1, с. 3].

Советское гражданство многие эмигранты не хотели принимать по политическим соображениям либо не считали нужным это делать. Проработав на дороге десятилетия, прекрасно зная свое дело, такие работники никогда не занимались политикой и не понимали, зачем им «китаизироваться» или «советизироваться» [2, с. 3]. Принятие китайского гражданства не гарантировало улучшения ни материального, ни политико-правового положения для эмигранта.

Освещала газета и перемены в муниципалитете. В Харбине – столице российской колонии, муниципалитет возглавляли россияне. По мнению китайской стороны, коренное китайское население не пользовалось полными правами в муниципалитете. Оно было там только на правах гостя, тогда как именно китайцы являлись хозяином страны. Китайские уполномоченные не хотели, чтобы в муниципальном Положении остались следы позора для китайского населения, например, в виде преимущества чужого языка (все делопроизводство в муниципалитете велось на русском языке) [6, с. 3].

Российской стороной приводились контраргументы. Предлагалось вспомнить историю возникновения г. Харбина, по большей части русского города, построенного русскими. Трудно представить себе, чтобы в муниципалитете решались все важные дела, произносились речи, велась переписка, принимались заявления только на языке, чуждом большинству жителей города [7, с. 3].

Таким образом, газетой приведены точки зрения обеих сторон: и российской, и китайской. Авторы статей старались подавать информацию беспристрастно, комментарии, как правило, были беззлобные, нейтральные.

По поводу муниципалитета разгорелся конфликт, подробно освещаемый прессой, и 30 марта 1926 г. по распоряжению властей городской совет харбинского общественного управления был расформирован и подлежал коренному переустройству. В связи с данным событием «Заря» выпустила экстренный выпуск [8, с. 3]. Был образован временный комитет городского самоуправления, которому были переданы все дела городского совета. В состав временного комитета и ревизионной комиссии вошли одни китайцы. Таким образом, к апрелю 1926 г. перестала существовать еще одна российская структура, созданная старожилами, укреплявшая политико-правовое положение россиян на чужой территории.

Любопытно, что в статьях, вышедших годом ранее, отрицалась возможная китаизация муниципалитета, подобные предположения были названы мифом, а для подтверждения приводились уверения Ли Шао Гена – заместителя комиссара по иностранным делам [3, с. 3]. Между тем тревожные признаки и порождали слухи о предстоящем наступлении на муниципалитет. Шло переименование улиц, русские названия менялись на китайские. На просьбу Городского совета сохранить наряду с китайскими и русские названия улиц был получен «выразительный» ответ, что «Городскому совету нечего беспокоиться насчет переименования улиц, т.к. право это принадлежит китайским административным властям», т.е. вопрос этот не относится к компетенции Городского совета [4, с. 3].

В январе 1926 г. в газете «Заря» появилась информация о том, что маршал Чжан Цзолинь объявил об автономности трех Восточных провинций, прекращении административных связей с министерствами пекинского правительства [9, с. 3]. Чжан Цзолинь предостерегал пекинское правительство, что все вопросы о КВЖД должны были решаться только с правительством Восточных провинций, генерал пригрозил применением оружия, если пекинское и советское правительства начнут решать какие-либо вопросы, связанные с Китайской дорогой самостоятельно [10, с. 3]. Нестабильная политическая обстановка в самом Китае породила состояние постоянной нервозности в среде эмигрантов.

К весне 1926 г. китайские власти сочли, что они весьма слабо в течение последних пяти лет осуществляли право контроля над русскими школами в ОРВП, поэтому в апреле 1926 г. все русские школы перешли под полный контроль китайского правительства. По его распоряжению школьные программы теперь утверждались министерством просвещения Китая. Директорами каждого учебного заведения стали только лица китайской национальности. Китайские власти не вмешивались во внутреннюю структуру русских школ, но отныне контролировали назначения, перемещения и увольнения преподавателей, экзамены, выдачу свидетельств об окончании курсов. Для осуществления правительственного контроля над школами было назначено особое лицо – комиссар по просвещению в Особом районе [11, с. 3].

В заметке «Пишите по-китайски», вышедшей за год до наступления на русские школы, характеризовалось распоряжение начальника земельного управления Чжан Хуан Сяна о запрете принимать заявления на русском языке. Заявления должны были писаться по-китайски, в крайнем случае, разрешалось приложить к русскому тексту китайский перевод [5, с. 3].

С 1926 г. предполагалось введение во всех русских школах обязательного изучения китайского языка [12, с. 3]. Видимо, введение данной меры было отложено, т.к. в 1929 г. вышла заметка с объявлением об обязательном преподавании китайского языка с 1930 г. [13, с. 5].

Под контроль были взяты все беженские организации, сведения о деятельности и составе которых собирались главным полицейским управлением, возглавлявшимся тогда генералом Ваном [14, с. 3].

С середины 1920-х гг. китайскому населению настойчиво и систематически внушалась мысль о том, что русская эмиграция мешает дружбе народов Китая и СССР. Такая агитация имела свои результаты. Эмигранты чувствовали, что становятся нежеланными на земле Северо-Восточного Китая. Даже благоустроенным старожилам жилось все хуже.

На протяжении всего 1929 г. газеты пестрели статьями о неожиданных увольнениях с КВЖД. Увольняли сотнями, объясняя это соображениями экономии. Вместе с тем дорога тратила огромные деньги на театральное дело, курорты, оранжереи. Увольнение людей без сокращения вышеупомянутых статей расходов выглядело странным решением проблемы. Администрация при выборе кандидатов на увольнение руководствовалась не деловыми признаками, а политическими взглядами работника [15]. Отношения между советскими и китайскими властями в зоне КВЖД в 1929 г. были очень напряженными. Время от времени эмигранты считались пособниками СССР, людьми одной национальности, действующими заодно, поэтому их эмигрантский статус не спасал от увольнения. Иногда эмигрантов принимали на места уволенных советских граждан, и такие становились неугодными, «белыми» для СССР. В любом случае положение бывших подданных Российской империи являлось весьма шатким. Увольнения 1929 г. сильно отличались от сокращений штатов, производившихся в 1921–1922 гг., когда увольняемые обеспечивались солидными заштатными и в силу этого были материально обеспечены [16].

Нестабильность заставляла эмигрантов покидать Китай. Более состоятельные люди стремились покинуть Китай и выехать в США, Бразилию, Австралию. Кое-кто из эмигрантов пытался вернуться и в СССР. Стали популярны газетные и журнальные статьи об условиях въезда в ту или иную страну, в каких странах какие профессии требовались [17, с. 2–3].

За период с 1924 по 1931 г. политико-правовое и материальное положение россиян в Маньчжурии достаточно сильно пошатнулось. Китайские власти все

настойчивее вмешивались в самые разнообразные сферы жизни российской колонии: прекратило свое существование самоуправление; политические партии и общественные организации россиян могли осуществлять свою деятельность только под контролем китайских властей, что лишило их самостоятельности.

Таким образом, анализ периодической печати показывает, что российские эмигранты ощутили реальные перемены в своем положении. Многие лишились работы, части заработка, права самоуправления, гражданства. Даже не располагая дополнительной информацией, кроме статей из газет «Заря» и «Рупор», можно понять, что эмигранты испытывали на себе давление, с одной стороны, китайских властей, с другой – представителей советской России. Те эмигранты, которые приспособились к существованию в новых условиях, не имели уверенности в завтрашнем дне.

1. Вечерняя Заря. 1925. № 565, 17 марта.
2. Вечерняя Заря. 1925. № 615, 23 мая.
3. Вечерняя Заря. 1925. № 597, 2 мая.
4. Вечерняя Заря. 1925. № 576, 31 марта.
5. Вечерняя Заря. 1925. № 569, 23 марта.
6. Заря. 1926. № 81, 27 марта.
7. Там же.
8. Заря. 1926. № 85, 31 марта.
9. Заря. 1926. № 10, 13 января.
10. Заря. 1926. № 58, 4 марта.
11. Заря. 1926. № 88, 3 апреля.
12. Заря. 1925. № 59, 20 марта.
13. Заря. 1929. № 202, 31 июля.
14. Заря. 1925. № 6, 10 января.
15. Рупор. 1929. № 26, 31 января.
16. Рупор. 1929. № 13, 17 января; № 15, 19 января.
17. Рупор. 1926. № 1549, 16 марта, Заря. 1925. № 40, 22 февраля.
18. Путеводитель по фондам Государственного архива Хабаровского края и его филиала в г. Николаевске-на-Амуре. – Хабаровск, 2005. Т. 1.
19. Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой. 1924 г. 31 мая // Советско-китайские отношения (1917–1957): сб. док. – М., 1959.
20. Соглашение между правительством Союза ССР и правительством Автономных Трех Восточных провинций Китайской Республики о КВЖД, судоходстве, передемаркации границы, тарифном и торговом соглашениях. 1924 г. 20 сентября // Советско-китайские отношения (1917–1957): сб. док. – М., 1959.
21. Чжан Юнхуа. Русская эмигрантская группа «Заря» и ее деятельность в Китае в первой половине XX века // Медиаскоп. 2012. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://mediascope.ru> (дата обращения 18.05.2018).
22. Эмигрантика. Сводный каталог периодики русского зарубежья. URL: <http://emigrantica.ru> (дата обращения 18.05.2018).

УДК 930.85

КВЖД В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ОСВОЕНИИ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ

С.Ю. Врადий,

канд. ист. наук

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
г. Владивосток*

Приводится краткий анализ политико-экономического влияния строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) на развитие Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая в конце XIX – начале XX вв.

***Ключевые слова:** Россия, Китай, Китайско-Восточная железная дорога, Маньчжурия.*

THE ROLE OF THE CHINESE EASTERN RAILWAY FOR THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA FAR EAST AND NORTH EAST CHINA

S.Yu. Vradiy,

*Institute of History, Archeology and Ethnography
of Peoples of the Far-East RAS FEB,
Vladivostok*

The article provides a brief analysis of the political and economic impact of the Chinese-Eastern Railway construction to the development of Russia Far East and Northeast China in the late nineteenth and early twentieth centuries.

***Keywords:** Russia, China, Chinese Eastern Railway, Manchuria.*

Экономическое освоение русскими Маньчжурии и инвестирование капитала в развитие железнодорожного и промышленного строительства на Северо-Востоке Китая в конце XIX в. были обусловлены политическими и экономическими изменениями в самой России.

50–60-е гг. XIX в. стали для Российской империи знаменательными в отношении изменений как внешнеполитического, так и внутриэкономического развития. В это время в России происходили сложные социально-экономические процессы, связанные с ростом новых капиталистических товарно-денежных отношений.

Существовавшие на протяжении двух столетий добрососедские отношения России с цинским Китаем определялись взаимовыгодными условиями сухопутной торговли двух стран, поэтому Российская империя была заинтересована в развитии отношений с Поднебесной империей в целях обеспечения безопасности дальневосточных территорий. Царское правительство после определения границы между двумя странами стало активно проводить политику заселения Приамурской и Уссурийской областей. Из центральных районов России в этот край было переселено большое число казацких и крестьянских хозяйств, основывались новые города: Хабаровск, Владивосток, Благовещенск.

Усиление позиций западных держав в Китае в 60-е гг. XIX в. привело царское правительство к осознанию необходимости укрепления обороноспособности тихоокеанских рубежей России. Здесь, на русском Дальнем Востоке, Россия вновь столкнулась со своими противниками по Крымской войне – Англией и Францией. События японо-китайской войны показали уязвимость России на Дальнем Востоке, и одной из причин была оторванность Приамурья и Приморья от центральных районов страны. Военные притязания Японии в отношении Кореи и Маньчжурии определяли необходимость для России противостоять японской агрессии в этих районах. Еще более насущной стала задача скорейшего соединения Владивостока железнодорожным путем с европейской частью России.

22 мая (3 июня) 1896 г. облеченный полномочиями маньчжурского правительства видный цинский сановник, дипломат Ли Хунчжан 李鴻章 (1823–1901) подписал в Москве с министром финансов царского правительства С.Ю. Витте (1849–1915) российско-китайский Договор о союзе и постройке Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

Для России стояла очевидная по своей необходимости задача: построить в кратчайшие сроки по территории Северной Маньчжурии КВЖД – сплошной рельсовый путь, который соединил бы европейские районы страны с ее дальневосточными землями. С этого времени дальневосточная политика, проводимая царским правительством, стала непосредственно распространяться и на территорию Маньчжурии.

Перед российским правительством ясно вырисовывались нижеследующие политические, стратегические и экономические цели и задачи при строительстве железной дороги через Маньчжурию:

1. Возможность скорее сомкнуть Транссибирскую магистраль для безопасности национальной территории Дальнего Востока с целью более эффективного противостояния натиску держав-соперниц (Англии, Франции, Японии).
2. Выход с постройкой КВЖД к незамерзающему порту на китайской или корейской территории.
3. Контроль за железнодорожным строительством в Северном Китае.
4. Спрявление и сокращение общей протяженности железнодорожной линии.
- 4.1. Сокращение расходов по постройке (большая дешевизна основных строительных материалов в Маньчжурии, дешевизна здесь рабочих рук).

Строительство КВЖД происходило в сложных условиях, потребовало приложения больших усилий и большого технического опыта от строителей. «Одной из главнейших особенностей, затруднявших дело постройки КВЖД, – писал составитель «Исторического обзора» этой дороги, – было полное отсутствие в экономически отсталой Маньчжурии хотя бы самой зачаточной индустрии и техники –

фабрик, заводов, машин, инструментов и т.д.; не было стали, чугуна, железа, – словом все, до последнего гвоздя включительно, приходилось доставлять чуть ли не кругосветным путем; с великими трудностями удалось наладить добывание на местах таких необходимых строительных материалов, как лес, камень, известь; даже обыкновенные кирпичи были известны в Северной Маньчжурии до прихода русских лишь в самом примитивном изготовлении» [1, с. 112].

4.2. Значительное сокращение транспортных расходов по доставке грузов на ДВ и обратно, в сравнении с доставкой грунтовыми дорогами или морским путем.

5. Возможность расширения торговых связей Европы с Азией.

6. Дополнительная возможность проникновения русского капитала в Китай, усиление русского влияния в Маньчжурии.

7. Благоприятное влияние на переселенческую политику России, развитие ее фабрично-заводской промышленности.

8. Улучшение снабжения зернопродуктами Маньчжурии жителей Приморья и Приамурья.

9. Высокая прибыльность дороги, окупаемость в течение концессионного срока (80 лет) всех расходов по ее постройке.

9.1. Использование принципа самоокупаемости ж/д за счет привлечения местных грузов и пассажиров.

9.2. Расположение трассы по землям Северной Маньчжурии не создавало конкуренции перевозкам по Амуру.

Вышеприведенного достаточно, чтобы сделать вывод о высокой заинтересованности российского правительства в сооружении КВЖД.

Вместе с тем политическая и экономическая заинтересованность китайской стороны была также чрезвычайно высока. Основным для китайского правительства было то, что в лице России оно приобретало могущественного союзника в борьбе с не менее могущественным соседом – Японией.

При этом цинская дипломатия в очередной раз использовала одну из традиционных стратагем *и и чжи и* 以夷制夷 – «используя варваров, править ими»¹. Однако не менее важным было то, что КВЖД оказывала положительное влияние на экономическое развитие Северного Китая:

1. Начиналось активное заселение ранее пустынных, неосвоенных территорий, примыкавших к КВЖД.

2. Был дан мощнейший импульс экономическому развитию Маньчжурии: в регионе создавались невиданные доселе фабрично-заводские предприятия, новые отрасли промышленности, транспортные коммуникации. Попутно создавались Сунгарийский речной флот, морское пароходство КВЖД, с помощью которых налаживалось сообщение с портами Приморья, Китая, Японии, Кореи.

Любая железная дорога оказывает большое влияние на социально-экономическое развитие того региона, по которому она проходит. КВЖД была построена на смежной с Россией территории Китая – в Маньчжурии. Строительство железной дороги стало импульсом к становлению промышленности Северо-

¹ Выдающийся цинский ученый, государственный деятель и поэт Вэй Юань (1794–1857) 魏源 следующим образом разъяснил цель и содержание этой древней стратагемы: «Используя [одних] варваров, нападать на [других] варваров, ... заставить [одних] варваров умиротворять [других] варваров, ... изучив сильные стороны варваров, править ими» [2. Предисловие, с. 1].

Восточного Китая как добывающей, так и обрабатывающей. Русскими предпринимателями были начаты разработки Чжалайнорских угольных копей на севере, Яньтайских и Фушаньских – на юге Маньчжурии. Зарождение крупных лесопромышленных предприятий в Северной Маньчжурии также было связано с деятельностью КВЖД.

Сооружение КВЖД дало мощный толчок развитию речного пароходства по Сунгари и Амуру, сыграло весьма важную роль в доставке материалов, оборудования и рабочей силы в район стройки. Были созданы также многочисленные предприятия лесобработывающей, строительной и других отраслей промышленности.

Вокруг КВЖД начали строиться новые города и поселки, промышленные и торговые центры, создавались промышленные предприятия (угольные, железнодорожные, лесобработывающие, горнорудные и др.). В период строительства КВЖД на русские средства в г. Дальнем была воздвигнута первая на Северо-Востоке Китая электростанция. КВЖД стала важным транспортным путем Маньчжурии и вызвала приток в этот край китайских переселенцев из центральных провинций Китая и технической интеллигенции и квалифицированных рабочих из России.

3. Имела место капитализация сельского хозяйства.

В значительной степени благодаря КВЖД в конце XIX – начале XX вв. в Маньчжурии образовался район товарного земледелия, специализировавшийся на производстве зерна и бобовых продуктов на экспорт. Таким образом, КВЖД объективно сыграла важную роль в развитии экономики Маньчжурии.

4. Железная дорога оказывала непосредственное влияние на внешнюю торговлю Северо-Восточного Китая, обеспечивая выход сельскохозяйственной продукции Маньчжурии на внешний рынок.

Китайско-Восточная железная дорога оказала большое влияние на развитие сельского хозяйства Маньчжурии, которое стало специализироваться на производстве товарного зерна и бобовых культур на экспорт (табл. 1).

Таблица 1

Перевозка зерна по КВЖД 1903–1917 (тыс. т) [3, с. 260]

Год	Количество	Год	Количество	Год	Количество
1903	116	1908	275	1913	574
1904	53	1909	413	1914	539
1905	54	1910	535	1915	866
1906	86	1911	736	1916	764
1907	195	1912	582	1917	1,002

Из отраслей обрабатывающей промышленности наибольшее развитие получило мукомольное дело. Были построены маслостоловые, мыловаренные, кожевенные, кирпичные заводы, табачные фабрики. Примечательно, что до Русско-японской войны 75% всех крупных предприятий в Маньчжурии было сосредоточено в узловом пункте КВЖД – г. Харбине.

5. Происходил существенный рост торговли с Россией.

Война активизировала русско-китайскую торговлю на Дальнем Востоке, прежде всего ввиду необходимости обеспечения больших контингентов русских войск в Маньчжурии (табл. 2).

Таблица 2

Перевозка грузов по КВЖД 1903–1917 гг. (тыс. тонн) [3, с. 260]

Год	Перевозки в Маньчжурии	%	Экспорт	%	Импорт	%	Транзит	%	Всего	% соотн.
1903	278.0	85	6.0	2	24.9	8	17.0	5	325.9	100
1904	83.9	58	23.4	16	33.3	23	3.4	3	144.0	100
1905	107.1	46	43.5	19	69.7	30	11.0	5	231.3	100
1906	195.3	47	53.3	13	127.9	31	38.4	9	414.9	100
1907	173.7	39	167.0	38	42.5	10	59.0	13	442.2	100
1908	222.8	41	217.9	40	47.5	9	58.9	11	547.1	100
1909	150.7	21	386.6	53	136.0	19	58.9	8	732.2	100
1910	224.4	24	496.3	52	155.6	16	70.4	7	946.7	100
1911	242.4	20	719.1	59	190.0	15	75.4	6	1,226.9	100
1912	242.4	22	550.4	49	234.2	21	90.1	8	1,117.1	100
1913	244.1	21	553.7	48	270.3	23	96.6	8	1,164.7	100
1914	226.1	21	506.1	47	270.3	25	83.5	8	1,086.0	100
1915	316.1	17	778.1	43	312.9	17	406.2	22	1,813.3	100
1916	407.9	20	633.9	32	314.5	15	730.5	35	2,086.8	100
1917	404.6	20	981.2	49	332.5	16	303.0	15	2,021.3	100

Следует отметить, что КВЖД и русские предприятия в Маньчжурии ускорили развитие ее промышленности, сельского хозяйства и торговли. Введение в эксплуатацию КВЖД отразилось на динамике русско-китайской торговли, возрос товарооборот России с Китаем, оживилось судоходство по приграничным рекам, Маньчжурия превратилась из отсталой окраины Цинской империи в промышленно развитый по сравнению с другими областями Китая регион.

Для того, чтобы оттенить некоторые отрицательные последствия проекта для России, отметим общие черты в экономическом состоянии русского Дальнего Востока и Маньчжурии на рубеже XIX–XX вв.:

- редкозаселенность, слабоосвоенность и экономическая неразвитость регионов.

На современных картах Маньчжурия включает три провинции КНР: Хэйлунцзян, Цилинь и Ляонин. В экономическом и политическом отношении русский Дальний Восток и Маньчжурия во второй половине XIX в. имели много сходных черт. Русский Дальний Восток был окраиной Российской империи, Маньчжурия – окраиной Цинского Китая. Существование в России феодальных пережитков тормозило социально-экономическое развитие русского Дальнего

Востока; цинское правительство еще более консервировало феодальные отношения в Маньчжурии как в домене правящей династии. В те же годы определилась роль русского Дальнего Востока и Маньчжурии как рынков сбыта промышленной продукции и поставщиков сырья, а также арены столкновения интересов капиталистических держав;

- наличие в пределах регионов богатых ресурсов.

В то же время следует отметить ущерб, нанесенный «маньчжурским вариантом» национальным интересам России:

– поскольку железная дорога пролегла по территории чужого государства, она была подвержена воздействию любого политического осложнения на Дальнем Востоке;

– российские капиталы вкладывались в развитие чужой территории в ущерб задачам экономического и хозяйственного развития, равномерного заселения русского Дальнего Востока. Замедлялось освоение района среднего течения Амура;

– первоклассная железнодорожная артерия с системой обслуживания создавалась на русские капиталы в Маньчжурии, а не на Дальнем Востоке. Участок Транссибирской железной дороги западнее Хабаровска был сдан лишь в 1915 г.;

– наблюдался преимущественный рост экспорта русского капитала в сравнении с количеством товарного экспорта России в Китай.

В период с 1895 по 1914 г. инвестиции России в Китай значительно превышали стоимость экспортируемых ею в эту страну товаров. Особенно бурно происходил вывоз русского капитала в Китай в 1895–1904 гг., когда вся Маньчжурия находилась в сфере влияния царской России. Общая сумма этих инвестиций более чем в 5,5 раза превышала стоимость товарного ввоза России в Китай за тот же период.

Царская Россия была первым государством, предоставившим Китаю крупный заем в 1895 г. в связи с предстоящей выплатой китайским правительством военной контрибуции Японии.

После заключения контракта на строительство КВЖД русский капитал избрал более выгодную сферу приложения – железнодорожное строительство.

Таким образом, постройка КВЖД явилась действенным фактором для экономического пробуждения и развития районов Северного Китая. КВЖД несла громадный потенциальный заряд развитию России, развитию отношений между двумя странами, который в результате последующего хода событий в России не был реализован.

1. Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги, 1896–1923 гг. Т. 1–2. – Харбин: Типографии Кит. Вост. жел. дор. и Т-ва «Озо», 1923.

2. Вэй Юань. 魏源 Хайго тучжи 海國圖志 (Описание заморских государств с [приложением] карт). 1-е изд. – Янчжоу, 1844 (50 цз.); 2-е изд. – Янчжоу, 1847 (60 цз.); 3-е изд. – Янчжоу, 1852 (100 цз.).

3. Тань Гуйлянь. 譚桂戀。中東鐵路的修築與經營 (1896–1917) : 俄國在華勢力的發展。Чжун-Дун телу ды суйчжу юй цзиньин (1896–1917) [Строительство и эксплуатация Китайско-Восточной железной дороги (1897–1917): расширение влияния России в Китае] 臺北市: 聯經。– Тайбэй: Изд-во Ляньцзин, 2016. – 624 с.

УДК 93/94

КВЖД КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ¹

Л.И. Галлямова,

д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии народов

Дальнего Востока ДВО РАН,

г. Владивосток

Анализируется значение Китайской Восточной железной дороги для социокультурного развития Северо-Восточного Китая. Освещены роль КВЖД в создании системы здравоохранения в полосе отчуждения, самоотверженная борьба медицинских работников с тяжелыми эпидемиями, их деятельность по охране здоровья не только русского, но и китайского населения. Большое внимание уделено деятельности КВЖД по организации системы народного образования для российских людей в Маньчжурии, а также для китайских детей и молодежи.

Ключевые слова: *Россия, Китайская Восточная железная дорога, Северо-Восточный Китай, здравоохранение, народное образование.*

CER AS A FACTOR OF SOCIO CULTURAL DEVELOPMENT OF THE NORTH EAST CHINA

L.I. Gallyamova,

Doctor of Historical Sciences Russian Academy of History,

Archaeology and Ethnography,

Vladivostok

The article analyzes the meaning of the Chinese Eastern Railway for the socio cultural development of North East China. The article covers the role of CER in the development of the healthcare system in the right of way, the selfless fight of medical workers with severe epidemics, their activities to protect health of not only Russian but also Chinese population. Significant attention is focused on the CER's activities to

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта 18-509-51001 НИФа «Малая Восточная Азия» на Дальнем Востоке России: исторический опыт и современные проблемы этнокультурного сосуществования россиян и мигрантов из Восточной Азии».

organize a system of public education for Russians in Manchzhuriya as well as for Chinese kids and youth.

Keywords: *Russia, Chinese Eastern Railway, North East China, healthcare, public education.*

Создание такого мощного, технически и экономически сложного предприятия, как Китайская Восточная железная дорога, имело огромные, долгосрочные и многообразные последствия для развития Маньчжурии, по территории которой она пролегла. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков верно подчеркнул: «...проведение рельсового пути всегда вносит оживление даже в культурные, густонаселенные местности; тем более велико ... влияние ... железной дороги, прорезавшей ... пустынную страну» [1. Ф. ПЗ, Д. 2863. Л. 46]. Несомненно, сооружение КВЖД не могло не сказаться на социокультурной эволюции Северо-Восточного Китая, в первую очередь – на развитии медицины и образования.

Уже в самом начале деятельности строители столкнулись с большими сложностями: «Бытовые условия края представляли значительные препятствия: скученность населения, при самых антисанитарных условиях жизни и быта, недоверие к европейцам и к принимаемым ими мерам, необходимость соблюдения этих мер, упорные сокрытия случаев заболевания и смерти от чумы, наконец, освященный веками обычай не хоронить немедленно тела умерших, а держать их продолжительное время на поверхности земли в открытых гробах, – все это представляло, несомненно, самую благоприятную почву для распространения заразы, парализовало принимаемые Обществом меры» [7, с. 175].

Закономерно, что одной из важнейших задач управления дороги стало формирование сети лечебных учреждений и организация медицинской помощи. Уже в начале строительства в целях охраны здоровья служащих и рабочих создана врачебная часть из 24 врачей и 75 фельдшеров, которую возглавил старший врач доктор Полетика. Вся линия железной дороги разделена в санитарном отношении на 20 участков, состоявших в ведении участковых железнодорожных врачей, при определении числа лечебных учреждений было принято за норму от 10 до 30 кроватей на 1000 чел. Было решено устроить лечебные учреждения на 1050 кроватей, всего учреждено 9 постоянных больниц (на ст. Харбин, Пограничная, Дальний, Хайлар, Бухэду, Цицикар, Ханьдаохэцзы, Гунжулин и Ляоян) и 20 приемных покоев по 5 кроватей каждый (в Харбине – на 150 кроватей), для душевнобольных в Харбинской больнице создано особое отделение на 20 кроватей, кроме того, выделено 5 мест во Владивостокской психиатрической больнице [8, с. 211; 7, с. 184; 1. Ф. ПЗ. Д. 2863. С. 210–211].

Широко поставленная деятельность медицинской части дороги позволяла обеспечивать необходимое лечение служащим дороги и членам их семей, а также приходить на помощь китайскому населению, что явилось одним из важных факторов в деле привлечения симпатий местного населения. Первым тяжелым испытанием в этом плане оказалась эпидемия чумы, вспыхнувшая в 1899 г. в г. Инкоу. Правление Общества КВЖД при участии директора российского института экспериментальной медицины и других специалистов и лиц, уже принимавших ранее участие в борьбе с чумой в Средней Азии, раз-

работало общий план необходимых мероприятий, который по телефону был сообщен главному инженеру. В Маньчжурию командирован отряд под руководством камергера С.В. Александровского в составе 2 офицеров для поручений, одного делопроизводителя, 6 врачей, 10 фельдшеров, 2 студентов-медиков, 2 сестер милосердия и 10 санитаров, закуплена и доставлена в необходимом количестве недавно созданная русским врачом В.А. Хавкиным противочумная сыворотка и другие нужные лекарства и медикаменты, построены бараки для больных, учреждены врачебно-наблюдательные пункты и т.д. Общее руководство борьбой с эпидемией было возложено на главного инженера вплоть до прибытия на место командированных из Европейской России санитарных отрядов [1. Ф. ПЗ. Д. 2136. С. 32, 35].

Под руководством С.А. Александровского, прибывшего по поручению Правления Общества в качестве особо уполномоченного на Дальнем Востоке во главе отдельного санитарного отряда, была проделана колоссальная работа.

В Инкоу, где сконцентрировалось до 14 тыс. китайских рабочих, были построены громадные бараки, бани, поставлено несколько огромных котлов для варки китайской пищи, устроены амбулаторная больница и покой на 15 кроватей, дезинсекционная камера и пр., т.е. сделано всё для предупреждения распространения чумы. Обращение с ожидавшими людьми на пункте было весьма гуманным: цена на пищу доведена до минимума, горячий кипяток раздавался бесплатно. Все припасы покупали оптом, и их осматривали врачи. Строгий контроль стали вести подрядчики. Среди приходивших на пункт безработных было много тифозных, которых немедленно определяли в больницу в Дашицяо либо оставляли в местной амбулаторной больнице. Больные выстраивались огромной длинной вереницей в ожидании помощи, среди них многие были с заболеваниями глаз. Больницы вдоль всей линии были переполнены, фельдшеры страшно перегружены, поскольку для осмотра и наблюдения за многотысячной массой имелось всего 60 фельдшеров, и амбулаторный приём доходил до 90 чел. в день (в частности, в г. Мукдене). Ценой огромных усилий и напряжения в 1901 г. чуму удалось остановить [7, с. 180–183].

Формирование медицинского персонала на территории дороги осуществлялось из специалистов двух структурных подразделений: железнодорожного, куда входили главный врач, его помощник, врач-бактериолог, 22 больничных врача, 20 участковых, 7 фармацевтов и 98 фельдшеров, а также из медиков Заамурского военного округа, к ним относились окружной врач, врач для командировок, 4 старших и 17 младших врачей, фармацевт, 156 фельдшеров. В начале эксплуатации врачебно-медицинский персонал КВЖД насчитывал 68 врачей, 8 фармацевтов, 254 фельдшера, 24 фельдшерницы-акушерки (не считая младшего персонала – сиделок, медсестер, уборщиц, санитаров, истопников, сторожей и т.д.) [8, с. 212; 5, с. 84].

В 1902 г. вспыхнула тяжелая холерная эпидемия, начавшаяся в Инкоу 24 мая, причем болезнь быстро распространялась. К 14 июня в Инкоу заболело 306 чел., из них умер 271 чел, т.е. смертность составила 88,5%. Столь громадный процент объяснялся тем, что китайцы скрывали своих больных и объявляли только о безнадежных случаях, в результате много холерных трупов обнаруживалось на улицах. В распоряжение главного инженера из России был экстренно командирован специальный отряд в составе 10 врачей,

15 фельдшеров и 5 сестер милосердия, высланы все необходимые дезинфекционные лечебные средства и выработаны при участии компетентных учреждений и лиц применительно к особенностям местных условий правила и инструкции для предупреждения развития эпидемии. В Инкоу командирован заместитель главного инженера вместе со старшим и 4 участковыми врачами дороги. Образованы были особые санитарно-исполнительные комиссии: одна в Инкоу и две в Харбине. В Инкоу больных китайских рабочих помещали в чумном бараке, для дорожных рабочих были спешно выстроены новые бараки, на 4 станциях учреждены врачебные наблюдательные пункты, на трех станциях южной линии установлен осмотр пассажиров врачами, все пассажирские поезда снабжены санитарными вагонами при фельдшерах и аптеках [1, с. 30–39; 7, с. 37].

17 июня появились первые случаи заболеваний в Харбине. Сразу же город был разбит на 5 районов, каждый из которых поручен ведению особой комиссии, районы разбиты на несколько участков или попечительств. В распоряжении попечителя состояли санитары, обозные рабочие и дезинфекционные средства. В каждом районе устроены холерные бараки, а занятая жильем площадь подвергалась тщательной очистке и дезинфекции, гостиницы, рестораны и лавки съестных припасов подчинены строгому надзору попечителей. В широких масштабах организована бесплатная выдача горячей воды и чая для рабочих, сформирован обоз для перевозки больных и погребения умерших. Для предупреждения заболеваний на линии учрежден осмотр поездов на 9 станциях, также устроены холерные бараки, на 15 станциях работали бригады врачей и фельдшеров. Максимальное количество заболеваний зарегистрировано 26 июня, затем волна стала спадать.

Эпидемия холеры 1902 г. как по силе распространения, так и по смертности оказалась очень тяжелой, её жертвами стали и представители медицинского персонала. Так, молодой доктор Э.К. Маурах, весь день принимавший многочисленных больных, остался на всю ночь дежурить в больнице. После дежурства он почувствовал себя плохо. И хотя были приняты экстренные меры помощи, его сердце остановилось. Умер также фельдшер Фешук, на линии жертвой эпидемии холеры стал врач Вольф [7, с. 38].

За пределами полосы отчуждения дороги эпидемия приняла очень большие размеры, она охватила почти все города, и в большинстве многолюдных из них произвела значительные опустошения. Особенно пострадали Цицикар, Хуланчен, Ашихэ, Хайлар, Бодунэ и Тьенил [1. Ф. ПЗ. Д. 2136. С. 30–39; 6, С. 242].

После Русско-японской войны и передачи Японии южной ветви – Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), сеть лечебных учреждений на КВЖД несколько сократилась: к 1909 г. дорога делилась на 14 врачебных участков, имела 6 больниц и 14 приемных покоев; самой большой была центральная больница в Харбине – на 334 кровати [6, 1909, № 15, с. 662].

Обычное среднестатистическое число больных, получавших стационарное лечение, составляло 580–600 чел., из них лишь около 30% железнодорожники, остальные – чины Заамурской железнодорожной бригады и частные лица. В 1911 г. общая численность врачебно-санитарной службы составляла 401 чел., в том числе 18 больничных врачей, прозектор, бактериолог, 82 фельдшера, 22 акушерки, 2 провизора, 4 фармацевта. Кроме того, были созданы врачебно-

полицейский надзор в составе 16 чел. и ветеринарно-санитарный надзор из 49 чел. (6, 1911, № 19, с. 15].

В 1910–1911 гг. население Маньчжурии постигло огромное бедствие: 6 октября 1910 г. в китайском городе Фуцзядянь (пригород Харбина) вспыхнула тяжелейшая эпидемия лёгочной чумы. Эпидемия стремительно разрасталась. Вблизи ночлежек, опиекурилен, разнообразных притонов валялись разлагавшиеся трупы умерших от чумы людей, их не успевали вывозить на кладбище. Очень скоро стали появляться случаи заражения чумой и среди русских, служащих дороги, а также иностранцев, проживавших в Харбине [3, с. 132].

Обеспокоенное правление Общества КВЖД предприняло ряд мер по проведению обсервации больных и закрытию китайских ночлежек, харчевен и других заведений, где скапливалось значительное число людей. Решение первоначальных задач легло на плечи главного врача железной дороги Ф.А. Ясенского и его помощника Э.П. Хмара-Борщевского. Для руководства борьбой с эпидемией в пределах полосы отчуждения при Управлении КВЖД была создана Главная санитарно-исполнительная комиссия (ГСИК), во главе с 13 подкомиссиями по линии, а также образована городская Харбинская санитарно-исполнительная комиссия. Все созданные организации были снабжены инструкциями и необходимыми средствами дезинфекции. Сразу же после обнаружения чумы на станции Маньчжурия запретили въезд в Россию китайцев без предварительной обсервации на станциях Маньчжурия и Пограничная [3, с. 133]. Одновременно Управление КВЖД официально обратилось к правительству России за помощью в ликвидации эпидемии, так как своими силами справиться с бедствием медицинская служба КВЖД была не в состоянии.

Россия направила в Маньчжурию специальный противочумный отряд во главе с проф. Д.К. Заболотным, в сопровождении студентов Томского университета и курсантов Петербургской военно-медицинской академии. В Харбине их встретили местные организаторы борьбы с чумой – помощник главного врача КВЖД Э.П. Хмара-Борщевский, член противочумного Бюро В.М. Богущкий, заведующий чумной больницей доктор Хавкин и др. Вместе с русскими врачами работала и группа французских специалистов – врач-бактериолог Ж. Менье (Мени) и приехавшие с ним сёстры милосердия [3, с. 34; 10, с. 87].

В результате к началу 1911 г. в противочумных медицинских и вспомогательных организациях КВЖД сложился штат высококвалифицированных врачей, фельдшеров, санитаров. Определилась структура Бюро, включавшего в себя мобильный отряд по выявлению и транспортировке больных и трупов, 10 санитарных пунктов, 4 дезинфекционных отряда, 7 врачебно-пропускных пунктов, 3 прививочных пункта, разведывательный отряд, 2 бактериологических лаборатории, противочумный пункт с бараками (обсерватории), или Московский чумной пункт, а также ряд других учреждений [3, с. 134]. В задачи Бюро входило: усиление врачебной помощи населению, улучшение социально-бытовых условий малоимущего населения, выявление очагов чумы и фиксация всех больных чумой, устройство ночлежек, пунктов питания, медицинских пунктов для осмотра больных и дезинфекция жилищ.

Экспедиция врачей, прибывшая из России, привезла с собой вакцину и сыворотку, результативность которых была доказана докторами В.М. Богучкиным, Г.И. Марголиным и др. Специальное совещание врачей приняло решение о всеобщей вакцинации (иммунизации) медицинского персонала города и служащих КВЖД [10, с. 88–89].

Начальник противочумного отряда Д.К. Заболотный потребовал от администрации КВЖД изыскания средств на улучшение жилищных и санитарных условий для многочисленных китайских бездомных. Власти дороги выделили дополнительные финансовые и материальные ресурсы, открыли по всей линии КВЖД специальные ночлежно-питательные пункты (НПП) для малоимущих и бездомных китайцев. НПП представляли собой железнодорожные вагоны-теплушки, поставленные на станции Харбин в Механическом тупике. Каждый попадавший сюда бездомный китаец обеспечивался кроватью и бесплатным питанием, получал медицинскую помощь [3, с. 135].

Несмотря на то, что практически весь персонал русских врачей имел противочумные прививки, смертность среди них была значительной из-за тяжелых условий работы. Особенно высокая смертность была среди санитаров, которым приходилось разыскивать и перевозить трупы, сжигать их и т.д. Всего за ноябрь 1910 – февраль 1911 г., т.е. за 4 месяца эпидемии, в Маньчжурии погибли 942 медицинских работника, в том числе 8 врачей, 4 студента-медика, 6 фельдшеров и 924 санитар. В пределах одной лишь полосы отчуждения железной дороги заболело и умерло 53 европейца и свыше 2000 китайцев [8, с. 25; 10, с. 86].

В целом чума унесла не менее 100 тыс. чел. Пострадало не только местное китайское население, но и те, кто пришел на помощь – русские, французы, американцы. Лишь благодаря решительным действиям Управления КВЖД, правильной организации работ и самоотверженной деятельности врачей, всего медицинского персонала остановить тяжелейшую чумную эпидемию удалось к концу апреля 1911 г. [3, с. 132].

С началом строительства КВЖД не менее актуальной проблемой стала необходимость развития образовательного процесса. Дело в том, что большинство рабочих составляли китайцы (численность которых в разгар строительства достигала 200 тыс.). Мастерских среди китайцев было ничтожно мало, преимущественно каменщики и рабочие по выделке кирпича. За некавалифицированными рабочими требовался напряженный надзор, обеспечить который невозможно было без грамотных переводчиков, которые являлись важнейшими участниками работ, ибо нельзя было поставить во главе рабочей партии десятника «без языка» [1. Ф. ПЗ. Д. 2136. С. 23].

С целью решения этой проблемы администрация дороги устроила на месте несколько школ для китайцев по изучению русского языка. По инициативе Председателя Правления Общества сановника Сюй Цзинчэна была учреждена в Пекине «Школа русского языка Китайской Восточной железной дороги». Средства на содержание этой школы отпускало китайское правительство, а выбор учителей предоставлен был Обществу, принявшему на себя обязательство, по мере возможности, предоставлять ученикам, успешно окончившим школу, место на дороге. Для подготовки кадров русских переводчиков при отделении Правления Общества в Пекине было организовано изучение китайского языка, куда приглашались молодые люди, окончившие

восточный факультет университета, а также несколько человек со средним, преимущественно, коммерческим образованием [8, с. 19].

Приток на строительство специалистов из России, многие из которых приезжали вместе с семьями и детьми, актуализировал вопрос о развитии школьного образования. Правление дороги, получившее по договору о постройке КВЖД право на развитие своей школьной сети и культурно-просветительной деятельности, принимает меры по устройству школ. На средства правления КВЖД первая школа в декабре 1898 г. была открыта в районе старого Харбина (позднее называлась Старохарбинская). Первоначально в эту школу поступило всего 11 детей, на следующий год – 20, обучение было бесплатным. Следом стали создаваться и другие школы: в 1899 г. в Харбине открылась Первая сунгарийская школа, в 1902 г. – вторая, в 1900–1903 гг. учебные заведения появились на ст. Пограничная, Бухэду, Ханьдао-хэцзы и др. [4, с. 62].

Развитием школьного дела занимался Учебный отдел КВЖД, под руководством талантливого организатора Н.В. Борзова [6, 1909, № 20, с. 80]. Школьная сеть на КВЖД заметно росла, и через 10 лет в полосе отчуждения действовало уже 20 школ, из них 9 двухклассных, а остальные – одноклассные (из числа всех школ 4 располагались по линии Уссурийской железной дороги, которая была передана в эксплуатацию Обществу КВЖД в 1906 г.), из 4200 детей школьного возраста в школах обучались 3050 чел., или 72%. За весь десятилетний период в школах было 158 преподавателей и 5856 учащихся. К 1909 г. все преподаватели имели свидетельства на звание учителя, из них 2 имели высшее образование, 20 – образование учительской семинарии, 16 – права восьмиклассной женской гимназии, 1 – реального училища, 4 – духовной семинарии, 6 – дипломы других средних учебных заведений и 6 – низших образовательных учреждений [2, с. 356].

Большое образовательное и культурно-просветительное значение имело открытие в 1906 г. харбинских Коммерческих училищ – мужского (в феврале) и женского (в сентябре), финансовую поддержку которых осуществляло Общество КВЖД. В 1909 г. во время пребывания в Харбине российского чиновника особых поручений Министерства финансов Л.Н. Вентцеля депутаты от мастеровых подали ему просьбу открыть в Харбине на средства дороги технические классы (то же, что и железнодорожное техническое училище) под ведомством учебного отдела дороги для своих детей и вообще окончивших 2-классное училище, представив при этом подробную программу [6, 1909, № 21, с. 853]. К 1911 г. технические классы при Харбинских главных мастерских были открыты, а также – 3-классная торговая школа.

В 1911 г. на КВЖД функционировало 25 начальных железнодорожных школ, в них насчитывалось 2335 учащихся и 63 преподавателя (из которых на Уссурийской железной дороге – 7 школ, 510 учащихся, 13 преподавателей). Кроме того, Общество КВЖД финансировало в Харбине мужское и женское Коммерческие училища, 3-классную торговую школу и технические классы при Харбинских главных мастерских. В Харбине действовали 2 частных женских гимназии, частное мужское учебное заведение 1-го разряда, еврейское училище, 5 начальных школ и школа-приют для детей Заамурского Округа пограничной стражи [6, 1911; № 19, с. 15].

Общество КВЖД оказывало финансовую поддержку строительству не только русских школ, но и школ по изучению русского языка. По инициативе управляющего КВЖД генерала Д.Л. Хорвата управление дороги выделило кредит на учреждение русско-китайских школ в полосе отчуждения КВЖД, были открыты школы по изучению русского языка в Харбине, Гирине, Мукдене и других городах Маньчжурии. У китайских учащихся, получивших начальное образование в русских школах Маньчжурии, появлялась возможность для дальнейшей учебы в России [11, с. 37].

Распространялась практика совместного обучения русских и китайских детей, поддержанная китайской стороной. В 1903 г. открылись Образцовая русско-китайская школа в Харбине и школа для китайских детей в Цицикаре, в них учились соответственно 20 и 35 китайских подростков. Обучение велось параллельно на русском и китайском языках [4, с. 62].

К 1920 г. на линии КВЖД действовало уже около ста учебных заведений: начальных, высших начальных училищ, гимназий, профессиональных и пр., в том числе более 10 учебных заведений для детей служащих китайской национальности. 2 апреля 1922 г. в Харбине на базе Русско-Китайского техникума был открыт Харбинский политехнический институт – первый русский вуз за пределами России.

В целом, участие КВЖД в социокультурном развитии Северо-Восточного Китая трудно переоценить. Достаточно эффективной была деятельность Общества КВЖД по созданию системы врачебно-медицинской помощи, которая сыграла важную роль в обеспечении необходимого жизненного уровня железнодорожников и членов их семей, всего русского населения, существенно снизила возможность эпидемий и уровень заболеваемости окрестных китайских жителей. Довольно ярко проявило себя Общество КВЖД в деятельности по организации и развитию образования. Администрация дороги проделала огромную работу по формированию системы народного образования: благодаря созданным учебным заведениям дети россиян, проживавших в Маньчжурии, могли получать начальное и среднее образование, а также профессиональное образование, могли учиться и китайские дети. Китайская Восточная железная дорога через развитие системы здравоохранения и народного образования способствовала распространению грамотности, формированию интеллигенции, повышению уровня культуры в регионе.

1. Российский государственный исторический архив.

2. Амурский М. К десятилетию открытия железнодорожных школ на территории Китайской Восточной железной дороги // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. Еженедельный внепартийный журнал. Харбин. 1909. № 8. С. 356–358.

3. Белоглазов Г.П. Жертвы «Чёрной смерти» (к 100-летию подвига русских врачей в Маньчжурии) // Ойкумена: региональные исследования. Владивосток. 2011. № 1. С. 132–136.

4. Василенко Н.А. Первые русские учебные заведения в Маньчжурии // Вестник ДВО РАН. – Владивосток: Дальнаука, 2000. № 2. – С. 61–68.

5. Галямова Л.И. Организация системы врачебно-медицинской помощи на КВЖД // КВЖД и ее влияние на развитие политических, социально-экономических и культурных процессов в Северо-Восточной Азии: тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию КВЖД. – Владивосток, 1997. С. 83–85.

6. Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. Еженедельный внепартийный журнал. Харбин, 1909. № 8, 15.
7. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923 гг. / сост. Е.Х. Нилус. – Харбин: Тип. КВЖД и Т-ва «ОЗО», 1923. Т. 1. – 690 с.
8. Китайская Восточная железная дорога: исторический очерк / сост. канцелярией правления Общества КВЖД. Т.1. (1896–1905 гг.). – СПб., 1914. – 500 с.
9. Китайская Восточная железная дорога: очерк коммерческой деятельности за 15 лет существования. – СПб., 1912. – 50 с.
10. Петрович Г.П. Подвиг русских врачей (чума в Маньчжурии 1910–1911 гг.) // КВЖД и ее влияние на развитие политических, социально-экономических и культурных процессов в Северо-Восточной Азии: тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конференции, посвящ. 100-летию КВЖД. – Владивосток, 1997. С. 85–89.
11. Тутаев М.З. У истоков русско-китайских революционных связей (1905–1911 гг.). – Казань: Татар. книгоиздательство, 1961. – 179 с.

УДК 93/94

ДЕНЬГИ КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ: БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

М.Б. Сердюк,
д-р ист. наук, профессор
член ПКО ВОО «РГО» – ОИАК

Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток

В 1918 г. Русско-Азиатский банк выпустил в обращение серию бумажных купюр для обеспечения работы Китайско-Восточной железной дороги. В статье представлен очерк развития исследований по истории этих денег через русскоязычную библиографию.

Ключевые слова: *Китайско-Восточная железная дорога, Русско-Азиатский банк, денежное обращение, бонистика, библиография.*

MONEY THE CHINESE – EASTERN RAILWAY: A BIBLIOGRAPHIC ESSAY

M.B. Serdyuk,
Doctor of History, Professor,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok

In 1918, the Russian-Asian Bank issued a series of banknotes to ensure the operation of the Sino-Eastern railway. The article presents an essay on the development of research on the history of this money through the Russian bibliography.

Keywords: *Chinese-Eastern railway, Russian-Asian Bank, money circulation, bonistics, bibliography.*

Участие Российской империи в Первой мировой войне сопровождалось сильнейшим экономическим кризисом, в том числе и нарушением денежного обращения. Революции, начавшаяся Гражданская война и иностранная военная интервенция лишь усугубляли положение. Характерной особенностью этих лет стал острый недостаток наличных денег и появление в обращении разнообразных денежных суррогатов.

В 1918 г. проблема нехватки наличных денег встала перед крупнейшим предприятием русского Дальнего Востока – Китайско-Восточной железной дорогой и Русско-Азиатским банком, который обслуживал Акционерное Общество КВЖД. Решением проблемы, в духе времени, стала эмиссия собственных бу-

мажных денежных знаков (бон). Русско-Азиатский банк заказал выпуск купюр в «American Bank Note Company» (США). В декабре 1918 г. денежные знаки выпустили в обращение. Население их приняло, т.к. за ними был авторитет КВЖД и банка. В конце 1920 г. они стали постепенно изыматься из обращения, но значительная часть купюр осталась на руках.

За бонами Русско-Азиатского банка закрепилось несколько народных названий: деньги КВЖД, «деньги с паровозиком» (по основному рисунку на всех номиналах купюр), «харбинские рубли» (по месту выпуска в хождение), «хорватовки» (по фамилии Управляющего КВЖД генерала Д.Л. Хорвата).

С окончанием Гражданской войны на юге Дальнего Востока России завершилось время обращения денег КВЖД. Они стали памятником своей исторической эпохи и объектом коллекционирования. Отметим, что денежные эмиссии 1917–1922 гг. подтолкнули в России развитие коллекционирования бумажных денег и денежных суррогатов – бонистику, ставшую массовым увлечением в 1920-е гг. и в стране, и в российской эмиграции за границей.

Первые печатные издания, в которых описывалось и анализировалось денежное обращение 1917–1922 гг., классифицировались виды дензнаков, появились сразу после завершения Гражданской войны. В нашей статье даётся историко-библиографический обзор публикаций о «харбинских рублях», вышедших на русском языке в Советском Союзе, в России и за границей.

В 1924 г. сведения о существовании и обращении бон Русско-Азиатского банка включены в ведомственное издание – отчёт Дальне-Восточного акционерного банка за 1923 г. [14]. Дальний Восток был окраиной страны, на которой только в конце 1922 г. завершилась Гражданская война и иностранная военная интервенция, советская денежная система здесь только устанавливалась, а последствия местных эмиссий ещё не были полностью пережиты. Эти обстоятельства привели к появлению в отчёте банка раздела «Очерк развития денежного обращения на русском Дальнем Востоке с 1918 по 1924 г.», в котором приводились краткие сведения обо всех значимых эпизодах «местного денежного творчества». В их числе упоминается, что в полосе отчуждения КВЖД «были выпущены «боны Русско-Азиатского банка», («Хорватовские»») [14, с. 29].

В том же году этот раздел банковского отчета был опубликован как самостоятельная брошюра. Упоминание о бонах КВЖД также находится в параграфе «Местное денежное кустарничество» [11].

В 1924 г. вышла из печати книга А.И. Погребецкого «Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914–1924)», ставшая на многие десятилетия не только самым подробным, но и самым авторитетным изданием по истории денежного обращения и бонистике в Дальневосточном регионе [17]. А.И. Погребецкий – участник Гражданской войны в Сибири, экономист, сотрудник банков, бонист, эмигрант, на основе документов показал историю разнообразных региональных эмиссий. В их числе подробно представлен выпуск бон Русско-Азиатского банка. Книга давно стала библиографической редкостью, но остаётся надёжным источником информации для профессиональных историков и коллекционеров.

Все публикации 1924 г. сделаны акционерным обществом «Книжное дело», одним из учредителей которого был Дальне-Восточный банк (Дальбанк) – советский заграничный банк с конторой в г. Харбине.

Становление отечественной бонистики как самостоятельной области коллекционирования, а затем и специальной исторической дисциплины потребовало появления справочной литературы. Многообразие отечественных денежных знаков нуждалось в систематизации и упорядоченном изложении информации. Первые каталоги бон появились вскоре после окончания Гражданской войны, буквально по свежим следам. В стране развивалось движение коллекционеров, в том числе коллекционеров-бонистов, что приводило к накоплению знаний и появлению специализированной литературы. Краткие сведения о денежных знаках Русско-Азиатского банка приводятся во всех сводных каталогах бон России, начиная с выпущенного в 1927 г. под редакцией Ф.Г. Чучина [9]. Это издание на несколько десятилетий стало настольной книгой для отечественных коллекционеров и сотрудников музеев.

Коллекционеры были в среде российских эмигрантов не только в Харбине, но и в Европе, и в США. Они объединялись в общества, участвовали в выставках, выпускали журналы и отдельные издания. Небольшие заметки о бумажных дензнаках полосы отчуждения КВЖД появлялись в журнале «Россика» – органе Русского зарубежного общества филателистов. Коллекционеры-эмигранты получали советские издания и откликались на них. Так, в 1935 г. вышла заметка с уточнениями к информации советского каталога под редакцией Ф.Г. Чучина [21].

В 1957 г. в «Россике», уже издававшейся в США, бонистом Н. Кардаковым опубликована маленькая, но информативная заметка о «хорватках» [8].

После каталога под редакцией Ф.Г. Чучина в Советском Союзе несколько десятилетий, вплоть до конца 1980-х гг., не появлялось нового каталога. Новый каталог бон был подготовлен и выпущен коллекционером-бонистом из эмигрантов Н.И. Кардаковым. Небольшая книга на двух языках, русском и немецком, увидела свет в Берлине в 1953 г. В ней указаны бонны Русско-Азиатского банка, отмечено наличие шести вариантов подписей на купюрах [7, с. 257].

В 1969 г. известный дальневосточный писатель и коллекционер-бонист Н.Д. Наволочкин (г. Хабаровск) выпустил небольшую по объему книгу «Дело о полутора миллионах», в которой увлекательно рассказал о перипетиях денежного обращения на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны [12]. В 1982 г. вышло второе дополненное издание [13]. Книга предназначена для широкой публики, содержит много интересных исторических фактов, написана в научно-популярном стиле и с идеологических позиций своего времени. Но поскольку оказалась уникальной (других подобных не появилось в советское время), до сих пор востребована коллекционерами и учёными.

Н.Д. Наволочкин упомянул и о бонах Русско-Азиатского банка, сделав акцент на том, что в обращении они приравнивались к курсу бумажных денег Российской империи. На купюрах «недвусмысленно говорилось, что они принимаются в кассах дороги «наравне с Государственными кредитными билетами образцов, находящихся в обращении до 1917 года включительно» [12, с. 39].

Коллекционирование бумажных денег и денежных суррогатов оставалось в Советском Союзе одним из популярных хобби. По всей стране действовали общества и группы коллекционеров. Бонны КВЖД всегда были востребованным, желанным в коллекции объектом, но новых публикаций о них не появлялось.

В 1990-е гг., несмотря на все сложности этого времени, на пространстве бывшего СССР развивается коллекционирование и появляются специализированные издания, в том числе и периодические. В них неоднократно уделялось внимание «харбинским рублям».

Легенда об изображении женской головки в клубах пара на «деньгах с паровозиком» публиковалась в газете «Всемирный коллекционер» [22]. Вопросы об особенностях обращения «хорватовок» подняли в статье, вышедшей в «Петербургском коллекционере», бонисты А. Жуков и Р. Николаев [3].

В конце XX в. подготовил и неоднократно переиздавал каталог бумажных денежных знаков бонист П.Ф. Рябченко (Украина). В сообществе коллекционеров его справочник признаётся наиболее универсальным и удобным. В каталоге приводятся основные сведения о бонах КВЖД и фотография купюры достоинством три рубля [20, с. 599].

В 1998 г. отмечалось столетие начала строительства Китайско-Восточной железной дороги и города Харбина. К юбилею Дальневосточная государственная научная библиотека (г. Хабаровск) выпустила альбом с фотографиями периода 1898–1945 гг. Составители постарались показать все стороны жизни русского города: строительство, торговлю, участие в Русско-японской войне, образование, общественную и культурную жизнь. Отдельная страница отведена под фотографии денежных знаков полосы отчуждения КВЖД, где есть и фотография «харбинского рубля» [16, с. 38].

На международной научной конференции, посвященной юбилею КВЖД, сообщение о денежном обращении в Харбине представили хабаровские бонисты А.И. Колосов и В.В. Чекунаев. Они охарактеризовали его как «автономное обращение», а его историю как «почти нетронутую исследователями» [10, с. 137]. Значительное место в сообщении отводилось бонам Русско-Азиатского банка: их выпуску и условиям обращения, особенностям купюр и легенде о человеческой голове в клубах пара.

Коллекционеры продолжали обобщать и публиковать накопленные знания. В 2002 г. в Хабаровске А.И. Колосов, Н.Д. Наволочкин и В.В. Чекунаев подготовили и выпустили каталог бон Дальнего Востока. Издание осуществил Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, имеющий большую коллекцию бумажных денежных знаков. В этом каталоге бонам полосы отчуждения КВЖД отведён отдельный раздел. О «харбинских рублях» представлена более подробная информация, чем в предыдущих каталогах [1, с. 88].

Дальнейшее развитие исследований коллекционеров привело к появлению специализированного каталога денежных знаков «русского» Китая. Это результат работы М.И. Истомина, бониста из г. Харькова (Украина). Издание наиболее полно представляет боны, обращавшиеся в населенных пунктах по линии КВЖД, содержит подробные сведения о купюрах. Денежным знакам Русско-Азиатского банка отведено несколько страниц с крупными фотографиями и подробными пояснениями [6, с. 139–148].

Постсоветский период отечественной исторической науки ознаменован расширением тематики и проблематики исследований, постановкой вопросов, которые ранее не рассматривались или едва затрагивались. Исследователи периода Гражданской войны стали уделять внимание не просто истории белых или антибольшевистских правительств (режимов) Сибири и Дальнего Востока, но и их внутренней политике, в том числе экономической, финансовой и денежной политике. Появились учёные, посвятившие этим темам диссертационные исследования.

Исследователь из Благовещенска Е.И. Пастухова в диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук анализировала финансовую политику и денежное обращение различных правительств на российском Даль-

нем Востоке в 1917–1924 гг. На основе диссертации выпущена монография, в которой уделено внимание денежному обращению в полосе отчуждения КВЖД. Упоминается и выпуск бон Русско-Азиатского банка [15, с. 83–84]. В приложении приводятся фотографии купюр номиналом 3 рубля и 100 рублей. В освещении темы автор опирается на работу А.И. Погребецкого.

Новосибирский историк В.М. Рынков в 1998 г. защитил диссертацию по теме «Экономическая политика контрреволюционных правительств Сибири (вторая половина 1918–1919 г.)» на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Диссертационное исследование легло в основу монографии, выпущенной в 2006 г. В ней автор неоднократно упоминает боны Русско-Азиатского банка в контексте анализа денежного обращения 1918–1920 гг. Новосибирский учёный отмечает, что «хорватовки» ценились на валютном рынке наравне с «романовскими» рублями, и оценивает их как наиболее авторитетный и грамотно организованный вид частных денег [19, с. 194].

В диссертации И.Ю. Денисова (2010 г.) боны КВЖД рассматриваются в главе «Денежные знаки необязательного обращения, выпущенные на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке». Автор рассматривает их как суррогатные деньги чрезвычайных обстоятельств, или «русские зарубежные» боны, или деньги необязательного обращения [2, с. 18–19]. Автор отметил, что эмиссии бон необязательного обращения в период Гражданской войны – яркий пример естественной саморегуляции в денежном обращении.

В эти же годы кроме диссертаций появляются статьи историков из разных регионов страны, в которых деньги КВЖД упоминаются в контексте денежного обращения или денежных эмиссий на Дальнем Востоке [4; 5; 18]. «Хорватовки» становятся иллюстрацией исторических событий.

Таким образом, денежное обращение в полосе отчуждения КВЖД в годы Гражданской войны и место в нём бон Русско-Азиатского банка не остались без внимания научного сообщества. За несколько лет «харбинские рубли» прочно вошли в научную литературу, хотя работ, в которых они исследуются, немного. Ряд вопросов об особенностях обращения, выводе из обращения этих денежных знаков не рассматривались и не поднимались в исследованиях.

Вводить в научный оборот документы о «харбинских рублях» из фондов отечественных архивов стал доктор исторических наук М.В. Ходяков (г. Санкт-Петербург). В 2007 г. были опубликованы документы 1919 г. о состоянии денежного обращения в полосе КВЖД [23]. В 2018 г. М.В. Ходяков, опираясь на источники из фондов Российского государственного исторического архива, подготовил и опубликовал статью о бонах Русско-Азиатского банка [24], в которой автор уточняет сведения из книги А.И. Погребецкого.

Сто лет назад боны Русско-Азиатского банка вышли в обращение, чтобы буквально через два года из средства обращения стать историческим курьёзом и предметом коллекционирования. Интерес к ним в среде бонистов был постоянным, у научного сообщества – сформировался в постсоветскую эпоху. Библиография показывает, что эти сообщества ведут изучение «харбинских рублей» обособленно друг от друга.

1. Боны Дальнего Востока. 1917–1922 гг.: каталог с иллюстрациями / сост. Л.И. Колосов, Н.Д. Наволочкин, В.В. Чекунаев. – Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2002. – 148 с.

2. Денисов И.Ю. Денежное обращение и денежно-финансовая политика на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1917–1922 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2010. – 22 с.
3. Жуков А., Николаев Р. Боны Китайско-Восточной железной дороги // Петербургский коллекционер. 2003. № 4(25). С. 14–18.
4. Ипполитов С.С. Финансовая интервенция в Белую Россию // Новый исторический вестник. 2000. № 1 (1). С. 12–23.
5. Ипполитов С.С. Деньги войны: финансовая агрессия против белой Сибири // Экономический журнал. 2016. № 3 (43). С. 179–195.
6. Истомин М.И. Денежные знаки «Русского Китая»: каталог. – Харьков: Издатель Иванченко И.С., 2014. – 352 с.
7. Кардаков Н.И. Каталог денежных знаков России и Балтийских стран, 1769–1950. – Берлин, 1953. – 446 с.
8. Кардаков Н. Хорватки // Россика. Орган Русского зарубежного филателистического общества. 1957. № 51. С. 33–34.
9. Каталог бон и дензнаков России, РСФСР, СССР, окраин и образований. (1769–1927) / под ред. Ф.Г. Чучина. – 3-е изд. – М.: Советск. филателистич. ассоциация при Комиссии ВЦИК фонда им. В.И. Ленина помощи беспризорным детям, 1927. – 169 с.
10. Колосов Л.И., Чекунаев В.В. Автономное денежное обращение в Харбине (1903–1924 гг.) // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 1–3 июня 1998 г.) / Дальневост. гос. науч. б-ка. Хабаровск: Частная коллекция, 1998. С. 137–140.
11. Курсель К.П., Лукасюк А.А. Денежное обращение на русском Дальнем Востоке с 1918 по 1924 гг. – Чита: Книжное дело, 1924. – 63 с.
12. Наволочкин Н.Д. Дело о полутора миллионах. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1969. – 115 с.
13. Наволочкин Н.Д. Дело о полутора миллионах. – 2-е изд., доп. – Хабаровск, 1982. – 144 с.
14. Отчёт Дальне-Восточного Акционерного Банка за 2-й операционный год: январь-сентябрь 1923 год. – Чита: Книжное дело, 1924. – 56 с.
15. Пастухова Е.И. Финансово-денежная деятельность политических режимов на Дальнем Востоке России. 1917–1924 гг. – Благовещенск: Ам. обл. краевед. музей им. Г.С. Новикова-Даурского, 2005. – 174 с.
16. Планета Харбинь: [КВЖД, г. Харбин, 1898–1945 гг.] / Дальневост. гос. науч. б-ка; авт.-сост.: А.И. Букреев и др. – Хабаровск: Част. коллекция, 1998. – 56 с.
17. Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914–1924) = Monetary circulation and currency in the Far East during the war and revolution (1914–1924) Харбин: О-во изучения Маньчжур. края. – Чита: Дальневост.-Сибир. о-во «Книжное дело», 1924. X. – 419 с.
18. Рогов Г.И. Денежное обращение в полосе отчуждения Китайско-восточной железной дороги // История Белой Сибири: Материалы 4-й международной научной конференции 4–5 февраля 2003 г. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. С. 93–98.
19. Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). – Новосибирск, 2006. – 212 с.

20. Рябченко П.Ф. Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России, СССР, стран СНГ. (1769–1994 г.). – Киев: Изд.-культур. центр «София», 1995. – 670 с.

21. Строганов Ф. О бонахъ и денежных знаках полосы отчуждения бывшей Китайско-Восточной ж.д. // Россика. Органъ Русскаго общества филателистовъ въ Югославіи. 1935. № 22. С. 209–211.

22. Устиновский В.Н. Харбинский паровоз // Всемирный коллекционер. 1997. № 11-12 (19–20).

23. Ходяков М.В. «Существует целая наука, как разбираться в сибирских деньгах». К истории денежного обращения в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2007. № 2. С. 163–168.

24. Ходяков М.В. Китайско-Восточная железная дорога и эмиссия бон Русско-Азиатского банка в 1918–1919 гг. // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 2. С. 355–367.

Раздел 2. СОЦИАЛЬНЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСТОЧНОЙ ВЕТВИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

УДК 908 + 913

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ТОПОНИМИКИ НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЯ (В ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН И АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ)*

И.Ю. Зуенко

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток*

В статье приводятся данные китайских источников (документы по линии гражданской администрации провинции Хэйлуңцзян) касательно русскоязычной топонимики в Китае и ее переименования в 1960–70-х гг. На основе сопоставления с имеющимися русскими источниками автором осуществлен опыт реконструкции русскоязычной топонимики на территории Китая, результаты которого приведены в табличной форме.

Ключевые слова: *топонимика, Маньчжурия, Трёхречье, Хэйлуңцзян, русское зарубежье, историческая память.*

RUSSIAN TOPONYMICS IN CHINA (HEILONGJIANG AND INNER MONGOLIA)

I.Yu. Zuenko,

*Institute of History, Archaeology and Ethnography
of Peoples of Far East, Russian Academy of Sciences,
Far Eastern Branch*

The paper contains information of Chinese sources (Heilongjiang provincial civil administration documents) about phenomenon of Russian toponymics in China and its renaming during 'cultural revolution' in 1960–1970s. On the basis of comparative analysis of Chinese and Russian sources the author conducted reconstruction of the toponymics corpus and presented its result in the article.

* Расширенная версия статьи опубликована в журнале «Известия Восточного института»: Зуенко И.Ю. Исчезнувший образ: топонимика русского происхождения в провинции Хэйлуңцзян и Автономном районе Внутренняя Монголия // Известия Восточного института. 2018. № 2. С. 85–98.

Keywords: *toponymics, Manchuria, Argun Basin, Heilongjiang, Russian emigration, historical memory.*

В период хозяйственного освоения отдельных районов Маньчжурии (нынешнего Северо-Восточного Китая)¹ русское население создало определенный массив географических названий, который существовал (в т.ч. в официальных картах) вплоть до 1960–1970-х гг. и исчез в результате «картографической чистки» со стороны китайских властей. Рассмотрению этого феномена посвящена данная статья.

Мы не претендуем на полноту исследования по данной теме, статья представляет собой попытку ввести в научный оборот тему русскоязычной топонимики Китая с опорой, прежде всего, на имеющиеся китайские источники. В ходе работы был обнаружен ряд аспектов, не позволяющих идентифицировать географические объекты и требующих работы с архивами КВЖД и подразделениями гражданской администрации приграничных уездов КНР, которые на данный момент закрыты для российских исследователей. Таким образом, не имея возможности свериться с подробными картами и кадастровыми схемами того времени, опираясь только на китайские документы, автор не смог достоверно «опознать» все топонимы, которые китайской стороной обозначаются как «русскоязычные»². Тем не менее, основываясь на имеющихся данных, была составлена сводная таблица ранее зафиксированной в картах русскоязычной топонимики провинции Хэйлуцзян и Автономного района Внутренняя Монголия (см. ниже), которая, как надеется автор, в будущем будет дополняться, в том числе усилиями коллег, которых, возможно, заинтересует проделанный автором опыт.

Следует отметить, что изначально было решено ограничить изыскания только территорией провинции Хэйлуцзян³, поскольку, благодаря сотрудничеству с Институтом изучения России Хэйлуцзянской академии общественных наук, автор имел возможность поработать в библиотеках Харбина, где содержались открытые материалы по линии провинциального Департамента гражданской администрации, а аналогичная работа по провинциям Цзилинь и Ляонин требовала бы отдельных усилий. Кроме того, вне поля зрения данной статьи сознательно остались урбанонимы (топонимы, обозначающие городские объекты), относящиеся к «зоне отчуждения» КВЖД (прежде всего, Харбина), поскольку данная тема требует отдельного подхода.

Обратившись к теме русских географических названий на территории провинции Хэйлуцзян, на основе анализа открытых китайских материалов по линии гражданской администрации (ежегодники, статистические справочники и хроники) было определено, что в географическом отношении выделяются две сферы, в которых появлялись русскоязычные топонимы: 1) КВЖД и населенные

¹ В рамках концессионных договоров о КВЖД (1897–1935 гг.) и конвенции об аренде Ляодунского полуострова (1898–1905 гг.), а также освоения приграничных сельскохозяйственных районов т.н. «Трёхречья» (область трех притоков реки Аргунь: Ган, Тэлбур и Хаул) и южного берега Амура.

² В китайских источниках все топонимы представлены в иероглифической записи, адаптирующей звучание иностранной речи под слоговой строй китайского языка, что вызывает сложности с идентификацией оригинального слова.

³ Восточные территории Автономного района Внутренняя Монголия (включая городской округ Хулун-Буир, в который административно входит Трёхречье) в период «культурной революции» являлись частью провинции Хэйлуцзян.

пункты (станции) вдоль железной дороги; 2) приграничные территории в Трёхречье и в долине Амура, основанные и населенные русскими (продолжает компактно населяться русским нацменьшинством КНР – «элосьицзу»). В первой сфере доминируют ойконимы (названия населенных пунктов), во второй – гидронимы и ойронимы (названия водных объектов и элементов ландшафта).

В хронологическом отношении возникновение русскоязычной топонимики относится к периоду активного хозяйственного освоения русскими отдельных районов Маньчжурии и Трёхречья (последние десятилетия XIX века). После 1905 г., когда экспансия России в этом направлении была приостановлена, появление новых названий не фиксируется. Важным обстоятельством является то, что русские географические названия находились не только в обороте собственно русских (как жителей населенных пунктов вдоль КВЖД, так и крестьян Трёхречья), но были зафиксированы в официальных китайских картах – в виде, адаптированном под нужды слогового строя китайского языка и иероглифической графики. Окончательно топонимы русского происхождения исчезли из официального оборота после 1977 г. в результате двух кампаний по переименованию, осуществленных местными властями по указанию и по согласованию с Центром.

Впервые кампания, направленная на «зачистку» русскоязычных топонимов, была запущена в 1963 г. в соответствии с совместным документом Министерства внутренних дел КНР и Госуправления картографии «Уведомление о некоторых предложениях по проведению изучения русских географических названий»¹. Следуя указаниям из Центра, провинциальный Департамент гражданской администрации провел ревизию и выделил 20 русскоязычных топонимов, которые использовались в прошлом, но к настоящему моменту имеют китайское название (в основном, это были улицы г. Харбин, а также острова на р. Амур), и 9 топонимов, которые не имеют китайского названия [7, с. 91]. 27 декабря 1963 г. в Пекин был направлен письменный отчет, содержащий предложение предпринять переименование русскоязычных топонимов, а также примечание, что еще ряд географических названий требует дополнительного изучения. Спустя год, 26 декабря 1964 г. Госсовет КНР по ходатайству Министерства внутренних дел утвердил предложение властей провинции Хэйлунцзян [7, с. 91].

14 апреля 1965 г. Народный комитет провинции Хэйлунцзян принял постановление «О переименовании русскоязычных географических названий»², согласно которому переименованию подлежали топонимы в уездах Хума, Сунькэ, Линькоу, Фуюань и др. – всего 29 наименований [7, с. 91].

В период «культурной революции» (с 1966 г.) намеченная ранее работа по ревизии предположительно русскоязычных топонимов была приостановлена из-за паралича системы управления в стране. Вернулись к этой деятельности в 1975 г., когда в структуре хэйлунцзянского Революционного комитета начала работать Канцелярия по обследованию географических названий³, которая взялась за ревизию топонимов на уездном уровне. Результатом работы стал список из 46 топонимов, требующих переименования или уточнения (в него попали названия как русскоязычные, так и на языках национальных меньшинств) [Там же].

¹ 关于请对存在俄语地名的问题进行调查提出处理意见的通知

² 关于更改汉语地名的批复

³ 地名核调办公室. В 1978 г. была преобразована в Руководящую группу по географическим названиям провинции Хэйлунцзян (黑龙江省地名领导小组)

3 апреля 1977 г. Госсовет КНР утвердил предложение о переименовании географических названий в провинции Хэйлуцзян, а 4 мая того же года соответствующее постановление вышло от лица провинциального Ревкома. Переименованию подлежали: 31 топоним – по причине происхождения из русского языка, а также 52 топонима – по другим причинам (уточнение иероглифического написания, принадлежность к категории «топонимы марионеточного правительства Маньчжоу-го» и др.) [8, с. 86]. Например, был переименован эвенкский по происхождению гидроним Бий Гадзимур (大甘吉木耳河), название которого восходит к имени эвенкского вождя Гантимура, в 1667 г. принявшего русское подданство и приведшего к нему подчиненные себе племена. Новое название реки – Дацияхэ (大奇雅河), никак не было связано с вождем-изменником.

Таким образом, всего за период действия кампаний по переименованию русскоязычных топонимов новые названия получили 60 объектов. Примечательно, что первая кампания по зачистке русскоязычных топонимов началась почти за десять лет до того, как аналогичные действия были предприняты советской стороной. Геополитический мотив в этом совершенно очевиден. Отношения между КНР и СССР, дав трещину в середине 1950-х гг., к 1960 г. испортились окончательно. Еще за несколько лет до начала «культурной революции» Пекин решил начать «картографическую войну». Советский Союз приступил к аналогичным мерам уже после военного конфликта на острове Даманский в 1969 г. (непосредственно в 1972 г.).

После переименования русскоязычные по происхождению топонимы вышли из употребления и не привели к появлению феномена «народной топонимики иностранного происхождения» (как это произошло, например, в Приморском крае России, где активно употребляются китаеязычные топонимы [4], существовавшие до 1972 г.)

Тем не менее, сам факт существования русскоязычной топонимики и анализ содержащихся в ней культурных кодов представляет собой важный элемент русского культурного наследия на территории Северо-Восточного Китая, позволяющий лучше понять специфическую историю освоения этого региона.

Таблица 1

Данные о переименованных русскоязычных топонимах провинции Хэйлуцзян и АРВМ¹

Русское название (в случае, если оно идентифицируется)	Иероглифическая запись русского названия и прочтение в китайском языке	Название после переименования	Характеристика объекта ²
Кампания по переименованию 1963-65 гг.			
Матёра	马托拉 (Матола)	Бэйцзи (дословно «Северный предел») 北极村	Деревня в уезде уезде Хума

¹ Из 60 переименованных русскоязычных названий в данной таблице представлено 40: остальные относятся к наименованию улиц в Харбине либо являются дублирующими: например, острова Вагань, Верхний Вагань и Нижний Вагань – в таблице представлен только остров Вагань.

² По системе административно-территориального деления на момент переименования. Данные в графах 2, 3 и 4 табл. 1 [7].

Продолжение табл. 1

Русское название (в случае, если оно идентифицируется)	Иероглифическая запись русского названия и прочтение в китайском языке	Название после переименования	Характеристика объекта
Амур	额木耳 (Эмуэр)	Синъянь («Хинган») 兴安村	Деревня в уезде Хума
Маслуковский	马斯鲁克岛 (Масьлукэ)	Цзяндао (дословно «остров Речной») 江岛	Остров в уезде Хума
Название не идентифицировано (Н/И)	四克金村 (Сыкэцзинь)	Сыхэ 四合屯 (звукоподражание)	Поселок в уезде Хума
Н/И	嘎扎萨克村 (Гачжасакэ)	Цзянвань 江湾屯 («Изгиб реки»)	Поселок в уезде Хума
Н/И	契纳果夫套子 (Циногофу)	Баюань 宝原 («Драгоценная долина»)	Долина в уезде Сунькэ
Александровка	亚历山大队 (Ялишаньда)	Луншань 龙山大队 («Драконья гора»)	Большая производственная бригада ¹ в уезде Линькоу
Н/И	沙曼屯 (Шамань)	Ликвидирован, включен в состав квартала Сюэфулу	Поселок в городе Харбин
Московские казармы	莫斯科兵营 (Мосыкэбиньин)	Ликвидирован. Включен в кварталы Миньшэнцзе и Миньянцзе	Квартал в городе Харбин
Яблоня	亚布洛尼 (Ябулони)	Ябули (звукоподражание) 亚布力	Местность в городе Шанчжи, известный горнолыжный курорт
Н/И	布土夺维 (Бутудовэй)	Датун («Великое единение») 大同村	Деревня в уезде Цзяинь
Н/И	布鲁萨吉 (Булусацзи)	Юньань («Вечное спокойствие») 永安村	Деревня в уезде Цзяинь
Н/И	杂吉布 (Цзацзибу)	Чаоян («Восходящее солнце») 朝阳镇	Поселок в уезде Цзяинь
Сенной	仙诺伊岛 (Сяньнон)	Шуанхэдао («Остров двойной реки») 双河岛	Остров в уезде Цзяинь (здесь и далее – на р. Амур)
Верхгородный	维汉各拉德内伊岛 (Вэйханьгэладэнэйи)	Лаочэнтоу («Остров старого Чэн-тоу») 老程头套子	Остров в уезде Цзяинь

¹ Административная единица в составе народной коммуны (существовали до 1982 г.) примерно соответствует нынешней деревне.

Продолжение табл. 1

Русское название (в случае, если оно идентифицируется)	Иероглифическая запись русского названия и про- чтение в китайском языке	Название после переименования	Характеристика объекта
Аянский	啊阳斯基岛 (Аянсыцзи)	Люгуанли («Остров Лю Гуанли») 刘广利套子	Остров в уезде Цзяинь
Кадачинский	卡达琴斯基岛 (Кадацинь- сыцзи)	Тайпин («Великое равновесие») 太平套子	Остров в уезде Цзяинь
Птичий	普梯气伊岛 (Путици)	Синьфа («Новый старт») 新发套子	Остров в уезде Цзяинь
Н/И	细秦岛 (Сицинь)	Гэбуцихэ (смысл неясен) 格不气河套子	Остров в уезде Цзяинь
Песчаный	别斯查诺伊岛 (Бесыча- нои)	Цзяиньхэ («Остров реки Цзяинь») 嘉荫河套子	Остров в уезде Цзяинь
Н/И	麦托石拉河 (Майтошила)	Хуланьхэ (Хулань – название из мань- чжурского языка) 呼兰河	Река в уезде Тели
Кампания по переименованию 1975–77 гг.			
Н/И	安罗卡岛 (Аньлока ¹)	Синьаньдао («Ост- ров радости и спо- койствия») 兴安岛	Остров в уезде Хума
Вагань	瓦干岛 (Вагань)	Синьсиндао («Но- вая радость») 新兴岛	Остров в уезде Хума
Н/И	卡马坎大河 (Камаканьда)	Хунцилинхэ («Красное знамя») 红旗岭	Река в уезде Хума
Н/И	马路斯克 (Малусыкэ)	Юэмахэ («Скачу- щий конь»)	Река в уезде Хума
Яростное	亚拉斯诺尔沟 (Яласыно- эр)	Люкашанэр (смысл неясен) 六卡上二岛沟	Ущелье в хошуне Аргунь-Юци
Н/И	啊拉斯但 (Аласыдань)	Люхэтоу («Долина по течению реки») 流河头岛沟	Долина в хошуне Аргунь-Юци
Майская долина	马雅斯沟 (Маясы)	Цзюкашанэр (на- звание из монголь- ского языка) 九卡上二岛沟	Долина в хошуне Аргунь-Юци

¹ В китайских документах название острова связывается с неким русским мужским именем [7, с. 90].

Окончание табл. 1

Русское название (в случае, если оно идентифицируется)	Иероглифическая запись русского названия и про- чтение в китайском языке	Название после переименования	Характеристика объекта
Осиновый ручей	奥希诺维依河 (Аосино- вэйи)	Цицзяньсы («Чет- вертая долина Ар- гунского уезда») 奇乾四岛沟	Ручей и долина в хошуне Аргунь- Юци
Н/И	不柳木苏沁 (Булюмусу- цин)	Цзифанцзы («Кури- ная фанза») 鸡房子沟	Долина в хошуне Аргунь-Юци
Головань	嘎拉湾北山 (Галавань)	Эньхэ (название из монгольского языка) 恩和北山	Гора в хошуне Ар- гунь-Юци
Сухостой	斯和苏沁沟 (Сыхэсуцин)	Ганьба («Сухой») 干巴	Ручей и долина в хошуне Аргунь- Юци
Бакалейное	巴卡列伊诺也胡 (Бакалей- ное)	Люкабаоцзы («Озеро Лю-Ка») 刘卡泊子	Озеро в хошуне Аргунь-Юци
Ягодная	雅阁丹山 (Ягэдань)	Аньганнаньшань («Южная гора Спо- койной заставы») 安岗南山	Гора в хошуне Аргунь-Юци
Зелёная	吉了哪西山 (Цзилэна)	Гунасишань (назва- ние из монгольско- го языка) 古纳西山	Гора в хошуне Аргунь-Юци
Сухой ручей	苏霍依鲁奇沟 (Сухолуци)	Ганьшихэ («Сухие камни») 干石沟	Ручей и долина в хошуне Аргунь- Юци
Градинка	哥拉金卡河 (Гэлацзинька)	Чжилюхэ («Прямое течение») 直流河	Река в хошуне Аргунь-Юци
Кривая	各利喔依河 (Гэливои)	Цицзяньсань («Тре- тья река Аргуньско- го уезда») 奇乾三岛河	Река в хошуне Аргунь-Юци
Н/И	哇兰奇卡 (Валаньцика)	Цицзяньэр («Вторая река Аргуньского уезда») 奇乾二岛河	Река в хошуне Аргунь-Юци
Н/И	尼斯奈依里干河 (Нисы- найилигань)	Шуанчахэ («Двой- ная развилка») 双岔河	Река в хошуне Аргунь-Юци

Таблица 2

Станции Трёхречья с названиями русского происхождения¹

Название, известное по русским источникам	Современное название	Статус
Драгоценка	Саньхэ («Трёхречье») 三河	Село, центр Саньхэ-Хуэйской национальной волости городского района Аргунь
Верх-Кули	Шанкули (дословный перевод «Верхние Кули») 上库里	Поселок в городском районе Аргунь
Усть-Кули	Сякули (дословный перевод «Нижние Кули») 下库里	Поселок в городском районе Аргунь
Караванная	Эньхэ (название из монгольского языка) 恩和	Село, центр Эньхэ-Русской национальной волости городского района Аргунь
Ключевая	Соответствие не установлено	
Щучья	Соответствие не установлено	
Дубовая	Соответствие не установлено	
Ширфовая	Соответствие не установлено	
Ерничная (Ернишная)	Соответствие не установлено	
Покровка	Соответствие не установлено	

Таблица 3

Станции КВЖД с названиями русского происхождения²

Название, данное при строительстве	Китайский вариант названия (используется по настоящее время)	Нынешний статус
Маньчжурия	满洲里 (Маньчжоули, звукоподражание)	Станция и город уездного значения в городском округе Хулун-Буир
Пограничная	绥芬河 (Суйфэньхэ, по названию соседней, но не протекающей непосредственно через город реки)	Станция и город уездного значения в городском округе Муданьцзян
Эхо	Отсутствует	Пристанционный поселок слился с городом Муданьцзян
Широкая падь	宽沟 (Куаньгоу, дословный перевод «Широкая долина»)	Разъезд, ныне район города Суйфэньхэ

¹ Значительная часть названий станций Трёхречья (Лобдарин, Попирай, Тулунтуй, Баркажон, Челотуй и т.д.) происходили из монгольского или тунгусо-маньчжурских языков. Данные из [1; 2; 3].

² В таблицу не включены названия железнодорожных разъездов, существовавших с момента строительства КВЖД по 1930 г.: Известковский, Интендантский, Нагорный, Подгорный, Казанцево, Лукашево, Самохвалово. В настоящий момент населенные пункты с такими названиями отсутствуют. Подавляющее большинство станций КВЖД имело названия, восходящие к китайским топонимам. Данные из [5; 6].

1. Аргудяева Ю.В. Русское население в Трёхречье // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 121–134.
2. Кайгородов А.М. Русские в Трёхречье (по личным воспоминаниям) // Советская этнография. 1970. С. 144–145.
3. Позднеев Д. Три дня в Трёхречье. Путевые заметки // Православие.ру. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/40055.htm>
4. Соловьев Ф.В. Китайские отходники и их географические названия в Приморье (вторая половина XIX – начало XX в.). – Владивосток, 1973. – 282 с.
5. Фоменко М.Л. Спутник по Дальнему Востоку. – Харбин, 1911. – 438 с.
6. Хисамутдинов А.А. Билет в одну сторону: станции Китайской Восточной железной дороги. История в иллюстрациях. – Владивосток, 2017. – 44 с.
7. 东北三省乡镇地名手册 (Справочник по топонимике волостей и поселков трех северо-восточных провинций). – Пекин, 1988. – 86 с.
8. 黑龙江省志: 民政志, 第六十二卷 (Справочник провинции Хэйлунцзян: обзор гражданской администрации, т. 62). – Харбин, 1993. – 550 с.

УДК 93

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ РУССКИХ ХАРБИНЦЕВ В 1930–1940-е гг.

И.К. Капран,

*канд. ист. наук, преподаватель КГА ПОУ
«Энергетический колледж»,
председатель секции ПКО РГО-ОИАК*

*ДИКЦ «Русское зарубежье»,
г. Владивосток*

Статья посвящена характеристике повседневной жизни русской колонии Харбина в 1930–1940-е гг. на основе анализа условий жизни: жилья, питания и одежды. Включает примеры социальной адаптации ее представителей.

Ключевые слова: *Русская колония, эмиграция, повседневная жизнь, условия жизни, социальная адаптация.*

THE LIVING CONDITIONS OF RUSSIAN HARBINTSEV IN 1930–1940-ies

I.K. Kapran,

*Ph.d., KGA POU Energy College,
head of section of PKO RGO-OIAK
DIKC «Russian diaspora»,
Vladivostok*

The article is devoted to the characterization of the everyday life of Russian colony in Harbin in 1930–1940-ies. based on the analysis of the conditions of life: housing, food and clothing and includes examples of social adaptation.

Keywords: *Russian colony, emigration, daily life, living conditions, social adaptation.*

История повседневности как новая отрасль российской исторической науки сформировалась с конца 1990-х гг. Среди исследований выделяются несколько направлений: демографическое, гендерное, жизненных условий, досуговое и др. [10, с. 125–132]. Несмотря на повышенный интерес к различным аспектам повседневности, мало изученной остается повседневная жизнь русской эмиграции в разных странах мира. В этой связи представляют интерес необходимые условия жизни историко-культурной общности – русской колонии в Харбине, существовавшей там более полувека с конца XIX в. до середины 1950-х гг., как крупнейший дальневосточный центр русского зарубежья. На примере необходимых повседневных условий жизни, таких, как жилье, питание, одежда, на наш взгляд, возможна реконструкция жизни русского населения в Харбине в рассматриваемый период.

В Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК) хранятся документы Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии и Харбинского комитета помощи русским беженцам, вывезенные из Харбина в 1945 г. [1, Ф. 830, Ф. 1128]. Материалы этих фондов дают представление о нуждах и проблемах русских в Маньчжурии в 1920–1940-е гг. Большое значение как источник приобрели харбинские периодические издания газеты «Рупор», «Заря», «Свет», журнал «Рубеж». Мемуарная литература дает примеры социальной адаптации русских в новых условиях жизни, в том числе в период японской оккупации. В ряду неопубликованных источников значительный интерес представляют интервью, взятые автором у представителей последнего поколения русских харбинцев, сохранивших восприятие реалий тех лет [2; 3; 4].

В течение 1930-х гг. Маньчжурия пережила изменения во всех сферах жизни. Образование марионеточного государства Маньчжоу-Ди-го, появление новых законов имело целью на основе консолидации народов Восточной Азии под эгидой Японии развернуть борьбу с СССР и Коминтерном. Русская колония Харбина в целом позитивно восприняла изменения политической обстановки, связывая с ними реализацию своих жизненных планов. Обеспечение экономических интересов Японии привело к сужению рыночных структур в маньчжурской экономике. Повышение цен на экспорт не затрагивало японские товары и преследовало цель вытеснения европейского бизнеса с маньчжурского рынка. Распространялась контрабанда японских товаров, возрастала спекуляция, повышались цены. Политизирована была общественная и культурная жизнь колонии. Лояльность к власти, политическая активность и благонадежность облегчали доступ в приоритетные сферы занятости: государственные учреждения, КВЖД, органы правопорядка. Заработная плата, занятых в этой сфере людей давала стабильный высокий уровень жизни. Для примера: полицейский получал около 75 гоби, чиновник от 100 до 200 и выше гоби, приказчик в магазине «Чурин и Ко» в 1943 г. – 180 гоби, заведующий отделом до 550 гоби. Прожиточный минимум в то время составлял 30–40 гоби [11, с. 108]. Менее удачные эмигранты с трудом выживали в сложившихся экономических условиях. Мемуарная литература и воспоминания очевидцев дают нам примеры повседневной жизни и социальной адаптации русского населения во время японской оккупации с 1932 по 1945 г.

В книге «Потерявшие родину. Семейная сага Тарасовых» Гэри Нэш, проживающий ныне в Австралии, описывает жизнь в Китае представителей этой многочисленной русской семьи [8, с. 21]. Родители: отец Леонид Тарасов – подполковник, участник Белого движения, мать Аглая – домохозяйка и дети: 4 дочери и сын. В эмиграцию уходили из Владивостока в 1922 г. [8, с. 50]. Члены семьи проживали в Китае в Харбине, Тяньзине, Шанхае. Отец и сын, не найдя работу в Харбине в 1930-е гг., поступили на службу в русский полк Шанхайского волонтерского корпуса [8, с. 62]. Дочери, одна за другой, вышли замуж, но у всех сложилась судьба по-разному. Так, одна из дочерей Нюся (так ее называли в семье) вышла замуж за предпринимателя Дьяконова, который получал неплохой доход от подрядов КВЖД. Но после продажи советской стороной своей доли КВЖД Японии в 1935 г. заказы прекратились и деньги иссякли [8, с. 70].

Дьяконовы были вынуждены продать свой дом и мастерскую в Харбине и переехать в пригород – Чинхе и снимать квартиру. После налаживания небольшого бизнеса по изготовлению резиновых крышек на стеклянные банки для консервирования появилась перспектива развития, т.к. продукция пользовалась

значительным спросом. Но японские власти не дали разрешения на продажу готовой продукции. После этого фиаско Дьяконовы вынуждены были переехать в сельский район Бухэду [8, с. 100]. В то же время другая дочь – Нина, была управляющей немецкой кондитерской «Кисслинг» на юге Китая в Пэйтихэ-бич, имела приличный доход и помогала финансово родным [8, с. 108].

Сведения, представленные автором о родственниках Тарасовых, подтверждают, что возможности для адаптации у всех были разные. Так, знакомая семьи мадам Зунг (русская) была замужем за богатым китайцем и жила обеспеченно, в своем большом доме сдавала комнаты русским квартирантам [8, с. 147]. Сестра мужа Нади Тарасовой вышла замуж за японца Мацуда. Для заключения брака он принял православие. Работал в японском военном министерстве, получая хорошую зарплату [8, с. 157]. Семья жила в большом доме с современными удобствами и ни в чем не нуждалась. В то же время семья Нади жила очень скромно. Муж работал в японской лесной компании «Кондо», но его заработной платы не хватало на обеспечение семьи. Снимали две комнаты в доме с туалетом на улице. Мылись в общественных банях. На новую одежду средств не было [8, с. 159].

Созданное японскими властями в 1934 г. Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ) пыталось изменить экономическое положение русских в лучшую сторону. Так, домовладельческая квартирно-строительная комиссия БРЭМ под председательством Д.П. Жемчужина в 1942 г. подготовила доклад с ходатайством губернскому съезду Кио-Ва-Кай [12] «О рассмотрении вопроса о приостановлении введения новых нормированных цен на квартиры», так как, существовавшее положение подрывало экономическую стабильность русских домовладельцев [1, Ф. 830. Оп. 1. Д. 59. Л. 23–115]. Предлагалось также разрешить повышать цену на арендуемые квартиры до 60%, в зависимости от наличия отопления, электричества, водоснабжения и канализации. В то же время обращалось внимание на сложную ситуацию – снижение цен за аренду комнат с 15 до 6 гоби, что разоряло русских, сдававших 1–2 комнаты в своих квартирах. Эта цена больше устраивала японцев как основных квартиросъемщиков [1, Ф. 830. Оп. 1. Д. 59. Л. 23–115; 9, с. 9].

Введённый в 1938 г. налог на недвижимость по валовой доходности, затем налог на переход имущества в другие руки и др. разорили многих домовладельцев. Общество домовладельцев добились снижения налога до 15% для владельцев домов с центральным отоплением [1, Ф. 830. Оп. 1. Д. 59. Л. 52]. В рамках Трехлетнего плана обороны государства на 1939–1941 гг. в июле 1940 г. было принято постановление «О регулировании оптовых и розничных цен», согласно которому цены фиксировались на уровне июля 1933 г. [6, с. 88]. Всем торговым предприятиям предписано предоставлять списки цен на товары специально созданной экономической полиции. В 1941 г. была введена карточная система на продовольственные и промышленные товары. Через распределительные пункты товары выдавались в соответствии с категорией снабжения, учитывавшей территориальные и отраслевые различия, национальные и возрастные признаки [6, с. 89].

По свидетельству Гэри Нэша, продовольственные карточки были 5 видов: для японцев, русских, маньчжуров, корейцев [8, с. 159]. Так, русским обязательно выдавался хлеб, японцам – рис, остальным чумиза. Дневная норма хлеба предполагала маленькую булку белого хлеба для ребенка и булка черного хлеба для взрослого. В воскресенье взрослые получали булку белого хлеба. По кар-

точкам русские жители получали соль, сахар, растительное масло. Мясо получали только японцы. Остальным категориям населения доставались кости. Спиртные напитки: 1 бутылка в месяц реализовывалась русскими жителями на рынке, на вырученные деньги они покупали на рынке продукты для детей [8, с. 160]. Один из родственников Тарасовых работал преподавателем английского языка в японском военном министерстве и имел продовольственные карточки, включающие яйца, муку, японские сладости. Некоторые русские работники министерства стали продавать на черном рынке излишки продовольственного пайка. Узнав об этом, японцы сократили им перечень продуктов [8, с. 161].

Китайские крестьяне нелегально продавали рис, кукурузу, овес, фасоль. Часто русские пришивали мешки в карманы брюк и носили закупленные продукты, боясь обыска сумок и портфелей японскими полицейскими [8, с. 161].

Питание русских жителей было недостаточным и не всегда качественным, подтверждали в докладе съезду Кио-Ва-Кай в 1942 г. [12]. Хозяйственная и Продовольственная комиссии БРЭМ. В докладе констатировали, что такие продукты, как гречневая крупа, растительное и сливочное масло, мясо на каждого русского недостаточно. Часто случались перебои с хлебом, в том числе из-за плохого качества муки [1, Ф. 830. Оп. 1. Д. 59. Л. 24–113].

Особенность питания русских в Харбине заключалась в повседневном параллельном бытовании китайской кухни, привлекавшей европейцев своим многообразием и вкусовым отличием. Бывшие харбинцы помнят некоторые блюда китайской кухни: пельмени, рисовую лапшу фунчезу, соевый сыр тофу [2; 3]. Однако популяризации в повседневной жизни китайские блюда не получили. В семьях готовили традиционные блюда русской кухни. Реклама кафе и ресторанов предлагала русскую, грузинскую, французскую кухни [Там же].

В это время сложности были не только с питанием, но и с одеждой. В докладе Хозяйственной комиссии БРЭМ обращалось внимание на недостаточное снабжение русского населения текстильными материалами и обувью. Некоторые эмигранты из-за чрезмерной изношенности одежды стеснялись бывать в общественных местах. Люди в основном носили старые вещи, на приобретение новых не было средств по причине высоких цен [1, Ф. 830. Оп. 1. Д. 59. Л. 115]. Часто сами шили одежду дома. Более обеспеченные люди покупали одежду в магазинах или заказывали у портных. Кроме крупных магазинов готового платья «Люкс», «Депо готового платья», «Варшавский», «Антуанет» и мелких магазинов в Харбине шили одежду около 70 мужских и женских портных, на все случаи жизни [7, с. 116]. Приоритет в этой сфере принадлежал еврейским портным. Тем не менее, среди китайских мастеров были такие, которые, только взглянув на заказчика, шили быстро и качественно [3]. Из зимней обуви предпочтение отдавали валенкам, изготовленным иногда в домашних условиях [2].

После освобождения Харбина Советской Армией в 1945 г. постепенно стала исчезать русская колония. Начало этому положили аресты харбинцев сотрудниками управления контрразведки СМЕРШ [6, с. 89]. Из 36 тыс. 711 русских жителей, зарегистрированных БРЭМ на 1 октября 1942 г., около 15 тыс. были арестовано в августе-сентябре 1945 г. [6, с. 89]. После передачи советским правительством своих прав по совместному управлению Китайско-Чанчунской железной дорогой (КВЖД) правительству КНР с 1950 по 1952 г.,

начались массовые увольнения русских служащих дороги [7, с. 374]. Условия их жизни изменились не в лучшую сторону. Новая власть в Китае не была благосклонна к русским эмигрантам: пристально наблюдала за их образом жизни, уплотняла жилплощадь, ущемляла в снабжении продовольствием и топливом.

Бывшая харбинка Татьяна Гартунг (Австралия) вспоминает о том, что в это время большинство знакомых ее родителей жили бедно. Ее родители вынуждены были продавать свои вещи, чтобы покупать необходимые продукты, ведь в семье было двое детей. Повседневное питание семьи состояло из чумизы, перловки, картофеля и домашних солений: огурцов, помидоров, капусты [4]. Но на Рождество и Пасху родители старались купить ветчину и сыр. Татьяна помнит, как они любили есть китайские сладости: летом «пин-го» – мороженое, зимой «тахулу» – боярку на палочке, липучки из кунжутных семечек, хурму «каки» и горячие каштаны. Отец Татьяны работал в магазине «Чурин и Ко» и был председателем благотворительного общества, которое организовывало для детей сотрудников Рождественские елки [4]. Все дети получали подарки – мешочки с конфетами и грецкими орехами, завернутыми в серебряную бумагу. После представления для детей накрывали чайный стол с бутербродами и пирожными. Летом благотворительное общество организовывало отдых детей на «чуринской даче» в Затоне, на берегу Сунгари [Там же].

После Указа советского правительства в 1954 г. о разрешении русским эмигрантам, ставшим советскими гражданами, возвратиться в СССР при условии участия в освоении целинных земель русские начали покидать Харбин [6, с. 38]. С массовым отъездом русских жителей в СССР, а затем и в другие страны (Австралию, Бразилию, США и др.) русская колония постепенно прекратила свое существование [5, с. 386]. Семья Татьяны Гартунг, как и многие другие, благодаря помощи Всемирного совета церквей оказалась в Австралии [4].

Таким образом, в период 1930–1940-х гг. большую часть которого занимала японская оккупация, в инокультурной среде Харбина существовала русская колония с сохранением своей этнической идентичности. Политические изменения в Китае оказали непосредственное влияние на условия жизни русской колонии. На наш взгляд, в сложном адаптационном процессе русских жителей и их межэтническом взаимодействии с китайским населением на примере изменения жизненных условий русского населения наблюдалась аккультурация, т.е. приспособление человека в другой этнической среде. Проявления аккультурации были представлены двумя стратегиями – сепарация (отрицание иммигрантом культуры страны-реципиента и сохранение собственной этнической культуры) и интеграция (идентификация иммигрантом культуры страны-реципиента и собственной этнической группы).

1. Государственный архив Хабаровского края.
2. Интервью с М.К. Зуевым, июнь-август 2005 г.
3. Интервью с Л.Н. Менько, январь 2005 г.
4. Интервью с Т.С. Гартунг, май 2017 г.
5. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). – М., 2005.
6. Аурелене Е.Е., Потапова И.В. Русские в Маньчжоу-Ди-Го. Эмигрантское правительство. – Хабаровск, 2004.

7. Васильев А.А. Красота в изгнании: творчество русских эмигрантов первой волны: искусство и мода. – М., 1998.
8. Гэри Нэш. Потерявшие родину. Семейная сага Тарасовых. – СПб., 2011.
9. Доклад правления харбинского общества землевладельцев и домовладельцев чрезвычайному Общему собранию домовладельцев г. Харбина. – Харбин, 1942.
10. Поляков Ю.П. Человек в повседневности // Отечественная история. 2000. № 3.
11. Смирнов С.В. Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг. (проблемы социальной адаптации). – Екатеринбург, 2007.
12. Кио-Ва-Кай – «Общество мирного сотрудничества народов Маньчжурской империи», главной целью которого была помощь Японии «в ее борьбе с англо-саксонским миром и агрессией Коминтерна».

УДК 316

МИГРАЦИИ В МАНЬЧЖУРИЮ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ И ХАРБИНСКАЯ ПЕЧАТЬ

Т.И. Краснова,

*д-р филол. наук, доцент,
кафедра речевой коммуникации*

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

В статье представлено краткое описание особенностей содержания харбинских газет с учетом их читателей и в связи с революционными событиями в России. В центре внимания анализ риторического отношения печати к большевизму и характеристика изданий, созвучных общественной психологии, проблемам русского Харбина.

Ключевые слова: *Харбинские газеты, антибольшевизм, местный колорит, риторические образы и жанры.*

MIGRATION TO MANCHURIA IN THE AGE OF REVOLUTION IN RUSSIA AND HARBIN PRINTING

T.I. Krasnova,

*Doct. Sc. in Philology,
Associate Professor*

*Department of speech communication
St. Petersburg State University*

The article provides a brief description of the content of the Harbin newspaper tailored to their readers and in connection with the revolutionary events in Russia. The focus is the analysis of the rhetorical relations to Bolshevism and feature publications, consonant with social psychology, the problems of Russian Harbin.

Keywords: *Harbin's newspaper, anti-Bolshevism, local flavor, rhetorical imagery and genres.*

Миграции в Маньчжурию носили как организованный (в 1910-е гг.), так и стихийный (с 1918 г.) характер. В 1910-е гг. это была в большей степени экономическая эмиграция, а в 1918–1920 гг. – переплетающаяся с ней политическая индивидуальная и групповая эмиграции.

Особенностью пореволюционного пребывания мигрантов в Маньчжурии явилось то, что они попали в русскоязычную среду. Харбин был фактически русским городом. В то же время между россиянами и китайцами здесь не воздвигалось

никаких искусственных перегородок. Люди общались, дети учились в одних и тех же школах, изучая одновременно оба языка – русский и китайский [4, с. 3].

Русский капитал сыграл важную роль в развитии промышленности Маньчжурии. Здесь сформировался рынок производства и потребления, ориентированный на российского и западного потребителя. Харбин был административным центром Маньчжурии, но в местных газетах 1918 г. высоко оценивается роль этого города для России в целом: *«Харбин превращается в складочный пункт огромной мощности и источник питания России»* [«Призыв» 1918, 1 окт.]. Значительная часть мигрантов покинула переживавшую системный кризис родину по экономическим соображениям. Их предприимчивость наряду с изобретательностью была одним из главных двигателей переезда. Состав переселенцев был пестрым. В 1918 г. местные газеты писали: *«Очевидно, в Харбин долго еще, впредь до восстановления русской промышленности и балтийских портов, будут стекаться не только искатели легкой наживы, политические изгнанники социалистических республик, искатели приключений и авантюристы, но и коммерсанты, и представители всевозможных коопераций России, Союзных стран и Китая»* <...> *«Очевидно, Харбин родился в рубашке»* (Там же). Положение изменилось к 1919 г., когда главным двигателем эмиграции стал мотив выживания: в России голод и Гражданская война.

В Харбине уже существовали многочисленные организованные группы – служащих КВЖД, бывшей администрации и охраны железной дороги, церковные общины, школы, больницы, появившиеся еще до революции. Их присутствие способствовало сохранению «русскости» и облегчало интеграцию вновь прибывших в сложившуюся структуру и стиль городской жизни [3, с. 48]. Не меньшую роль в этом процессе сыграла и русская печать в Харбине.

В эпоху революции 1917 г. и Гражданской войны, когда число выходцев из России удвоилось, журналистика и издательское дело в Харбине активно развивались. С 1917 по 1930-е гг. большинство изданий русских эмигрантов в Харбине имело антибольшевистскую направленность. Но и большевики действовали. В апреле 1917 г. харбинский совет российских рабочих и солдатских депутатов учредил «Голос труда». Газета призывала рабочих и крестьян объединиться для свержения власти буржуазии под лозунгами «Да здравствует партия рабочих!» и «Демократия для всех!». Именно благодаря этой газете, как утверждают, ленинизм впервые проник в Китай.

С притоком беженцев из России после 1917 г. и окончания Гражданской войны в Китае появилось немало известных редакторов, журналистов, писателей (отсюда заметный литературно-художественный наклон в стилистике изданий). У харбинских газет был довольно пестрый контингент читателей в составе русскоязычной колонии. Множество рубрик и заголовков отражают разнообразие ориентаций газет, живущих интересами харбинских жителей. Например, в газете «Вестник Маньчжурии» это публикации под названиями «Из жизни армии», «Нормы оплаты труда», «Американский журналист о положении вещей в России»; рубрики «Письма в редакцию», «Сибирская жизнь», «Из дневника журналиста», «Театр и музыка». Газета учитывает местный колорит в разбросе тематических интересов читателя. Этнически познавательные переводные статьи (например, с англ.: «Происхождение китайцев») сменяются очерками этнографического характера, бытовыми зарисовками (подзаголовок: «Кусочек быта»), сведениями из жизни «туземного» населения (№ 208), публикацией «О китай-

ской лекарственной промышленности на Дальнем Востоке» (1918, 30 окт.). Даются серийные публикации по вопросам здоровья: «Инфлюенца (краткий очерк болезни)», «К лечению инфлюенцы». В форме стихотворного фельетона повествуется о «тайнах» местного промысла наркотиков (№ 210).

Ну а как же события в России? Каким было отношение к новой власти?

В харбинской периодике политические издания составляли примерно одну треть. Большинство читателей харбинских газет 1918–1920 гг. считали себя подданными Российской империи, но фактически после событий 1917 г. оказались в положении «бесподданных», почти эмигрантов. Возможно, поэтому в 1918 г. **антибольшевистская** устремленность харбинских газет¹ сразу обнаруживается в контекстах со словом «большевик», «большевизм» и синонимичными словами.

Ясно, что необходимо привлечь население всей России к освобождению от большевиков. А для этого необходимо, чтобы население видело, что вместо большевизма, вместо **презренной власти авантюристов** оно получит народоправство, а не **ненавистный ему режим «правителей всей России»** с неминуемо грядущей за ним новой революцией, новыми потрясениями (Маньчжурия, № 40).

Идеологема «большевик» стала не только негативно-оценочной у большинства харбинцев. Ее значение постепенно впитывало в свой коннотативный макрокомпонент те характеризующие смыслы, которые ассоциировались с предосудительным объектом именованного в данной среде. Употребляемое и в прямом, и в переносном значении наименование «большевики» используется в контекстах, где образ действительного агенса расценивается гуманистическим сознанием отрицательно, правда – в форме занимательного изложения. Например, с элементами фарса:

«...Аэропланы наряду с бомбами стали раскидывать и прокламации за подписью казанской коммунистической партии, казанского совета и даже самого Льва Троцкого. – «Пощады никому не будет», – **кричал в прокламациях кровожадный** Троцкий, **показывая своим преступным перстом** на казанскую интеллигенцию.

И этого оказалось мало. <...>. **Черные инстинкты зашевелились в бандах** Троцкого. **Они услышали**, что кроме миллиона рублей Троцкий пообещал им еще дать право на разграбление города.<...>

Казань опустела» [Вестник Маньчжурии].

В описаниях действий «большевиков» слово приобретало новую референцию. Оно тиражируется в газете как ярлык для обозначения лиц с определенными свойствами. Какими? Компонентный анализ показывает, что в синонимических рядах слов, соположенных с именем «большевик» находятся следующие семантические множители: «нарушение» (*подстрекатель, предатель, буян*), «уничтожение» и «насилие» (*губитель, грабитель, разоритель, разбойник*), «избыточная претензия на знание», «грубость» (*невежа, буян*), «склонность к рискованным или сомнительным делам» (*авантюрист*), «управляющий, начальствующий» (*правитель*)².

¹ В петербургском собрании Рос. нац. библиотеки находятся номера харбинских газет за 1918 г.: «Маньчжурия», «Вестник Маньчжурии», «Призыв», «Труд», «Новости жизни» [5]. Все указанные газеты включают публикации, входящие в русло антибольшевистского дискурса.

² По данным словаря В.И. Даля, «большинствовать» – начальствовать, «большинничать» – распоряжаться по праву, «большичать» – быть головою дела [2, с. 101].

В то же время в контекстах идеологические оценки в композиционном отношении объективированы, так как они соотносятся с категорией «точка зрения». Всякий раз оценка принадлежит мнению конкретного лица или группы. Кроме авторской, обозначены самые разные взгляды на большевизм: буржуазный; совнаркомовский; предполагаемое мнение народа; властных лиц с иностранной и российской стороны.

Антибольшевизм харбинской печати в разных изданиях **неоднороден** и варьирует от **пронично-саркастической** разновидности (в газетах «Маньчжурия», «Вестник Маньчжурии») к **умеренно-ироничной** («Призыв», «Труд») и, наконец, к **умеренно-нейтральной** разновидности (в газете «Новости жизни»).

Ниже приводится сатирическая по целям, стилизованная по форме Песнь «про комиссара Руси Свет Ильич Ульяна» (рубрика «Шалости пера». Призыв 1918, 16 окт.). В текст заложен контраст древней песенной формы и современного содержания. Народно-поэтический стереотип обращения к главному герою (агенсу революции), в стилизованной форме причитания входит в противоречие с событийной семантикой разорения Руси (вместо ее защиты как в древнем песенном жанре). Обнаруживается пропозициональная схема «агенс – насилие – жертва».

Ой, ты гой еси
Комиссар Руси
Свет Ильич Ульян,
Загубил ты Русь
Русь Великую.
Ей большой изьян
Сделан был тобой.

Ты двуликую
Вел политику
Разорил догла
Свою родину
В сердце горе-грусть
От того, что Руси
Кровью залита.

Сравните также фразы с первых страниц газеты: «*Первый друг и покровитель большевиков – Германия*», «*Ленин и большевики разбили Россию на черепки*». Как видно (и согласно исследованиям, проведенным В.И. Буслаевым еще в 40-е гг. XIX в.), знакомые читателю образы народной жизни, народной поэзии хранят в его этнической памяти не только «ее археологическую старину», но и нравственное чувство [6, с. 49–50; 7].

В харбинской печати 1918 г. много литературности, игры словами и жанрами, много любования риторикой публичной речи. Преобладающий умеренный антибольшевизм харбинской печати можно было бы объяснить удаленностью от центральной России и, как следствие, меньшей вовлеченностью в события. Но, по-видимому, главной причиной была сосредоточенность на экономических приоритетах со стороны ведущей части русской диаспоры в Харбине. В газетах же умеренный антибольшевизм являлся идеологическим качеством дискурса, который характеризуется критикой, заметным неприятием большевизма и в то же время остранением в утрированно комической форме.

Харбинская умеренность на известном этапе перешла в *у м и р е н и е* (ср. по В. Далю: *умирить врагов, умирать страсти, умиротворить враждующих*, иными словами, *улаживать, устранять ссору или тревогу, беспокойство*). Так, газета «Новости жизни» в 1920-е гг. выступает как лояльная по отношению к советской власти. Именно здесь появилась знаменитая статья Н.В. Устрялова «Зеленый шум», знаменующая в газете идеологию «смены вех». В действительности, главную харбинскую газету «Новости жизни» больше занимают проблемы жизни рус-

ской диаспоры, в том числе проблема ее изоляции в чужеродной среде. Спрос на разностороннюю оперативную информацию определил содержание рубрик, традиционных для такой большой газеты: «За рубежом», «Разные известия», «Вести и факты», «Ночные телеграммы», «Хроника», «Торговая хроника», «Местная жизнь», «Происшествия», «Театр и музыка», «Курсы и лекции».

Обширна литературная часть издания. Она представлена публицистическими и художественными жанрами, среди которых очерк, рассказ, стихотворный фельетон. Их содержание во многом созвучно образу жизни, общественной психологии и проблемам жителя Харбина. Трудное положение смягчает юмор. Сравните изображение реальной ситуации в комическом свете фельетона С. Алымова (Новости жизни, 1920, 25 сент.):

Душу дико царапают кошки,
Ведь вломбардил последние ложки.
В доме нет ни куска серебра –
Я теперь пролетарий... Ура!

Газета была чуткой на провокации по национальному вопросу (статья «Опасная Травля»). В конце 1920 г. «Новости жизни» публикуют воззвание к русским «В помощь голодающим китайцам». Приведем концовку, где поначалу дается рассказ очевидца, перерастающий в переложении в идеальный «сценарий» – встречное движение помощи голодающим. Строчки возвания содержат оценочный контраст. Но этот семантико-речевой контраст выражает не конфронтацию, а сострадание русских к голодающим китайцам. Образно-риторические противоположения проводят благотворную идею жертвенности.

«Приезжающие с юга видели, как **волна несчастных голодающих ползет** постепенно на север, достигая уже Мукден, стремясь к **благодатной и сытой Маньчжурии**.

Пусть же навстречу им идет **волна доброхотных деяний**, пусть она **встретит их на пути, смягчит страдания, согреет больные, измученные и ожесточенные души**.

Граждане! Мы бьем в набат, мы зываем к вам, к вашей совести, к сознанию вашего долга. Помогите».

Как видно, текст возвания построен на олицетворении и завершается знакомым для русских риторическим образом набата как сигнала тревоги, призыва о помощи в ситуациях крайнего напряжения. Этническая оппозиция «русские/китайцы» снимается.

В целом, можно сказать, что пореволюционные события в европейской части России рассматривались в газетах сквозь призму несколько отстранённого восприятия. Должно быть, это происходило в силу мифологической неопределенности происходящего и с учетом занятого трудом населения Харбина.

1. Аблажей Н.Н. Эмиграция из России (СССР) в Китай и реэмиграция в первой пол. XX в.: автореф. ...д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2008. – 47 с.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1863. Ч. 1.

3. Раев М. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции: 1919–1939. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 292 с.

4. Русская эмиграция в Китае и на Дальнем Востоке (1920–1945): материалы науч. конф. РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб.: Минерва, 1997. – 17 с.
5. Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917–1992 гг.). – 2-е изд. – СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 1996. – 99 с.
6. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: опыт исслед. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академ. Проект, 2001. – 999 с.
7. Степанов Ю.С. Концепт // Электронная Библиотека МГУ: Теория языка. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_120.shtml (дата обращения 27.06.2008).
8. «Соотечественники»: Русские в Китае [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russedina.ru/frontend/heading?id=13296>.

УДК 394

РОЛЬ ПРИГРАНИЧНЫХ КИТАЙСКИХ ГОРОДОВ В СИСТЕМЕ АДАПТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ МИГРАНТОВ

О.И. Курто,

канд. ист. наук, научный сотрудник

*Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
г. Москва*

Статья посвящена малоизученной теме современных русских сообществ в Китае. Основанная на анализе различных источников и литературы, она также вводит в научный оборот ранее не опубликованные материалы, полученные автором в ходе собственных полевых исследований. Сравнивая русские сообщества, сформированные в приграничных китайских городах и в г. Ляньюньгане, автор демонстрирует наиболее типичные способы адаптации современных россиян в инокультурной среде.

Ключевые слова: *русские, русские сообщества, русская диаспора, Маньчжурия, КВЖД, русские в Китае.*

THE ROLE OF THE FRONTIER CHINESE CITIES IN THE ADAPTATION OF THE MODERN RUSSIAN IMMIGRANTS

O.I. Kurto,

PhD N.N.

*Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS,
Moscow*

An article dwells upon the little-studied theme of the modern Russian communities in China. Based on the analysis of the different sources of information and literature, it introduces the facts which were collected by the author during the personal field researches and were not published before. The comparison of the Russian communities formed in the frontier Chinese cities, Lianyungang is useful to demonstrate the ways of adaptation typical to the Russian people living in the country with another culture.

Keywords: *Russian people, Russian community, Russian diaspora, Manchuria, China-Eastern railway, Russian people in China, emigration, white emigration.*

Историография вопроса

Самые ранние из дошедших до наших дней упоминаний о русских поселениях в Китае относятся к XIV в. Первым из российских исследователей, опубликовавшим научные труды, посвященные данному вопросу, стал архимандрит о. Палладий. Именно благодаря ему в России узнали о том, что уже в период

правления Чингизидов в Китае проживали крупные русские сообщества [1]. Несколько веков спустя в Пекине поселились пленные защитники русской крепости Албазин, потомки которых до сих пор проживают в КНР. Будучи людьми религиозными, после смерти своего священника Максима Леонтьева албазинцы были вынуждены обратиться к российскому правительству с просьбой прислать нового священника. Пользуясь этим предложением, а также имея давние намерения установить более тесные контакты с Китаем, Россия направила в Поднебесную Русскую духовную миссию, в задачи которой помимо духовного окормления русской паствы входило изучение китайской культуры, языка и выполнение обязанностей дипломатического характера. В итоге Миссия на долгие годы стала главным представительным органом России в Китае, а её сотрудники – центром пусть и маленького, но постоянно присутствующего в стране русского сообщества. Именно трудам членов Миссии мы обязаны появлению первых научных работ, посвящённых изучению русского присутствия в Китае [2].

Следующим этапом в изучении рассматриваемого вопроса стало строительство Китайско-Восточной железной дороги. Сотни строителей, архитекторов, геологов, художников, инженеров, географов, биологов и представителей других специальностей прибыли на север Китая для реализации грандиозного по своим масштабам замысла – освоения Маньчжурии. Результатом этих усилий стало создание значительного числа городов и населённых пунктов, немалая часть населения которых была русской. После Октябрьской революции именно Маньчжурия станет одним из ключевых эмигрантских центров, приютивших тысячи русских эмигрантов. Неудивительно, что здесь будет создано наибольшее число работ, зафиксировавших для последующих поколений особенности жизни русских на территории Китая [3].

С началом в России Гражданской войны, а также в первые годы существования советской власти отечественных исследований, посвящённых русским сообществам Китая, не проводилось. Исключения составляют единичные работы, вышедшие в свет в Маньчжурии [4]. Только годы спустя данный вопрос стал темой изучения некоторых советских учёных, видевших в зоне, прилегающей к КВЖД, оплот царизма и империализма [5]. Активнее русские сообщества стали изучаться лишь в 1970–1980-е годы. Основные исследовательские темы затрагивали деятельность Русской духовной миссии, зона КВЖД, интересы России на Дальнем Востоке [6]. И только с распадом СССР число исследуемых вопросов стремительно возросло. Свет увидело огромное количество книг автобиографического и мемуарного характера, а учёные получили полную исследовательскую свободу [7]. Впрочем, несмотря на это, практически все труды, посвященные изучению русского присутствия в Китае, имеют верхнюю временную границу – середину XX в. Лишь крайне небольшое количество трудов, изданных в последние годы, выходят за неё и концентрируют своё внимание на современных проблемах [8]. В этой связи можно с уверенностью сказать, что тема, рассматриваемая в рамках данной статьи, уникальна, поскольку либо крайне мало, либо вовсе не рассматривалась учёными ранее.

Годы Перестройки оказали большое влияние на население России. Именно в эти годы многие наши соотечественники пользовались любой возможностью, чтобы выехать на ПМЖ в другую страну. Как ни странно, к странам, привлекательным для россиян, очень быстро стал относиться и Китай. За последние двадцать лет немало россиян мигрировало в эту страну, формируя на его террито-

рии плохо сплочённые, но довольно устойчивые сообщества. Мы попытаемся рассмотреть несколько способов адаптации русских мигрантов в инокультурной среде, каждый из которых имеет свою специфику.

Русское сообщество приграничных китайских городов (Маньчжоули, Суйфэньхэ, Хэйхэ) как пример адаптации этнического сообщества в инокультурной среде

В конце 1980-х гг. русско-китайские отношения переживали новый виток развития. Визит в Китай М.С. Горбачёва, подписание ряда договоров о сотрудничестве открыли огромные возможности для экономического и культурного взаимодействия двух стран [9]. Особенно большое развитие получила приграничная торговля, главными центрами которой стали города Маньчжоули, Суйфэньхэ (округ Муданьцзян, пров. Хэйлунцзян) и Хэйхэ (Сахалин, пров. Хэйлунцзян; расположен напротив г. Благовещенск). Именно через них начал проходить основной поток всех товаров, поставляемых в Россию железнодорожным и автомобильным транспортом.

Товарообмен между Россией и Китаем, а также увеличивающийся год от года поток туристов очень быстро стали главными факторами развития экономики этих городов. Упрощённые схемы пересечения границы, восточный колорит и низкие цены на товары массового потребления сделали Китай более привлекательным для россиян, нежели отечественные курорты. Всех россиян, посещающих приграничные китайские города, можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся профессиональные туристы-челноки. Из-за тяжёлых клетчатых сумок, в которых они перевозят товар из Китая в Россию, и русские, и китайцы называют их «*кирпичи*». Приезжая в Китай на короткий срок вместе с туристической группой, они закупают необходимый товар на местных рынках и вывозят его в Россию. Расцвет подобного «челночного» бизнеса пришёлся на конец 1980-х – начало 1990-х гг.

Ко второй группе русских относятся крупные бизнесмены и предприниматели. Границу они пересекают по деловой визе. Их визиты обычно непродолжительны и строго ограничены поставленными задачами. Третья группа – это преподаватели и учёные, пользующиеся большим авторитетом в Китае. Четвёртая группа включает туристов-транзитников. В приграничные города они въезжают на поездах, частном или общественном автотранспорте. Затем после небольшой экскурсии по городу они пересаживаются на другой транспорт и едут с экскурсией по городам северо-восточной части Китая. Пятая группа начала формироваться в последние годы. Люди пенсионного и предпенсионного возраста с Дальнего Востока всё чаще переезжают жить в Китай, приобретая в собственность или снимая в аренду недвижимость. Для них жизнь здесь кажется легче и комфортнее, нежели в России, но при этом не возникает необходимости далеко уезжать из родных краёв [10].

В 2007 г. данная тема особенно активно обсуждалась в российских СМИ. Одна за другой в свет вышли несколько статей, посвящённых этому вопросу: Д. Климов «На пенсию в Китай» [11], Ф. Котов «Амурская область переезжает в Китай?» [12], Д. Харченкова «На пенсию в Китай» [13], Е. Полуяткова «Меняю однокомнатную квартиру во Владивостоке на апартаменты в Суйфэньхэ» [14] и др.

Собственное жильё в КНР – выгодная альтернатива съёму квартир и гостиничных номеров для тех, кто регулярно приезжает сюда по вопросам бизнеса. Кроме того, многие русские неофициально сдают квартиры своим согражданам,

что позволяет в короткие сроки «отбить» стоимость самой недвижимости и начинает приносить прибыль.

Город Суйфэньхэ больше известен жителям российского Дальнего Востока как «Сунька». Это небольшой городок, ориентированный, прежде всего, на работу с гражданами России. Ежедневно в город прибывают до 1000 россиян. Суйфэньхэ – важный транспортный узел, через который проходит большой объём товаров, циркулирующих между Китаем и Приморским краем. Жители Владивостока, Уссурийска, Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Лесозаводска и других городов могут доехать из Суйфэньхэ до Харбина на автобусе. С другими городами Северо-Востока Китая город связан железнодорожным транспортом. Российские туристы приезжают сюда в шоп-туры.

В последнее время в Суйфэньхэ активно развивается индустрия отдыха и развлечений, ставшая популярной среди россиян из-за своей крайней дешевизны. Для китайских студентов и русских гостей города местное телевидение ежедневно транслирует передачи на русском языке. К числу местных достопримечательностей относится и русская церковь. Аналогичная картина характерна и для двух других рассматриваемых городов – Хэйхэ и Маньчжоули. В настоящее время Хэйхэ – зона свободной российско-китайской безвизовой торговли. Начиная с 2004 г. граждане России пользуются правом свободного безвизового доступа на его территорию. Исключением стало лето 2008 г., когда в связи с проводившимися в Пекине Олимпийскими играми въезд в город разрешался только обладателям заграничных паспортов, выданных в Амурской области. Город Маньчжоули, расположенный в АР Внутренняя Монголия, возник на карте Китая в XIX в. в связи с постройкой КВЖД. Своё огромное значение для российско-китайских отношений он сохраняет до сих пор.

Безусловно, в настоящее время многие из форм сотрудничества граждан России и Китая ещё недостаточно отрегулированы с правовой точки зрения, и нашей стране необходимо последовательно защищать свои интересы. Однако на бытовом уровне и россияне, и китайцы научились выгодно использовать открывающиеся перед ними возможности. Кроме того, внутренние проблемы России привели к тому, что по другую сторону границы в настоящее время проживает довольно большое число россиян. И проблема состоит лишь в том, что те русские, которые проживают в Китае, находятся под неустанным контролем со стороны китайских властей, в то время как проживающие на российских территориях китайцы нередко обходят наше законодательство, а их деятельность плохо отслеживается и регулируется правоохранительными системами России.

Адаптационная модель русских Ляньюньгана

В 1989 г. между Россией и Китаем была достигнута договорённость о сотрудничестве в области атомной энергетики, вскоре начались переговоры о строительстве на территории Китая атомной электростанции. Первоначально работы планировалось осуществлять на территории провинции Ляонин в г. Дальяне. Однако затем по инициативе премьера Госсовета КНР Ли Пэна была выбрана рыбацкая деревенька Тяньвань вблизи г. Ляньюньгана (пров. Цзянсу). С этого момента облик захолустной деревушки стал стремительно меняться. Направленными взрывами китайцы разрушили четыре небольшие горы и, убрав 6,5 тонн скальной породы, расчистили площадку для строительства. Затем подвели к пункту скоростную магистраль. За несколько лет деревушка и небольшой

город изменились до неузнаваемости: возведены небоскрёбы, развита инфраструктура и создана свободная экономическая зона.

В 1992 г. Россия и Китай заключили межправительственное соглашение о сотрудничестве в сфере строительства на территории КНР АЭС и предоставлении Китаю государственного кредита. В 1997 г. был подписан генеральный контракт на сооружение Тяньваньской АЭС. Проектирование, поставка оборудования и материалов, ввод станции в эксплуатацию, обучение китайского персонала осуществлялись ЗАО «Атомстройэкспорт» [15]. Спустя десять лет в 2007 г. первый и второй энергоблоки были переданы в коммерческую эксплуатацию. А за время строительства в районе сформировалось самостоятельное русское сообщество.

Русское сообщество Ляньюньгана и его окрестностей отличается от аналогичных сообществ других городов. Его главная особенность – временный характер, поскольку существование сообщества стало возможным исключительно благодаря контрактам на работу, заключённым между китайской стороной и российскими специалистами. К моменту сдачи АЭС в эксплуатацию численность русских в районе резко сократилась, поскольку в дальнейшем требовались уже только те сотрудники, которые могли курировать работу китайцев в процессе эксплуатации станции. Опыт временного проживания русских людей на китайской территории также по-своему интересен, поскольку помогает лучше понять механизм адаптации носителя русской культуры к новым условиям жизни.

Для удобства автор использует понятие «тяньваньская община». Этот термин будет применяться в отношении группы лиц, являющихся носителями русского языка и русской культурной традиции (независимо от их этнической принадлежности), а также специалистами, работающими по контракту на строительстве Тяньваньской АЭС, и членами их семей. Место проживания тяньваньской общины – специально построенный китайцами для российских строителей городок неподалёку от АЭС. Городок – это небольшие, хорошо обустроенные особняки с отдельными квартирами, имеется спортзал, детский сад, бассейн. Делая большие вложения в строительство, китайцы ориентировались на будущее, понимая, что в дальнейшем эту жилую площадь займут китайские сотрудники. Российских специалистов расселили в выстроенных квартирах, полностью оборудованных и оснащённых бытовой техникой. Некоторым россиянам дали в пользование целые особняки.

Первоначально население тяньваньской общины было (за некоторым исключением) мужским. Не многие рискнули сразу привезти в чужую страну свои семьи. Однако вскоре в Китай приехали жёны и дети многих сотрудников. По словам Людмилы М. (37 лет, г. Жуковский, Моск. обл.), муж которой работал технологом на Тяньваньской АЭС, в их распоряжение был предоставлен двухэтажный особняк с мебелью и всей техникой. В таких же особняках жили и её подруги.

Главной чертой тяньваньской общины можно считать её обособленность и самостоятельность. Компактное проживание в специально отведённом месте, в большинстве случаев полное отсутствие первоначальных знаний о Китае, незнание реалий жизни в этой стране, незнание языка сделали сообщество с одной стороны монолитным, с другой – устойчивым к проникновению иноязычной культуры.

Члены семей русских сотрудников АЭС – это в подавляющем большинстве, жёны и дети. За время строительства АЭС имели место межнациональные русско-китайские браки. Так, например, один из российских специалистов взял в жёны китайку. В этом браке родился сын, получивший русское имя Дмитрий.

Вопросы о месте проживания после окончания срока действия контракта россиянина молодую семью не беспокоил, их равно устраивала как жизнь в Китае, так и жизнь в России.

Средний возраст всех проживающих в Тяньване русских – 35–50 лет. Это обычно люди с высшим образованием, специалисты в области атомной энергетики. Жёны специалистов – представители самых разных профессий. Поскольку женщины приехали в Китай вслед за своими мужьями, возможностей для их трудоустройства на новом месте практически не было и ощущение скуки стало их главной проблемой. Этому было несколько причин. Во-первых, уже упомянутое отсутствие работы. Женщины вынуждены были сидеть дома, ожидая с работы своих мужей. Во-вторых, практически никто из них не умел говорить по-китайски даже на бытовом уровне. Это делало невозможным общение с кем бы то ни было за пределами «городка». Но некоторый набор стандартных фраз, необходимых для комфортного общения с китайскими продавцами и обслуживающих персоналом, женщинами, конечно же, был освоен. Таким образом, способы проведения досуга вне пределов русского коллектива были весьма ограничены. В-третьих, строительный «городок» находился на значительном удалении от центра города и отделялся от него длинным тоннелем, прорубленным в горе, что также ограничивало в возможностях русских.

Деятельность жён строителей АЭС была довольно однообразной. Большая часть времени уходила на ведение домашнего хозяйства и уход за детьми. За продуктами приходилось ездить в Ляньюньган. Многие женщины самостоятельно занимались образованием своих детей. Некоторые объединяли детей в группы и занимались с ними по школьной программе по очереди. В свободное время женщины занимались рукоделием (вышивка, шитьё, рисование), чтением, походами по магазинам. Некоторые брали надомную работу. По словам Людмилы М., она хорошо готовит. Ей пришлось в голову принимать заказы на выпечку тортов. За работу она получала хорошие деньги. Её знакомые также подрабатывали, например, помощью по дому, присмотром за детьми и т.п. Такая деятельность помогала им справляться с периодически набегающей грустью, скукой или тоской по дому [16].

После сдачи основной части Тяньваньской АЭС (в 2007 г.) подавляющая часть русских вернулась на Родину. Таким образом, тяньваньская община сдлужит примером русской трудовой миграции в Китай. Срок существования данного сообщества ограничивался сроком действия российско-китайского делового соглашения. Опыт россиян, живших в Ляньюньгане, демонстрирует их социальную пассивность: за небольшим исключением (примеры смешанных русско-китайских браков) никто из россиян (в первую очередь имеются в виду жёны русских сотрудников АЭС) не пытался влиться в китайское общество – выучить китайский язык, приспособиться к китайскому образу жизни. Китай воспринимался ими лишь как «временное прибежище», «пионерлагерь», откуда со временем придётся уехать. А потому русские семьи пытались получить максимум пользы от проживания за рубежом: зарплата, возможность путешествовать и т.п.

Следует отметить, что современные русские сообщества Китая – это сложные образования. Их крайняя неоднородность (различный возраст представителей, мотивы миграции, сферы деятельности и пр.) не позволяет говорить о наличии в Китае русской диаспоры. Данные сообщества имеют свои факторы консолидации и не стремятся к объединению с аналогичными сообществами, сущест-

вующими даже в рамках одного города. Их объединяют лишь общая страна исхода, русский язык и русский менталитет. При этом для местных жителей все выходцы из России и стран СНГ являются «русскими», вне зависимости от их национальности и гражданства.

1. Кафаров П. Русское поселение в Китае в первой половине XIV века // Восточный сборник. – СПб.: Изд-во Министерства иностранных дел, 1877. Вып. I.

2. Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. – СПб.: б.и., 1852, 1853. Т. 1, 2.; Ивановский А. Богослужбные книги православной Церкви на китайском языке. Христианское чтение. – СПб.: б.и., 1885. Т. 2.; Гурий (Карпов). Русская и греко-российская церковь в Китае в XVII–XIX вв. Русская старина. – СПб.: Печатня В.И. Головина, 1884. № 9; Можаровский А. К истории нашей духовной миссии в Китае (архимандрит Петр Каменский). Русский архив. – М., 1886. № 7. С. 412; Можаровский А. Петр Каменский, архимандрит, начальник 10-й Российско-императорской миссии в Пекине // Русская старина. – СПб.: б.и., 1896. Т. 85. С. 592; Можаровский А. Архимандрит Петр Каменский, начальник Десятой Российской-Императорской миссии в Пекине. Пекин, 1912; Миротворцев В. Материалы для истории Пекинской духовной миссии. Православный собеседник. – Казань: Казанская духовная академия, сентябрь 1888. № 9. С. 98; Михайловский И.Н. Важнейшие труды Спафария. – Киев: Ист-фил. Общ-во, 1897 и др.

3. Великий железнодорожный путь через Сибирь и Восточно-Китайская железная дорога с 1887 года. Железнодорожное дело. – СПб.: Русское техническое общ-во, 1901. № 45/46. С. 518–519; Диаграмма. Маньчжурия и Китайская восточная железная дорога. – Томск: Изд. Ф.П. Романов, 1898; Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога / Экономическое Бюро Китайской Восточной железной дороги. – Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1922; Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. По поручению Правления О-ва и под ред. спец. комиссии; сост. Е.Х. Нилус. 1896–1923 г. – Харбин: Общ-во КВЖД, 1923. Т. 1.

4. Белов В. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутии. – М., Петроград: Государственное изд-во, 1923; Киржниц А. У порога Китая: Русские в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги // Сибирские огни. 1923. № 4. С. 126–143; Бобрищев-Пушкин А. Война без перчаток. – Л.: КУБУЧ, 1925.

5. Скачков П.Е. История изучения Китая в России в XVII и XVIII вв. Международные связи России в XVII–XVIII вв.: сб. ст. – М.: Наука, 1966; Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. – М.: Политиздат-Язык, 1975; Сладковский М.И. Знакомство с Китаем и китайцами. – М.: Мысль, 1984; Василенко Н.А. Из истории установления интернациональных революционных связей народов России и Китая на КВЖД в нач. XX в. Классовая борьба и революционные выступления на Дальнем Востоке во 2-й пол. XIX – нач. XX в – Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. С. 117–129;

6. Троицкая Т.Ю. Принципы синтезирования в архитектуре Китайско-Восточной железной дороги. Реконструкция и совершенствование несущих элементов зданий и сооружений транспорта: сб. науч. тр. – Новосибирск, 1995. С. 102–108; Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. – 2-е изд., – М.: Наука, 1994; Он же. Российская эмиграция в Китае (1917–1924). – М.: Наука, 1997; Он же. К 100-летию Харбина и КВЖД // Материалы междунар. науч. конф. «Годы. Люди. Судьбы. История российской эмиграции в Китае». – М.: Русское зарубежье,

URL: www.nature.web.ru:8001/db/msg.html?mid=1187337 (дата обращения 03.07.2011); Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. – М.: Прометей, 1994; Она же. Русский Харбин. – М.: Изд-во МГУ, 1998; Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. – М.: Прогресс-Академия, 1994; Гончарова Н.В. Культура российской эмиграции в Харбине (опыт историко-культурологического анализа): автореф. ...канд. культурологии. – СПб., 2002; Ильина-Лаиль О. Восток и Запад в моей судьбе. – М.: Викмо-М, 2007 и др.

7. Гутин И.Ю. Динамика численности русского населения Синьцзян-Уйгурского автономного района (1949–2000 гг.) // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 3 (18). С. 74–82; Он же. Динамика численности русского населения Автономного района Внутренняя Монголия КНР (1949–2000-е гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 13: Востоковедение. 2011. № 2. С. 72–85; Курто О.И. Современные проблемы православной церкви в Китае // Общество и государство в Китае: XLII научная конференция: в 3 ч. / Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2012. (Учёные записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 7 / редкол. Кобзев А.И. и др.). С. 343–356; Она же. Современное положение и способы адаптации русской диаспоры в Шанхае // V научные чтения «Сибирь и Центральная Азия: актуальные вопросы политического и социокультурного развития», посвященные 100-летию со дня рождения профессора Е.М. Залкинда: материалы международной конференции. Барнаул, 27–28 апреля 2012 г. / под общ. ред. А.В. Старцева. – Барнаул: АЗБУКА, 2012. С. 167–170; Она же. Российская историография русского присутствия в Китае // Общество и государство в Китае: XLII научная конференция. / Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2012. (Учёные записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 6 / редкол. Кобзев А.И. (пред.) и др.). Т. 1. С. 301–309; Русские в Китае / под общ. ред. и предисл. А.А. Хисамудинова; М.В. Дроздов, Т.Н. Калиберова, Д.А. Поздняев, Л.П. Черникова, А.А. Хисамудинов и др. – Шанхай: Изд. Координационного совета соотечественников в Китае и Русского клуба в Шанхае, 2010

8. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 598 с. С. 290–291.

9. Интервью с Цзан Ин (Катей Цзан) (ПИМА, г. Москва, 07.08.2011.).

10. Тарасов А. Как Россия выдавила Ивана в Китай // Новая газета. 17.08.2011. № 90(1793). С. 3.

11. Котов Ф. Амурская область переезжает в Китай? // Амурское утро. 2007. 3 января.

12. Харченкова Д. На пенсию в Китай // Дальневосточные ведомости. 2007. 4–11 июля.

13. Полуяtkова Е. Меняю однокомнатную квартиру во Владивостоке на апартаменты в Суйфэньхэ // Комсомольская правда. Владивосток. 2007. 17 ноября. С. 14.

14. Официальный сайт компании ЗАО «Атомстройэкспорт». URL: www.atomstroyexport.ru/about/rus/1

15. Интервью с Людмилой М. (Полевые материалы автора. М., 2007).

УДК 93/94

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛА И ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНОГО САЛОНА «АВСТРАЛИЙСКАЯ ЛАМПАДА»

Л.Л. Ларкина,

*создатель и главный редактор журнала «Австралийская лампада»
и литературно-музыкального салона «Лампада»; поэт, писатель, журналист,
исследователь русской эмиграции в Австралии; член Союза писателей России; член
Международной Гильдии Писателей; член Ассоциации Австралийских Авторы;
член Приморского краевого отделения Русского географического общества*

г. Брисбен, Австралия

*Статья посвящена истории возникновения, деятельности и современному
состоянию журнала-летописи русских эмигрантов штата Квисленд (Австралия)
«Австралийская лампада» и деятельности литературно-музыкального салона
«Австралийская лампада». Уделяется внимание культурным проектам членов
литературно-музыкального салона по сохранению русской культуры. Особое
внимание обращено на роль журнала-летописи «Австралийская лампадка» в деле
сохранения и распространения русской культуры на пятом континенте, связи
редколлекции журнала с православными приходами в Австралии и с проектами,
которые осуществляет первый русский музей в Австралии.*

Ключевые слова: *эмиграция, журнал, русская культура, православный при-
ход, творческие вечера, конкурсы, русский язык.*

JOURNAL HISTORY AND LITERARY AND MUSICAL SALON «AUSTRALIAN LAMP»

L.L. Larkina,

*the founder and editor-in-Chief of the «Australian lamp» and the literary and musical
Salon «Lamp»; poet, writer, journalist, researcher of Russian emigration in Australia;
a member of the Union of writers of Russia; a member of international Guild of Writers;
a member of the Association of Australian; member of the Seasideprovincial offices
The Russian Geographical Society*

*The article is devoted to the history, activities and current state of the magazine
annals of Russian emigrants Kvislend State (Australia) «The Australian lamp» and the
activities of literary and musical Salon «Australian lamp». Attention is given to cul-
tural projects members of literary and musical salon for the preservation of Russian
culture. Special attention is paid to the role of the magazine Chronicles «Australian
church art items» in the preservation and dissemination of Russian culture on the fifth*

continent, communications editorial board with Orthodox parishes in Australia and with projects that carries out the first Russian Museum in Australia.

Keywords: *emigration, journal, Russian culture, Orthodox parish, recitals, competitions, Russian language.*

*«Там день и ночь горит ЛАМПАДА
Пред ликом Девы Пресвятой;
Души тоскующей отрада...»*

А.С. Пушкин

Переехав жить за границу, все мы тоскуем по Родине. Где бы мы ни были, каким бы творчеством ни занимались, оно всегда перекликается с образом тех мест, где наши корни. «Души тоскующей отрада...» – назвал эти чувства Александр Сергеевич Пушкин. Кто-то до конца своих дней не может справиться с этим чувством тоски по Родине и все свои неудачи в новой стране списывает на то, что он не может забыть свою родину, потому все здесь не мило и потому все у него здесь не клеится. И слышишь от такого человека ежедневно все те же слова: «А вот там у нас я был тем-то..., а здесь – все не так и не то...». В результате человек окончательно теряется, так и не прижившись в новой стране и потеряв уже навыки проживания в той стране, откуда приехал.

Кто-то вообще не испытывает чувства ностальгии и с лёгкостью вычеркивает Россию из своего сердца, а из памяти своих детей навсегда вычеркивает русский язык. Удивляешься тому факту: еще 2 года назад только что приехавшая семья в Австралию была русской и все члены ее говорили на чистом русском языке, а сегодня они уже не хотят говорить на родном языке и даже скрывают, что они русские...

Есть еще и третья категория российских эмигрантов, которые, приехав в Австралию, начинают строить здесь свою маленькую Россию. Именно таким островком России и стал в Австралии журнал «Австралийская лампада», идея которого за 9 лет своего существования так расширилась и укрепилась делами, что теперь это не просто журнал, а творческое объединение, собравшее вокруг себе деятелей литературы, культуры, искусства, музееведения, просто ценителей прекрасного. Все эти жемчужные крупинки талантов, собранных вместе, называются теперь ассоциацией творческих деятелей «Австралийская лампада». А с чего все начиналось?

А начиналось все с того, что, прибыв в столицу австралийского штата Квинсленд в Брисбен в 2002 г., я сразу обратила внимание, что нет в штате Квинсленд ни одного русского печатного издания. Я начала настойчиво искать в Брисбене русских, надеясь что-то прочитать о них в местной прессе. Кто что ищет в солнечной, заморской стране: кто-то наряды, кто-то пляжи. Я пыталась найти хотя бы одну брошюру, газету, написанную на русском языке. Очень хотелось знать, как живут здесь наши соотечественники.

Спустя семь лет моего проживания в Австралии 31 мая 2009 г. мы с семьей и единомышленниками открыли литературно-музыкальный салон «Лампада». Открытие было приурочено к неделе Славянской культуры и письменности. Так случилось, что в эти дни в Брисбене открывалась после длительного закрытия церковь Благовещения и передавалась американской православной церковью под омофор Русской Православной Церкви Заграницей. На эти торжества при-

был в Брисбен Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский Иларион (Капрал). Владыка Иларион присутствовал во время открытия литературно-музыкального салона «Лампада», которое состоялось в прицерковном зале Свято-Николаевского собора. После поэтических чтений он высказал свое мнение о важности русской литературы за рубежом и благословил на дальнейшую деятельность литературно-музыкального салона «Лампада» и печать журнала-летопись русских в Австралии.

В октябре 2009 г. в Брисбене вышел первый номер печатного журнала «Австралийская лампада», в котором были открыты такие рубрики, как семейная, детская, молодежная, литературная, историческая; «по следам старой фотографии» – о судьбах эмигрантов Австралии; «события в русской общине» – описание мероприятий, которые организуются в настоящее время. Есть рубрика притч, назидательных рассказов, указывающих дорогу к нравственности, без которой невозможно развитие ни одного общества. В журнале «Австралийская лампада» даются ответы на духовные переживания, которые посещают душу человека. Не все посещают церковь, и журнал наш не пытается изменить мировоззрение читателей, а просто ежедневно пишет летопись русских в Австралии. Выводы делает сам читатель. У каждого человека свой путь к Богу. Наш журнал не религиозный, но, если есть вопросы к священнику, читатель всегда может получить ответы на эти вопросы на страницах нашего журнала. На страницах «Австралийской лампы» мы говорим обо всём, что интересует современного человека, но говорим с православной позиции. Это вовсе не значит, что мы не хотим прислушиваться к людям других убеждений, может быть ещё сомневающимся или прямо исповедующих своё неверие. Напротив, наш журнал во многом предназначен для них не меньше, чем для тех, кто уже пришёл к вере.

С открытием литературно-музыкального салона «Лампада» и журнала «Австралийская лампада», к своему удивлению, я поняла, что моя деятельность интересна больше представителям «китайской» волны эмиграции, чем «советской». Почему? Объяснить сразу было трудно. Может, вновь приехавшие больше тратят времени на то, чтобы быстрее интегрироваться в австралийское общество? Возможно, их больше не интересуют русская культура и литература? Может, больше не хотят ничего слышать о России? Возможно, они больше читают новости и книги в Интернете, чем в печатных газетах и журналах? Читают в Интернете, но мы с первого дня систематически выпускали и выпускаем еще и «живой журнал» – это литературно-музыкальные композиции по творчеству разных выдающихся писателей, поэтов, музыкантов, художников, а также проводим мероприятия к российским и австралийским государственным праздникам. Музыканты музицируют, поэты читают свои стихи, певцы исполняют песни.

Почему-то и на творческие встречи в первые годы создания «Австралийской лампы» приходило больше представителей старших волн эмиграции, чем после перестроечной эмиграции. Со временем страницы нашего журнала стали объединять людей, выросших в разных религиозных, политических и экономических условиях. Теперь его читают, представители как старых волн эмиграции, так и постсоветской. Общась в течение нескольких лет с русскими людьми Австралии, волей судьбы и исторических событий получивших разное воспитание и образование, я поняла, что нам есть о чем говорить, и мы говорим об этом на страницах нашего журнала. Мы не случайно обратились к духовным отцам за благословением и за наставлениями, а также в состав редколлегии пригласили

профессионального психолога, которому читатели могут задавать волнующие их вопросы. Читатели постоянно пишут нам. Пишут письма с благодарностью, а также не стесняются раскрывать свои проблемы. Они всегда получают ответ на страницах нашего журнала, хотя мы не пишем персонально, для кого из них тот или иной ответ или статью. У журнала «Австралийская лампада» сейчас есть подписчики в разных штатах Австралии, в России, Болгарии.

Печатный журнал выходит на 56 страницах ежеквартально (4 раза в год) и стал дискуссионным клубом для читателей всех возрастов. Все новости Квинсленда публикуются на сайте «Австралийская лампада».

Многие исследователи русского зарубежья отмечают, что для них самая большая неожиданность и ценность узнать, что при печатном издании систематически выпускаются «живые журналы» в музыкально-поэтическом салоне, тем самым просвещая читателей, давая возможность талантливым людям творчески реализовать себя в новой стране. Творческие вечера «Австралийской лампы», встречи с читателями проходят теперь не только в Брисбене, но и в других городах Австралии. Сегодня о нравственно-образовательном журнале-летописи русских в Австралии «Австралийская лампада» все чаще говорят в России и других странах, где проживают русские. Читателям понравилась идея и цель журнала – воспитание подрастающего поколения на примере наших отцов и дедов, оставивших свою Родину в годы лихолетья, достойно сохранивших свою русскость, православие и любовь к России. Цель, поставленная девять лет назад редактором журнала «Австралийская лампада», – собрать историю жизни русских в Австралии давно ушедших лет и писать летопись сегодняшнего дня – оказалась очень актуальной и востребованной в библиотеках, музеях, университетах, где открыты отделы русского зарубежья.

В 2009 году мало кто верил в успех русского журнала в Брисбене, понимая, что наряду с систематическим сбором материалов, интервью, описанием событий, будет стоять еще следующая задача, – как все это оформить в журнал, на какие деньги издать материалы в печатном виде? Сегодня журналу «Австралийская лампада» 10 лет. Журнал наш – летопись русских в Австралии – прошёл непростой путь становления. Журнал развивается, становится с каждым днём все красочнее, глубже по содержанию, обретая новых подписчиков. Читатели говорят и пишут, что на сегодняшний день – это лучший журнал в Австралии о соотечественниках.

Это сегодня, а 10 лет назад, когда для первого номера журнала были уже написаны статьи, записаны бесценные интервью, собраны фотодокументы, на пути вдруг встали проблемы, которые казались непреодолимыми. Пришлось научиться вёрстке журнала, компьютерному дизайну, окончить отделение издателей, журналистики Австралийского колледжа.

Надо отдать должное настоятелю Свято-Николаевского собора в Брисбене протоиерею Гавриилу Макарову, который помог найти спонсора для печати первого номера журнала. Откликнулось спонсорской поддержкой Австралийское похоронное бюро Metropolitan Funeral Service in Brisbane. В 2010 году была еще одна ситуация, когда журнал мог закрыться навсегда. В тот момент руку помощи подали русские предприниматели крупной компании Australian Innovation System директор компании Елена Госсе и ее муж, основатель компании Гарри Госсе.

Тот, кто бывал на творческих встречах с читателями журнала «Австралийская лампада», уже никогда не забудет тепло, свет, радость общения, которое

сосредоточивается вокруг брисбенской творческой «Лампады». В литературно-музыкальном салоне «Лампада», членами которого стали многие квинслендцы, проходят незабываемые, профессионально организованные встречи. Тематические вечера всегда несут в себе смысловую, нравственно-образовательную нагрузку. Каждый квинслендец знает, что на творческие встречи салона «Лампада» нельзя приходить в шортах, девушкам в джинсах, как здесь, в жарком штате Австралии, зачастую принято посещать мероприятия в самом неожиданном виде..., под простым названием «пляжный стиль». Все эти ненавязчиво установленные правила несут в себе оттенок эстетического воспитания подрастающего поколения и понимание, что такое этикет в одежде, поведении и общении. Каждый участник встреч высоко ценит возможность стать членом «Лампады», где он может показать свой талант, свои новые созданные произведения, имеет возможность снова выйти на сцену, музицировать, читать стихи на русском языке, узнавать новости литературы, погружаться в изучение истории, организовывать персональные художественные выставки и концерты, знакомиться с другими творческими людьми Австралии и их произведениями.

За 10 лет коллективом творческого объединения «Австралийская лампада» организовано более 50 встреч на самые разные темы, которые никогда не повторились и всегда несут необыкновенный свет тепла, любви, внимания к людям и огонёк новых знаний, как в области литературы, искусства, так и истории. В литературно-музыкальном салоне «Лампада» постоянно организуются творческие встречи, посвящённые творчеству выдающихся людей русского зарубежья и России, проводятся презентации книг, выставки картин и других произведений прикладного искусства русских эмигрантов. Салон собирает у своего огня современных писателей, поэтов, художников, музыкантов, певцов, мастеров художественного слова, любителей прикладного творчества и всех, кто любит прекрасное. Организация и проведение творческих вечеров, презентаций, литературных, музыкальных конкурсов, художественных выставок, выявление новых авторов служит эмоциональным стимулом для новых вдохновений творческих людей. Цель литературно-музыкального салона «Лампада» и журнала видится в сохранении русского языка и многовековых культурных традиций в условиях англоязычного общества; выявлении новых талантливых людей, предоставлении им возможности выступления перед аудиторией, а также воспитании чувства любви и интереса у молодёжи к истории, культуре России через мир музыки, поэзии, живописи, прикладного искусства и других видов творчества.

Во время выпуска «живого журнала» «Австралийская лампада» за 10 лет были организованы историко-литературные встречи на самые разные темы. В 2009 г. состоялись поэтические чтения: «Россией наполнится сердце моё»; «Здравствуй, Австралия»; «Ты лежишь, Россия, незабудкою», «Души простое дуновенье». В 2010 г. в салоне «Лампада» был организован вечер, посвящённый творчеству поэта-песенника, гусяра Максима Трошина, погибшего в возрасте 16 лет в 1997 г. при невыясненных обстоятельствах. Встреча многих потрясла незаурядностью песенного и поэтического таланта юного «соловья» России. В том же 2010 г. прошла презентация двух поэтических сборников автора данной статьи, изданных в Австралии и в Америке: «Русь моя венчальная», «Любовь долготерпит, прощая обиды». Для многих ценителей русской живописи стало открытием во время одной из встреч в 2010 г. знакомство с творчеством талантливого художника Константина Васильева, погибшего в России в молодом воз-

расте, при невыясненных обстоятельствах на пике своего незаурядного творчества в 1974 году. В 2010 г. также отметили 100 лет со дня выхода 1-го поэтического сборника Марины Цветаевой «Вечерний альбом», организовали музыкально-поэтический вечер «Лампада» раскрывает таланты». Вечер прошёл в славянском ресторане «Татра» – в живописном местечке Голд Коста на горе Тамбурин. Тема вечера звучала так: «Любовь, как ты была прекрасна!». В 2011 г. был организован конкурс детского рисунка и прикладного творчества на тему «Рисуем Пушкина» и конкурс художественного чтения «Читаем Пушкина», на берегу реки Брисбен у зажжённой лампы вместо костра также отметили 100 лет со дня знакомства Сергея Ефрона и М. Цветаевой.

Впервые в 2012 г. в Австралии был организован «Костёр Памяти», посвящённый 35 поэтам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, с поэтическими чтениями на берегу реки, с полевой кухней. На встрече присутствовали ветераны войны. В июле 2012 г. прошла презентация четырёх книг Людмилы Ларкиной, изданных в Австралии в 2011–2012 гг.: «Уральские казаки в Квинсленде», «Брисбенский иконописец Арсений Савицкий», «Не остави, Владыко, меня», «Что такое Пасха в детстве» (сборник стихов для детей, изучающих русские народные промыслы, праздники, традиции).

В 2013 г. многим запомнилась встреча «Вальсы XX века», приуроченная ко Дню Победы. Почётными гостями были ветераны Великой Отечественной войны. В 2013 г. в салоне «Лампада» отметили 400-летие Дома Романовых, во время встречи была впервые показана видеохроника из серии «совершенно секретно» о расстреле царской семьи. В октябре 2013 г. прошли поэтические чтения и бардовская песня на стихи Игоря Талькова.

В начале 2014 г. в салоне «Лампада» состоялась встреча, посвященная 130-летию со дня рождения Александра Вертинского – вдохновителя русской эмиграции. Гости познакомились с творческим наследием певца и поэта периода его эмиграции в Париже, Харбине, Шанхае. Для многих впервые открылись новые страницы непростой жизни талантливого певца после его возвращения в Россию из Китая. С успехом прошел в салоне «Лампада» День культуры, посвященный истории русского костюма.

В октябре 2014 г. «Лампада» отметила свое пятилетие, а в ноябре того же года самые талантливые члены «Лампады» выступили в Сиднее во время концерта в честь Дня Народного Единства. В декабре 2014 г. провели творческую встречу в спортивном клубе «Бронкос» по случаю создания в салоне «Лампада» Русского Драматического Театра и организации постановки сказки Филатова про «Федота Стрельца – удалого молодца».

В 2015 г. в салоне состоялась первая встреча с режиссером-актером из Америки Рустемом Галичем «Бал поэтов». Проведена презентация первого музыкального альбома фольклорных песен певицы из Вятки Иннессы Хук. Подготовили и провели литературно-музыкальную композицию «Мы помним ваши имена», посвященную 70-летию со дня Победы. Организована встреча с искусствоведом из Хабаровска Ольгой Монаховой. Отметили 100 лет со дня рождения поэта Константина Симонова, прошел творческий вечер, посвященный трагической судьбе погибшего в эмиграции певца Петра Лещенко. Организована творческая встреча с талантливым режиссёром из Брисбена Женей Мень – победителем конкурса анимационного кино в Каннах. (В 2018 г. Жени Мень в возрасте 52 лет не стало.)

В 2016 г. коллектив «Австралийской лампы» организовал встречу с другом из Москвы «Русская душа». Организовали их концерт в русском доме престарелых Pine Lodge, а также совместный концерт с церковным хором в прицерковном зале Свято-Николаевского собора под названием «Рождественские колядки»; был организован концерт на Голд Косте для сербского общества. В 2016 г. в «Лампаде» создан театр «Три медведя» (<http://www.unification.com.au/articles/3489/>). В апреле 2016 г. состоялась премьера театра. Кукольный театр выступил впервые на публике, показав сказку «Эмиграция Колобка в Австралию». В поэтических чтениях литературно-музыкального салона «Лампада» постоянно принимают участие дети. Их театрализованные выступления объединяет детский театр «Лампадочка», созданный при нашем журнале. В 2017 г. творческий коллектив литературно-музыкального салона «Лампада» организовал и провел такие встречи, как: 130 лет со Дня Рождения Игоря Северянина, «Этикет как искусство общения», презентацию книги Людмилы Ларкиной «Фарфоровый Ангел», отметили 8 лет «Австралийской лампы», приняли участие в спектакле режиссера из Нью-Йорка Рустема Галича «Знакомый ваш Сергей Есенин».

В 2018 г. 21 марта в день Всемирной Поэзии были организованы поэтические чтения произведений Анны Ахматовой, проведена встреча с представителями харбинской эмиграции «Хабинское танго»; встреча «Посидим – повспоминаем» с рассказами о том, кто и как попал в Австралию, как здесь приживался. Впервые творческим объединением «Австралийская лампада» был организован выездной 7-дневный фестиваль «Будем едины», на который съехались творческие люди двух штатов – Квинсленда и Нового Южного Уэльса. Фестиваль проходил в апреле, в городе целебных минеральных источников Морри, расположенном в 6 часах езды на машине от Брисбена штата Квинсленд и в 10 часах езды на поезде от Сиднея (штат Новый Южный Уэльс). В течение 7 дней фестиваля «Будем едины» проходили презентации книг, журналов, предметов прикладного творчества, поэтические чтения, концерты, лекции оздоровительной тематики, познавательные экскурсии по близлежащим к городу Морри пустыням Австралии. Все это готовили русские энтузиасты-волонтеры с «горящими в сердцах творческими лампадками». В мае 2018 г. в Сиднее Русском Клубе Страдфильд состоялась презентация книги Людмилы Ларкиной «Фарфоровый Ангел».

В августе 2018 г. состоялась внеплановая встреча членов журнала и литературно-музыкального салона «Лампада» с доктором исторических и философских наук Дальневосточного федерального университета Светланой Михайловной Дударенок для знакомства с творческими проектами, научными конференциями, организуемыми Дальневосточным федеральным университетом. Светлана Михайловна рассказала о своих исследовательских работах по истории восточной ветви русской эмиграции, о научных планах и проектах, о том, как в июне 2018 г. мы вместе с ней и с другими представителями научных учреждений Владивостока выступали с докладами о русских эмигрантах в Китае на Международной научной конференции «Мой любимый Харбин». Во время конференции в Харбине вновь встретились с исследователями русского зарубежья Инессой Константиновной Капран – председателем секции Приморского краевого отделения Русского географического общества – Общества изучения Амурского края Дальневосточного информационно-культурного центра «Русское зарубежье» и

ее коллегами Л.И. Козновой и В.Л. Назаровой, приехавшими в мае 2017 г. из Владивостока в Австралию. Они приехали по приглашению директора Первого русского музея в Австралии М.М. Овчинникова (г. Сидней) на годовщину открытия музея. Благодаря их исследовательскому энтузиазму в 2017 г. я вступила в Приморское отделение Русского Географического общества.

В 2018 г. у меня вышли 2 книги: «Харбинские вечера» и «Гардемарин с чужой судьбой». Презентации книг состоялись в Екатеринбурге, Ижевске, Игре, Балезино, Карсавае и других населенных пунктах Уральского края России, откуда после Октябрьской революции массово исходили за границу русские люди. Презентация этих двух книг состоялась в июне 2018 г. в Харбине (Китай) во время Международной научной конференции, организованной Дальневосточным федеральным университетом и Русским клубом в Харбине. В октябре 2018 г. в рамках «Осеннего фестиваля» по книге «Гардемарин с чужой судьбой» в Гонкоге была организована трехдневная выставка и презентация книги с последующими экскурсиями. С целью организации выставки и презентации книги «Гардемарин с чужой судьбой» редактор журнала, автор книги Л. Ларкина и директор по связям с молодежью «Австралийской лампы» Алина Джалимбетова посетили исторические места Гонконга, связанные с историей русской эмиграции. Творческое сообщество «Австралийская лампада» объединяет не только писателей, поэтов, певцов, композиторов, но и современных русских художников, проживающих в Австралии. Были организованы художественные выставки: Жени Мень, Анны и Галины Кольцовых, Ольги Луценко, Дмитрия Пахомова, Аллы Арт, Светланы Трефиловой, Арсения Хлыновского. О своем творческом пути в области художественного творчества рассказывали художники Людмила Любушкина, Татьяна Краснова. Ежегодно проводятся в литературно-музыкальном салоне «Лампада» встречи под названием «Свободный микрофон», благодаря которым открываются новые таланты.

Деятельность журнала и литературно-музыкального салона «Австралийская лампада» расширяется с каждым годом, давая возможность встретиться талантливым людям для новых идей и создания новых творческих проектов. Перед сегодняшними исполнителями, композиторами, поэтами, писателями стоит высокая цель – принять все лучшее из музыкального и литературного наследия и наполнить его новым духовным содержанием. Нам есть что сказать и чем дополнить традиции славных предшественников. Все вместе мы можем внести свой вклад в дело сохранение русского языка, православия и многовековых культурных традиций в условиях иноязычной страны. В каждой душе человека горит творческая лампадка любви и надежды. Главное – поддерживать этот огонек всегда горящим, тогда наши дети и внуки еще долго будут помнить свои корни, хранить русский язык и еще долго не растворятся бесследно в англоязычной среде.

1. Газета «Вперед» 5 июля 2018. Гостя из Австралии. URL: <http://balezino.bezformata.com/listnews/gostya-iz-avstralii/68116471/>

2. Старообрядцы в Австралии сумели сохранить традиции и передали любовь своим детям к родине // Русская вера. URL: http://ruvera.ru/articles/doklad_larkinoy

3. Кузьмин В. Встреча с Людмилой Ларкиной в Русском клубе Сидней // Единение. 2018. 28 мая. URL: <http://www.unification.com.au/articles/4188/>

4. Литкритика. «Современная литература»: Демченко С.А. «Это твой Ангел...» URL: http://lit.lib.ru/d/demchenko_swetlana_andreewna/text_0980-1.shtml
5. Приморское краевое отделение Русского географического общества – Общество изучения Амурского края. Капран И. Осенний фестиваль культуры в Гонконге, 2018. URL: <http://оиа.рф/osenniy-festival-kultury-v-gonkonge-2018>
6. История русского костюма и его роль в единении русскоязычных эмигрантов в Австралии // Малые города как фактор развития производительных сил Дальнего Востока: [Электронный ресурс] материалы Регион. (с межд. участием) науч.-практич. конф., г. Большой Камень, 21–22 октября 2016 г. / Дальневосточный федеральный университет. 2016. С. 360–365. URL: <https://www.dvfu.ru/science/publishing-activities/catalogue-of-books-fefu/>;
7. Примачек Л. «Там день и ночь горит лампада»: интервью Л. Примачек с редактором журнала «Австралийская лампада» Л. Ларкиной. // «There one last one». URL: <https://dmitriririririir.wordpress.com/2014/11/28/там-день-и-ночь-горит-лампада/>.
8. О лауреатах-женщинах Международного конкурсного проекта имени де Ришелье «Амазонки под звездой Ришелье». URL: <https://9musesjournal.wordpress.com/2016/11/01/лауреаты-и-лидеры-международного-кон/>
9. Лауреаты международного конкурса «Спаси и сохрани» имени де Ришелье, 2015. URL: <https://gloriawelt.wordpress.com/2015/09/14/проект-спаси-и-сохрани-лауреаты-межд/>

УДК 93

ПУТЬ АККУЛЬТУРАЦИИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В ХАРБИНЕ

Лю Цуньин,

канд. психол. наук, доцент кафедры социальной работы

Институт государственного управления

Хэйлуньцзянский университет

КНР

Исследуется процесс аккультурации русской эмиграции в Харбине в XX в. Анализируется состояние жизни русской эмиграции того времени на основе теории аккультурации известного психолога Берри. Сформулирован вывод о том, что в процессе адаптации к китайской культуре русские эмигранты применяли три стратегии: сепарацию, ассимиляцию, интеграцию.

Ключевые слова: *русские эмигранты, сепарация, ассимиляция, интеграция.*

THE WAY OF ACCULTURATION OF RUSSIAN EMIGRANTS IN HARBIN

Liu Congying,

Cand. Sc. in psychological, Associate Professor

Department of social work of the Institute of public administration,

Heilongjiang University

The article examines the category of Russian emigration in Harbin of the 20th century. And Analyzing the state of life of the Russian emigration of that time on the basis of the acculturation theory of the famous psychologist Berry, the article comes to the conclusion: in the process of adaptation to Chinese culture, Russian emigrants used 3 strategies: separation, assimilation, integration.

Keywords: *Russian emigrants, separation, assimilation, integration.*

Город Харбин был основан русскими в 1898 г. как станция на Китайско-Восточной железной дороге, и первые русские были в основном строителями и служащими КВЖД. Строительство КВЖД и приток русских эмигрантов способствовали быстрому росту города Харбина. В 1913 г. население города составляло 68 549 человек, в основном – русских и китайцев (перепись фиксирует наличие граждан 53 разных стран; только 11,5% жителей родились в Харбине), а к 1917 г. число жителей превысило 100 тысяч, в том числе более 40 тысяч русских [10]. Разнообразие наций в Харбине усложнило культуру города. Но русские эмигранты занимали важное место в структуре населения города. Они, перенося русскую культуру в Харбин, значительно повлияли на харбинскую жизнь, внесли в неё элементы русской культуры. Активно сформировав харбин-

скую культуру, они адаптировались психологически и социально к китайской культуре.

В целях выживания они вынуждены были подчиняться и японской политической культуре, будучи то же время вытесняемы китайской культурой. Окончательный процесс «китаизации» завершился при жизни китайско-русских потомков, появившихся в результате смешанных браков, которые со временем стали равноправными членами китайского общества и гражданами китайского государства. Этот процесс может служить одним из примеров культурной интеграции в истории русских эмигрантов в Харбине.

Некоторые ученые подчеркивают, что важнейшим результатом и целью процесса аккультурации является долговременная адаптация к жизни в чужой культуре. Но адаптация может привести или не привести к взаимному соответствию личности и среды, может выражаться не только в приспособлении, но и в сопротивлении, попытке изменить среду своего обитания или измениться взаимно [6]. С этой точки зрения в процессе аккультурации русских эмигрантов не проявлялась адаптация к жизни в Харбине с того времени, когда они только располагались в Харбине и планировали изменить местную культуру и переселять русскую культуру, потом принимали китайцев в адаптацию к их культуре. Ученый Старов считает, что в процессе аккультурации русских эмигрантов к китайской культуре они выражали сепарацию [8]. С моей точки зрения, на разных этапах процесса аккультурации русских эмигрантов они стремились не только к сепарации, но и к ассимиляции и интеграции.

По своему происхождению харбинская группа русских эмигрантов в основном делилась на три категории: 1) переехавшие в Китай во время строительства КВЖД. Когда в 1896 г. опорным пунктом строительства КВЖД был выбран г. Харбин, русское население концентрировалось именно здесь; 2) русские эмигранты, покинувшие Россию перед Октябрьской революцией и после неё. После революции 1917 г. и вызванной ею Гражданской войной начинается активный рост русскоязычного населения в Китае, особенно в его северо-восточных провинциях. К 1930 г. численность русских составляла 125 тыс. чел [4]; 3) русские, направленные в Харбин советским правительством.

В конце XIX в. со строительством КВЖД русские эмигранты приехали в Китай, и в 20-е гг. XX века большое количество русских эмигрантов вынуждено покинуть Родину и приехать в Харбин. Тогда Россия по сравнению с Китаем находилась на высоком уровне в сфере экономики, искусства, образования, научной техники и т.д. Харбин же был просто поселком. В составе русских в Харбин прибывают инженеры, технические специалисты, художники, писателя, врачи, офицеры, солдаты и просто обыватели. Отстающий в культуре и экономике Харбин никак не мог удовлетворить их материальные и духовные потребности. Как считает ученый Ли Яньлин, отстающий поселок Харбин того времени дал возможность развить Харбин передовыми технологиями и большим количеством русского капитала и создать русскую культуру [9].

Переселение русской культуры в Харбин представляет один из компонентов адаптационного процесса россиян за границей. Именно они стараются осознанно или неосознанно преодолеть сопротивление и защитить свое культурное своеобразие, сохранить собственную культурную идентичность. Русские эмигранты внесли большой вклад в культурное развитие Харбина. Они издавали более 250 журналов, газет и других периодических изданий на русском языке,

создавали научные общества, вузы, школы, банки, заводы и фабрики, строили церкви [5], в общем – переселили русскую культуру и экономику в Харбин.

В начальном периоде строительства Харбина русские эмигранты проявляли тенденцию к сепарации от китайской культуры. Тем не менее, русские эмигранты были не совсем равнодушны по отношению к китайской культуре. Так как при освоении севера Маньчжурии русские поселенцы встретились с отрицательным отношением местного населения, было решено создать Общество русских ориенталистов. Для более глубокого проникновения в Китай русские эмигранты создавали научно-просветительские общества, которые, с одной стороны, занимались изучением культуры, экономики, социального строя Поднебесной, а с другой – знакомили китайцев со своей культурой. Они организовали курсы восточных языков для русских служащих КВЖД (в рамках которых велось бы преподавание не только китайского, но и монгольского, маньчжурского и японского языков, а также географии, экономики и законодательства стран Восточной Азии) [3]. Русские эмигранты принимали китайцев в школы и вузы. В этом они также приблизились к китайской культуре и, хотя снисходительно относились к китайцам, готовы были ассимилироваться с китайской культурой.

Е.И. Пивовар отмечает, что российские эмигранты, как правило, проявляли активный интерес к культуре, искусству, природе страны, в которой находились. В литературе и изобразительном искусстве российской эмиграции в Китае наблюдается значительное влияние ориентализма [7]. В то же время историк русской эмиграции Е. Аурилене подчеркивает такую черту российской эмиграции (интеллигенции) в Китае, как повышенный интерес к религии, развившийся как элемент противодействия российского менталитета восточной культуре [1]. Бывший министр финансов колчаковского правительства И.А. Михайлов, ставший главным советником японцев в Харбине по русским делам, полностью перенял китайские манеры – от еды до жизненной философии [2]. Эти факты доказывают, что русские эмигранты уже постепенно ассимилировались с китайской культурой после начатого периода переселения русских эмигрантов в Харбин.

Русские эмигранты проявляли тенденцию к интеграции с китайской культурой, что особенно проявилось в русско-китайских браках. Смешанные браки в Харбине стали очень распространённым явлением. После окончания строительства КВЖД китайско-русские семьи первого поколения вернулись в Россию. При этом многие русские, состоящие в браке с местными жителями, остались в Харбине. В третьем и четвёртом поколении детей от смешанных браков русских и китайцев наследуемые признаки белой расы постепенно ослабевают и завершается процесс биологической ассимиляции в китайском этносе.

Но те культурные формы, которые были переданы русскими эмигрантами и вошли в культуру Харбина, остаются в ней, занимая видное место в культурной жизни городского населения. Поэтому мы считаем, что культурная интеграция русских эмигрантов с китайской культурой завершалась у детей третьего и четвёртого поколения от смешанных браков русских и китайцев.

Таким образом, русская эмиграция и её потомки на протяжении аккультурации претерпевали существенные изменения. С начального этапа строительства КВЖД на разных этапах аккультурации они последовательно проявляли сепарацию, ассимиляцию и интеграцию в китайской культуре, прошли путь выбора культуры, интеграции культуры, расширения культуры и её трансформации

и окончательно завершили путь «китаизации» – полной адаптацией к китайской культуре.

1. Аурилене Е. Русская эмиграция в Китае: в поисках будущей России // Вестник Евразии: Независимый научный журнал. 2002. № 4 (19). С. 20.
2. Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. – М.: Центрполиграф, 2007. С. 124.
3. Горкавенко Н.Л., Гридина Н.П. Российская интеллигенция в изгнании: Маньчжурия 1917–1946 гг.: очерки истории. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 34.
4. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК) Ф Р-830. Оп. 1. Д. 218. Л. 3–6.
5. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК) Ф Р-830. Оп. 1. Д. 218. Л. 18–20.
6. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / под ред. А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
7. Пивовар Е.И. Российское зарубежье и глобальный культурный диалог XX века // Сб. тр. конф. IX международные Лихачевские научные чтения «Диалог культур и партнерство цивилизаций». – СПб.: СПбГУП, 2009. С. 108–111.
8. Ставров И.В. Некоторые вопросы адаптации россиян в Маньчжурии в первой половине XX века // ОЙКУМЕНА. Регионоведческие исследования. 2010. № 4. С. 58–64.
9. 李延龄. 哈尔滨俄罗斯侨民文化//俄罗斯文艺. 1999. № 3. С. 42–46.
10. 黑龙江省志. 外事志. 第69卷. –哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 1993. С. 118.

УДК 93.3

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В ХАРБИНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Ли Лян,

*независимый исследователь культуры Русской эмиграции, директор музея писем
Русской эмиграции в Харбине, государственный эксперт европейской кухни, КНР*

В статье приведен краткий обзор истории становления и развития в Харбине первой половины XX в. европейской культуры питания, пищевой промышленности и ресторанного бизнеса – в первую очередь, «русской кухни». Основанная на обобщении материалов из различных архивных источников и исторических публикаций, статья вводит в научный оборот ранее не опубликованные данные.

***Ключевые слова:** Харбин, русская эмиграция, европейская пищевая промышленность, европейская культура питания, ресторанный бизнес.*

A BRIEF OVERVIEW OF THE HISTORY OF EUROPEAN FOOD INDUSTRY AND FOOD CULTURE IN HARBIN IN THE FIRST HALF OF THE XXth CENTURY

The article gives a brief overview of the history of formation and development of the European food culture, food industry and restaurant business in Harbin, especially "Russian cuisine", in the first half of the XXth century. Based on the generalization of materials from various archival sources and historical publications, the article introduces previously unpublished data into scientific circulation.

***Keywords:** Harbin, Russian emigrants, European food industry, European food culture, restaurant business.*

Европейская культура общественного питания на Северо-Востоке Китая начинается формироваться с 1898 по 1903 г. – в период возникновения Харбина и постройки КВЖД. Ее появление было неотъемлемой частью жизнеобеспечения сотрудников всех уровней, работающих на КВЖД. В этот период рацион иностранных рабочих, главным образом русских (не доступный местному китайскому населению), обеспечивался управлением Китайско-Восточной железной дороги.

В 1903 г. после ввода в эксплуатацию всей линии Китайско-Восточной железной дороги большое количество иностранцев один за другим стали приезжать в Харбин, чтобы заниматься коммерцией. В результате многие предприимчивые люди, например, Иосиф Каспе (владелец известной гостиницы «Модерн» и рес-

торана европейской кухни), Иван Кулаев (хозяин крупнейшей мукомольной компании) обосновались в Харбине [6]. Во время Русско-японской войны в Харбин прибыло большое количество русских людей, работающих на обеспечение тыла. В этот период появился устойчивый первоначальный спрос на крупномасштабную систематизацию общественного питания европейской кухни.

После Русско-японской войны европейская кухня в Харбине как отрасль переживает кратковременный упадок. Основные причины заключались в следующем: спрос, а вслед за ним и объемы европейской промышленности общественного питания быстро сокращались. Некоторые китайские дельцы воспользовались возможностью и массово в больших количествах скупили европейские предприятия пищевой промышленности и организовали каналы сбыта готовой продукции внутри Китая.

Согласно приложению к «Японо-китайскому договору о трех восточных провинциях» 1905 г. [1] китайские предприниматели получили возможность широко торговать с Россией, Японией и другими иностранными государствами, благодаря чему, Харбин и многие крупные города на северо-востоке Китая расширили свой бизнес в течение двух лет за счет установления прямых торговых отношений с партнерами. После 1907 г. экономическая среда в Харбине стала стабильной и получила возможности для большого развития. Экономика Харбина процветала за счет невысоких налогов и низкой себестоимости местных продуктов и товаров – цены на европейские продукты не растут, а даже снижаются. В этот период европейская пищевая промышленность Харбина постепенно совершенствуется, интегрируясь в жизнь городских жителей.

1907–1918 гг. представляют собой важный этап развития европейской кухни в Харбине. Все большее количество иностранцев (в первую очередь, русских) приезжает в Харбин, именно их потребности определили развитие европейской пищевой промышленности Харбина. В это время состояние местной экономики способствует росту некитайской пищевой промышленности. Число предприятий общественного питания европейской кухни в Харбине достигает более 100 [6].

С 1918 по 1922 г. из-за внезапных изменений политической обстановки в России, вызванных Октябрьской революцией и приходом советской власти, большое количество бывших российских граждан становится вынужденными эмигрантами и оседает в Харбине. Эмигранты, имеющие капитал, стараются инвестировать его в различные отрасли, что приводит к следующему этапу развития европейской пищевой промышленности.

1922–1931 гг. – третий этап развития европейской пищевой промышленности Харбина, количество и качество которой стало намного выше, чем раньше. В это время общее количество предприятий общественного питания европейской кухни в Харбине превысило 300 [11] (по данным ежегодника «Весь Харбин» в 1926 г. в городе было 70 крупных ресторанов европейской кухни, не считая небольших заведений, кафе и столовых). А качество и разнообразие блюд достигли уровня, сопоставимого с европейским, благодаря чему (отчасти) Харбин и получил статус «Восточного маленького Парижа» [6]. В целом можно отметить характерные черты пищевой культуры Харбина первой половины XX в.:

- европейская кухня, главным образом русская, всесторонне и систематически интегрировалась в городскую культуру Харбина;
- она охватывала широкий спектр областей и удовлетворяла всем аспектам потребностей питания иностранцев в Харбине;

– она постепенно принималась китайскими жителями и полностью интегрировалась в их повседневный рацион. Все больше жителей Китая стали пробовать блюда европейской и западной кухни. В это время китайские жители в Харбине начали сами готовить иностранные блюда, такие как «суботан» (по-русски – борщ). Лук, капуста, картофель, свекла, горох, морковь, помидоры, клубника, горох, укроп и прочие необходимые продукты питания также стали широко выращиваться на северо-востоке Китая. До наших дней в живом языке жителей Харбина сохранились некоторые русские названия продуктов питания, весьма популярные среди местного населения, такие как: «леба» (хлеб), «гевасы» (напиток – квас), «сайкэ» (сайка), «лидаосы» (литовская колбаса). Эти продукты стали своего рода особенными символическими продуктами кухни Харбина. Очевидно, что европейская культура общественного питания, в основном русская кухня, оказала сильное влияние на привычки питания жителей Харбина;

– блюда и еда европейской кухни весьма разнообразны. Что касается блюд высокого класса, то в период с 1917 по 1945 г. в элитных ресторанах Харбина, таких, как «Модерн» и Яхт-клуб, были представлены блюда, характерные для европейской (французской) кухни: «лягушки-быки», трюфели, улитки и фуа-гра. Мясные пироги, овощные рулеты и жареные пироги русской кухни были представлены в обычных ресторанах, ресторанах для гурманов и простых закусочных «Амур», «Россия», «Светланка», «Яр», «Вася, заходи!». Сладости, пирожные, закуски, газированные напитки, фруктовое мороженое и другие продукты европейской кухни можно было свободно купить даже на улице и на пляжах Харбина;

– различное гражданство владельцев заведений общественного питания европейской кухни. Помимо русских другие иностранцы также участвовали в создании различных предприятий общественного питания. Например, сахарный завод «Ашихэ» принадлежал полякам, ресторан «Эрмис» открыт греками, ресторан «Альпийская роза» принадлежал итальянцам, французский ресторан и спортивный клуб на воде, бельгийский отель «Астория», отель с рестораном «Гранд Отель» открыт британцами и т.д.;

– слияние китайской и европейской культур питания. Основным проявлением этого было то, что в некоторых ресторанах европейской кухни также подавали блюда китайской кухни: например, в ресторане «Логэцзиньсыцзи» (русское название его «Рогозинский» – на углу Большого проспекта, 17 и Новоторговой), где подавали как китайские, так и русские пельмени [11]. Чтобы удовлетворить потребности различных клиентов, как китайцев, так и иностранцев, многие рестораны европейской кухни внесли комплексные улучшения в свои блюда. К примеру, на основе китайского традиционного мясного блюда ханьской кухни «люжоудуань» для удовлетворения вкусовых предпочтений иностранцев было создано новое мясное блюдо – «гобаожоу». Жареные пирожки из русской кухни также вошли в рацион китайцев (особенной популярностью пользовались пирожки с использованием в их начинке крахмальной лапши «Фанчоза»). Русские блюда постепенно принимались и другими иностранцами, проживающими в Китае [6];

– развлекательные представления ресторанов и ночных клубов учитывали мультикультурные факторы и интересы жителей Харбина. В Европе и в России развлекательные характеристики предприятий общественного питания очень разнообразны. Так, в Харбине появился своего рода ночной клуб-ресторан типа кабаре (имеется в виду ресторан или ночной клуб, в котором поют и танцуют на вечерних представлениях). В некоторых ночных клубах-ресторанах, таких, как

«Эдем», «Фантазия», «Помпея», в дополнение к выступлениям и танцам в западном стиле проходили китайские представления «Пекинская опера», боевые искусства, жонглирование, также исполнялись некоторые китайские и японские песни и танцы [6].

Одним словом, в 1898–1931 гг. пищевая культура европейского образца в Харбине была богатой и яркой с четко выраженными характеристиками. Ее разнообразие и качество можно сравнить со многими крупными городами царской России и Европы, о чем часто говорили русские харбинцы и приезжающие в Харбин коммерсанты.

5 февраля 1932 г. японцы оккупировали Харбин, и он при марионеточном правительстве стал деловым и торговым центром Маньчжоу-го. В начальный период правления японцев индустрия общественного питания в Харбине переживает еще период процветания, число европейских предприятий общественного питания в Харбине одно время даже незначительно увеличивается. Основная причина заключается в том, что в это время японцы и местные марионеточные власти активно занимаются, в основном, подавлением сопротивления местного населения и стабилизацией политической обстановки. В «Плане экономического строительства Маньчжоу-го», опубликованном в 1933 г. [2], было предложено «контролировать национальную экономику», но при этом сфера экономического контроля сосредоточивалась на «важных мероприятиях, обеспечивающих характеристики национальной обороны или общественного благосостояния», куда сельское хозяйство еще не было вовлечено [2]. Сырье, необходимое для нормальной работы европейской пищевой промышленности, можно было получить на свободном рынке. Также некоторое количество китайского и иностранного капитала, привлеченного ложным процветанием бизнеса в Харбине, было инвестировано в европейскую пищевую промышленность Харбина. Если перед оккупацией города в условиях нестабильной ситуации, вызванной инцидентом 18 сентября 1931 г. и опасениями вторжения японцев в Харбин с юга, некоторые предприятия европейской кухни во множестве закрывались, то позднее, чтобы выжить, предприятия возобновили свою деятельность [6].

Хорошие времена, однако, длились недолго. До 1937 г. местная про-японская власть не занималась регулированием и стимулированием развития промышленности и торговли в Харбине. Политика экономического контроля касалась только некоторых отраслей тяжелой и военной промышленности, что позволяло свободно работать в сфере производства продукции сельского хозяйства и животноводства, а также в области переработки пищевых продуктов. После инцидента 7 июля 1937 г. на мосту Лугоу началась открытое и всестороннее вторжение японских агрессоров в Китай. Чтобы удовлетворить продовольственные потребности своей армии во время войны против Китая и таким образом обеспечить продолжение и расширение агрессии, марионеточное правительство стало включать сельскохозяйственную продукцию в сферу экономического контроля. 22 августа 1938 г. заседание Государственного совета японского марионеточного правительства опубликовало «Основные положения системы управления зерновыми» [3].

7 ноября того же года был обнародован «Закон Маньчжоу-Го об акционерном обществе зерновых культур» [4], в котором говорилось о необходимом контроле таких важных зерновых культур, как рис, гаолян, кукуруза, просо и чумиза. Другими словами, марионеточное правительство Маньчжоу-Го контролировало единую закупку, маркетинг и переработку этих зерновых, учредив Мань-

чжурское акционерное общество зерновых для монополизации закупа и переработки этих видов зерна. В ноябре 1939 г. марионеточные власти Маньжоу-Го приняли «Закон о контроле за пшеничной и мучной промышленностью» [5], который предусматривал, что пшеница и мука также должны быть взяты под контроль. В то же время для населения была введена политика нормирования (карточная система), а частные хранилища зерна ликвидировались. Пищевые предприятия европейской кухни в Харбине не могли закупать сырье для удовлетворения потребностей своего дела, которое было сложно поддерживать, полагаясь только на нормированный объем зерна. С началом Тихоокеанского периода военных действий Второй мировой войны (декабрь 1941 г.) марионеточные власти Японии изменили свою политику в отношении иностранных граждан. На этом фоне многие иностранные граждане в целях безопасности покинули Харбин, а в европейской пищевой промышленности началась депрессия. В это время некоторые иностранцы в Харбине (немцы, итальянцы, французы и другие иностранные граждане не враждебных Японии стран) создавали новые предприятия общественного питания европейской кухни и продолжали вести бизнес под защитой марионеточной японской политики.

20 августа 1945 г. в Харбин вошли освободительные войска Красной Армии. В период нахождения в Харбине Красной Армии европейская пищевая промышленность быстро восстанавливается (например, ТД Чурин). После вывода советских войск (28 апреля 1946 г.) спрос на европейские продукты питания в городе значительно сократился. На фоне Народно-освободительной войны китайское правительство призвало к поддержке линии фронта и продовольственному нормированию [6].

С момента основания Нового Китая (1 октября 1949 г.) в связи с изменением социально-политических ориентиров и региональных приоритетов падает спрос на европейскую кухню. Впоследствии на долгие годы европейская пищевая промышленность Харбина постепенно исчезает из экономической сферы города, закрываются рестораны европейской кухни, хотя в пищевых пристрастиях простых харбинцев все же сохраняются русские блюда и русская выпечка.

Ниже приведены некоторые частные примеры деятельности ресторанов европейской кухни, популярных в Харбине с момента его основания до конца 40-х гг. прошлого века.

Ресторан «Мартьяныч»

В Харбине после Октябрьской революции в России открылось много фирменных ресторанов и других предприятий общественного питания, хозяевами которых или их управляющими были российские граждане, бежавшие из разных частей России. Их заведения носили названия по имени, унаследованному от родственников или членов их семей. Китайцы, не зная русского языка, не понимали всех обстоятельств, связанных с названиями, не говоря уже об их происхождении, но русские сразу понимали суть дела. Общая судьба и горькие переживания естественным образом сближали и объединяли русских в Китае – в этом заключалось подлинное содержание жизни общины русских эмигрантов в Харбине.

Так, в 1920 г. в Харбине на углу улиц Сунхуацзянцзе (Сунгарийский проспект) и Телуцзе (Железнодорожный проспект) открылся ресторан «Мартьяныч». До этого ресторан с таким же названием был одним из самых роскошных ресторанов Москвы. Он был открыт предпринимателем Петром Мартьяновым в 1905 г. в цокольном помещении Верхних торговых рядов (сегодняшний ГУМ) на Красной площади. «Мартьяныч» был одним из самых шикарных и известных

ресторанов столицы России. Потомки П. Мартьянова после революции бежали в Харбин и открыли здесь ресторан с тем же названием [6].

История харбинского ресторана «Мартьяныч» оставила мало исторических данных, и дошедшие до нас фотографии нечеткие. Владельцем ресторана «Мартьяныч» в Харбине являлся Григорий Житниченко.

Если говорить об истинно русской кухне в Харбине, то здесь было только несколько ресторанов, где подавали блюда настоящей русской кухни, и, конечно же, «Мартьяныч» был одним из таких заведений. К фирменным блюдам «Мартьяныча» относились блюда из разнообразной озерной и морской рыбы, в основном, маринованной и копченой, блюда со свежайшей осетровой, зернистой и омулевой икрой. Круглый год на стол подавали блюда из соленого и копченого омуля, балык из томской нельмы и радужную форель, а также уникальные «фирменные московские ароматные напитки».

Помимо масштабных развлекательных заведений с официальной историей, таких, как ресторан «Железнодорожного Собрания Харбина», среди частных ресторанов «Мартьяныч» был самым типичным высококлассным авторитетным заведением русской кухни. Отдельные номера были просторными и удобными, общий зал великолепным и роскошным. Каждый вечер выступал с комедийными номерами Л.А. Золотов. Дирижер А.И. Малахов дирижировал оркестром (трио или квинтет). Ресторан был наполнен элегантной и приятной атмосферой. По непроверенным данным в ресторане «Мартьяныч» танцевала известная танцовщица, модель и поэтесса Ларисса Андерсен [6].

Ресторан «Эдем»

Ресторан «Эдем», по-китайски звучащий как «Айдему» (в Харбине его называли по-разному «Айдиму», «Айдему», «Айму»), был одним из первых ресторанов европейской кухни, появившихся в районе Циньцзяган на улице Синьшицзе, что отнюдь не случайно. Это был правительственный и торговый центр района Циньцзяган (позже получивший у русских название Новый город или «Нанган»).

Ресторан «Эдем» открылся в 1906 г. и располагался в подвальном помещении на углу улиц Синьмаймайцзе (Новоторговая – сейчас улица Гоголя) и Ючжэнцзе (Почтовая). [6]. Хозяином был русский белоэмигрант Гедеон Иченко, работники, как в зале, так и на кухне, все были русскими. Навыки и мастерство команды поваров были довольно высокими. В годы раннего становления Харбина это был довольно влиятельный частный ресторан.

После Октябрьской революции «поварская элита», бежавшая со всех концов бывшей России, осела во многих ресторанах и столовых заведениях Харбина, чтобы хоть как-то зарабатывать себе на жизнь. Так, и в ресторане «Эдем» нашли пристанище бывшие придворные повара Летнего Императорского Дворца Санкт-Петербурга [6].

Стоит отметить, что на пике своего расцвета ресторан «Эдем» принадлежал к высококлассному ресторану с бальным залом и джаз-бэндом. В середине 30-х гг. XX в. здесь выступал оркестр Олега Лундстрема. В то время большинство участников оркестра были студентами Харбинского политехнического университета. Их музыкальный уровень считался очень высоким. Чудесная музыка часто заставляла прохожих долго стоять перед дверями или окнами полуподвального помещения. Менее чем через год после того, как оркестр Лундстрема стал выступать на сцене ресторана «Эдем», их пригласили в Шанхай и они попрощались с Харбином [6]. В 1946 г. ресторан «Эдем» был передан в управление китайцам, а в 1949 г. его закрыли в целях социальной экономии [6].

Ресторан и кондитерская «Иверия»

В Харбине всегда были сильные национальные диаспоры выходцев из Российской Империи. Украинцы, грузины, поляки, евреи. В ресторанном же бизнесе самыми активными из нерусских жителей Харбина были армяне. Братья Грдзеловы владели самой крупной кондитерской компанией в городе, Тевадерс Тер-Акопов с 1918 г. успешно вел бизнес в ресторане «Татос» (сохранился и действует до настоящего времени на Китайской улице) [6]. В 1914 г. в районе Пристань открыл в собственном доме большое кондитерское дело армянин, уроженец города Ахалцыхе (Грузия) Карапет Степанович Аспетян (20 октября 1874 г.). Он прибыл в Харбин с Кавказа в 1903 г. в возрасте 29 лет [8] и сразу же стал заниматься знакомым ему продуктовым бизнесом. Ресторан назывался «Иверия» (город Ахалцыхе находится в Иверии) и располагался в двухэтажном доме по адресу: улица Саманная, 4, угол Китайской [8]. Показателем благосостояния ресторатора Аспетяна может служить тот факт, что в 1918 г. он стал крупнейшим среди армянской диаспоры жертвователем (750 золотых рублей) на строительство в Харбине новой, капитальной Армяно-Григорианской церкви в Новом городе [9].

Сам хозяин проживал в том же доме, где размещался его ресторан. Заведение славилось своими восточными сладостями, а также блюдами кавказской кухни, как грузинскими, так и армянскими. Собственное вино марки «Иверия» из белого винограда из провинции Шандун подавалось в ресторане, продавалось на вынос и пользовалось широким спросом в Харбине.

Заведение Карапета Аспетяна состояло из двух отделений, о чем свидетельствует его реклама: «Кондитер Аспетян, адрес: Саманная, 4 угол Китайской, 80. Телефоны 38-73 и 21-03» и «Лучший в городе винный погреб и шашлычная «Иверия», адрес тот же, телефон 21-03. «Шашлык из курагашка (мяса молочного ягненка) и все виды Шандунского вина собственного производства». Ниже: «Нам каждый гость дается Богом» [10].

Карапет Аспетян пользовался большим уважением у харбинцев и в армянской общине – он был постоянным членом Правления Харбинского Армянского общества и членом его Ревизионного комитета [8].

Таким образом, в период с 1898 по 1949 г. на северо-востоке Китая, благодаря в первую очередь русским традициям питания, была создана и сохранилась Харбинская европейская кухня, которая является одной из ярких особенностей культурного облика Харбина. В последние два десятилетия появилось много научных работ о Харбине, и можно без преувеличения сказать, что появилась «наука о Харбине». Ученые разных национальностей (русские, поляки, евреи) из разных стран мира приезжают в Харбин за информацией, проводят исследования, пишут научные работы. Стараниями старших харбинцев (уроженцев Харбина) и их потомков, а также исследователей новых поколений публикуются книги о Харбине. Известный политический деятель Уинстон Черчилль сказал: «Чем дольше вы смотрите назад, тем дальше видите вперед». Для чего мы изучаем Харбин? Для того что бы найти, изучить и сохранить крупицы истории, ведь появление, развитие и сегодняшний день европейской кухни в Харбине – это часть судьбы человечества.

1.《中日会议东三省事宜条约》尹寿松编：《中日条约汇纂》，中华书局，1924年，第40页。「Японо-китайский договор о трех провинциях Восточного Китая 1905 года». Zhonghua Book Company. 1924. С. 40.

2. 《满洲国经济建设纲要》 中央档案馆、中国第二历史档案馆、吉林省社会科学院合编：《日本帝国主义侵华档案资料选编》第14卷《东北经济掠夺》，中华书局，1991年 第31页。《План экономического строительства Маньчжоу-го》，1933 г. Исторический архив Китая и Академии общественных наук провинции Цилинь – «Экономическое разграбление в северо-восточном Китае》，1991. Т. 14. С. 31.
3. 《米谷管理制度要纲》李茂杰主编：《伪满洲国政府公报全编》（第 74 册），北京：线装书局，2009 年 第 389-390 页。《Основные положения системы управления зерновыми》，8 августа 1938 г. / под ред. г. Ли Маоцзе «Официальный вестник Маньчжоу-Го》，Пекинское бюро переводов, 2009. Т. 74. С. 389–390.
4. 《满洲粮谷株式会社法》李茂杰主编：《伪满洲国政府公报全编》（第 74 册），北京：线装书局，2009 年 第 390-392 页。《Закон Маньчжоу-Го об акционерном обществе зерновых культур》，7 ноября 1938 г. / под ред. г. Ли Маоцзе «Официальный вестник Маньчжоу-Го》，Пекинское бюро переводов, 2009. Т. 74. С. 390–392.
5. 《远东报》（中文）1906–1936年；《国际协报》（中文）1920–1928年；《边界》（俄文）1923–1938年；《巨浪》（俄文）1925–1937年 «Закон о контроле за пшеничной и мучной промышленностью》，ноябрь 1939 г. // Сборник официальных документов трех провинций Восточного Китая. Пекинское бюро переводов, 2009.
6. Личный архив автора (по воспоминаниям харбинцев).
7. Газета «Гоцзи Себао», Харбин, 15 сентября 1929 г. – личный архив автора.
8. Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830. Оп. 3. Л. 1–5 Личное дела К.С. Аспетяна.
9. Russia-Armenian Info. Центр поддержки Русско-Армянских Стратегических инициатив: «Армянская церковь в Китае. Как все начиналось? URL: <http://russia-armenia.info/node/45588>;
10. Газета «Восток» от 2 декабря 1930 года – личный архив автора.
11. Ежегодник «Весь Харбин 1926», Адресная и Справочная книга. С. 82. Онлайн библиотека. URL: <http://book-olds.ru/BookLibrary/106000-Kvantunskaya-obl/1926.-Ves-Harbin-na-1926-god.-Adresnaya-i-Spravochnaya-kniga.html>.

УДК 93/94

РУССКИЕ ВРАЧИ В КИТАЕ XIX В.: ИСТОРИКО-МЕДИЦИНСКИЙ АСПЕКТ ДИАЛОГА ДВУХ КУЛЬТУР

О.С. Нагорных,

канд. ист. наук, доцент, кафедра социально-гуманитарных наук

*Приволжский исследовательский медицинский университет,
г. Нижний Новгород*

В исторической ретроспективе рассматривается медицина как один из ведущих факторов формирования системы российско-китайских отношений в XIX в. Данная проблема недостаточно изучена как в исторической науке, так и в истории медицины. Деятельность русских врачей в Китае в XIX в. стала одним из направлений формирования возможного взаимодействия двух стран, закладывающая основы будущего межкультурного диалога.

Ключевые слова: *история медицины, история науки, исторический источник, российско-китайские отношения, дипломатия, Русская духовная миссия в Пекине, научный диалог.*

THE RUSSIAN DOCTORS IN THE XIXth CENTURY IN CHINA: THE HISTORICAL AND MEDICAL ASPECT OF THE DIALOGUE OF THE TWO CULTURES

O.S. Nagornykh,

*Cand.Sc.in History, Associate Professor
Department of Social Humanitarians Sciences
«Privolzhsky Research Medical University»*

The article deals with the role of medicine in the development of Russian-Chinese relations in the 19th century in the context of historical retrospect. This problem is not investigated in historical science and in history of medicine too. The activities of Russian doctors in the XIXth century in China has become one of the directions for the formation of possible interaction between two countries, laying the foundations for a future intercultural dialogue.

Keywords: *History of medicine, history of science, historical source, archive, traditional medicine, Russian-Chinese relationships, diplomacy, the Russian Orthodox Mission in Beijing, scientific dialogue.*

В настоящее время сотрудничество России и Китая выходит на новый этап своего развития, что обусловлено рядом политических, международных, экономических и культурных факторов. Устанавливаются все более тесные кон-

такты в самых разных областях. В этой связи осмысление истории взаимоотношений России и Китая приобретает особую актуальность.

Отношения двух стран насчитывают несколько столетий. Важным этапом в истории диалога двух культур является деятельность Русской Духовной Миссии в Пекине, действовавшей в период 1915/16–1954/56 гг. Она заложила основы не только дипломатического, но впоследствии и научного сотрудничества государств. Развитие российско-китайских отношений – это некая целостность, протяженная во времени. XIX в. стал важным периодом в формировании будущего диалога двух стран. В отечественной историографии были затронуты различные аспекты сотрудничества России и Китая. Акцент делался, прежде всего, на сферах международных отношений, культуры и науки. Медицина выпадала из этого контекста, оставаясь на второстепенных позициях. Иными словами, в исторической науке медицина не рассматривалась как фактор взаимодействия двух держав.

В центре нашего научного интереса – роль русских врачей, осуществляющих свою медицинскую практику в рамках Русской духовной миссии в Китае в XIX в. в системе складывания взаимоотношений двух государств. В рамках изучения пребывания русских врачей в Китае с середины XIX до начала XX вв. мы наблюдаем активизацию сотрудничества России и Китая на фоне меняющейся геополитической обстановки и внутренней политики.

Медицина и здравоохранение – важные факторы, без которых сложно поступательное развитие государства. С этой точки зрения вклад России в развитие медицинского образования, становление государственных медицинских институтов в Китае является важным аспектом истории их взаимоотношений. В контексте формирования направлений современной внешней политики и особенно азиатского вектора рассмотрение исторического опыта взаимодействия двух стран представляется актуальным и необходимым.

Проблема российско-китайского взаимодействия в области медицины и здравоохранения в целом является малоразработанным исследовательским полем. Историография данного вопроса представлена обобщающими исследованиями в сфере истории внешней политики, это помогает определить общекультурный фон изучаемого вопроса.

Говоря об особенности изучаемого вопроса, известный китаевед В.Г. Дадцышен в своих работах исследовал историю взаимопроникновения культур благодаря изучению китайского языка русскими и проникновению христианства и православной русской культуры на территорию Китая. Его работы посвящены анализу роли России и влиянию русской культуры на китайскую. Но почти вся отечественная историография посвящена изучению данного вопроса преимущественно в хронологических рамках XX в. [1].

Исследуя историю Китая, современный отечественный историк, китаевед О.Е. Непомнин отмечает: «В отличие от Запада Китай с VII в. ... пребывал в русле циклического буксирования с повторением одних и тех же внутрициклических фаз и стадий. В то время как Запад встал на путь неуклонной модернизации общественного бытия, Китай 14 веков потратил на замораживание исторического процесса, сохранения и производства традиционного общества, т.е. на застой» [2, с. 8]. Данное утверждение как нельзя лучше характеризует медицину Китая XIX в. Хотя следует отметить, что «застой китайского традиционного общества», который в исторической ретроспективе особенно выделяется на фоне быстро прогрессирующего Запада, не стоит считать полным, т.е. в опреде-

ленной степени развитие имело место. Некоторый прогресс был и в китайской медицине. И происходило это не без влияния русских врачей.

Первым доктором в составе Русской духовной миссии был Осип Войцеховский (в рамках X миссии). О. Войцеховский начал работу по оказанию медицинской помощи не только русскому населению, но и местному. Начиная с X миссии врачей на регулярной основе стали включать в новые составы миссий. Особенностью их деятельности стало не только выполнение функций медицинской помощи. Они старались анализировать состояние и уровень национальной медицины в Китае, оставив после себя научные труды.

Историография изучения деятельности русских врачей в Китае в XIX в. небогата. В основном это труды самих участников миссии позднее включенные либо в комплексные труды членов миссии либо изданные в России. Среди подобных книг русских врачей можно выделить работы П.А. Корниевского [3], В.В. Корсакова [4], П.Я. Пясецкого [5], А.А. Татаринова, Я.А. Виолина [6], а также П.И. Каменского (архимандрит Петр, глава X миссии, один из основоположников изучения китайской медицины в России).

Во второй половине XIX в. издавались Труды членов Российской Духовной Миссии в Пекине, где важную для нас роль играли работы А.А. Татаринова [7], служившего врачом в период работы XII Миссии (1840–1849), возглавляемой архимандритом Поликарпом Тугариновым. Фигура А.А. Татаринова вообще является ключевой для анализа истории пребывания русских врачей в Китае в XIX в. Его деятельность остается объектом исследования историков медицины. Доктор медицины, писатель, известный синолог, статский советник оставил огромное научно-историческое наследие для будущего изучения медицины Китая.

В целом за время, проведенное в Пекине (1840–1850), А.А. Татаринов написал достаточно большое количество статей, характеризующих особенности врачевания, оказания медицинской помощи в Китае. Причем все его работы основывались на знании местных литературных источников, аналогов которых, по всей вероятности, нигде кроме Китая не было. Ему удалось собрать богатые ботанические коллекции, впоследствии привезенные в Россию и составляющие ценный научный фонд лекарствоведения. В своих работах Татаринов дает исторический обзор развития китайской врачебной науки, знакомит с содержанием медицинских произведений известных китайских врачей. Также он дает детальную характеристику категориям врачей и их умениям, процессу обучения медицине. Но характеристика китайской медицины не сводится только к критике ее положений. В работе «Медицина и врачи в Китае» [8] он высказывает положение о «значительной целительной силе китайской медицины» [8, с. 28–32, 90–94] и даже рекомендует российским и европейским специалистам проявить научный интерес ко многим положениям, находя в них рациональную составляющую возможную для дальнейшей практики.

Труды врача широки по обхвату рассматриваемых в них проблем. Находится в них место и оценкам медицины Китая, о которой у А.А. Татаринова сложилось в целом негативное мнение, основанное на сравнительной характеристике достижений русской и европейской медицины и пребывающей на уровне преимущественно народной медицины Китая. Отметим, что схожих

оценок придерживались многие русские врачи, работавшие в середине XIX до начала XX в. в Китае.

Еще один русский врач, труды которого составили важный сегмент историографии XIX в., это В.В. Корсаков. Он пробыл в Китае на протяжении пяти лет и был поражен тем самобытным складом жизни китайского народа, который отделяет его от склада европейской жизни. В. Корсаков выражает надежду, что, будучи соседями с Россией, китайцы вскоре войдут в самые тесные отношения. Он также начал изучение положения китайской медицины и господствующие среди населения болезни. Причем остановился он не только на условиях, создающих болезни, но и на всем быте и складе народной жизни, которая во многом объясняет условия распространения болезни. Автор написал диссертацию на степень доктора медицины «Положение медицины в Китае и наиболее распространенные в его населении болезни» [9]. Как следствие в результате работы над научными составляющими диссертации появилась книга обобщающего характера, которая подвела итог пятилетнего пребывания русского врача в Китае.

Несмотря на богатую историю, имея свою самобытную культуру, китайский народ в XIX в. все еще отставал в медицинской науке от Европы. Естественные трудности в попытках изучения китайской медицины (обособленность, трудности изучения языка, изоляция, консервативность и нежелание делиться имеющимся опытом народной практики, отсутствие лабораторий) затрудняли процесс налаживания контактов с Россией и Европой.

В XIX в. изучение быта и жизни китайского народа во всех его проявлениях стало особенно важным для России, которая соприкасается с Китаем своими границами. Для русского врача, работавшего в Китае, необходимо было изучить болезни китайского народа, особенно эпидемии, что объяснялось и геополитическими интересами России, предполагавшей, что в будущем отношения Китая с Россией могут быть интенсивными и тесными. Предвидя угрозу того, что китайцы могут принести на территорию империи различные заболевания, все отчетливее осознавалась потребность изучать состояние медицины в Китае. Врач находился на службе России, выполняя возложенные на него функции не просто оказания медицинской помощи, но и соблюдения российских национальных интересов. Исходя из этого убеждения В.В. Корсаков в течение пяти лет старался наблюдать и изучать жизнь китайского народа, собирать материалы, касающиеся как китайской медицины, так и общественного санитарного устройства. К сожалению, восстание ихэтуаней и осада Пекина погубила часть собранных русским врачом материалов. Частично погибла коллекция лекарственных насекомых, которую собирал В.В. Корсаков для изучения одного из распространенных способов традиционного китайского лечения. В.В. Корсакова одним из важных и ценных достижений китайских врачей считал изучение народной жизни, которое осложнялось отсутствием научных лабораторий, кабинетов, библиотеки. При подобных неблагоприятных для научного труда условиях проявился первый опыт изучения положения медицины в Китае и наиболее распространенных болезней среди китайского народа.

Русский врач, специалист в области тибетской медицины П.А. Бадмаев (1851–1920), будучи с 1875 г. на службе в Азиатском департаменте МИД, неоднократно убеждал императоров Александра III и Николая II в необходимости усиления влияния России на Востоке [10].

Становление медицинского знания в великих древневосточных цивилизациях – вопрос, который требует особого внимания со стороны историков науки. Дело в том, что цивилизация Древнего Китая – это, безусловно, великая культура. Она вносит свой вклад сокровищницу знания человечества. Но когда речь заходит о становлении медицины, то здесь приходится констатировать определенные негативные аспекты. Так, Д.А. Балалыкин, говоря о медицине в восточных цивилизациях, приходит к выводу, что древневосточные цивилизации, в частности Древний Китай, «не создали условий для позитивного ответа на вопрос о познании природы и человека» [11, с. 65].

Возвращаясь к характеристике китайской медицины, безусловно, можно утверждать, что там сложилась своя, во многих отношениях не похожая ни на какие другие система врачевания.

Начало деятельности Духовной миссии – значимая веха в истории культурного сближения России и Китая. Научные медицинские труды сотрудников-докторов миссии стали важнейшим источником информации не просто о государстве-соседе, а о внутреннем состоянии медицины и богатства достижений в этой сфере. Работы русских врачей и дипломатов оказали большое влияние на процесс зарождения отечественного изучения истории медицины и востоковедения и внесли большой вклад в религиоведение, медицину, организацию медицинского образования. Эти процессы получили развитие и в XX в., достигнув апогея в 1950-х гг., когда СССР сыграл ключевую роль в процессе становления в КНР системы национального здравоохранения и высшего медицинского образования. Способствуя распространению популярности знаний о Китае в среде русской научной интеллигенции, врачи привлекли внимание и интерес общественности к этой стране. Находясь на службе русского правительства, врачи последовательно выполняли возложенные на них задачи изучения состояния медицины Китая. Помимо этого, отечественные специалисты, разумеется, не были безучастны к проблемам именно медицинского характера: они принимали активное участие в борьбе с эпидемиями, оказывали помощь китайскому населению. Последнее обстоятельство не могло не сказаться на формировании у китайцев в целом положительного образа русского врача. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, позволяет предположить, что наряду с дипломатическими контактами деятельность русских врачей в рамках Пекинской духовной миссии – важный аспект в формировании культурного диалога двух держав.

1. Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. – М., 2007. – 240 с.
2. Непомнин О.Е. История Китая XX века. – М., 2011. – 736 с.
3. Корниевский П.А. Материалы для истории китайской медицины. – Тифлис, 1877. – 112 с.
4. Корсаков В.В. Пять лет в Пекине: из наблюдений над бытом и жизнью китайцев. – СПб., 1902. – 83 с.; Медицина в Китае в прошлом и будущем. – Харьков, 1928. – 120 с.
5. Пясецкий П.Я. Как живут и лечатся китайцы. – М., 1882. – 89 с.; О санитарных условиях и медицине Китая. – М., 1876. – 68 с.
6. Виолин Я.А. Медицина Китая: дис. ... д-ра мед. – СПб., 1903. – 222 с.

7. Татаринов А.А. Замечания об употреблении болеутоляющих средств при операции и водолечении (гидропатия) в Китае // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. – СПб., 1857. Т. 3. С. 131–141.; Китайская медицина // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. – СПб., 1853. Т. 2.
8. Татаринов А.А. Медицина и врачи в Китае // Журнал министерства народного просвещения. 1851. №. 71.
9. Корсаков В.В. Положение медицины в Китае и наиболее распространенные в его населении болезни: дис. ...д-ра медицины. – СПб., 1901. – 59 с.
10. Бадмаев П.А. Россия и Китай. – СПб., 1905. – 104 с.
11. Балалыкин Д.А. Зарождение медицины как науки в период до XVII века. – М., 2013. – 256 с.

Раздел 3. РЕЛИГИОЗНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ВОСТОЧНОЙ ВЕТВИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

УДК 93/94

ПРОФЕССОР Э.Э. АНЕРТ – ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ГЕОЛОГИИ И МЕСТОРОЖДЕНИЙ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ РУССКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ

Ю.В. Бельчич,
канд. ист. наук

*Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН
г. Москва*

В статье отражены основные этапы жизненного пути, служебной, научно-исследовательской, общественной деятельности горного инженера, ученого-геолога Э.Э. Анерта (1865–1946) в России и Северной Маньчжурии.

***Ключевые слова:** профессор Э.Э. Анерт, горно-геологические разведки РГО, Маньчжурия, П.Т. де Шарден, «Комитет Пакта Рериха» в Харбине, эмиграция.*

PROFESSOR E.E. ANHERT AS THE OUTSTANDING RESEARCHER OF GEOLOGY AND MINERAL OCCURRENCES OF THE RUSSIAN FAR EAST AND NORTHERN MANCHURIA

Yu.V. Belchich,
candidate of history

*Institute for the history of science and technology
them. S.I. Vavilov, Moscow*

The article reflects the main stages of the life path, official, scientific research, public activities of the mining engineer, geologist-scientist E.E. Anher (1865–1946) in Russia and Northern Manchuria.

***Keywords:** Professor E.E. Anher, mining and geological prospecting RGO, Manchuria, P.T. de Chardin, "Committee of the Roerich Pact" in Harbin, emigration.*

Жизнь неугомимого путешественника и исследователя Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая Эдуарда Эдуардовича Анерта представляет целую вереницу порой невероятных поворотов судьбы. Родился 13(25) июля 1865 г. в крепости Новогеоргиевск Плонского уезда Варшавской губернии

в семье балтийских немцев, потомственных военных. В 1875–83 гг. учился в военной гимназии в Оренбурге и кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, куда отец был переведен по службе.

Военной карьере предпочел учебу в Петербургском Горном институте по специальности горный инженер (1884–89 гг.). Службу начал на одном из Мальцевских заводов в Брянской губернии: занимался разведкой железных руд и других ископаемых материалов, составил план геологических и топографических условий залегания промышленных пластов угля в западной части Донецкого бассейна. С 1892 г. служил в лаборатории Министерства финансов в Санкт-Петербурге.

По рекомендации проф. И.В. Мушкетова Э.Э. Анерт был назначен старшим инженером горно-геологической экспедиции Российского Геологического общества (РГО) в район проектировавшейся в то время Амурской железной дороги. В 1896–1899 гг. возглавлял геологический отдел экспедиции РГО в еще практически не изведанную тогда Маньчжурию; производил разведки полезных ископаемых и угольных месторождений в районе строившейся КВЖД. Совместно с Н.Н. Бронниковым открыл одно из самых крупных в полосе отчуждения КВЖД бурого угольное месторождение Джалай-Нор (1901).

В геологических кругах его считали крупным специалистом в области золотодобычи. В 1900–1914 гг. в должности начальника золотопоисковой партии он проводил исследования в золотопромышленных районах: Амурско-Приморском, Зейском, Алданском, Тымптомском и Буряя-Хабаровском крае. В 1907 г. по заданию Геолкома России руководил экспедицией по поиску новых нефтеносных районов на восточном побережье Северного Сахалина и топографической съемкой местности. В итоге были открыты пять месторождений нефти и три крупных залива, обнаружены пласты каменного и бурого угля (на р. Даге и Набиль). Результаты экспедиции вызвали интерес у горнопромышленников, открыли Северный Сахалин для частной промышленности.

За успешную научно-исследовательскую и практическую работу Анерта избрали старшим геологом Геологического комитета (1911), что соответствовало званию ординарного профессора Горного института; с 1912 г. – председатель Дальневосточной секции Геолкома. Поражают многоплановость и масштабность деятельности успешного геолога по разведке угольных месторождений Сучанского бассейна, серебро-свинцово-цинкового месторождения Тетюхэ и других железо- и золоторудных месторождений на юге Уссурийского края. В качестве эксперта работал в комиссиях Государственной думы по строительству порта на о. Сахалин, Министерства финансов по рассмотрению проекта новых железных дорог, консультанта-учредителя Шпицбергенского углепромышленного общества. Больших знаний и времени требовала работа в Комиссии Академии наук по изучению естественных производительных сил России, где проводились экспертные оценки месторождений от Урала и предгорий Алтая до Южного Приморья, а также в Комиссии при Горном департаменте по рассмотрению требований русских владельцев золотопромышленных концессий в Маньчжурии к правительству Китая о возмещении убытков и др. С начала Первой мировой войны геологические исследования продолжались, так как вопрос о ресурсах для страны становился все более насущным. Анерта пригласили в Научный институт «Поверхность и недра» для участия в разработке принципов планирования народного хозяйства.

Революционные события переломного в истории России 1917 г. застали его в Петрограде, где им в то время на Гардемаринских курсах читались лекции по

экономической географии, ресурсам российских недр, быту народов Сибири и Дальнего Востока. После падения Временного правительства многие геологи, которые изучали Урал, Сибирь и Дальний Восток, выехали в командировки на летние полевые работы 1918 г., получив ассигнования и соответствующие документы от Геолкома. Э.Э. Анерта командировали в Приморскую область для исследования месторождений полезных ископаемых Сихотэ-Алинского хребта. Кроме этого имел задание и от Союза Сибиряков-Областников [1, РГАЭ. Ф. 732, Оп. 1. Д. 181. Л. 1–5].

Реализовать планы не позволили Гражданская война и иностранная военная интервенция. Попав в водоворот смены различных режимов и правительств в Сибири и на Дальнем Востоке, в 1918–1920 гг. он руководил работой Горного департамента во Временном Сибирском правительстве, правительствах адмирала А.В. Колчака и бывшего управляющего КВЖД генерала Д.П. Хорвата; активно участвовал в организации Сибирского Геолкома и Института исследования Сибири. Будучи председателем Дальневосточной секции Геолкома, Анерт объединил под своим началом находившихся на Дальнем Востоке геологов и основал в 1920 г. во Владивостоке Геологический комитет Дальнего Востока (Дальгеолком). Были определены цели и задачи новой организации. Под его руководством Геолком ДВ обязался предоставлять финансовые отчеты, справки и экспертизы о горных ресурсах Приморского края, реализовывать свои программные разработки, основное содержание которых было намечено Главным Геологическим комитетом еще до 1917 г. «Долг перед Родиной и Нацией обязывает нас, по мере возможности, принимая во внимание настоящее неблагоприятное положение страны, не прерывать работы ученых учреждений в деле изучения недр, извлечения и обработки ископаемых той страны, где они находятся», – говорилось в обращении директора Геолкома Дальнего Востока к коллегам от 25 октября 1920 г. [2, РГАЭ. Ф. 732. Оп. 1. Д. 65. Л. 18].

В 1924 г. Анерт отказался от должности председателя Дальгеолкома. Причиной тому послужил возрастающий объем административной работы и резкий конфликт с одним из вышестоящих коллег, не обещавший примирения в будущем. В качестве внештатного сотрудника Геолкома ДВ он остается в Харбине «для продолжения Мулинских и других исследований...» [3, РГАЭ. Ф. 732. Оп. 1. Д. 56. Л. 137]. Позже, объясняя свое решение, он напишет: «Конечно, каждый ученый и научный сотрудник должен быть (да и в его это интересах) корректным по отношению учреждений, в которых он участвует, коих постоянный член, да и не имело бы главного и смысла поступать иначе, если он в своем уме. Но убийство для науки – превращать ученого-исследователя в канцелярского служащего, в бюрократа, что было бы его духовным убийством...» [4, РГАЭ. Ф. 732. Оп. 1. Д. 104. Л. 3]. Оставаясь российским гражданином и сотрудником Дальгеолкома, он продолжал заниматься геологией Дальнего Востока, посещал Москву, Петроград, выступал по делам службы на конференциях, писал научные работы, наладил связи с заграничными организациями, работающими по изучению геологического строения Китая и т.д. Работы ученого в Маньчжурии по-прежнему значительны, что видно из письма помощника Директора Геолкома ВСНХ СССР Н.Н. Тихоновича: «Ждем Вас с нетерпением, но Ваша деятельность в Маньчжурии настолько продуктивна, что я считаю нерациональным ликвидировать из-за Вашего приезда сюда всю ту работу, которая намечена Вами. Прошу, однако, по возможности ускорить Ваш приезд, так как Ваше отсутствие

здесь с деловой точки зрения чувствуется весьма сильно во многих вопросах» [5, РГАЭ. Ф. 732. Оп. 1. Д. 125. Л. 17].

В конце 1920-х гг. в СССР начались судебные процессы, связанные с крупными авариями, срывами на производстве: «Шахтинский процесс» против инженеров-горняков, «Дело о контрреволюционной и шпионской организации в Геологическом комитете ВСНХ» и др. Э.Э. Анерт, не желавший зависеть от какого-либо политического воздействия на свою работу, которая была содержанием и смыслом его жизни, принимает решение не возвращаться на родину. В письме от 30 мая 1929 г., адресованном руководству Геолкома ВСНХ СССР (Д.И. Мушкетову, Н.Н. Тихоновичу, А.Н. Криштофовичу, И.М. Губкину), говорилось, что все события, происходящие в стране, весьма тягостны для него и «пребывание по паспорту гражданином СССР становится невозможным», а также «делает равным самоубийству возвращение в пределы последней...». По этой причине убедительно просил безотлагательно возбудить от Геологического комитета вопрос о лишении его гражданства СССР. «Это будет хорошим подарком Вашим к истекшему 40-летию моего инженерства и 35-летию моей геологической работы», – обращался ученый к своим коллегам [6, РГАЭ. Ф. 732. Оп. 1. Д. 125. Л. 76].

Через три месяца уже «ученый-невозвращенец» обратился в канцелярию Департамента народного просвещения Особого района Восточных провинций Китая (ОРВП) с просьбой предоставить ему право преподавания в школах, институтах и других учебных заведениях геологических и физико-географических наук. При этом прилагались документы, удостоверяющие факт окончания Петербургского Горного института, работы в Геолкоме России, звания ординарного профессора, «назначения почетным членом-корреспондентом Национальной Геологической службы Китая» [7, РГАЭ. Ф. 732. Оп. 1. Д. 182. Л. 4].

В сентябре 1930 г. Анерт в Харбине принимает германское подданство. Этот шаг он считал «сентиментальным поводом»: его дед был выходцем из Саксонии, а единственные родственники – овдовевшая сестра и племянник, которым он помогал материально много лет, переехали из Эстонии в Берлин. Боязнь «совершенного одиночества и близости немощной старости и смерти» побудила его «при первой возможности на последние дни жизни перебраться туда же, где они обосновались» [8, РГАЭ. Ф. 732. Оп. 1. Д. 182. Л. 154–163]. В силу разных обстоятельств выехать на родину предков до 1939 г. не смог, а после развязывания Германией войны в Европе идея о переезде в Берлин «для мирного и почетного доживания жизни» отпала сама собой.

И в этих непростых условиях ученый не прекращал своих активных геологических исследований, что давало ощущение полной независимости от жизненных испытаний. Еще во время его геологических изысканий в Приамурье (1914 г.) было сделано открытие, перевернувшее представление специалистов о палеонтологии Китая: на берегу Амура были обнаружены остатки динозавра. Непосредственно заинтересованный в геологических данных таких находок Анерт принимает активное участие в палеонтологических раскопках в Чжалайноре и Хайларе. Сенсационными для палеонтологов и геологов всего мира оказались «Кусяньтунские раскопки» весной 1931 года вблизи Харбина, одним из руководителей которых он был (9, Газета «Заря», Харбин. – 16 августа, 1931, № 225). Найденное здесь огромное скопление костей доисторических животных (двурогих носорогов, пещерных тигров и медведей, гигантских размеров гиен и

т.д.) позволяло судить о некогда богатой фауне Северной Маньчжурии. Но самой ценной частью находок оказались остатки синантропа в пещере Джоукудянь [10. РГАЭ. Ф. 732. Оп. 1. Д. 195. Л. 88, 90]. Именно «пекинский человек» на многие годы связал творческой дружбой двух крупных ученых XX в.: французского монаха, философа, геолога в Китае Пьера Тейяра де Шардена и русского ученого-геолога. Сохранившаяся их переписка за 1925–1946 гг. говорит о том, что они часто обменивались мнением о своей работе, рисунками и фотографиями находок. Благодаря помощи русского коллеги П.Т. де Шарден предполагал найти следы пребывания ископаемого человека в «Чжалайноре и местечке Шкотово под Владивостоком». В итоге их научные предположения нашли свое подтверждение [11. РГАЭ. Ф. 732. Оп. 1. Д. 163. Л. 2–4].

В условиях оккупации Японией Маньчжурии, которой он посвятил без малого пятьдесят лет своей жизни, Э.Э. Анерт вновь вынужден (как и в 1917–1924 гг. в России) решать вопрос о взаимоотношениях с новой властью. Ученый-эмигрант остается верен своему выработанному ранее credo. 26 ноября 1931 г. он оставит дневниковую запись: «...деятель научного учреждения... должен быть вне политики, вне общего вихря, особенно в бурные времена, во времена смен властей и настроений, когда ничто не прочно, и когда в прочей жизни политический и желудочный момент господствует везде и во всем...». По его мнению, оправдать «оставление своего поста» ученым можно лишь в случае физической невозможности продолжать работу или бессмысленности ее выполнять «из-за того, что все равно все будет разрушено» [12. РГАЭ. Ф. 732. Оп. 1. Д. 106. Л. 56].

В 1930–1940-х гг. Анерт работал в Харбине геологом-консультантом Мулинского углепромышленного товарищества, Торгового дома наследников Л.Ш. Скидельского, а также советником горно-геологического отделения Экономического института Маньчжурской железной дороги (МЖД), Научно-исследовательского института изучения Северной Маньчжурии, в котором кроме того руководил отделом геологии и научными экспедициями этого института [13. РГАЭ. Ф. 732. Оп. 1. Д. 98. Л. 83–84].

5 сентября 1934 г. в Харбине был учрежден «Комитет по охране религиозных, художественных и научных ценностей». Это событие поистине мирового значения произошло по инициативе крупного русского ученого-востоковеда, Верховного Президента Всемирной Лиги Культуры академика Н.К. Рериха (1874–1947) при поддержке Императора Маньчжоу-Го Пу-И, а также известных в среде русской эмиграции представителей образовательных, научных и культурных учреждений Харбина. В то время в Америке и десятках других стран уже работали 86 аналогичных Комитетов «сохранения культурных сокровищ человечества». По мнению Н.К. Рериха, «бесценный вклад» в создание Русского Комитета Пакта внес лично профессор Анерт, который подготовил и передал ему подборку местных материалов по вопросам охраны памятников «старины и природы» в Маньчжурском крае, издания законов и организации «особого, для проведения всего этого в жизнь, органа». Содержание материалов оказалось настолько важным, что академик Рерих отправил их в Главный Комитет Пакта в Нью-Йорке, предложил включить в члены Пакта персонально русского ученого и возглавляемый им коллектив сотрудников отделения геологии Института изучения Северной Маньчжурии (14, Газеты: «Русское слово», – Харбин, 6 сентября 1934, № 2553; «Заря», – Харбин, 23 октября 1934, № 288).

Общественность Харбина широко отметила 50-летие научно-исследовательской и практической деятельности (1939 г.) авторитетного ученого, автора более 130 ценных для науки трудов по географии, геологии и горному делу Дальнего Востока России и Северной Маньчжурии за 1897–1939 гг. [15. РГАЭ. Ф. 732. Оп. 1. Д. 195. Л. 128, 130, 245]. Большинство из них получили международное признание, были переведены на иностранные языки и изданы в Германии, Голландии, Китае, Маньчжурии, США, Франции и Японии. Труд «Путешествия по Маньчжурии» (1904 г.) был отмечен РГО большой медалью им. Н.М. Пржевальского. Капитальные исследования: «Полезные ископаемые Северной Маньчжурии» (1927 г.), «Богатства недр Дальнего Востока» (Хабаровск; Владивосток, 1928) и ныне актуальны. В конце 1930-х гг. в сотрудничестве с японскими геологами работал над составлением «Горно-геологического словаря» на русском и японском языках. Следует сказать о его работе над русско-немецко-английско-японским словарём научных и технических терминов по геологии, физической географии, минералогии, петрографии, геофизике, геохимии, частью по горному делу и другим соприкасающимся отраслям знания и техники.

За свою многогранную научно-исследовательскую деятельность профессор Анерт избирался пожизненным почетным или действительным членом почти всех научно-технических обществ в России и ряда иностранных научных обществ Америки, Германии, Китая, Франции, Японии; почетным членом-корреспондентом Национальной геологической службы Китая в Пекине, Китайского института минералогии и металлургии, Американского Географического общества в Нью-Йорке, «Deutsche Akademy» в Мюнхене, почетным доктором естествознания Кёнигсбергского университета. В 1923 г. при его активном участии было организовано научно-исследовательское Общество изучения Маньчжурского края (ОИМК), в котором он был избран пожизненным почетным членом, председателем секции геологии и физической географии, заведующим отделом геологии. В 1929–1944 гг. – председатель Клуба естествознания и географии при ХСМЛ. Участник международных географических и геологических конгрессов в Вашингтоне, Париже, Сан-Франциско, Токио. Многие годы наряду с научно-исследовательской работой Э.Э. Анерт не прекращал свою педагогическую деятельность в учебных заведениях Харбина, Синьцзяна, Токио и Осаки, где читал курсы лекций, в т.ч. по «Маньчжуроведению».

После капитуляции Германии и ее союзника на Дальнем Востоке – Японии 80-летний ученый работал в Институте изучения Северной Маньчжурии, Управлении Китайско-Чанчуньской ж.д., музее и библиотеке Дома Красной Армии в Харбине, читал лекции красноармейцам. Не имея сведений из Берлина о родственниках, «германский гражданин, до того гражданин СССР, а ранее Российский подданный, горный инженер, старший геолог Э.Э. Анерт» 11 декабря 1945 г. обратился в Генеральное консульство СССР в Харбине с просьбой о восстановлении его в правах гражданства Советского Союза. В письменном заявлении на имя Генерального консула И.С. Большакова говорилось: «...ныне на Западе меня никто не ждет, ибо едва ли кто из немногих близких уцелел. Лишь в СССР реально есть близкие по духу и работе коллеги, которые, как мне стало известно, по многим посещениям меня геологами, гидрологами, инженерами и пр., пришедших сюда с Армией, еще дружески и с уважением ко мне относятся. По сему мне место – среди них» (16, подробнее см.: Бельчич Ю.В. Невозвращенец Э.Э. Анерт [2]).

Одним из посетивших нашего знаменитого соотечественника был геолог, начальник особого спецотряда по сбору экономических материалов И.И. Берснев. Ему удалось раздобыть машину дров для спасения «больного и одинокого старика без средств к существованию» в холодном декабрьском, «чужом Харбине». В знак благодарности Эдуард Эдуардович передал советским коллегам-геологам единственный экземпляр составленной им геологической карты Маньчжурии масштаба 1:10.000.000.

К сожалению, документов по решению вопроса о восстановлении его в правах гражданства СССР обнаружить пока не удалось. 9 сентября 1958 г. Генеральный консул СССР в Харбине Г.С. Трефилов «на основании свидетельских показаний» сообщил, что «старейший исследователь в области геологии и физической географии Северной Маньчжурии Э.Э. Анерт ушел из жизни 25 декабря 1946 г.» [17. РГАЭ. Ф. 732. Оп. 1. Д. 195. Л. 354].

Личный архив ученого мирового уровня был перевезен из Харбина в Москву и с 1958 г. хранился сначала в Архиве внешней политики МИД СССР. В Российский государственный архив экономики (РГАЭ) поступил из Министерства геологии СССР в 1987 г. Более 10 000 документов фонда № 732 дают представление о многогранной творческой, научно-исследовательской, служебной, педагогической и общественной деятельности, жизненных перипетиях знаменитого «фондообразователя» за 1869–1946 гг. Появилась возможность изучить реальную профессора Э.Э. Анерта, увидеть его личную трагедию, а также по достоинству оценить профессиональный и личностный вклад в развитие отечественной и мировой геологии.

1. Российский государственный архив экономики (РГАЭ).
2. Бельчич Ю.В. Невозвращенец Э.Э. Анерт (по материалам личного архива ученого в Российском государственном архиве экономики) // Зарубежная Россия. 1917–1945: сб. ст. Кн. 3. – СПб.: Изд-во «Лики России», 2004. С. 173–179.-ил.
3. Кириллов Е.А. Неизвестный Анерт. Записки из опыта архивных разысканий. Хабаровск, 1993. – 426 с.
4. Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии. Первое десятилетие советской политики в Китае. Т. 2: 1922–1926. – М.: «Памятники исторической мысли», 2015. – 608 с. ил. (Документальная история Советско-китайских отношений (1917–1929 гг.).
5. Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. 1930–1940 гг. Белград, 1941. Вып. 2. Ч. 1. С. 23–27.
6. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). – М., 1997. С. 143–151.
7. Ремизовский В.И. Геолог и горный инженер Э.Э. Анерт // Вестник Сахалинского музея. – Южно-Сахалинск, 1995. С. 156–172.

УДК 740/433

ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ И КУЛЬТУРЫ В ХАРБИНЕ

Дин Сян,

аспирант кафедры философии и культурологии Востока

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

В статье предпринимается опыт анализа русских архитектурных и культурных памятников в Харбине (административный центр современной провинции Хэйлуцзян). Проанализированы конкретные произведения архитектурного искусства, построенные во времена Российской империи и Советского Союза как историко-культурные феномены, позволяющие проследить, с одной стороны, способы распространения российского культурного влияния в Китае, а с другой – особенности восприятия «образа России» местным населением.

Ключевые слова: *КНР, Харбин, архитектура, городской ландшафт, культурные смыслы зодчества, архитектурные стили, архитектурные памятники в русском стиле, образ России.*

MOUNMENTS OF RUSSIAN ARCHITECTURE AND CULTURE IN HARBIN

Ding Xiang,

*Post-graduate student of the Department of Philosophy
and Culturology of the East,
St. Petersburg State University*

The article takes the experience of analyzing Russian architectural and cultural monuments in Harbin (the administrative center of the modern Heilongjiang province). The author disassembles concrete works of architectural art, built during the times of the Russian Empire and the Soviet Union as historical and cultural phenomena, allowing to trace, on the one hand, the ways of spreading the Russian cultural influence in China, and, on the other, the peculiarities of perception of the "image of Russia" by the native population.

Keywords: *People's Republic of China, Harbin, architecture, urban landscape, cultural senses of architecture, architectural styles, architectural monuments in Russian style, image of Russia.*

Архитектуру справедливо определяют в качестве результата всей культурной созидательной работы человека, а порожденные ею художественные образы играют важную символическую роль в духовной жизни местного общества.

Не менее важную роль архитектура играет и для этнокультурной самоидентификации. Поэтому сохранение архитектурного наследия есть одно из ключевых условий преемственности связи настоящего с прошлым и будущим в рамках данного этнокультурного сообщества [2, с. 19]. Китайская культура дает множество тому примеров. Пожалуй, самый яркий из них – Великая китайская стена. Если в старом Китае она воспринималась в большей степени в качестве воплощения деспотии имперского режима, каторжного труда и массовой гибели населения, то уже в середине 1930-х гг. её стали ассоциировать с великим подвигом китайского народа (ханьцев) [1, с. 17]. Сегодня Великая китайская стена служит распространенным визуальным символом Китая и государственных устоев КНР: её изображения включены в атрибутику (на лычках униформ, служебных автомобилях, специальных гербах, на официальных интернет-страницах) Министерства обороны, Министерства иностранных дел, Министерства общественной безопасности, Китайской народной вооруженной полиции, а также входят в число наиболее распространенных образов, воспроизводимых в журналах, на стендах для оформления выставок, рекламных плакатах, в сувенирной продукции [1, с. 17–18].

Приведенный пример свидетельствует также о повышенном внимании китайцев к архитектурным памятникам, что распространяется, естественно, и на те из них, которые служат, напротив, репрезентантами чужеземных культурных традиций. Заявленная автором тема – анализ российских архитектурных и культурных памятников в Китае – позволяет на примере городского ландшафта Харбина проследить, с одной стороны, конкретные способы проникновения российской культуры в китайское этнокультурное пространство, а с другой – особенности восприятия местным населением такого рода новаций. Причем восприятия далеко не только с утилитарной или эстетической точки зрения. В силу оговоренных выше особенностей осмысления китайцами архитектуры они усматривают в памятниках российского зодчества выражение «образа России». Не будет большим преувеличением сказать, что за отношением к конкретному зданию, архитектурному ансамблю или культурно-мемориальному комплексу (например, кладбище) скрывается характер отношения ко всей России, на различных этапах её истории – Российской империи, Советскому Союзу и Российской Федерации. Таковы основные аспекты, которые мы постараемся затронуть ниже.

Городское строительство Харбина началось с 1898 года, причем был разработан генеральный план застройки, который разработали столичные (из Санкт-Петербурга) архитекторы и который был утвержден в столице Российской Империи [9, с. 32]. Более того, строительство Харбина считают первым крупномасштабным проектом Российского правительства после Санкт-Петербурга [3, с. 15]. Такое отношение к застройке Харбина свидетельствует о том, насколько важное значение российские власти придавали этому городу, явно намереваясь создать там не просто крупный железнодорожный узел, но и главный центр своего геополитического и культурного влияния в Китае и на всем Дальнем Востоке. Обращает на себя внимание и четкость планировочной схемы будущего города. Его центральную часть намеревались разместить на возвышенном горизонтальном плато, поднимавшемся параллельно руслу Сунгари, основные магистрали прокладывались в направлении, параллельном течению реки. Перпендикулярные им улицы образовывали четкую систему прямоугольных кварталов, которая, в свою очередь, по диагонали пересекалась улицами, шедшими в широтном и меридиональном направлениях [9, с. 32]. В результате планировочная схема

Харбина отчасти напоминает городское пространство Санкт-Петербурга – еще одно доказательство серьезности намерений уподобить Харбин столице Российской империи. С другой стороны, она совпадает и с традиционными китайскими градостроительными планировочными принципами, особенно тщательно соблюдаемыми именно для столичных городов (рис. 1). Ввиду отсутствия доказательств досконального знакомства российских зодчих того времени с китайскими градостроительными канонами напрашивается предположение, что и это совпадение не было случайным. Через планировку Харбина российские власти пытались наглядно показать китайскому населению величие Российской империи.

Рис. 1. Проект планировки Харбина в 1910 г. (наверху), пространство СПб. в 1893 г. (внизу)

Не менее показательным является то, что уже 1 октября 1899 года в самой высокой точке центра города Харбина приступили к возведению деревянного Свято-Николаевского собора, в честь Святителя Николая Мирликийского, особо почитаемого в православии. Проект собора разработал Владимир Иосифович Подлевский (1863 – после 1917), достаточно известный в то время архитектор, который, что очень важно, работал в Санкт-Петербурге, возводя и административно-торговые (например, здание Торгового дома Гвардейского экономического сообщества, в дальнейшем известное как «Дом Ленинградской Торговли», ДЛТ), и фабричные здания (Балтийский Судостроительный завод), и церкви, сочетая в них элементы, идущие от древнерусского деревянного зодчества, со стилем Модерн (Церковь Покрова Пресвятой Богородицы на территории Политехнического университета). Строительные работы велись под наблюдением архитектора Алексея Климентьевича Левтеева (1868–1925) – первостроителя Харбина и

КВЖД [4, с. 198]. Окруженный круглой в плане Соборной площадью Свято-Николаевский собор господствовал в окружающем пространстве, чему способствовала и ее шатровая архитектурная композиция. Внешний вид собора воплотил в себе традиционную форму, палаточную крышу русской народной деревянной конструкции [21, с. 42]. Такой архитектурный стиль «русских шатровых храмов» имеет типичный луковый купол, который образован сочетанием куполов в российском стиле и арочных окон римского стиля и под влиянием византийского архитектурного искусства. Собор должен был стать по замыслу российских зодчих символом русской православной культуры [4, с. 198] и, добавим от себя, воплощением русских эстетических идеалов. Он создавал образ России как страны, преисполненной духовности и стремления к прекрасному. Показательно, что китайские историки архитектуры считают его «архитектурной драгоценностью» [21, с. 42]. Такое впечатление он не мог не производить и на китайских жителей Харбина того времени. Не лишним будет отметить, что место расположения собора до сих пор остается фокусом планировочной среды города, что учитывается и в «Генеральном плане застройки Харбина (2011–2020 гг.)» [15].

Теперь перейдем к памятникам гражданской архитектуры. Практическое предназначение Харбина предполагало создание инфраструктуры, необходимой для жизнедеятельности железной дороги, и комфортной среды для проживания строителей, обслуживающего персонала и руководства КВЖД. Понятно, что в городе активно строили здания вокзала и управления КВЖД, частное жилье, магазины, банки, клинические учреждения и т.д. [9, с. 32]. Все постройки такого рода имели определенную эстетическую ценность и идеологические смыслы. Исследователи отмечают удивительную архитектурную полифонию городского ландшафта Харбина. Так, по мнению китайского ученого Лю Сунфу [12, с. 43–47], в нем присутствуют здания четырех основных архитектурных стилей, часть которых проникли в Харбин уже в 1920–1940-х гг. и из других стран, например, ар-деко, приобретший популярность в Европе и в США в 1930–40-х гг.

Истоки этой архитектурной полифонии тоже восходят к начальной застройке Харбина, когда активно использовали стиль русского модерна. Зародившись, напомним, в Европе, во время общественной индустриализации, этот стиль получил широкую популярность в Российской империи, вобрав в себя элементы местной архитектуры, включая деревянное зодчество [9, с. 34]. Широкое использование модерна в Харбине объясняется не только и не столько его популярностью в России. Исключительно важна точка зрения, что «жизнестроительная концепция модерна была весьма актуальной для территории нового освоения, где требовалось создание особого культурного пространства: для совместного русско-китайского проживания и отвечающего государственным целям, которые преследовала Россия на международной арене: связать европейскую Россию и дальневосточную Азию» [3, с. 21]. Если через культовое зодчество подчеркивалась самобытность культуры России, то при возведении общественных зданий намеренно (как считают исследователи) использовали интернациональный вариант модерна, лишённый национальной окраски. Одним из наглядных его образцов служит железнодорожный вокзал в Харбине [4, с. 28–29]. Китайские специалисты признают архитектурные достоинства и силу влияния старого Харбинского вокзала на мест-

ный городской ландшафт, связывая с ним проникновение в Китай русского Модерна – ар-нуво [20, с. 15–17].

Новый этап в создании «русского» архитектурного ландшафта связан с периодом эмиграции, после событий 1917 г. К 1924 г. в Харбине насчитывалось около 100 тысяч эмигрантов из России. Они составили 63,7% от общей численности населения Харбина [8, с. 348]. Эмигранты стремились сохранить и подчеркнуть присущие национальной аристократии духовные ценности: монархические устои и православные традиции. Об этом свидетельствует многочисленность построенных храмов и учебных заведений: в общей сложности 26 церквей [20, с. 11], шесть высших учебных заведений и целая сеть средних школ. Отдельного разговора заслуживает Свято-Софийский собор, вначале построенный из дерева в 1907 году [6, с. 6]. Затем в 1932 году новая кирпичная церковь Святой Софии была построена рядом с первым адресом в византийском стиле (рис. 2, 3, 4). Он стал крупнейшим на Дальнем Востоке православным храмом, вмещающим до 2000 человек. Весь собор выложен из красного кирпича. Вершина в каждом конце креста завершается традиционной шатровой крышей, на которую надеты купола в виде небольших луковиц, а на месте пересечения креста выстроен высокий большой барабан с 16-арочными длинными окнами, который несет огромный купол в виде луковицы [5, с. 123–127].

Рис. 2. Первое здание Софийского собора на Пристані региона Даоли Харбина, построенного в 1907 году.

Источник:

[https://ru.wikipedia.org /
File:St._Sofia_church_Harbin.old.jpg](https://ru.wikipedia.org/File:St._Sofia_church_Harbin.old.jpg)

Рис. 3. Схематический план расположения первой и второй церкви Святой Софии.

Источник:

Крадин Н.П. Харбин – русская Атлантида. – Хабаровск, 2010 г.

В то же время российская диаспора стремилась воссоздать и привычную для неё среду обитания. В мае 1924 г. улицу вымостили брусчаткой, очень похожей на брусчатку московского Арбата [16]. Если церкви удовлетворяли духовным запросам российской миграции, то «Центральная улица» совместно с торговыми и жилыми зданиями воссоздавали «культурное пространство России». В результате архитектура продолжала создавать иллюзию владычества Российской Империи и создавала «домашнюю атмосферу» для большинства российской миграции. Известный писатель Русского Зарубежья Всеволод Иванов замечал в своих очерках харбинской жизни: «Я думаю, что Китай, принявший в пору 1920 года большую порцию беженцев из России, предоставил им такие условия, о которых они могли разве что мечтать». «Можно сказать с уверенностью, что на всем земном шаре не было другой страны, в которой русская эмиграция могла чувствовать себя в такой степени дома», – вспоминала писательница Наталья Резникова [4, с. 198]. Коммерческая и жилая архитектура позволяла

местным жителям понять образ жизни российской миграции, что способствовало развитию национальной повседневной культуры.

В 1932 г. город был оккупирован Японской императорской армией. В 1935 г. СССР продал долю собственности КВЖД Японии, после чего отток русских из Харбина существенно увеличился [8, с. 348].

С момента освобождения Харбина начался этап «советского строительства». В ноябре 1945 года воздвигли два памятника: 1) Памятник советским воинам, павшим за освобождение Харбина (ноябрь 1945 года), установленный на площади Свято-Николаевского собора (ныне Площадь Провинциального музея). Статуи пехотинца и моряка стоят на высоком пьедестале из белого гранита, украшенном изображениями герба и флага СССР [11]; 2) «Мемориал Советским солдатам» на Привокзальной (Вокзальной) площади (перед Харбинским вокзалом) в виде четырехгранной устремленной вверх башни (высота 18,4 м), увенчанной статуями двух солдат (памятник снесли в связи со строительством нового здания вокзала в конце 1980-х гг.).

После 1949 г. в Харбине появились здания в «советско-сталинском стиле». В 1952 г. построили Пекинский выставочный зал, в 1955 г. – здание «Китайско-

Рис. 4. Фото строительства нового Софийского собора (был заложен 14 октября 1923 г. и закончен строительством 25 ноября 1932 г.).

Источник:

[https://ru.wikipedia.org/
File:St_Sophia_church_construction.jpg](https://ru.wikipedia.org/File:St_Sophia_church_construction.jpg)

советской дружбы». Внедрение в городской ландшафт «советско-сталинского стиля» усилилось после подписания Соглашения о содействии и строительных проектах между КНР и Советским Союзом (1953 г.) [10, с. 60].

Однако эти архитектурные новации вызывали массовые протесты. Китайцы не понимали и не принимали эстетику «советско-сталинского стиля», возражали против дороговизны строительства. В начале 1955 г. появилось даже «Движение против расточительства» [19, с. 7]. Здания, выполненные в «советско-сталинском стиле», часто перестраивали, заменяя шпили типично китайскими крышами.

Конфликт между КНР и Советским Союзом в период «Культурной революции» (1966–1976) повлек за собой «борьбу с российской архитектурой». В период с 23 по 26 августа 1966 г. снесли Свято-Николаевский собор. За последующие двадцать лет (до 1984 г.) перестроили или разрушили более половины зданий старой архитектуры. А это означает, что в исторической памяти местных жителей, тем более в сознании представителей молодого поколения, «образу России» тоже грозило разрушение и скорое забвение.

К концу прошлого века ситуация резко изменилась. Еще в 1984 г. в администрации Харбина предложили «Список зданий, улиц, площадей и кварталов, подлежащих государственной охране» и приступили к разработке конкретных мер по охране и, если нужно, реставрации внесенных в него памятников и историко-культурных достопримечательностей. Всего в нем числились 74 здания, один мост, две улицы, одна площадь и два квартала [17, с. 18], 68 из них являются памятниками «русской архитектуры» [18]. Подчеркнем, что этот список появился еще до распада Советского Союза и начала установления прочных дружеских связей КНР и Российской Федерации. Поэтому администрация Харбина не могла руководствоваться исключительно текущей политической конъюнктурой, а действительно задумалась над культурной ценностью старого городского ландшафта.

В 2001 г. Постоянный комитет Провинциального народного собрания рассмотрел «Правила о защите зданий и районов в Харбине». Члены Постоянного комитета сошлись во мнении, что Харбин является важным историко-культурным центром. Следовательно, крайне необходимо разработать и принять местные законодательные меры по охране конкретных памятников архитектуры и целых районов. Приняты «Изменения в соответствии с потребностями развития городского строительства» [14]. 7-й параграф второй главы этого документа гласит, что «Правительство муниципального образования утверждает меры по охране памятников архитектуры, включая стандарты сохранения и восстановления их первоначального облика», а именно исходную планировку, архитектурный декор, прилегающие зеленые насаждения и вспомогательные объекты здания [14].

С 1997 г. по настоящее время власти Харбина вложили более 3 млрд юаней в мероприятия по охране и восстановлению местных историко-культурных и архитектурных памятников. В 2014 г. список таких памятников расширили до 415 пунктов, и их число продолжает увеличиваться. Забота об архитектурных памятниках и историко-культурных достопримечательностях объяснялась необходимостью сохранять историю собственного города, воплощенную в его ландшафте [13]. С одновременным восстановлением воспоминаний о России.

В 1984 г. отремонтировали Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Новом городе, который стал единственной действующей православной церковью в

Харбине (в нем начал служить китайский православный священник). В 1997 г. на собранные у простых харбинцев деньги привели в порядок Софийский храм и организовали в нем музей архитектуры Харбина. Затем в 2008 г. (в усадьбе «Волга» в пригороде Харбина по проекту Н.П. Крадина) была построена копия Свято-Николаевского собора. Усилиями китайских властей в последние 3–5 лет восстанавливается исторический облик других православных храмов, а также жилые и коммерческие (гостиница, магазины) здания, относящиеся в основном к первой трети прошлого века [13], воплощающие в себе очень положительный для местного населения «образ России» времен Российской империи и эмиграции. Возрождение такого «образа России» не может не содействовать с объективной точки зрения упрочению дружеских связей между РФ и КНР и не способствовать дальнейшему взаимопониманию наших народов.

1. Бреус Е.М. Образы и символы власти в современном Китае: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2012. – 26 с.
2. Вержбицкий Ж.М. Архитектурная культура: искусство архитектуры как средство гуманизации «второй природы». – СПб.: АРДИС, 2010. – 136 с.
3. Забияко А.А., Забияко А.П., Лешоко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин. Опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2015. – 461 с.
4. Крадин Н.П. Свято-Николаевский собор в Харбине как символ русской православной культуры // Рябининские чтения – 2015 / под ред. Т.Г. Иванова. – Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижы», 2015. – 596 с.
5. Крадин Н.П. Харбин – русская Атлантида. – Хабаровск: Хворов А.Ю., 2001. – 354 с.
6. Сумароков Е.Н. XX лет Харбинской епархии, 1922–1942. – Харбин, 1942.
7. Стрелкова Я. Стиль модерн в архитектуре. Особенности модерна в архитектуре [Электронный ресурс]. URL: https://www.syl.ru/article/201138/new_stil-modern-v-arhitekture-osobennosti-moderna-v-arhitekture (дата обращения 07.05.2018)
8. Цзен Шуаншуан. Русская эмиграция в Харбине в первой половине XX века // Сборник докладов VI Всеросс. науч.-практ. конф. «Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов российских вузов» (24–26 апреля 2013 г.): в 2 т. – Томск: Томский политехнический университет, 2013. С. 348–350.
9. Шевцова Т.И. Русская архитектура за рубежом. Харбин далекий и близкий // Санкт-Петербургская панорама. 1993. № 9. С. 32–34.
10. Ин Жо тань цзяньчжу чжун «шэхуй чжуи нэйжун, миныйцу синши» дэ коухао [谈建筑中“社会主义内容，民族形式”的口号/应若] Лозунге, что архитектура «внутри определяется социализмом, внешне отражает национальность» // Газета «Цзяньчжу сюэбао». 1981. № 2. С. 60–63.
11. Лю Дэци Хаэрбинь ванши – хаэрбинь дэ элосы цзяньчжу фэнгэ (Дела прошлого в Харбине – русский архитектурный стиль Харбина) // 刘德基. 哈尔滨往事-哈尔滨的俄罗斯建筑风格, 2015. URL: <http://imharbin.com/post/17028>. (дата обращения 07.05.2018)
12. Лю Сунфу Хаэрбинь цзиньдай цзяньчжу дэ ишу цзоусян [哈尔滨近代建筑的艺术走向/刘松茯] Тенденции развития современного архитектурного искусства Харбина // Чэнши цзяньчжу. 2005. С. 43–47

13. Люй Бо Хаэрбинь ипи тэсэ лао цзяньчжу цзян сюфу фуцзянь 415 чу лиши цзяньчжу чунсинь шули [哈尔滨一批特色老建筑将修复复建 415处历史建筑重新梳理/吕博] Наиболее примечательные памятники старой архитектуры Харбина должны быть восстановлены: заново отредактированный список 415 памятников // Газета «Хаэрбинь синь ваньбао», 09 мая 2014.

14. Хаэрбиньши баоху цзяньчжу хэ баоху цзецзюй тяоли [哈尔滨市保护建筑和保护街区条例/黑龙江省第九届人民代表大会常务委员会第二十五次会议批准]. Правила об охране зданий и районов в Харбине //: Хэйлунцзяншэн дицзюцзе жэньминь дайбяо дахуй чанву вэйюаньхуй диэршивуцы хуйи пичжунь, 19 декабря 2001.

15. Хаэрбиньши чэнши цзунти гуйхуа (План генеральной застройки Харбина (2011–2020))// 哈尔滨市城市总体规划 (2011–2020年). – Харбин, апрель 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://wenku.baidu.com/view/c6b8bd06bed5b9f3f90f1cad.html> (дата обращения 15.05.2018)

16. Хаэрбинь чжи чжунъян дацзе (1) вэньи фусин хэ балокэ цзяньчжу фэнгэ (Центральная улица Харбина – образец ренессансного и барочного архитектурных стилей) // 哈尔滨之中央大街 (一) 文艺复兴和巴洛克建筑风, 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_558e9ce501014jc0.html (дата обращения: 09.05.2018)

17. Хоу Юбин, Чжан Фухэ, Цунь Суншэн, Сицзэ Тайянь Чжунго цзиньдай цзяньчжу цзунлань – хаэрбинь пянь [中国近代建筑总览-哈尔滨篇/侯幼彬, 张复合, 村松伸, 西泽泰彦] Очерк современной архитектуры Китая. Раздел «Харбинь». – Пекин: Чжунго цзяньчжу чубаньшэ, 1992. 141 с.

18. Цао Иян, Синь Линся «Хаэрбинь• 1898»: баоху байнянь эши цзяньчжу цюнь [“哈尔滨•1898”: 保护百年俄式建筑群/曹霁阳, 辛林霞] «Харбинь – 1898» об охране вековых памятников русского зодчества // Газета Синьхуа, 09 ноября 2011.

19. Цзи Гохуа 20 шицзи 50 няндай сулянь шэхуй чжуи сяньши чжуи цзяньчжу лилунь дэ шужу дуй чжунго цзяньчжу дэ инсян [20世纪50年代苏联社会主义现实主义建筑理论的输入和对中国建筑的影响/吉国华] Заимствование архитектурных идей советского социалистического реализма 50-х годов 20 века и их влияние на китайскую архитектуру // «Times Architecture». Шидай цзяньчжу чубаньшэ, 2007. С. 66–71.

20. Цзян Сюэ Элосы цзяньчжу фэнгэ дуй хаэрбинь чэнши цзяньчжу цзяосин дэ инсян [俄罗斯建筑风格对哈尔滨城市建筑造型的影响/姜雪] Влияние русского архитектурного стиля на зодчество Харбина // Хаэрбинь кэцзи дасюе чубаньшэ, 2011. – 42 с.

21. Чан Хуайшэн Хаэрбинь цзяньчжу ишу [哈尔滨建筑艺术/常怀生] Архитектура Харбина. – Харбин: Хэйлунцзян кэсюе цзишу чубаньшэ, 1990. – 298 с.

УДК 740/433

ИСТОРИЯ ПОКРОВСКОГО ХРАМА В ГОРОДЕ ХАРБИНЕ

С.Ю. Еремин,

*руководитель исторической секции Русского клуба в Харбине,
прихожанин Покровского храма с 2005 года
член ПКО ВОО «РГО» – ОИАК*

Харбин, КНР

Статья посвящена истории одного из немногих сохранившихся и единственного действующего сегодня в Харбине православного храма Покрова Пресвятой Богородицы. Основанная на обобщении материалов из различных источников и литературы статья вводит в научный оборот ранее не опубликованные материалы, полученные автором в ходе проведения собственных исследований.

Ключевые слова: *храм, православие, община православного храма, строители храма, священники, русская диаспора Харбина.*

THE HISTORY OF THE POKROVSKY CHURCH IN HARBIN

S.Yu. Eremin,

*head of the historical section of the Russian club in Harbin,
parishioner of the intercession Church since 2005*

This article is devoted to the history of one of the few surviving today and only one operating Orthodox Church in Harbin – the Church of the Holy Virgin Intercession. The research method is based on the materials systematization from a various sources and literature. It also introduces previously unpublished materials into scientific circulation obtained by the author in the course of his own research.

Keywords: *Church, Orthodox, Orthodox Church community, the builders of the church, the priests, Russian Diaspora in Harbin.*

История Харбина как города началась с 1898 г. Развитие поселения в основном шло через три больших основных района – Пристань, Старый город и Новый город. По реке Сунгари в первые годы в «поселок Сунгари» (именно так тогда именовали будущий Харбин) прибывали люди, доставлялись строительные материалы, товары, оборудование. В Старом городе было возведено строительное управление Китайско-Восточной железной дороги (далее – КВЖД), его здание сохранилось до наших дней – памятная доска на китайском (и, что удивительно, – на французском языке) гласит о том, что здесь была первая резиденция управляющего дорогой генерала Д.Л. Хорвата и управление КВЖД. В Новом городе, который находился на возвышенности и вдалеке от реки, построили

в 1900 г. Николаевский собор, эта часть города стала официальным центром и самым престижным районом. Здесь с течением времени появились Московские торговые ряды, Харбинский Политехнический институт, новое здание Управления КВЖД, Коммерческое училище и Железнодорожное собрание, здания дорожных магазинов и респектабельные особняки.

Однако уже в самые первые месяцы, когда город делал свои первые шаги и только планировались главные улицы, нужно было выбрать и скорбное место для упокоения ушедших в лучший мир харбинцев – под кладбище. Вдалеке, как тогда казалось, от центральных дорог и построек, в Новом городе отвели место под первый харбинский погост. На этом кладбище были могилы воинов, погибших во время восстания «ихэтуаней» (более известного, как «боксерское»), а также могилы первых строителей КВЖД и города Харбина [1].

Город быстро разрастался – всего лишь через 20 лет территория кладбища оказалось практически в центре города. В 1908 г. открывается Успенское кладбище, получившее у здешних жителей название «Новое». На его территории был построен храм Успения Пресвятой Богородицы. А первое место захоронений на Большом проспекте стали именовать «Старым», хотя храма на нем не было еще долгие годы [5].

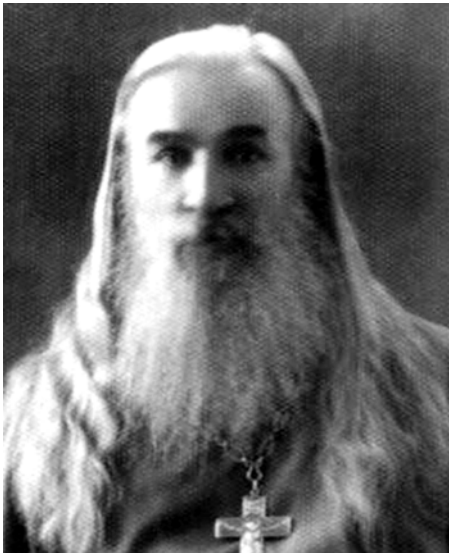

Рис. 1. Протоиерей Николай Труфанов [3]

В Харбине всегда существовали мощные национальные общины, которые мирно жили рядом и не конфликтовали между собой. Еврейская, армянская, польская и другие. В 1922 г. на Гоголевской улице в Новом городе свой домовый храм создают православные украинцы. При «Украинском доме» была сделана пристройка, где и помещалась временно церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы [1]. В 1925 г. эту общину возглавил, приехавший из Приморья (там он служил в селе Вознесенском) священник протоиерей Николай Труфанов [2] (рис. 1). Община была большая, достаточно активная, и вскоре возникла потребность в строительстве храма. К властям города было направлено обращение с просьбой о выделении участка на Старом кладбище. И после получения в 1928 г. землеотвода начались сбор пожертвований и подготовка к строительству [2].

В конкурсе проектов храма, объявленном строительным комитетом, победил один из самых известных харбинских архитекторов Юлий Петрович Жданов. Знаменательно, что его проект будущей церкви был представлен еще в 1905 г. на конкурс проектов храма для Успенского (Нового) кладбища, но был отклонен. Документы пролежали в архиве КВЖД около 25 лет и обрели «вторую жизнь». 1 июля 1930 г. было освящено место закладки храма Покрова

Пресвятой Богородицы в районе пересечения Мукденской улицы и Большого проспекта (Мукденская, 16) [2], началось строительство.

Общестроительные работы поручили выполнить подрядчику П.Н. Ильину. Инженер С.С. Бруевич откорректировал проект на дату начала работ и вел технический надзор. За качество выполнения работ отвечал инженер М.А. Тер-Овакимов. Ю.П. Жданов (рис. 2) вел общий надзор за ходом строительства, причем абсолютно безвозмездно [4].

П.Н. Ильин выполнил все работы с нулевого цикла до куполов и крестов меньше чем за полгода. 15 декабря 1930 г. Покровский храм на Большом проспекте был освящен. К тому времени Покровское кладбище было закрыто для захоронений и превратилось фактически в мемориальное: здесь хоронили только очень известных православных харбинцев. Так как оно находилось в самом центре Харбина – в двух кварталах от торгового дома «Чурин и Ко», сюда любили приходить горожане – красивые памятники известным харбинцам, тенистые дорожки, близость храма Божия создавали одухотворенную, торжественно-грустную атмосферу. Здесь в 1940 г., у стены созданной им церкви, был похоронен и архитектор Ю.П. Жданов [5].

Рис. 2. Архитектор Ю.П. Жданов [3]

Рис. 3. Покровский храм на Старом кладбище [6]

На Старом кладбище упокоились первые строители КВЖД, инженеры: Н.А. Казы-Гирей, А.А. Гершов, В.К. Вельс, И.Г. Варгасов, строитель больших мостов (в том числе через р. Сунгари), позже – первый начальник Службы пути В.И. Александров, первые начальники Службы Эксплуатации А.О. Максименко и И.И. Обломиевский, строитель тоннелей на Восточном участке КВЖД Н.С. Свягин; Военные: герой русско-японской войны генерал П.П. Крамаренко, начальник бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурии генерал В.А. Кислицын, полковник Охранной стражи И.Ф. Павлевский, (прибыл в Харбин в 1897 г. в чине есаула для охраны экспедиции А.И. Шидловского) поручик М.Л. Казаркин – первый полицмейстер Харбина (1898–1903 гг.). Один из крупнейших жертвователей и строителей Покровского храма В.С. Опадчий. Талантливая поэтесса Ниночка Завадская, погибшая от тифа в 15-летнем возрасте. Всего на кладбище на 1923 г. было 1743 могилы [5].

Храм был сооружен в неовизантийском стиле. Следует отметить, что в Европе в 1880–1910-е гг. в результате теоретического и практического освоения роли византийского наследия появляются зрелые произведения неовизантийского стиля с использованием купола, конх, сводов, других пространственных конструкций и связанной с ними системы декора. Таким образом, неовизантийская архитектура Покровского храма четко вписывается в русло актуального на рубеже XIX–XX вв. художественного явления. В то же время здание Покровского храма является первым известным нам примером проявления этого стиля в Азии. Полусферический купол на огромном световом барабане перекрывает храмовое пространство. Арки барабана постепенно переходят к купольному покрытию. Углы четверика венчают небольшие декоративные главки на граненых барабанах. Сводчатое перекрытие отражено в архитектурном декоре всех фасадов – архивольтах. Храм построен в одной связи с небольшой, традиционно не превышающей высоты центрального купола колокольной над главным входом, с открытыми арками звона и увенчанной полусферической главкой. В облике компактной, композиционно уравновешенной церкви угадывается творческий почерк петербургской архитектурной школы гражданских инженеров [6]. В подкупольной части храма для улучшения его акустики расположены два ряда вделанных в стены горшков. Верхний ряд, выше оконных проемов, состоит из 24 малых горшков. Нижний из 12 – более крупных.

Протоиерей Николай Труфанов прослужил настоятелем храма до 1942 г. и ушел на покой. Найдены фамилии старост храма в разные годы: И.Г. Сарабун (1922–1928), А.Г. Бодянов (1928–1933). Последним старостой (из известных нам), помогавшим настоятелю храма до 1940 г., был Александр Николаевич Неповетов. Согласно его анкете в архиве БРЭМ он прибыл в Харбин в самые первые годы строительства КВЖД, работал долгое время машинистом паровоза, а после выхода на пенсию (1603 золотых рубля в год) достойно исполнял обязанности старосты храма. Похоронен он на последнем харбинском русском кладбище Хуаншань [3]. За его могилкой бережно ухаживает православная община Покровского храма.

В 1957 г. китайские власти закрыли оба русских кладбища и предложили всем русским харбинцам перенести дорогие для них памятники на новое, третье по счету и теперь, наверное, уже последнее православное кладбище «Хуаншань». Таких перенесенных могильных камней там насчитывается

около 90 штук. Сносимые кресты, могильные плиты, красивейшие погребальные монументы из камня свозились в одну кучу, грузились на машину и вывозились на набережную Сунгари. Там шло строительство дамбы против наводнений – именно для укрепления береговой части реки и были предназначены все эти скорбные, дорогие русскому сердцу «камни» [7]. На Покровском кладбище сохранился лишь один памятник – братская могила 2-х офицеров и 22-х нижних чинов Охранной стражи. Сегодня мало кто из современных китайских жителей Харбина знает, что на этом месте когда-то находилось кладбище.

Харбинские времена менялись: наступил период гонений на веру – так называемая «культурная революция». В августе 1966 г. специально приехавшими из Пекина хунвейбинами был разобран до основания Николаевский кафедральный собор. Все, что могло гореть, – жгли в двух больших кострах. Известный всему городу образ Николая Чудотворца – «Старик с вокзала», находившийся долгие годы на железнодорожном вокзале и позже перенесенный от возможного осквернения в Николаевский храм, также сгорел в пламени этих костров. Прервались богослужения и в Покровском храме, кресты с него были сбиты, иконостас разобран, все иконы и утварь исчезли, а здание стало использоваться как книгохранилище. К сожалению, до настоящего времени нами не было найдено ни одной фотографии первоначального убранства храма, хотя, по свидетельствам старожилов, оно поражало изяществом и красотой.

После окончания сложного и страшного периода «культурной революции» православные люди Харбина предпринимали попытки упорядочить свою духовную жизнь. В частности, властям Харбина, провинции Хэйлунцзян и в Пекин писались письма с просьбой открыть для богослужений православную церковь, что полностью соответствовало тогдашнему законодательству КНР. Многие храмы в те годы сносились, стояли в запустении, были осквернены. Но православные люди не теряли надежду, собирали подписи, отправляли ходатаев в Пекин. Много времени тратилось на визиты к чиновникам разных уровней. Наконец, в конце 1983 года в Пекине было получено разрешение на проведение богослужений в Покровском храме. Настоятелем храма стал иерей Григорий Чжу Шипу (朱世樸) (1925–2000).

Рис. 4. Иерей Григорий Чжу [8]

Его судьба сложилась непросто. В молодые годы он жил в Пекине и изучал православие при Российской Духовной миссии в Китае (далее – РДМК). В сан иерея был рукоположен последним начальником Миссии владыкой Виктором (Святым). В Харбине, куда он приехал с семьей, молодой священник пострадал в годы «культурной революции»: был арестован, пробыл в заключении три месяца, но вышел на свободу и несколько лет работал вместе с другими «служителями культа» (католиками и протестантами) на очень тяжелом и вредном производстве – на гвоздильном заводе. Тогда и появилась у него сильная сутулость (рис. 4).

После утверждения его настоятелем отец Григорий активно взялся обустроить храм. Съездил в Пекин и привез оттуда 16 больших ящиков с православными иконами, утварью и некоторой богослужебной литературой. Но очень многих нужных для проведения богослужений вещей на первом этапе не хватало. Например, форм для выпечки просфор, церковных книг. С просьбами о помощи прихожане обращались к выходцам из Харбина, жившим в те годы в разных странах мира. В храме начался ремонт: восстанавливали иконостас, кресты на куполах, заново покрасили наружные стены, тем самым скрыв первоначальный удивительный облик храма.

Загадочна история появления в Покровском храме антиминос, без которого не могут проходить богослужения. Он подписан для храма Табынской иконы Божией Матери в Пекине епископом Пекинским Виктором (Святым) – начальником последней 20-й РДМК. Мы не располагаем сведениями о таком храме в столице Китая. Возможно, антиминос использовали в домовом храме, ведь в Пекине всегда жило много албазинцев. Можно предположить, что в период гонений на церковь он попал к китайским властям и позже был передан в Харбин отцу Григорию.

Иконы, привезенные отцом Григорием из Пекина, принадлежат кисти самых известных харбинских иконописцев – братьев Задорожных. Вероятно, они находились в одном из храмов Харбина, но не сгорели в кострах «культурной революции», а были сохранены и вывезены в Пекин. Сейчас сложно сказать, в каком храме до «культурной революции» находилась церковная утварь Покровского храма. Но бесспорно одно – сегодняшний храм фактически является музеем харбинской церковной старины. Каждый из имеющихся в нем предметов хранит свою уникальную историю. Эти раритеты имеют большую культурную и историческую ценность. Иконы храма требуют тщательного изучения и реставрации.

На колокольне Покровского храма после всех исторических потрясений сохранился только один колокол весом 49 пудов (около 800 килограмм). Согласно надписи на нем, он отлит в Москве, на крупном и известном в России заводе Павла Николаевича Финляндского, который был самым массовым производителем колоколов в России до событий 1917 г. [9]. В советские времена завод закрыли. Строительство Покровского храма велось во втором полугодии 1930 г., когда все заводы в Советской России по производству колоколов уже не работали. Каким образом, какими путями попал в Харбин колокол, отлитый в столице, вопрос открытый.

С визитами в Харбин к иерею Григорию Чжу неоднократно приезжал сегодняшний Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей (далее – РПЦЗ) митрополит Иларион (Капрал), с 1966 по 2008 г. – архиепископ Сиднейский и Австралийско-Новозеландский. Посещал он Покровский храм и после кончины настоятеля в 2000 г. У старших харбинцев сохранилось множество групповых фотографий с ним, которые они любезно передали автору настоящей статьи: в храме, за трапезой дома у прихожан, у Покровского и Софийского храмов. Можно предположить, что он не только передавал отцу Григорию собранные в Австралии и Америке для поддержания харбинского прихода и нуждающихся прихожан деньги, но и молился вместе с приходом, в со-служении с отцом Григорием Чжу (рис. 5).

Рис. 5. Владыка Иларион (Капрал) в Покровском храме [8]

Будучи еще руководителем Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата (далее – ОВЦС МП), в Харбин в 1993 г. приезжал также будущий Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл. После этой встречи в Харбине к отцу Григорию приезжал епископ Хабаровский и Амурский Иннокентий. А в 1994 г. иерей Григорий Чжу ездил в Москву в сопровождении хабаровского владыки Иннокентия, где участвовал в Патриаршем богослужении и был удостоен Святейшим Патриархом Московским и Всея Руси Алексием права ношения наперсного креста с украшениями. Во время этого визита отец Григорий встречался с владыкой Кириллом уже в его резиденции.

После кончины отца Григория храм осиротел. Прихожане писали письма китайским властям и за границу с просьбой прислать им священника. Но никаких изменений не происходило до 2005 г. В те годы церковь выглядела плачевно. На стенах облупившаяся краска в виде «рулончиков папируса». Священника нет, лишь читает некоторые молитвы на китайском языке чтец Виктор Гао. Русскому, не знающему китайского языка, было понятно лишь только 12 раз повторенное «Господи, помилуй!». Есть возможность поставить свечи, которые продают в церковной лавке по 2 юаня, приложиться к образам, помолиться. Ввиду отсутствия священника в храме нет должной дисциплины, он скорее напоминает место встречи друзей: наскоро поставив свечи, помолившись, китайцы рассаживаются на лавочках, отходят в притвор и активно делятся друг с другом последними местными новостями. Вместо песнопений и молитвы звучит гул голосов...

Православному человеку на чужбине трудно приходится без литургической жизни, без участия в таинствах, без духовного окормления. В тот период начала складываться уже новая, русская часть современной общины Покровского храма. Проживающими в Харбине русскими в 2005–2007 гг. направлялись письма в разные адреса в России. Сначала по незнанию писали в администрацию Приморского края и передавали переведенные на китайский язык обращения от департамента культуры Приморья к губернатору провинции Хэйлуцзян с просьбой разрешить приезд в Харбин священника из России. Позже стали писать в Московскую Патриархию.

Первый визит в Управление по делам религий города Харбина запомнился своим волнением. Как воспримут китайские власти ходатайство от такой не понятной многим организации в Китае, как Русский клуб в Харбине? Лето 2007 г., долгая дорога за реку Сунгари, на левый ее берег, куда за пару лет до этого переехала мэрия города. Долго выписывают пропуска, долго идем до здания мэрии, долго едем в лифте. Официальные лица сухи, но вежливы. Представились, попросили нас показать паспорта с визами. Передали наше обращение.

Китайская сторона внимательно изучила текст, уточнила некоторые детали. И тут же дала нам ответ: в вашей просьбе нет ничего незаконного. Но для успешного решения вашего вопроса требуется сделать следующее: нам было названо 6 пунктов. Уходили мы окрыленные – ясность была на сто процентов! Впереди нас ждали два года согласований, переписки с ОВЦС и харбинскими властями, сбор подписей под обращениями, подготовка...

В 2009 г. русские прихожане в Покровском храме обратились к директору 4-го департамента Государственного управления КНР по делам религий г-же Люй Цзингуан, сопровождающей председателя ОВЦС владыку Илариона в поездке по Китаю, с просьбой разрешить приезд и проведение богослужений в Покровском храме в дни больших церковных праздников православного священника из России. Русским православным харбинцам было предложено обращаться, как и прежде, официальным путем, но все мы поняли, что шанс на положительное решение вопроса существует.

Рис. 6. Председатель ОВЦС МП митрополит Волоколамский Иларион и директор 4-го департамента Государственного управления КНР по делам религий г-жа Люй Цзингуан в Покровском храме, 2009 г. [8]

Только в 2010 г. на Пасху такое разрешение было получено: из Москвы прибыла делегация ОВЦС во главе с иеромонахом Стефаном (Игумновым). После 10-летнего перерыва вновь в Харбине была отслужена Божественная литургия, в храме запахло ладаном, зазвучали молитвенные песнопения и на приветствие священника «Христос Воскресе!» под сводами Покровского храма раздавалось ликующее и торжествующее: «Воистину Воскресе!».

Следует отметить, что вся церковная утварь, необходимая для совершения Литургии, десять лет бережно хранилась в алтаре и была в полном порядке – наличие было заранее проверено по списку перед приездом священника во избежание неожиданностей. Только покровцы на Святую Чашу немного обветшали и пришлось купить новый набор посуды для нарезания просфор и запивки. Пасхальное богослужение наполнило сердца всех православных харбинцев радостью и надеждой, но, к сожалению, визиты священников не стали регулярными.

Рис. 7. Иеромонах Стефан (Игумнов) с прихожанами после Пасхального богослужения [8]

В 2010 и 2011 гг. в Харбин на престольный праздник Покровского храма (14 октября) приезжал и служил Литургию старейший священник Китайской Автономной Православной Церкви иерей Михаил Ван Цюаньшэн, проживающий на покое в Шанхае. В поездке ему помогал иподьякон Папий Фу Силян. Для прихода это было очень важно, все переживали за батюшку: служить ему было тяжело в силу его преклонного возраста, но все прошло достойно и торжественно. В 2014 г. отец Михаил Ван отошел ко Господу.

В апреле 2013 г. для всего Харбина произошло уникальное событие и огромнейшая радость. На Радоницу, в рамках своего первого официального визита в Китай, Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл совершил в Покровском храме Патриаршее богослужение! О предстоящем визите Святейшего Патриарха наш приход оповестили всего за две недели, было очень много различных подготовительных работ. Китайская сторона буквально за десять дней

привела в порядок внутренние помещения храма: покрасили стены, двери и окна, а приехавшие священники Владивостокской епархии закупили все необходимое для патриаршей службы. Составлялись списки всех участвующих в Литургии харбинцев (35 китайцев и 35 русских), позже всем выдали специальные пропуска. Узнав о таком важном событии, в Харбин приехали верующие не только из разных городов Китая, но и из России: из Благовещенска и Хабаровска. Из Владивостока прибыл автобус с группой паломников численностью более 30 человек (в их числе настоятельница и монахини Рождество-Богородицкого Южно-Уссурийского женского монастыря, атаман и казаки Уссурийского казачьего войска).

Знаменательно, что служба проходила фактически в кладбищенском храме – на Старом кладбище, о чем многие современные харбинцы не знали. А Радоница – день поминовения усопших. В своей проповеди Святейший Патриарх помянул многих и многих священников, служивших в Китае, начиная с членов первых Российских Духовных Миссий и до иерея Григория Чжу. В самом конце проповеди он сказал слова, которые очень запомнились всем присутствующим: «Знайте, что с Харбином теперь пребывает мое Патриаршее благословение!»...

Рис. 8. Групповое фото со Святейшим Патриархом Кириллом [8]

В 2012 г. в рамках соглашения, достигнутого Государственным управлением КНР по делам религий и Советом по взаимодействию с религиозными организациями при Президенте Российской Федерации о подготовке Русской Православной Церковью китайских православных студентов, китайское правительство направило на учебу в Россию двух прихожан Покровского храма: Василия У Шаоцяна и Александра Юй Ши. 27 сентября 2014 г. в академическом храме апостола и евангелиста Иоанна Богослова Санкт-Петербургской духовной академии ее ректором архиепископом Петерегофским Амвросием (Ермаковым) Александр Юй Ши был пострижен во чтецы, возведен в иподиакона и рукоположен в сан диакона. 14 октября того же года впервые возглавил праздничную службу в Покровском храме в Харбине. Ранее в СПбДА был разработан специальный моле-

бен, переведён на китайский язык и заранее отправлен в Харбин для подготовки церковного хора.

Рис. 9. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы в Харбине в 2014 г. [8]

4 октября 2015 г. дьякон Александр Юй Ши был рукоположен во иерея архиепископом Петерегофским Амвросием (Ермаковым) в домовом храме Санкт-Петербургской духовной академии. Он стал первым за 60 лет новым китайским православным пастырем, рукоположенным для материкового Китая.

С 2014 г. по договоренности с китайскими властями на большие праздники церковного календаря в Харбин приезжает из Приморской митрополии благочинный первого округа Владивостока протоиерей Димитрий Федорин. Отец Димитрий со-служит отцу Александру на праздничных литургиях, привозит в дар храму подсвечники, хоругви и другую необходимую утварь. В декабре 2017 г. батюшка привез из России и передал в Покровский храм точную копию известной харбинской святыни – иконы «Всех скорбящих Радость», которая чудесным образом обновилась в 20-е гг. прошлого века в харбинском Доме милосердия и была увезена с большими сложностями, через Гонконг в США в 60-е гг. Оригинал иконы пребывает в Синодальном храме в городе Нью-Йорке, в резиденции предстоятеля РПЦЗ Иллариона (Капрал). Копия иконы была написана во Владивостоке в Свято-Серафимовском мужском монастыре на острове Русском иконописцем Александром Березневым, средства на ее написание харбинцы собирали по благословию митрополита Владивостокского и Приморского Вениамина, как в Китае, так и в России. Для русской части прихода Покровского храма визиты отца Димитрия очень важны и полезны. К сожалению, с января 2018 г. власти Харбина не дают разрешения на совместное служение русского и китайского священника, поэтому приезжает отец Димитрий теперь только в качестве гостя или иногда совершает богослужения только для русских верующих.

С января 2015 г. по апрель 2018 г. Покровский храм был закрыт на капитальный ремонт в связи с аварийным состоянием: в левой стене и под хорами были обнаружены опасные трещины. Причины их появления можно предположить две: 1) сверхбыстрое выполнение работ по строительству храма подрядчи-

ком П.Н. Ильиным почти 90 лет назад, когда всего за полгода были выполнены все общестроительные работы от фундамента до крестов на куполах; 2) строительство и эксплуатация прямо под зданием церкви линии городского метрополитена. Еще в 2013 г. на хоры не было разрешено подняться Патриаршему хору из 20 певчих. В ходе проведения ремонта никаких работ по подкреплению фундаментов или стен не выполнялось. Подниматься на хоры более чем двум людям запрещено и сейчас, так же как и до ремонта. Проводилась ли техническая экспертиза фундаментов и несущих конструкций храма, российским прихожанам не известно.

В период ремонта церкви воскресные богослужения проходили в совсем небольшом помещении конторы храма, вмещающем от силы 25–30 человек, а праздничные богослужения – в помещении католического храма, который находится напротив Покровского (его старое название: храм Святого Станислава, современное – храм Животворящего Сердца Христа). На Пасху, Рождество и другие великие двунадесятые праздники число молящихся превышает сто человек.

На Пасху 2018 г. обновленный Покровский храм был открыт. Духовная жизнь православных харбинцев потекла спокойно и благополучно. Службы сейчас проходят каждое воскресенье и по большим церковным праздникам. Особенность нашего храма в том, что община состоит из прихожан-китайцев и прихожан-россиян. За последние два-три года сформировано два хора – из русских и китайцев. Соответственно, песнопения звучат как на русском, так и на китайском языках. Евангелие и Апостол читаются также на двух языках. Большая часть русскоязычного хора во главе с регентом Антоном Остапенко состоит из выходцев из «северной столицы» России – Санкт-Петербурга, работающих по контракту в Харбинской консерватории.

Выражаем самую искреннюю благодарность Правительству города Харбина и городскому Управлению по делам религий и национальностей за заботу об устройстве нашей церковной жизни. За каждым богослужением в обновленном Покровском храме возносятся молитвы о благополучии и процветании двух стран-соседей – Китая и России и дальнейшем укреплении дружбы и взаимопонимания между нашими народами.

История Покровского храма в Харбине удивительна, само здание уникально. Оно стоит на месте первого русского кладбища на северо-востоке Китая, здесь похоронены самые первые строители КВЖД и Харбина. По своей архитектуре церковь является воистину памятником одного из редких стилей неовизантизма конца XIX и начала XX в. Здесь неоднократно молились главы Московского патриархата и РПЦЗ. Здесь находится колокол, отлитый на самом известном заводе по производству колоколов в Москве. Здесь находятся иконы, написанные самыми известными харбинскими иконописцами братьями Задорожными. Здесь дважды возродилось Православие в Китае: в 1984 г., после тяжелых лет «культурной революции» стараниями иерея Григория Чжу и его паствы и в 2014 г. при служении иерея Александра Юй Ши. Надеемся, что российский туризм в Харбин (в том числе, паломнический) будет динамично развиваться, и храм по праву сохранит статус важнейшего памятника российского исторического присутствия на северо-востоке Китая.

В заключение хочется обратиться к научному сообществу историков России и Зарубежья с просьбой: если у вас есть фотоматериалы о внутреннем убранстве Покровского храма в Харбине до начала периода «культурной революции»,

пришлите, пожалуйста, ссылку или передайте автору данной статьи (e-mail: es200660@mail.ru). Настоятель и прихожане храма мечтают о восстановлении первоначального убранства церкви, которое по воспоминаниям харбинцев было очень богатым и красивым.

1. Троицкая С.С. Харбинская епархия, ее храмы и духовенство. К 80-летию со дня учреждения Харбинско-Маньчжурской епархии 11/24 марта 1922 г. – 11/24 марта 2002 г. // Перл: литературный и образовательный журнал на русском языке. – Брисбен, Австралия, 2005.
2. Сумароков Е.Н. 20 лет Харбинской епархии. – Харбин, 1942. С. 122.
3. Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830. Оп. 3, Л. 1. Личные дела Труфанова Н.И. № 48214, Жданова Ю.П. № 15240, Неповетова А.Н. № 33238.
4. Крадин Н.П. Харбин – Русская Атлантида. – Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2010. С. 130–136.
5. Жилевич Татьяна (Мирошниченко) В память об усопших в земле маньчжурской и харбинцах. – Мельбурн, Австралия, 2000. С. 25–28, 230–231.
6. Искусство и архитектура русского зарубежья [Электронный ресурс]. URL: <http://www.artz.ru/menu/1804649234/1804821024.html> (дата обращения 10.12.2018)
7. Чтобы помнили... Судьба Русского Харбина. forum.vgd.ru [Электронный ресурс]. URL: https://go.mail.ru/search_images?src=go&sbmt=1542158146478&fm=&q=%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B5+%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B1%D0%B8%D1%89%D0%B5+%D0%B2+%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B1%D0%B8%D0%BD%D0%B5#urlhash=6884028324595773004 (дата обращения 10.12.2018).
8. Личный фотоархив автора.
9. Колокольню-литейный завод Финляндского [Электронный ресурс]. URL: <https://www.turkaramatoru.com/ru/> (дата обращения 10.12.2018).

УДК 740/433

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАВОСЛАВНОГО УЧАСТКА КЛАДБИЩА ХУАНШАНЬ В ХАРБИНЕ

И.В. Киричков,

архитектор, аспирант

*научный сотрудник Сибирского государственного института искусств
имени Дмитрия Хворостовского*

*Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск*

К восстановлению православных памятников за границей обращено повышенное внимание со стороны как российских, так и китайских специалистов. Православный участок кладбища Хуаншань в Харбине является единственным действующим православным кладбищем в Китае. Восстановление православных памятников за границей имеет свою специфику. Традиции создания кладбищ в Китае до относительно недавнего времени (середина XX века) не было, да и в настоящее время она весьма своеобразна. В основу данного исследования легли воспоминания старших харбинцев, натурное обследование мест захоронений, историческая литература, архивные документы. Предполагается, что обновленный участок кладбища Хуаншань станет главным и единственным гражданским православным кладбищем в Китае, куда потомки русских эмигрантов смогут приехать и почтить память о своих родных.

Ключевые слова: *православный участок кладбища Хуаншань, Харбин, проект реконструкции, благоустройство среды, восстановление памятников, архитектура в Китае.*

THE RECONSTRUCTION OF THE HUANGSHAN CEMETERY ORTHODOX SECTION IN HARBIN

I.V. Kirichkov,

architect, PhD student of Siberian Federal University

*postgraduate student of Siberian Federal University, scientist of the Dmitry Hvorostovsky
Siberian State Academy of Arts*

The restoration of Orthodox monuments abroad has received increased attention from both the Russian and Chinese specialists. The Orthodox section of Huangshan cemetery in Harbin is the only one Orthodox functioning cemetery in China. Restoration of Orthodox monuments abroad has its own specifics. The tradition of creating cemeteries in China was not formed until relatively recent time (middle of the XXth century), and now it has a very peculiar character. The memo-

ries of older people from Harbin, investigation of burial sites, historical literature, archival documents became the basis of this research. As expected, the renovated section of the Huangshan cemetery will become the main and only one civil Orthodox cemetery in China, where the descendants of Russian immigrants are able to come and honor the memory of their relatives.

Keywords: *Huangshan Cemetery Orthodox Section, Reconstruction Project, Environment Improvement, Monuments Restoration, Architecture in China.*

Информация о кладбище. Православный участок кладбища Хуаншань (кит. «哈尔滨皇山俄侨墓地») в Харбине является самым большим действующим православным кладбищем в Китае и одним из наиболее почитаемых мест для русских, проживающих за границей. Хуаншань (кит. «皇山») в переводе с китайского дословно означает «императорская гора», располагается к востоку от Харбина. Кладбище было открыто в июне 1958 г. За год до этого руководство Харбина приняло решение о закрытии русских кладбищ: Старого (Покровского, кит. «圣母守护教堂公墓»), расположенного в центре города, и Нового (Успенского, кит. «圣母安息教堂公墓»), находившегося на месте современного парка (кит. «文化乐园»). В связи с этим на Хуаншань было перенесено до 90 памятников с двух закрывающихся кладбищ [1]. Общая площадь кладбища составляет 45 000 м² (рис. 1, 2). В общей сложности на кладбище насчитывается более 700 захоронений, среди которых захоронения русских, китайцев, украинцев, белорусов, немцев, поляков и представителей других национальностей. Наибольшее число упокоившихся на Хуаншань родились в Харбине или на линии КВЖД – 25 человек, с Украины – 16, из Забайкалья, Сибири и Дальнего Востока – 15, Белоруссии – 7, Кавказа – 6, Прибалтики – 4. Из центральных областей России: Самарская губерния – 7, Смоленская – 5, Казанская – 4, Иркутская губерния и Санкт-Петербург – по 3. Калужская, Курская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Оренбургская, Симбирская, Тамбовская, Томская – по 2 человека.

При жизни эти люди были священнослужителями, докторами, военными, инженерами, строителями железной дороги, предпринимателями, студентами и т.д. Установлены данные на более чем 375 усопших. На сегодняшний день это единственное действующее православное кладбище в Китае. Первая схема захоронений, составленная в 1980-х гг. Эдуардом Марьяновичем Стакальским, была передана Русскому клубу от президента Харбинско-Китайского Исторического Общества (ХКИО) из Сиднея (Австралия) Игорем Казимировичем Савицким. Большая часть информации по захоронениям была предоставлена старшим харбинцем Николаем Николаевичем Заикой.

В 2006 г. харбинское правительство выделило средства на реконструкцию главных ворот и участка ограждения. В 2007 г. благодаря финансовой поддержке российской стороны с Успенского кладбища было перенесено 111 захоронений советских воинов, в том числе 93 известных и 18 неизвестных, осенью 1945 года освобождавших северо-восток Китая от японских милитаристов [2]. Участок захоронений советских воинов общей площадью 1050 м² был торжественно открыт с участием министра иностранных дел Сергея Лаврова. Проект

Рис. 1. Общая схема захоронений православного участка кладбища Хуаншань, разработанная Григорием Легоньковым на основе первой схемы захоронений.

Источник: Русский клуб в Харбине

Существующее состояние православного кладбища Хуаншань в целом оценивается как удовлетворительное, оно пока не имеет полностью сформированный вид. Большая часть территории кладбища пока пуста. На кладбище находятся два капитальных здания, отремонтированные в 2017 г. на деньги китайского правительства: небольшой храм в честь Иоанна Предтечи, построенный летом 1995 г. благодаря усилиям настоятеля Покровского храма отца Григория Чжу (кит. «朱世朴司祭»), и дом сторожа. Каждый год на Радоницу и Успение в храме возносятся молитвы по всем усопшим христианам, лежащим в харбинской земле. По кладбищу проложена центральная аллея, от которой в стороны расходятся подходы к могилам. Вход на кладбище осуществляется через центральные и боковые ворота, территория разделена на участки, из которых 1, 2, 3 – почти полностью заполнены, 4, 5, 6, 7 – заполнены частично. За пять лет с 2011 по 2016 г. усилиями Русского клуба в Харбине (РКХ) удалось восстановить порядка двадцати памятников, среди которых захоронения студентов, трагически погибших на железнодорожной станции Ченгауз в перестрелке с отрядом хунхузов [3], мемориал русским воинам, погибших во время Русско-японской войны и др. Все работы по ремонту данных памятников финансировались объединением старших харбинцев: Харбинско-китайское историческое общество (город Сидней, Австралия), президент Игорь Казимирович Савицкий. Однако имена многих могил пока еще не восстановлены – многие деревянные кресты утрачены, лишь небольшие холмики свидетельствуют о наличии там захоронений (рис. 2, 3). В районе могилы Чернолужского Александра Ефремовича (1906–1962) находятся еще тринадцать памятников, собранных стараниями старшего харбинца Заики Н.Н. в окрестностях кладбища.

мемориала советским воинам был разработан в 1945 г. архитектором, выпускником ХПИ Михаилом Андреевичем Бакичем. В верхней части мемориала расположена советская звезда в обрамлении венка, в нижней части на правой и левой частях лицевой и тыльной сторон памятника – мемориальные плиты с фамилиями похороненных воинов. На лицевой стороне мемориала на русском языке высечены слова: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость Союза Советских Социалистических Республик». На обратной стороне нанесен текст на русском языке: «Здесь похоронены воины героической Красной Армии, павшие в борьбе с японскими империалистами за свободу и независимость Советского Союза. 1945 г.». За памятником расположены ряды могил. Над захоронением шефствует Народное правительство города Харбина.

Рис. 2. Главные ворота кладбища, (фото автора, март 2017 г.)

Рис. 3. Кладбищенский храм в честь Иоанна Предтечи (фото автора, март 2017 г.)

Проект реконструкции кладбища. Основной концепцией проекта реконструкции православного участка кладбища Хуаншань является увековечивание памяти о русских людях, нашедших упокоение в китайской земле. Инициатором, а также консультантом проекта стал руководитель исторической секции Русского клуба в Харбине, член Русского географического общества С.Ю. Еремин.

Проект реконструкции предполагает качественное улучшение инфраструктуры кладбища, а именно: прокладку аллеи шириной 750 мм из каменной плитки для подхода к памятникам, мощение по краям существующих могил, установку электрических щитов, размещение мусорных баков, расстановку скамей и урн, строительство беседки для поминальных обедов, проведение в дом сторожа холодного круглогодичного водоснабжения, выравнивание свободной территории кладбища, высадка по периметру кустарников, деревьев.

Накануне конференции «Любимый Харбин – город дружбы России и Китая» в июне 2018 г. удалось установить металлический стенд возле главных ворот со схемой кладбища, маршрутом осмотра, а также с информацией на китайском, русском и английском языках о выдающихся людях, живших в Харбине и упокоившихся на кладбище. Среди них капитан Александр Алексеевич Корнильев (1864–1904) – кадровый военный, капитан второго ранга, с 1903 г. служил в Порт-Артуре, командир миноносца «Решительный», в бою 26 января 1904 г. в первый день Русско-японской войны, был ранен, промок на мостике от заборной воды, поднятой разрывами японских снарядов, отправлен на лечение в Харбин, где умер от тяжелой формы туберкулеза (рис. 4); доктор Владимир Алексеевич Казем-Бек (1892–1931) – самый любимый харбинцами доктор, окончил медицинский факультет Казанского университета, служил врачом-хирургом на фронтах Первой мировой войны, в Харбине с 1919 г. занимался

Рис. 4. Восстановленный памятник А.А. Корнильеву

(Фото С.Ю. Еремина, июль 2012 г.)

частной практикой и лечил многих бедных пациентов бесплатно, а многим помогал материально, скончался в 39 лет от скарлатины – спас задыхающуюся девочку от гибели, а сам заразился и умер (рис. 5); Схиигумен Игнатий (1865–1958) (в миру Мелехин) – был монахом с именем Орр Свято-Троицкого мужского монастыря в Приморском крае (село Шмаковка) с 1922 года в Харбине, с 1924 г. монах Казанско-Богородицкого мужского монастыря, самый известный молитвенник Харбина, по его молитвам Господь являл многие чудеса, исцеления больным, в том числе, неизлечимо, христианам, обладал даром провидения, видел человека внутренним взором, хотя последние десять лет жизни был полностью слеп [4] (рис. 6). В Государственном архиве Хабаровского края, архиве Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ) есть данные на 128 человек, лежащих в харбинской земле на кладбище Хуаншань [5].

Рис. 5. Восстановленный памятник
В.А. Казем-Беку

(фото С.Ю. Еремина, июль 2012 г.)

Рис. 6. Восстановленный памятник
Схиигумену Игнатию

(фото С.Ю. Еремина, июль 2012 г.)

Проект мемориала. Как правило, современные русские православные кладбища не имеют единого композиционного центра, каждый памятник стоит обособленно, часто не сочетаясь по стилю и характеру с другими. Многие традиции утеряны. В данном же случае центральным местом кладбища, за исключением самого храма, предполагается сделать мемориал, посвященный всем русским людям, упокоившимся в китайской земле, местом строительства которого был выбран участок на оси между храмом и домом сторожа. Композиционным центром мемориала должен стать восьмиконечный поклонный крест высотой 2 м, выполненный из светло-серого гранита. На главном постаменте будет размещена надпись: «В память всех русских людей, нашедших упокоение в китайской земле». Перед поклонным крестом предусмотрена относительно небольшая площадка размерами 3,250 × 4,120 м, предназначенная для молитв, проведения богослужений. По двум сторонам от аллеи шириной 0,8 м планируется установить от 300 до 400 памятных камней из серого гранита размерами в плане 330 × 250 мм высотой 200 мм. Между рядами памятных камней должны быть проложены дорожки шириной 400 мм. Поклонный крест, памятные камни расположены таким образом, чтобы взор молящегося был обращен на восток согласно православной традиции. Именно с востока восходит солнце, излучается утренний свет.

Площадка перед поклонным крестом памятными камнями. Каждый человек, желающий увековечить память о своем родственнике, имеет возможность установить свой памятный камень. На каждом памятном камне будут выгравированы фамилия, имя, отчество, годы жизни усопшего (возможно, без вести пропавшего), а также православный крест.

Габаритные размеры всего мемориала в плане составляют $11,500 \times 14,750$ м. Слева и справа от креста планируется установить каменные киотные столбы высотой около 2 м (по аналогии с киотными столбами, установленными на о. Русский, освященным епископом Иннокентием из Владивостокской епархии), с иконой Св. Николая Чудотворца справа – покровителя Харбина и харбинской иконой Божьей Матери слева. Возле каждого киотного столба планируется установить латунные электрические подсвечники, свет испускаемый которыми не гаснет даже при сильном ветре (рис. 7, 8). На участке за поклонным крестом будут высажены кусты сирени как символ русской эмиграции. По сторонам мемориала сохраняется существующее травяное покрытие.

Рис. 7. Вид мемориала издали – расположение мемориала между храмом и домом сторожа (разработка автора)

Рис. 8. Вид мемориала вблизи – поклонный крест, два киотных столба, подсвечники, скамьи (разработка автора)

По состоянию на июнь 2018 г. стоимость мемориала без памятных камней составляет около 2 млн руб, с памятными камнями около 4 млн. На реконструкцию всего кладбища потребуется чуть больше 5 млн руб. Посольства Белоруссии, Польши, Украины уже проявили большой интерес к проекту реконструкции кладбища Хуаншань.

Проект в целом выполнен в традиционном православном стиле, весьма лаконично, сдержанно, без каких бы то ни было явных излишеств. Выверенные ряды памятных камней, тенистые кроны деревьев, пение птиц создают ощущение одиночества, грусти, единства с Богом. Проект мемориала впервые был представлен на конференции Координационного Совета Соотечественников в Китае (КССК) 5 апреля 2017 г. в городе Шэньян.

К сожалению, многим русским православным кладбищам в Китае не удалось обойти печальную участь: они были снесены. Первая обобщающая статья по русским воинским захоронениям в Китае была опубликована в 1928 г. в религиозно-патриотическом журнале «Хлеб небесный» [6]. В памятке, изданной в 1938 г. Правлением Попечительного Совета по охране и приведению в порядок Порт-Артурского и других военных кладбищ в Маньчжудуго и Квантунской области, состоящих в ведении Российской Духовной Миссии в Китае, отмечается неприглядное состояние русских могил: «... благодарные народы не забывают верных сынов своей Родины, всенародно признают их заслуги, чтут их память и молитвенно поминают души павших в боях. Только русские воины, на поле брани за Веру, Царя и Отечество, живот свой положившие, лишены этого; их могилы и кладбища распаханы, разрушены, запущены, лишены государственного и общественного попечения» [7]. Так, православное кладбище в Мукдене (сов. г. Шэньян) (кит. «奉天公墓»), на котором покоилось порядка 60 тысяч погибших в ходе Русско-японской войны русских солдат, оказалось полностью утраченным во время «культурной революции», его восстановление не представляется возможным [8]. Храм Христа Спасителя, одиноко стоящий посреди беспорядочной застройки является единственным свидетельством существовавшего вблизи него кладбища, напоминая о подвигах русских солдат. На кладбище в Хэньдаохэцзы рядом с храмом Введения во храм Пресвятой Богородицы осталось всего четыре памятника (две могильные плиты лежат возле храма). Русские воинские кладбища в Дашичао, Тюрренчене, Бенсиху, Ляояне, Каюяне, Годзядане частично утрачены или требуют восстановления.

В 2000-х гг. произошли коренные изменения в российском правительстве по отношению к восстановлению русских памятников за рубежом. В 2010 г. в Даляне было полностью восстановлено воинское кладбище Люйшунь (кит. «旅顺公墓») на деньги российской стороны. На открытии присутствовал президент РФ Дмитрий Медведев. Также в Даляне в 2015 г. было восстановлено воинское кладбище Цинюньцзе (кит. «大连圣弥哈伊尔总领天使教堂公墓»), расположенное рядом с храмом в честь Архангела Михаила, за счет средств фонда Ахмада Кадырова.

Предполагается, что обновленный православный участок кладбища Хуаншань в Харбине станет примером восстановления кладбищ в других городах Китая. Приведение кладбища в достойный вид, несомненно, увеличит приток в Харбин туристов из России и Русского Зарубежья.

Православная община Покровского храма в Харбине, в чьем хозяйственном ведении находится кладбище, во главе с настоятелем храма отцом Александром

Юй Ши заботится о сохранении православного участка кладбища Хуаншань в надлежащем состоянии. К сожалению, эпоха безвременья не пощадила и эти исторические памятники, священные места. Совершенно очевидно, что каждое захоронение требует к себе особого подхода. Поэтому ежегодно силами православной общины на кладбище проводится уборка, благодаря чему периодически обнаруживаются новые захоронения [9].

Проект восстановления последнего и, практически, единственного православного кладбища Хуаншань может и должен стать примером удачной совместной работы российской и китайской стороны и благодарности к китайскому правительству за бережное сохранение захоронений выходцев из России в Харбине.

1. Климичева Ю. Куда уходит русский Харбин // Амурская правда. 2012. №168.
2. Тянь Чж. Вечная память: о китайских мемориальных памятниках Советской Армии и могилах павших героев войны. – Далянь: Dalian publishing house, 2010. – 81 с.
3. Личные дела из архива БРЭМа в Хабаровске.
4. К жизнеописанию харбинского старца схиигумена Игнатия // Русский Паломник. 2000. № 21–22.
5. Еремин С.Ю. Русском клубе в Харбине // Русское географическое общество, 2017.
6. Герасимов В. По русским могилам // Хлеб небесный. Харбин, 1928. № 10. С. 24–25; № 11. С. 29–31.
7. Забытые могилы. – Харбин: Изд-во М.В. Зайцева, 1938. – 8 с.
8. Лешошко С.С. Храм Христа Спасителя в Мукдене (Китай) как отражение традиций памяти в православии (доклад на конференции «Религиозная деятельность русского зарубежья» (9–10 ноября 2005 г.))
9. Еремин С.Ю. Русский клуб Харбина приводит в порядок кладбище Хуаншань // Русский век, 2012.

УДК 93/94

**«МЫ ЕХАЛИ В ХАРБИН ПО КИТАЙСКОЙ ВОСТОЧНОЙ
ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ...» (Гастроли актрисы
В.Ф. Комиссаржевской в Харбине в 1909 г.)**

М.Г. Литаврина,
д-р искусствоведения, профессор

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва*

Статья посвящена истории дальневосточного турне известной российской актрисы Веры Федоровны Комиссаржевской. Особое внимание уделяется ее гастролям в Харбине.

Ключевые слова: *гастроли, театр, актриса, дальневосточное турне, театральная жизнь, Россия.*

**«WE RODE IN HARBIN ON CHINESE EASTERN RAILWAY...»
(Touring actress V.F. Komissarzhevsky in Harbin in 1909 g.)**

M.G. Litavrina,
*doctor of art history, Professor
Moscow State University,
Moscow*

The article is devoted to the history of the Far East tour of the famous Russian actress Vera Fedorovna Komissarzhevsky. Special attention is being paid to its tour in Harbin.

Keywords: *tours, theater, actress, theatre life, far East, Russia.*

Ранней весной 1909 г. в Харбине состоялись гастроли актрисы номер один России, кумира молодежи – Веры Федоровны Комиссаржевской. Эти выступления были частью ее огромного транссибирско-дальневосточного турне, которое по протяженности маршрута не имело прецедентов в отечественной театральной практике. Обратим внимание на печальную временную рифму: эти гастроли начались ровно за год до смерти актрисы (февраль 1910 г.) в Ташкенте от черной оспы.

Любимице театральной России предстояло сложное и опасное путешествие. Не только климатическая, но и криминальная ситуация вселяла в некоторых участников тревогу и страх. Не везде труппу принимали в театрах – часто это были наскоро сколоченные подмости, помещения клубов, «общественных собраний» (как в Чите). То от холода, как в Верхнеудинске, пришлось сидеть

за кулисами, не снимая шуб, то сквозь дощатые подмости нещадно лил дождь – и Комиссаржевскую прикрывали на сцене резиновым плащом. Дальневосточную эпопею Комиссаржевской вполне можно сравнить с известной поездкой Чехова на Сахалин, только интенсивность нервной деятельности, публичность существования, ежедневная театральная работа на износ и сжатые сроки пребывания в каждом городе создавали в данном случае особые, часто нечеловеческие условия для петербургской актрисы. Спустя почти полвека, также двигаясь на восток, но уже по «великому шелковому пути», А. Вертинский, раздраженный унижительным бытом, антисанитарией, элементарным отсутствием воды, с негодованием писал с гастролей в Чарджоу: «И на кой дьявол им посылают Вертинского?», и даже утверждал, что, озлобясь от «нестерпимых мелочей быта», «утерял главное – патриотизм» [4, с. 278, 264].

Однако бытовые удобства и патриотизм плохо рифмовались в России еще и в дореволюционное время, т.е. неблагоприятная жизненная среда отдаленных провинций была искони бичом не только России советской – но и царской¹. В данном случае необходимо учесть, что полоса вокруг КВЖД еще только обживалась, в Харбине шла бурная стройка, особенно в Новом городе, что удобств визитерам не добавляло, и путешественник-гастролер должен был четко понимать, куда отправляется и к чему ему надо готовиться. Вряд ли, однако, все это знала Вера Федоровна. Постараемся ответить на главный вопрос – было ли у нее, гастролерши 1909 г., в своих «крестовых походах» такое же, как у младшего коллеги спустя годы, чувство, что она «бросает в снег ненужное зерно?» [4, с. 7].

11 марта, после спектакля, ночью на поезде выехали из Читы. Веру Федоровну, уже утомленную месячным пребыванием в пути, перенесшую в дороге болезнь, казалось, наконец-то отпустили всякие напасти. Она ждала встречи с Маньчжурией с большим волнением, наслышанная о какой-то необыкновенной местной жизни и колорите. Она знала, что здесь в 1905 г. побывал неугомонный Мамонт Дальский, слышала, например, о страстном желании новой примы императорской сцены Е.Н. Роциной-Инсаровой приехать с сольными гастроллями в Харбин (это случится в 1916 г.). И понимала, как важно успеть оказаться тут вовремя, опередив соперниц. Труппа выехала в Иркутск раньше, и актриса прибыла туда экспрессом, чтобы собрать всех воедино и начать спектакли.

Важнейшую роль в благополучном продолжении поездки сыграло решение начальника Забайкальской железной дороги Ф. Кнорринга предоставить звезде столичной сцены и ее труппе отдельный вагон для путешествий по Сибири и

¹ По критической оценке повседневной ситуации, бытовых, культурных проблем использованные здесь мемуары деятелей искусства ощутимо отличаются от того, что можно порой прочесть в современной исследовательской литературе, рисующей Харбин этих лет активно развивающимся процветающим анклавом [5], с растущим благосостоянием жителей. Разумеется, мемуары являются субъективным источником и лишены осознания исторической перспективы, аналитики, доказательной базы, однако на эти обстоятельства – непосредственные, эмоциональные реакции на увиденное, на то, с чем не понаслышке пришлось столкнуться самим участникам событий, стоит обратить внимание. Заметим, что в целом харбинская культурная ситуация 1900-х гг. исследована менее, чем период 1920–1950-х гг. В ряду работ о повседневности русской колонии в Китае вслед за уже ставшими классическими (Г.В. Мелихов [8]) можно выделить основные труды И.К. Капран [6], В.Г. Шароновой и др. историков последних лет.

Дальнему Востоку. Без этого вряд ли было возможно одолеть этот, как она говорила, «великий сибирский путь». Между тем, стоит сделать важное предварительное замечание. Здоровье Комиссаржевской всегда было слабым, подорванным непосильным трудом, личными нервными потрясениями и богемным образом жизни. Оно в свое время особенно беспокоило А.П. Чехова, советовавшего ей – как врач – еще в пору Александринской сцены серьезно лечиться. Но у Комиссаржевской просто не хватало на это времени.

Финансовые проблемы ее театра в Петербурге, почти разоренного последовавшим перед самой премьерой запретом постановки «Царевны» (то есть «Саломеи» О. Уайльда), на которую были затрачены огромные средства (собственно, из-за непомерных долгов и возникла идея гастролей через всю страну на Дальний Восток вплоть до Японии), неудачное выступление в Америке, на которую опрометчиво возлагались большие надежды... Несмотря на поддерживающие статьи культурных лидеров русскоязычной диаспоры (например, замечательные рецензии Якова Гордина [3, с. 393–394]), гастроли в США вряд ли можно, как это порой делается, назвать удачными: они кончились взаимными претензиями обеих сторон [13, р. 181–183]. Действительно, к концу представлений рецензенты заключили, что немногие актрисы мира могут сравниться с Комиссаржевской (Чарльз Дарнтон назвал ее «сестрой Дузе» [13, р. 166]), но залы не заполнялись и выступления оказались убыточными.

Оскорбительные высказывания отдельных театральных менеджеров, утверждавших, что Комиссаржевская не так велика, «как ее фамилия», личное отторжение актрисы от американской культуры, воспитывавшей зрителя на дешевых «эффектах» вроде стрельбы из пушек и купания актеров в бассейне, – о чем она прямо заявила интервьюеру газеты «The Globe» [3, с. 402–403], – оставило у нее неприятное послевкусие. Безусловно, Комиссаржевской теперь хотелось встречами со «своим» зрителем, как и с новой, незнакомой, но по-настоящему театральной публикой, изголодавшейся по высокому искусству, заглушить эти саднящие воспоминания, получить в ответ искреннюю преданность, к которой она уже успела привыкнуть еще со времен службы на императорской сцене и каждодневно нуждалась в ней, как в воздухе. «Я так утомилась», – говорила она со сцены когда-то в роли Нины Заречной. Это теперь была правда о ней самой: на фотографии, сделанной в последние «американские дни», Вера Федоровна выглядит очень уставшей, лицо одутловато, видны морщинки, а главное – нет и в помине какой-то внутренней свободы и трогательной грации, которые абсолютно покоряли ее поклонников и партнеров-«оруженосцев». В таком состоянии она начала «сибирский путь». Об этих гастролях в Иркутске тут же была издана тонкая брошюра, представляющая ныне библиографическую редкость [2].

Критическим для здоровья актрисы был первый отрезок пути и выступления в Иркутске. Ее преследовали простуды, воспалительные заболевания, спровоцированные тяготами дороги и бытовым неустройством. Врач в Иркутске даже требовал трепанации черепа... Можно сказать, что именно во время последнего гастрольного года жизни Комиссаржевской стало очевидно: судьба оставила ей только две роли, две ипостаси: либо Вера Федорова была больна, либо, преодолев лихорадку или невыносимую боль, была на сцене. И тогда полностью забывалась в игре.

Ко дню начала гастролей в Харбине ситуация, по наблюдениям коллег, несколько выправилась, Комиссаржевская смирилась с неизбежным, собралась с силами. Так, ее партнер К. Бравич доносил другу в Петербург: «Чувствует она

сейчас себя хорошо, но был момент, когда мы думали, что поездка не состоится...» [3, с. 433].

Мемуары участников этой поездки и переписка с ними, верными товарищами Веры Федоровны, помогают реконструировать события тех дней. В.А. Подгорный, ее последняя большая привязанность, вспоминал: «На станцию Маньчжурия (мы ехали в Харбин по Китайской Восточной железной дороге) поезд пришел ночью. В.Ф. с любопытством вступила на китайскую землю и пристально вглядывалась в лица китайских чиновников... Было холодно. Вокзал был пустынен. В буфете мы пили чай, и она писала письма друзьям...» [11, с. 89].

Все новое, экзотическое всегда увлекало ее, она обладала рискованным любопытством человека искусства Серебряного века, стремящимся испробовать все возможные искушения. А Восток, как известно, стал в эти годы для многих ее коллег большим личным и творческим искушением. Ей казалось, что под этим странно-светлым небом, где-то далеко за сопками, за маленькими домишками скучных одинаковых станций, расположенных на ровном, как стол, пустынном пространстве, дальше откроется ей невиданный край, населенный совершенно особенной таинственной цивилизацией, погруженный в почти мистическую атмосферу. Особенно искушало то, что здесь навсегда осели и, как видно, приживались многие «свои», русские колонисты. Эта публика должна быть благодарной.

Уже прибыв в Харбин – «экзотический город», другой участник поездки, актер А.А. Мгебров, пишет о его неповторимом интригующем колорите, сразу поразившем прибывшую русскую труппу своими контрастами: «Европейская культура перемешалась в нем с азиатской... Японцы, китайцы, японские и китайские кварталы... странные базары, где одновременно смешались роскошные, почти европейские магазины и – почти рядом – открытые публичные дома, в которых... китайки выставляют себя на продажу... площади, на которых отрубают головы, с их толпою, спокойно глазеющей на казнь, и где также спокойно прогуливаются русские дамочки офицерства...» [9, с. 454]. Его поражает смешение «до ужаса страшного» и «глубоко трагического» – с самой обычной «обывательской жизнью», где на самом деле в любой чайной «творится подчас бог знает что» [Там же] ...

Актеры по природе склонны к авантюризму, а потому дух Харбина захватил их в свой плен. Не устояла и Вера Федоровна, вообще склонная к необычным удовольствиям. И ей передалось странное общее возбуждение от сознания того, что она – «на Востоке». Актриса обратилась к партнеру с неожиданной просьбой – достать ей опиума и продемонстрировать сам процесс курения. «Я пришел в ужас, – пишет Мгебров, – и поставил условием провести сначала эксперимент на себе» [Там же, с. 455]. Наблюдавшая несколько дней физические и психические страдания с трудом откочанного коллеги (видевшего жизнь почти неделю, по собственному признанию, «в зеленом свете»), антрепренерша опомнилась, раскаялась, что вовлекла его в такой мучительный эксперимент, и отказалась от затеи. Желание покурить опиум у нее, к радости неудачника-«добровольца» Мгеброва, пропало совсем [Там же, с. 456]. Вскоре им уже достаточно было постоянного нервного возбуждения от самой обстановки: «слишком много шума, восторгов и опьянения» [Там же, с. 458] – иных допингов больше не требовалось.

Е.А. Данилов, владелец театра, в котором проходили гастрели, старался, как мог, произвести на актрису самое выгодное радужное впечатление. Он органи-

зовал на площади вокзала (это недавно открытое сооружение составляло архитектурную гордость города) огромную приветственную манифестацию, русских колонистов собралось несметное количество – яблоку негде упасть... Вот и гостиницу актрисе организовали совсем недалеко от вокзала, но, как оказалось, далеко от самого театра. А играть и репетировать, по условиям поездки, надо было каждый день, что при подорванных силах Комиссаржевской само по себе было критическим. Она страдала из-за неудобств и все время просила подыскать квартиру ближе к театру, чем сильно озадачила администрацию. Ее желание, если верить актерским свидетельствам, так и не было выполнено при активных поисках: какие-то условия все время актрисе не подходили. (Многие партнеры так и остались жить в вагоне, другие в складчину сняли какую-то квартиру). Очевидно, что актриса находилась к тому времени в весьма стесненных материальных условиях: по наблюдениям партнеров, даже многие сувениры ей были не по карману. (Участники поездки отмечают общую дороговизну Харбина). Жалобы Комиссаржевской между тем никак не были связаны с каким-то самоощущением особенного статуса звезды, т.е. капризами знаменитости, оказавшейся в «захолустье», она ничем не походила на героиню эмигрантской писательницы Н. Федоровой, восклицавшей с отчаянием: «Я – на Хингане!... Мне ли, мне ли жить здесь?!» [12, с. 512].

Объективно Харбин тогда вовсе не мог похвастаться не то что комфортабельными гостиницами, удовлетворяющими вкусам столичных «штучек», – минимальными удобствами жилого сектора. Кокетливые «прозападные» названия гостиниц и театров – «Ориент», «Модерн», «Декаданс» – иногда еще больше подчеркивали убогость обстановки. Описывая харбинскую ситуацию спустя целых два десятилетия в интервью 2014 г. автору данной статьи, Ольга Лаиль-Ильина, выросшая в Китае, называла свое харбинское детство «трудным», особенно в бытовом отношении [7]. Не случайно и актер В. Подгорный в своих воспоминаниях о гастролях 1909 г. полагает «самым отвратительным» в Харбине тех лет – именно гостиницы [11, с. 89]. Многие недоумевали, чем же недовольна в своем быту рядом с престижным, выстроенным на славу зданием вокзала Комиссаржевская. Видимо, просто не понимали особенностей труда артистки. Прекрасна новая железная дорога как достижение технической мысли, как стержень всей местной жизни, бурно растут поселения в полосе отчуждения, но... Свистки паровозов, лязганье, шум (и иные звуки, свидетельствующие о близости КВЖД) не давали актрисе нормально спать, наутро она страдала от головной боли и даже пропускала репетиции, высылая в театр записки: «Меня не ждите...», «Я не приду, голова невыносимо болит... Я спала сегодня два часа...» [Там же], но всегда при этом давала конкретные указания, кому и что делать в ее отсутствие и, повременив, все-таки приезжала в театр.

Впрочем, себя как «звезду» В.Ф. вовсе не преподносила, никаких артистических «райдеров» у российских служителей сцены тогда не существовало, и она обращалась с просьбами к хозяевам только в самых крайних случаях, даже совсем больной выходя на сцену. Или как в жалком театрике Верхнеудинска или в громадной хоромине в Иркутске с просьбой о человеческих условиях – из-за страшных холодов в промерзшем театре играть было невозможно, под давлением публики залы «согревали», но из-за болезни артистки часть спектаклей все же была в этих городах отменена.

Открытие гастролей в Харбине предшествовала представительная статья в местной русской газете «Новая жизнь» (15 марта), рассказывавшая о творческом пути Комиссаржевской в целом, об особенностях ее актерского дарования и отражении в ее игре «главных тенденций современного искусства» [14].

Здесь, в Харбине, ее репертуар состоял из проверенных «хитов» актрисы, коронных ролей: Нора, Хильда в пьесах Ибсена, Магда в драме Зудермана «Родина», Лариса Огудалова, «дикарка» Варя и Надя в «Воспитаннице» Островского, Анна Демурина в пьесе Немировича-Данченко («Цена жизни», спектакль был восстановлен Комиссаржевской уже в Харбине, репетиции шли по ходу гастролей, всем руководила она сама). Планировали возобновить и когда-то сенсационную постановку «Детей солнца» Горького.

Из перечисленных сценических шедевров Комиссаржевской на первом плане по впечатлениям местной публики и русской прессы оказались ибсеновские роли, именно те, что ранее оставили довольно равнодушными американцев. Казалось бы, что до этих женщин, живущих в далекой северной стране, русским переселенцам в Харбине? Но в том-то и дело, что, как замечал А. Мгебров, ибсеновские героини удивительно близки русским женщинам, русским артисткам, и не случайно за эти роли отчаянно боролись с цензурой все ведущие отечественные актрисы Серебряного века. У Комиссаржевской они получали совершенно новое, особенное звучание. При этом актриса не была никакой «феминисткой» и считала, что женщина, прежде всего, – «человек», и стояла за гуманизацию климата в обществе в целом, а не за «особые права» именно женского пола.

Комиссаржевская никогда, по свидетельству В.В. Розанова [10], не «перевосплащалась» в некий образ – она его ассимилировала, творила непосредственно из своей собственной души. Потому всякие характерные, исторические роли не были ее стихией, а вот современные героини в ее исполнении покорили Россию. Она открыла и привела на сцену новый женский тип – раненный несправедливостью жизни, рано пережитыми страданиями, семейными неурядицами тип современной девушки. Отклик на это явление нового поколения демократического зрителя – «детей страшных лет России» – был эмоционально беспрецедентным: из зала обратно на сцену шла к ней огромная волна тепла и благодарности за точное понимание их жизни. Итогом было полное единение тех, «которые смотрели», и той, «которая играла», свидетельствовал Розанов [10, с. 330]. Интересно, что театральная критика Сибири (см. рецензии «Забайкальской нови») заметила отмеченное качество актрисы даже раньше. Смерть Комиссаржевской в 1910 г. потрясет Россию и выведет на улицы невиданные со времен Мочалова толпы скорбящей молодежи именно потому, что станет для каждого из них личной утратой – мечта о желанной «обетованной весне» не сбылась.

Рассуждая о ее Норе, рецензент харбинской «Новой жизни», отмечая противоречивое отношение российских читателей Ибсена собственно к судьбе героини, на этом фоне подчеркивал отличие и самостоятельность творения Комиссаржевской: «Властвует обаяние, и здесь гнездится скрытая причина нашего восторга и того шумного успеха, который выпадает всюду на долю г-жи Комиссаржевской. Откуда оно идет, это обаяние, откуда нескончаемая обаятельность этого дарования? Ответ на эти вопросы даст анализ психологического склада этой большой души... Особенность этого сверхмышления заключается в увеличении, в крайней повышеннойности всех элементов мысли... В игре госпожи Комиссаржевской имеются все эти элементы сверхзначимости душевных эмоций,

как в музыке имеются надтоны. Привлекательность и обаяние этой игры создаются потусторонними психическими ощущениями, особой знаменательностью, которые артистка придает своим душевным переживаниям. Комиссаржевская – это море страданий, которые иначе не мыслятся, как богатый источник неизбывных духовных наслаждений, от соприкосновения с которыми омывается душа» [15]. Мы видим, что как бы ни старался одаренный рецензент, в искусстве Комиссаржевской содержится неопишуемая, неподдающаяся рациональному анализу тайна; она как актриса, с точки зрения будущего эмигранта философа Федора Степуна, «импровизатор», даже мистик, то есть представитель высшего, редкостного типа артистической личности. Эта интуиция, притягательная «тайна» неосознанно влекли актрису к еще неведомому ей Востоку, его традициям, памятникам, духовным практикам. Освоить их самой, глубоко изучить ей уже просто не хватит жизненного срока...

Для русских зрителей-колонистов особое значение в случае гастролей отечественных трупп всегда приобретает сценическая речь, которая в данном случае у Комиссаржевской предстала «дивной музыкой». Для актрисы же был принципиален в решении образа «вокальный момент»; она всякий раз особому оранжировала звучание речи своей героини – «то звонкой и яркой, то замирающей в глубинах небесного свода своей души», но всегда «такой послушной в устах своей повелительницы» [16]. Другими словами, по-восточному цветисто сравнивая звучание голоса актрисы с «песней жаворонка», то говоря о том, что мысль автора у нее предстает «разодетой в весенние цветы», рецензент называет саму ее «вакханкой». Слушать такую актрису – одно удовольствие: «так бы и не подымался целую ночь» [там же], – заключает критик после представления «Строителя Сольнеса», где Комиссаржевская выступила в своей коронной роли Хильды. Как и ранее рецензент «Сибирских огней», автор харбинской статьи находит в роли Магды простор для «актрисы сильных страстей» – юные героини Зудермана были открытием Комиссаржевской. Певучей гармонии и акварельным краскам других ролей в Магде актриса «предпочла открытый темперамент и экспрессию», показав «красоту страдания» и потрясши публику сценами откровения 3 действия. И если для Вари в «Дикарке» Островского, старинной роли в репертуаре гастролерши, также были найдены свои краски, оттенки в очередной инвариации истории «заблудшей и очнувшейся женской души», то в Анне Демуриной («Цена жизни»), сыгранной на сцене Музыкально-литературно-драматического общества, она не произвела ожидаемого эмоционального впечатления. Казалось бы, все в репертуарной мелодраме Немировича-Данченко сыграно и понято актрисой было верно, но исполнение уже не потрясало, как ранее. Хотя отмечалось, что роль получилась в струе современной драматургической тематики, «в неотступном влечении к смерти» [3, с. 433] автор увидел даже сходство с модными, но малосценичными драмами Метерлинка, сыгранными Комиссаржевской ранее, еще с Мейерхольдом. Возможно, неяркий выход в роли Демуриной, одобренный критикой скорее по концепции образа, чем по исполнению, объяснялся походными условиями подготовки и общей усталостью исполнительницы ко времени харбинского показа. Неровная игра – одна из имманентно присущих дарованию Комиссаржевской черт. 25 марта триумфально прошел бенефис Веры Федоровны (Марикка в «Огнях Ивановой ночи»), о нем, как и вообще об «огромном успехе» харбинских спектаклей актрисы, упоминала и столичная газета «Театр и искусство» [17].

При всем отмеченном спектакли Комиссаржевской делали приличные сборы, даже, по словам актеров, «громадные», но не коммерческий аспект был их сильной стороной. К тому времени театр Комиссаржевской, «театр исканий», даже в бытовом отношении жил трудно, а сама она вовсе не являлась заезжей гастролершей-«миллиардершей», как ее называли однажды злопыхатели в одной из заказных статей во время посещения труппой Хабаровска (о чем рассказал Мгебров в своих воспоминаниях: слишком многие общественные организации требовали от актрисы «отчислений» и в случае отказа не брезговали мелкой местью). Хотя на самом деле финансовый успех труппы зачастую зависел вовсе не от качества игры – на седьмой неделе Великого поста доходы традиционно падали, к тому же часто на своих гастрольных путях актриса становилась жертвой нерасторопных или нечистых на руку антрепренеров. В Харбин уже приехали с хорошим финансовым заделом, несмотря на неполный сбор из-за отмены части представлений в Иркутске. Но как-то получалось, что все заработанное моментально уходило на жалованье актерам и погашение долгов. В.А. Подгорный был в гастрольной поездке не только актером, но и бухгалтером труппы и вел подробнейшую финансовую отчетность, хранящуюся в его фонде в ГЦТМ им. А.А. Бахрушина [1. Ф. 212. Оп. 1. № 1], которая еще ждет внимания исследователей гастрольного дела в России.

Однако сколь бы ни было заполнено пребывание Комиссаржевской в Харбине сценической работой и ежедневными репетициями, она и здесь любила, как всегда, вырваться из пределов города и скрыться в незнакомых зеленых пригородах, побродить наугад в сопровождении своего верного друга. Как бывало и раньше, точный маршрут она заранее не разрабатывала. Никакие разумные доводы и предостережения (все же чужая земля, незнакомые язык и нравы) в расчет не принимала: «Едем – и все!». Атмосфера восточной авантюры захватила и других членов труппы: Мгебров отправился на кладбища или предавался ночным похождениям по злачным заведениям. Одни его товарищи увлекались ночными купаниями, другие в редкие дневные свободные часы пропадали на «странных базарах» у Пристани, а свободными вечерами резались в карты с русскими колонистами (среди них Мгебров встретил прежних друзей-военных, когда-то подававших большие надежды, но так и не состоявшихся и не нашедших себя в эмиграции. Разлагающая праздная обстановка поглотила их, «отдушина» искалась на дне стакана. А ведь речь – о дооктябрьской «волне»).

Убогие китайские лачуги окраин, мелкие, на честном слове стоящие лавочки, подозрительно курящийся дымок Комиссаржевскую не смущали: здесь она по-настоящему расслаблялась и отдыхала – никем не узнанная русская путешественница. Иногда она даже разыгрывала коллег и по-актерски демонстрировала дневные наблюдения за харбинской повседневностью – кутаясь в какие-то восточные покрывала, в сумерках семенила, подобно китаянке. Но партнеры все же довольно быстро «вычисляли», несмотря на причудливый камуфляж, свою антрепренершу.

Местные, уже вовсе не родные «углы» ее не только не пугали, но чем-то влекли к себе. Она не думала о возможных последствиях, шла наугад. И утверждала, что не только не растрчивала силы в этих «походах», но заряжалась новыми ощущениями. (А ведь у Комиссаржевской – самой популярной актрисы России, хрупкой и, как сказано, нездоровой женщины, дальше – Владивосток, Верхнеудинск, Никольск-Уссурийский... Тяжелый обратный путь. Опять наудачу сколоченные деревянные подмостки, нардома, железнодорожные клубы. Зри-

тели, не считаясь с ситуацией, требовали ее снова и снова – хотя в устных выступлениях были заявлены новые гастроли).

В мемуарах Подгорного содержится подробный рассказ об одной их совместной поездке в окрестности Харбина – в городок, тогда фактически поселок, Фудзядзянь (сохранена орфография писем актрисы и ее партнеров – М.Л.). Еще одной страстно ожидаемой ею встречей был визит в китайский театр – он ее остро интересовал. (Как и многих российских коллег – в 1910-е гг. он увлечет Мейерхольда, Таирова, а брат Федор Федорович поставит, еще задолго до Вахтангова, уже в Москве, «Принцессу Турандот» – китайскую сказку, переложенную Карло Гоцци.) Вот как повествует о путешествии в Фудзядзянь и знакомстве с местной культурой Подгорный:

«Как-то мы взяли экипажи и поехали из Харбина за четыре километра в китайский городок Фудзядзянь. Там мы провели целый день, и большая часть дня была отдана китайскому театру, из которого Вера Федоровна ни за что не хотела уйти, а представление длилось с утра до вечера. Она восхищалась, как ребенок, спектаклем китайцев, смотрела на сцену блестящими глазами и даже вскрикивала от восторга или ужаса. Стоило большого труда уговорить ее покинуть бесконечное представление китайской труппы...» [11, с. 91].

Как и самобытный, абсолютно непохожий на русский и западный, китайский театр, ее влекла тайна восточной культуры вообще, она хотела ощутить ее буквально. Подгорный, не всегда разделяющий энтузиазм своей наставницы и партнерши, рассказывает о недоразумениях, которые подстерегали Веру Федоровну на этом пути: «Мы пошли бродить по грязному Фудзядзяню, заходили в лавки и, наконец, попали в какую-то кумирню.

Много золотых, серебряных, бронзовых и других богов увидели мы там – многоруких, многоногих и многоголовых. Она непременно все хотела потрогать руками. Служитель смотрел на нее подозрительно, и я обратил ее внимание на это.

– Я знаю, но мне так хочется дотронуться до всего. И во всех музеях, я знаю, неприлично трогать вещи руками, а я не могу утерпеть – и непременно потрогаю...» [11, с. 92].

Поведение актера не только человеку иной культуры, но и соотечественнику-обывателю часто кажется странным, «неприличным». Ясно: Комиссаржевская, пусть нарушая общеустановленные «приличия», хотела почувствовать энергетику этих магических статуэток, тактильно ощутить какую-то новую энергию, возможно, даже зарядиться ею... Увы, силы убывали, гастроли подходили к концу, и тайна осталась неразгаданной. Дальше были апрельские Владивосток и Хабаровск, когда к гастролерам наконец-то пришло ощущение, что «дело сделано», и все они почувствовали облегчение – неслучайно партнерам запомнилась Комиссаржевская в ослепительно-белом платье на какой-то особенно «разъехавшейся» от весеннего бездорожья хабаровской улице. А потом долгий обратный путь с повторными спектаклями, возвращение в Петербург, прощальные гастроли в Москве, наконец, роспуск труппы. И как финальная точка на ее, блуждающей театральной «звезды», личной карте – Ташкент. И последние – уже посмертные – ее гастроли, когда тело умершей от оспы Комиссаржевской провезли в закрытом гробу через полстраны...

Экспедиция Комиссаржевской имела, как писал мемуарист, «огромное общественно-культурное значение» [11, с. 92]. О ней пока широкие читатели и театралы знают мало. Комиссаржевская была едва ли не первая российская актриса

такой величины, посетившая Дальний Восток и Маньчжурию с подобными масштабными гастролями, не говоря уже об искреннем, пусть наивном и абстрактном, интересе к китайской культуре. Несомненно, этому великому театральному походу были отданы ее последние силы и здоровье. По существу, не боясь громких слов, это был подвиг актрисы, убежденной, что обычный житель Сибири и Дальнего Востока – обитатель имперской окраины, перипетиями судьбы оторванный от родины переселенец в чужом краю, имеет право не просто на развлечения «при столиках», коих здесь будет, как мы знаем из будущих мемуаристов, немало, а на настоящее первоклассное искусство. Она прокладывала ему путь, и сюда потянутся именитые гастролеры Ф.И. Шаляпин и С.Я. Лемешев. (К тому же именно в эти, 1900-е гг., на Дальнем Востоке завоюет популярность идея «общедоступного театра».) Комиссаржевская доказала своим опытом, что оно, это искусство, должно к зрителю на местах прийти само – через сибирские ли реки или сопки Маньчжурии.

1. Государственный Центральный Театральный Музей имени А.А. Бахрушина.
2. Гастроли Веры Федоровны Комиссаржевской по Сибири и Дальнему Востоку. Иркутск: Тип. И.П. Казанцева, 1909.
3. В.Ф. Комиссаржевская. Летопись жизни и творчества / сост. Ю.П. Рыбакова. – СПб., 1994.
4. Вертинский А.Н. За кулисами: сб. / сост. Ю. Томашевский; б-ка авторской песни «Гитара и слово». Большая серия. – М., 1991.
5. Гончаренко О.Г. Русский Харбин. – М., 2009.
6. Капран И.К. Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX – 50-е гг. XX в.). – Владивосток, 2011.
7. Лаиль-Ильина О.И. Восточная нить. – СПб., 2003.
8. Мелихов Г.В. Белый Харбин. Середина 20-х. – М., 2003.
9. Мгебров А.А. Жизнь в театре. – М., 1961.
10. Розанов В.В. Памяти В.Ф. Комиссаржевской // Розанов В.В. Среди художников. – М., 1994.
11. Сборник памяти В.Ф. Комиссаржевской. – М., 1931.
12. Федорова Н. Мадам Бовари со станции Хинган // Мы. Женская проза русской эмиграции / сост. О.Р. Демидова. – СПб., 2003. С. 512.
13. Schuler, Catherine. Little Girl Lost // Women in Russian Theatre. Russian actress in the Silver Age. L-NY: Routledge, 1997.
14. «Новая жизнь», Харбин, 1909, 15 марта
15. «Новая жизнь». Харбин, 1909, 17 марта.
16. «Новая жизнь». Харбин, 1909, 18 марта
17. «Театр и искусство». Петербург, 1909, №16, 15 апреля. С. 290.

УДК 72(47)

АРХИТЕКТОР ВЛАДИМИР РАССУШИН – ДОЛГАЯ ДОРОГА ИЗ ИРКУТСКА В ХАРБИН

А.В. Петров,
канд. полит. наук, доцент

*Иркутская городская общественная организация «Клуб молодых ученых «Альянс»,
г. Иркутск*

В статье рассматриваются основные вехи биографии главного архитектора городов Иркутска и Харбина В.А. Рассушина. Уроженец Иркутска, получив блестящее образование в Петербурге, в 28 лет стал главным архитектором губернского города. Известен активной работой во времена городского головы В.П. Сукачева гласным в городской думе. Владел каменно-угольными копиями в Черемхово. Оставил большое архитектурное наследие. Не признав советскую власть, уехал в Харбин, где до самой смерти строил дома, реконструировал парк, печатался в местных газетах, там же скончался. Архитектура В.А. Рассушина признана уникальной ведущими специалистами, ему установлены две мемориальные доски в Иркутской области, однако его китайский след еще недостаточно изучен.

Ключевые слова: *Рассушин, архитектура, Иркутск, Харбин.*

ARCHITECT VLADIMIR RASSUSHIN – LONG ROAD FROM IRKUTSK TO HARBIN

A.V. Petrov,
Candidate of Sciences (Political),
Associate Professor
Irkutsk

The article discusses the major milestones of the biography of the chief architect of the cities of Irkutsk and Harbin V.A. Rassohin. A native of Irkutsk, he received a brilliant education in St. Petersburg, at the age of 28 he became the chief architect of the provincial city. Known for active work during the city head V.P. Sukachev, a member of the city Council. Owned coal mines in Cheremkhovo. He left a great architectural heritage. He did not recognize the Soviet government, went to Harbin, where he built houses until his death, reconstructed parks, was published in local Newspapers, and died there. Architecture V.A. Rassoshina recognised, he installed two plaques in the Irkutsk region, but the Chinese track is still poorly understood.

Keywords: *Rassushin, architecture, Irkutsk, Harbin.*

Владимир Рассушин родился в забайкальском провинциальном городе Нерчинске 10 сентября 1858 г., где его отец Александр Иванович служил старшим начальником горного правления. Он был вторым из пяти сыновей. Старший

Алексей в будущем станет первым городским головой Хабаровска. Когда мальчику было два года, отец уволился с работы, семья переехала в Иркутский солеваренный завод, что в селе Усолье (100 км от Иркутска), где Рассушины прожили девять лет, там же отец большого семейства скончался.

В 1867 г. мама, Александра Ильинична, перевезла детей в Иркутск. После окончания Иркутского технического училища в 1881 г. В. Рассушин поехал в Санкт-Петербург, чтобы поступить в строительное училище и стать архитектором. Однако он плохо сдал экзамены. Сибиряк обратился с личным письмом к директору училища Р.Б. Бернгарду, в котором написал, что приложит усилия в учебе, и просил принять его сверх плана. Директор поддержал В. Рассушина, и по итогам первого курса обучения он стал одним из лучших учеников. Вскоре училище стало именоваться Институтом гражданских инженеров. Уже на втором курсе Владимир обратился в Иркутскую городскую думу с письмом о получении стипендии. Вопрос также был решен положительно.

Во время летних каникул В. Рассушин работал на постройке Ивангородо-Домбровской и Владикавказской железных дорог, поэтому после отличной защиты уже имел хороший практический опыт. Он вернулся в Иркутск, и 1 сентября 1886 г. его назначили городским архитектором.

Городской голова В.П. Сукачев был высокого мнения о деловых и профессиональных качествах молодого архитектора В.А. Рассушина, вместе они активно работали над восстановлением города после страшного пожара 1879 г. Знаком признания заслуг молодого архитектора стал факт строительства нового здания городской думы по его проекту. В 1891 г. при встрече цесаревича Николая в Иркутске В.А. Рассушин входил в группу сопровождения будущего российского императора и представлял ему новые городские проекты, а к визиту цесаревича построил арку цесаревича на берегу Ангары.

В.А. Рассушин большое внимание уделял озеленению города. Иркутск достаточно быстро возродился и смог стать, по оценке А.П. Чехова, из всех сибирских городов лучшим и превосходным. Из построек архитектора нужно упомянуть объекты, которые уже не сохранились: понтонный мост цесаревича Николая через Ангару в Иркутске. Его открывал сам наследник престола. Длина моста составляла 125 сажень (268 метров), ширина – 4,5 сажень (9,6 метров), а устроен он был на восемнадцати плоскодонных деревянных баржах, соединенных между собой брусьями, закрепленных канатами. Годом ранее, в 1890 г., Рассушин предложил укрепить берег Ангары плитами из серовичного камня. Кроме того, В.А. Рассушин перестроил здание напротив городской думы, в котором была открыта публичная библиотека. В 1960 г. здание было снесено, и на это месте построена гостиница «Ангара» [5].

Иркутский архитектор преследовал главную цель – сделать Иркутск образованным и культурным городом. С этим связано строительство в самом центре города Александро-Мариинского училища (ныне – Байкальский государственный университет), Общественного собрания, четырех зданий городских начальных училищ по самым современным гигиеническим требованиям, восстановление ограды с каменными тумбами и ажурной кованой решеткой у Харлампиевской церкви и, конечно, флигеля и дома для врачей во дворе Ивано-Матренинской детской больницы [4]. Эти вопросы активно поднимались архитектором во время работы и гласным городской думы Иркутска [1].

В это же время у В.А. Рассушина были проекты и в других городах. Например, он спроектировал здание краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова в Минусинске. Вспоминая детские годы, он выезжал в Усолье, где построил себе большую загородную усадьбу, которая с конца 1990-х гг. стала федеральным памятником истории и культуры, но находится в весьма запущенном состоянии. Кроме того, им спроектирована первая электростанция в селе и пристрой к колокольне Спасской церкви. Архитектор принимал участие в приемке в эксплуатацию здания первого городского училища.

В 1894 г. В.А. Рассушин принял решение отказаться от депутатского мандата из-за большой занятости. Городская дума собрала специальное заседание, на котором городской голова В.П. Сукачев прочитал проникновенную речь, в которой засвидетельствовал полезную деятельность для Иркутска и сожаление о том, что он покинул городскую службу.

В начале XX в. вместе с женой Евдокией Ивановной В.А. Рассушин стал владельцем черемховских каменноугольных копий, создав товарищество «Рассушин и К°». Угольная отрасль дала серьезный толчок в развитии села Черемховское, где благодаря иркутянину появились баня, электрическое освещение, первый телефон и врач. Сам Рассушин оценивал свое дело в 500–700 тыс. руб., вкладывая свободные средства в недвижимость. В 1918 г. новая власть предложила выкупить копи у Рассушина и вроде как заплатила аванс, однако документы о том, успел ли он их полностью продать или нет, к сожалению, пока не обнаружены.

Советская власть не была в восторге от успехов сибирских купцов, поэтому быстро поставила их на место. Все недовольные новыми советами покинули родные места. В 1918 г. Рассушины уехали в Китай. К тому времени в семье архитектора подросли сын Борис и дочь Лидия.

Первое время Рассушины проживали в Циндао, но в 1922 г. В.А. Рассушин принял приглашение стать городским архитектором Харбина. В то время Харбин был центром русской эмиграции, а местная русская диаспора была крупнейшей в мире. Он выдавал разрешение на строительство и согласовывал проекты, проектировал общественные здания, давал советы по реконструкции городских объектов. Например, в то время в Харбине были построены офисы Южно-Маньчжурской железной дороги, Международного банка, дом для международного сберегательного общества, разработан квартал в районе улиц Московской и Водопроводной, гостиница на углу Банковской и Ажихейской улиц, новое здание городской управы [2]. В 1928 г. Рассушин реализовал большой проект строительства пристройки к старому гостиному двору, а годом спустя – начал реализацию проекта застройки района Пристань, где позднее были построены тридцать двухэтажных зданий для размещения в них магазинов и других общественных пространств.

В 1929 г. по проекту В.А. Рассушина в Мукдене построено здание Нью-Йорк-Сити-банка, а в центре Харбина реконструирован городской парк, который посетили участники конференции 2018 г. Местная пресса тогда писала, что городской парк сделан по уровню столичных парков. В начале 1930-х гг. здесь разбивают пруды и фонтаны.

В.А. Рассушин занимался и просветительской работой. Так, после известного харбинского наводнения 1932 г. он написал статью в газете «Заря», в которой подробно рассказал о правилах восстановления и сушки домов.

До самого последнего дня В.А. Рассушин продолжал работать, ведь в Харбине была собрана отличная команда из его коллег по петербургскому институту: К.Г. Иванов, построивший здание торгового дома И.Я. Чурина, инженер Ф.Э. Салатко-Петрище, отец известного поэта В. Перелешина, и др.

18 июля 1934 г. в возрасте семидесяти пяти лет В.А. Рассушин умер от тяжелой болезни – рака печени. Отпевание прошло в Софийском соборе, а похороны состоялись на Новом кладбище Харбина. По информации Н.П. Крадина, могила до наших дней не сохранилась, поскольку в 1959 г. кладбище перенесли на окраину города, перенесли только те могилы, которые были зарегистрированы родственниками умерших.

Долгие десятилетия фамилия иркутского и харбинского архитектора В.А. Рассушина была забыта для целого поколения. В 2000-е гг. Иркутская городская общественная организация Клуб молодых ученых «Альянс» начала активную работу по восстановлению фамилии из небытия: проводятся традиционные «Рассушинские чтения», на здании его магазина в Черемхово была установлена мемориальная доска, организуются специальные «Прогулки по старому Иркутску», а за сохранения его архитектурного наследия – зданий и домов – идет активная борьба с застройщиками. Благодаря переписке с родственниками архитектора появилась его фотография, присланная из США [3]. В 2015 г. материалы конференции были изданы. Сборник в конце 2018 г. был переработан для издания специального научного издания. Летом 2018 г. имя В.А. Рассушина прозвучало и на международной конференции в китайском Харбине.

-
1. ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 3448. Л. 37-38.
 2. Крадин Н.П. Русские инженеры и архитекторы в Китае. – Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2018. С. 108–121.
 3. Петров А.В. По рассушинским местам // Владимир Рассушин: из Иркутска в Харбин: сборник науч. работ участников межрегионал. науч.-практич. конф. 2015 г. – Иркутск, 2015. С. 7–10.
 4. Петров А.В., Плотникова М.М. Иркутская дума: городские головы, гласные и депутаты. 1787–2014: биографический справочник. – Иркутск: Оттиск, 2014. С. 318–320.
 5. Калинина И.В. Постройки городского архитектора в Иркутске // Проект Байкал. 2007. № 13. С. 48–51.

УДК 282 (518.3)

КАТОЛИКИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КИТАЕ (I-я ПОЛОВИНА XX В.): БИБЛИОГРАФИЯ

К.И. Родионова,

аспирант

член ПКО ВОО «РГО» – ОИАК

*Департамент истории и археологии,
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток*

Статья посвящена истории исследований католических общин, которые вели свою деятельность на территории Северо-Восточного Китая, в особенности Харбина, в эмигрантский период. В ней рассматриваются как отечественная историография, так и работы зарубежных исследователей, охватывающие историю католических общин латинского и византийско-славянского обряда.

***Ключевые слова:** Русский Харбин, католики Харбина, Маньчжурия, эмиграция, католицизм, униаты.*

CATHOLICS IN NORTH-EASTERN CHINA (I HALF XX CENTURY): BIBLIOGRAPHY

K.I. Rodionova,

Postgraduate student,

*Department of History and Archeology,
Far Eastern Federal University
Vladivostok*

The article is devoted to the history of research of Catholic communities that conducted their activities in the territory of Northeast China, especially Harbin, during the emigrant period. It covers both Russian historiography and the work of foreign researchers, covering the history of the Catholic communities of the Latin and Byzantine-Slavic rites.

***Keywords:** Russian Harbin, Catholics of Harbin, Manchuria, emigration, Catholicism, uniates.*

Изучение послереволюционной российской эмиграции, в том числе её восточной (китайской) ветви, стало важным направлением отечественной историографии в постсоветский период. Историки поставили вопросы о самых разных сторонах жизни российского сообщества в Северо-Восточном Китае. Не обошли вниманием и религиозную жизнь эмиграции.

Наиболее изучаемой конфессией в «русском» Китае стало православие. Ему посвящены десятки научных работ – статей, монографий, диссертаций. Но общество,

сформировавшееся в полосе отчуждения КВЖД в первые годы XX в., было поликонфессиональным, как и население Российской империи в целом. Приток беженцев из России в 1920-е гг. включал представителей разных религий и разных церквей.

По сравнению с изучением истории православия исследования неправославной конфессиональной истории эмиграции в Китае не столь масштабны. Но они ведутся и научным сообществом, и конфессиональными историками, и историками-любителями.

Заметное место в религиозной жизни занимали общины Римской католической церкви. В статье мы делаем библиографический обзор публикаций по истории католичества в «русском» Китае, представленных в хронологическом порядке.

Отечественная историография по истории католицизма в Северо-Восточном Китае в первой половине XX в. появилась сравнительно недавно. Первые результаты исследований были апробированы на дальневосточных конференциях «Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторические опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества» в Хабаровске и «Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков» во Владивостоке, приуроченных к 100-летию начала строительства КВЖД и г. Харбина. Интерес в первую очередь вызвала тема религиозной жизни в Маньчжурии. В 1998 г. вышли статьи историков М.Б. Сердюк «Особенности религиозной жизни россиян в Маньчжурии» и Е.Н. Чернолуцкой «Роль конфессиональных общин в складывании российских этнических колоний в Харбине». Оба автора, представляя общую конфессиональную ситуацию, упоминали католическую общину. Первой попыталась представить полную картину истории харбинской католической общины геолог, историк-любитель М.И. Ефимова в работе «Польские католики в Харбине (1897–1933 гг.)».

В 2000 г. эту тему затронул исследователь российской эмиграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе А.А. Хисамутдинов во второй части монографии «По странам рассеяния: Ч. 1: Русские в Китае».

Вторая международная научно-практическая конференция «Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков», прошедшая во Владивостоке в 2001 г. показала, что конфессиональная история интересна научному сообществу. В сборнике материалов конференции опубликованы две работы, отмечавшие наличие в Харбине католической общины. Это работы этнографа Ю.В. Аргудяевой «Конфессиональные группы русских в Китае» и совместная публикация М.И. Ефимовой и историка А.А. Сапелкина «Исторические личности польской колонии Харбина (1896–1932 гг.)».

В дальнейшем А.А. Сапелкин продолжил исследования и через год опубликовал статью «Из истории польской колонии Харбина (1896–1932 гг.)».

В 2002 г. благовещенский автор Ю.С. Федорова выпустила две статьи, посвященные религиозным общинам эмигрантов «Религиозные общины российских эмигрантов в Харбине (20–30-е гг. XX в.)» и «Религиозные организации российских эмигрантов в Харбине (20–30-е гг.)», в которых отметила длительную историю католицизма в этом регионе.

В этом же году А.А. Хисамутдинов выпустил книгу «Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии», в которой посвятил несколько небольших энциклопедических статей католикам Маньчжурии. Он также затронул эту тему в 2003 г. в монографии «Следующая остановка – Китай: из истории русской эмиграции».

В 2003 г. вышла книга известного историка эмиграции Г.В. Мелихова «Белый Харбин: Середина 20-х», предоставившая исследователям обширный мему-

арный материал. Жизнь католиков в этом издании показана через историю польской общины Харбина.

В 2004 г. на сайте «Религиозная деятельность русского зарубежья: библиографический справочник» опубликована монографическая работа «Католическая миссия в Китае», первая, посвященная общине русских эмигрантов Русской католической епархии византийского обряда. Автор монографии – игумен Ростислав (в миру В.Е. Колупаев). Книга содержит обширные персоналии католических деятелей русского Китая, подробный анализ истории миссии, список архивов, содержащих документы по этой теме. Автор попытался охватить всю историю католических общин в среде русских эмигрантов и подытожить ее рядом справочных материалов. При этом игумен Ростислав не использовал многие источники и литературу. Он перечислил архивы, в которых не удалось поработать, заключая: «Работа не является финалом исследования, мы не можем ставить точку, напротив – ждем новых открытий» [7].

Первым библиографическим трудом, затронувшим тему католицизма в русском Китае, стала монография М.Б. Сердюк «История религии на Дальнем Востоке в исследованиях и библиографии» (2006 г.), где один из разделов посвящен религиям дальневосточного зарубежья. Автор указывает первых российских исследователей, публиковавших статьи о католиках Маньчжурии.

В 2007 г. М.И. Ефимова выпустила монографию «Вера сквозь века: История римско-католической церкви Дальнего Востока России», в которой есть раздел «Харбинские католики и храмы».

Разнообразные сведения о религиозной жизни католиков на Северо-Востоке Китая содержатся в исследованиях красноярского востоковеда В.Г. Дацышена. В монографии «Христианство в Китае: история и современность» среди общей истории католической миссии в Китае указана роль французской католической миссии (сотрудничала с общиной восточного обряда) и восточной (униатской) католической миссии в Маньчжурии.

Продолжали выходить статьи по истории католиков в Харбине. В 2009 г. в сборнике материалов конференции опубликована работа М.Б. Сердюк. Автор сделала акцент на параллельную историю католической общины латинского обряда и общины византийско-славянского обряда, которые практически не были связаны друг с другом. В 2012 г. в журнале «Проблемы Дальнего Востока» В.Е. Колупаев опубликовал статью «Русские католики в Харбине (20–30-е годы XX века)». Источником для работы стали материалы журнала «Католический вестник», выходившего в 1930–1940-е гг. в Харбине.

В 2015 г. в журнале «Вестник Бурятского государственного университета» вышла статья декана исторического факультета Забайкальского государственного университета Е.В. Дроботушенко «Деятельность католиков и протестантов в Китае во второй половине 40-х гг. XX века». Автор указывает на архивные документы Русской православной церкви в Китае по истории католиков. В этом же году краткое изложение истории католицизма в Харбине публикует А.А. Хисамутдинов в разделе коллективной монографии «Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта».

Религиозную жизнь католиков сквозь призму истории польской диаспоры рассматривала китайский исследователь У Яньцю в статьях и кандидатской диссертации «Российские диаспоры в Китае в первой половине XX века: национальный состав, проблемы адаптации и тенденции развития». Диссертация была

защищена во Владивостоке в 2016 г. Мы рассматриваем эту работу в рамках отечественной библиографии, так как диссертация была написана на русском языке, подготовлена и защищена в российском университете по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

В 2016 г. вышла статья З.П. Логуновой, в которой автор сделал попытку дополнить факты из других публикаций фактами из харбинской периодики.

В год 120-летия основания г. Харбина и КВЖД Общество изучения Амурского края – Приморское краевое отделение Русского географического общества выпустило тематический сборник статей. Две публикации в сборнике затрагивают историю харбинских католиков. Статья Е.Н. Чернолуцкой о роли религии в сохранении национальной идентичности эмигрантов из России. В ней показано значение католической церкви для польской диаспоры.

Публикация М.Б. Сердюк и К.И. Родионовой в этом сборнике представляет часть документа из фондов Государственного архива Хабаровского края, которая рассказывает историю католической церкви в г. Харбине. Документ неоднократно цитировался в публикациях дальневосточных исследователей и теперь стал широко доступен. Таковы на сегодня российские исследования по истории католических общин российских эмигрантов в Северо-Восточном Китае.

История поляков-эмигрантов, католических общин в Дальневосточном регионе не могла не заинтересовать исследователей из Польши. Первые публикации польских историков появились значительно раньше, чем публикации их российских коллег. В 1976 г. польский священнослужитель ксендз Ежи Мисюрек выпустил работу «Из истории польской пастории в Харбине». Статья посвящена возникновению католической общины в Харбине, ее благотворительной и образовательной деятельности.

Другие работы польских авторов, которые нам удалось выявить, появились в XXI в. В 2002 г. в Вроцлаве (Польская Республика) в сборнике «Католическая церковь в Сибири» вышла статья сотрудницы Вроцлавского университета Адрианы Куровска «Францисканец Маурус Ключе и его миссионерская служба в Сибири и в Харбине».

В 2011 г. в Польше вышла монография представителя польской общины мариан Яна Космовски «Миссия византийско-славянского обряда в Харбине (1928–1948)». В 2012 г. у автора вышла статья «Марианская миссия в Харбине» в католическом журнале «Ephemerides marianorum: Historical and theological studies». Ян Космовски использует внушительное количество польских источников и литературы, среди них «Общие архивы марианцев в Риме» и другие конфессиональные источники. Космовски в своей работе показывает, что католическая церковь может быть не только церковью для поляков, но и для русских. В целом работы польских авторов объединены общей источниковой базой и литературой. Многие факты основаны на мемуарах польского ученого Каземира Гроховского «Поляки на Дальнем Востоке».

На польском языке выходят публикации авторов из других стран. Например, в 2010 г. в журнале «Postscriptum polonistyczne» опубликована статья Кима Юн-Деога (г. Сеул, Южная Корея) под названием «Культурная жизнь поляков в Маньчжурии в 1897–1947 гг.». Первая часть посвящена католической церкви Харбина и других станций КВЖД.

Несмотря на интерес к одной теме, одному историческому периоду и одному региону, российские и польские исследования не связаны между собой. Отечественная и польская историография развиваются параллельно. Авторы опи-

раются на различные источниковые базы и, вероятно, мало знакомы с исследованиями друг друга. Польские авторы почти не публикуются в России, а российские – в Польше. При наличии современных международных средств коммуникации российская и польская историография обособлены друг от друга.

В целом можно констатировать, что исследования истории Римской католической церкви в восточной ветви российской эмиграции развиваются. Но, несмотря на популярность темы, основное внимание исследователей направлено на проблемы национальных диаспор, в нашем случае – польской, история же католической религиозной жизни в «русском» Китае раскрыта недостаточно.

1. Аргудяева Ю.В. Конфессиональные группы русских в Китае // Россияне в Азиатском-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков: материалы второй междунар. науч.-практ. конф. – Владивосток, 2001. С. 51–55.
2. Дацьшен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. – 240 с.
3. Дроботушенко Е.В. Деятельность католиков и протестантов в Китае во второй половине 40-х гг. XX века // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. №4. С. 48–55.
4. Ефимова М.И. Польские католики в Харбине (1897–1933 гг.) // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков: Материалы первой международной научно-практической конференции. Кн. 2. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. С. 179–186.
5. Ефимова М.И., Сапелкин А.А. Исторические личности польской колонии Харбина (1896–1932 гг.) // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков: материалы второй междунар. науч.-практ. конф. Владивосток, 2001. С. 79–82.
6. Ефимова М.И. Вера сквозь века. История римско-католической церкви Дальнего Востока России. – Владивосток, 2007. – 244 с.
7. Колупаев В.Е.. Католическая миссия в Китае. – М., 2004. 116 с. URL: <http://zarubezhje.narod.ru/index.html#begin01> (дата обращения 30.10.2018).
8. Колупаев В.Е. Русские католики в Харбине (20–30-е гг. XX века) // Проблемы Дальнего Востока. 2012. №2. С. 167–175.
9. Логунова З.П. Маньчжурский излом в жизни польской колонии / Новая наука: от идеи к результату. 2016. №12-4. С. 171–180.
10. Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. – М.: Русский путь, 2003. – 440 с.
11. Петрасяк М. Польская колония в Харбине // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IV междунар. науч.-практ. конференции. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. С. 104–109.
12. Сапелкин А.А. Из истории польской колонии Харбина (1896–1932 гг.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 3. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. С. 464–469.
13. Сердюк М.Б. Особенности религиозной жизни россиян в Маньчжурии // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе сотрудничество на рубеже веков: материалы первой международной научно-практической конференции. Кн. 2. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. С. 147–151.
14. Сердюк М.Б. История религии на Дальнем Востоке в исследованиях и библиографии. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. – 326 с.
15. Сердюк М.Б. Русские католики на Дальнем Востоке // Россия – Восток – Запад: Проблемы межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. в 2 ч. Ч. II: История, философия, культура. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. С. 355–359.

16. Сердюк М.Б., Родионова К.И. Религиозная жизнь Харбина: католики // Вопросы истории Китайско-Восточной железной дороги и города Харбина (120-летие строительства): сб. науч. тр. / Приморское краевое отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» – Общество изучения Амурского края (ОИАК), Дальневосточный информационно-культурный центр, «Русское зарубежье» (секция ПКО ВОО «РГО» – ОИАК). – Владивосток, 2018. С. 122–127.
17. Федорова Ю.С. Религиозные общины российских эмигрантов в Харбине (20–30-е гг. XX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 3. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. С. 588–593.
18. Федорова Ю.С. Религиозные организации российских эмигрантов в Харбине (20–30-е гг.) // Чтения памяти профессора Е.П. Сычевского: сб. докладов / отв. ред. А.И. Донченко. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2002. Вып. 3. Ч. 2. С. 74–91.
19. Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния: монография: в 2 ч. Ч. 1; Русские в Китае. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2000. – 360 с.
20. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 360 с.
21. Хисамутдинов А.А. Следующая остановка – Китай: из истории русской эмиграции. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2003. – 244 с.
22. Русская дорога к харбинскому храму / А.П. Забияко, А.А. Забияко, С.С. Лешоко, А.А. Хисамутдинов // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. С. 73–98.
23. Чернолуцкая Е.Н. Роль конфессиональных общин в складывании российских этнических колоний в Харбине // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Хабаровск, 1998. С. 82–84.
24. Чернолуцкая Е.Н. Конфессиональные общины как фактор сохранения этнической идентичности россиян в Харбине // Вопросы истории Китайско-Восточной железной дороги и города Харбина (120-летие строительства): сб. науч. тр. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2018. С. 159–168.
25. Янццо У. Национальный состав и культурно-лингвистические особенности российской диаспоры в Китае до 1917 года // Политическая лингвистика. 2017. №6 (66). С. 212–222.
26. Янццо У. Российские диаспоры в Китае в первой половине XX века: национальный состав, проблемы адаптации и тенденции развития: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Владивосток, 2016. – 24 с.
27. Jan Kosmowski MIC. Mariańska misja obrządku bizantyjsko-słowiańskiego w Harbinie (1928–1948). Warszawa–Lublin, 2011. S. 248.
28. Jan Kosmowski MIC. Mariańska misja w Harbinie // Ephemerides marianorum: Historical and theological studies. 2012. №1. S. 149–168.
29. Jerzy Misiurek. Z dziejow duszpasterstwa polonijnego w Harbinie (1901–1925) // Studia polonijne. T. 1. Lublin, 1976. S. 189–198.
30. Kim Yong-Deog Życie kulturalne Polaków w Mandżurii w latach 1897–1947 // Postscriptum polonistyczne. №2 (6). 2010. S. 117–142.

УДК 94:130

**ИОАНН ШАНХАЙСКИЙ (МАКСИМОВИЧ) КАК ДУХОВНЫЙ
МЫСЛИТЕЛЬ: РУССКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ
В КОРОЛЕВСТВЕ ЮГОСЛАВИЯ И ЕЁ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
С ФИЛОСОФСКИМИ ИДЕЯМИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ КИТАЯ***

С.И. Скороходова,
д-р филол. наук, доцент

*Московский педагогический государственный университет,
г. Москва*

Статья посвящена некоторым идеям Иоанна Шанхайского, одного из наиболее ярких святителей русского зарубежья. На примере созвучия основных тем в творчестве владыки и ключевых вопросов в работах белой эмиграции Королевства Югославия обосновывается мысль о единстве русского мира за рубежом. Утверждается, что отец Иоанн призывал к духовному обновлению через покаяние в клятвopепреступлении и цареубийстве, так как только на этом пути видел возможность возрождения России. Подчёркивается неоднозначное отношение Иоанна Шанхайского к феномену русской эмиграции, где наряду с высочайшим духовным подъёмом, жертвенностью присутствовало полное нравственное падение. Делается вывод о том, что высшее творчество владыки – это его деяния, его пастырское служение, которое и после смерти святителя пробуждает духовные запросы у людей, живущих в самых разных уголках земли.

Ключевые слова: *Иоанн Шанхайский, русская эмиграция, Королевство Югославия, Шанхай, Харбин, Карловацкая церковь, Святая Русь, жизнь, смерть, духовное обновление.*

**JOHN OF SHANGHAI (MAKSIMOVICH) AS A SPIRITUAL THINKER:
RUSSIAN PHILOSOPHICAL EMIGRATION TO THE KINGDOM
OF YUGOSLAVIA AND ITS INTERACTION WITH THE
PHILOSOPHICAL IDEAS OF THE RUSSIAN EMIGRATION OF CHINA**

S.I. Skorohodova,
*doctor of philological sciences, Associate Professor,
Moscow pedagogical State University,
Moscow*

The article is devoted to some ideas of John of Shanghai, one of the most outstanding saints of the Russian diaspora. On the example of the consonance of the main

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00554А «Русская философская эмиграция в Королевстве Югославия и её взаимодействие с философскими идеями русской эмиграции Китая и Японии в 20–40-х годах XX в.»

themes in the work of the lord and key issues in the works of white emigration of the Kingdom of Yugoslavia, the idea of the unity of the Russian world abroad is substantiated. It is alleged that Father John called for spiritual renewal through repentance in perjury and regicide, since only on this path saw the possibility of a revival of Russia. The ambiguous attitude of John of Shanghai to the phenomenon of Russian emigration, where along with the highest spiritual uplift, sacrifice there was a complete moral fall. It is concluded that the highest creativity of the lord is his deeds, his pastoral ministry, which even after his death continues to awaken spiritual inquiries among people living in various parts of the earth.

Keywords: *John of Shanghai, Russian emigration, the Kingdom of Yugoslavia, Shanghai, Harbin, Karlovac Church, Holy Russia, life, death, spiritual renewal.*

Иоанн Шанхайский – это святитель, личность и жизнь которого объединяют не только разные государства, но и разные континенты. Об Иоанне Шанхайском много написано как о святом подвижнике, но мало как о духовном мыслителе. В этой небольшой статье сделана только попытка прикоснуться к сокровищнице творчества великого святителя.

После революции Михаил Максимович, будущий святитель, эмигрировал с родителями и двумя братьями в Югославию, на родину предков, где в 1921 г. поступил на богословский факультет университета им. Саввы Сербского. В 1926 г. был пострижен митрополитом Антонием Храповицким в монашество с именем Иоанн в честь святителя Иоанна Тобольского. 28 мая 1934 г. митрополит Антоний хиротонисал Иоанна во епископа Шанхайского и направил в тот край, куда 200 лет назад посылал первую православную миссию митрополит Иоанн Тобольский. Епископ Иоанн Шанхайский стал главой Русской православной церкви в Китае, но никогда не терял связь с Королевством Югославия.

Белая эмиграция расселилась в 31 стране мира, тем самым увеличив число приверженцев Русской православной церкви в её заграничных приходах. Святитель придавал этому важное значение: «Русское рассеяние ознакомило с православием все концы мира, ибо русская беженская масса в значительной своей части бессознательно» являлась «проповедницей православия».

Иоанн Шанхайский безоговорочно встал на сторону Карловацкой церкви, которая открывала новые епархии и поставляла епископов во многие страны. При этом он всегда отмечал, что Русская церковь духовно неразделима: она всегда одна и та же, где бы мы ни жили [7, с. 475].

Следует оговориться, что само существование русской церковной власти в Югославии – канонический абсурд. Она была самостоятельной и независимой от сербского патриарха, а по сути, равноправной ему властью и в каком-то смысле более могущественной. Такое существование могло получить правовую основу только с согласия самого сербского патриарха [12].

На основании секретных архивов УДБЕ (Управление государственной безопасности Югославии) известно, что русский Архиерейский синод в Карловцах во главе с митрополитом Антонием в действительности был основан по указу Архиерейского синода Сербской православной церкви и с благословения Сербского патриарха. Он никогда не получал от Всероссийской церкви никакой власти и никаких полномочий. От власти над всей Русской церковью в каноническом смысле у митрополита Антония и других русских архиереев были только «сан» и «честь», но не власть. Но Иоанн Шанхайский признавал деятельность Карловацкой церкви вполне оправданной, указывая, что «безбожная власть»

в России губительно влияет на всех людей, в том числе и пастырей, которые ей повинуются [7, с. 476].

Согласно святителю, беженство – это крест, который нужно нести достойно. Он отмечал, что в подавляющем большинстве люди влачат тяжёлую жизнь, полную душевных переживаний. Они чувствуют горечь лишений даже в «братской нам Югославии» и всюду вынуждены приспособляться к чужим обычаям, «питаясь крохами, падающими от трапезы приютивших их» [13, с. 208]. По его мнению, участь, постигшая русский народ, не случайна, потому что он «весь в целом совершил великие грехи, явившиеся причиной настоящих бедствий, а именно клятвопреступление и царевубийство» [11, с. 6]. Он подводил свою паству к мысли, что «в грехе царевубийства повинны не одни лишь физические исполнители, а и весь народ, ликовавший по случаю свержения царя» [Там же], поэтому и возрождение России возможно лишь после покаяния в содеянных преступлениях. Во времена испытаний важно пробудить духовные запросы, чтобы люди не очерствели и не огрубели душой, не стали хуже, чем они были.

Чтобы открылся глубочайший смысл рассеяния русских людей, они должны, как это следует из периодических изданий белой эмиграции в Королевстве Югославия, признать себя духовными детьми князя Владимира. Тогда многие перестанут жаловаться на бессмысленность эмигрантского существования, но придут в трепет от величия и громадности возложенных на них задач. Беженцы почувствуют, что далеко не так слабы, как им это казалось, но что самая слабость их – великая сила.

В понимании большинства эмигрантов, если Пётр I стремился создать великую Россию, то князь Владимир – Святую Русь. Эта мысль давала возможность «русским скитальцам» не только прикоснуться к «неусыхаемому» источнику, именуемому Святою Русью, но продумывать, прочувствовать «свято-русскую церковно-народно-государственную идею», проверить: «живы ли мы ещё, остались ли мы русскими людьми?», «есть ли ещё какой-либо смысл в существовании нас, выброшенных за пределы родины и рассеянных среди чужих народов в тягость им и себе...?» [1].

Среди эмигрантов постоянно возникали споры о том, где же Россия: там ли, где сохранились её границы, но «свирепо преследуется русская душа», или здесь, в Королевстве Югославия, где можно думать и жить по-русски, но нельзя что-либо сделать для спасения собственного отечества? [Там же]. Споры обычно завершались признанием, что «народ, государство живут не дотол, доколе они сохраняют свои географические границы, а доколе они исполняют свою Богом им данную историческую задачу, ибо ещё по учению апостольскому <...> всякий народ имеет свою определённую задачу в общечеловеческом делании, и он жив дотол, доколе исполняет эту задачу, когда же он отказывается от неё, он или уничтожается совершенно, или превращается в другой народ, пусть по крови происходящий от этого первого и даже занимающий ту же территорию, но духовно совершенно другой, чуждый первому» [Там же].

Главное значение России, по мнению некоторых эмигрантов, заключалось в том, что «она была стражем справедливости во всём мире <...> недаром и мысль о разоружении и о вечном мире между народами, впоследствии столь изуродованная в Лиге Наций, первоначально вышла от русского царя» [Там же]. «Россия – страж справедливости и равновесия...» [1]. «Ибо наиболее силён тот, кому

нечего терять, кроме Бога и чести, и кого не держит в своих тенетах ни одно из благ земных. И мы благословим свой удел и смело пойдём бороться за правду под стягом нашего духовного отца святого князя Владимира с именем Бога и России в сердце и на устах» [1]. Думаем, что подобные рассуждения – проявление всё того же ключевого мировоззренческого архетипа русского сознания, связанного с ушедшим под воду Китежем. Святая Русь – это образ космический, это мир, который не имеет географических границ, это мир под знаком истинной веры. Истоки подобного понимания Святой Руси можно найти в древнерусских духовных стихах, которые записывались с XVII в. [8]. Там идеальная Русь имеет определённый исторический центр в Москве. На эту тему много размышляли ещё славянофилы. И все эти идеи были близки Иоанну Шанхайскому.

В статье «Святая Русь» (1934) владыка Иоанн размышлял о том, в чём состоит отличие России от Руси. «Святость есть главный и самый существенный признак Руси. Святая Русь есть народ, унаследовавший христианство от святого Владимира и сделавший его основой своей жизни. Христианство, разумеется, православное» [7, с. 437]. Согласно владыке, уклонение от веры привело к надлому народной души, а вследствие этого произошёл слом народной мощи и государственного строя. К многочисленным ликам русских святых прибавился сонм мучеников. Но, как считал Иоанн Шанхайский, Святая Русь не умерла. Она не есть определённое место на земном шаре, а совокупность воззрений и жизни народа. И выразителями Святой Руси могут быть и не русские по крови. Можно быть, как писал святитель, русским по крови, но чуждым Святой Руси [7, с. 438]. «Насколько русский народ проникнется верою и благочестием и *последует ему в жизни* (выделено мной. – С.С.), настолько он станет Святой Русью» [7, с. 439]. Русский человек, желающий спасения России, должен прежде всего спасти себя. Только через духовное обновление вырастут «пальмы русской славы» [Там же].

В статье «950-летие Крещения Руси» звучит и мессианская тема: «Воспряни, воспряни, восстань, Русь...! Когда окончатся страдания твои, правда твоя пойдёт с тобою и слава Господня будет сопровождать тебя. Придут народы к свету твоему и цари к восходящему над тобой сиянию» [7, с. 446]. Иоанн Шанхайский повторял во многих своих работах, что «спасение России – спасение всего мира» [7, с. 453], «восстановленная Россия нужна всему миру» [7, с. 454], «русский народ приобрёл имя народа-богоносца» [7, с. 443].

У русских эмигрантов в Королевстве Югославия был особый праздник – День русской Славы, связанный с Крещением Руси князем Владимиром. Его отмечали ежегодно с 1928 г. Празднование дня Св. Владимира начиналось накануне торжественным всенощным бдением в русской Свято-Троицкой церкви. На следующий день совершалась божественная литургия и по окончании её – крестный ход вокруг церкви с молебным пением св. равноапостольному князю Владимиру. О праздновании Дня русской славы достаточно подробно написано в книге «Славянский вопрос и сербско-русское содружество в 20–40-х годах XX века в Королевстве Югославия» [14].

На Дальнем Востоке его тоже отмечали благодаря заботам владыки епископа Иоанна (Максимовича). Программа в Шанхае была особенно обширной. В концертном отделении, как правило, принимал участие соединённый хор Шанхайских церквей и даже дети местных школ. Собрание проходило в Богородицком кафедральном соборе, где для участников устанавливались скамейки. Об этих событиях также можно было узнать из однодневной газеты.

Ко дню, посвящённому Крещению Руси, в 1930 г. вышла книга «Владимир Святославович. Сборник в память равноапостольного князя Владимира» [3], в котором были опубликованы статьи митрополита Антония, Е.В. Спекторского, М.А. Георгиевского. По мнению этих авторов, несмотря на все трудности и соблазны, необходимо признать вечное значение Церкви и через постоянный подвиг любви и покаяния строить частную, общественную и семейную жизнь на принципах признания этого Её значения. Главная задача – создать и проявить единение русского народа, необходимое для осознания великих начал его пути и подвига верности им. С 1931 г. стала выходить однодневная газета – «День Русской Славы», в которой публиковали свои статьи богословы, философы, историки и другие виднейшие представители русской эмиграции по всему миру [9].

Следует заметить, что традиция выпуска «Владимирского сборника» существовала ещё до революции. В частности, вышли юбилейные сборники в 1915 г., приуроченные ко дню кончины «просветителя земли русской» [4]. В день смерти Владимира, 28/15 июля, произошла Невская битва в 1240 г., в которой русские войска, как известно, одержали победу над шведами. День Св. Владимира ежегодно праздновался не только в Белграде и на Дальнем Востоке, но и в Загребе при участии владыки митрополита Досифея, в Битоле под покровительством владыки епископа Николая Охридского, а также в городах Западной Европы, в Болгарии, Карпатской Руси, Америке.

В 1938 г., когда исполнилось 950 лет со времени Крещения Руси, Владимирский комитет в Белграде непосредственно занялся подготовкой «Владимирского сборника» [6]. Были найдены сотрудники по всей Европе, между ними были распределены темы статей. «Владимирский сборник» 1938 г., несмотря на известность, – давно уже стал библиографической редкостью. В том же году вышла статья Иоанна Шанхайского «950-летие Крещения Руси», в которой он отмечал, что крещение Киева, а за ним остальной Руси открыло новую жизнь для восточных славян и сделалось исходным пунктом их славной истории [7, с. 441]. Славянский мир до крещения не был диким, по словам отца Иоанна, но стоял на распутье между добром и злом. Крещение, по его мнению, «внутренне переродило прежде грубых сердцем людей» [7, с. 442]. И с тех пор общим направлением жизни русского народа стало «искание правды Божьей». Это, с точки зрения святителя, и есть главная черта русского национального характера. «Искание правды – основная нить жизни русского народа», – повторял он [7, с. 450].

В Харбине в 1938 г. вышла «Владимирская юбилейная грамота» [5], рассказывающая о жизни князя. В ней также сообщалось, что в день 950-летия Крещения Руси прошли торжественные служения во всех храмах Харбинской епархии. Прошёл крёстный ход из городских церквей к Свято-Николаевскому собору, совершено общее всенародное моление Св. Равноапостольному князю Владимиру. Были выпущены окружное послание главы заграничной Церкви митрополита Анастасия и брошюра «Св. Равноапостольный князь Владимир». В этих документах говорилось, что Св. князь Владимир идеал святости сделал своей государственной программой, что он создал новую Русь, новый народ, новый дух, новую культуру.

У Иоанна Шанхайского были работы, посвящённые и самому князю Владимиру. В частности, в статье «В чём нравственная сила Св. Великого князя Владимира?» он отмечал, что Владимир первым из всероссийских правителей стал христианином и положил начало христианскому устройению Русского государства. «С него Русская держава начинает быть православною и христианство про-

никает во все области народной и государственной жизни» [7, с. 446]. При этом владыка подчёркивал, что князь Владимир действовал не только в целях политических, но он сам был истинным христианином, который «проповедовал Христа не только словом, но и делом» [7, с. 447]. «Св. Князь Владимир дал русскому народу новый смысл жизни и новую жизненную силу. Бедствия, неуспехи, поражения бессмысленны перед жизнью духовной. Царствие Божие, духовная отрада в причастности ему остаются незатронутыми. Проходит страшная буря, и снова живёт человек» [7, с. 451].

День Русской Славы свидетельствовал не только о крепком единстве русских на чужбине. Он стал манифестацией соборного единения и славян, и многих других народов под сенью Владимирского креста. Полагаем, что этот праздник носил отчасти и религиозно-мистический подтекст: все, кто принимал в нём участие, являлись гражданами Святой Руси, её духовными хранителями. Своей деятельностью, как им казалось, они свидетельствовали, что Китеж, хотя и ушёл «под воду», жив. Он питает больное Отечество, напоминая о былом величии, «ибо как в мире физическом небесные светила притягиваются друг к другу без всякого вещественного посредства, так и в мире духовном каждая личность духовная <...> привлекает к себе все сродное в душах человеческих...» [10, с. 277].

В творчестве святителя, помимо князя Владимира, особое место занимал Николай II («Николай Многострадальный»), которому посвящены многие его работы. Пронзительное, трагическое восприятие образа последнего русского царя – одна из важных особенностей творчества Иоанна Шанхайского. «Есть события, которые потрясают даже бездушные стихии, – писал он. – За что оклеветан и убит царь? За то, что он был царь. <...> Царь Николай II был слугой Божиим по внутреннему своему мирозерцанию, по убеждениям, по своим действиям» [7, с. 140]. В понимании владыки, библейский Иов был прообразом «Великого Невинного Страдальца». В день его памяти родился Николай II. Не безгрешен был царь, но «кто с Христом страдает, с Ним и прославится». Святитель молился о прощении русскому народу «тяжкого греха измены и царевбийства» [7, с. 466].

Русская эмиграция – сложный и неоднородный феномен. Безусловно, что наряду с высочайшим духовным подъёмом, жертвенностью было и нечто противоположное, о чем Иоанн Шанхайский очень подробно писал в статье «О духовном состоянии русской эмиграции» (Белград, 1938). В ней он ещё раз указывал, что значительная часть выехавших за границу русских принадлежала к тому интеллигентскому классу, который в последнее время жил идеями Запада. Они исполняли требования и обряды Православной церкви постольку, поскольку это не мешало им больше европейскому, чем русскому укладу жизни. «Охваченная жаждой власти интеллигенция довела до крушения императорскую Россию» [13, с. 202]. Даже «очувившись» за границей, «горделивый ум не мог согласиться с тем, что он до сих пор стоял на ложном пути» [13, с. 203]. Владыка отмечал, что «многие» в своём ожесточении против Бога «нисколько не уступают гонителям веры в нашей Родине и образом своих мыслей совершенно сроднились с ними» [11, с. 9]. Другие совершенно сломлены и опустили «почти до бессловесных» [11, с. 10]. Третьи проникнуты себялюбием и «глухи к страданиям своих соотечественников» [Там же]. Ещё одна категория – люди с «совершенно опустошённой душой», которые «внутренне отрешились от своего отечества». Они не имеют «никакого сдерживающего закона», способны «на всякого рода преступ-

ления» [11, с. 11]. «К Русским стали относиться с меньшим доверием, и ради таких имя наше хулимо во языцех» [Там же].

Владыка с горечью пророчил, что «в будущем зарубежье даст многих сознательных работников против Православной России, которые будут стремиться её окатоличить или насадить разные секты, как и таких, которые, оставаясь внешне православными и русскими, будут тайно работать против России». А значительная часть тех, кто воспитывается в иностранных школах... «окажутся вероотступниками и предателями Родины». *«Да и что даст и вообще зарубежье для будущего при господствующем в нём разложении? Не сделается ли оно источником новой духовной заразы, когда вернёмся на Родину?»* (выделено мной – С.С.)» [11, с. 15].

При этом Иоанн Шанхайский не переставал верить в то, что высокий подъём жизненной энергии некоторых эмигрантов, их умение смиряться и терпеть приведут русский мир к спасению: «...найдутся ещё те десять праведников, ради которых Господь готов был пощадить Содом и Гоморру». Именно они укажут путь русскому зарубежью [11, с. 16].

Тема смерти, столь актуальная в философии того времени, волновала и Иоанна Шанхайского. У святителя есть много замечательных пасхальных проповедей, в которых говорится о победе над смертью. Интересна также его статья «Жизнь после смерти». В ней содержится мысль о том, что душа после кончины человека жива и чувствует больше, а не меньше [2, с. 209]. Она обретает «большую остроту и быстроту умственных способностей» [2, с. 211].

В русской религиозной философии «жизнь» – одна из ключевых философских категорий. Жизнь понимается как «дело», «художественное произведение», «храмина, которую построила себе личность, та одежда, в которую она облеклась, соткавши ее для себя за время земной жизни» [15, с. 235]. Подлинное бытие – это православная церковность, особая, новая жизнь, данная человеку: «Но, чтобы стать православным, надо окунуться разом в стихию православия, зажечь православно, и нет иного пути» [15, с. 8]. Думаю, что высшее творчество Иоанна Шанхайского – это его деяния, его пастырское служение, о котором много написано.

Творчество жизни осуществляет память о творившем, делает его бессмертным не только в горнем мире, но и в дольном. И можно быть уверенным, что Иоанн Шанхайский – среди нас, он оставил нам во времени пребывающий образ свой, – как огненный след, тянущийся за звездою.

1. Арсеньев Н. Учение Киреевского о познании Истины // День Русской Славы. Однодневная газета. – Белград. 1936. № 6. 28/15 июля.

2. Архиепископ Иоанн Максимович. Жизнь после смерти // Тибетская книга мёртвых. – М.: Двойная звезда, Фаир, 1994. – 224 с.

3. Владимир Святославович. Сборник в память Св. Равноапостольного князя Владимира. – Белград: Издание Комитета по устройству праздника дня св. князя Владимира, 1930.

4. Владимир Святославович. Сборник в память Св. Равноапостольного князя Владимира. – Петроград: Общество любителей древней письменности, 1915.

5. Владимирская юбилейная грамота: 988–1938. – Харбин: Харбин. епарх. Владимирский юбилейный комитет, 1938.

6. Владимирский сборник: в память 950-летия Крещения Руси 988–1938. – Белград: Тип. «Меркурий», 1938.

7. Владыка Иоанн – святитель Русского Зарубежья. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. – 832 с.
8. Голубиная книга. – СПб.: Веды, Авалон, 2010. – 256 с.
9. День Русской Славы: День памяти Св. Равноапостольного кн. Владимира – общерусский церковный и народный праздник: Однодневная газета. Изд. ком. по устройству торжественного празднования Дня Св. Равноапостольного кн. Владимира в Белграде / ред. протоиерей В. Неклюдов. – Белград, 1931–1937, № 1–7.
10. Киреевский И.В. Полн. собр. соч.: в 2 т. – М., 1911. Т. 1. – 295 с.
11. О духовном состоянии русской эмиграции. Нови Сад: Штампарија «Натошевић» К. Бисаловић, 1939.
12. Политика, 8 јануар 2018.
13. Св. Иоанн Шанхайский. Духовное состояние русской эмиграции. Доклад Всезарубежному собору. – Белград, 1938.
14. Скороходова С.И. Славянский вопрос и сербско-русское содружество в 20–40-х годах XX века в Королевстве Югославия / С.И. Скороходова, О. Топалович, Т. Миленкович, М. Обрадович; под ред. С.И. Скороходовой. – М.: Форум, 2017. – 272 с.
15. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. – М.: Правда, 1990. – Т. 1 (1). – 496 с.

Раздел 4. РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ЛИТЕРАТУРА, ПУБЛИЦИСТИКА, ВОСПОМИНАНИЯ, ФОЛЬКЛОР

УДК 382.091

МЕМУАРИСТИКА ЭМИГРАЦИИ. ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА НА ПРИМЕРЕ «ВОСТОЧНОЙ ВЕТВИ» РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: СЛУЧАЙ ПАВЛА ВАСКЕВИЧА

П.Э. Подалко,

*д-р философии, профессор, кафедра международной коммуникации,
факультет международной политики, экономики и коммуникации*

*Университет Аояма Гакуин
Токио, Япония*

Раскрыты особенности жанра мемуарной литературы применительно к мемуаристике российской послереволюционной эмиграции, её особенностям и отличиям от основной массы произведений мемуарного жанра. Основное внимание автора уделено личности российского учёного и дипломата, первого русского дипломированного японоведа П.Г. Васкевича, чья служба с 1903 по 1925 г. проходила в разных странах Дальнего Востока и который после революции остался в эмиграции в Дайрене (совр. Далянь, КНР) и позднее – в Японии. На этом примере автор делает попытку рассмотреть специфику эмигрантской мемуаристики и её отличие от других произведений в жанре воспоминаний.

Ключевые слова: *эмиграция, дипломатическая и государственная служба, мемуары.*

MEMOIRS OF RUSSIAN EMIGRATION. FEATURES OF GENRE RELATED TO THE TOPIC OF «RUSSIANS IN THE ORIENT»: PAVEL VASKEVICH CASE

P.E. Podalko,

*PhD in Language & Culture Studies, Professor
Department of International Communication,
School of International Politics, Economics & Communication,
Aoyama Gakuin University, Tokyo, Japan*

This paper explores some features of the so-called “Russian post-revolutionary émigré’s memoir literature”, comparing it with the general view on memoirs as a

genre of literature written by those people who has been already retired after finishing their state and other service. Contrary to the most of famous memoirs, reminiscences written by many emigrants reflected their attitude towards the "forced retirement" caused by revolution. Also the article is a case study of Pavel Vaskevich's life and activities. He was by nature a very gifted person, who in fact became the first Russian professional Japanologist. Vaskevich served his country (then Czarist Russia) in various fields through the first quarter of the 20th century in Korea, Japan and China, where he was the last Russian Consul of Dairen until 1925. He retired in Kobe, Japan, where he then wrote about his life in his late memories.

Keywords: *emigration, diplomatic and state service, memoirs.*

Вступление

Одним из итогов свершившейся в России революции в сфере культуры было рождение практически нового корпуса литературных текстов, известного в наши дни как «послереволюционная эмигрантская литература».

В свою очередь, среди огромной массы литературных произведений, которые обычно для краткости классифицируют таким обобщающим понятием, как «эмигрантская литература», можно выделить отдельный пласт работ, относящихся к сравнительно новому, достаточно молодому по срокам своего возникновения жанру, известному как «мемуаристика послереволюционной эмиграции».

Разумеется, и прежде, и до революции 1917 года существовали достаточно многочисленные произведения, написанные в жанре мемуаров, чьи авторы во время создания своих работ проживали за пределами России. Здесь самым, пожалуй, известным историческим прецедентом следует назвать знаменитые «Былое и думы» А.И. Герцена, который начал печатать отдельные главы, впоследствии оформившиеся в единое сочинение, ещё в 1852–1853 гг. в Лондоне (впервые целиком книга была опубликована в 1868 г.). В чем же отличие этих и многих других «прецедентных» мемуаров, чьи авторы издали свои сочинения за пределами России, от воспоминаний русского постреволюционного зарубежья?

Как говорит нам опыт, мемуары в основном пишутся людьми на склоне лет, когда появляется относительная свобода от необходимости несения той или иной регулярной службы, и вместе с тем возникает желание рассказать окружающим автора людям (как правило, представителям более молодого поколения) о своей де-факто почти прожитой жизни: о взрослении и профессиональном становлении, о людях, с которыми сводили судьба и развитие карьеры, о событиях, которые довелось наблюдать воочию, о своем личном вкладе в общественный процесс. Всё это словно подталкивает человека зафиксировать на бумаге своё индивидуальное видение эпохи; сформулировать то, что можно было бы высокопарно трактовать как оставляемый им «след в вечности».

Любопытно, что наиболее часто к этому способу своеобразной и как бы слегка запоздалой самопрезентации прибегают представители тех профессий, кому не удалось заранее запечатлеть, материально «уплотнить» свою деятельность в конкретных и хорошо сохраняемых формах. Так, мемуары сравнительно редко пишут архитекторы, скульпторы, композиторы, художники, строители и представители иных профессий, чьи работы длительно сохраняются в общественном сознании де-факто, в том числе, и после ухода из жизни непосредственного создателя.

Напротив, к написанию мемуаров бывают склонны как государственные деятели различного уровня – здесь одним из самых древних дошедших до нас

прецедентов можно считать знаменитое «Поучение» древнерусского князя Владимира Мономаха, созданное в XIII в., так и актёры, театральные деятели, отставные военные и другие представители «непроизводственного цеха».

Авторы мемуаров, в отличие от ряда других литературных жанров, приступая к работе, редко преследуют сугубо меркантильные интересы: как правило, мемуары создаются ими на склоне лет, когда основная часть жизни уже прожита и банальное, хотя при этом вполне объяснимое стремление к материальному обогащению уступает место желанию поделиться с читателем накопленным жизненным опытом, рассказать о прожитом времени и о своем участии в событиях той или иной эпохи, в чем-то себя обелить, в чем-то – наоборот, подчеркнуть свою значимость и степень своего влияния на те или иные события, на принятие известных исторических решений и т.д. Все эти воспоминания об увиденном и пережитом пишутся долго, порой как бы «в стол», и очень часто остаются недописанными и недооформленными, если смерть уносит с собой автора мемуаров до того, как он или она поставит в рукописи последнюю точку. Кроме того, среди произведений мемуарной литературы немало и таких, которые изначально писались «для внутреннего употребления», для младших членов семьи, «для своих», и в этом случае публикация рукописей лежит целиком и полностью на ответственности тех представителей последующих поколений, которые решили по каким-то личным причинам предать гласности строки, исходно не предназначенные для широкой публикации.

1. Эмигрантские мемуары: особенности жанра

Революция 1917 г. и вызванная ею Гражданская война, последовавшее затем закрепление нового общественно-политического строя и непрерывная борьба большевистского правительства с идеологическим противостоянием сторонников свергнутого режима привели в итоге к массовому выезду из страны представителей различных сословий и групп населения бывшей Российской империи, а также к запрету на профессии и прежнюю трудовую деятельность для многих из тех, кто по разным причинам отверг саму идею эмиграции и остался в стране.

Вместе с тем, говоря об эмиграции, следует особо подчеркнуть, что революция освободила не только выживших представителей династии Романовых и близких к ним крупных государственных деятелей, но и рядовых бывших чиновников Императорской России от корпоративных самоограничений и естественной сдержанности, что вскоре вылилось в череду неожиданных откровений и сенсационных «открытий» относительно тех или иных подробностей как частной, так и общественной жизни представителей различных классов и сословных групп бывшей империи [1, 2, 5, 7].

Особый интерес в наши дни представляют мемуары отставных чиновников высшего и среднего звена, бывших дипломатов и предпринимателей, которые в силу неблагоприятно сложившихся внешних и внутренних обстоятельств оказались лишены возможности продолжать свою профессиональную деятельность и нередко вынуждаемы покинуть Родину под угрозой личной свободы, а порой и жизни. Как правило, в обычных условиях специфика работы таких лиц начисто исключала для них даже малейшую возможность опубликования каких-либо редких фактов, раскрытия государственных тайн и описания событий, происходивших на поле их государственной службы. Так, несмотря на то, что уже с 1-й половины XIX века многие подданные Российской империи вели личные дневники, лишь немногие из них стали впоследствии известны не только потом-

кам писавших лиц, но и более широкой публике, и в большинстве случаев это происходило не при жизни автора.

Однако теперь, находясь в эмиграции, где они были вырваны из привычной среды и зачастую не имели возможности продолжать привычную деятельность, многие из представителей «старой России» начали со временем писать мемуары: отчасти, чтобы заполнить неожиданно возникшее (и ставшее порой избыточным) свободное время, с тем чтобы не дать себе культурно и интеллектуально деградировать; чтобы осмыслить причины произошедших с собой и страной перемен, а заодно попытаться пересмотреть свой личный выбор и свое место в истории [4, 9, 12, 14, 16].

Традиционная мемуаристика предполагает неспешность изложения материала, отражает стремления автора взглянуть на природу рассматриваемых им событий с разных ракурсов и дать взвешенную оценку эпохи. Однако такой взгляд совершенно неприменим к оценке жанровых особенностей мемуаров русской послереволюционной эмиграции. Здесь мы сплошь и рядом встречаем прямо противоположные мотивы написания текстов, особенности подхода их авторов к изложению исторических событий. Поскольку многие авторы оказались в эмиграции в относительно молодом возрасте, одновременно испытывая материальную нужду и не имея иных, более «конвертируемых» источников дохода, они начали писать мемуары с целью банально заработать средства на жизнь либо так или иначе интегрироваться в новую среду, представив свою полезность и нужность принявшему их обществу путем своеобразного «портретирования истории», включая подробное описание своей жизни, карьерного роста, представление круга знакомств и своей роли в развитии мировой истории и культуры. В то же время следует подчеркнуть, что сообщаемые ими сведения, как правило, были излишне «опрокинуты в прошлое» и, помимо кратковременной сенсационности освещаемых эпизодов, не несли никакой практической пользы для зарубежного читателя.

Начавшаяся в середине 1980-х гг. «перестройка» и вызванное ею ослабление цензурных запретов и идеологического прессинга привели к массовому изданию произведений эмигрантской литературы, и в первую очередь – мемуаристики эмиграции, включая как переиздание зарубежных русскоязычных публикаций, так и переводы с иностранных языков (многие авторы мемуаров в расчете на высокие гонорары и прибыль от продажи своих книг изначально писали на английском либо французском языках [17]. Всё это способствовало активному использованию этих публикаций в научно-исследовательском процессе [3, 13, 15], появлению уже новых переводов эмигрантских мемуаров (выполненных полностью или частично) – на этот раз уже с русского языка на западные и восточные языки, включая японский.

2. Павел Васкевич и его «Воспоминания»

Особый интерес представляют те мемуары российских эмигрантов, которые, сохраняясь в различных государственных или ведомственных архивах, а также в частных коллекциях, по тем или иным причинам до сих пор остаются полностью либо частично не опубликованными и в этой связи представляют особый интерес для историка-исследователя. К этой категории относятся и мемуары Павла Юрьевича (Георгиевича) Васкевича (1876–1958), русского востоковеда и дипломата, две трети жизни и все годы службы которого прошли в разных странах Дальнего Востока, и который в силу этого оказался свидетелем (а порой и непо-

средственным участником) всех важнейших событий российской истории, происходивших в этом регионе в конце XIX – первой половине XX века.

«Память потомков» – вещь совершенно непредсказуемая: здесь, в отличие от спорта, нередко побеждает в итоге тот, кто пришел к финишу вторым. Так, например, Новый Свет открыл Христофор Колумб, а пролив между Чукоткой и Аляской – Семён Дежнёв, но на карте остались имена соответственно Америго Веспуччи и Витуса Беринга. Похожая судьба и у русского дипломата, ученого и писателя Павла Васкевича, который стал первым русским дипломированным японоведом и оказался позднее забыт на долгие годы.

История жизни П.Ю. Васкевича представляется ярким примером того, какую роль в судьбе человека может сыграть случай, и как выбор, сделанный однажды в юные годы, определяет всю последующую жизнь человека. Он родился 16 декабря 1876 г. в семье священника. После семинарии Васкевич захотел посвятить себя изучению Японии, для чего отправился во Владивосток и поступил там в только что открытый Восточный институт (1899).

Уже после второго курса Павел Васкевич впервые посетил Токио. Через год (1902) он по заданию института подробно изучил четыре западные префектуры Японии, за что был награжден золотой медалью, отмечен в русской прессе, а текст издан во Владивостоке отдельной книгой.

Окончив институт (1903), П.Ю. Васкевич стал первым в России профессиональным японоведом, так как в то время в России японский язык нигде больше не преподавался как обязательный предмет. Васкевич стал первым исследователем проблемы иностранной колонизации Приморья, в частности, особенностей формирования японской диаспоры в России. Во время Русско-японской войны он служил главным переводчиком русской армии, участвовал в переговорах о перемирии и о разделе Сахалина. После войны в качестве дипломата он служил в российских представительствах в Сеуле, Пусане, Токио, Дайрене, где потом остался жить в эмиграции после признания Японией СССР (1925). В предвоенные годы Васкевич публиковал в русской эмигрантской прессе Китая и США статьи и различные эссе о Японии и Китае. Перед войной он переехал в Японию и жил в Сузурандай (около Кобе), где познакомился с семьей известного в Японии эмигранта Ф.Д. Морозова. Там же он работал над текстом своих «Воспоминаний», в которых раскрывает интересные страницы своей жизни и рассказывает о встречах с японским Императором Мэйдзи, князем Ито Хиробуми, Первосвятителем Николаем Японским, вице-адмиралом С.О. Макаровым, поэтом К. Бальмонтом и другими деятелями российской и японской истории и культуры. Все испытания трудных военных лет Васкевич переносил вместе с японским народом, который он глубоко уважал и чьи обычаи почитал. Он умер в 1958 г. и был похоронен на Иностранном кладбище города Кобе. Думается, настало время рассказать более подробно об этом человеке – учёном и дипломате, ставшем своеобразным «живым мостом» между Россией и Японией, ярким примером того, какую роль играет порой Япония в судьбе россиян.

Ниже приводятся фрагменты «Воспоминаний» Васкевича, относящиеся к периоду его пребывания в Китае (главным образом, на территории Квантунского полуострова): сначала в качестве последнего российского Генерального консула в Дайрене (совр. Далянь), затем в статусе белоэмигранта, в 1917 – конце 1930-х гг.

Текст печатается по оригиналу из архива «Музея Русской культуры» в Сан-Франциско (США).

«<...>С назначением меня российским консулом в Дайрен для меня настала самая тяжелая и неприятная полоса в моей жизни. Появились беженцы из России, и вполне естественно они искали и ожидали помощи от консульства. Такими многочисленными средствами оно не располагало. Постепенно, при русской предприимчивости и находчивости русского человека, они приспособивались к местным условиям и быстро становились "на ноги". Нужно отдать должное, что в этом случае им пришли на помощь и японские власти, и представители разных иностранных фирм.

Среди беженцев /в Дайрене/ оказался владелец дома, /некогда/ арендованного у него под консульство на условиях ежегодного возобновления контракта по взаимному согласию. Консульству пришлось искать новое помещение, что по тем временам было не так легко. По счастью, незадолго до революции им был арендован у японских властей под устройство здания для консульства земельный участок в центральной части города, за который оно обязано было платить ежегодно аренду в размере 700 иен. Таких средств у консульства с началом революции не оказалось. Пришлось обратиться к начальнику Гражданского управления и просить об отсрочке платежа, чтобы не потерять право на участок в ходе быстрого расширения Дайрена /и/ поднятия цен на земельную собственность. Вдруг совершенно случайно пришла идея ввиду вздорожания земельной собственности просить его разрешения продать часть участка, оставив часть его, вполне достаточную для сооружения здания для консульства. Переговоры по этому делу увенчались успехом, но с условием, что часть участка будет предоставлена какому-либо из японских официальных учреждений, как расположенному в центре города среди других правительственных учреждений и банков. Меня это еще больше устраивало, так как сделка с частным лицом могла бы вызвать разные кривотолки не в мою пользу. Таким учреждением оказалось "Восточно-колониционное Общество", учрежденное японским правительством в целях облегчения колонизации японцами Южной Маньчжурии и снабжения их кредитами на разные предприятия. Впоследствии, когда консульство, согласно инструкции посольства в связи с признанием Японией правительства СССР, в 1925 году было передано японским властям, я сам пользовался его кредитами для покупки поблизости Дайрена земли и насаждения фруктового сада, а с ликвидацией его – на покупку дома в Дайрене.

Само Общество оценило участок, предоставляемый ему, в размерах значительно больше, чем я предполагал – в 150 000 иен. На эти деньги я смог устроить 3-этажное здание с полуподвальным этажом и с квартирами для сотрудников. Оставшиеся 50 тыс., как неприкосновенный капитал, давали возможность на получаемые с него проценты отапливать и содержать здание.

При самом сильном воображении трудно было тогда предположить, что в нем со временем будет помещаться ГПУ и из-за железных решеток полуподвального этажа здания консульства будут выглядывать грустные лица, ожидающие сурового приговора этого учреждения, не знающего пощады для инакомыслящих с ним.

С занятием Дайрена после минувшей войны, ими экспроприровано под консульство здание более крупных размеров, какими японское правительство, а еще больше "Общество Южно-Маньчжурской железной дороги", украсили этот город.

<...>Но возвращусь к Дайрену, где, оставивши консульство, я "сел на землю", занявшись садоводством и будучи одним из первых садоводов на Квантуне. Пока деревья начали приносить плоды, пришлось изыскивать какой-либо другой источник доходов. Была организована молочная ферма на акционерных началах из 4-х компаньонов о 4-х коровах. К ней были добавлены разные другие виды хозяйства, как-то: пчеловодство, куроводство, козеводство и свиноводство. Последнее оказалось самой прибыльной статьей доходности, когда начали коптить окорока и выделывать колбасы.

<...>Летом свой дом на молочной ферме я сдавал дачникам. В моей памяти воскрес облик атамана Семенова¹, бывшего у меня одним из дачников, снимавшим две комнаты с платой в месяц по 200 иен. Он оказался одним из самых у меня неаккуратных плательщиков, хотя досужая молва упорно распространяла, что у него хранятся целые горы запасов золота, добытых всевозможными реквизициями <...>Лично мне рисовалось, что фигура атамана Семенова поддерживалась японцами как своего рода дипломатический "шахматный ход", как угроза тем же большевикам... В нем они склонны были видеть того же своего рода Хитлера, который сумеет, когда настанет к тому время, повести массы русского населения против большевиков, но атаман есаул Семенов был далек от капрала Хитлера, чтобы оставить после себя крупный след в истории революции<...>

Среди жильцов-дачников на даче был и потомок большого государственного деятеля в прошлом истории России, бывший офицер в прошлом одного из блестящих гвардейских полков, А.А. Карамзин², с супругой и двумя прелестными детками, мальчиком и девочкой. Шустрый сынишка его был деятельным помощником в моих работах, сопровождая меня и выражая желание в чем-нибудь мне помочь. <...>Расстался я с этим милым семейством и потерял их из виду, как вдруг получаю из о. Тюбабао от племянницы письмо, в котором она сообщает, что встретила с семьей Карамзиных: Алеша уже стал великолепным 30-летним мужчиной, и что интереснее всего – что она успела влюбиться в него, пользуется его взаимностью, и что оба они намерены строить свое будущее в полном единении. Конечно, этим известием я был бесконечно обрадован <...> и заочно их благословил<...>

Читаю как-то в газетах, что пароходством "Осака сиосэн кайша" спущен в Кобэ только что отстроенный пароход "Бразил-мару", предназначенный для кругосветного путешествия со всеми новейшими усовершенствованиями, приспособленный главным образом для туристов <...> Случайно встречаюсь с директором местного отделения того пароходного Общества<...> Пользуюсь случаем предложить ему свой дом<...> Через дня три получаю благоприятный ответ и начинаю сборы в Кобэ, откуда пароход начинает свой кругосветный вояж: Гонолулу, Сан-Франциско, Панамский канал, все государства Южной Америки, вокруг Африки, Цейлон, и ряд других портов на островах, примыкающих к Китаю на юге, и снова Кобэ – всего пути три месяца с небольшим.

¹ Семёнов Григорий Михайлович (1890–1946), атаман казачьих войск, генерал-лейтенант, один из лидеров Белого движения на Дальнем Востоке.

² Карамзин Александр Александрович (1893–1971), внучатый племянник Н.М. Карамзина, штаб-ротмистр 5-го гусарского Александрийского полка, в эмиграции – художник, иконописец.

<...> К прибытию парохода в каждом порту поджидали автомобили с проводниками по всем достопримечательностям данного района<...> Во время отсутствия пассажиров пароход предоставлялся в распоряжение посетителей, а по вечерам устраивались на нем банкеты для именитых граждан порта и его округа.

Словом, все было обдумано, чтобы "показать товар лицом". Это была лучшая реклама для достижений Японии в области судостроительства и их художественного вкуса. И только подумать! Ужас берет, что на следующий год, с началом войны этот пароход был обращен в военный транспорт и был уничтожен бомбой с американского аэроплана у берегов одного из островов, раскинутых на юге Китая.

<...> Вернувшись в Кобэ, преисполненный лучших чувств к японцам, давшим мне возможность получить во время путешествия удовольствие высшего порядка, <...> мне вздумалось полюбоваться его красивыми окрестностями. По пути мое внимание привлекли три вековых сосны, расположенные на горе, куда меня инстинктивно потянуло подняться к ним<...> Вот где я должен доживать свои последние годы и еще кое-что создать на земле, оставить после себя след и в Японии...

<...> Оставалось теперь ликвидировать свое имущество в Какакаси, куда я всего два года тому назад переселился, ликвидировав свое имущество в Инченцзы – почти рядом, по тому же морскому побережью поблизости Дайрена. Если в Дайрене мне стоило больших трудов, лишь случайно найти покупателя на дом, то тем более оказалось это трудным в Какакаси – оживленном морском курорте, "глохшем" к зиме. <...> В одно прекрасное утро появляется китаец-повар и сообщает, что пришел покупатель на дом. <...> Таким образом, я сразу же развязался с домом и сделался богатым человеком, рассчитавшись раньше, по ликвидации своего дома в Дайрене, с долгами. Не замедлил отправиться в Сузурандай для того, что нужно /было/ торопиться с постройкой дома.

<...> Атаман Семенов поселился на покой в Какакаси, насколько мне известно, оставленный без внимания японцев. Там он соорудил себе дом, значительно уступавший моему, построенному там же, чтобы доживать свой век, ликвидировав свой сад и молочную ферму в Инченцзы. Частенько посещавшие меня спрашивали, где дворец атамана Семенова, я им тогда рекомендовал осмотреть лучше мое "палаццо", так как в действительности дом атамана Семенова ни по своей внешности, ни по внутренней /отделке/ не мог сравниться с моим. Но досужая молва о миллионах, находящихся в его распоряжении, и наличии "царского золота" продолжала циркулировать. То же говорилось о "высокой политике" его, связанной с намерением японцев отторгнуть Приамурье и его родное Забайкалье, о чем мной уже было отмечено. Я поддерживал с ним добрососедские отношения, и мы изредка навещали друг друга. Но этого уже было достаточно, чтобы сопричислить и меня в число его сотрудников.

С появлением в результате минувшей войны в Дайрене представителей верхов Москвы, атаман с его окружением сразу же были отправлены в пределы "железного занавеса". Участь их как "инакомыслящих" теперь известна всем. Меня, конечно, постигла бы та же участь, если бы эти три таинственные сосны не заманили меня к себе. Я чувствовал, что нужно торопиться под их покров, покидая в Дайрене то, на что я не мог рассчитывать в Сузурандае. Я лишился своего "палаццо" и доживаю сейчас в скромном доме <...> Любуюсь этими соснами из окон своего дома, где под ними будет похоронен прах моего сожжен-

ного тела в заготовленной могиле, окруженной растениями, которые круглый год будут цвести.

Началась новая спокойная жизнь, что так к старости важно. Все было бы хорошо, если бы порой не одолевали грустные мысли о положении наших братьев за "железным занавесом" <...>

4. Рукопись, не дошедшая до читателя

П. Васкевич начал работать над своими «Воспоминаниями», будучи в весьма уже преклонном возрасте. Поводом к тому послужило анонсированное эмигрантской прессой известие о готовящемся к изданию в США сборнике мемуаров русских офицеров и моряков – участников войны с Японией в 1904–1905 гг. Инициативная группа из числа ветеранов той войны стремилась таким образом дать своеобразное опровержение советским взглядам на тему обороны Порт-Артура и Цусимской катастрофы, среди которых доминировала точка зрения о заведомо обреченном положении царской России на Дальнем Востоке, получившая наиболее яркое отражение в известных романах «Порт-Артур» Александра Степанова и «Цусима» Алексея Новикова. Материалы для сборника эмигрантских воспоминаний собирались со всего света: ветераны, проживавшие к тому времени в разных странах и на разных континентах, слали в Америку свои заметки о той войне. Не стал исключением и Васкевич, осенью 1953 года отправивший знакомым в Сан-Франциско рукопись объемом около ста машинописных страниц с сопроводительным письмом, в котором выражал свое желание «приподнять занавес против всех тех досужих разговоров, что мы были не осведомлены о предстоящей войне с Японией, и ничего поэтому с нашей стороны не предпринималось» и подчеркивая при этом материальную незаинтересованность в случае публикации книги: «...если бы при этом получался какой-либо "профит", присоединить его к тем средствам, какие <...> имеются для вспомоществования нуждающимся воинам минувших войн, в первую очередь ветеранам Русско-японской войны»¹.

Книга воспоминаний русских эмигрантов о войне с Японией была издана в Нью-Йорке в 1955 г. [10], однако без упоминания как имени Васкевича, так и его рукописи. Официальная причина такого решения редакторов сборника неизвестна, однако можно предположить, что на них могла повлиять особая позиция самого Васкевича. Позиция эта была выражена в общем тоне и содержании отправленного им текста, и она существенно отличалась от взглядов остальных авторов присланных воспоминаний. Будучи профессиональным японоведом, прожившим в Японии и её колониях свыше полувека, Васкевич не скрывал симпатий к этой стране и её культурной традиции, что, разумеется, не могло вписаться в общую концепцию книги, в которой Япония выступала как противник России и русских интересов на Востоке. Патриот России и одновременно японофил – это было несовместимым сочетанием в глазах офицеров армии и флота, многие из которых прошли в своё время через капитуляцию Порт-Артура и японский плен. К сожалению, на данный момент остается неизвестным, успел ли сам Васкевич прочесть изданную за три года до его смерти книгу, среди авторов которой многие были знакомы ему лично, и остается лишь догадываться, какое впечатление эта книга могла бы на него произвести.

¹ Цитируется по копии письма, имеющейся в архиве автора настоящей публикации.

5. Вместо заключения

В истории любых двусторонних отношений всегда велика ответственность, падающая на плечи тех, кому по долгу службы вменяется на практике устанавливать и укреплять эти отношения. В том, что Россия, нередко вопреки внешним обстоятельствам, сумела добиться известного авторитета и признания на Востоке, прежде всего, велика заслуга российских дипломатов, которые, действуя в заведомо непростых, а порой и откровенно враждебных условиях, ухитрялись отстаивать государственные интересы своей страны. Однако вышло так, что имена большинства русских дипломатов, служивших на Востоке, впоследствии долгие десятилетия не упоминались у них на родине.

Помимо традиционного невнимания к восточным делам причиной тому послужили идеологические разногласия с властями послереволюционной России: мало кто из дипломатов, служивших в странах Восточной Азии, принял Октябрьский переворот 1917 г.; некоторые из них в дальнейшем так или иначе участвовали в формировании Белого движения и остались жить в эмиграции. Несмотря на то, что сама по себе «эмигрантская тема» в современной России рассмотрена уже достаточно подробно, было немало имен, по разным причинам незаслуженно забытых.

Наиболее изучены, описаны и известны массовому читателю те эмигранты, чья деятельность носила интернациональный характер, благодаря чему она сразу становилась достоянием широких масс. Здесь, безусловно, лидируют представители литературы, искусства, изобретатели, ученые. Меньше повезло тем эмигрантам, кто в силу специфики своей профессиональной деятельности после революции потерял возможность вписаться в зарубежное общество либо оказался в таком месте, откуда было непросто напомнить о себе «городу и миру». В итоге это повлекло за собой историческое забвение. Но если об эмигрантах, оказавшихся в странах Европы и США, а также в Китае (в основном, в Харбине), стали много говорить и писать начиная с конца 1980-х гг., то некоторым повезло куда меньше, ибо страной, приютившей их, стала Япония. Мало кто из тех, кого судьба в итоге привела на Японские острова, успел широко прославиться до революции. Идеи «сменовеховства» не были здесь популярны. Патриотические чувства, изменившие после начала Второй мировой войны позицию многих эмигрантов, живших на Западе, и заставившие их пересмотреть свои взгляды в пользу СССР, по ряду причин не могли возникнуть у тех, кто оказался в Японии. В отличие от соотечественников, оказавшихся в Европе и испытавших ужасы германского фашизма, эмигранты на Востоке не заняли примирительной позиции по отношению к большевикам, оставаясь поэтому персонами «нон грата» в СССР. К тому же их было слишком мало для тех, кто привык оперировать категориями больших чисел: по самым оптимистичным оценкам в Японии в 1920–1940-х гг. проживало не более 4–5 тысяч россиян. Поэтому имена этих людей очень долго оставались вне поля зрения отечественных ученых. Но их необычные, подчас весьма нелегкие судьбы и жизни, полные приключений и внезапных перемен, когда реальность подчас принимала самые фантастические формы, по глубокому убеждению автора, заслуживают того, чтобы об этом узнали современные российские читатели.

1. Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. – М.: Захаров, 1999. – 525 с.

2. Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. – М.: Захаров, 2001. – 384 с.

3. Григорьев Б. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 521 с.
4. Извольский А.П. Воспоминания. – Минск: Харвест, 2003. – 224 с.
5. Кирилл Владимирович, великий князь. Моя жизнь на службе России. С приложением биографического очерка о великой княгине Виктории Федоровне. – М.: Захаров, 2006. – 368 с.
6. Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых (в 5 т.). Т. 1. «Пока же мы счастливы тем, что никто не угрожает нам...» (1919–1934). – М.: РОССПЭН, 2006. – 448 с.
7. Княгиня Ольга Палей Воспоминания о России. С приложением писем, дневника и стихов её сына Владимира. – М.: Захаров, 2005. – 240 с.
8. Коковцов В.Н. Из моего прошлого (1903–1919). – Минск: Харвест, 2004. – 896 с.
9. Никольский Е.А. Записки о прошлом. – М.: Русский путь, 2007. 288 с.
10. Порт-Артур. Воспоминания участников. – Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955. – 414 с.
11. Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы): сб. док. и материалов / сост. З.С. Бочарова. – М.: РОССПЭН, 2004. – 400 с.
12. Сазонов С.Д. Воспоминания. – Минск: Харвест, 2002. – 368 с.
13. «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев и В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2001, Т. 1. – 568 с., Т. 2. – 672 с., Т. 3. – 672 с.
14. Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата, 1893–1922. – Минск: Харвест, 2003. – 416 с.
15. Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов, 1934–1940: сб. док.: в 2 кн. – М.: ГЕЯ, 1998, Кн. 1. – 562 с., Кн. 2. – 623 с.
16. Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. – М.: Русский путь, 2006. – 368 с.
17. Revelations of a Russian Diplomat (The memoirs of Dmitrii I. Abrikossow) / ed. by George A. Lensen. – Seattle: Washington State University, 1964. – 329 с.

УДК 82.0

РУССКАЯ КУЛЬТУРА И РУССКОЕ ИСКУССТВО В ВОСПОМИНАНИЯХ О ДЕТСТВЕ И ЮНОСТИ В ХАРБИНЕ

Ю.А. Яроцкая,

канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы

*Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток*

В статье мы остановимся на воспоминаниях двух женщин, для которых Харбин стал местом, где проходили ранние годы жизни М.Е. Титовой-Шаламовой (1924–1995) и Н.И. Ильиной (1914–1994). Нас интересует, какой запомнилась мемуаристкам культурная среда города, какие виды искусства присутствовали в их жизни, как культурная среда и искусство русского Харбина в воспоминаниях мемуаристок соотносятся с воспоминаниями об этих аспектах жизни «далёкой окраины» тех писателей, которые жили на русском Дальнем Востоке (В.К. Арсеньев (1872–1930)) или путешествовали там (М.М. Пришвин (1873–1954))

***Ключевые слова:** Харбин, русские традиции, семья, дом, эмиграция, русское искусство, европейское искусство.*

RUSSIAN CULTURE AND RUSSIAN ART IN THE MEMORIES OF CHILDHOOD AND ADOLESCENCE IN HARBIN

Yu.A. Yarotskaya,

Candidate of Philological Sciences, associate professor

Russian language and literature department

Eastern federal university

Vladivostok

In this work we focus on the memories of two women, M.E. Titova-Shalamova (1924–1995) and N.I. Ilyina (1914–1994), for whom Harbine became a place where they spent the early years of their lives. We take interest in how they remembered the cultural environment of the city, what kinds of art were present in their lives. And how the cultural environment and the art of Russian Harbin in their memoir compares to the memories of the same aspects of life of those writers who lived in the Russian Far East (V.K. Arsenyev (1872–1930)) or who traveled there (M. Prishvin (1873–1954)).

***Keywords:** Harbin, Russian Traditions, Family, Home, Emigration, Russian art, European art.*

Харбин – город, ставший родным для многих русских людей, город, в котором проходили детство и юность, формировались характеры, выковывались судьбы. Мы остановимся на воспоминаниях двух женщин, для которых Харбин

стал исходной точкой, местом, где проходили ранние годы жизни: Марии Елпидифоровны Титовой-Шаламовой (1924–1995) и Натальи Иосифовны Ильиной (1914–1994). Нас интересует, какой запомнилась мемуаристкам культурная среда города, какие виды искусства присутствовали в их жизни, как культурная среда и искусство русского Харбина в воспоминаниях мемуаристок соотносятся с воспоминаниями об этих аспектах жизни «далёкой окраины» тех писателей, которые жили на русском Дальнем Востоке (В.К. Арсеньев (1872–1930)) или путешествовали там (М.М. Пришвин (1873–1954)).

В 2016 г. в г. Комсомольске-на-Амуре по заказу Амурского городского краеведческого музея тиражом 50 экземпляров были изданы «Воспоминания» Марии Титовой – дочери Е. Титова, которые предваряются короткими «Воспоминаниями дочери Елены Геннадьевны Подборновой» (воспоминания о жизни в Харбине датированы 70-ми – началом 80-х гг. XX в.). Необходимо упомянуть, что Елпидифор Иннокентьевич Титов (1896–1938) – «писатель, журналист, этнограф и фольклорист, автор первого тунгусо-русского словаря..., сотрудник хабаровской газеты «Тихоокеанская звезда» и ответственный редактор журнала «На рубеже» (теперь это «Дальний Восток»)», был соавтором В.К. Арсеньева [9, с. 3]. Вместе со знаменитым ученым-путешественником он написал книгу «Быт и характер народностей Дальневосточного края» (1928 г.), которая начиналась с совместной статьи 1926 г. «Население как производительный фактор». Исследователь погиб в годы репрессий. Таким образом, воспоминания его дочери ценны для составителей, прежде всего, возможностью увидеть через них личность и судьбу Титова.

Знаменитая книга Натальи Ильиной «Дороги и судьбы» переиздавалась несколько раз (1985, 1988, 1991 гг.). Таким образом, мы можем отметить, что почти одновременно написанные тексты были опубликованы с тридцатилетним промежутком. Начало воспоминаний о харбинской жизни Ильиной и воспоминания о ней Титовой-Шаламовой хронологически совпадают. Наталья Иосифовна эмигрировала в Харбин с семьей в 1920 г., в возрасте 6 лет и прожила там до 1936 г. Она вернулась в СССР в 1948 г. Мария Елпидифоровна родилась в Харбине в 1924 г., родители ее матери были эмигрантами с начала 20-х гг. (дедушка «служил юристом в торговой фирме Чурина» [9, с.101]). Уехала в 1933 г. в Хабаровск. Таким образом, при детальном рассмотрении текстов есть возможность сравнить детское и подростковое восприятие культурного пространства Харбина 20-х гг. XX в.

Обе мемуаристки – из интеллигентных семей, культура и искусство занимают много места на страницах их воспоминаний. Надо отметить, что семья Титовой-Шаламовой, в отличие от семьи Ильиной, не бедствовала в Харбине, раннее детство Марии Елпидифоровны прошло в очень благоприятной обстановке обеспеченной, культурной и любящей семьи.

И если для Ильиной годы эмиграции связаны с большими трудностями и лишениями, то Титова-Шаламова пишет об этом времени как о самом безмятежном в своей жизни, а ее дочь отмечает: «Тяжелым и горьким было расставание с родными. Дорогих и близких ей людей – бабушку, дедушку, Аню – она уже больше никогда не увидит» [9, с. 98]. Сама же мемуаристка пишет об этом так: «Уже купили железнодорожные билеты..., но когда утром начали меня будить, я подняла страшный крик и плач. И все отступили. Остались еще на день. А на следующее утро все-таки поехали. Тяжело расставалась я с дедом, мамой,

Аней. И долго Аня бежала за поездом... А я в вагоне безудержно плакала целый день» [9, с. 113].

Первая тетрадь воспоминаний Марии Елпидифоровны открывается главой «Харбин», которая начинается следующим предложением: «Я родилась в семье маминых родителей Тумановых в Харбине» [9, с. 101]. Таким образом, с самого начала повествования город становится важным персонажем. Это место, где родилась героиня, где жила семья, драгоценностью которой была маленькая Мария. Дочь Марии Елпидифоровны Елена Геннадьевна в «Воспоминаниях дочери...» пишет со слов матери: «...Харбин, русский город в Маньчжурии... (150-тысячное китайское население обитало в основном в Фудзядяне – пригороде Харбина) [9, с. 97].

Однако Титова-Шаламова не называет Харбин своей родиной, она пишет о дедушке: «Он своими рассказами знакомил меня с моей родиной – Россией. Он о ней тосковал» [9, с.103]. Возможно, будучи ребенком, она всегда знала, что уедет в Россию, когда за ней и ее мамой приедет оттуда отец, поэтому в ее восприятии Харбин был чем-то временным, хотя и любимым.

Никакого экзотического восточного колорита в начале повествования нет. Традиционная русская бабушка: «она любила до самозабвения детей и меня, была очень живой, энергичной, вспыльчивой и нежной, веселой и остроумной» [9, с. 102]. Традиционный русский дедушка – «единственный человек, перед которым я не выкидывала никаких номеров, был деда... Я боялась, что он увидит мои выкрутасы и разлюбит» [9, с. 102]. Традиционные русские семейные вечера – «вечерами, после ужина, я шла в кабинет деды, усаживалась рядом с ним на большой кожаный диван, и он рассказывал мне о своем детстве...» [9, с. 103].

Музыка входит в жизнь мемуаристки с рождения именно благодаря бабушке, «баме», как она ее называет: «Она хорошо пела, знала множество русских песен и романсов, любила цыганские напевы; от нее первой я услышала оперные арии из «Пиковой дамы», «Трубадура», «Фауста». Голос у нее был красивый, глубокий – должно быть, меццо-сопрано» [9, с. 102]. И это тоже традиционно для русской семьи. Похожие воспоминания о бабушке Аграфене Филипповне встречаются, например, в семейных архивах Арсеньевых, с той только разницей, что бабушка путешественника была из крестьян и пела народные песни своим внукам в Петербурге в конце XIX в., а не в Харбине в начале XX в. Народными песнями развлекала маленькую внучку и бабушка Туманова: «Сколько она знала песен! Неторопливо заведет "Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке...". Или вдруг взлетит голос, зазвучит удаль: "Над полями да над чистыми месяц птицею летит". Любила петь цыганское: "Эх, душа моя, мы с тобой не пара: ты уйдешь не станет мне больней, дорогая самая у меня гитара, ни за что я не расстанусь с ней". Никогда и ни от кого я не слышала больше этой песни... Иногда она рассказывала в доступной форме содержание опер и снова пела. Мне очень нравился романс Зибеля из Фауста ("Расскажите вы ей, цветы мои...")» [9, с. 105]. В Харбине Мария погружена в музыкальную культуру русскую и европейскую, а возвращение в Россию приносит с собой изъятие «идеологически ущербной», с точки зрения новой власти, части этой культуры из ее жизни. Так, по понятным причинам она не услышала больше известного романса Юлия Хайта на слова Константина Подревского «Мы с тобой – не пара», исполнявшегося в свое время Александром Вертинским, Антониной Еремеевой и другими вокалистами.

Домашнее музицирование в раннем возрасте органично дополняется посещением оперных спектаклей, первым из которых был «Евгений Онегин», кото-

рый произвел на маленькую Марию большое впечатление, воспринимая бабушкины повадки, она поет дома понравившуюся арию Ольги «Я не способна к грусти томной», у нее появляются любимые персонажи – Ольга и Ленский, любимый исполнитель – Забейда, тогда совсем молодой Михаил Иванович Забейда-Сумицкий (1900–1981), переехавший в Харбин в 1922 г., который был певцом Харбинского оперного театра с 1929 по 1932 г. Партия Ленского была его дебютом [3].

Мемуаристка пишет: «Обнаружив портрет Забейды, я замучила баму и Аню, с которыми ходила гулять, потому что во время каждой прогулки требовала теперь идти к фотографии на поклонение Забейде» [9, с. 105]. Другим оперным впечатлением был поход с бабушкой на «итальянцев-гастроловеров, ставивших "Лючию" Доницетти и "Трубадура" Верди» [Там же, с. 105]. Далее мемуаристка пишет: «Большое впечатление произвела на меня сцена безумия Лючии. Разумеется, дома это все неоднократно проигрывалось» [Там же]. Оперная музыка была доступна Марии и благодаря граммофону, она вспоминает, что любила слушать теноров – Л. Собинова и Э. Карузо, и подражать им: «Пела я все время. Голос был громкий, и я с большим чувством исполняла партию Ленского, Травиаты, "Санта-Лючию", "Интернационал" и цыганские романсы» [Там же]. Бабушка также рассказывала внучке об оперных певцах Ф. Шаляпине и Л. Собинове.

Дедушка же, который, простудившись в юности, потерял слух, брал внучку с собой в кино, которое тогда было в Харбине еще немым: «Мы смотрели голливудские фильмы с ковбоями, бешеными сачками... героям приходилось носить полумаски, похищать возлюбленных, гнаться на конях; добро как правило побеждало зло» [9, с. 104]. Также Титова-Шаламова вспоминает «мистический ужас», который она испытала, увидев крупный план лица исполнителя в фильме, который она, вероятно, неверно называет «Сиротки шторма». Скорее всего, мемуаристка говорит об известном фильме знаменитого американского режиссера Дэвида Уорка Гриффита «Сиротки бури» (1921 г.). Кино («Отверженные» по роману В. Гюго) укрепляет любовь к литературе и интерес к драматическому театру. Мемуаристка упоминает журнал «Зигзаги», издававшийся в Харбине с 1927 по 1936 г. редактором-издателем Любовиным [4]. Мария Елпидифоровна пишет: «Бабушка рассказывала и читала мне об актерах: Ермоловой, Комиссаржевской, Стрепетовой, Саре Бернар. День начинался с того, что после завтрака я отправлялась в спальную комнату, где стоял большой бабушкин сундук, ... извлекала оттуда старинные платья, веера, туфли, с которых стерлась позолота, наряжалась и изображала героинь виденных кинофильмов» [9, с.104]. Русское и европейское музыкальное и театральное искусство, кинематограф являются не только развлечением для ребенка, они проникают в повседневность, заполняют собой дни маленькой девочки, которая не только слушает и смотрит, но и сама пытается повторять и выдумывать, по-детски осмысляя увиденное и заполняя русским и европейским искусством свою душу.

Говоря об опере, Титова-Шаламова довольно много внимания уделяет западноевропейским репертуару и исполнителям, хотя о русском и русских говорит больше, кино упоминается в основном американское, а вот драматические актеры русские. Что же касается книг, она упоминает и Г.Х. Андерсена, и Ш. Перро, но самым главным автором детства (возможно, жизни) для нее является А.С. Пушкин: «С того момента, как я начала себя помнить, вспоминаю книги. Первыми были сказки Пушкина и "Конек-Горбунок" Ершова. Всю жизнь мне

казалось и кажется, что Пушкин жил где-то рядом и живет тут сейчас, и все понимает, и улыбается то озорно, то печально» [9, с.104].

Надо отметить важный факт обращения русских людей, заброшенных на чужбину, каким был для эмигрантов Харбин, либо в далекие российские земли (как петербуржец В.К. Арсеньев, 30 лет проживший в Приморье и Приамурье), к сказкам Пушкина. Здесь уместно вспомнить известный эпизод из книги Арсеньева «Дерсу Узала»: «На другой день вечером, сидя у костра, я читал стрелкам сказку "О рыбаке и рыбке"... Когда я кончил сказку, Дерсу поднялся и сказал:

– Верно, такой баба много есть. – Он даже плюнул с досады...» [1, с. 421]. Вероятно, Пушкин – воплощение родного, родины, что остро ощущает человек, который так или иначе от нее оторван. И, когда стихи Пушкина звучат в Харбине или дальневосточной тайге, они дают ощущение близости родного дома.

Таким образом, жизнь в Харбине для мемуаристки – это время счастливого патриархального детства, в чужом городе, но в родной культуре, с родными и близкими людьми, с родным искусством (русским и европейским, отчасти американским). Мы видим здесь процесс передачи традиционных ценностей и культурных моделей, которые на родине героини в 20–30-е гг. часто уже выглядят устаревшими или являются запретными.

По-иному воспринимает Харбин Наталья Ильина. Много было сказано о тенденциозности ее мемуаров, однако отметим, что в вопросах влияния искусства на жизнь человека в ее воспоминаниях побеждает дореволюционная тенденция. В своих воспоминаниях она, так же как Титова-Шаламова, не называет город родиной, более того, отрицает за ним право так называться. Если для Титовой-Шаламовой характерна идиллическая интонация, когда она обращается мыслями к России, но и Харбин для нее – город прекрасного детства, то Ильина, отмечая «русскость» Харбина [5, 7], пишет об «этом странном городе» очень жестко [5, 26].

Титова-Шаламова с рождения жила в уютном дедушкином доме, Ильина первое время – в железнодорожном вагоне [5, 7]. И если для маленькой Марии семейный дом – средоточие любви, целый мир, взаимосвязанный с не менее прекрасным миром города, то юная Наталья всегда охвачена стремлением покинуть стены того жилья, которое сейчас является ее домом, уйти подальше от родных, в конечном итоге вырваться из Харбина [5, 10].

На протяжении повествования о харбинской жизни происходит постепенное разрушение семьи мемуаристки и полное уничтожение даже относительного материального благополучия. И если в начале жизни в Харбине родителям удалось устроить традиционный русский быт, мемуаристка упоминает имена литераторов, бывавших у них в гостях: «...Арсений Несмелов, Леонид Ещин, Всеволод Н. Иванов, Борис Бета... И Сергей Алымов там промелькнул, и Петров-Скиталец...» [5, 21], то впоследствии ничего этого уже не было [5, 21]. И в результате «мы докатились до домика на окраине без удобств...» [5, 22]. Из всего имущества семьи сохранились лишь диван, сундук, раскладушка.

Семья, вначале также патриархальная, русская, состоящая из родителей, двух дочерей, няни, бабушки, также распадается. Уходит отец, оставляя бывшую жену и детей в полной нищете. Умирает няня, на которой держался дом, благодаря которой жизнь семьи выстраивалась по православному календарю: «Мне было семь лет, когда умерла няня Прасковья Андреевна... Я не помнила няниного лица, но в памяти моей на всю жизнь засели ее слова, обращенные к

матери: "И куды вы меня, барыня, завезли?"» [5, 28]. Уезжает обратно в Петербург бабушка. Образ бабушки очень отличается от того, который присутствует в воспоминаниях Титовой-Шаламовой. Как будто находясь в диалоге с ней, Ильина пишет: «Это не была та бабушка-старушка, к которой можно прижаться, приласкаться... Она занималась со мной английским языком, а я во время уроков качалась на стуле и зевала... Ей было у нас плохо. Потому ли, что она видела неблагополучие и шаткость нашей семьи... Или потому, что в этом русско-маньчжурском городе, в этом нелепом эмигрантском быте бабушка Ольга Александровна не могла, да и не хотела, найти свое место?» [5, 14].

Важно, что и уход из жизни няни, и отъезд бабушки сопровождаются словами, «проклинающими изгнание». В «Харбине Ильиной» исконно русское не может найти себе места, как в ее молодой голове, не находит места стремление матери сохранить для дочерей, пусть не во всей полноте, традиции русских культуры, воспитания, образования: «Ремесло мне нужно было изучать, ремесло, которым можно деньги зарабатывать, а не тратить годы на "высшее образование", на "общее развитие", о которых твердила мать» [5, 16]. В отличие от Титовой-Шаламовой, юная Ильина оценивает мировоззрение матери, представителя старшего поколения, как устаревшее, несовременное.

Остаются мать и две дочери, между которыми нет традиционных для русской семьи теплых отношений. Мемуаристка пишет: «Своими мыслями, чувствами, впечатлениями от прочитанных книг я делилась с кем угодно, только не с матерью. ... в глазах матери мне чудились ирония, снисходительность, меня не принимали всерьез!» [5, 23]. Взаимоотношения сестер враждебны, как пишет Ильина, в силу сложившихся обстоятельств: «Издерганные чуть не ежедневными визитами кредиторов, недоедающие, умирающие от желания быть одетыми не хуже своих подруг... мы, видимо, вымещали свои обиды друг на друге...» [5, 20].

За умы и души сестер ведут борьбу социум, с его жестокими законами, требующий отказа от искусства как от излишества, и мать, для которой искусство является спасением от ужаса жизни. Даже вопреки собственным «практическим» стремлениям дочерей, мать незаметно для детей побеждает в этой войне. Об этом, в частности, свидетельствует рассказ о дорогом, покупаемом матерью в долг иллюстрированном журнале «Перезвоны»: «Репродукции этого журнала познакомили меня с Серовым, Суриковым, Нестеровым, Врубелем. В этом журнале я впервые прочитала рассказы Бунина, Шмелева, Ремизова и стихи Марины Цветаевой. Я с благодарностью вспоминаю журнал "Перезвоны"... мы не понимали тогда, что у нас и у матери были разные взгляды на то, что считать первой необходимостью. Мы-то не помнили, не знали иной жизни, кроме эмигрантской. Мать сложилась и выросла в условиях совершенно других. И знала то, чего мы знать не могли: человеку, развившему свой интеллект, легче переносить невзгоды, ибо обеспечен тыл, куда можно уйти» [5, 19].

Таким «тылом», но не только, стал для семьи концерт Шаляпина в Харбине. Если для маленькой Марии Титовой Шаляпин – персонаж бабушкиных рассказов и голос с пластинки, которому она предпочитает теноров, для Ильиной – это человек, искусство которого укрепляет ее в мысли неправильности и пустоты харбинской жизни, необходимости перемен, выстраивания жизни настоящей. Это оживший образ России, по которой тоскуют эмигранты. Ильина пишет о его мартовском концерте 1936 года. Титова в это время уже покинула Харбин. Наталье 22 года, она, как и Мария Титова, слышала рассказы родителей об этом

певце и слышала его записи, еще она видела его знаменитый портрет кисти Б. Кустодиева в журнале «Перезвоны»: «Что мать продала, что заложила, какими способами добыла деньги, чтобы пойти в концерт самой и нас с сестрой повести, сейчас уже не вспомню. И вот занавес задернулся, и какие-то люди, и я в их числе, в состоянии безумия кинулись на сцену подбирать растоптанные Шаляпинным гвоздики... Всю дорогу домой я плакала, вытирая глаза перчаткой, ощущая в кармане смятую гвоздику. Плакала и бормотала: "Нельзя так больше, нельзя!"» [5, 58]. То, что для Титовой-Шаламовой является неотъемлемой частью жизни в ее детские годы, для Ильиной – роскошь, которую необходимо себе позволить, чтобы поддержать свое духовное существование.

В мемуарах Ильина очень большое уделяется внимание актрисе, жене Бориса Юльевича Бринера Екатерине Ивановне Корнаковой (1895–1956). Это закономерно, учитывая их долгое близкое знакомство, прошлое Корнаковой, актрисы МХАТ, а также роль, которую она сыграла в жизни Натальи Иосифовны. Корнакова и Ильина в Харбине находятся на разных ступенях социальной лестницы; их сближает то, что утрата родины породила утрату смысла жизни у каждой. Если Корнакова знала свое призвание, то Ильина в тот период еще не определилась со своим жизненным предназначением, но найти себя в Харбине ей не представляется возможным. С Корнаковой в Харбин приходит частичка современной русской легенды – системы Станиславского. Общение с ней, по видимому, дает Ильиной возможность убедиться в том, что благополучная в материальном отношении жизнь не является счастливой для человека, который своему призванию предпочел покой и роскошь: «Актриса. Ничего другого не умела, ничем другим не интересовалась. Она, конечно, этого про себя не знала, когда решила, выйдя замуж за Бринера, уехать с ним. Очутилась в положении дамы, жены богатого человека, и растерялась, не зная, чем занять себя, не понимая, как теперь жить» [5, 49]. Эта сюжетная линия – продолжение размышлений мемуаристки о «лишнем» и «необходимом». И Шаляпин, и Корнакова заставляют ее активно действовать в поисках «лучшей доли», которая связывается и с поисками призвания: «Я давно уже подозревала, что жизнь, которую я веду в Харбине, какая-то ненастоящая. Когда я узнала Катерину Ивановну, это подозрение превратилось в уверенность. Рядом с нею, по сравнению с нею все меня окружавшее стало казаться еще менее настоящим...» [5, 58].

Интересное исследование о Корнаковой написано А.Г. Брюхановым [2]. Александр Георгиевич привел в нем множество документальных свидетельств и воспоминаний об этой незаурядной женщине. Мы хотели бы дополнить эти сведения, процитировав маленькую записку – еще одно свидетельство значимости Екатерины Ивановны для МХАТа: «19 января 1931. Дорогие Серафима Германовна и Екатерина Ивановна. Простите, что не сам пишу. Спасибо Вам за память и чудесные цветы. Ваша память обо мне меня очень тронула. Я очень часто думал о Вас. Люблю и грущу. Ваш К. Станиславский» [8]. Как можно понять по дате (Станиславский родился 17 января 1863 г.), Константин Сергеевич благодарит актрис Серафиму Бирман и Екатерину Корнакову за поздравление с днём рождения.

Ильина принимала участие в работе драматической студии, которая была организована, чтобы занять Корнакову хотя бы видимостью любимого дела. Таким образом, молодая Наталья Иосифовна приняла участие в постановке, копирующей мхатовскую: «Сверчок на печи» был поставлен на сцене Коммерческого

собрания поздней осенью 1935 года, выдержал четыре спектакля при полных сборах очень неплохо для Харбина... Катерина Ивановна обучила нас – насколько хватило ее сил и памяти и насколько позволяла наша восприимчивость – интонациям и жестам тех прославленных актеров...» [5, 57].

Она описала в своей книге те принципы работы с актером, требования к актеру, которые были свойственны МХАТу и, соответственно, Корнаковой, которую Станиславский упоминает в числе талантливых выпускников 2 студии МХАТ [7]. Таким образом, можно утверждать, что благодаря Корнаковой театральная новизна, открытая в России, приоткрылась харбинцам.

Интересно, что М.М. Пришвин, приезжавший во Владивосток в 1931 г., в своих воспоминаниях о поездке рассказывает о китайском театре во Владивостоке. Именно рассказ о нем предваряется размышлениями Пришвина о невозможности остановиться в том пространстве, которое сейчас его окружает, о том, как манил его восток и как сейчас манит далекая Европа: «...я это своим говорю, тем, кто как я, родился и вырос в Евразии под непрерывным влиянием Востока и Запада» [6, с. 195]. Это высказывание находится в контрасте с мировосприятием, выраженным в «Дорогах и судьбах». У повествовательницы нет свободы выбора, есть только восток. И здесь, на востоке, для нее важна мысль, высказанная М. Чеховым Корнаковой: «Сколько бы вы ни ездили по свету, куда бы судьба вас ни закинула, помните – таких людей, как в Москве, не найдете нигде, в других местах таких не водится» [5, 53].

В отличие от Ильиной, осознающей слабость актерской игры студийцев, Пришвин удивлен мастерству владивостокских китайских актеров: «Игра актеров сама по себе мне очень понравилась и была неожиданна, играли отлично, без языка по хорошей игре можно было почти о всем догадаться...» [6, с. 196]. Спектакль стал для него определенным открытием, но не в области театра, а в области жизни: «Идея пьесы настолько банальна, что, конечно, дело было не в идее, дело было в том блюде жестокости, которое подавалось отличными поварами-актерами, это был именно Восток на востоке, сам по себе, а не как он представляется на Западе» [6, с. 197].

Если русскому Харбину дорого русское искусство как связь с утраченной родиной, а для мемуаристки и способ постижения своего жизненного пути, то путешественник на русском востоке интересуется чужим, через него понимая не только специфику восточного мировосприятия, но свои заблуждения относительно иной культуры.

Ильина уезжает из Харбина тремя годами позже Титовой-Шаламовой и не в Россию: «В декабре 1936 года я из Харбина уехала в Шанхай» [5, 15]. Она, в отличие от Марии, делает это осознанно и с надеждами.

При полярности реалий харбинской жизни мемуаристок искусство и русская культура, которые были получены в семье, сыграли определяющую роль в становлении обеих и важную роль в их с очень непростых удыбах. Для детства обеих характерна погруженность в русскую и европейскую культуры, местный колорит не имеет для них никакого значения. Детство Марии Титовой-Шаламовой можно назвать патриархальным русским детством, вероятно, почти таким, каким оно было у ее мамы и даже бабушки. И в нем традиционно искусство играет большую роль. Разрушение гармонии произошло впоследствии в России. Напротив, детство и юность Натальи Ильиной совсем иное, новое. Харбин для нее – место утрат и разрывов. Юная Наталья сознательно стремится лишить себя

искусства как излишества, отвергает традицию как бесполезную и потому глупую вещь. Однако именно искусство способствует постижению и гармонизации себя, соединению распавшейся связи времен и поколений.

1. Арсеньев В.К. Дерсу Узала / В.К. Арсеньев. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. – Владивосток: Рубеж, 2007. С. 397–641.
2. Брюханов А.Г. Дополнительные материалы по Бринер-Корнаковой Екатерине Ивановне. Корнакова. Судьба женщины. Судьба артистки. <http://bryners.ru/content.php%3Fmaterial%3D19> (дата обращения 21.05. 2018).
3. Забейда-Сумицкий, Михаил Иванович – Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 21.05 2018).
4. Зигзаги (Харбин, 1927–1936). URL: <http://www.emigrantica.ru/item/zigzagikharbin-19271936> (дата обращения 21.05. 2018).
5. Ильина Н.И. Дороги и судьбы. URL: <http://www.rulit.me/books/dorogi-i-sudby-read-117393-1.html> (дата обращения 21.05 2018).
6. Пришвин М.М. Золотой Рог. – Ленинград: Издательство писателей в Ленинграде, 1934. – 317 с.
7. Станиславский К.С. Моя жизнь в искусстве [Электронный ресурс]. URL: https://fictionbook.ru/author/konstantin_stanislavskiyi/moya_jizn_v_iskusstve/read_online.html?page=32 (дата обращения 21.05 2018).
8. Станиславский К.С. Письма [Электронный ресурс]. URL: <https://studfiles.net/preview/4387373/page:102/> (дата обращения 21.05 2018).
9. Титова-Шаламова Н.Е. Воспоминания / Титов Е.И. Я сын земли: в 2 т.– Амурск: Агора, Комсомольск-на-Амуре, 2016. Т. 1. С. 97–117.

УДК 821.161.1

ИСТОРИЯ ХАРБИНА В ВОСПОМИНАНИЯХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ЭМИГРАНТОВ: МЕМУАРЫ VS. МЕМОРАТЫ

Цзюй Вэй,

*член Постоянного Комитета Всекитайского
Собрания народных представителей КНР*

г. Харбин, КНР

Цзюй Куньи,

аспирант кафедры литературы и мировой художественной культуры

А.А. Забияко,

*д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник
«Центра изучения дальневосточной эмиграции», заведующий кафедрой
литературы и мировой художественной культуры*

*Амурский государственный университет,
г. Благовещенск*

Материалом исследования становятся устные истории – мемораты бывших дальневосточных эмигрантов о жизни в Китае и Харбине. Интервью были собраны в результате полевых исследований 2015–2018 гг. в Благовещенске, Москве, Санкт-Петербурге, Харбине, Пекине.

***Ключевые слова:** русский Харбин, дальневосточные эмигранты, мифологизация истории, устные истории, мемораты, мемуары, жанровое своеобразие, интервью, русские харбинцы.*

HISTORY OF HARBIN IN MEMORIES OF FAR EASTERN EMIGRANTS: MEMOIR VS. MEMORATE

Ju Wei,

Member of Standing Committee of the National People's Congress, Harbin

Ju Kunyi,

Postgraduate student of the Department of Literature and World Culture

A.A. Zabiyako,

*Doctor of Philology, Leading Researcher «Center for the Study of Far Eastern
Emigration», head of the department literature and world art culture,
Amur State University*

Oral histories – memoirs of former Far Eastern emigrants about life in China and Harbin – become material for the study. Interviews were collected as a result

of field research 2015–2018. in Blagoveshchensk, Moscow, St. Petersburg, Harbin, Beijing.

Keywords: *Russian Harbin, Far Eastern emigrants, the mythologization of history, oral histories, memoirs, memoirs, genre identity, interviews, Russian Harbineses.*

Долгое время историография дальневосточного зарубежья оставляла в стороне фиксацию устной истории эмиграции в Харбине. Это объяснялось объективными обстоятельствами: во-первых, недооценкой значимости самого предмета эмигрантологии, а тем более, дальневосточной эмигрантологии; во-вторых, довлеющим табу на эти темы; в-третьих, отсутствием развернутых письменных источников, которые в любой стране считаются «авторитетнее» устных. Потому немногочисленные воспоминания русских китайцев, в первую очередь – писателей, общественных деятелей, журналистов, были основным материалом для реконструкции специфической картины жизни русского беженства в Китае и, в частности, в Харбине (М. Волин, Ю. Крузенштерн-Петерец, В. Перелешин, Е. Рачинская, Л. Андерсен и др.)¹ [1]. Писали в основном те, кто уехал на Запад и по прошествии времени захотел вернуться воспоминаниями в ситуацию харбинской молодости. Те же, кто был репатрирован в СССР и перенес лагеря, репрессии разного рода, – либо вообще ничего не вспоминали (А. Ачаир, Н. Щеголев, М. Шмейссер), либо обратились к мемуарам довольно поздно, практически перед своей кончиной (В. Слободчиков, Л. Хаиндрова и др.).

Помимо литературной обработки материала, мемуары дальневосточной эмиграции несут на себе печать определенной мифологизации истории Харбина, жизни дальневосточной эмиграции, литературного быта. Ностальгический пафос переплетает расхожие образы-топосы мемуаров – это касается разных сторон жизни эмигрантов (религиозной, культурной, образовательной, литературной и т.д.). В результате мифологическая подоплека, присущая мемуарному жанру, соединяется с ремифологическими основами эмигрантского сознания в целом и особенностями его проявления в дальневосточном зарубежье, а затем вливается в общее русло мифологизации эмиграции. Сама история рождения, становления и исчезновения Харбина как русского города в центре Маньчжурии, на территории дальневосточного фронта, является последовательной реализацией ремифологической парадигмы «золотого века». Особое – маргинальное – *харбинское пространство* стало полем порождения особого харбинского текста, в котором последовательно реализованы топонимические, этиологические, социальные, архитектурные, литературные, политические и другие мифологемы [4].

Позитивистская установка брать на веру все, что «написано пером» эмигранта, до конца 90-х гг. прошлого века – начала 2000-х гг. господствующая в

¹ Например: Волин М. Гибель Молодой Чураевки (воспоминания) // Новый журнал. 1997. № 209; Волин М. Русские поэты в Китае // Континент. 1982. № 34; Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах) // Возрождение. 1968. № 204; Крузенштерн-Петерец Ю. Воспоминания // Россияне в Азии. 1997–2000. № 4–7; Перелешин В. Два полустанка. – Амстердам, 1987; Резникова Н. В русском Харбине // Новый журнал. 1988. № 172–173; Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. – М., 2005; Жемчужная З. Пути изгнания. – Нью-Йорк, 1987; Рачинская Е.Н. Калейдоскоп жизни. – Париж, 1990; Рачинская Е.Н. Перелетные птицы. – Сан-Франциско, 1982; Софонова О. Пути неведомые. – Мюнхен, 1980.

отечественной историографии зарубежья, способствовала однозначному и многочисленному воспроизведению тех реалий харбинской жизни, что зафиксированы в воспоминаниях М. Волина, Ю. Крузенштерн-Петерец, В. Перелешина, В. Слободчикова. При этом даже история литературно-художественного объединения «Чураевка» в этих источниках обрела весьма запутанный и субъективный характер [2, с. 170–186], что же говорить о тех воспоминаниях, которые параллельно писались на Западе и в СССР.

Мемуары эмигрантов «по ту сторону» и «по эту сторону» границы (перехавших в Америку, Канаду, Францию и «вернувшихся» в СССР), изданные в 70–80-е гг. прошлого века, как правило, принципиально отличаются идеологической установкой. О «золотом веке» харбинской юности могли писать только те, кто имел творческую свободу, кто после Харбина ощутил неприютность Шанхая, а затем оказался в полном одиночестве в разных уголках земного шара: в Бразилии (В. Перелешин), во Франции (Л. Андерсен), в Америке и Канаде. Тем, кто по собственной воле либо вынужденно попал в СССР, чтобы высказаться, необходимо было выбирать «верный тон» либо – молчать. Не случайно Н. Щеголев, искренне стремившийся в СССР, а затем прозябающий там в качестве лектора Свердловской филармонии (настоящая синекура по сравнению с лагерями и даже должностью помощника библиотекаря В.А. Слободчикова), так и не опубликовал свой автобиографический роман о Харбине «Перекресток» [9].

Потому «верный тон» мог быть только обличающим эмиграцию и эмигрантов. Так и поступила Н. Ильина, издав свою книгу воспоминаний «Дороги и судьбы» [7]. Абсолютно ясно, что не просто полемические, а негодующие интонации высказываний Ю.В. Крузенштерн-Петерец и В.А. Слободчикова в адрес Н. Ильиной оправданы в этом отношении: Н. Ильина уж слишком постаралась нарисовать в черных красках всю жизнь дальневосточных эмигрантов, в духе советской борьбы с «белобандитами», «белогвардейцами» и предателями Родины. Но постепенно становится ясным и другое – многое из этих воспоминаний снимает романтический флер с образа эмигрантской жизни: не у всех все было хорошо в Харбине, была бедность, были отчаяние и безнадежность.

Позднее на «закате» застоя в СССР, затем в постперестроечной России появляются более взвешенные и политически нейтральные работы Е.П. Таскиной («Ветка русского дерева», 1991; «Неизвестный Харбин», 1994; «Русский Харбин», 1998 и др.) и Г.В. Мелихова («Маньчжурия далекая и близкая», 1991; «Белый Харбин. Середина 20-х», 2003). Елена Петровна Таскина, сама бывшая харбинка, училась в гимназии ХСМЛ, была лично знакома с А. Ачаиром, затем с его супругой, в советское время была вхожа в семью В.А. Слободчикова. Она первая приступила к изданию редких материалов о Харбине и художественных текстов дальневосточных эмигрантов. Историк-китаевед Георгий Васильевич Мелихов – также уроженец Харбина. Они родились и выросли, учились в Харбине «в то самое» легендарное время (до середины 50-х гг.), знали многих известных харбинцев либо слышали о них, стали свидетелями знаковых событий харбинской истории. Кроме того, эти ученые в дальнейшем получили хорошее образование в СССР, имеют авторитет в научных кругах.

Между тем уникальная история дальневосточного зарубежья и, в первую очередь, русского Харбина не может быть понята сквозь призму лишь нескольких (пусть даже авторитетных) источников. Тем более, когда речь идет об источниках мемуарного характера. Русского Харбина более нет, в Харбине

не осталось совсем его русских жителей, реалии жизни в нем – исключительно китайские. Потому устные свидетельства о жизни в этом городе в первой половине XX в. обладают непреходящим значением человеческого документа, «уходящей натуры». В этом смысле методология исследования устной истории Харбина может быть сродни исследованию устной истории бывшего СССР. Именно о таком подходе говорила Н.Н. Козлова, записывая устные истории бывших советских людей после распада СССР: «Работа с человеческими документами принуждает к пребыванию в зазоре между реальностью и фактичностью практик и абстрактностью теоретического мышления. С одной стороны, имеешь дело с людьми. Любая жизнь неповторима, имеет смысл. Любая жизнь – ценность. Невозможно уйти от ощущения ее значимости и ценности, огромной для того, кто эту жизнь прожил. Ощущение единственности жизни не уменьшается по мере того, как описываешь ее; скорее даже усиливается. Возникает соблазн следовать ритму жизни, которую описываешь. Малейшая подробность кажется драгоценной» [8, с. 28–29].

Жизнь каждого русского харбинца, несмотря на общность судьбы, обладает самоценным индивидуальным смыслом и наполнена самоценными личными воспоминаниями о Харбине. Но в сумме эти индивидуальные судьбы и впечатления вкупе с мемуарами способны составить наиболее правдоподобный текст о русском Харбине. К сожалению, понимание этого пришло к исследователям слишком поздно. Один из авторов этой статьи многие часы провела в общении с В.А. Слободчиковым и не записал этих бесед на диктофон. Да и сами харбинцы не совсем четко осознают цели фиксации подобного рода устных историй. Так, Е.П. Таскина во время беседы, уже будучи настроенной на устный текст, постоянно повторяет фразу о том, что она «все написала в книгах», Л.А. Соколова сетует на то, что для записи «устной истории» пригласили ее, а не Е.П. Таскину – «самого известного историка Харбина», и т.д.

Данный материал представляет результат 5 международных фольклорных экспедиций 2015–2018 гг. (ноябрь 2015, участники: Цзюй Куньи, Я.В. Зиненко, С.Н. Левашко [5, с. 353–364]; июнь 2017, участники: Цзюй Вэй, Цзюй Куньи, С.Н. Левашко, А.А. Забияко, Чжан Жуян; ноябрь 2017, участники: Цзюй Куньи, С.Н. Левашко, А.А. Забияко; июнь 2018, участники: Цзюй Куньи, С.Н. Левашко; ноябрь 2018, участники: Цзюй Куньи, Чжоу Синьюй) в г. Москву, Санкт-Петербург, где проживает значительное количество бывших дальневосточных эмигрантов, связанных между собой дружескими узами¹.

Участники экспедиций собирали устные истории в разных обстоятельствах: в непосредственной беседе дома, за чашкой чая (Санкт-Петербург, Москва, 2015–2018), в теплой атмосфере Дома русского Зарубежья (Москва, 2017), во время встречи китайской делегации с петербургскими эмигрантами в Доме журналистов (Санкт-Петербург, 2017). Как правило, все наши собеседники – бывшие русские эмигранты или их дети, в основном это женщины возраста 75–90 лет, жительницы г. Москвы, Санкт-Петербурга, русские или метисы.

Цели сбора полевого материала были каждый раз разными, это определило выбор тем, составление вопросников, содержание ответов. В данной статье мы делаем выборку рассказов об истории Харбина.

¹ В данной статье мы не касаемся текстов, собранных в г. Харбине, Пекине, Благовещенске – это материал отдельного исследования.

Почти все наши собеседницы (милые дамы, относящиеся с уважением к своему возрасту и своему знанию) родились в Харбине, закончили там школы или гимназии, многие получили профессию (среднее, чаще – высшее образование), некоторые даже успели поработать и выйти замуж. Их родители оказались в Китае по разным причинам: кто-то в начале XX в. приехал работать на КВЖД и остался там после революции в качестве уже советского служащего либо эмигранта; кто-то после 1917 г. участвовал в белом движении, Ледяном походе, а затем чудом выжил и добрался до Харбина или Шанхая; кто-то приехал в Китай «по партийной линии». Все семьи пережили многочисленные исторические потрясения, в частности, годы японской оккупации. Затем, после 1945 г., когда советские войска освободили Китай, начался постепенный процесс репатриации и дальнейшего рассеяния русской диаспоры из Китая (в данном случае – в СССР).

Инна Иннокентьевна Медведева (1923 г.р.) родилась в г. Благовещенске, семья эмигрировала в Харбин в 1929 г. Гимназию закончила в 1940 г. В 1941 г. поступила в Колледж Христианского Союза Молодых Людей (ХСМЛ), в 1943 г. закончила. В 1946 г. вернулась в СССР. В настоящее время живет в Санкт-Петербурге.

Елена Петровна Таскина (1927 г.р.) родилась в Харбине, из Китая уехала в 1955 году. Окончила гимназию и колледж в Харбине, затем окончила институт в России. Её родители не были политическими эмигрантами – дед приехал на КВЖД в начале XX в., женился, там родилась ее мать. Е.П. Таскина представляет собой третье поколение харбинцев. В настоящее время живет в г. Москве.

Татьяна Васильевна Чайкина (1927 г.р.) родилась в Харбине в 1927 г. Семья переехала в Харбин из-за революции, отец участвовал в белом движении. Училась в школе, затем закончила Медицинский техникум Красного Креста в Харбине. В настоящее время живет в Санкт-Петербурге.

Вера Николаева Пан (1929 г.р.) родилась в г. Харбине в русско-китайской семье. Её отец был коммерсантом (предпринимателем). Родители познакомились и поженились в России, в конце 1913 г. вместе приехали в Китай. Вера училась в русской школе. В 1959 г. вместе с мужем-китайцем выехала в СССР. В настоящее время живет в Санкт-Петербурге.

Ольга Викторовна Загоскина (1935 г.р.) родилась в Харбине. Отец был сыном богатого купца (в Санкт-Петербурге). Семья эмигрировала в Харбин в 1930-м г. Училась в Средней школе № 3, затем поступила на работу в Харбинский политехнический институт. В настоящее время живет в Санкт-Петербурге.

Таут Маргарита Павловна (1936 г.р.) родилась в Харбине в семье русских эмигрантов. Её отец – выпускник Хабаровского Кадетского корпуса, после революции оказался сначала в Шанхае, потом переехал в Харбин. Мама – дочь полковника русской Императорской русской армии, участника Русско-японской, Первой мировой войны и Гражданской войны. Её семья с бабушкой в 1920-м году эмигрировала в Харбин в Китай. Маргарита окончила советскую школу в Харбине в 1954-м г.. Работала в Хэйлунцзянском университете. В 1960-м г. со своей семьей переехала в Ташкент, в настоящее время живет в Москве.

Соколова Людмила Александровна (1940 г.р.) родилась в Харбине, в семье караимов и оренбургских казаков. Училась в советской школе. Репатрировалась с семьей на целину. В настоящее время занимается библиографией истории русского Харбина.

Так как многие наши собеседницы долгое время общаются между собой, находятся в переписке с харбинцами из других российских городов, читают эмигрантские издания и книги по истории и культуре дальневосточной эмиграции, публикуются там («На сопках Маньчжурии», «Австралиада», мемуары Е.А. Таскиной, Г. Мелихова и т.д.), они погружены в общий контекст воспоминаний, разговоров об их прошлом, детстве и юности. Кроме того, полученные ими профессии также определяют культурные запросы и познавательные устремления. Бывшие харбинки ощущают себя носителями очень важной для сохранения потомками информации, потому весьма ответственно относятся к сказанным словам.

Перечисленные обстоятельства накладывают на тексты устных историй определенный жанрово-стилевой, композиционный, прагматический отпечаток. Речь наших информантов выстроена в соответствии с нормами литературного языка. Кроме того, некоторые из них оставили письменные воспоминания, кто-то повторял свои нарративы несколько раз перед разными аудиториями.

Помимо того, что устная история существенно дополняет и корректирует письменную, устные воспоминания обладают самоценным художественным значением как жанр фольклора. Устные рассказы-воспоминания, воспроизводящие личные впечатления о событиях, участником или очевидцем которых был рассказчик, в фольклористике обозначаются термином меморат [6, с. 93]. Как считает И.А. Голованов, «от преданий меморат отличается минимальной степенью обобщения жизненного материала, однако в нем в той или иной степени задействуется фольклорный мотив или образ, который и позволяет меморату в будущем «оторваться» от конкретного рассказчика, обрести относительную стабильность сюжета, подвергнуться дальнейшей фольклоризации» [1, с. 89–92]. Исследователь, занимающийся городским фольклором, отмечает, в частности, что мемораты являются важным источником пополнения фонда фольклорной прозы: в них происходит первоначальный отбор фактов реальной действительности, важных для носителей фольклора. Такой отбор осуществляется уже в самом коммуникативном акте, в процессе устной передачи впечатлений участника или очевидца событий другому человеку. Моменту рассказа, в свою очередь, предшествует отбор информации в сознании говорящего – через эмоции, чувства. Из множества разнообразных жизненных впечатлений выбирается материал, который, по мнению информанта, заслуживает того, чтобы быть рассказанным: он произвел сильное впечатление на самого рассказчика; заключенная в нем информация может быть полезна и интересна слушателю; события прошлого находят свое созвучие в настоящем [1, с. 89–92].

Мемораты о Харбине мы рассматриваем как жанры городского фольклора, бытующие в среде бывших дальневосточных эмигрантов и служащие средством идентификации это социокультурной группы. Как любые мемораты исследуемые нами тексты характеризуются системой устойчивых идей-лейтмотивов. Отчасти они определены логикой вопросов собирателей, возрастом собеседников, но, сочетая в себе общие моменты, имеют и индивидуальные особенности.

Предварительно можно сказать о том, что устные истории информанток, не публиковавших свои воспоминания, отличаются большей развернутостью, нежели истории «пишущих» харбинок (Е.П. Таскина, М. Таут). В целом, все соб-

ранные мемораты в меньшей степени содержат элементы фольклоризации, приближаясь к «свидетельским показаниям» (А.П. Липатова).

Практически все устные истории включают в себя следующие тематические блоки: воспоминания о предках (бабушки и дедушки, родители), о том, как семья оказалась в Китае и Харбине; рассказ о составе семьи; образование; воспоминания о жизни в Харбине; праздники и религиозная жизнь; русские и китайцы.

Рассказы о том, как семья оказалась в Китае, в Харбине, создают довольно пестрое полотно разных обстоятельств социального, политического и экономического характера. Перед нами в хронологической последовательности выстраивается история освоения русскими Северной Маньчжурии, связанная с началом строительства КВЖД, открывающимися экономическими свободами, создающимися русско-китайскими браками, а затем вынужденным бегством русских в Китай после революции, Гражданской войны и в 30-е гг.:

«Родители мамы приехали в Мукден в начале XX в. У бабушки с дедушкой было семеро детей. Старший сын Костя и дочь Маруся остались в России, они к тому времени обзавелись семьями. Тетя Маруся была замужем за военным, и так сложилось, что знать она нас не желала до самой смерти, считала нас врагами народа. Маму звали Клавдия Филипповна. Родилась она в 1901 г. в Терской области в местечке Чирюрт. Отца звали Михаил Титович. Причину переезда в Китай я не знаю. Когда была молодая, меня это не интересовало» [М.М. Дружинина]. «Дедушка – мамин папа. Он приехал в Маньчжурию ещё в начале века, XX века, на строительство дороги. Мы не были эмигрантами политическими. Мы были жителями, русскими жителями Маньчжурии, потому что моя мама там тоже родилась. Так что я как бы уже третье поколение. Там были разные русские. Дедушка приехал на работу. Работал на железной дороге КВЖД» [Е.П. Таскина].

«Пришли советские. Когда организовали Советский Союз, все же были монархисты. Их же знаешь сколько. Мы когда жили в Трёхречье сколько увезли молодых людей. [Т.В. Чайкина]. «Папа жил в Китае, был коммерсантом (предпринимателем). В г. Гирине имел свою скорняжную фабрику, – приезжал на Дальний Восток России: Благовещенск, Владивосток, Хабаровск, Чита купить пушнину. Мама – уроженка города Вятка (ныне Киров).

Мама с папой познакомились г. Чите в доме у общих друзей. Когда родители решили пожениться, мама стояла на условии, что жить они будут в России. Родители договорились, что поедут вместе в Китай, папа продаст свою недвижимость, и они вернутся в Россию. В Китай родители приехали вместе в конце 1913 г., а в 1914 г. началась Первая мировая война, вскоре наступил 1917 г. – революция в России, а вслед за ней «железный занавес». Так до 1959 г. мама осталась жить в Китае» [В.Н. Пан].

«Отец закончил Хабаровский Кадетский корпус и не успел закончить юнкерское училище во Владивостоке. Их вывезли сначала в Шанхай, потом он *<отец М.П. Таут>* переехал в Харбин. Мама моя – дочь полковника русской императорской, нашей русской армии, участника русско-японской, I Мировой и потом Гражданской войны. Дедушка в Харбине в 40-е [1940-е] гг. И вот он вывез, с ним приехала. А, вот, он во время I Мировой войны, бабушка к нему [деду] на фронт приезжала. А это семья, которая с ним в 20-м [1920] г. эмигрировала в Харбин в Китай, это 20-й [1920] г. Это примерно 35-й [1935] г.» [М.П. Таут]

«Когда начали власти "прижимать", к отцу стали приходиться интересоваться им: что он за человек? Откуда? Отец понимал, что скоро за ним придут, заберут и расстреляют. Тогда папа решил бежать из страны в Китай. Как бежать, я не знаю, но знаю, что раньше были специальные проводники-китайцы, которые специализировались на переводе через границу людей. Так отец перешел границу через Китай, устроился в г. Харбине. Люди приходили и спрашивали про отца, мы говорили, что не знаем, где он, уехал куда-то.

В 1930 г. пришел китаец и сказал: "Мадама, собирайся, капитана прислал забирать вас". Мы с мамой быстро собрались, китаец нас повел. Сначала мы ехали поездом, где не опасно еще было, затем шли пешком, привел нас китаец на станцию Пограничная, там перешли обходами через лес на китайскую сторону. На китайской стороне нас встретили китайцы, сразу накормили, точно не помню, но вскоре отец сам приехал за нами, привез в г. Харбин» [И.И. Медведева].

«Папа мой приехал в Харбин в 1930 г. Он был сыном богатого купца, ну то есть торгового человека, у которого было много магазинов, домов частных – вот таких больших домов, ну, конечно, в центральной части Петербурга. Но когда случилась революция, всё у него отняли и они стали бедными, а его сестра моего отца ещё до революции уехала, выйдя замуж тоже за торгового человека, за богатого. Уехали они молодые в Харбин и вывезли туда деньги, которые им дал отец, когда она вышла замуж. И они там хорошо устроились, хорошо жили» [О.В. Загоскина].

Рассказы о школьных годах дают возможность понять, какие разнообразные возможности давал Харбин детям школьного возраста независимо от их национальности и вероисповедания. Родители могли выбрать, какую систему образования они предпочитают в соответствии с политическими и просветительскими установками. «Когда мне исполнилось 7 лет, я пошла в школу. Гимназию я закончила в декабре 1940 г. Учителя были изумительные, все эрудированные, с высшим образованием. Некоторые учителя приехали во время строительства КВЖД, позже стали приезжать эмигранты из России. "Первая мама" в начальной школе, которая учила нас первые 4 года, окончила университет в Германии. <...>Распорядок в школе был, как в царской России. Перед началом занятий все обязательно молились. Школьная форма состояла из коричневого платья, черного фартука, белый воротничок и манжеты, праздничная форма: белые пелеринки, белый фартучек – гимназическая традиционная форма» [И.И. Медведева].

«Всю жизнь я прожила в Харбине. Там получила образование. И гимназию, и колледж. УМСА колледж я окончила в Харбине. Был до 1945 года в Харбине. Знаете такой? Это американский и английский термин. Найдете по словарю потом. Я окончила там колледж» [Е.П. Таскина]. «Я закончила Вторую полную Школу и Медицинский техникум в Харбине Красного Креста в 1952 г.» [Т.В. Чайкина]. «Я училась в г. Харбине, ходила в русскую школу, хотя и учились в ней чехи, поляки, грузины, армяне, китайцы, очень много было украинцев, белорусов. В школе самым большим праздником считалась Пасха и рождество, обязательно в праздничной школьной форме; в платье или с причёской прийти не разрешалось» [В.Н. Пан]. «Когда мне было 4 года (1937 г.), папа умер и семья переехала в Дальний, его по-японски называли Дайрэн. Там и начала учиться. При клубе была школа. Потом открылась "Российская гимназия", как сейчас помню, – это было двухэтажное здание. Мне удалось продолжить учебу в

этой гимназии. Обучение было бесплатное. В школе одноклассники называли меня Мусей. Конечно, русских в Дальнем было не так много, как в Харбине» [М.М. Дружинина].

«Я училась в третьей советской средней школе. Сначала я поступила в первый класс в 1943 году, уже японцы там были. А у японцев учебный год начинается в январе. <...> мне семь с половиной лет было, когда в частную школу поступила на подготовительное отделение, там так называлось. Надо было 3 или 4, сейчас не помню, класса закончить, а потом уже в гимназию» [О.В. Загоскина]. «В Харбине пошла учиться в 46-м [1946] г. в советской школе, по советской программе, но учителя были местные харбинцы, окончила в 54-м [1954] г., когда была объявлена целина» [М.П. Таут].

«Мы уже учились по советской программе. Уже была советская школа. Было уже 4 школы в Харбине, после 45 [1945] г. Школы советские были после 45 [1945] г., 4 школы: №1, 2, 3 и 4 в разных районах [города]. Китайский язык, я вот помню очень хорошо, у нас был сначала, сеньшен [Xiānshēng] Е его звали, такой пожилой китаец, он знал очень хорошо русский язык и китайский язык, первый был учитель китайского языка» [М.П. Таут].

«Значит, я уже буду краткой [в рассказе о себе], я уже представлялась Людмила Александровна Баландина [фамилия родителей]. Соколова [фамилия по мужу] – это я сейчас, вообще Баландина. Родилась я в 1940-м г. в Харбине. Мама моя, я очень кратко о своих родителях, мама моя из большой караимской¹ семьи, которая переехали. Фабрика «Лопато»² слышали? Вот те [братья Лопато] тоже были караимами. Мои предки по линии мамы караимы, по линии отца оренбургские казаки³ и встретились они [родители] в Харбине. Я окончила 7 классов 3-й советской средней школы, нас было 19 девочек, у нас был женский класс. В 1998 году в Москве руководитель нашей ассоциации Мелихов⁴, проводил 1 международную научную конференцию. На этой конференции меня узнала моя соученица Наташа Заика. Фамилия [Заика] довольно известная, потому

¹ Караимы – немногочисленная этническая группа, происходящая от тюркоязычных последователей караимизма в Восточной Европе.

² Табачная фабрика «Лопато» в Харбине – табачная фабрика А. Лопато. Основали ее российские коммерсанты братья Лопато (старший брат Е. Лопато и младший А. Лопато).

³ Оренбургские казаки – социальная и историческая общность, представители которой живут вдоль рек Урал, Орь, Сакмара, Миасс, Уй, Тобол.

⁴ Мелихов Георгий Васильевич – крупный русский историк-китаевед, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Родился в Харбине в 1930 г. в семье инженера – строителя КВЖД. Учился в Лицее Св. Николая в г. Харбине, Харбинском политехническом институте. Затем преподавал русский язык в Пекинском университете. По возвращении на Родину (в 1955 г.) окончил Московский государственный университет (Институт восточных языков), был внештатным переводчиком ряда центральных издательств Москвы («Гослитиздат», «Географгиз», «Детгиз», «Молодая гвардия»). В 1959–1970 гг. Мелихов становится сотрудником Института китаеведения (ИВ) АН СССР, в 1970–1979 гг. работает в ИМЭМО АН СССР, а с 1979 г. Мелихов становится ведущим научным сотрудником ИИ СССР (ИРИ РАН). С 1984 г. Георгий Васильевич является действительным членом Русского географического общества, а с 1993 по 1997 гг. являлся председателем Ассоциации «Харбин–Москва».

что ее брат Коля Заика принимал участие в перезахоронении Каппеля¹, жил в Харбине и отсудил свой дом, то есть фамилия [*Заика*] на слуху. Николай Заика – он долго жил в Харбине, до последнего времени, потом улетел в Австралию. Так, вот, с его сестрой я училась. И с 98 [1998] г. я узнала, что половина моего класса 7-го, девочки живут в Австралии, мои подружки детства, я с ними не училась, просто очень дружила» [Л.А. Соколова].

Работа в Китае, затем в СССР. «После окончания колледжа я осталась работать в библиотеке колледжа, где проработала до 1945 г. В 1945 г. в Чаньчуне в русский Дальбанк приехали демобилизованные советские офицеры работать. Им понадобились русские девочки в штат, и мы пошли туда работать русскими машинистками» [И.И. Медведева].

«Работала доцентом в институте, преподавала. Я была руководитель кафедры и декан. Так много занималась. Но я решила, что мне надо остаток жизни писать. Меня воспоминания разрывали. Поэтому я довольно рано ушла на пенсию и стала писать книги» [Е.П. Таскина].

«Работала я на электрокабельном заводе. Я вам давала эту справку об увольнении. Полтора года там проработала. Нас репатриировали, репатриация всех русских, кто желал, кто куда хотел уезжать» [Т. В. Чайкина].

«После окончания школы меня сразу пригласили работать в китайскую среднюю школу – преподавать русский язык. В 1949 г. была образована КНР, активно налаживались связи с СССР, китайцы упорно и быстро стали изучать русский язык. Также я закончила Медицинский институт по специальности фармацевт-провизор, но по специальности в Китае не работала. Преподавала в г. Харбине до 1954 г. В этом же году я вышла замуж за китайца, и мы с мужем переехали в г. Ханчжоу, где нас пригласили в Педагогический университет. Мы с мужем преподавали русский язык, но разница была в том, что я преподавала на основных факультетах, а муж преподавал русский язык как иностранный» [В.Н. Пан].

«Я поступила на работу в Хэйлунцзянский университет. Сначала он назывался Институт иностранных языков, а потом его преобразовали в Хэйлунцзянский университет» [М.П. Таут].

«В 60-м [1960] году я и дед, бабушка. Вот дедушка, вот этот [*указывает на фотографии*] и здесь бабушка репатриировались по индивидуальному разрешению к брату мамы. Вот он [*брат мамы*] здесь маленький, а здесь он сидит, он стоит Юра. Он [*брат мамы*] жил уже в это время в Ташкенте со своей семьей, и мы переехали в Ташкент. В СССР, тогда это был Узбекистан. Там [*в Ташкенте*] уже я закончила Институт иностранных языков, работала переводчиком техническим, потом референтом.

Потом окончила Ленинградский университет, факультет психологии, в аспирантуру по психологии и работала как социолог-исследователь. Занималась исследованием в архитектуре, в области социологии архитектуры и градостроительства. Позже где-то с 83 [1983] г. ушла на педагогическую работу в Ташкенте. В 99-м [1999] г. я переехала в Подольск², после того как Узбекистан стал самостоятельной [переехала в Россию]. Дальше продолжала свою педагогическую деятельность уже в России, работала в разных вузах, занималась практической

¹ Каппель Владимир Оскарович – русский военачальник, участник Первой мировой и Гражданской войны. Один из руководителей Белого движения на Востоке России.

² Подольск – город в Московской области России.

психологией. С июня прошлого года уже не работаю. Занимаюсь, так сказать, работой с журналами, сотрудничаю с журналом» [М.П. Таут].

«По профессии я библиотекарь, поэтому меня что интересует: книги, газеты, журналы и всё, что связано с прошлым Харбина естественно. Еще хочу сказать, что моя мама работала сначала в отделе кадров, а затем в библиотеке Харбинского политехнического института [ХПИ], который я вспоминаю просто с благодарностью. Харбинский политехнический институт, работала в библиотеке, выдавала книги. Вот на этой фотографии 54-й [1954] г: мама, я и брат. Фотография на визу, когда мы выезжали в Советский Союз, на освоение целены, это харбинская фотография. Вот это мама. Это харбинская художественная самодеятельность, институтская, в институте, харбинская. Это мама. Это я принимала участие, там же могли принимать участие и дети. Вот на этой фотографии женский коллектив института [ХПИ]. И что Вы себе думаете, вот эта фотография, я увидела её, когда приехала на выставку, вот сюда в Дом русского зарубежья, года 4 тому назад» [Л.А. Соколова].

Отношения с китайцами. «У нас в классе учились несколько китайских девочек и мальчиков. Это другая статья. Они получили прекрасное русское образование и потом работали переводчиками. Это другое дело. А так нормальные. Я же говорю, наши отношения складывались по такой хозяйственной необходимости. Но потом, потом, когда началось вот это движение трёхпунктовое, пять пунктов движение, политические, то стали убирать профессоров, китайцев между собой. Вот тогда хунвэйбиновское движение, которое Мао Цзэдун, как сказать, запустил – уничтожение буржуазного мышления и всё. Ну политика. Это был страшный период. Мы немножко там были, до начала 50-х гг. Мы это уже видели немножко. Очень жалко. Потому что много. Не только собор разрушили. Они разрушили много китайских замечательных старых свидетельств старой эпохи, понимаете. Так что это политика, она мешает» [Е.П. Таскина].

«С китайскими детьми всегда дружили и никогда не различали: еврей, китаец, украинец или поляк. Мы все дружили, все мы были одной компанией» [И.И. Медведева]

«С китайскими друзьями мы, конечно, были близки, но как-то разъединял язык, трудно было изучать, или – не совсем так: язык был и не нужен китайский, китайцы приспособивались к русским, они могли на "ломаном" языке многое рассказать, это была деловая часть города, обслуга, продавцы, но и личные связи были» [В.Н. Пан].

«Мы немного общались с китайцами, но отношения были хорошие, доброжелательные. Например, на Пасху трезвонили колокола целый день, ведь было столько соборов, столько церквей, а китайцы относились к этому лояльно, не возмущались. Русские чувствовали себя хозяевами в этом городе» [М.М. Дружина].

«Вы знаете, это было интересное сосуществование двух культур. Потому что, известно, что русский Харбин – это была, в общем, такая русская община. Очень многочисленная [*русская община в Харбине*], которая жила по своим традициям, пользовалась русским языком, училась на русском языке, работа преимущественно на русском языке. Такой необходимости изучать китайский язык для того, чтобы найти работу, такого не было, где-то примерно до 52 [1952] г. начиная и позже, до этого такой необходимости не было.

Китайцы работали тоже и на железной дороге и на предприятиях. Фирма «Чурин»¹ известная. Дедушка работал мой там 20 лет [в фирме «Чурин»], в декоративном отделе, витрины оформлял, а потом на заводе пивоваренном за городом был заведующим хозяйством. Там [на пивоваренном заводе за городом Харбином] были сотрудники китайцы, но они, как правило, владели русским языком, в той степени, в которой нужно было по должности. Там [в фирме «Чурин»] были виртуозные портные, блестяще шили одежду. Фирма «Чурин», там можно было заказать одежду. Блестяще шили, быстро, хорошо, профессионально [китайские сотрудники]. Прекрасные были продавцы в гастрономическом отделе китайцы, но они тоже говорили на русском языке, в пределах своих обязанностей» [М.П. Таут].

Праздничная культура. «Праздники отмечались русские, чаще религиозные: Пасха, Рождество. Китайские праздники не отмечались, только принималось участие в шествии в г. Харбине по Китайской улице. Китайский Новый год, во время которого люди, переодетые в драконов, ходили по улицам на ходулях. После основания "марионеточного" государства Маньчжоу-Го японцы делали попытки ввести свои праздники, но они в русской среде не прижились. Русская православная церковь. В Харбине было их 26. Мы обязательно соблюдали пост, всегда причащались» [И.И. Медведева].

«<Отмечали> все церковные праздники. Особенно отмечали мы Рождество и Пасху. Особенно Пасху я хорошо помню, потому что всегда ходили к заутрене. Это был Дом милосердия. Может быть, кто-то из наших. Но я думаю нет. Там как раз, между прочим Епископ Нестор потом приехал в Новосибирск и служил здесь уже. Также его арестовывали, что-то где-то он. Но его отпустили. Потом он приехал очень больной в Новосибирск. И регент, который руководил духовным хором у него в Харбине, потом в Новосибирске он руководил хором в церкви, которая сейчас там находится. Похоронен он в Москве, Нестор. Он миссионером был. Он был на Камчатке. И ухаживал, ну ухаживал, духовно ухаживал за этими больными лепрозорией. Неизлечимая болезнь такая есть. Страшная болезнь лепрозория. И он там в службе служил на Камчатке. А китайские китайцы отмечали. Мы с ними вместе...» [Т.В. Чайкина].

«Отмечали в основном православные праздники: Рождество, Троицу. День Ангела – именины, день рождения считали второстепенным праздником. Мы посещали Русскую православную церковь, где богослужение служилось на русском языке. Русская православная церковь устраивала концерты духовной музыки, оказывала различную помощь материальную и духовную» [В.Н. Пан].

«<Отмечали> как и все русские. Тогда очень много русских <праздников> было. Пасха, Рождество и Масленица! Правильно, да. Ну и потом, когда началась советская власть уже, то мы, пожалуй, там не праздновали так, как мы здесь уже, когда сюда приехали, начали праздновать 8 марта, 1 мая, 7 ноября. Это мы начали праздновать уже здесь. Там мы не праздновали» [О.В. Загоскина].

¹ «Чурин и К^о» – историческая универсальная торговая фирма, существовавшая на Дальнем Востоке Российской империи и Маньчжурии в конце XIX – начале XX в., основанная сыном иркутского купца I гильдии Иваном Яковлевичем Чуриным (16.10.1833–30.04.1895).

«Мы посещали Русскую православную церковь, где богослужение служилось на русском языке. Церковь устраивала концерты духовной музыки, оказывала различную помощь, материальную и духовную» [В.Н. Пан].

«Ёлки на Рождество в Харбин. Все советские авторы, все путают: новогодняя елка – она рождественская всегда была. Перед Пасхой на Вербное воскресенье все продавали пучочки, аккуратненькие, красивые пучочки вербы. Яйца красили на Пасху. На Троицу продавали пучочки травы, потому что клали на пол» [М.П. Таут].

О Харбине и его месте в истории. «Русский Харбин – это не политический, не административный термин. Это просто атмосфера. Там жили поляки, евреи. Все говорили по-русски. Музыка была одна для всех. Там были русские преподаватели. Так история сложилась, что приехали, когда дорогу построили инженеры. Потом туда приехало много интеллигентных людей. И вот от них и пошло: русские школы, церкви (православные, допустим). Дальше спорт, театр, оперетта» [Е.П. Таскина].

«Харбин – русский город, по стилю, по жизни. Мы жили, окруженные европейцами, большей частью русскими. Можно увидеть, что город строился постепенно в русском стиле» [В.Н. Пан].

Мы представили небольшую часть фрагментов устных историй о Харбине. В данной статье мы не будем подробно анализировать жанрово-стилевое своеобразие мемуаров о Харбине как фольклорных жанров – это предмет отдельного диссертационного исследования одного из авторов статьи (Цзюй Куньи, научный руководитель А.А. Забияко). Для нас в настоящее время важно систематизировать эти материалы как целостный контент устной истории Харбина. Именно такой подход интересует в настоящее время ученых России и Китая, работающих над общим издательским проектом «История и культура Харбина в устных историях дальневосточных эмигрантов» («Центр изучения дальневосточной эмиграции», А.А. Забияко, Цзюй Куньи – Департамент краеведения пр. Хейлунцзян, Чжао Инсюэ, Цзюй Вэй).

Впереди – обработка устных историй австралийских харбинцев, «китайских» харбинцев, тех, кто остался жить в Китае в русско-китайском браке или вернулся в Китай после долгих странствий. Сравнительный анализ этих «человеческих документов», сопоставление их с письменными источниками, архивными материалами и историческими документами имеют большой потенциал реконструкции целостной истории «русской Атлантиды», где русские, китайцы и другие народы жили вместе, – уникального международного города Харбина.

1. Голованов И.А. Устный текст-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2 (293). Филология. Искусствоведение. Вып. 74. С. 89–92.

2. Забияко А.А. Мемуары русских харбинцев: мифологизация истории vs. история эмиграции // От Бунина до Пастернака: Русская литература в зарубежном восприятии. – М.: Русский путь, 2011. С. 247–265.

3. Забияко А.А. «Дело о «Чураевском питомнике» (новые штрихи к известной истории харбинского поэтического объединения) // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6. С. 170–186.

4. Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2015. – 503 с.
5. Зиненко Я.В., Цзюй Куньи. «Мы жили в Харбине, как при царской России»: социокультурные и этнокультурные процессы 10-50 гг. XX в. в сознании дальневосточных эмигрантов // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур / под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко; пер. на кит. и англ. Е.В. Сенина. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. Вып. 11. С. 353–364.
6. Зуева Т.В. Русский фольклор: словарь-справочник. – М.: Просвещение, 2002. – 334 с.
7. Ильина Н. Дороги и судьбы / предисл. В. Жобер, А. Латыниной. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 766 с.
8. Козлова Н.Н. Советские люди: сцены из истории. – М.: Европа, 2005. – 544 с.
9. Щеголев Н. Победное отчаянье: сочинения / сост. Вл. Резвый, А. Забияко; под ред. Вл. Резвого; послеслов. А.А. Забияко. – М.: Водолей, 2014. – 352 с.

УДК 821.161.1

КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ОЦЕНКЕ КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ

Лю Ши,

аспирант кафедры литературы и мировой художественной культуры

*Амурский государственный университет,
г. Благовещенск*

Представлен анализ исследований китайских ученых начала XXI в., посвященных культуре и литературе дальневосточной эмиграции. Автор останавливается на трудах 3 концептуально значимых для эмигрантологии ученых: Ли Яньлин, Ли Иннань, Ли Мэн. В данных работах определены аксиологические аспекты культуры и литературы дальневосточного зарубежья; выявлена специфика художественной рецепции русскими писателями и поэтами китайской культуры; даны современные оценки российско-китайского взаимодействия в Харбине и по линии КВЖД в первой половине XX в.

Ключевые слова: *КВЖД, эмиграция, русский Харбин, культура русской эмиграции, литература русской эмиграции.*

CULTURE AND LITERATURE OF RUSSIAN EMIGRATION IN THE EVALUATION OF CHINESE SCIENTISTS

Liu Shi,

*postgraduate student of the Department of Literature and World Culture
of the Amur State University,
Blagoveshchensk*

This article is an analysis of the culture and literature of emigrations from the far east by Chinese scholars in the early 21st century. The author mainly studies the works of Li Yanling, Li Yingnan and Li Meng, three important scholars of Russian overseas Chinese. In these works, it reveals the role of the far east expatriates in Chinese culture and literature. It defines the characteristics of Russian writers and poets in absorbing Chinese culture and art. In the first half of the 20th century, the realistic evaluation of the influence between Russia and China.

Keywords: *Middle East railway, Russian expatriates, Russian style Harbin, Culture of emigration, Literature of emigration.*

К концу 1990-х гг. – началу 2000-х гг. научный мир Китая только приступил к исследованию культуры и литературы дальневосточной эмиграции [8, с. 94]. Главным достижением этого периода можно считать начало исследований культуры и литературы русской эмиграции в Харбине. Непреходящее значение

для последующих поколений сыграла библиография, созданная харбинским русистом Дяо Шаохуа [1, с. 57–60], и его публикации, посвященные литературе русского Харбина и, в частности, работе литературного кружка «Чураевка» [2, с. 67]. Прекрасное знание русского языка и русской литературы, владение архивными материалами, традиционное китайское уважение к библиографированию позволили ученому внести существенный вклад в изучение данной темы [2, с. 68].

В последние десятилетия многие ученые Китая сосредоточились на изучении культуры и литературы русской эмиграции на Дальнем Востоке. Среди этих работ особенное место занимают те, что связаны результатами долгой работы с архивными источниками и базируются на глубоком понимании закономерностей развития литературного процесса, а также уловлении связи литературных феноменов и идеологических аспектов развития общества.

Важную роль в развитии китайской эмигрантологии сыграла деятельность ученого и собирателя художественных и публицистических текстов Ли Яньлина.

В предисловии к «Серии литературы русских эмигрантов в Китае. В 5 томах» Ли Яньлин подчеркивает, что культура русской эмиграции в Харбине имела свои уникальные особенности развития. Он сравнивает культуру русской эмиграции в Харбине с культурой эмиграции во Франции, Германии и других европейских стран, находя существенные различия [4, с. 3].

Ли Яньлин объясняет специфику развития эмигрантской культуры в Харбине уникальным экономическим положением этого города, ставшего центром КВЖД. Именно после подписания Российско-Китайского договора начинается строительство КВЖД, которое в значительной степени повышает условия развития Северо-Востока Китая. Русские мигранты, прибывшие на линию КВЖД, открыли много банков и предприятий, ввезли в Китай большое количество капитала и техники. Дальневосточная экономика благодаря этому получила быстрое развитие, что, в свою очередь, создало благоприятные условия для последующего развития культуры русской эмиграции Харбина.

Ли Яньлин отмечает вторую особенность: культура русской эмиграции возникла в уникальном политическом контексте. Фактической исполнительной властью по линии КВЖД было царское правительство, такая ситуация продолжалась до 1918 г. С начала 1924 г. КВЖД была переведена под китайско-советское управление, но, по сути, управление КВЖД всё-таки получил СССР, которое продолжается до 1935 г. С такими достаточными политическими гарантиями культура русской эмиграции в Харбине имела возможность внедрения и развития без каких-либо препятствий.

Ли Яньлин называет третью особенность: в Харбине носителем культуры становится большое количество русских эмигрантов. После строительства КВЖД русские пережили Русско-японскую войну, Первую мировую войну и Октябрьскую революцию. Много российских эмигрантов приехали в Харбин, потому харбинское население сильно выросло. Русская культура становится необыкновенно востребованной, в том числе, как сектор экономики.

Ли Яньлин полагает, что четвертая особенность культуры русской эмиграции состоит в том, что уровень русской культуры в Харбине по сравнению с китайской культурой имел прогрессивный характер. Ко времени Октябрьской революции Россия была уже развитым капиталистическим государством, наука и техника, уровень образования и искусства в царской России были высоко разви-

ты по сравнению с тем, что представлял в это время Китай и Харбин, в частности. С помощью таких современных факторов бурного развития культура русской эмиграции получила быстрое развитие и распространение.

Пятая особенность, по мысли Ли Яньлина, заключается в том, что в Харбине культура русской эмиграции имела всестороннее и целостное развитие. Она включала в себя литературу, искусство, образование, религию, новости, науку, медицину, архитектуру и т.д. Таким образом, культура русской эмиграции вошла глубоко в социальную жизнь в Харбине.

Итак, в Харбине культура русской эмиграции получила разнообразное и всестороннее развитие, и в то время она была неотделима от особого исторического и культурного контекста жизни русской эмиграции в Харбине. Хотя культура русской эмиграции является выражением идеологии колонизаторов, она сыграла важную роль в содействии модернизации развития Харбина позже в развитии экономики, политики и культуры на Дальнем Востоке.

В этом же предисловии к «Серии литературы русских эмигрантов в Китае. В 5 томах» Ли Яньлин задается вопросом о литературной атрибуции русской эмиграции в Китае: литература русской эмиграции – это русская литература или китайская литература? [4, с. 2].

Рассмотрены следующие три аспекта:

1. Литература русской эмиграции складывается из двух контекстов: первый – небольшое общество, состоящее из эмигрантов, а второй – крупное общество в Китае. Эмигранты имеют свою собственную культуру как малый социум в Китае, но в то же время не могут покинуть крупный социум Китая. Именно на этой основе русская эмиграция могла сохранить традиции русского народа в восточном обществе.

2. Существует три жанровые разновидности литературы русской эмиграции: русские, смешанные и «китайские жанры». В «китайских жанрах» можно найти образ китайской цивилизации, отражение китайских народных обычаев и китайские природные ландшафты. Именно «китайские жанры» позволяют говорить о том, что литература русской эмиграции имеет одновременно и статус китайской литературы.

3. Среди русских писателей-эмигрантов были представители, чьи произведения включают в себя полные китайские пейзажи, китайские национальные сказки, китайские истории и китайский стиль письма. Кроме писания не на китайском языке, эти произведения по существу трудно отличить от китайской литературы. Поэты и писатели находились под влиянием Китая. Это важная причина, которая доказывает, что литература русской эмиграции является и китайской литературой.

Таким образом, литература русской эмиграции – не только русская литература, но и китайская литература. На самом деле, это литературное и культурное наследие нашего китайского народа. Художественные, культурные и исторические ценности, принесенные русской эмиграцией в Китай, не могут быть ничем заменены. Потому необходимо признать, что литература китайской русской эмиграции является китайской литературой. Этот взгляд имеет конструктивный и инновационный характер [5, с. 44].

В 20–40-х гг. XX в. в Харбине было опубликовано много произведений русских эмигрантов, большинство текстов напечатано в газетах и журналах. По сравнению с издательской деятельностью в европейской эмиграции русская литература в Китае имела неоспоримые преимущества. Китайский ученый Ли Мэн

в книге «Литература русской эмиграции в Китае: забытая страница» задается вопросом: почему русские эмигранты в Харбине могли публиковать столь большое количество своих произведений и развивать литературное мастерство? [6, с. 115]. Предполагается, что тому есть три причины:

1. Харбинские писатели-эмигранты пользовались большой творческой свободой. Харбин находится на Дальнем Востоке, в то время это был свободный город на границе русского и китайского миров. В культурном отношении этот город был русским, при этом он не был полностью подчинен царской России и, затем, Советской России, СССР. В Харбине не было российской цензуры, что расширяло для русских писателей, а затем писателей-эмигрантов пространство создания и публикации их текстов, а также играло большую побудительную роль для развития литературы в Харбине.

2. Уровень жизни русской эмиграции в Харбине считается относительно высоким. После Октябрьской революции большое количество русских в Китае были выходцами буржуазных кругов, поэтому они имели средства на книгоиздание. Кроме того, в то время газеты, журналы служили основным каналом для публикации литературных произведений. Поэзия была более привлекательной для писателей, в силу своей краткости.

3. В Харбине русские писатели чувствовали себя «как дома». Культура русской эмиграции бурно развивается в Харбине, проникается русским духом. Формируется русская культурная среда, похожая на дореволюционную, недоступная для остальных писателей эмиграции. В харбинской культурной и литературной среде писатели имеют возможность развиваться в естественных условиях, имеют свободу рефлексировать свою жизнь в эмиграции, свободно воспринимают культуру принявшего их народа, рассматривают это как свой ответственный выбор.

Таким образом, благодаря русской культурной среде в Харбине издается большое количество газет и журналов; публикации в этих изданиях свидетельствуют об уровне писательской активности в Харбине и своеобразии литературных тем и мотивов. У всех русских писателей и поэтов Харбина можно обнаружить общую черту: так или иначе их творчество зависит от китайской культуры. Кроме того, Китай подарил русским писателям особое чувство второй родины. В культурном диалоге китайского и русского народов эти тенденции сыграли важную роль, они познакомили русских с классической китайской поэзией и с глубиной китайской культуры.

С начала XX в. до конца 1940-х годов в Харбине была создана богатая литературная среда, сформировалась большая генерация литераторов. Такую генерацию можно назвать беспрецедентной, особенно если учитывать, сколько поэтов было в русском Харбине. Мы считаем, что сыграла свою роль инерционная сила «Серебряного века», поддерживавшая поэтический настрой русских эмигрантов и их широкую вовлеченность в поэтическое творчество, – явление, которое было бы невозможно в наши дни [7, с. 271–272]. Мы можем выделить наиболее значительных писателей (В. Агеносов называет А. Ачаира, А. Несмелова, В. Перелешина и Вс.Н. Иванова.) У харбинских авторов, несомненно, был свой особый поэтический мир, своя чарующая сила.

Китайская ученая Ли Иннань в статье «Образ Китая в лирике» подчеркивает, что для харбинской поэзии характерны следующие черты: китайские реалии, широкое использование «звучной восточной лексики». В лирике можно увидеть много русских заимствований из китайского языка (чай, фанза, гаолян, тайфун, ост-

ров и т.п.). Слово «остров» используется в произведениях А. Ачаира «В фруктовой лавчонке» и В. Перелешина «Чжунхай», поэты любят и используют эти слова, чтобы найти новые эстетические чувства в своих произведениях.

Ли Иннань указывает, что русские поэты под влиянием традиционного гуманизма русской литературы обращают внимание на «маленьких людей» и выражают восхищение трудолюбием китайцев. Даже описание нищего, по мнению ученого, показывает симпатию к малообеспеченному человеку и уважение к трудящимся, но гораздо чаще проявляются сочувствие, сострадание: «Китайчата босые раскосые/Копшатся у лужи с водой/А за ящиком грязным с отбросами/Спит, раскинувшись, нищий больной.» (О. Скопиченко. «Шанхайское захолустье»), уважение к нелегкому труду (А. Несмелов «Наша весна») [7, с. 275–276].

Ли Иннань подчеркивает, что основной темой поэтов становится тоска по своей родине – это общая тема русских поэтов, исходя из исторических корней. Они мучились не только и не столько от неустроенности быта, сколько от чувства потерянности. Горестные скитальцы, изгнанники, бродяги, чужаки – без конца повторяют о себе харбинские поэты [7, с. 277–278]. Хотя тяготы жизни русской эмиграции не сравнят с каторжным трудом китайского люда, но русские поэты завидовали им, потому что китайцы были в своей стране. «Грядя, часток да мотыга/Всю душу в родную грядю!/ Влекущее, сладкое иго/ Которого я не найду!» (А. Несмелов. «Грядя») [7, с. 277–278].

Ли Иннань отмечает, что китайская классическая поэзия занимает особое место в искусстве русских поэтов. Поэты Харбина осмелились раскрывать безбрежный художественный океан Китая. Они собрали и перевели стихи древних писателей, опубликовали сборники и антологии. В их поэзии мы можем открыть классическую тему китайской поэзии – это описание поездок в достопримечательные места (В. Перелешин «Поездка в Дунлин», «В Шанхайгуане», «Вид на Пекин из Би-юнь-сы»; А. Ачаир «Ханьчжоу» и т.д.) [7, с. 279–280].

Ли Иннань считает, что каждый русский поэт интерпретировал китайскую классическую культуру на свой лад. Борис Волков был вдохновлен поэзией Ли Ци¹. Он использовал тип «маргинальной поэзии» для создания образа воина, сражающегося в пустыне в стихотворении «Дракон, пожирающий солнце», выражающего несчастье и трагедия ответственности солдата, которая согласуется с чувствами и переживаниями автора. Ли Бай (Ли Тай-бо), китайский поэт династии Тан, известен как «небожитель поэзии» и романтик в истории китайской литературы. У Ю. Крузенштерн-Петереец описывается как «первый из самых отчаянных пьяниц», шокирующий знать своей беспардонностью и почти русским разгулом [7, с. 281–282].

Ли Иннань делает вывод, что русская поэзия Китая родилась в Китае, поэтому она наполовину китайская. В русской поэзии эмиграции отношения между Китаем и Россией сложны и неразделимы. Говоря о Китае, поэты писали золотые закаты, золотые ночи, желтые или золотые реки, желтую кожу, золотое небо и золотые глаза, и даже любимые китайские девушки были золотыми, как закаты. В то же время привязанность к Харбину – один из лейтмотивов русской поэзии Китая. Это постепенно развивающееся ощущение «второй родины» разделяют многие поэты. Россия все больше отдаляется, уходит в далекие сны, в размы-

¹ Ли Ци (Ли Чи) (?–757 г. н.э.) – выдающийся поэт Танского периода.

тые воспоминания. Харбинская молодежь уже готова «перепутать с Рязанью Харбин» (И. Лесная «Далекий сон») [7, с. 281–283]. Ли Иннань подчеркивает, что литература русской эмиграции «наполовину наша». В этом суждении мы обнаруживаем переключки с точкой зрения Ли Яньлина на литературу русского Харбина.

Ученые, чьи труды проанализированы в данной статье, олицетворяют своей деятельностью разные сферы китайско-русского взаимодействия в области филологии и демонстрируют разные векторы рецепции китайской наукой наследия литературы русской эмиграции. Профессор Ли Яньлин всю свою жизнь занимается сбором, распространением и продвижением литературы русской эмиграции в Китае. Это подвижнический труд еще предстоит оценить многим поколениям русских и китайских ученых. Взгляд Ли Яньлина на русскую литературу в Китае – взгляд изнутри целостного процесса, это идеологически выстраданная концепция взаимодействия русской и китайской литературы. Профессор Ли Мэн преподает в Чикагском университете. Ее точка зрения на развитие русской культуры и литературы в Китае отражает взгляд «стороннего наблюдателя» с элементами предубеждения по поводу влияния русской культуры и литературы на развитие китайской культуры и литературы тех лет. Работа профессора Ли Иннань отражает точку зрения человека бикультурной компетенции, при этом тонкого литературоведа, прекрасно ориентирующегося в русской и китайской поэтике.

Несмотря на некоторые различия, в обозначенных работах ведущих китайских ученых выявлены основополагающие для китайского литературоведения аспекты роли культуры и литературы дальневосточного зарубежья в контексте китайской культуры и литературы; определена специфика художественной рецепции русскими писателями и поэтами китайской культуры; даны современные оценки российско-китайского взаимодействия в Харбине в первой половине XX в. Именно эти труды заложили основы современных китайских подходов к исследованию литературы дальневосточной эмиграции и оказали важное влияние на российское литературоведение.

1. Дяо Шаохау. Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): библиография. – Харбин, 2001; Русские книги из Китая // Мир библиографии. 2006. № 4. С. 57–60.
2. Забияко А.А. Харбинский поэт Николай Щеголев: из истории русской эмиграции // Уральский исторический вестник. 2013. № 138. С. 67–68.
3. Ли Яньлин. Серия литературы русских эмигрантов в Китае: в 5 т. – Харбин: Северная литература и искусство, Хэйлунцзянское образование, 2002. (на кит. яз.)
4. Ли Яньлин. Китай, я люблю тебя. – Харбин: Северная литература и искусство, Хэйлунцзянское образование, 2002. С. 1–8 (на кит. яз.).
5. Ли Яньлин. Культура русской эмиграции в Харбине. – Харбин: Китайско-российский культурный мост, 2001. С. 43–45.
6. Ли Мэн. Литература русской эмиграции в Китае: забытая страница. – Пекин, 2007.11. С. 115–117.
7. Ли Иннань. Образ Китая в лирике. – М.: Русская литература XX века: Итоги и перспективы изучения: сб. науч. тр., посвященный 60-летию профессора В.В. Агеносова, 2002. С. 271–285.

УДК 821.161.1/398

КИТАЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЯ-СИНОЛОГА П.В. ШКУРКИНА

Чжоу Синьюй,

аспирант кафедры литературы и мировой художественной культуры

*Амурский государственный университет,
г. Благовещенск*

В статье дан обзор деятельности русского ученого и писателя, впоследствии эмигранта П.В. Шкуркина по собиранию фольклора народов Северо-Востока Китая. П.В. Шкуркин раскрыл облик духовного мира населения Дальнего Востока, Северо-Востока Китая в начале прошлого века. П.В. Шкуркин восполнил пробел в научном изучении дальневосточного фронта.

Ключевые слова: *П.В. Шкуркин, фольклор, фольклорные источники, «Китайские легенды», легенда, ханьский фольклор, народная опера, маньчжурский фольклор.*

CHINESE FOLKLORE IN THE WORKS WRITER AND SINOLOGIST P.V. SHKURKIN

Zhou Xinyu,

*post-graduate student of the Department of literature and world art culture,
Amur state University,
Blagoveshchensk*

The theses consider the activities of the russian scientist and writer P.V. Shkurkin on collecting folklore of the people of the North-East of China. In these studies, P.V. Shkurkin revealed the appearance of the spiritual world of the people of the Far East, North-East of China at the beginning of the last century. On the other hand, P.V. Shkurkin filled the gap in the scientific study of the Far Eastern frontier at the beginning of the last century.

Keywords: *P.V. Shkurkin, folklore, folklore sources, «Chinese legends», Han's folklore, people's opera, Manchurian folklore.*

В конце XIX – начале XX вв. после заключения секретного российско-китайского договора о союзе и постройке КВЖД первые русские поселенцы появились в Северной Маньчжурии. В это время кроме инженеров и рабочих в Маньчжурию отправились некоторые русские писатели и учёные. Например, писатель и этнограф Николай Аполлонович Байков, учёный и практик Павел Васильевич Шкуркин, позднее писатель и переводчик китайской и японской поэзии Венедикт Март и т.д. Они внесли огромный вклад в этнографическое и культур-

ное изучение Дальнего Востока и Северо-Востока Китая, но к сожалению, до сих пор многие из них ещё не известны широкому кругу исследователей.

Павел Васильевич Шкуркин (1868–1943) был русским офицером, ученым, писателем. После окончания Александровского военного училища получил направление на Дальний Восток, участвовал в подавлении восстания ихэтуаней, затем воевал в Русско-японской войне. В 1903 г. окончил Владивостокский восточный институт, десять лет прослужил в чине владивостокского полицмейстера. В 1913 г. вышел в отставку и переехал в Маньчжурию. В совершенстве владея китайским языком, работал переводчиком в Управлении КВЖД, преподавал язык в различных учебных заведениях, а с 1925 г. стал профессором института ориентальных и коммерческих наук [5, с. 1 50–160].

П.В. Шкуркин как ученый-практик: в начале XX века много путешествовал по Северной и Южной Маньчжурии, по Центральному и Южному Китаю, общался с обычными китайцами, одновременно собирал фактический материал, связанный с фольклором [2, с. 260–267]. По сравнению с другими востоковедами он уделял большое внимание духовной жизни народов Китая: «У нас солидные труды по политическому устройству, истории, религии, географии, этнографии и даже геологии Востока. Конечно, изучение их может дать нам довольно точное представление обо всех внешних формах страны и жизни населявшего её народа, но не даст понятия о внутренней жизни людей. То, что мы знаем о китайской литературе, особенно народной, до смешного мало... [7, с. 5].

Говоривший свободно по-китайски, Шкуркин изучил китайцев, быт и нравы самых разных социальных слоев Поднебесной досконально – об этом свидетельствует тематический диапазон его публикаций («Китайские рассказы и легенды» (1917), «Китайские легенды» (1921), «Легенды в китайской истории» (1922), «Тонкая ива: Китайская повесть для дам и идеальных мужчин» (1922), «Хунхузы: Этнографические рассказы» (1924) и др.).

Одной из первых работ Шкуркина становится «Город Хуланьчэн. Очерки из исторического и экономического быта Центральной Маньчжурии». Первый опыт этнографических очерков писателя коснулся не только «исторического и экономического быта Центральной Маньчжурии» – в книге Шкуркина содержатся редчайшие сведения о культурных и религиозных традициях жителей дальневосточного фронта [1, с. 46–60].

В сборнике «Китайские легенды» П.В. Шкуркин объединил самые разные фольклорные материалы, связанные с традиционной культурой народов Китая. Он не только доступным языком пересказал русскому читателю фольклорные тексты, но и соотнес их сюжеты с современными историческими реалиями. Автор разделил книгу на семь глав: «Эпизоды из истории Трёх царств», «Знаменитые врачи», «Яо Фей», «Южно-китайские легенды», «Маньчжурские легенды», «Корейская легенды», «Туркестанская легенды».

Многие тексты, как легенды, были известны в народной среде этого края, их источники тоже были разнообразными, устными или письменными. Например, первая глава «Эпизоды из истории Трёх царств». Шкуркин собрал бытующие в устной форме легенды «Троецарствия» [5]. Их устный источник, легший в основу харбинского издания, подтверждается тем, что в то время в Северной Маньчжурии население было практически не грамотным. Но сюжеты «Троецарствия» были известны всем в виде устных историй и из содержания народных опер.

Китайская опера зарождается в период Ци-Хань, формируется в эпоху династии Сун, зреет во время династии Юань, в династиях Мин и Цин все более развивается, в конце династии Цин, особенно с 1883 г., достигает пика расцвета. С самого начала своего возникновения народная опера получила широкое распространение среди простолюдинов. Не будучи образованными, не имея возможности приблизиться к книжной культуре, простые люди получали исторические и культурные сведения из достаточно простых и наглядных для обывденного сознания сюжетов народных опер.

Китайский театр был в полном смысле народным. У большинства традиционных спектаклей композитор неизвестен. Обычно он попросту отсутствовал, так как спектакль создавался целым коллективом музыкантов-исполнителей и актеров – поющих, говорящих, танцующих. Не было в старом Китае и авторов-постановщиков. Все театры были передвижными [7, с. 188].

В середине эпохи династии Цин провинция Аньхуй становится торговым центром, успехи в торговле и развитии экономики пробудили рост культурных запросов и подъем духовной жизни. В связи с этим участились инспекторские проверки императорской администрации в эти районы. Учитывая это, крупные торговцы создали свои труппы, чтобы угодить императорскому двору. Императору Цянь-лун очень нравилась такая художественная форма, и труппы даже пригласили с представлением на день рождения императора в Пекин. Впоследствии опера распространилась среди простого маньчжурского населения [10].

Содержание народной оперы включало описание повседневной жизни народа, сюжеты из жизни известных исторических героев, народные легенды и литературные произведения. С. Образцов писал о том, что подавляющее большинство спектаклей китайского театра становилось зрелищным изложением наиболее любимых народом исторических и сказочных романов и легенд. Герои спектаклей во многих случаях – исторические личности, народные герои Китая, защищавшие страну от нашествия врагов, герои крестьянских войн, легендарные «сто восемь богатырей». Так, в одном из спектаклей можно узнать всю жизнь одного из 108 героев.

«Китайский народ обогащал исторические былины и народные сказания своим творчеством и создавал в различных операх и музыкальных драмах образы любимых героев. Симпатии народные целиком на стороне угнетенных и обездоленных» [5, с. 125].

Репертуар известной оперы «Как Сунь Укун трижды победил оборотня» исходил из сюжета мифологического романа «Путешествие на запад»¹, репертуар «Легенда белой змеи»² исходил из сборника народных легенд «Повести в назидание миру»³.

В первой главе «Китайских легенд» П.В. Шкуркина каждой легенде соответствует один из сюжетов китайской оперы. Например, «Хуо-шао-синь-е»

¹ «Путешествие на запад» – первый многоглавный мифологический роман в древнем Китае, его автор – У Ченэнь. Главный сюжет романа: родилась каменная обезьяна Сунь Укун, после скандала в небесном дворце наказанная Буддой, она вместе с танским монахом совершает путешествие за буддийскими канонами.

² «Легенда белой змеи» – легенда о любви ученика Сюйсяня и женского змеиного призрака Бай Сучжен. Одна из самых известных китайских народных легенд про любовь.

³ «Повести в назидание миру» – сборник новелл и легенд, автор Фэн Менлун. Этот сборник был написан в 1624 г. в конце династии Мин.

(Сжигать землю Синье), «Чи-би-чжи-чжань» (Битва в Чиби), «Ши-цзе-тин» (Потерять землю Цзетин), «Кун-чэн-цзи» (Манёвр с открытым городом), «Чжань-ма-су» (Обезглавливать Ма-су) и «У-чжан-юань».

Остановимся на сюжете из жизни одного из самых классических образов китайских опер – Чжу-гэ Ляня.

Чжу-гэ Лянь (Кон Мин, Во Лун – спящий дракон) – известный политик и военный деятель, канцлер княжества Шу-Хань в период Троецарствия. В китайской народной истории запечатлено уважение к Чжу-Гэ Ляню, поэты и писатели воспевали этот идеальный образ с древности. В разных жанрах фольклора фигурирует образ этого мудреца (средневековые летописи, оперы, драмы, монологические истории с жестами). В летописи «Анналы Троецарствия» исторический образ Чжу-Гэ Ляня был канонизирован, но его художественный образ постоянно менялся в разные эпохи в разных литературных произведениях и фольклорных текстах.

Известный историк Чень Шоу периода династии Цинь (266–420 гг.) в своём историческом исследовании «Анналы Троецарствия» дал Чжу-гэ Ляню относительно объективную оценку: «Он прекрасно владел государством, но не мог предоставить искусные замыслы в военном деле; в управлении народами и использовании чиновников он был столпом государства».

Оценка Чжу-Гэ Ляня романистом Ло Гуаньчжон в романе «Троецарствие» во многом совпадает с интерпретацией этого образа в китайской словесности [6, с. 180–181]:

1. Чжу-Гэ-Лянь – замечательный военный деятель.

В романе «Троецарствие» писатель Ло Гуаньчжон создал образ «военного советника», который спокойно и находчиво командует своей армией. В сборнике «Китайских легенд» П. Шкуркин рассказал о трех сюжетах: «Император против воли», «Спасение города», «Как Чжу-гэ Лянь обедил Цао Цао». В этих историях в полной мере показан острый ум Чжу-гэ Ляня. Он всегда хорошо понимал характер и настроение врагов, использовал их недостатки и оплошности, чтобы добиться успеха.

2. Чжу-гэ Лянь – мастер дипломатии. П. Шкуркин в сюжетах «Чжу-гэ Лянь делает 10 тысяч стрел» и «Как Чжу-Гэ Лянь победит Цао-цао» повествует о ловкости полководца, который хорошо умел понимать психологию соперников и манипулировать ею.

3. Чжу-Гэ Лянь – пример патриотизма. Мудрец Чжу-Гэ Лянь был верным сыном своей земли. Он отдавал все силы служению княжеству Лю Бэй. После смерти Лю Бэя Чжу-Гэ Лянь еще долго бескорыстно помогал его бездарному сыну. В этом беспорядочном периоде китайской истории такие душевные качества были особенно ценными.

4. Чжу-гэ Лянь – трагическая фигура. Хотя Чжу-гэ Лянь был несказанно мудрым, судьба его оказалась трагичной. Когда он только приступил к службе, он уже предугадал свою судьбу. Его мечтой было «помогать своему князю вершить объединение, потом отказаться от служебной карьеры». Но, в конце концов, ему пришлось служить бездарному новому государю, которому он отдал все силы и умер из-за усталости.

Однако – легко заметить, что в сборнике «Китайских легенд» П.В. Шкуркин представил народную (фольклорную) трактовку Чжу-гэ Ляня:

1. Чжу-гэ Лянь – уникальный человек, умеющий управлять звездами и планетами. В легенде «Смерть Чжу-Гэ-Ляня», основанной на сюжете «У-чжан-

юань» (последняя борьба в жизни Чжу-Гэ-Ляня), есть описание: «Настала ночь. По приказанию Кун-мина, двое из его приближенных вывели его из палатки под руки. Ночь была тихая, ясная, и бесчисленные звезды трепетно мерцали над уснувшей землей. Долго смотрел Кун-мин в необъятную книгу Неба, полную таинственных речений для умеющих читать её, – и наконец сказал: Нет, конечно! Я не могу долго жить...» [11, с. 71]. Согласно этой легендарной трактовке, Чжу-Гэ-Лянь как замечательный астроном, расшифровывал небесные знамения и успешно предсказал свое поражение и свою смерть, поэтому он заранее составил план своей армии, чтобы избежать поражения и оставить силу своему княжеству.

2. Чжу-гэ Лянь – человек, способный прекрасно предугадывать будущее, всемогущий человек: «Теперь слушайте вы, Ян-И, что я вам скажу. Я скоро умру; но пусть никто, кроме присутствующих здесь начальников, не знает этого. Вы сделаете деревянный киоть (кань), посадите в него мой труп, положивши мне в рот рису, и поставите передо мной зажженную лампаду. Смотрите, чтобы никто в лагере не плакал, а то таким образом может разнестись весть о моей смерти. Помните, что мой дух будет безотлучно с вами и поможет вам сражаться... Но продолжать войну в этой чуждой нам стране, конечно, нельзя; поэтому отводите войска на родину, но постепенно и незаметно, маленькими отрядами. Если Сы-Ма-И будет вас преследовать, то сделайте из дерева мою статую. Посадите в мою самодвижущуюся тележку и покажите ему: он подумает, что я жив» [9, с. 72]. Так Чжу-гэ-лянь наказал своим подчиненным, что им следует делать после его смерти. Он успешно предвидел мятеж Вэй-яня, заранее готовился к нему и успешно распугал врагов, убил Вэй-яня.

Современные китайские ученые считают, что подобная фольклоризация есть результат «культы исторических образов» [6, с. 78]. В период династии Юань Китаем владели монголы, это всемерно обостряло классовые и национальные противоречия, а также вызывало стремление к утверждению этничности. Народ жаждал национальных героев. Поэтому драматурги собирали легендарные истории великих героев как Чжу-гэ Ляня и воспевали их трагические жизни.

Во второй главе «Китайских легенд» «Знаменитые врачи» Китаевед и фольклорист собрал легенды про Хуа-туо, известного китайского врача конца династии Хань [12, с. 77–94]. Хуа-тао усиленно изучил медицину, прекрасно оперировал, был иглоукальвателем. Хуа-туо изобрёл китайский древний наркотик «Ма-Фэй-Сань» и лечебную гимнастику «Игра пяти животных». В «Троецарствии» этот персонаж также появляется несколько раз.

В третьей главе «Яо Фэй» П. Шкуркин перелагает китайский даосский миф о богине Ванму [12, с. 95–104]. В даосизме главный бог – Нефритовый император, а Ванму – его жена. Образ Ванму в истории Китая изменялся несколько раз. В древнем сборнике чудесных рассказов «Книга гор и морей» есть описание Ванму: «у нее хвост леопарда и зубы тигра, она всегда кричит» [8, с. 58]. Как и другие древние боги, Ванму имеет зооморфный вид. В династии Хань образ Ванму изменился в облик матроны. В ту эпоху в народных мифах говорилось, что Ванму живёт на горе Куньлунь, там есть пруд «Яочи», поэтому Ванму называется также «Яо-Фэй». Согласно мифам, Ванму умеет выплавлять лекарство бессмертия. В династии Цзинь, когда даосизм переживает период подъема, Ванму становится одним из главных богов в Китае.

В пятой главе «Маньчжурские легенды» П. Шкуркин поместил легенды, которые, очевидно, собрал в Северной и Южной Маньчжурии во время своих экс-

педиций. Например, легенда «Храм верности» [7, с. 139–151]. В этой легенде П. Шкуркин реконструирует историю возникновения одного храма, который увидел в Южной Маньчжурии на левом берегу Ляо-хэ, рядом с городом Инькоу. Этот храм находился в зоне села Ньючжуан, в 1858 году после Второй Китайско-английской опиумной войны и заключения китайско-английского «Тяньцзиньского договора» село Ньючжуан стало первым открытым портом в территории Маньчжурии. В этой легенде описывается храм, установленный на месте дома, где повесилась бедная, но благочестивая вдова, наказавшая себя за небрежное отношение к своей свекрови. Нечестные и алчные дети, обманувшие и обокравшие вдову, получают наказание свыше. Люди построили этот храм, чтобы восславить высокую добродетель женщины и преподнести урок детям: «Таким образом, название «Цзе-сяо-цы» в переводе будет означать приблизительно «Храм вдовьей почитательности». В этом храме, перед изображениями обычных народных божеств, стоят одиннадцать коленапреклоненных фигур, изображающих мальчиков. Если вы спросите сторожа (духовенства при таких храмах не полагается) или соседних жителей, то они расскажут следующую историю, случившуюся в 1900 г., т.е. почти на наших глазах (живых свидетелей-очевидцев вы найдете сколько угодно), и заодно проследите возникновение наивной легенды, причем последняя так тесно переплетается с истинными происшествиями, что невозможно заметить конец одного и начало другой».

«Настала ночь того же дня. Ученики не могли спать – они нервничали, лягались и плакали. Учитель тоже не мог заснуть – было невыносимо душно...

Вдруг раздался удар грома; за ним еще и еще, то дальше, то ближе, как будто тысячи орудий разных калибров со всех сторон открыли канонаду по ветхой школе... Гроза продолжала свирепствовать, не желая удаляться от этого места, и длинные, судорожные цепи молний вились, казалось, кругом над самой крышей. Тогда учитель увидел, что дело не так-то просто, как казалось сначала. Он поднял всех учеников с постели и сказал: «кто-то из нас совершил преступление, и теперь богиня молнии Шань-дянь нянь-нянь, сверкая зеркалами в обеих руках, и Лэй-гунь требуют, чтобы виновные вышли к ним на суди... Пойдемте все на дворе – пусть они увидят, что между нами преступников нет!»

«Я – великий преступник», – ответил мальчик. «Я знал, что ученики хотят украсть деньги у старухи, и я уговаривал их не делать этого, – но не смог уговорить. Значит, я во всем виноват, и теперь Лэй-гунь хочет меня казнить!»

Бай с плачем согласился, и все ученики вместе с учителем вышли во двор. Но чуть только они показались, как раздался необычайный удар грома над самой их головой... Учитель и Бай были оглушены и отброшены в сторону. Когда они пришли в себя, то увидели распростертые на дворе труры всех остальных одиннадцать учеников. Грозы не было, только пахло серой...»

«Местному начальнику пришлось к посланному ранее донесению писать еще дополнение. Скоро из Пекина вышел указ о том, чтобы на месте старой фанзы построить не просимую арку – «пай-лоу», а целый храм – Цзе-сяо-сы» [11, с. 139–151].

«Храм верности» по-китайски называется «Цзе-сяо-цы» (кит. 节孝祠), является порождением и символом культуры «Цзе-сяо» Китая. Культура «Цзе-сяо» обязывает

женщин серьёзно охранять целомудрие и почитать родителей и родителей супругов, одновременно обеспечивая жизнь вдов [3, с. 26]. В древнем Китае, если жених умрёт, то невеста соблюдает ему верность. Такое состояние называется “Чжень (贞)”; муж умрёт, жена соблюдает ему верность, такое состояние называется “Цзе (节)”; жена почитает свекра и свекровь, такое состояние тоже называется “Сяо (孝)”. Обычно местные чиновники заставляли строить специальные храмы или мемориальные арки, чтобы поощрять женщин, которые утратили своих супругов и старательно ухаживали за родителями супругов. Такой храм называется «Цзе-сяо-цы».

В «Китайских легендах» отразился полевой опыт П. Шкуркина, побывавшего в Гирине и там собиравшего местные легенды, например, про гору Лун Тань-Шань и Водоем Дракона, являющиеся местными достопримечательностями и историческим культовым топосом до сегодняшнего дня. В одном только тексте легенды «Гора Драконова водоема» Шкуркин соединил сразу 4 легендарных истории (топонимического и этиологического характера):

1. «Верстах в четырёх от города Гирина, вниз по течению Сунгари, на правом её берегу, поднимается характерный горный массив, стоящий вне связи с остальными близ лежащими горами. Он круто обрывается на три стороны и с них почти непреступен; только северная сторона, обращенная вниз по течению Сунгари, сильно вытянута в длинный, узкий отрог, по гребню которого вьется пологая тропа до самой вершины горы. Кругом её разбросаны куски лавы и туфа; попадается обсидиан и остеклившаяся масса. На самой вершине горы резко бросается в глаза широкая впадина, с трёх сторон окруженная высокими краями; дно её имеет значительный уклон в сторону четвертой, северной стороны. На это последняя сторона заперта прямым, ровным валом, благодаря чему в этой впадине образовалось озерко, носящее у китайцев название Лунь-тань-шань, "гора драконова водоёма"».

2. «На западном высоком берегу озерка сто\т типичные китайские ворота с вывеской из четырёх иероглифов; последние, по словам монахов, написаны лично будто бы, самим покойным императором Цзай-тянь (эра правления которого называлась Гуань-сюй с 1875 по 1908 г.)».

3. «Жили на Сунгари один молодой человек. Отец его нажил рыбной ловлей порядочное состояние, а поэтому сын, хотя и продолжал занятие отца, – но не из-за нужды, а только по любви к делу; и поэтому они позволяли себе иногда разные прихоти. Часто работники его ловили рыбу, а они бродили по горам.

Однажды они забрели на Лунь-тань-шань и увидели там великолепный бассейн. Долго рыбаки сидели на берегу его, и вдруг им взбрело в голову: вот бы вышел здесь хороший садок для рыбы!

Задумано – сделано. Вернулись они домой, выбрали два десятка самых хороших рыб разных пород, которые не мешают жить друг другу, отнесли их живыми на Лунь-тань-шань и пустили в бассейне; а чтобы отличить своих рыб от приплода, – они каждой пущенной рыбы надели на хвост медное кольцо со своими именем. Прошло несколько дней. Повезли раз его работники продавать рыбы в Улагай (старинный городок на Сунгари верстах в 40 ниже Гириня), и вдруг видят, что местные рыбаки поймали пару рыб с медными кольцами. Взяли работники этих рыб и отвезли своему хозяину. Тот смотрит – да, это его рыбы, которые они пустили в Лунь-тань... Пошёл рыбак с людьми на гору, закинули невод в Лунь-тань – но ни одной рыбы там не поймали. Ясно, что между Сунгари и Лунь-танем есть ход, тот самый, по которому когда-то ходил дракон...»

4. «Да, Лунь-тань – священный водоём; не даром же, когда губернатор два раза в год, в дни перемены одежды (летней на зимнюю и обратно) в парадной

одежде совершает коленопреклонение перед священным деревом и перед бассейном, – то вся ряска с поверхности воды тотчас же собирается к противоположному берегу, хотя не было ни малейшего ветерка...»

В 1924 г. Шкуркин выпустил в свет сборник этнографических рассказов «Хунхузы», а в 1926 – книгу «Игроки» [8]. В этих произведениях фольклорные материалы лягут в историю хунхузничества и во многом объяснят понимание природы этого явления народными взглядами и традициями.

Таким образом, деятельность П.В. Шкуркина по собиранию и публикации фольклора народов Северной Маньчжурии помогла русским учёным и эмигрантам узнать культуру Китая и духовный мир народов Дальнего Востока и Северо-Востока Китая. Собранные материалы сегодня являются ценнейшим источником реконструкции духовной жизни и фольклора народов Китая, составляют важные исторические, религиозные и этнографические материалы.

В 1928 г. П.В. Шкуркин уехал из Харбина в Америку, до сих пор его архивы сохраняются в музее в Сан-Франциско. После отъезда П. Шкуркина изучение культурного наследия народов Северной Маньчжурии русскими не закончилось. В последующие годы русские ученые и писатели не ограничились только Маньчжурией, их интересы расширились до юга Китая и других азиатских стран.

1. Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. – Новосибирск: Изда-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. – 447 с.
2. Забияко А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2015. – 460 с.
3. Ли Юньфэй. Культура «Цзе-сяо» на мемориальных арках в провинции Сычуань в династии Цин. Наньчон: Наньчоньская контора охраны исторических памятников. 2012. – 330 с.
4. Ли Яньлинь. Литература русских эмигрантов в Китае. – Пекин: Изд-во Китайская молодёжь, 2005.
5. Ло Гуаньчжон. Троецарствие. – Пекин: Издательство коммерческое. 1973. – 303 с.
6. Лю Тяньчжэн. Изучение вариантов юаньских драм о Троецарствии. – Шанхай: Изд-во Шанхайский драматический институт, 2014. – 452 с.
7. Образцов С. Театр китайского народа. – М.: Искусство, 1957. – 376 с.
8. Сюй Кэ. Книга гор и морей (байхуа с цветными иллюстрациями). – Пекин: Издательство Современность, 2012. – 529 с.
9. Хисамутдинов А.А. Синолог П.В. Шкуркин: «Не для широкой публики, а для востоковедов и востоколюбив» // Известия Восточного института. 1996. № 3. С. 150–160.
10. Чжоу Ибэй. Конспект истории развития китайской оперы. – Шанхай: Изд-во древней литературы, 1979. – 563 с.
11. Чжао Инсюн. Китайское внеинститутское обучение: литературный образ Чжу-Гэ-Лянь в романе «Троецарствии» [Электронный ресурс], 2012. URL: <https://wenku.baidu.com/view/34bc2d6004a1b0717fd5ddea.html>
12. Шкуркин П.В. Китайские легенды. – Харбин: Изд-во Типо-литогр. тов. «ОЗО», 1921. – 160 с.
13. Шкуркин П.В. Игроки. – Харбин, 1921. – 175 с.

УДК821.161.1

МЕТАЛИТЕРАТУРНАЯ РЕЦЕПЦИЯ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ЭМИГРАНТОВ

Е.В. Сенина,

канд. филол. наук, кафедра литературы и мировой художественной культуры

*Амурский государственный университет,
г. Благовещенск*

Исследуются способы металитературной рецепции Китая, китайцев, китайской культуры дальневосточными писателями-эмигрантами: переводы, стилизации, имитации, переосмысление китайских классических текстов, жанровое синтезирование русской и китайской литературных традиций, гибридные формы стилизаций. Особое внимание в работе уделено малоизученным произведениям Г. Кочурова и В.А. Качоровского.

Ключевые слова: *литература дальневосточной эмиграции, литература русского Шанхая, литература русского Харбина, художественный образ восприятия, металитературная рецепция, стилизация, имитация, гибридные формы стилизации.*

METALITERARY RECEPTION OF THE CHINESE CULTURE IN WORKS OF THE RUSSIAN FAR EAST EMIGRANTS

E.V. Senina,

*Candidate of science in Filology Department of Literature and World Art Culture
Amur State University
Blagoveshchensk*

In the article the attempt was made to study images of perception of China and Chinese by Russian Far East writers emigrants through a prism of a metaliterary reception of the Chinese traditional culture. In work defines methods of a metaliterary reception of the Chinese culture: translations, stylizations, imitations, redefining of the Chinese classical texts, genre synthesis of the Russian and Chinese literary traditions, hybrid forms of stylizations. Particular attention in work is paid to G. Kochurov and V.A. Kachorovsky's little-studied works.

Keywords: *literature of the Russian Far East emigration, literature of the Russian Shanghai, literature of the Russian Harbin, imagery of perception, metaliterary reception, stylization, imitation, hybrid forms of stylization.*

Не случайно литература признается одним из способов познавательной деятельности, и в не меньшей мере, чем наука. Воспринимающий чужой этнос писатель может идти двумя путями: во-первых, опираясь на непосредственное погружение в чужую культуру, ее быт, традиции, обычаи; во-вторых, постигая

культурную и литературную традицию другого этноса посредством книжного знания. В отличие от ученого-этнографа, вооруженного в идеале знанием языка изучаемого этноса и исследованиями ученых-предшественников, писатель имеет большую свободу действий. В его распоряжении помимо арсенала научных знаний, литература и литературная традиция изучаемого этноса.

Приступая к художественному освоению чужой страны и населяющих ее народов, русские писатели-эмигранты в Китае осуществляли свои интенции разными путями, в зависимости от художественной установки, предшествующего опыта, возможностей. Одни, имея за плечами богатый эмпирический багаж общения с населением Северной Маньчжурии и Дальнего Востока, опыт научной работы, владея, как правило, китайским языком, продолжили свои изыскания уже в беллетристическом ключе (Н. А. Байков, П. В. Шкуркин, М. В. Щербатов); более молодые обратились к изучению китайского языка в высших учебных заведениях Харбина (В. Перелешин, Н. Светлов и др.) [3, с. 249; 31, с. 258], некоторые сами отправились собирать этнографический материал (В. Март, позднее – Б. Юльский), увлеклись восточными религиями (А. Хейдок) [11]. Но в целом книжно-ориентированная русская культура, которую русские писатели-изгнанники наследовали и развивали в зарубежье, подвигала их практически всех к обязательному освоению и усвоению литературы приютившей их страны, насчитывающей более пяти тысяч веков только письменной культуры.

Китайская литература стала для русских писателей-эмигрантов не просто источником знаний о Китае, она стала мощным источником *металитературной рецепции* [39]. Под *металитературной рецепцией* понимается восприятие писателями-эмигрантами литературной традиции Китая, то есть создание *образа восприятия*¹ литературы Китая. Речь идет об усвоении тем, мотивов, образов, сюжетов, жанровых и стилевых форм китайской литературы в целях обогащения своего писательской арсенала традицией чужой культуры и обнаружения точек соприкосновения этой чужой культуры со своей.

Процесс металитературной рецепции начинается с *переводов китайской классической литературы*. Первыми к литературным переводам обратились востоковеды и переводчики И.Г. Баранов («Узник», 1920), Ю.К. Граузе («Книга перемен»), профессор С.М. Широкогоров (1924), журналист Л.В. Арнольдови др. [36] Однако для дальнейшего вживания в чужую культуру и творческой адаптации в ней литераторам был необходим самостоятельный опыт переводов. К сожалению, китайским языком владели совсем немногие, и, тем не менее, переводческой деятельностью поэты-эмигранты стали заниматься уже в начале 20-х гг.

Первоочередное внимание они обратили на «безбрежный океан» китайской классической поэзии [23, с. 19]. Одним из первых поэтов, обратившихся к переводу китайской классики на русский язык, стал представитель старшего поколения эмигрантов Федор Камышнюк (1894–1940) [3, с. 114]. Хорошее знание ки-

¹ Под *образами восприятия* мы понимаем результат формирования дифференцированного целостного представления о «другом», зависящий от этнической картины мира, этнического сознания, констант и этнических стереотипов, социального статуса, прошлого опыта межэтнических контактов воспринимающего субъекта, пространственно-временных условий процесса восприятия. См: *Забяко А.А., Сенина Е.В.* Образы восприятия русских эмигрантов в китайской литературе 1920–1940 гг. // *Emigrantologia Slowian. Opole.* 2016. № 2. P. 19–32.

тайского языка позволило молодому поэту делать «талантливые переводы, которые часто привлекали внимание читателей своей глубинной проникновенностью и красочной музыкальностью стиха» [5, с. 74], – отмечал Дяо Шаохуа. В 1922 г. были опубликованы его переводы стихотворения китайского поэта Ли Тайбо «Пьянство втроем» и поэмы Бо Цзюйи «Вечная печаль», посвященной китайской красавице Ян Гуйфэй [3, с. 114].

Известным поэтом, переведившим китайскую классику, был Яков Аракин (1878–1945) [3, с. 111]. В 1926 г., отмечая 20-летний юбилей своей литературной деятельности, Я. Аракин выпускает книгу «Неприятности в небесах. Из китайской мифологии» (Харбин) и самый значительный труд – первую антологию китайской поэзии на русском языке «Китайская поэзия», включавшую более 100 стихотворений 33 поэтов Китая. Как отмечал Дяо Шаохуа, выполненные белым стихом переводы «сохранили их близость к подлиннику и дали возможность почувствовать особенности китайской поэзии и ее прелесть» [5, с. 85]. Я. Аракин хорошо понимал специфику восточной поэзии и подчеркнул это в предисловии к книге: «В отличие от европейской поэзии, в большей части являющейся плодом индивидуальных переживаний авторов, китайская поэзия является по преимуществу отображением типичности, не отмеченной индивидуальностью, – например, отражением старости, молодости, печали, ревности и т.п. Китайские поэты-классики изображают душевные переживания в образах явлений природы, неба, воды, луны...» [1, с. 6].

Одним из немногих, кто выучил китайский язык и пробовал себя в качестве переводчика китайской лирики, был Николай Светлов (1909–1970) [6]. Мастером переводческого искусства китайской лирики, без сомнения считают Валерия Перелешина [6, с. 186]. Увлечение Перелешина китайской культурой привело к публикации ряда переводов китайской классической поэзии. Например, в конце 1930-х гг. в журналах «Рубеж», «Прибой», «Сегодня» были опубликованы стихотворения поэтов Ли Бая Хо Чжи-чжа, Ду Фу в переводе В. Перелешина [42].

Отечественные литературоведы отмечают, что В. Перелешин «имел собственный взгляд на китайскую поэзию и в переводах старался передать не только содержание, но и ритмический рисунок стиха» [31].

По мнению В.С. Макарова, «его [В. Перелешина] переводы навсегда останутся единственными в своём роде, ибо такое редкое сочетание талантов, как китаевед и поэт, встречается крайне редко» [27]. Мнение китайских ученых не совпадает с этой точкой зрения. Исследователи Ли Иннань и Ли Мэн считают, что в переводах Перелешина множество неточностей и несоответствий [31].

Переводы китайской классической поэзии осуществлялись поэтами не только с языка оригинала, но и с английского языка, в частности, супругами А.Н. и И.И. Серебренниковыми и А. Ачаиром. А.Н. Серебренникова и И.И. Серебренников в 1938 г. выпустили сборник «Цветы китайской поэзии»¹, который имел большой успех у публики [6].

Популярным и творчески плодотворным способом жанровой рефлексии китайской лирики стала *стилизация* [34]. Среди поэтов дальневосточного зарубежья, переосмысливающих китайские образы и аллегории путем стилизации ки-

¹ Серебренникова А.Н., Серебренников И.И. Цветы китайской поэзии. – Тяньцзинь, 1938.

тайской лирики, следует назвать А. Ачаира («Ханьчжоу»), Л. Андерсен («Нарцисс»), Вс. Иванова («Дракон») и др. [7, с. 136; 23, с. 20–32]. М.В. Щербаков пробовал себя в стилизации стихов-ши («Стихи императора Юань-Хао-Сянь»), стихов-цы («Фонтан. Китайская вышивка», 1921), стихов цзюэцзюй («Курильщик» (1921), «Женьшень», «Соответствие») [18] и оды-фу («Шанхайские наброски», 1924–1930) [33]. Наряду со стилизациями можно упомянуть случаи «псевдостилизации». К этой форме металитературной рефлексии относится лирика Кшижаннь Зороастры (Изиды Орловой), «построенная на китаизированном “воляпоке”, имитирующем китайский язык и реалии, им обозначаемые» [7, с. 136].

Образ восприятия «чужого» и в этническом, и в художественном сознании предполагает, в первую очередь, проекцию внутрь «своего». Среди типологических форм, отражающих процесс металитературной рецепции китайской культурной традиции в лирике (переводов, двойных переводов, стилизаций, имитаций), Ли Иннань называет использование художественной образности китайской поэзии (В. Перелешин, В. Янковская, А. Несмелов) [23, с. 26–27]. Необходимо обратить внимание и на *переосмысление китайских классических текстов* (Б. Волков, Ю. Крузенштерн-Петерец) [23, с. 28].

Помимо указанных типологических форм А.А. Забияко отмечает жанровое синтезирование русской и китайской литературных традиций – «скрещение экзотических реалий и семантических ореолов знаковых метров русского стиха» («Маньчжурские ямбы» Б. Бета, «Беженец» Л. Ещин, «В фруктовой лавчонке» А. Ачаир, лирика Н. Светлова, «Миниатюры в рифмах» А. Паркау, Л. Андерсен, Н. Щеголева) [37]. Переосмысление «чужих» форм, «чужих» образов традиционной поэзии, «вдыхание» в них «своих» коннотаций становятся наиболее плодотворными способами восприятия китайской лирической традиции. Ярким примером создания отрефлектированного сквозь призму собственной культуры и литературы образа восприятия китайской культуры и философии становятся «Лаконизмы» А. Ачаира (1939) [2]. В этом сборнике, вместившем 52 стихотворения сверхкраткой формы, соединились литературная мистификация (адресация к неведомому Тину или неведомой Тин в эпиграфе), рефлексия даосской и конфуцианской этики, жанровое синтезирование китайской и русской лирики [12, с. 94].

Помимо обращения к лирике русские писатели-эмигранты осуществляли переводы китайской прозы. Уже в 1921 г. П.В. Шкуркиным был сделан художественный перевод китайских легенд [38], сопровождающийся этнокультурными заметками [10]. Легенды, изданные Шкуркиным, основаны на сюжетах романа «Троецарствие», написанного в XIV в. и являющимся памятником средневековой китайской литературы. П. В. Шкуркин в доступной для массового читателя форме излагает классические сюжеты «Троецарствия», ведь, по его словам, в легендах «спрятана душа восточного народа» [35; 38, с. 3]. Не случайно харбинское издание сразу же попало в круг чтения и советских деятелей – в музее в «Ленинских горах» эта книга представлена одной из последних, прочитанных В.И. Лениным.

Талантливым «воспринимающим сознанием» в отношении переводов с китайского обладал М. Щербаков (1890–1956). В частности, в «Балтийском альманахе» [40] публикуются его «Шанхайские миниатюры» с подзаголовком «Переводы с китайского» (при этом авторский подзаголовок – «Из китайских анекдотов»). В эти миниатюры входят истории из жизни «китайских замечательных

людей» (например, Ли Бо), явно переводные, и очерки – философско-лирические зарисовки китайской жизни [9].

Практически первым из русских писателей-переводчиков Щербаков обратился к творчеству Лу Синя – зачинателя новой китайской литературы [14, с. 15–19; 25; 26, с. 7–20]. В предисловии к «Китайской новелле» «Завтра» он писал: «Лу Синь (или Лу Шун) является одним из современных китайских беллетристов. Особенной славой он пользуется в жанре новелл, – коротеньких рассказов из китайской жизни. Чувство человечности, редкое богатство характерных бытовых черточек, тонкая наблюдательность и глубокий анализ психологии китайского народа, которые дает Лу Синь в своих вещах, делает этого писателя интересным и для западного читателя» [14, с. 15–19]. Как видно, русских писателей-эмигрантов привлекала не только китайская древность, но и творчество писателей-современников. Скорее всего, это были двойные переводы (М. Щербаков свободно владел французским языком). Проблемы современной китайской культуры будут освещены им как переводчиком в работе Чань Юэнь Е («Проблемы китайского театра») [30, с. 3–8]. В заметке «От переводчика» говорится, в частности, о том, что лекция «привлекла наше внимание не только имеющимися в ней сведениями об истории китайского театра, но также и попыткой автора, обладающего широкой эрудицией в области драматического искусства, построить своеобразную философию театра вообще. Проводя все время параллели между западным и восточным театром, он часто находит оригинальный подход ко многим кардинальным задачам драматического искусства и дает им неожиданные решения. Кроме того, его статья является очень выпуклой характеристикой китайского театра и знакомит нас с теми вопросами, которые волнуют сейчас умы передовых китайских театралов» [30, с. 3].

Переводы Лу Синя и Чань Юэнь Е, сделанные Щербаковым (пусть даже двойные), свидетельствуют не только об интересе русских писателей к древней китайской традиции, но и об их внимании к современным тенденциям в китайской культуре и литературе, стремлении связать древность и современность Китая воедино. Обратим внимание, что процессы металитературной рецепции китайской культуры с начала 1930-х гг. активизируются в Шанхае: там русские беженцы получают возможность соприкоснуться с китайской ученостью напрямую, соотнести свой интерес к Китаю с интересом других европейцев, побывавших в этом азиатском Вавилоне.

На наш взгляд, именно эта специфическая сторона культурной жизни русского Шанхая способствовала появлению совершенно оригинальных с точки зрения металитературной онтологии произведений. В первую очередь, речь идет о романах Г. Кочурова «Ли-чжоу» (1939) и «Последняя китаянка» (1941), определяемых писателем как «романы из китайской жизни».

Несмотря на то, что о творчестве Г. Кочурова уже написано несколько работ, истории создания его произведений и сама биография писателя до сих пор остаются малоизученными. Известно только, что Герман Кочуров был участником японо-китайской войны [41]; издал сборник стихов «Искры под пеплом» (Шанхай, 1936), романы «Иви: эротический роман» (Шанхай, 1936), «Ли-чжоу» (1939), «Последняя китаянка» (Шанхай, 1941); последние годы жил и умер в Шанхае [45].

Произведения этого автора целиком погружены в жизнь южного Китая, в центре изображения – обычный человек в своем повседневном бытии. Обратим-

ся к роману «Ли-чжоу» [20]. Название романа носит имя главного героя – бедняка-торговца Ли-чжоу, ставшего впоследствии богатым и уважаемым человеком. Действие происходит в Шанхае и его окрестностях. В произведении нашла свое отражение жизнь самых разных социальных слоев Китая в период кардинальных политических преобразований (описываются события 1920–1930-х гг.). Писатель размышляет о многообразии проблем китайского общества, о судьбе «маленького человека». В центре повествования – простой китаец, его мысли, его настоящее и будущее. Художественная идея романа довольно проста: из простого работяги, которого пятилетним бросила мать, а в юности не на что было даже похоронить отца, и гроб целый месяц простоял, почерневший, на берегу канала, благодаря трудолюбию и упорству вырастает один из уважаемых и богатейших людей Шанхая. Эта сюжетная линия развивается на фоне внутренних раздумий и воспоминаний героя и подробного описания жизни простых китайцев: бедняков, крестьян, торговцев, женщин, чиновников и т.д.

Композиция произведения основана на соположении глав из жизни Ли-чжоу с главами о его возлюбленной Фун-ин. Вторая сюжетная линия повествует о трагичной судьбе Фун-ин. Чтобы добиться расположения отца Фун-ин, Ли-чжоу оставляет девушку и отправляется на заработки. Узнав о своей беременности, а затем из-за гнева отца потеряв ребенка, Фун-ин сбегает из дома и становится «женщиной из гостиницы». Получив тяжелую болезнь, девушка трагически погибает от рук будущего мужа – землевладельца Чин-Лу-хоу, совсем немного не дождавшись возвращения своего возлюбленного.

Бытовые подробности жизни простых китайцев, их привычки и традиции, включенные в роман, весьма познавательны для европейского сознания. Но, безусловно, не развитие сюжетных линий, довольно предсказуемое с точки зрения социальной тематики европейской прозы конца XIX – начала XX вв., выделяет роман Кочурова в контексте эмигрантской литературы 1930-х гг. Особый интерес вызывает жанровая природа произведения. Произведение словно написано двумя разными людьми, словно и соединяет в себе два произведения. Роман с подзаголовком «роман из китайской жизни» предваряет многозначительный эпиграф: «Я не хотел бы, чтобы этот печальный рассказ Китая был последним...». Далее следует пространное лиризованное вступление, где резюмируются итоги жизни героя: «... Так и прошли его годы, сухие и запекшиеся твердой корой денег, ценных бумаг и фруктов, – так запекаются губы далеко и долго идущего человека, – беспечальные и безрадостные, как капли винограда похожие; полные тяжелой мысли и широкой однообразной работы...» [20, с. 161]. Метафорика и поэтический синтаксис текста сразу настраивают русскоязычного читателя на инокультурный контекст, воспринимающее сознание «спотыкается» о необычность сравнений и сложный рисунок параллельных конструкций. Экспозиция произведения задает особый характер повествовательной стратегии всего романа, когда развитие сюжета постоянно будет наткаться на подобного рода лиризованные отступления.

Повествовательная организация романа «Ли-чжоу» напоминает китайский роман конца XIX – начала XX в., соединяющий в себе повествование в духе критического реализма и лиризованные фрагменты (как рудименты традиционных стихотворных форм, включенных в классический роман). Устремленные к реформированию классической литературы китайские писатели тех лет (Ху Ши, Линь Шу, Цзи И-хуэй, Чэнь Лэнсе, Цзэн Пу, Су Маньшу и др.) стали ис-

пользовать разговорный язык байхуа со значительными включениями традиционного письменного языка вэньяня и т.д. [16; 28].

Синтаксическая организация художественного языка романа «Ли-чжоу» также заставляет задуматься, не является ли произведение переводом с китайского. Дело в том, что китайский язык – изолирующий топиковый язык с предикативным характером связи [22, с. 71–140]. В построении синтаксических периодов романа мы обнаруживаем необычную для русского языка, но характерную для китайского литературного языка конца XIX – начала XX в. прагматику – вэньянь в сочетании с байхуа [15; 16]. Рассмотрим несколько примеров:

1. Для книжного языка вэньянь отсутствие подлежащего является нормой. Это происходит потому, что подлежащее, выражаемое в русском языке (или даже в байхуа) местоимением третьего (иногда и первого лица) или указательным местоимением, в вэньяне никак не выражается [16, с. 25]: «Затуманенным взором смотрел на узкую ленту дорог, низко сидящих с ворохами соломы и теперь горевшими на солнце золотыми искрами. Как и раньше. Стоял в четырех шагах от моста. И под ногами снова ощущал рыхлую мягкую вместо твердого, как железо покатога склона» [20, с. 339].

2. Предложения наличия с глаголами ^{убу}有 «иметь», ^{мо мэиyou}無 / 没有 «не иметь» на русский язык лучше передавать глаголом «быть» [16, с. 35]. В романе «Ли-чжоу» предложения наличия написаны по китайскому образцу: «И также имел лодку и хижину» [20, с. 163], «В этой стороне земли, где живут люди из чужих стран. Много имеют. И имеют лучших богов» [20, с. 164], «Я не имею ни хорошей жены, ни денег. Ты не будешь иметь мужа» [20, с. 171] и т.д.

3. Неопределенность границ предложения – еще одна особенность вэньяня [16, с. 33], широко представленная в романе: «В пятнах резких мужских лиц, точеных головок женщин, сладкого бездумия чистых детских глаз, под мелькающим вихрем огневых вывесок, пляшущих в темном, густом саване ночи, бежало сознательно считавшее себя осмысленным, существо, именуемое человеком – крошечная материальная мозговая частица, сумевшая вобрать в себя силу желания и чувства соседних подобных частиц – силу, окутанную такой же крошечной и материальной, но бесконечно сильнейшей частицей-амфибией, денежной единицей серебра, – чудилась страшная тень нищеты и безнадежности, чудовищной человеческой уживчивости» [20, с. 131].

Те же художественные особенности организации повествовательной структуры мы обнаруживаем и в романе «Последняя китайка» (1941) [21]. В нем рассказывается о жизни молодой девушки, которая волею судьбы из крестьянки превратилась в хозяйку знатного дома – стала женой известного чиновника. На примере ее жизни показаны те глобальные социальные и политические изменения, которые происходили в Китае, в частности в Шанхае, в 20–30-е гг. прошлого века: противостояние политических сил Севера и Юга Китая, борьба китайского народа за свободу, за освобождение от гнета иностранных держав; проблема развития новой культуры в Китае и ее взаимодействие с традициями и т.д. Так же как и в «Ли-чжоу», Г. Кочуров ставит в центр романа проблему «маленького человека».

После написания «Ли-чжоу» прошло два года – стиль автора стал более совершенным, в романе уже не столь явно бросается в глаза дискурсивная разноголосица. Тем не менее, обращаясь к жанровой природе романа «Последняя ки-

таянка», отметим, что он снова обращает нас к традиции китайского романа. Его вновь предваряет стихотворный эпиграф, криптограмматизм которого никоим образом не связан с русской поэтической метафорикой:

«Знаю: встретив не раз неожиданно – удивитесь...
И дико бросите в сторону вопрошающие глаза...
Быть может, узко и злобно улыбнетесь,
как и просмеялись всю свою короткую, недолгую жизнь...
Я отвечу: здесь живут люди из чуждого вам мира...» [21, с. 4].

В произведении отмечается частотность употребления сравнений (иносказаний): «И глазам его, обвеваемым свежим воздухом, чудилось, что словно из-под навеса быстро несущейся повозки, пробегала перед ним вся певучая, зеленая страна его отцов и дедов» [21, с. 19].

Умело использует Г. Кочуров традиционный для китайской литературы прием метафоризации: «Каплей расплавленной меди горела среди душной зеленой равнины деревушка Хуа-лу. Желто-бурыми, мохнатыми кровлями, большими змеями дорог, да изумрудом безграничного молодого рису легла на горячей земле, распластавшись вширь» [21, с. 10].

Использование олицетворений как одного из распространенных изобразительно-выразительных средств китайской литературно-художественной речи делает повествование образным и живописным, позволяет усилить художественное воздействие речи: «С севера шли полчища гаоляна – его густая стена подступала вплотную на всю длину деревни к низкому глиняному забору двора богатого землевладельца... С востока высилась реденькая роща вязов, загибаясь дугой в сторону деревни; дышала за ней полымем, несказанным, пахучим, глубокая, буйная, звонкая степь радости великой земной, без озер и тропинок» [21, с. 10].

В своем романе Г. Кочуров большое внимание уделяет объемным пейзажным зарисовкам, свойственным традиционной китайской литературе: «Ранными, свежими, как вода родника, зорями, задыхающимися полднями и тихими вечерами до лилово-багряных закатов, когда далекие холмы уже гасли в синей мгле и с полей поднимался дрожащий вздох испарений земли, густые стада лошадей, свиней попеременно с кучами детей возвращались домой» [21, с. 12].

Так как в историко-литературном процессе дальневосточной эмиграции биография Г. Кочурова представляет собой лакуну, мы не нашли подтверждений тому, что «романы из китайской жизни» Г. Кочурова являются переводами из китайской литературы. Можно предположить, что Кочуров, осуществляя столь художественно выполненные стилизации в стиле *вэньянь*, должен был хорошо знать китайский язык и прекрасно владеть книжной культурой Китая. Написать такие романы, не зная традиционной синтаксической и морфологической структуры китайского языка, не владея базовыми теоретическими основами китайского языка, не чувствуя стилистических особенностей китайской художественной речи, на наш взгляд, практически невозможно. Потому в контексте нашего исследования романы «Ли-чжоу» и «Последняя китайка» рассматриваются как мастерские стилизации либо гибридные стилизованные формы – синкретические соединения собственно авторского повествования и переводных фрагментов. С точки зрения металитературной рецепции данный путь проникновения в китайскую культуру и создания образа восприятия Китая представляется оригинальным и весьма плодотворным для русской литературной традиции.

Наособицу стоит опыт еще одного русского писателя, связанного не просто с китайской темой в своем творчестве, а, на наш взгляд, именно с металитературной рецепцией китайской литературы. Речь идет о В. А. Качоровском – писателе, не принадлежащем к «восточной ветви» эмиграции [36, с. 150], но оставившем в ее пестром художественном пространстве свой значительный след. Качоровский Владимир Андреевич (1889–1984) родился на Кавказе, в 1907 г. окончил Одесский кадетский корпус, в 1910 – Константиновское артиллерийское училище, служил в лейб-гвардии. Получил звание полковника артиллерии, награжден георгиевским оружием. Участник гражданской войны. Во время эвакуации белых частей вынужден был уехать в Европу. Жил в Италии, Франции, Австралии, на Таити, в США. Качоровский был постоянным литературным сотрудником и корреспондентом газеты «Русская жизнь» в Сан-Франциско [32], информационные материалы, воспоминания о военной службе и боевых действиях публиковал в изданиях «Вестник Гвардейского Объединения», «Оповещение по объединению лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады» и бюллетене «Объяснительная записка – «Бюллетень горя»» [4, с. 64, 73, 91].

Длительное время Качоровский работал в Шанхае. Свои впечатления о путешествиях по Китаю опубликовал в газете «Новая заря» (1929) и журнале «Современная женщина». В Шанхае были изданы его книги «Зачумленный рай» (1933), «По чужим краям» (1944), «Съё Ви Цан» [19; 4, с. 323] (предположительно 1945/1947). Последний роман, изданный на излете существования русской художественной мысли в Китае, является весьма репрезентативным с разных точек зрения.

Композиция произведения представляет собой этнографические фрагменты с чередованием истории жизни главной героини Съё Ви Цан. В романе Качоровского присутствуют две сюжетные линии. Первая посвящена жизни молодой китаянки в большом городе. Из-за тяжелого материального положения семьи Съё Ви Цан с матерью уезжают из деревни. В городе она находит настоящих верных подруг, пробует себя в роли танцовщицы, впервые разочаровывается в мужчинах, по родительскому расчету выходит замуж за нелюбимого ею соседа, встречает настоящую любовь, из-за которой погибает. Вторая сюжетная линия развивается на фоне путешествия главного героя Славина по большому китайскому городу. Славина интересует в Китае всё: быт, нравы, законы, культура.

Роман В.А. Качоровского «Съё Ви Цан» можно назвать литературным путеводителем в мир китайской психологии. Исследователи отмечают «выпуклый», зримый образ восприятия Китая [29]. Это удается благодаря подробнейшим этнографическим зарисовкам, представляющим собой целые блоки, последовательно рассказывающие о наблюдениях героя, от лица которого идет повествование. Главными темами романа становятся познание Китая, изображение жизни разных социальных слоев китайского общества, живущих бок о бок с европейцами, взаимоотношения между мужчиной и женщиной.

В романе «Съё Ви Цан» восприятие писателем быта и нравов китайского народа определил статус «стороннего наблюдателя» [Там же]. В первую очередь, в глаза бросается абсолютная нейтральность авторской точки зрения, выражающаяся в простой констатации этнографических реалий. Такой стиль вполне соответствует и жанру национального бытового романа, и жанрам этнографической прозы. Но «маневры» повествовательной техники Качоровского заключаются не в этой стилизованной нейтральности повествования.

В ходе работы над текстом произведения нами было обнаружено, что большинство этнографических фрагментов – это не личные наблюдения писателя, а вкрапления вольного перевода книги известного китайского писателя, ученого, философа Линь Юйтана «Моя страна и мой народ» [43]. В мировом китаеведении книга получила широкое признание и причислена к разряду классических исследований благодаря своей оригинальности и информативности. Линь Юитан выделил характерные особенности китайской истории, психологии, духовной культуры, религии, философии, проследил эволюцию материальных и духовных ценностей китайцев с древнейших времен до XX в., впервые познакомил европейцев и американцев с особенностями китайского менталитета [24, с. 1]. Книга Линь Юйтана была опубликована в США в 1935 г. на английском языке и стала одним из бестселлеров по версии «The New York Times» [44, р. 28], благодаря чему китайский писатель получил известность. Отметим, что на китайский язык книга была переведена лишь в 1994 г. и опубликована под названием «Китайцы: моя страна и мой народ». Поскольку Качоровский долгое время проживал в США (Сан-Франциско), он вполне мог познакомиться с книгой китайского мыслителя на английском.

Сопоставим отрывки из романа Качоровского с оригиналами Линь Юйтана на английском и китайском языках, и переводом Н. А. Спешнева.

«“Лицо” имеет психологический характер, а не физиологический. Его нельзя ни мыть, ни брить, но можно приобрести, потерять; за него можно бороться и получить в дар» [17, с. 309]. «That face is psychological and not physiological. <...> It is not a face that can be washed or shaved, but a face that can be “granted” and “lost” and “fought for” and “presented as a gift”» [43, р. 209]. «这面子是心理作用的<...>它不是一张面孔，可以揩洗或刮须，却是可以“得”“失”“争取”，更可以当礼物一样“赠送”» [44, р. 219]. «Это Лицо психологическое, а не физиологическое. <...> Это Лицо нельзя мыть или брить, но можно “получить”, “завоевать”, “поднести в дар”» [24, с. 190].

Отрывок о традиции бинтования ног женщинам:

«Несомненно, популярность бинтования ног базировалась на желании женщин идти навстречу фантазии мужчин, создавших себе любовный фетиш из маленьких ножек и туфелек<...> Еще при Тунге появилась мода на маленькие ножки у женщин, которые воспевались в стихах вместе с их дугообразными туфельками. Эти туфли, носки которых загибались кверху наподобие древних римских галер, носились танцовщицами того времени в роскошной обстановке богатых дворцов, залитых волнами редкой парфюмерии, возбуждавшей сексуальных гурманов того времени не в меньшей степени, чем сами ножки в гондообразных туфельках. Развивая в этом направлении свою эротическую фантазию, правитель Нантанга, из династии южных Тунгов, слышавший к тому же эстетом и поэтом, впервые выпустил одну из своих танцовщиц показать балетное искусство в забинтованных ногах. Он приказал ювелирам вылить из золота цветок лилии в шесть фунтов высотой, увешанный со всех сторон золотыми нитками, драгоценными камнями и жемчугом. С тех пор и родилась мода на эти ножки...» [17, с. 424]. «...its popularity with men was based on the worship of women’s feet and shoes as a love-fetish and on the feminine gait which naturally followed, and its popularity with women was based on their desire to curry men’s favour<...> Rapturous praise of women’s small feet and their “bow-shoes”, with upturned heads like the bow of a Roman galley, were the beginnings or rudimentary forms of footbinding.

These were used by the dancing girls of the court, and in this luxurious atmosphere of female dancing and court perfume and beaded curtains and rare incense, it was natural that a creative mind should have appeared and put the last finishing touch to this sensual sophistication. This creative mind belonged to the ruler of Nant'ang (Southern T'ang, a short-lived dynasty), who was an exquisite poet besides. One of his girls with bound feet was made to dance with light tiptoe steps on a golden lily six feet high, hung all over with jewels and pearls and golden threads. Thereafter, the fashion was set and imitated by the public...» [43, p. 158–159]. «它的所以获得男子的欢迎，乃缘于男人崇拜金莲和绣鞋儿作为恋爱的偶像，并欣赏其婀娜的步态，其所以能获得妇女的欢迎，则缘于她们的欲勾动男人的爱悦而已。<...>疯狂样的赞美女人之纤足和她们的弓鞋的风气盛行于唐代。弓鞋的式样系鞋头向上弯翘，大类罗马划船的船首，或即为缠足之起源或一种初步的形式。此种弓鞋本为宫中舞女所用，在这神奢华的氛围中，充满着女性的舞蹈，笙歌，萦绕着康香龙涎，锦绣珠帘，天然会产生种别出心裁的意匠，其结果即为此种性的矫饰。这一个创造的心意，系属于南唐圮主，他原来是一个细腻的诗入，他有一个缠了足的宫女，能轻盈地缓步于六尺高的金质莲花瓣上，四周复缀以珠花金链。从此这个风尚受民间的模仿...» [44, p. 150].

«Мужчинам так нравится этот обычай потому, что для них женские ножка и туфелька – это фетиш любви. Женщинам нравится этот обычай потому, что им хочется добиться любви мужчин<...> В конце эпохи Тан маленькие женские ножки и “туфельки в форме изогнутого лука” вошли в моду. Носки таких туфельек были загнуты наподобие древнеримских ростр. Их носили дворцовые танцовщицы. Девушки начинали танцевать, и между расшитых жемчугом парчовых занавесей дворцовых покоев витал аромат пудры, смешанной с благовониями. В такой атмосфере, естественно, не могла не появиться творческая натура, которая последним штрихом довела до совершенства эту изощренную чувственность. Таким человеком оказался император династии Южная Тан, незаурядный поэт. Император приказал танцовщице петь и танцевать на высоте шести футов на лотосе, сделанном из золота и украшенном драгоценными камнями, жемчугом и золотыми нитями. Так возникла и быстро распространилась мода на бинтование ножек» [24, с. 162].

Таким образом, становится понятным, почему В.А. Качоровский в этих фрагментах практически не дает собственных оценок китайским реалиям. В.А. Качоровского можно по праву назвать первым переводчиком книги «Моя страна и мой народ» на русский язык. Однако автор столь умело сопрягает переводные фрагменты с повествованием «из китайской жизни», что читатель этого не замечает и с удовольствием погружается в «этнографическую прозу». Таким образом, роман «Съе Ви Цан» можно с уверенностью назвать гибридной формой стилизации китайской прозы.

Анализ процесса металитературной рецепции китайской культуры позволяет сделать вывод о том, что богатейший арсенал китайской литературной традиции, образности, сюжетики, безусловно, обогатил литературу русского Китая, придал не просто экзотический колорит, а убедительную фактурность и лаконичность лирике, а в прозе продуцировал специфические повествовательные стратегии.

Без глубокого освоения и усвоения книжной традиции китайской культуры образ восприятия Китая и китайцев в художественной практике дальневосточ-

ных писателей не был бы столь многогранным. При этом историческая и географическая логика развития культурной жизни дальневосточной эмиграции определяла то, что металитературная рефлексия китайской традиции началась в Харбине с лирики, а завершилась в Шанхае созданием столь сложных жанровых образований, как гибридная форма стилизованного романа. Шанхайский опыт металитературной рефлексии китайской культуры был, безусловно, более плодотворным, соединил в образе литературного Китая древность и современность, точки зрения самих китайцев на себя и образ восприятия Китая европейцами.

1. Аракин Я. Китайская поэзия. – Харбин: Б. и., 1926. – 105 с.
2. Ачаир А. Лаконизмы. – Харбин: Б. и., 1937. – 32 с.
3. Бузуев О.А. Литература русского зарубежья Дальнего Востока в национальном процессе XX века: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – Комсомольск-на Амуре: Изд-во АмГПУ, 2013. – 381 с.
4. Волков С.В. Русская военная эмиграция. – М.: Пашков дом, 2008. – 569 с.
5. Дiao Шаохуа. Художественная литература русского зарубежья в городе Харбине за первые 20 лет (1905–1925 гг.): По найденным материалам // Россияне в Азии: литературно-исторический ежегодник / под ред. О. Бакич. – Торонто, 1996. № 3. С. 57–111.
6. Забияко А.А. «Живая муза с узкими глазами»: Китай и китайцы в харбинской лирике // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. унт, 2015. С. 181–195.
7. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии: монография. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. – 352 с.
8. Забияко А.А., Сенина Е.В. Образы восприятия русских эмигрантов в китайской литературе 1920–1940 гг. // «Emigrantologia Słowian». 2016. Vol. 2. P. 19–32. [Электронный ресурс]. URL: <http://emigrantologia.uni.opole.pl/wp-content/uploads/02.-Zabijako-Senina-Obraz.pdf> (дата обращения 15.10.2017)
9. Забияко А.А. От этнографических повествований – к беллетристике: М.В. Щербаков, Б.М. Юльский, А.И. Несмелов // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. С. 306–335.
10. Забияко А.А. Синолог и этнограф П.В. Шкуркин: образ хунхузов и хунхузничества в контексте социокультурных трансформаций и межцивилизационных контактов на северо-востоке Китая в XIX–XX вв. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур / под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. Вып. 11. С. 186–196.
11. Забияко А.А., Крыжанская К.А. Спиритизм, теософия, масонство: харбинский вариант космополитизма / Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии: монография. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. С. 175–194.
12. Забияко А.А. Тропа судьбы Алексея Ачаира. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2007. – 210 с.
13. Забияко А.П. Категории «свой – чужой» в этническом сознании // Россия и Китай на дальневосточных рубежах / отв. ред. Д.П. Болотин, А.П. Забияко – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2003. Вып. 5. С. 224–228.
14. Завтра. Рассказ Лу Синя // Врата. 1934. № 1. С. 48.

15. Зограф И.Т. Официальный вэньянь. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 342 с.
16. Карапетьянц А.М., Тань Аошуан. Учебник классического китайского языка вэньянь. Начальный курс. – М.: Муравей, 2001. – 432 с.
17. Качоровский В.А. Съё Ви Цан // Литература русских эмигрантов в Китае: в 10 т. Волны Хуанпуцзяна Шанхая / гл. сост. Ли Яньлинь. – Пекин: Изд-во «Китайская молодежь», 2005. Т. 5. С. 281–547.
18. Ковальчук И.Ю. Традиции китайской словесности в поэзии дальневосточной эмиграции (на материале сонетов М. Щербакова и М. Волина) // Русский Харбин, запечатленный в слове: сб. науч. работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2010. Вып.4. С. 80–85.
19. Коллекция русского шанхайца // Качоровский Владимир Андреевич [Электронный ресурс]. URL: <http://russianemigrant.ru/book-author/kachorovski-vladimir-andreevich> (дата обращения 11.08.2017).
20. Кочуров Г. Ли-чжоу. Роман из китайской жизни // Литература русских эмигрантов в Китае: в 10 т. Я береза России / сост. Ли Яньлинь. – Пекин: Изд-во «Китайская молодежь», 2005. Т. 8. С. 164–344.
21. Кочуров Г. Последняя китайка. Роман из китайской жизни // Литература русских эмигрантов в Китае: в 10 т. Я береза России / гл. сост. Ли Яньлинь. – Пекин: Изд-во «Китайская молодежь», 2005. Т. 8. С. 5–161.
22. Курдюмов В.А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. – М.: ЦИТАДЕЛЬ-ТРЕЙД; ЛАДА, 2005. – 576 с.
23. Ли Иннань. Образ Китая в русской поэзии Харбина // Русский Харбин, запечатленный в слове: сб. науч. работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. Вып. 3. С. 19–32.
24. Линь Юйтан. Китайцы: моя страна и мой народ / Линь Юйтан; пер. с китайского и предисл. Н.А. Спешнева. – М.: Вост. лит., 2010. – 338 с.
25. Лу Синь. «Юный румянец» и император Цан Лун // Прожектор. 1931. № 1 С. 4–8.
26. Лу Синь. Господин Кун // Парус. 1932. Вып. 6–7. – 48 с.
27. Макаров В. Русские дальневосточные синологи // П.Е. Ковалевский История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж: Б. и., 1971. – 347 с.
28. Петров В.В. Китайская литература [второй половины XIX в.] // История всемирной литературы: в 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит.им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1991. Т. 7. С. 675–684.
29. Поливан Р.В. Роман В. Качоровского «Съё Ви Цан»: этнография Китая глазами «русского туриста» / Р.В. Поливан // Русский Харбин, запечатленный в слове / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. Вып. 6. С. 227–237.
30. Понедельник. – Шанхай, 1931. № 2. С. 35.
31. Пышняк О.Е., Эфендиева Г.В. Валерий Перелешин как переводчик китайской классической поэзии // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Этнокультурные процессы в политическом контексте: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2013. Вып. 10. С. 256–265.
32. Русская жизнь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dordopolo.ru/product173.html> (дата обращения 18.07.2017).

33. Степанова Т.В. Жанрово-стилевой эксперимент «Шанхайских набросков» М. Щербакова // Вестник АмГУ, 2009. Вып. 46. С. 117–119.
34. Теоретическая поэтика: понятия и определения. Хрестоматия для студентов филологических факультетов / сост. Н.Д. Тмарченко – М.: РГГУ, 1999. – 290 с.
35. Трошина В.С. «Китайские легенды» П.В. Шкуркина как литературное изложение китайского фольклора и истории // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур / под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. Вып. 11. С. 181–185.
36. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Библиографический словарь. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – 358 с.
37. «Четверть века беженской судьбы...»: художественный мир лирики русского Харбина / А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. – 428 с.
38. Шкуркин П.В. Китайские легенды. – Харбин: Типография г-ва «ОЗО», 1921. – 160 с.
39. Штайн К.Э. Метапоэтика: «Размытая» парадигма // Три века русской метапоэтики: легитимация дискурса: Антология: в 4 т. / под ред. К.Э. Штайн. – Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 2002. Т. 1. С. 604–616.
40. Щербаков М. Шанхайские миниатюры // Балтийский альманах. 1924. № 2. С. 48–49.
41. Эфендиева Г.В. Книжные автографы писателей русского Китая // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Этнокультурные процессы в политическом контексте: сб. мат. международной научно-практической конференции / под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2013. Вып. 10. С. 306–322.
42. Эфендиева Г.В. Валерий Перелешин и его опыт стихотворного перевода древнекитайского трактата «Дао дэ цзин» // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 4 (44). С. 137–140.
43. Lin Yutang. My country and my people. – London: William Heinemann, 1936. – 392 p.
44. Lin Yutang. Woguo yu wo min. – Xian: Jianxishifandaxuechubanshe, 2002. – 369 p.
45. Russians in China. Genealogical index (1926–1946). (Russian Edition) / Kirill Chashchin. – Washington: South Eastern Publishers, 2014. – 950 p.

УДК 821.161.1

ОБРАЗ РОДИНЫ В ЛИРИКЕ А. АЧАИРА

Фэн Ишань,

аспирант кафедры литературы и мировой художественной культуры

*Амурский государственный университет,
г. Благовещенск*

Статья посвящена исследованию образа родины в поэзии А. Ачаира. Образ Родины у Ачаира находит свое воплощение через разные мотивы – ностальгии, прощания с Родиной, возвращения на Родину, воспоминания о Родине. Обращение к теме Родины было очень важным для поэта, потерявшего свою Россию, так он мог сохранить свою культурную память.

Ключевые слова: *родина, образ родины, литература эмиграции, Алексей Ачаир, лирика, языковая картина мира, этническая картина мира.*

IMAGE OF MOTHERLAND IN POETRY OF A. ACHAIR

Feng Yishan,

*postgraduate student of the Department of Literature and World Culture
of the Amur State University,*

Blagoveshchensk

The article is devoted to the study of the image of the motherland in the poetry of A. Achair. The image of the motherland in Achair is embodied through various motives – nostalgia, farewell to the Motherland, return to the Motherland, memories of the Motherland. Addressing the theme of the Motherland was very important for the poet who lost his Russia, so he could save his cultural memory.

Keywords: *motherland, image of the motherland, literature of emigration, Alexey Achair, poetry, language picture of the world, ethnic picture of the world.*

После событий 1917 года многие русские поэты, не согласные с политикой новой власти, были вынуждены покинуть пределы Родины. Значительная часть русской интеллигенции (философы, писатели, художники и поэты) эмигрировали или были высланы из страны в Харбин. По мнению А.А. Забияко, «восстановление образа затерянной России в Харбине началось по образцам недавнего прошлого – с формирования литературно-художественных объединений, где царил поэзия» [4, с. 155]. Разомкнутая по странам рассеяния, русская диаспора продолжала существовать на основе общности языка, исторической памяти, чувства родины. Средством сохранения исторической памяти стала литература. Для многих поэтов тема Родины стала главной темой творчества. Обратившись к ней, они могли воссоздать некогда утраченный образ покинутой ими России.

Одним из таких авторов, поэтическое наследие которого во многом посвящено теме родины, является Алексей Ачаир [2, с. 45].

А. Ачаир – представитель старшего поколения харбинских поэтов-эмигрантов, его творчество отразило общие литературно-художественные особенности старшего поколения харбинской ветви русской зарубежной поэзии, испытавшей серьёзное влияние русской поэтической традиции, в особенности поэзии «серебряного века». Под влиянием русской поэзии начала XX в. сформировалась индивидуальная картина мира А. Ачаира. Немаловажное место в ней занял образ России.

Старшее поколение харбинских поэтов (А. Несмелов, А. Ачаир, А. Паркау, М. Колосова и др.) свою русскость проверяло не только генетической связью с реальными географическими координатами, но и представлениями о былом величии Российской империи, гордостью за историческое прошлое Родины, наконец, недавними воспоминаниями об утраченном доме. По сравнению с молодым поколением поэтов этому поколению было сложнее, потому что были воспоминания о печально известной проигранной Первой мировой войне, о смерти Белого движения, о потерянных семьях и разрушенной жизни. Проще – потому что им было что вспомнить, о чем пожалеть. В их арсенале была вся предшествующая литературная традиция и национальная история, начиная с периода Древней Руси и заканчивая Серебряным веком [5, с. 156].

Например, для М. Колосовой «Родина» и «православие» – это неразделимые понятия. Эти слова являются ключевыми для понимания мировоззрения и творческой позиции поэтессы. М. Колосова уже в названии стихотворений часто использует этноним «русский»: «Русской девушке», «Русская женщина», «Русский фашист», «Русскому рыцарю» и др. В стихотворении «Неотрывная» уже у названии выражена глубокая, кровная связь лирической героини с Родиной. Осознавая свою принадлежность русскому народу и единство своей судьбы с ним, героиня чувствует гордость:

Не пленница и не рабыня,
Но каждый час и каждый год –
Я от рожденья и доньне
Твоя – великий мой народ! [7, с. 137].

«Отношение Несмелова с Россией и русскостью пропущены сквозь его до-революционный литературный опыт, фронты германской войны, стужу Ледяного похода, время владивостокской передышки и испытаний при переходе границы». Во всех стихотворениях Несмелова обнажается его экзистенциальное одиночество. Его лирический герой так скучает по родине, но уже не может вернуться назад. Поэт дистанцировался от ставшего уже каноническим в русской культурной среде и всемерно усилившегося в эмиграции мифологизирования Русской земли – Святой Руси, Третьего Рима. Несмеловская Родина – не та Русь, что вызывает экзальтированный пиитический восторг. Поэт предельно прям и конкретен в своих чувствах (от этого – не менее глубоких). Он вступает с Родиной в благородный диалог как мужчина – с женщиной [5, с. 163].

Стихотворение «Переходя границу» сюжетно связано со стихотворением «На водоразделе». В нём воспроизводится один из эпизодов перехода границы поэтом и его товарищами и появляется иное осмысление Родины. В стихотворении «На водоразделе» образ России приобретает зооморфные черты:

Пусть дней немало вместе пройдено,
Но вот – не нужен я и чужд,

Ведь вы же женщина – о, Родина! –
И следовательно, к чему ж.

Все то, что сердцем в злобе брошено,
Что высказано сгоряча:
Мы расстаемся по-хорошему,
Чтоб никогда не докучать

Друг другу больше [8, с. 89].

К концу 20-х гг. старшее поколение харбинских поэтов уже прояснило свои отношения и с Россией, и с русскостью, и с русской культурной традицией. Логика исторических событий приводила старшее поколение к пониманию того, что Харбин для русских – временный «полустанок» (А. Несмелов) на их трудном пути мытарей-изгнанников. Они знали, как хотят «воспитать русских детей, любящих свою Родину, <...> знающих русский язык и русскую историю», по мысли поэтессы А. Паркау [9, с. 24]. Но в столице Китайско-восточной железной дороги к тому времени уже выросло поколение тех, кто России не знал, будучи либо вывезенными оттуда в нежном возрасте (Н. Щеголев, В. Перелешин, Н. Петерек, Л. Андерсен), либо рожденными на чужбине (Г. Гранин, Ф. Дмитриева и т.д.). Для новой генерации поэтов «Россия» была одним из мифов, наполняющих их «провинциальное» бытие.

Многие из «молодых», выросших в Маньчжурии, могли сказать словами В. Петрова: «Я никогда не был в России, я не видел красот моей родины, и поэтому мне кажется, что лучше и красивее моей родной Маньчжурии нет страны в мире, нет ничего красивее блестящей ленточки полотна дороги, пробивающейся через стройные кедровые или берёзовые леса, пролетающей через быстрые горные речушки, выбивающиеся между взгромоздившихся сопок» [10, с. 233]. Свои литературные «отношения» с родиной каждый из молодых выстраивал в соответствии со своим социальным происхождением, семейной укоренённостью в национальной традиции, а также складывающимися связями с инокulturой.

В творчестве Владимира Александрович Слободчикова тема утраченной Родины реализовалась в мотиве исторической памяти, претворённом в мифопоэтическом ключе. На заседаниях «Чураевки» он читал отрывки из своей поэмы «Царство российское», написанной под псевдонимом «Ю. Калатаров» и получившей впоследствии название «Русь» (1933–1934). Николай Александрович Щеголев писал: «...У нас нет воспоминаний, которые перетряхивает старшее поколение эмигрантов, а между тем мы чувствуем себя до крайности русскими. Отсюда некоторая беспочвенность настроений» [11, с. 82].

Алексей Ачаир принадлежал к поколению «старших» харбинских поэтов. Воплощение темы Родины в его творчестве вмещает практически весь комплекс представлений о родине, присущих русской этнической картине мира. При этом стихотворения, объединённые темой Родины, отражают ментальность поэта-сибиряка, представляющего родину с позиций сибирского областничества, и ментальность человека, увлечённого идеями Николая Рериха. Долгое время поэт был увлечён философско-религиозными идеями Рериха, вел переписку с мыслителем. В Харбине Ачаир был одним из членов Русского Пакта Н.К. Рериха, до 1934 г., а в 1932 г. в журнале «Рубеж» опубликовал статью о Рерихе.

Если мы обратимся к сборникам поэта, мы сможем выделить 75 стихотворений, посвященных образу Родины. Представление о Родине у Ачаира представлено в различных образах. Приведем данные в таблице.

Таблица

Образ	Количество словоупотреблений
Чужбина	4
Отчизна	4
Сибирь	10
Русь	14
Россия	15
Родина	19
Земля (родная, холодная, милая и т.д.)	19
Родной край (дом)	22

Алексей Ачаир стихотворения о Родине по концептам писал в разные годы: «Земля (родная, дорогая)», 1922–1941; «Сибирь», 1925–1956; «Россия», 1929–1941; «Чужбина», 1932–1940; «Родина и Отчизна», 1932–1942; «Родной край», 1932–1944; «Русь», 1934–1942.

Динамика изменения образных воплощений родины свидетельствует об изменении поэтической и психоментальной картины мира Алексея Ачаира – не просто литератора, но, в первую очередь, офицера, воспитателя молодежи, просветителя, русского секретаря ХСМЛ. Поначалу А. Ачаир, как и все эмигранты, пишет об абстрактной «родной земле», вмещая в семантику этого образа представления об утраченной России:

И оттого, что перевал пройден
и цвет снегов под вечер стал малинов, –
мне вспомнилось, как я прощался с днем,
спускаясь с гор к своим родным долинам.

Со мною нет – ни друга, ни врага.
Отраден миг к родной земле возврата.
И близкая – до боли дорога
уже преодоленная утрата.

(«Возвращенье», 1932) [1, с. 60].

Но не только с казацкими походами связаны у А. Ачаира воспоминания о дорогой ему Сибири. Сибирская природа возвращается к лирическому герою через природные образы-символы: «запах цветов», «свежесть снегов», «прохлада озер»:

Цветов моей родины благоуханье,
прохлада и свежесть снегов.
Ты – горного озера утром дыханье,
ты – белая птица с него.

(«Ангара», 1934) [1, с. 86].

Постепенно в его стихах появляется образ Сибири – его малой родины:

На закате янтарем сверкает пыль.
Стоголая молчит немая ширь.
По степям-морям склоняется ковыль
перед тобой, моя Былинушка-Сибирь.

(«Былинушка-Сибирь», 1925) [1, с. 63].

А. Ачаир не связывает с Родиной устоявшиеся в русском сознании образы бескрайних просторов, полей, берез, ив. Для него Родина – это суровая таежная природа:

Это принес мне в жуткий час тревоги
звездный мой луч – твой голосок, Сибирь.
Мой ветерок, мой ветер синеокий,
горных дорог веселый поводырь!

(«Дорога к дому», 1935) [1, с. 89].

Образ Родины в поэзии Ачаира реализуется также через образ малой Родины поэта – далекой Сибири.

В родной тайге ты – дома;
у впадины речной
под кровлей бурелома
ты – словно зверь ручной.

(«Ночью в Тайге», 1939, №39) [1, с. 313].

Все стихотворения о Сибири проникнуты патриотическими мотивами: Ачаир обращается к героическому прошлому Сибири – описанию гражданского чувства служения Родине сибирских казаков. Примером этому является стихотворение «Казачья империя»:

Во имя правды, красоты и славы
мы слиты в сталь – в прапрадедовский меч.
В дни детских игр и в юности забавы –
куется он, чтоб Родину беречь.
Казачья правда, мужество и вольность –
девиз России в рыцарском гербе.
Вся наша жизнь – одной тебе достойной,
и наша честь, Империя, – тебе.

(26 сентября 1940) [1, с. 164].

Б. Кодзис подчеркивает, что «для Ачаира, сына сибирского казака, чувство Родины было связано «не с центральной полосой России, не с Москвией, а с Сибирью, которую он воспринимал, как своеобразный регион... Известно, что Ачаир был связан с Сибирской областной думой, которая после поражения белых в Приморье продолжала действовать в Харбине и Шанхае. Ему, как и членам этого учреждения, была близка идея автономной Сибири, которая возникла бы в случае свержения большевиков» [6, с. 219]:

Стихов о клёнах я не признаю,
плакучих ив печаль мне не понятна.
Люблю Сибирь, люблю тайгу мою
и мхов-ковров причудливые пятна.

(«В тайге», 1956, Байкит) [1, с. 414].

Стихотворения А. Ачаира о Родине проникнуты грустными, ностальгическими мотивами. Лирический герой готов вместить ее в себя. В стихотворении «Чаша неба» мы читаем:

Оттого и молчит, что понять,
как питаются телом и кровью, –
это значит – Россию обнять
с небывалой и грустной любовью!

(21 декабря 1929. № 52) [1, с. 219].

Такой «женский образ» Родины присутствует в лирике А. Блока и А. Несмелова, А. Ачаир наследует традиции этих поэтов, только у него женственный образ России передается ассоциативно – через «запах русских трав», рождающий воспоминания:

Как этот, еле уловимый
осенний запах русских трав...
Как будто встретиться с любимой,
перед которой был неправ.

(«Родные травы», 1932) [1, с. 58].

В стихотворении «Симфония Родины» лирический герой А. Ачаира Алексей Ачаир углубляется воспоминаниями в детство. Родина предстает в образе босоногих мальчишек, которые патриотически подпевают хору:

В сверкании солнца растекалась муть.
И ноги детские, в грязи, босые
бестрепетно прокладывали путь...
И хор гремел торжественно: Россия!

(1937 г. №15).[1, с. 279].

Образ Родины, который изображает автор – это образ не той, когда-то покинутой им России, а образ современной советской, чужой для него России. Часто лирический герой подчеркивает разность между этими двумя «родинами». В первом катрене стихотворения, Ачаир сравнивает затянувшееся харбинское время со сном, потому что в нем – обычная жизнь со своими обычными делами, лишь тогда этот «сон» пролетает быстрее, когда герой думает о России:

Харбинское время, как сон, растянулось на годы.
И с Родины вести – одна за другою мрачней.
Россия замкнулась. Россия лишилась свободы.
Бродяга у храма так спит на камнях ступеней...

(«Когда-нибудь...», 1922–1942– 19..) [1, с. 410].

С 1932 г. в лирике Ачаира появляется образ чужбины. На наш взгляд, это связано с началом японской оккупации Харбина и тем, что русские начинают чувствовать все тяготы своего изгнаннического положения с особой остротой:

Люблю Руси старинный вид,
боярских шапок мех и бархат.
Все в них о славе говорит
величественного монарха.

Люблю смотреть, как прочий люд,
престолу в стиле подражая, –

по выкройкам отчизны шьют,
себя по-русски выражая.

Да, так-то, муза! Многих тем
мы не используем донныне.
Стыдились прежде. А затем
позабывали на чужбине...

(«В ночном трамвае», 2 января 1942) [1, с. 175].

Во многих стихотворениях Родина противопоставляется чужбине, а чужбина для героя стихотворений А. Ачаира, как и для всех русских беженцев – это эмиграция. Эмигрантский быт в этих стихотворениях показан как суровая реальность Китая, удел эмигрантов – лишь мечтать о возвращении назад, в былую Родину:

Суровые лица
со мной и бездушные боги.
Ты – в шумной столице
встаешь на вечерней заре.
Мы Бога просили –
(Как горестно быть одиноким!)
о милой России,
о встрече на нашей земле.

(«Как и прежде», 1933) [1, с. 92].

В стихотворении «Ночная защита» он подчеркивает, что такой идеал служения Родине сибирякам прививали с детства:

Без имени, без срока,
кующих новый мир.
Победа – нам дорога,
и родина кумир...

(29 августа 1942) [1, с. 387].

Россия уподобляется уснувшему у дверей храма бродяге, потому что для эмигрантов былая Россия уже кажется сном. Противоположностью той «замкнувшейся России» выступает Китай. Именно Китай так восторженно приветствует А. Ачаир. Эмигрантский Китай, в частности, русский Харбин – своеобразная альтернатива утерянной Родине:

Привет наш Востоку! Привет наш восходам янтарным!
Теперь мы в России, и каждый – хотел и достиг
желанной победы... И сорван листок календарный.
Харбинское время – сверкающей юности миг.

(«Когда-нибудь...», 1942) [1, с. 410].

Свою нежную любовь к России лирический герой сравнивает с любовью к невесте. В «Родном краю» Ачаир соединяет эти две любви в одну:

«Моп Dieu, топ Roi, та Dame»
Два образа смешались вместе,
два чувства, слитые в одном:
любовь к оставленной невесте,
забота о краю родном.

(«Девиз», 6 ноября 1941) [1, с. 170].

Россия для лирического героя – это всего лишь сон, но он для него дорог, поэтому он сравнивает его с детским беззаботным сном, звучит в стихотворении «На Аргуни»:

Плывут леса, струит вода,
как в зыбке детский сон,
родимый край, я вновь туда
мечтою унесен.

(1945). [1, с. 402].

В последний харбинский период (1934–1942 гг.) Алексей Ачаир обращается к образу Руси:

Но крикнем жестокому шторму:
– Уж берег Руси на виду!..
Сегодня, откинувши штору,
я видел деревца – в цвету.

(«Берег виден», 1940, №18) [1, с. 329].

Очевидно, эта мифологема возникает не случайно: его родина ведет жестокую борьбу с фашистскими захватчиками. И, как бы ни был антисоветски настроен поэт, он не может не переживать за родную землю, обращается мыслями к истории ее побед.

Обращение к истории – еще один путь изображения темы Родины. Автор вспоминает героическое прошлое Древней Руси:

Люблю Руси старинный вид,
боярских шапок мех и бархат.
Все в них о славе говорит
величественного монарха.

(«В ночном трамвае», 2 января 1942) [1, с. 175].

Образ России в поэзии А. Ачаира имеет общие с поколением старших эмигрантов черты: мотив неизбывной тоски по утраченной России, противопоставление «новой Родины» – русского Харбина и старой, исторической Родины, изображение России как женщины. Но в лирике А. Ачаира Россия показана через пространство Сибири – малой родины поэта через ее историческое прошлое. Обращение к этой теме для поэта стало способом сохранения культурной памяти об утерянной России.

-
1. Ачаир А. Мне кто-то бесконечно дорог. – М., 2009. – 428 с.
 2. Ван Е. Орнитологическая символика лирики Алексея Ачаира. – Гуманитарные исследования. 2017. № 1 (61). С. 44–51.
 3. Забияко А.А. Тропа судьбы А. Ачаира. – Благовещенск, 2007. – 250 с.
 4. Забияко А.А. Дальневосточный фронт в художественном сознании русских эмигрантов // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. № 4. С. 141–336.
 5. Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – 462 с., ил.

6. Кодзис Б. Литературные центры русского Зарубежья 1918–1933: Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание. – Мюнхен, 2002. – 318 с.
7. Колосова М. Вспомнить, нельзя забыть. – М., 2012. – 95 с.
8. Несмелов А.И. Собр. соч.: в 2 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. – Владивосток, 2003.
9. Смотр женских литературных сил эмиграции Дальнего Востока // Рубеж. 1934. № 47. С. 24–25.
10. Петров В. Петров С. В Маньчжурии // Литература русских эмигрантов в Китае: в 10 т. / Собирает оригиналов, главный составитель, шеф-редактор Ли Яньлинь. Пекин, 2005. Т. 7.
11. Щёголев Н. Что такое «Молодая Чураевка»? // Парус. 1931. № 1. С.82.
12. Крузенштерн-Петерс Ю. Чураевский питомник // Возрождение. Париж. 1968. № 204. С. 51.

УДК 82(82-1/29)

АКМЕИСТИЧЕСКИЙ ФОН «ПОЭМЫ БЕЗ ПРЕДМЕТА» В. ПЕРЕЛЕШИНА*

Е.В. Капинос,

*д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, сектор литературоведения,
Институт филологии СО РАН*

Е.Ю. Куликова,

*д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, сектор литературоведения,
Институт филологии СО РАН*

В статье рассматривается акмеистический подтекст «Поэмы без предмета» В. Перелешина. Акмеистическое влияние вообще характерно для «Чураевки» и поэтов русского Харбина, отвергавших культуру авангарда как советскую. Культ Н. Гумилева и Г. Адамовича характерен для поэтов круга Перелешина, но еще большее влияние оказали на Перелешина М. Кузмин, с его мотивами двойничества, эха, зеркала, и А. Ахматова. Заглавие «Поэмы без героя» Ахматовой и сюжет, связанный с образом Глебовой-Судейкиной, отразились в «Поэме без предмета». Кроме того, акмеистическая философия вещи спародирована у Перелешина темой «беспредметности», которой Перелешин придает восточный колорит.

Ключевые слова: акмеизм, М. Кузмин, мотивы двойничества, культ Н. Гумилева, «Чураевка», «Поэма без предмета» В. Перелешина, «Поэма без героя» А. Ахматовой.

ACMEISTIC BACKGROUND OF V. PERELISHIN'S «POEM WITHOUT A SUBJECT»

E.V. Kapinos,

*doctor of Philology, the leading researcher, sector of literary criticism,
Institute of philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science*

E.Yu. Kulikova,

*doctor of Philology, the leading researcher, sector of literary criticism,
Institute of philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science*

The article is considered the acmeistic subtext of V. Pereleshin's «Poem without a subject». Acmeistic influence is generally characteristic for «Churaevka» and the poets of Russian Harbin, who completely rejected avant-garde culture as Soviet. The cult

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

of N. Gumilev and G. Adamovich is characteristic for the poets of Pereleshin's surroundings, but M. Kuzmin with his motifs of duality, echo, mirror, and A. Akhmatova had a greater influence on Pereleshin. The title of «Poem without a hero» by Akhmatova and a plot related to the image of Glebova-Sudeikina were reflected in «Poem without a subject». In addition, the acmeistic philosophy of the thing is parodied at Pereleshin with the theme of «non-objectiveness», which Pereleshin gives an oriental flavor.

Keywords: *motherland: acmeism, M. Kuzmin, duality motifs, N. Gumilev's cult, «Churaevka», «Poem without a subject» by V. Pereleshin, «Poem without a hero» by Akhmatova.*

В литературной среде русского Китая существовал культ акмеистов, особенно Николая Гумилева. Это касается как «Чураевки», так и шире – круга Валерия Перелешина и поэтического объединения «Пятница». Среди поэтов русского Китая был даже свой Гумилев – в мемуарах Перелешин пишет о знатоке и почитателе Гумилева В.Н. Обухове. Последней общей книгой «Пятницы» в Харбине стал «Гумилевский сборник» 1937 г. Правда, посетившая Перелешина в 1989 г. в Бразилии Т. Жирмунская в своих воспоминаниях отметила, что «старейший поэт был отчего-то сильно не в духе в этот день – ругал Гумилева, да и вообще неясно – хвалил ли хоть кого-то. А ведь его уже печатали в России, и “Закат печальный” оборачивался для Перелешина все более растущей известностью» (цитируется по Е. Витковскому) [3, с. 31]. Однако вполне безусловным является акмеистическое влияние на творчество как самого Перелешина, так и других поэтов русского Китая, которые очень настороженно относились к авангарду. За авангардом, как казалось многим поэтам-харбинцам, в частности Перелешину, стояла официальная советская культура, а более ранние течения, символизм и акмеизм, не несли советских коннотаций, поэтому признавались. Кроме того, русский поэтический Харбин был ориентирован на русский Париж, где в среде эмигрантов сложилась своя группа последователей акмеистов (Г. Адамович, Г. Иванов и др.), очень почитавшаяся харбинцами, игравшая, по мнению Перелешина, главную роль в поэтической жизни европейской эмиграции.

«Акмеистического» (и, в частности, «гумилевского») у Перелешина немало: например, стихотворение «Ностальгия» написано, как и «Я верил, я думал» Гумилева, длинным пятистопным амфибрахийем, и отчетливо ориентировано на этот текст основателя акмеизма. Кружащийся размер подчеркивает перекличку двух стихотворений, которая поддерживается также мотивными и сюжетными сближениями. Пятистопный амфибрахий – это и размер знаменитого гумилевского «Жирафа». Удивительно то, что Александр Вертинский за несколько лет до «Ностальгии» Перелешина, будучи в Китае, написал музыку к двум последним – китайским – строфам «Я верил, я думал» Гумилева. «Китайская линия», обозначенная поэтом, отозвалась в творчестве двух восточных эмигрантов – Валерия Перелешина и Александра Вертинского. Один создал стихотворение, метрически и мотивно перекликающееся с «Я верил, я думал», а другой положил часть текста на музыку, создав романс «Китайская акварель» и закрепив тем самым традицию и подчеркнув близость поэзии русского Китая к акмеистическому направлению «серебряного века».

Акмеистические мотивы можно найти в текстах многих поэтов, живших в Китае, и мотивы эти адаптированы под китайский контекст. В финале поэмы Кирилла Батурина «Луна» живописная, изобразительная тема соединяет в единую цепь и словесный орнамент, и нарисованный китайской тушью узор-пейзаж:

Тушью черной кладет узоры
Лунный свет на полу.
Любовь китайянки – горы,
Когда горы весной цветут
Абрикосами, миндалями,
Жасмином, дыханием трав,
Смолистыми тополями –
Нежнейшими из отрав...

И такой вот, косою, черноглазой.
Не забыть мне любви вовек;
На старинной китайской вазе
Повторенных рисунков нет...

(1931) [2, с. 64]

Очевидно, что Батурин спустя почти два десятилетия подражает Ахматовой 1913 г. («И словно тушью нарисован / В альбоме старом Булонский лес» – «Прогоулка»). Выразительны здесь ассонансные рифмы («полу» – «цветут», «вовек» – «нет», «черноглазой» – «вазе»), очень выделяется на их фоне поглощающая рифма-метаграмма: «трав» – «отрав». Дольником поддерживается «призвук» иноязычности, ритм слегка имитирует «перевод» с китайского.

«Поэма без предмета» Перелешина тоже наполнена цитатами и темами акмеизма. Китайская лексика в ней оформляет рифмы, игра в маджан, как и у Батурина, аккомпанирует сюжету, стилизованные картинки на восточные темы накладываются на китайские фонетические имитации. Не Гумилев, а Кузмин и Ахматова – это ключевые фигуры акмеистического среза «Поэмы без предмета».

Сюжетный стержень поэмы образует не только литературная, творческая, но и любовная биография автора. Герои любовных сюжетов (Василий Нестеренко и Лю Син), как и остальные персонажи, названы полными именами, но проверить подлинность этих имен мы не можем, поскольку их прототипы существовали за гранью литературной и общественной жизни харбинской и шанхайской эмиграции, запечатленной в документах и мемуарах. Не упоминаются эти герои и в мемуарной прозе «Два полустанка».

Любовная линия «Поэмы без предмета» вписывается С. Карлинским в контекст гомоэротических сюжетов русской литературы [4, с. 22-23]. Первый ее эпизод – роман с умирающим от чахотки Василием Нестеренко – отсылает к «Ночам на вилле» Н.В. Гоголя. Юный Василий Нестеренко напоминает гоголевского Иосифа Вьельгорского [4, с. 15], а сам этот сюжет представлен в качестве идеального варианта возвышенной платонической любви – за смертью возлюбленного следует решение лирического героя уйти в монастырь. Отзвуки этого сюжета С. Карлинский усматривает в харбинском сборнике «Добрый улей» (1939) [См.: 4, с. 14], подписанном наряду с псевдонимом, подлинным монашеским именем Перелешина – «монах Герман» [См.: 6]. Ключевые мотивы книги – смерть юноши, двойничество, монашество:

Так кто ж судил, о милый мой варяг,
Чтоб люди нас за братьев принимали,
И чтоб твоих очей морские дали
Ласкали глаз моих стигийский мрак.

(«Двойник», 1936) [7, с. 6]

Оттого у монаха везде кресты,
И скелет посреди жилья,
И под ним: «Не забудь, что я был, как ты,
И ты будешь таким, как я».

(«Над гробом», 1938) [7, с. 16]

Гомоэротическая линия, мотивы двойничества, зеркала указывают, конечно, на влияние лирики М. Кузмина на Перелешина. Вспомним хотя бы заглавие кузминской книги 1921 г. «Эхо» и иллюстрации к этой книге. Или такие мотивы лирики Кузмина, где любовь сливается с мотивами братства и святости:

И я стою перед лампадами,
Смотря на близкий милый лик.
Не властен лед над водопадами,
Любовных вод родник велик.
Ах, нужен лик молебный грешнику,
Как посох странничий в пути.
К кому, как не к тебе, поспешнику,
Любовь и скорбь свою нести?

(«Сети») [5, с. 51]

Я стою средь поля сжатого,
Рядом ты в блистанье лат.
Я обрел себе Вожатого –
Он прекрасен и крылат.
Ты пойдешь стопою смелою,
Поведешь на новый бой.
Что захочешь – то и сделаю:
Неразлучен я с тобой.

(«Сети») [5, с. 54]

Кульминационный сюжет «Поэмы без предмета» – это история любви автора и китайца Лю Сина, юного продавца старинных книг (*Шестая песня*). Любовное чувство автора вступает в драматическое противоречие с чувством религиозным, где берет верх то страстное раскаянье, то переживание божественного происхождения и силы земной любви:

Богооставленным Саулом,
уже предобреченный царь,
я исчужу вхожу в алтарь,
но пенье стало смутным гулом,
а над молитвой хоровой,
Лю Син, я слышу голос твой.

(XXXV, Песнь шестая) [9, с. 280]

Древний Китай, старинные китайские книги, перевод с китайского на русский поэзии – все эти темы связаны в «Поэме...» с Лю Сином. Через Лю Сина открывается окно в полный недоступных сокровищ мир чужой, хотя и знакомой с детства культуры. Русский Харбин, где вырос и воспитывался Перелешин, сохранял изоляцию от китайского мира, и Перелешин не упускает случая отметить не только притяжение, но и обособленность китайского и русского. С едва уловимой иронией прояснена этимология привычных русских топонимов Харбина. Так, название русского района Модяговка (Модягово) («второй квартал по Модяговке» – *XXII, Песнь четвертая* [9, с. 176]) снабжено примечанием: «правиль-

нее Ма-цзя-гоу» (не то «канава семьи Ма, не то «извозчичья», по ширине не меньше Тибра. Приток реки Сунгари)» [9, с. 204].

Лю Син выводит лирического героя из замкнутого русского эмигрантского мира в стихию китайского языка. Действие 6-й и 7-й главы разворачивается вдали от Харбина. Большая лирическая нагрузка ложится на путешествия по местам, сохранившим историю древнего Китая: парки Тай-мяо и Чжун-хай, Нань-хай, старинные монастыри в Западных холмах (Си-шань), Ханджоу (Ханьчжоу – *ред.*):

В Ханджоу бывал я многократно,
и если бы не Мао Цзэ-дун,
Туда побрел бы я – обратно:
Спуститься в черный Цыноньдун.
Пройтись по травяным долинам
с тогдашним ласковым Лю Сином,
взобраться на уступы скал,
где свежий ветер нас ласкал.

(LIII, Песнь шестая) [9, с. 289]

А в прозе Перелешин рассказывает о парках Китая так: «Мы побывали на том островке, где Вдовствующая Императрица Цы-си держала в заключение несчастного императора годов правления Гуан-сюй, пробежали по залам Зимнего дворца, столь огромного, что каждый день для посетителей открывалась одна четвертая часть дворца с павильонами, дворами, мостами, галереями, сокровищами искусства» [10, с. 31]. Дворцы, парки и просто неповторимые пейзажи Китая видятся Перелешину как первоклассные произведения искусства, стоящие в одном ряду с картинными галереями, древними европейскими храмами. Гомоэротическая любовь в окружении произведений искусства, – все это тоже кузминские мотивы у Перелешина.

Кстати, есть еще один интересный момент, роднящий Перелешина с Кузминым. Прогулки по знаменитым паркам Китая – это свидания с Лю Сином. Не только «свежий ветер» ласкает их, они ласкают друг друга. Однако эти свидания «прикрыты»: ласки друг к другу заменены свежим ветром, а общие сцены, где герой окружен многими друзьями, незаметно сменяются беглым упоминанием Лю Сина и лишь намеками на эпизоды, где автобиографический герой остается наедине со своим китайским любовником. Примерно в том же ритме общие сцены чередуются с любовными эпизодами и в книгах Кузмина.

Любовь к Лю Сину в поэме написана не как последовательная история (четче других обозначен лишь один момент: заключение Лю Сина в тюрьму и его вызволение; остальное, включая расставание, дано лишь эскизно), а как сюжет-веер, сюжет-складень¹, сюжет-книга с путешествиями в далекие времена, когда создавались столь притягательные для поэта-переводчика памятники древней китайской поэзии. Причем погружение в другой мир, в мир утонченной восточной древности – не просто метафора, но метафора в некотором смысле реализо-

¹ «Волшебный складень» – метафора жизненного пути и путешествий в «Поэме без предмета»: «Став гражданином Парагвая, / Он часто ездит на Восток, / В Бейрут, Калькутту и Банкок, / потом от скуки изнывая, / В Перу недолго погостит, / и снова в Африку летит // Вот это жизнь – волшебный складень, / где рядом холод и жара» (LV-LVI, Песнь вторая) [9, с. 106–107].

ванная, связанная с мотивами двойничества, зеркала, игрой с темой времени. Тема однополой любви, отменяя мотив вечной возобновляемости рода, позволяет «форматировать» время, прерывая эту неиссякаемую возобновляемость и тем самым переводя существование, жизнь из актуальной модальности в эвентуальность.

Вот как это звучит в сборнике «Южный дом» [8], который, наряду с 6-й и 7-й песнями «Поэмы без предмета», посвящен Лю Сину:

И к чему же так скоро устала бы
Наша кровь повторяться в веках.

(«Усталым») [8, с. 31]

Дорисовывая событийный сюжет «Поэмы» и стихотворного цикла «Южный дом», можно догадаться о причинах расставания лирического героя с Лю Сином, который, в отличие от лирического героя, предпочел родовое возобновление времени:

Мне, – ты скажешь, – ясно назначенье:
Я только дверь, и собрались за ней
Пришедшие родиться поколенья
Раскосых, желтых, маленьких людей.

(«Неизбежное») [8, с. 24]

Время «Поэмы...» не возобновляемо, русский Китай Перелешина – мир не рожденных и умерших, что тематически роднит «Поэму без предмета» с «Поэмой без героя» Ахматовой, с поэмой «Форель разбивает лед» Кузмина, с пятой главой «Онегина», где Татьяна видит сон, предвещающий смерть Ленского. Но если у Пушкина, Ахматовой, Кузмина нездешний мир, стоящий «за дверью» видимого, живописуется в балладных тонах и с привлечением интертекстуально богатых мотивов призрачности, мертвенности, невоплощенности, то «Поэма...» Перелешина использует преимущественно лишь один прием: перечень, «мартиролог» погибших поэтов, в который входят и «угасшие», «замученные», «убитые», «задохнувшиеся» в России. И перечень этот начинают и завершают акмеисты («был Гумилев убит в овраге, / погибли – “от иных причин” – Волошин, Клюев и Кузмин. / Украсил запах смердяковский / разнузданное торжество: / Есенин умер от него / и задохнулся Маяковский... Конец горчайший Мандельштаму / на долю выпал...» – *LVI-LVII, Песнь третья* [9, с. 149]). Упомянут, конечно, и умерший в эмиграции постакмеист Адамович («Без Адамовича в пустыне, / о, Муза русская, витай!» – *IX, Песнь вторая*) [9, с. 83], и сотни исчезнувших, пропавших харбинцев и шанхайцев, названных в поэме поименно, как в чине заупокойной службы.

Набор любовных мотивов, можно думать, заимствован Перелешиним у Кузмина, который нередко сочетал их с мотивами храма, молитвы, рыцарского служения. Герои Кузмина – «близнецы», их «двойничество» отражается зеркалами, водной гладью, живописными полотнами, полустертыми иконами и фресками, открывающими «окна» в другие, далекие, книжные миры, квинтэссенция которых – чистый мир искусства. Путешествия, «картинки на веере» Перелешина – не европейские, а исключительно китайские. Словесно тема двойничества развивается у Перелешина довольно традиционно, но в оформлении она обозначена китайским удвоенным иероглифом «си» "囍" – двойная радость, двойное счастье. Этот иероглиф используется в качестве декоративного символа для любых торжественных случаев, в первую очередь, для свадьбы. Шмуцтитул

с удвоенным "喜" предшествует началу поэмы (первой главе) и, по-видимому, относится и к общему сюжету поэмы (юность, Китай как преизбыток радости и счастья), и к сюжету однополой любви к Лю Сину.

Поэтическое легато у Кузмина достигается благодаря разнообразию жанровых форм, в том числе и твердых, которые сложно взаимодействуют внутри его стихотворных книг, скрепляются системой рефренов, преобразуются, и, кроме того, всегда имеют многослойные литературные подтексты. В этом же направлении пытался двигаться и Перелешин, неустанно экспериментируя с твердыми формами (одной из которых в какой-то мере является и онегинская строфа), экзотическими рифмами, темами, умножая лексические возможности русского поэтического языка. Вот две очень характерные для Перелешина концовки (одна – сонетная, вторая – с зеркальной звуковой «антиметаболой» на конце) из той же, посвященной Лю Сину, книги «Южный дом»; тема обеих концовок – двойственность и взаимообращенная связь как героев, так и стихотворных строк:

Я озеро, которому как Китеж,
Твоя судьба навек обручена.
Я зеркало, но и дойдя до дна,
Ты жадности безумной не насытишь,
Отныне знай: ты будешь жить вдвойне,
И наяву, и в этой глубине.

(«Сонет») [8, с. 17]

О, нам бы плыть неведомо куда,
В какое бездорожье голубое,
Под дальний гул растущего прибоя –
Но только так бы плыть, чтобы всегда
И в море нас, и в мире было двое.

(«Другу») [8, с. 29]

Тема двойничества восходит, конечно, не только к Кузмину, но и ко многим другим источникам. Двойничество, пустота – все это философские темы, подкрашенные у Перелешина акмеистическими подтекстами. Само заглавие «Поэма без предмета» нарочито копирует ахматовское, – «Поэма без героя». Вторым источником «беспредметности» – древнекитайский трактат «Дао Дэ Цзин», стихотворный перевод которого Перелешин закончил в 1971 г. Прилагательное «непредметный» входит в рефрен трактата, это одно из определений «дао», понимаемого среди прочего как «пустое», «постепенно наполняющееся»:

Если истину произречь,
Суть погибнет, а выйдет речь.
Если имя ты назовешь,
То не имя оно, а ложь.

<...>

Пребывая в небытии,
Постирай его глубину.
Пребывая в мире вещей,
Многовидность их постирай.
Эти два – на деле одно,
Хоть различны их имена.
Эта тайна превыше тайн,

Ко всему сокрытому дверь.
 Кто их образ умом поймет,
 Верно, к Истине сам примкнет,
 Хоть она и непостижима,
Непредметна, неуловима.
В непредметном, неуловимом
 Есть, однако, некая суть.
 В недоступном и непредметном
 Некий образ напечатлен...

<...>

Без насилья: сила таима,
 Без обличья оно незримо,
Непредметно, неуловимо».

(«Дао Дэ Цзин», пер. В. Перелешина) [6, с. 42–43]

Несколько полупародийных отступлений на темы «беспредметности» поэмы Перелешина нетрудно связать с «пустотой» в китайском повороте, с пустотой как знаком «дао», то есть с процессом творения мира, который изображен Перелешиним в обратной перспективе: как процесс разрушения. А мотивы удвоения, двойничества тоже поставлены у Перелешина так, что вторят «обратному» творению, направляя не к умножению, а к одиночеству, «вычитанию», что находит отклик в акмеистическом подтексте, если подчеркивая, к примеру, тему несчастной любви и отсутствующего героя в «Поэме без героя», напротив – выдвигать на первый план тему героини и ее двойника – Ольги Судейкиной («Ты – голубка, солнце, сестра») [1, с. 407]. Не только Ольга Судейкина, но и сама «поэма» удваивает автора в тексте Ахматовой, что еще больше опустошает место героя.

У Перелешина мотив двойничества и беспредметности с акмеистическим и уходящим в глубину веков даосским подтекстом усиливает неопределенность, «мультисубъектность» «Поэмы без предмета», а неопределенность и мультисубъектность, невычленимость субъектов вообще характерны для лиро-эпической традиции XX в.

Итак, «Поэма» Перелешина дает возможность наблюдать поздний этап аполлонической традиции, развивавшейся по линии акмеизма. Особенно явно в поэме проступают следы «Поэмы без героя» Ахматовой и различных книг Кузмина. Перелешин расставляет свои акценты в теме двойничества, пустоты, дает свою вариацию ахматовского заглавия.

1. Ахматова А. «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без героя. Проза о Поэме. наброски балетного либретто: материалы к творческой истории. – СПб.: Мирь, 2009. – 1488 с.

2. Батурин К. Луна // Вернуться в Россию – стихами... 200 поэтов эмиграции: Антология / сост., авт. предисл., комм. и биограф. сведений В. Крейд. – М.: Республика, 1995. С. 63–64.

3. Витковский Е. Апостериори. Записки Ариэля // Зарубежные задворки / Za-Za. 2013. № 4. С. 3–35.

4. Карлинский С. «Поэма без предмета» Валерия Перелешина // Перелешин В. Поэма без предмета / под ред. С. Карлинского. – Холиок: Нью Ингленд Паблицинг Ко, 1989. С. 7–31.

5. Кузмин М. Избранные произведения. – Л.: Худож. лит., 1990. – 576 с.
6. Лао-Цзы. Дао Дэ Цзин. Хуай Наньцзы. – Котлас: Эзотерическое изд-во «Скрижали», 1992. – 84 с.
7. Перелешин В. (Монах Герман). Добрый улей: Вторая кн. стихотворений. – Харбин: В.В. Плотников, 1939. – 29 [2] с.
8. Перелешин В. Южный дом: Пятая кн. стихотворений. – Мюнхен: Изд. автора, 1968. – 47 с.
9. Перелешин В. Поэма без предмета / под ред. С. Карлинского. – Холиок: Нью Ингланд Паблшинг Ко, 1989. – 411 с.
10. Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950. The Memoirs of Valerij Perelesin. – Amsterdam, 1987. – 159 p.

УДК 82-14

ПОЭТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ ЛАРИССЫ АНДЕРСЕН

А.А. Хадынская,

канд. филол. наук, доцент, кафедра лингвистики и переводоведения

Сургутский государственный университет,

г. Сургут

В статье рассматривается поэтический мир Лариссы Андерсен, поэтессы восточной ветви русской эмиграции первой волны. Обнаруживаются акмеистическая направленность лирики, мифологическая символика в контексте общей эмигрантской тематики. Выявляется влияние геософских воззрений Н. Гумилева на уровне глубинной поэтической ткани.

Ключевые слова: *Ларисса Андерсен, поэзия русской эмиграции первой волны, восточная ветвь русской эмиграции, мифологизм, поэтический мир, акмеистические традиции.*

THE POETIC MYTHOLOGY OF LARISSA ANDERSEN

A.A. Khadynskaya,

Candidate of Philological Sciences, Associate professor

Department of Linguistics and Translation Studies

Surgut State University

The article deals with the poetic world of Larissa Andersen, the poetess of the eastern branch of the Russian emigration of the first wave. It reveals the acmeistic orientation of the lyrics, mythological symbols in the context of general emigrant themes. The influence of N. Gumilev's geosophical views at the level of deep poetic tissue is revealed.

Keywords: *Larissa Andersen, the poetry of the Russian emigration of the first wave, the eastern branch of Russian emigration, mythologism, the poetic world, acmeist traditions.*

Имя Лариссы Андерсен (1911–2012) еще не очень известно широкому кругу читателей. На обложке ее пока единственной книги, изданной в России, написано: «Известная поэтесса и танцовщица восточной ветви русской эмиграции». Надпись эта сделана на фотографии, с которой на нас смотрит молодая женщина поразительной красоты и одухотворенности. Это издание увидело свет благодаря стараниям владивостокской журналистки Тамары Калиберовой, и Ларисса Андерсен, прожившая очень долгую жизнь, успела узнать об этом. В ее эмигрантской истории, полной драматических и даже трагических событий, выход сборника с красноречивым названием «Одна на мосту» можно сравнить с

чудом. Сколько имен поэтов и писателей восточной ветви русской эмиграции еще ждут своего часа, своего открытия!

Стихи Лариссы Андерсен отличаются какой-то удивительной простотой и прозрачностью, но это только первое впечатление, не случайно подруга Нора Крук назвала ее «обманчиво несложным поэтом» [1, с. 41]. Ее «поэтические университеты» начались в Харбине, когда она стала активным участником поэтического кружка «Молодая Чураевка», организованного Алексеем Ачаиром (настоящее имя Грызлов Алексей Алексеевич), сибирским казаком, участником белого движения на Дальнем Востоке и неплохим поэтом. Г. Эфендиева точно подметила, что для эмигрантской молодежи, пишущей на русском языке вдали от родины, «занятия сочинительством предоставляли уникальную возможность найти и испытать в воображаемом мире то, что им не было доступно в действительности. Это способствовало стремлению молодых авторов вносить в свои стихотворные тексты автобиографические мотивы, проецировать на литературу свой мир чувств и в то же время мифологизировать реальную жизнь, моделировать ее по образцам и законам литературной деятельности» [5].

Все современники отмечали природную грацию Лариссы, ее шарм и редкие душевные качества, но именно Ачаир увидел в юной красавице незаурядного поэта, подвигнув ее писать «от сердца», опираясь на собственные ощущения жизни. Этот урок она усвоила на всю жизнь, поэтому практически избежала подражательных интонаций, сразу обретя свой негромкий, но очень индивидуальный поэтический голос.

Эту особенность молодой поэтессы сразу заметил Александр Вертинский (не избежавший, как и многие из ее мужского окружения, влюбленности в нее, увы, безответной), написавший в «Шанхайской заре» заметку о стихах Лариссы: «У нее почти нет того, чем так грешат молодые поэты. Междустрочной воды. Необходимой, как цемент для постройки. Она монолитна. Ее вещи как бы вырезаны из одного целого куска материала. Из них ничего не убереешь. К ним ничего не добавишь. Единственный упрек, который можно было бы ей сделать, то, что она замкнулась в круг слишком личных переживаний. Она пишет себя. Она пишет о себе» [2]. Действительно, стихи Л. Андерсен – лирика в ее чистом виде, рассказ о своих переживаниях, но при этом рождается целый мир, где, по ее собственному выражению, она «всегда довольна».

Будучи человеком очень гармоничным и разносторонним, Ларисса долго не могла выбрать себе занятие, увлекаясь одновременно танцами, живописью, йогой, верховой ездой и стихами. Осознавая это свое отличительное свойство, она говорила о себе: «Вероятно, это в моей натуре – увлекаться многим, особенно в сфере искусства. Признаться, я даже слегка побаиваюсь людей, всецело одержимых одним родом деятельности, хотя, наверное, такая цельность природы позволяет достичь в жизни больших высот, чем такое, как у меня, «всего понемножку»...» [1, с. 5]. Она называла это «разбрасываться», но именно такое «содружество занятий» породило ее поэзию, в которой, несмотря на тяготы и лишения эмигрантского существования, господствует радость жизни, счастье от соприкосновения с миром, ощущение самой себя как его части фактически буквально. Все, что она видела и слышала, преображалось в ее стихах в удивительный мир, поражающий своей открытостью и живописностью. Взгляд художника позволил ей запечатлеть в слове всю красоту мироздания и понять свое место в нем.

Главное «действующее лицо» ее лирики – природа, которую она чувствовала всем своим естеством. Г. Эфендиева отмечает, что «обладая поэтической интуицией, создавая свою космогонию, поэтесса обращается к универсальной мифологической модели мироздания...» [5]. Действительно, в стихах Лариссы Андерсен образы растений и животных занимают особое место, что во многом объясняется и ее характером. Все друзья единодушно отмечали ее любовь к всему живому, особое чувство было к кошкам и лошадям: она подбирала брошенных котят, кормила их на последние деньги, в ее доме до самой ее кончины жили кошки, любимого кота она привезла из Китая во Францию, когда вышла замуж за директора судоходной компании Мориса Шеза и уехала к нему в фамильное имение на верхней Луаре; она прекрасно ездил верхом – и муж купил ей коня, она назвала его Гнедко и очень любила скакать на нем по французским полям.

Анималистическая и флористическая тема складывается у Лариссы Андерсен в целую вселенную, волшебный мир, живущий по своим законам, в который зло, если и приходит, то не задерживается, изгоняется целительной здоровой силой естественной жизни.

Ее любовь к деревьям явно мифологического свойства: дерево как центр мира доминирует в ее пейзажных стихотворениях. Может быть, причиной этому стали ее скандинавские корни (по отцовской линии она происходила от Якуба Андерсена, неизвестно как попавшего в Россию, его потомком был Михаил, дед Лариссы), но вернее всего – традиции русской пейзажной лирики, к которой тяготеет ее «природная» поэзия. В доказательство этому – лирическая зарисовка «По весенней земле. Из раннего», в которой поэтесса описывает Дерево как центр мироздания, наделенное душой и мудростью – тем, чем, хотелось бы, были наделены лучшие из людей: «Дерево... Большое и нахмуренное... Спокойное, как мудрец, которому уже ничего не надо. Дышит, стоит... И совсем не думает. Ему и не надо думать. Оно просто знает, что надо только одно: Быть... Дерево слушает, о чем говорит ему земля. Сотнями тоненьких веточек оно впивается в весеннее небо – синее, густое, словно все состоящее из мерцающих светлячков... Не надо думать. Только не надо думать. Надо опустить руки, откинуть голову и слушать, – тихонько слушать, как вливается свет сквозь закрытые веки, сквозь кожу...». [1, с. 249]. В приведенном отрывке лирическая героиня поражает «слитостью» с деревом и словно является его отражением на земле, столь разительно зеркальной выглядит ее поза: поднятые к небу «ветви-руки» продолжают опущенными к земле руками героини; такое «заземление» образует «круг жизни», как обычно изображалось знаменитое дерево Иггдрасиль, вписанное в круг – с корнями, уходящими вглубь земли и являвшимися отражением его ветвей, образующих на высоте божественное небо.

У Андерсен очень много стихотворений с образами деревьев: сосен, яблонь, берез (одно из них так и называется – «Эмигрантская березка»). Классический прием олицетворения становится у поэтессы способом творения этого природного мира в ее лирике, где героиня постоянно ощущает свою органическую с ним связь, и пока она ее чувствует – жива ее душа. «Друидические» мотивы неоднократно встречаются в ее стихах: от деревьев она «подпитывается» силами, и даже эстетическое переживание вполне «цивилизованного» свойства может передаваться ею через природные образы – в шуме листвы ее героиня слышит волшебную музыку:

Под высокими сводами слушать орган...
 Под высокими сводами сосен
 прижаться всем телом к поляне...
 Словно в детстве, где травы, и птицы,

И феи, и лани вместо этих людей,
 Где остался забытый курган под небесными сводами...
 Мы должны не страдать. И просить не должны – ни о чем.
 [1, с. 94]

Переживания лирической героини созвучны природному циклу. Весной она ждет любви, и ожидание счастья сообразно цветению яблони:

Вот как будут яблони цвести,
 Приподнимет мрачное забрало
 Рыцарь Счастье на моём пути».
 («Яблони цветут») [1]

Мифологический круговорот жизни диктует летний рост плодов и трав, и у лирической героини любовь расцветает и наполняется живительной силой, и снова повторяется у поэтессы образ рук-ветвей (в вариации стеблей), опустившихся к земле (курсив наш – А.Х.):

Звенит июнь, сереброзвонный ландыш,
 Вдыхая тишь, роняет дни в траву,
 И, крадучись, в потемках, от веранды
 Тропинки уползают и зовут...

А там, где тень узорно вяжет петли,
 Во тьме аллеи – шорох легких ног,
Девичьих рук заломленные стебли,
 Девичьих губ томящийся цветок.
 [1, с. 61]

Не отдам никому этой радости,
 Не отдам я ее сентябрю, –
 В обессиленном, тающем августе
 Вместе с летом зеленым сгорю.
 [1, с. 62]

Осенью любовь умирает, лишившись питательной силы земли:

Чем напоите меня,
 Небо пустое и поле?..
 Гаснут глухие вопросы...
 Страшно – горячие слезы,
 Слезы неистойвой боли
 В мертвые листья ронять.
 [1, с. 63]

С зимой у Андерсен связано пространство Дома, охранительного очага, под теплым светом которого героиня стремится укрыться от непогоды-несчастья. Описание тихих семейных вечеров в доме у печки и зимнего пейзажа за окном вполне вписываются в русскую классическую традицию, но у Лариссы Андерсен посиделки «у камелька» возможны лишь в воображении, это эмигрантская мечта, порожденная бездомьем и неприютностью; воспоминания об ушедшей в мир иной матери только усиливают тоску и обостряют боль от несбыточности мечтаний (далее в цитате курсив наш – А.Х.):

В доме, *наверно*, пылает печь,
 Кресло такое, что можно лечь,

Очень радушное в доме кресло.
 Счастье с ногами в него залезло,
 Счастье в мохнатом большом халате...
Там добрая мама... И белая скатерть...
 И чай с молоком.

[1, с. 90]

В стихах Андерсен явно прослеживается установка на акмеистические традиции, что выражается во внимании к вещным деталям: вещь как знак земного мира репрезентует ее творческую позицию как наследницы акмеизма, что вообще характерно для лирики харбинских поэтов-чураевцев (Перелешина и пр.), о чем автор статьи уже писал [3; 4]. В приведенной цитате очевидно такое внимание к деталям, составляющим пространство Дома: печь, кресло, скатерть, чай с молоком. Через них домашний мир предстает как очень зримый, но недостижимый и невозможный, отчего лирической героине становится еще горше и тоскливее. В стихотворении «Дом» эта мысль звучит еще отчетливее:

В такой усталости и смуте
 Мой буйный дух почти зачах.
 Но рано думать об уюте,
 Но рано думать о вещах.
 И, по привычке, без упрека,
 Я вижу, что уют и дом
 Мне суждены совсем в далеком,
 Совсем несбыточном «потом».

[1, с. 91]

Автобиографический момент (переезды с мужем по миру по долгу его службы) нашел отражение в лирике Лариссы Андерсен в тематических стихотворениях, посвященных местам их странствий: Индия, Таити, Вьетнам, Африка («гумилевские места» – скажет сама поэтесса)... И везде ее героиня, осознавая временность своего пребывания в этих местах и невозможность постоянного домашнего устройства, воспринимает как Дом природу, которую она ощущает и душой, и телом, жаждет найти в ней то, что в силу обстоятельств не сложилось – тепло, покой, постоянство. В частности, в «таитянских» стихах описан самый, пожалуй, счастливый период ее жизни, когда у них с мужем был дом с садом, вокруг – невероятной красоты природа. Даже такой временный дом давал ей счастье, и она много занималась устройством быта, но, по ее собственному признанию, она потом жалела, что за этими бытовыми хлопотами она так мало бывала на природе. Как эмигрантский человек, познавший много горя и лишений, Ларисса Андерсен научилась ценить саму жизнь во всех ее проявлениях и понимала, что ее ситуация, по сравнению с судьбами многих ее товарищей, во многом благополучнее. Самое ценное, что осталось в ее поэтической душе от таких путешествий – красота природы и покой, пусть и недолговременный в ее случае, который дает она человеку; в памяти сохранились именно эти мифологические «ощущения» единения с миром, биение собственного сердца в унисон с движением земли:

Там – ни зла, ни добра, только плещущий хаос творенья,
 Непреложный, настойчивый, яростный пульс бытия.
 Но, разбившись о риф, проливаясь в ладони лагуны,

Успокоено глядя затихшей водою песок,
Вздых соленых глубин исторгает великий Моана
И приносит на землю свою первозданную дань.
Вот сюда, на случайный потерянный остров, где ветер
Хлопотливо ерошит заливки напуганных пальм,
Треплет плети лиан, и швыряет цветы по откосу,
И внезапно, сердито – кидается на гору к нам,
Где сосна так пушисто шумит, так послушно кивает,
Где за тонкой стеной я вдыхаю дыханье всего...
Где мне так хорошо...

[1, с. 145]

Можно сказать, что Андерсен как поэта сформировало именно природное мировидение, принятие земного существования, выразившееся в ясном и гармоничном лирическом стиле (в духе той самой акмеистической «прекрасной ясности»). Именно в таком слиянии с природой она черпала силы, рефлексия этого составляла всю глубину ее внутренней жизни. Поэтому так понятны чувства, которыми она, уезжая из Таити, делится в письме к давнему харбинскому другу Валерию Перелешину: «Для меня это конец путешествий, конец колониальной жизни, с прислугой, с приемами, с длинными платьями и, главное, с купанием в этой изумительной лагуне. А я так мало купалась из-за паршивого дома и сада, все думала – потом. Для Вас, может быть, это ничего не говорит, но половина меня – это природа и ее удовольствия. Что касается балов и так далее, то это только легкий «вздых»: и так моя «молодость» затянулась не по праву и не по летам, другие этого не имели никогда. Это даже лучше. Все эти вещи, включая самую молодость и «красивость» вообще, только заслонка для настоящей внутренней жизни, которую потом не догонишь, когда от всего останется только пепел в душе. Но терять лагуну я не согласна и реву» [1, с. 355]. Через несколько лет «паршивый дом и сад» будут реабилитированы: Ларисса с мужем после окончания им службы уже поселились во Франции, в фамильном имении Шезов в Иссанжо, жили уединенной провинциальной жизнью, спокойно, по-европейски, но без событий, Лариссе пришлось нелегко в вынужденной изоляции, совсем не было круга общения, никто не говорил по-русски (ее отец к тому времени уже умер и был похоронен в семейном склепе Шезов), и в послании к подруге Лидии Хаиндровой («милой, золотой Лидо») она пишет, что «... троглодитство и жестокость так отравляют существование – хуже собственных невзгод: старения, одиночества и т.д., что порою хочется лечь и умереть или хотя бы потерять память... И все же сквозь все – вот посмотришь на сад – с последними пятнами снега, с подснежниками, на иву, которая раньше всех отваживается распуститься, и не зеленым, а желтым, недаром китайцы называли «цвет гусят», и опять жить, жить...» [1, с. 367].

Природная стихия, ее буйство и непостижимость для человека всегда завораживала Лариссу Андерсен. У нее много стихотворений посвящено морю и океану, особенно «таитянская серия», и в них очевидна отсылка к гумилевской геософии, одно из них, «Пароход», открывает сборник «Чужие моря» (ср. «Чужое небо» Н. Гумилева). Морские странствия (в отличие от добровольных гумилевских, по-эмигрантски вынужденные) становятся импульсом к творчеству, предметом поэтической рефлексии. Акмеистическое культурное путешествие носит у Андерсен иную биографическую подоплеку, но демонстрирует те же

поэтические установки: торжество земной жизни как эстетический феномен, диалог человека и мира, мифологическая основа всего сущего, но преображенная религиозным светом. Религиозность поэтессы не была манифестной, как, например, в лирике ее собрата-чураевца В. Перелешина (как известно, он некоторое время даже монашествовал). По ее воспоминаниям, она не относилась к вере фанатически, не была воцерковлена, но внутренний религиозный стержень все же присутствовал: она отмечала Рождество и Пасху, ходила в церковь, носила нательный крест (чудесная история – она трижды теряла его и каждый раз находила!). И в ее лирике такой традиционный союз мифологического и религиозного, без противоречия, как и у самого Н. Гумилева, встречается нередко, особенно в сборнике «Без России». Показательно в этом смысле стихотворение «Дым» из упомянутого сборника, очень гумилевское по стилистике, в котором герой (похожий на конквистадора, отважно ведущего поединок с неприступными и опасными горами – в тексте имеется обращение «ты», нивелирующее гендерную составляющую, что, вероятно, было сделано поэтессой сознательно) знает «рецепт» победы над суровыми хребтами (образы костра и неба как прямая отсылка к Н. Гумилеву, ср. названия его сборников «Костер» и «Чужое небо», в тексте курсив наш – А.Х):

Но если ты прям душой,
Трусливым и низким не был,
Костер наладишь большой,
И дым полетит на *небо*.

Но в конце становится понятно, что дым – это не столько знак смелости человека в борьбе со стихией, сколько сигнал о помощи, обращение «наверх», к Тому, под чьим невидимым покровительством находятся на земле все – и верующие, и неверующие:

На небо, к большому Богу
И скажет ему, что ты
В горах потерял дорогу.

[1, с. 101]

Традиционно связанные в русской поэзии религиозные и мифологические мотивы в их тесном сплетении находим у Андерсен в стихотворении «Вы на Святках не гадали?», отсылающие к известной балладной традиции (начиная с В.А. Жуковского). В типичной лирической ситуации святочного гадания в кругу подруг героиня ужасается имени суженого – «Федул» (ср. у А.С. Пушкина в сцене гадания Татьяны из «Евгения Онегина» – «Агафон») и пробует изменить судьбу, подув на воду, чтобы перенаправить движение кораблика со свечой («подтолкнув судьбу свою» [1, с. 120]). Эта наивная девичья хитрость лирической героини может быть спроецирована на судьбу самой поэтессы: желание «подтолкнуть судьбу» оборачивается годами вынужденных странствий, а точнее, бегства от этой судьбы, как выясняется, безуспешного.

Балладный контекст актуализирует в стихотворении тему смерти. В приведенном тексте она содержится имплицитно, как обращение в обряде к потусторонним силам, но у Андерсен есть стихотворения, в которых извечная бинарная оппозиция «жизнь и смерть», как говорится, «лежит на поверхности», ведь для эмигрантского существования вопрос выживания, порой буквально физического, всегда стоял очень остро. Тема смерти в эмигрантской лирике первой волны

приобретает экзистенциальное звучание (яркий пример тому – зрелая поэзия Г. Иванова, который, собственно, и возвел ее в этот ранг); у каждого поэта-эмигранта будет свой «расклад» в этом извечном противостоянии и свои счеты с судьбой. Поразительно, но в лирике Лариссы Андерсен, при всем осознании горечи от близости и реальности смерти, нет неизбежного трагизма ее присутствия, как это было у некоторых ее харбинских «соплеменников» (у того же Арсения Несмелова), у поэтов «парижской ноты». Может быть, в силу ее природного оптимизма, выразившегося в поэтической ткани в виде мифологизма, органического «принятия» мира и себя в нем, отчего смерть, не переставая быть, не заслонила собой жизни. И будто бы в награду за такое жизнелюбие и внутренний свет она была награждена долголетием и ясным умом почти до самой кончины.

Во многих ее стихах место смерти определено именно мифологически, рядом с жизнью, они составляют общий круговорот мирового устройства (курсив наш. – А.Х.):

Мы плетем над землею узоры зеленые,
Мы плетем кружева, мы плетем кружева...
Над весенней землей, над водою влюбленную,
Над *крестами могил* мы плетем кружева.
[1, с. 121]

Небо, разверстое небо *сгорало* в закате,
Тяжкие, *душные* краски тускнели устало.
Все испытав, *задохнувшись* от счастья и страсти,
Измучившись, прокляв, простив,
Оно *умирало*.
[1, с. 122]

В одном из самых пронзительных стихотворений Андерсен, «Песенки пропеты. Тихо и темно», описывается, уход близкого человека (прототипической ситуацией послужила, вероятно, смерть мужа), о чем свидетельствует скупая фраза – «новая могила к старым прилегла». Элегический тон создается традиционным для русской классической лирики «унылым пейзажем», но он дан «в набросках», через детали: домик под сосной, ворота, дорога, лодка на реке, дробившееся пламя свечи... Уход близкого сформулирован эвфемистически образно: «В розовые горы ты ушел по льду» (горы и лед как знаки иного мира традиционны для мифологической символики). Лирическая героиня вспоминает о смерти дорогого человека в круговороте жизни («Годы пролетают – держится сонна, // Снег. Сосульки тают. И опять весна», который продолжается («Но стоит, как прежде, домик под сосной // В дремлющей надежде потеплеть весной»). Сама героиня к смерти уже готова, она принимает свой собственный скорый уход не трагически, а естественно, она верит, «что с водой разлива ты придешь за мной // В долготерпеливый домик под сосной» [1, с. 173]. В другом стихотворении «Вчера я маме укрыла...» лирическая героиня застелила могилу матери зеленым мхом, после чего «...в зеленом платье // Мама пришла ко мне» [1., с. 89].

Поэтический мир Лариссы Андерсен создан этими природными мифологическими образами; саму себя героиня воспринимает как порождение природы, реализуя антропологический миф сотворения самой себя как Афродиты, «из пены морской» (Ср.: у С. Есенина: «Эти волосы взял я у ржи...»):

Я ребенком играла с волнами,
С золотым побережным песком.

От песка этих кос позолота,
И от волн синева этих глаз.
Говорят, на спине кашалота
Приплыла я в полуденный час.

[1, с. 193]

Вода как амбивалентный символ (начало жизни и ее конец) – один из любимых образов у Андерсен. В ее стихах мы видим настоящее половодье: озера, ручейки, реки, моря и океаны, все виды осадков (дождь, снег, туман и пр.). Природность ее лирической героини точно подмечена: «Я бесформенна и безмерна, // Как вода – разольюсь во всем!» [1, с. 205]. Может быть, корни такого мифологизма отчасти объясняются и знакомством с индийской культурой (Ларисса овладела техникой йоги и сама ее потом преподавала), с буддистским пониманием растворения человека в мировом пространстве как высшей степени блаженства. Поэтесса была открыта всем культурам, какие встречала на своем жизненном пути, она старалась изучать традиции других народов, находила в них что-то близкое себе, что вполне отвечает акмеистической установке диалога культур.

Любовь к миру стала ее поэтическим кредо и «каркасом» ее самобытного художественного мышления. Все, что попадало в фокус ее поэтического внимания – любая вещь, живое существо, травинка или веточка – сразу определялось как «свое», земное, любимое, оно оставалось с ней навеки и зримо, ярко и выпукло воспроизводилось в стихах всякий раз в той же первозданной красоте. Зоркий взгляд художника никогда ей не изменял, равно как и художественный вкус. Лучше всех о Лариссе Андерсен сказала ее лирическая героиня:

Люблю ли я жизнь? Ну конечно!
И как! Вот эти деревья, вот эта река –
А больше всего я люблю синеву,
И тучи, и дождик, и эту траву.
Босыми ногами в зеленом ковре!
Отнимутся ноги – я буду смотреть.
Глаза помутятся – дотронусь рукой.
Вот так – неотступной любовью такой.

[1, с. 192]

1. Андерсен Л.Н. Одна на мосту: Стихотворения. Воспоминания. Письма / сост., вступ. ст. и примеч. Т.Н. Калиберовой; предисл. Н.М. Крук, послесл. А.А. Хисамудинова. – М.: Русский путь. Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2006.

2. Вертинский А. Ларисса Андерсен // Шанхайская заря. 1940. 21 апр. №4820. Цит. по книге Андерсен Л.Н. Одна на мосту...

3. Хадынская А.А. Диалог человека и мира в лирике В. Перелешина. Актуальные проблемы научного знания. Новые технологии ТЭК-2017: материалы I Международной научно-практической конференции: в 2 томах / отв. ред. М.В. Баделина. – Тюмень: ТИУ, 2017. Т. 2. С. 147–151.

4. Хадынская А.А. Утраченная Россия Арсения Несмелова // Север России: стратегии и перспективы развития: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (г. Сургут, 26 мая 2017 г.): в 3 т. – Сургут: ИЦ СурГУ, 2017. Т. I. С. 184–191.

5. Эфендиева Г. Ларисса Андерсен [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2009/256/ef19.html> (дата обращения 30.08.2018).

УДК 821.161.1

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ЛАРИССЫ АНДЕРСЕН

О.Е. Цмыкал,

аспирант, ассистент

кафедры литературы и мировой художественной культуры

Амурский государственный университет,

г. Благовещенск

Статья посвящена текстологическим аспектам изучения творчества одной из самых известных и выдающихся поэтесс дальневосточного зарубежья Лариссы Андерсен. Автор статьи рассматривает две редакции поэтического сборника Л. Андерсен «По земным лугам», первая из которых увидела свет в 1940 году в Шанхае, а вторая – в 2006 году в Москве (собрание сочинений «Одна на мосту», изд-во «Русский путь»). На материале нескольких стихотворений, подвергшихся наиболее существенным изменениям в процессе переработки при подготовке книги «Одна на мосту» анализируется динамика психологических и философских доминант поэтессы. Автор также поднимает проблему т.н. «воли автора» и выбора канонического текста при работе с литературными произведениями.

Ключевые слова: *русский Харбин, литература дальневосточного зарубежья, текстология, воля автора, канонический текст, редакция, поэтический сборник.*

TEXTOLOGICAL PROBLEMS OF STUDYING THE CREATIVE LEGACY OF LARISSA ANDERSEN

O.E. Tsmykal,

postgraduate student, assistant

Department of Literature and World Culture

Amur State University

The article deals with the textual aspects of the study of literary works of one of the most famous and outstanding poets of the Far Eastern émigré community Larissa Andersen. The author of the article examines two editions of L. Andersen's poetry collection "On the Earth Meadows", the first of which was published in 1940 in Shanghai, and the second in 2006 in Moscow (collection of works "One on the Bridge"). On the material of several poems that have undergone the most significant changes in the process of preparing the book "One on the Bridge" the dynamics of the psychological and philosophical dominants of the poetess is analyzed. The author also raises the problem of the so-called. "The will of the author" and the choice of canonical text when dealing with literary works.

Keywords: *Russian Harbin, literature of the Far Easternémigré community, textolgy, the will of the author, canonical text, version, poetry collection.*

Ларисса Андерсен считается одной из самых ярких и самобытных поэтесс русского Харбина. При этом, однако, печаталась она немного. Как известно, книги поэтессы выходили дважды: в 1940 году (сборник «По земным лугам») и в 2006 году (собрание сочинений «Одна на мосту»). Книга «Одна на мосту» включает в себя и обновлённую редакцию сборника «По земным лугам».

Временной промежуток между этими двумя редакциями составляет, таким образом, более 60 лет. Разница же между вариантами стихотворений порой просто колоссальная. Поэтесса не просто вносит стилистические, метрические или грамматические правки – зачастую она буквально меняет изначальный смысл стиха, полностью его переиначивает. Одновременно существуют и ранние редакции стихотворений, вошедших в сборник «По земным лугам», опубликованные, например, в журнале «Рубеж». Сравним два варианта стихотворения, в книге «Одна на мосту» опубликованного под названием «Колыбельная песенка» (в сборнике «По земным лугам» стихотворение не имеет заглавия):

У тебя глаза удивлённые – синие, синие,
 А сама вся в беленьком, как веточка в инее.
**Тихой поступью ходят ангелы по степным тропам,
 Если будем сидеть тихонечко, подойдут и к нам.**
 Вот над нами стоит умное тёмное дерево.
 Толстое-претолстое, попробуй-ка, смерть его!
 Прибежал вдруг ветер с дальних холмов
 И сказал деревцу несколько слов.
 Посмотри, на западе два ангела бьются крыльями,
 Один – светлый, другой – тёмный, но светлый бессильнее.
 А на востоке **крадётся медленно** синий мрак
 И кто-то чёрный угрюмо ползёт в овраг,
 Вон вдали расцвёл огонёк и смотрит на реку,
 Это бродит колдун в темноте со своим фонариком.
 Даже ковыль стал тихим и послушно прилёт
 У твоих маленьких умытых росой ног.
**Я тебя на руки возьму, хочешь, моя девочка?
 Этой большой степи нам укрыться некуда и не во что...
 Но Бог и нас, наверное, любит, там, в раю...
 Хочешь, песенку колыбельную я тебе спою?**

Опубликовано в сборнике «По земным лугам» [2, с. 11].

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

У тебя глаза удивлённые – синие, синие,
 А сама вся в беленьком – как веточка в инее.
**Тихой поступью ходит Бог по путям степи,
 Подойдёт и скажет тебе: – Детка, спи!**
 Вот над нами стоит умное тёмное дерево,
 Толстое-претолстое, попробуй-ка смерть его!
 Прибежал вдруг ветер с дальних холмов
 И сказал деревцу несколько слов.

Посмотри, на западе два ангела бьются крыльями,
Один – светлый, другой – тёмный, но светлый бессильнее.
А на востоке *тихо крадётся* синий мрак
И кто-то чёрный угрюмо ползёт в овраг,
Вон вдали расцвёл огонёк и смотрит на реку,
Это бродит колдун в темноте со своим фонариком.
Даже ковыль стал тихим и послушно прилёг
У твоих маленьких умытых росой ног.
Скоро ночь расскажет нам с тобой интересные сказки.
Видишь, высоко в небе зажглись две звезды-алмазки.
Маленькие звезды-костры, дрожащие в синеве!..
Дай руку, пора брести по росистой траве.
Ты не спрашивай глазами синими о своей судьбе,
Хочешь, песенку колыбельную я спою тебе?

Опубликовано в книге «Одна на мосту» [1, с. 54].

Как мы видим, образ ангелов, идущих «по степным тропам», поэтесса в последней редакции заменяет образом Бога, баюкающего синеглазую девочку. Также она сильно изменяет концовку стихотворения, отчего меняется и его общее настроение. Если в первом варианте финал стихотворения выглядит скорее жизнеутверждающим (Но Бог и нас, наверное, любит там в раю... / Хочешь, песенку колыбельную я тебе спою?), то в поздней редакции явно слышится предчувствие грядущих тягот и печалей («Ты не спрашивай глазами синими о своей судьбе, / Хочешь, песенку колыбельную я спою тебе?»).

Примеров подобной авторской правки в корпусе литературного наследия Лариссы Андерсен немало, что даёт нам право сказать, что изучение творчества поэтессы представляет собой серьёзную текстологическую проблему.

Выбор т.н. «канонического» текста – задача, с которой неизбежно сталкивается и учёный, занимающийся исследованием работ определённого автора, и специалист, готовящий текст/тексты к изданию. Проблема эта неразрывно связана с вопросом о воле автора, который не раз ставился в отечественной науке. Изучением данной темы занимались, в частности, такие учёные, как Д.С. Лихачёв и А.Л. Гришунин [3, с. 5]. На результаты их исследований мы и будем опираться в дальнейшем.

До Д.С. Лихачёва исследователи, как правило, ориентировались на последнюю редакцию текста, выполненную писателем – так как «косвенные указания на волю автора» виделись им «в самом факте продолжения работы автора над текстом произведения». Между тем ещё Томашевский в труде «Писатель и книга», вышедшем в 1928 году, писал: «Существует один, универсально применяемый принцип выбора редакции – это принцип последнего авторского текста. Принцип этот вообще даёт правильный результат, **но сам по себе он несколько механистичен**, что не может служить основанием для критики текстов. Это скорее **практическое правило**, оправдывающееся в большинстве случаев» [6, с. 163]. Из этих слов мы можем сделать вывод, что по указанному принципу было принято строить работу с текстами до начала серьёзных исследований в области отечественной текстологии (первым из которых, как мы уже говорили, стала книга Б.В. Томашевского «Писатель и книга»). Следует, однако, обратить внимание, что далее учёный делает оговорку: «...художественная индивидуальность автора **меняется**, и сам автор в конце концов перестаёт быть самим собой. **Иногда изменения, испытанные инди-**

видуальностью автора, так глубоко, что он приходит в конфликт с собственным творчеством. Такова судьба авторов, испытывающих всякие "кризисы обращения" и т.п.» [6, с. 164]. Итак, нам становится ясно, что ещё в начале XX века у текстологов возникли сомнения в отношении правомерности использования последней авторской редакции в качестве канонического текста, на который следует ориентироваться издателям и исследователям.

Д.С. Лихачёв резко критиковал сложившийся в отечественном издательском деле подход к понятиям «воля автора», «последняя воля автора» и «канонический текст» [5, с. 560–575]. Несмотря на это, спустя более полувека после первого издания «Текстологии» Д.С. Лихачева, некоторые издатели и учёные продолжают идти по «лёгкому» пути (как называет его Лихачёв), выбирая «канонический» текст по последней публикации писателя.

А.Л. Гришунин, исследователь более поздний, но продолжающий магистральную линию текстологических исследований Д.С. Лихачева и многократно ссылающийся на его труды, также подвергает понятие «последняя воля автора» жёсткой критике. Цитируя Б.М. Эйхенбаума, учёный пишет: «Старые текстологи любили <...> выдвигать *юридическое* понятие "последней воли автора"; мы считаем его лишним и даже неуместным, запутывающим дело. *Литературное произведение нельзя приравнять ни к "духовному завещанию", ни к предметам личной собственности: оно – скорее собственность народа, чем автора*» [3, с. 102].

При выборе «канонического» текста речь должна идти не о биографической (или юридической) воле автора, которая зачастую, по выражению Лихачёва, маскирует собой «авторский произвол» или «авторское безволие». Главенствующим для текстолога должен являться принцип «творческой воли» автора. Так, не считаясь с чисто биографическими волеизъявлениями, потомки печатают и делают предметом исследования те части творческого наследия И.А. Гончарова, которые он «завещал» никогда не публиковать. То же относится и к творчеству Н. Некрасова, М. Гоголя, Н. Заболоцкого и др.

Проблема «авторской воли» часто осложняется различными внешними требованиями «нетворческого, нехудожественного порядка, вмешательством в текст цензуры, напрошенным и неавторизованным редактированием текста» [3, с. 120] и т.д. Примером тому может служить редакторская деятельность И.С. Тургенева, которую описывает В.М. Жирмунский. Тургенев работал, в частности, с текстами Ф. Тютчева и А. Фета. Редактируя стихотворение «Silentium» Тютчева, Тургенев позволил себе исправить дольникovou перебой, который использовал поэт-новатор. В результате текст пришёл в соответствие с нормами ямбического размера, но потерял индивидуальность.

Сравним:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои –
Пусть в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи. –
Любуйся ими – и молчи.

(первоначальный текст
стихотворения)

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои –
Пусть в душевной глубине
И всходят и зайдут оне,
Как звезды ясные в ночи:
Любуйся ими – и молчи.

(текст, отредактированный
И.С. Тургеневым)

Не менее показателен и опыт работы Тургенева со стихотворениями А. Фета, печатавшегося в журнале «Современник». В книге «Мои воспоминания» Фет так вспоминает об этом: «Почти каждую неделю стали приходить ко мне письма с подчеркнутыми стихами и требованиями их исправлений. Там, где я не согласен был с желаемыми исправлениями, я ревностно отстаивал свой текст, но <...> вынужден был соглашаться с большинством, и издание из-под редакции Тургенева вышло настолько же очищенным, насколько и изувеченным» [4, с. 55–57].

В целом позиция Жирмунского в отношении авторитетного текста литературного произведения такова: «это последний текст, напечатанный самим поэтом при его жизни, с теми исправлениями, в той окончательной литературной обработке, в которой поэт выпустил в свет своё произведение. Но принцип последней авторской редакции не единоспасающий, не догматический принцип <...> Не во всех случаях мы можем доверять самому поэту как позднему редактору своих стихотворений» [4, с. 57] (учёный обращается к примерам постаревшего Гёте, безжалостно правившего свои ранние произведения, и Баратынского, которому не давал покоя «идеал художественного совершенства», заставляющий его снова и снова редактировать собственные стихи).

Правки, сделанные автором в преклонном возрасте, могут стать причиной существенного изменения как формы, так и содержания произведения (как мы видим это и на примере «исправленных» стихов Лариссы Андерсен). Так, Лихачёв говорит о явлении «старческой усталости» и «старческой психологии», когда автор разочаровывается в своём творчестве (особенно – в произведениях, написанных в юные годы). Воля поэта – изменчива, творческие усилия его никогда не находят успокоения. Автор в порыве перфекционизма может вносить бесконечные «улучшающие» правки в произведение – тем самым рискуя его обеднить [5, с. 165].

Работая со сборником Л. Андерсен «По земным лугам» в двух редакциях, мы столкнулись с различными случаями из перечисленных выше. В стихотворениях философских (у Андерсен они чаще всего имеют религиозно-мистический подтекст) поэтесса часто изменяет ключевые образы, что совершенно «переворачивает» смысл стихотворения («Бьётся колокол медной грудью...», «Колыбельная»).

Первое стихотворение сборника «Бьётся колокол медной грудью...» в этом отношении очень показательно.

Обратим внимание на окончания двух редакций стихотворения:

Я девчонкой в лесу когда-то
Припадала к земной груди,
И пьянит меня даже ладан,
Словно запах лесных гвоздик.
Кроткий лик, удаляясь, тает..
Но, Святая, прощаешь Ты
Лишь за то, что я понимаю,
Чем глаза Твои так чисты...

В новоселье – из новоселья:
Чей-то зов иль мятежный нрав?
И пьянит меня, словно зелье,
Аромат придорожных трав.
Что ищу я, о чем тоскую,
Я сама не могу понять,
Но простишь ли меня такую
Ты, Пречистая Дева-Мать?
Тёмный лик просветлел немного,
Луч зари скользнул по стене.
И я верю, ты скажешь Богу
Что-то доброе обо мне.

*Из сборника
«По земным лугам» [2, с. 1].*

Из книги «Одна на мосту» [1, с. 45].

Два этих отрывка весьма различны по своему послылу. В первом выражается пантеистическое отношение к миру, природе («Я девчонкой в лесу когда-то / Припадала к земной груди...»), почти мистическое чувство сопричастности происходящему и очень личное восприятие некой «Святой», об истинном имени которой мы можем лишь догадываться (не случайно слова «Богоматерь», «Пречистая Дева» и др. в стихотворении не используются, не встречается и слово «Бог»). Лирическая героиня как будто вступает с этой «Святой» в некий заговор, понятный только им двоим («Но, Святая, прощаешь Ты / Лишь за то, что я понимаю, / Чем глаза Твои так чисты...»). Во втором из приведённых отрывков-пантеистических мотивов мы уже не встретим, зато в нём присутствуют отголоски эмигрантских скитаний («В новоселье — из новоселья: / Чей-то зов иль мятежный нрав?»), а также нечто сродни исповеди (или даже покаяния) «Пречистой Деве-Матери»: «Но простишь ли меня такую / Ты, пречистая Дева-Мать?»; «И я верю, ты скажешь Богу / Что-то доброе обо мне.

На наш взгляд, подобным «переписываниям» возрастным поэтом искренних, чистых стихов молодой женщины сложно с уверенностью присвоить статус «авторской воли», так как они противоречат самой «системе творчества» Андерсен, её мироощущению, художественному миру. Поэтесса всю свою жизнь отличалась не религиозностью, но особой чуткостью мировосприятия, пантеистическим отношением ко всему её окружавшему. Как ясно из переписки с друзьями, Ларисса Николаевна долгие годы задавалась вопросом – что есть бог, кто – этот бог? Она увлекалась философией йоги, мечтала поехать в экспедицию с Н. Рерихом, ходила на собрания т.н. UnionChurch, интересовалась дзен-буддизмом, дружила с людьми, увлекавшимися теософией и спиритизмом... Возможно, к почтенным годам поэтесса (как многие русские женщины) стала более трепетно относиться к православной вере, в которой была воспитана (мы знаем, что для русских эмигрантов в Китае православие было одним из основных способов самоидентификации). Однако в юные годы она чувствовала иначе и писала об ином. Эти факты не позволяют нам назвать последний вариант стихотворения «Бьётся колокол медной грудью» каноническим.

Изменениям при повторной публикации подвергались и другие стихотворения сборника «По земным лугам». Среди самых показательных примеров сомнительных авторских «правок» можно назвать такие произведения, как «Только в заводи молчанья может счастье бросить якорь», «Нарцисс», «Парус». В экспрессивных, наполненных юношескими впечатлениями и яркими образами стихотворениях, зрелая поэтесса, пытаясь «причесать», «пригладить» текст, зачастую только вредит произведению, лишая его самых интересных особенностей (так, например, в стихотворении «Колдунья» в двух разных редакциях читаем:

1. «Под текучим сводом звёзд, / Распдавляя в ветре тело» («По земным лугам») [2, с. 6];
2. «Под текучим сводом звёзд, / Расправляя в ветре тело» («Одна на мосту») [1, с. 49].

Формально в редакции 2006 года изменена лишь одна буква, однако эта буква деформирует оригинальную метафору, можно сказать, даже отчасти «стирает» её, ведь слово «плавить» в соседстве со словом «ветер» звучит куда более неожиданно и ново, нежели слово «расправлять» (на ветру расправляется флаг, парус, расправляются крылья). Перед нами – пластичный синестезический образ, соединяющий скорость и телесность, физику и физиологию. Первый вариант был настоящей авторской находкой, от которой поэтесса по прошествии лет почему-то решила отказаться.

В стихотворении «Парус» Андерсен полностью изменяет предпоследние два четверостишия:

Посмотри, в абрикосах струится
Беспокойная алая кровь,
Скоро *вспыхнут* на них вереницы
Одурманенных пряных цветов.
Новый месяц засмотрится в море
И *рассыпет вязанку лучей,*
Улыбнутся нам *новые зори*
Из глубин затаённых ночей...

Из сборника «По земным лугам»
[2, с. 15].

Да и *снег* на утёсе растаял,
И *ручьи побежали, звеня...*
Белых чаек весёлая стая
Прилетела поздравить меня.
Нашим *яблоням* только и снится,
Что надеть *подвенечный наряд,*
И цветы, и деревья, и птицы –
Все о встрече с тобой говорят!

Из книги «Одна на мосту»
[1, с. 58].

В первом случае мы ощущаем бурление жизни и молодых чувств, буйство красок, запахов, ощущений. Во втором остаётся спокойная, тихая радость, очарование юности в нем утеряно. Также мы можем заметить, что и здесь автор пользуется очень «стандартизированными», «избитыми» образами и метафорами: «ручьи побежали, звеня», «нашим яблоням только и снится, что надеть подвенечный наряд» и др. В первой же редакции, на наш взгляд, образность свежа, динамична, оплотнена: «беспокойная алая кровь», «вспыхнут ... вереницы одурманенных, пряных цветов» и т.д.

В данной статье представлены лишь несколько репрезентативных случаев авторского редактирования стихов, произведённого Лариссой Андерсен в преклонном возрасте. Однако данные примеры прекрасно демонстрируют несостоятельность «старого» подхода к понятиям авторской воли и канонического текста. Принимать за канонический текст последний вариант авторской правки без оглядки на биографические и психологические факторы нам кажется в корне неверным (что подтверждается приведёнными в нашей публикации исследованиями учёных-литературоведов разных лет). Необходим подробный и скрупулёзный анализ разных редакций литературного произведения, подвергнувшегося изменениям (в данном случае – стихотворений Л.Н. Андерсен). Разумеется, данная тема требует более обстоятельного изучения, в данной статье мы лишь «скользнули по поверхности», обозначив область дальнейших исследований.

1. Андерсен Л.Н. Одна на мосту: Стихотворения. Воспоминания. Письма. – М.: Русский путь, 2006. – 524 с.
2. Андерсен Л.Н. По земным лугам. – Шанхай, 1940. – 56 с.
3. Гришунин А.Л. Исследовательские аспекты текстологии. – М: Наследие. – 1998. – 416 с.
4. Забияко А.А. Синэстезия: метаморфозы художественной образности. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2003. – 214 с.
5. Жирмунский В.М. Введение в литературоведение: Курс лекций / под ред. З.И. Плавскиной, В.В. Жирмунской. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 440 с.
6. Лихачёв Д.С. Текстология: (На материале русской литературы X–XVII веков). – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Алтейя, 2001. – 758 с.
7. Томашевский Б.В. Писатель и книга. Очерк текстологии. – М.-Л.: Прибой, 1928. – 231 с.

УДК 82.091

ЛЮБИМЫЕ АВТОРЫ ЖУРНАЛА «РУБЕЖ»: ЛОВИЧ И ДРУГИЕ

А.Н. Кравцов,

канд. филол. наук

Издательский проект «ЧтецЪ», куратор

Среди множества русских периодических изданий в Китае особое место занимает журнал «Рубеж» (1926–1945). На его страницах публиковались литературные произведения разных авторов, но некоторые печатались наиболее часто.

Ключевые слова: «Рубеж», Я. Лович, русский Китай, периодические издания, Дальний Восток.

FAVORITE AUTHORS OF THE MAGAZINE "RUBEZH": LOVICH AND OTHERS

A.N. Kravtsov,

Cand. Sc. in Philology

Chtets Publishing Project, curator

Among the many Russian periodicals in China, the magazine "Rubezh" (1926–1945) has a special position. Literary works by various authors were published on its pages but some of them were printed most often.

Keywords: "Rubezh", Lovich, Russian China, serials, Far East.

Не будет преувеличением сказать, что «Рубеж» стал в свое время одним из самых читаемых и популярных изданий в русском Китае. Он выходил в Харбине с 1926 г., а с 1928-го приобрел устойчивую читательскую аудиторию и стал печататься с завидной регулярностью (в некоторые годы – еженедельно с цветной обложкой и обширными иллюстрациями). Среди современных исследователей бытует мнение, что харбинский «Рубеж» можно сравнить лишь с парижской «Иллюстрированной Россией». Внешне они бесспорно были похожи, но по содержанию все-таки отличались, поскольку парижское издание при всем обилии литературных журналов «первой волны» заполнить эту нишу не стремилось. В отличие от «Иллюстрированной России» замысел «Рубежа» был иным, и именно литературным: «В стремлении, с одной стороны, дать пишущей братии возможность проявить свои дарования, – писал издатель Кауфман, – а с другой стороны, дать читательской массе хороший литературный журнал покойный М.С. Лембич, Г.Н. Щипков и я пришли к решению начать издавать «Рубеж». Никаких коммерческих целей, как и в издании начатого параллельно детского журнала «Ласточка», мы не преследовали и в течение первых трех-четырех лет вложили в журналы немало средств, упорно пропагандируя их во всех уголках

земного шара, где только обосновались русские эмигранты» [9, с. 55]. Дополним его слова тем, что с 1930 г. помимо «Ласточки» стало выходить также ежемесячное приложение «Юный читатель "Рубежа"».

Сейчас сложно установить точно, кому принадлежала идея названия журнала и что под ним подразумевалось. Но каков бы ни был замысел, понятие «рубеж» очень точно характеризовало на тот момент состояние русской диаспоры в Китае, оказавшейся между политическими системами Запада и Востока (хотя это понятие сформировалось в более позднее время, в эпоху «холодной войны»). Русская эмиграция в Китае оказалась между Россией утраченной, но зарубежьем пока еще полноценно не приобретенным. Ведь, каков бы ни был постоянный статус русских беженцев в Маньчжурии, некоторые из них думали о возвращении в Россию, другие стремились дальше – в США, Европу, Австралию. Прежде всего, страницы «Рубежа» воочию свидетельствуют нам об интересе к переселению в другие точки мира. В Китае русские оказались на том рубеже, который, как Рубикон, им предстояло преодолеть. Вот почему название «Рубеж» оказалось весьма кстати, а само издание было актуально и востребовано именно здесь и именно тогда.

Корреспонденты харбинского журнала, как и подписчики, жили на многих континентах – в Европе, США, Японии, Австралии. Как пишет исследователь А.А. Хисамутдинов, «с 1928 г. стал посылать свои корреспонденции из Парижа писатель и журналист Унковский. В конце 1930 г. корреспондент Мэри Левинтова побывала в гостях у знаменитого писателя Андре Моруа и взяла у него большое интервью. Писатель поделился своими планами с читателями «Рубежа». 10 февраля 1930 г. журналист была в гостях у М.А. Алданова. «Между прочим, в 1914 году я собирался посетить Азию и Дальний Восток. Но прошла война, революция, и – путешествие осталось далекой прекрасной и, пожалуй, несбыточной, как все прекрасное, мечтой», – сетовал писатель. Пражский корреспондент Ольга Ильинская взяла большое интервью у В.И. Немировича-Данченко, которое было опубликовано с фотографией и автографом журнала «Рубеж» 25 апреля 1936 г.» [9, с. 55-57].

Хотя на его страницах регулярно появлялись имена прославленных писателей «первой волны» И.А. Бунина, М.А. Алданова, М.А. Осоргина, А.А. Плещеева, А.М. Ремизова, Б.К. Зайцева, А. Аверченко, Ю. Слезкина и других, уникальность журнала состояла в том, что он открыл для массового читателя в эмиграции ряд новых литераторов, прежде мало известных. Некоторые из них со временем стали любимыми авторами журнала, поскольку публиковались много и регулярно.

О наличии широкого выбора для редакционного портфеля свидетельствует то, что когда в ноябре 1934 г. «Рубеж» объявил «Смотр женских литературных сил эмиграции Дальнего Востока», попросив писательниц и поэтесс рассказать о себе и поделиться мыслями о современной женщине, то получил ответы от М. Колосовой, Л. Хаиндровой, А. Паркау, О. Скопиченко, Е. Рачинской, В. Янковской, Н. Резниковой, О. Морозовой и других. Эти имена можно встретить и в дальнейшем не только на страницах журнала «Рубеж», но и в других изданиях русского Китая.

Редакция журнала последовательно продолжала развивать литературное направление издания. Когда в апреле 1938 г. вышел юбилейный номер, посвященный 10-летию жизни журнала, то в нем были подведены итоги, в том числе

литературной, деятельности: «В каждом номере “Рубежа” печатается в среднем 3 с половиной рассказа, 5 стихотворений, 8 очерков и три с половиной романа в год. За 10 лет таким образом было напечатано 1820 рассказов, 2600 стихов, 4160 очерков и 35 романов. Если бы все эти материалы издать отдельными книгами: по 10 рассказов в каждой книге – 182 книги, по 50 стихов – 52 книги, по 52 очерка – 80 книг и 35 книг романов, то составила бы небольшая библиотечка в 349 книг» [9, с. 55–57]. Следует, однако, уточнить, что постепенно журнал стал все больше публиковать переводные рассказы и романы в противовес русским авторам. Причины этого еще предстоит выяснить.

В рамках нашей статьи не станем касаться многочисленных интересных поэтов Дальнего Востока, таких как Ларисса Андерсен, Алексей Ачаир, Елена Недельская, Валерий Перелешин, Лидия Хаиндрова и других, но обратим внимание на прозаиков, коих за два десятка лет было опубликовано в «Рубеже» огромное множество. Вспоминая о тех, чьи произведения увидели свет на страницах журнала, Ю. Крузенштерн-Петерец позднее писала: «Их стихи, рассказы могли одним нравиться, другим не нравиться, но совсем бездарных в них вряд ли найдете» [1, с. 186]. Сложно не согласиться с ее мнением. Если попытаться среди авторов журнала выделить наиболее плодovitых и интересных для редакции, а значит и читателей, то необходимо сообщить и о том, сколько их произведений было опубликовано на страницах харбинского издания. Ниже приведем некоторые имена и в скобках укажем количество обнаруженных нами рассказов и новелл этих авторов: Д. Загоскин (35), Н. Резникова (34), А. Несмелов (34), Б. Юльский (31), И. Мирандов (26), Вл. Рамбаев (18), К. Сабуров (18), А. Арсеньев (11)¹, В. Унковский (11), Вас. Логинов (10), Полишинель (10), И. Сабурова (10), лейт. Льдовский (9), Инн. Буранов (9)² и Е. Рачинская (7).

Особняком к ним стоят два наиболее плодovitых писателя: Леонид Никитин, опубликовавший минимум 60 новелл, и Яков Лович с его 72 рассказами и эссе. О последнем скажем отдельно.

Почти все сведения о Ловиче, которыми мы обладаем в настоящий момент, обнаружены историком А.А. Хисамутдиновым в архиве писателя, который хранится в Музее русской культуры в Сан-Франциско. Фактически, ученый из Владивостока явился первым, кто ввел в научный оборот в новейшее время имя этого интересного автора и опубликовал ряд материалов о его жизни и судьбе, начавшейся в России, продолжавшейся в Японии, Китае и на Филиппинах, и завершившейся в Калифорнии.

Яков Львович Лович (настоящая фамилия Дейч) родился 28 декабря 1896 г. на Карийской каторге в семье политкаторжан. В 1915 г. он окончил Благовещенскую мужскую гимназию, а затем продолжил учёбу в Московском университете. Весной 1916 г. будущий писатель был призван в действующую армию. Пройдя обучение в Царицынском студенческом учебном батальоне, а затем в 3-й Московской школе прапорщиков, он был направлен на фронт, где проявил незаурядную храбрость. Летом 1917 г. в бою под Ригой Лович был контужен в голову, а позже находясь в армии Колчака, в боях с красными получил лёгкое пулевое ранение. Поправившись, до 1920 г. он служил следователем при

¹ Под этим псевдонимом (в качестве одного из многих) печатался Арсений Несмелов. – *ред.*

² Под этим псевдонимом в разные годы печатался А. Ачаир. – *ред.*

военно-полевом суде, а также занимал должность прокурора по политическим и уголовным делам. После приезда в Харбин в феврале 1920-го три года работал в известной местной библиотеке Д.Н. Бодиско, затем журналистом газеты «Рупор». Именно в это время Дейч изменил свою фамилию на Лович [8, с. 203–205]. В автобиографии, которую неоднократно приводит в своих публикациях А.А. Хисамутдинов, Лович писал: «Я – сын правого социалиста (плехановца) Льва Григорьевича Дейча, но встречался с ним в своей жизни только два раза и никогда не разделял его убеждений, что, как мне кажется, и доказал, пойдя на войну и борясь за Родину. Отец принадлежал к правым социалистам, а потому подвергался преследованиям со стороны большевиков. В 1918 г., когда армия развалилась, я бежал в Петербург, где встретился с отцом во второй раз в жизни и он, зная, что я никогда не смогу работать с большевиками, помог мне достать солдатские документы, дал мне денег и я уехал в Амурскую область. С тех пор я никогда отца не видел, ибо в Россию не возвращался. В 1923 г. в Харбине, служа в библиотеке Бодиско, я прочёл в журнале “Русская Мысль”, что мой отец арестован чекистами. В библиотеке брали книги и чины советского консульства. Через Бодиско я узнал от этих господ, что отца арестовали за то, что его сын (т.е. я) работал в полевом суде. Г-ну Бодиско было сказано (через некоторое время, по-видимому, после сношения с Москвой), что моего отца расстреляют, если его сын не принесёт повинной, не сдастся на милость победителей-большевиков и не поедет в РСФСР. “Долг платежом красен”, – я решил ответить отцу тем, что он сделал для меня в Петербурге, рискуя своей головой. Я пошёл в консульство и подал прошение о совподданстве» [8, с. 205]. Как ныне известно, на самом деле его отец с 1926 г. был на пенсии, проживал в Москве, где и скончался в 1941 г. в возрасте 85 лет.

К счастью для Ловича, на его заявление о советском подданстве не последовало никакой реакции со стороны консульства, и в 1937 г. он решил переехать в Шанхай, где стал журналистом в газете «Шанхайская Заря». Здесь стоит упомянуть недавно вышедшую монографию профессора Пекинского университета Чжао Юнхуа «Русская пресса в Китае (1896–1956)» (М., 2017), в которой подробно освещена деятельность газетной группы «Заря». Упоминается в ней и имя Ловича, правда, очень кратко.

В харбинском журнале «Рубеж» Лович начал сотрудничать буквально со дня его основания, а также печатал свои рассказы в шанхайских журналах «Грани» и «Кстати». Помимо сборника рассказов «Её жертва» (1931) и футурологического романа «Что ждёт Россию?» (1932), в 1936 г. в соавторстве с харбинцем Георгием Мурашовым он издал книгу «Белая Голгофа».

Особой темой для писателя Ловича были кровавые события в Николаевскена-Амуре, когда бандиты красного партизана-анархиста Якова Тряпицына уничтожили в 1920 году этот старый дальневосточный город. Трагедии был посвящён роман «Враги» (1941), который Яков Лович создал на основе расследования, проведённого им во время Гражданской войны. «В начале лета 1922 г., – вспоминал Яков Львович, – судьба забросила меня в Николаевск-на-Амуре – вернее на то место, где был этот когда-то цветущий город. Чёрная, страшная равнина, утканная печными трубами, груды кирпича, ржавого кровельного железа, горелыми брёвнами. Кое-где, в разных местах, новые лёгкие фаршированные постройки, возведённые японцами. Остатки русского населения ютятся по разным сараям, баракам и лачужкам. Прошло уже два года после кровавых

событий, но печать ужаса и горя осталась у этих людей. Я был на фронтах Великой войны и гражданской бойни, видел много страшного, но о таких ужасах, какие вытерпели эти люди, я никогда не слышал. <...> Рассказчики спаслись чудом: один бежал в лес и жил неделю на снегу, другой прожил больше недели под... тротуаром, правильно рассчитав, что никому не придёт мысль искать беглеца в таком месте. Третий, в момент ухода партизан из города и избиения ими всех оставшихся в городе, спрятался в помойную яму. Способы спасения были разнообразны и необыкновенны: когда угрожает смерть, человек становится изобретательным» [8, с. 208]. К слову, роман «Враги» – единственное из крупных произведений Ловича, переизданных в нынешней России (М.: Вече, 2007).

Если же обратиться к малым формам самовыражения Ловича, к его рассказам, то можно выявить определенные и любопытные характеристики. Из 19 исследованных нами рассказов автора, опубликованных в «Рубеже» в 1929–1940 гг. 3 можно отнести к любовным рассказам, 5 – к приключенческой и детективной литературе, 1 – к политическому детективу, 1 – к сатире, 3 – к психологической комедии, 2 – к политическому памфлету, 2 – к комедии положений, 2 – к психологической драме.

Хотя рассказы Ловича почти всегда созданы в классическом варианте любовного треугольника, а то и многоугольника, и гендерный фактор играет в его малой прозе основополагающую роль, все же часто он пишет о русских беженцах и эмигрантах – о богатых и бедных, о грустных и веселых, о влюбленных и отвергнутых, о разных по своим воззрениям, но неизменно объединенных общей скитальческой судьбой. При этом, несмотря на сложности, а то и трагедии, главное, что их также объединяет, по замыслу автора, – это надежда, которую он дарит своим героям, а значит хочет опосредованно подарить и читателю. Всякий раз Лович добавляет избитую фразу «совершенно правдивая история», хотя опытному человеку поверить в жизненность его сюжетов, конечно, сложно.

Его любовные рассказы изобилуют гендерной оппозицией маскулинности-феминности, хотя порой роли мужчин и женщин меняются, сохраняя оппозицию в художественном выражении. Так, про героиню рассказа «Борьба за женщину» Лович сообщает: «...оба они были интересны для нее, как мужчины, как лучшие представители сильного пола <...> охота за мужчинами, по-видимому, была основной целью ее существования» [2, с. 2]. При этом на общем фоне страсти и любви можно забыть о супружеской верности, что встречается в его произведениях сплошь и рядом («Я выбросила мысль о муже, как выбрасывают надоевшую, ненужную вещь. И больше не думала о нем никогда. Даже тогда, когда по необходимости снова вернулась к нему. Так начался наш роман» [7, с. 8]). Стоит отметить, что у Ловича почти всегда при всех равных побеждает русский офицер, которому готова уступить любая женщина, вне зависимости от национальности, положения в обществе, принятых правил приличия. Именно он – победитель не только на поле боя, но и на интимном фронте. Хотя нет-нет, да и встретится рассказ («Два рождества» [5, с. 1–7]), в котором Лович по-иному выведет гендерный сюжет, да так что обескураженному читателю останется лишь воскликнуть: «О, непостоянство – Вот имя женщин» [10, с. 167].

Для Ловича важно и то, где происходит действие, поскольку это дает автору дополнительные возможности для живописного описания места, что ему удается замечательно. В частности, события рассказа «Борьба за женщину», как и главного произведения сборника «Ее жертва» разворачиваются южнее японской

Июкогамы, в пляжном местечке Камакура, где некоторое время жил сам Лович. Пляжно-курортный характер обстановки позволяет ослабить серьезность сюжета («Она говорила с ними о море, о парусах, о Японии, о ракушках и о всяких пустяках...» [2, с. 2]).

Когда Лович позволяет себе отвлекать читателя живописаниями природы, а это происходит довольно часто и порой даже с излишествами, то это не мешает основному тексту. Даже имеющиеся на первый взгляд противоречия своеобразно украшают сюжет, а особые писательские находки придают повествованию характерную виртуозность: «Веранда висела над скалистым обрывом, который коричневой, черной, серой стеной спускался к изумрудному морю» [2, с. 2]. Кажалось бы, налицо противоречие. Словно автор выбирал из трех вариантов, но по упущению редактора все три остались в тексте. Те же, кто бывал в подобных местах у скалистого обрыва, наилучшим образом поймут автора, поскольку цвет камня там сильно зависит от теней, солнечных бликов и игры морских красок в данный момент. Автор мог заменить краски просто темной стеной, но оставил все три цвета, относящиеся к темному окрасу.

Как пример приключенческого произведения можно упомянуть рассказ «Выстрел» [4, с. 1–9]. Детективно-романтический сюжет затрагивает человеческое одиночество, становясь проникновенным повествованием об эмигрантском расставании с любимыми. Как мастер детективного жанра Лович был отмечен не раз критиками русского зарубежья. В частности, после выхода его романа «Дама со стилетом» (1940) в местной русской прессе писали: «Интригующая завязка, пёстрое и живое развитие увлекательной фабулы, ярко очерченные типы, элемент неожиданности сцен и положений в качестве лейтмотива, – всё это выдержано в плане, вполне соответствующем требованиям и заданиям каждого произведения такого характера. Чисто шанхайский фон “Дамы со стилетом”, развёртывание действия в знакомых местах придаёт роману особый интерес, как для местных читателей, так и для более широкой аудитории, мало знакомой с ярким колоритом нашего города и единственной в своём роде “романтики Шанхая”» [3, с. 522].

Как уже упоминалось, Яков Лович написал несколько книг, которые пользовались большой популярностью в русском Китае. Вот ряд отзывов на них. Газета «Шанхайская Заря» отмечала сборник рассказов «Офицерская шинель» (1936) так: «Все эпизоды, выбранные им, не являются художественным вымыслом, а взяты из неизданных и нигде не запечатлённых архивов о жестокой борьбе братьев, ставших врагами. Самыми ценными свойствами беллетристических произведений Ловича является их логичность, ясность и простота» [3, с. 520–521].

Его рассказы, без сомнения, имеют неоспоримое в своей ценности качество: все они без исключения фабульные и читаются с первой строки с неослабевающим интересом. Он умеет держать внимание читателя. Не претендуя на стилистические новшества, автор в то же время пишет хорошим простым русским языком, который делает чтение его книг лёгким и неутомительным [7, с. 19].

С окончанием Второй мировой войны закрылся «Рубеж». Одновременно с этим прервалась успешная литературная деятельность Ловича. В 1951 году через Тубабао он эмигрировал в США, но там не публиковался. Его жене отказали во въездной визе из-за болезни туберкулёзом, и она уехала в Париж, где вскоре скончалась. Ненадолго пережил её и сам Лович. 27 августа 1956 г. Яков Львович Лович-Дейч скончался от рака лёгких в больнице Станфордского университета [8, с. 209].

Слова известного поэта Арсения Несмелова в харбинской газете «Рупор» об одном из сборников рассказов Ловича характеризуют, в общем-то, все его творчество в жанре малой прозы: «...книга волнует тем, что обстановка, среди которой действуют и любят герои Ловича – это бытие нашего сегодняшнего эмигрантского дня. Когда герои его бывают пошлы, на губах автора чувствуется насмешливая улыбка. Но улыбка эта не злая. Лович фотографирует, бытописует, но никогда не осуждает. Там же, где герои его страдают, где они решаются на подвиг – автор сочувствует им, и стиль его прозы становится напряжён от пафоса сострадания» [3, с. 518]. Именно это бытописание, по крупицам разбросанное на страницах журнала «Рубеж» в виде сочинений Ловича, может явиться серьезным основанием для дальнейших научных исследований не только в сфере литературы, но и истории русского заселения Маньчжурии.

1. Крузенштерн-Петерец Ю. О «Рубеже» // Политехник. 1979. № 10. С. 186.
2. Лович Я. Борьба за женщину // Рубеж. 1930. № 6 (107). 1 февр. С. 2–9.
3. Лович Я. Враги: Роман в трех книгах. – Шанхай: Дракон, 1941. – 523 с.
4. Лович Я. Выстрел // Рубеж. 1930. № 8 (109). 15 февр. С. 1–9.
5. Лович Я. Два Рождества // Рубеж. 1930. № 2 (103). 9 янв. С. 1–7.
6. Лович Я. Ее жертва // Ее жертва: рассказы о любви. – Харбин, 1931. С. 5–14.
6. Н.Р. [Наталья Резникова]. Книжные новинки // Рубеж. 1936. № 33 (446). 8 авг. С. 19.
7. Хисамутдинов А.А. Из Благовещенска в Харбин и Шанхай: журналист и писатель Яков / Русский Харбин, запечатленный в слове: сборник научных работ: к 70-летию профессора В.В. Агеносова. – Благовещенск, 2012. С. 203–209.
8. Хисамутдинов А.А. Харбин: «Перелетные птицы» (1-я половина XX века) [Электронный ресурс] / А. Хисамутдинов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2017. 60 с. URL: <https://evols.library.manoa.hawaii.edu/> (дата обращения 03.05.2018).
9. Шекспир У. Гамлет, принц Датский / Шекспир У. Собрание сочинений в одной книге. – Харьков, 2011. С. 155–296.

УДК 82-9

УРАЛ – ХАРБИН: ПЕРЕКРЕСТОК «ГЕОПОЭТИЧЕСКИХ» ФРОНТИРОВ

О.М. Давыдов,

*Информационно-издательский отдел,
Челябинская епархия РПЦ*

Феномен взаимосвязи литературы Урала с русской литературой эмигрантского Харбина рассматривается с позиций теории геопоэтических фронтиров.

Ключевые слова: геопоэтический фронтир, русская эмиграция в Харбине, литература Урала, Павел Северный.

FROM URAL TO HARBIN: «GEOPOETICAL» FRONTIERS CROSSING

O.M. Davydov (大卫 奥斯),

*Publishing Department,
Chelyabinsk Diocese of Russian Orthodox Church*

We consider a phenomenon of relationship between Ural and Harbin russian literary text as a crossing of geopoetical frontiers.

Keywords: geopoetical frontier, Ural literary text, literature Harbin emigration, Paul Severny.

Урал и провинцию Хэйлунцзян, как и вообще Россию и КНР, связывают не только общая история, воплощенная в судьбах конкретных людей, но и глубокий взаимный культурный интерес. Приведем лишь один пример: очередной выпуск екатеринбургского альманаха «Детское чтение», издаваемый силами уральских литературоведов, был посвящен современной китайской литературе для юношества. На русский язык переводятся новые тексты, актуализируется советское переводческое наследие.

Однако достаточно ли этого для утверждения о наличии геопоэтического дискурса между Уралом и Харбином? Термин «геопоэтика» – достаточно новый, обретает всё большую популярность в научной среде. Из буквального его прочтения ясно, что он представляет собой область пересечения литературоведения и географии. Здесь есть пространство для определенного скепсиса: писатель волен выбирать любые географические локусы – места на карте для своих произведений, но насколько влияет на него окружающая среда, в которой осуществляется творческий процесс?

Более устоявшимся является термин «региональный текст» (петербургский, северный, сибирский, дальневосточный), употреблявшийся в течение всего

XX в. Восходит он к классику В.М. Жирмунскому, который, следуя канонам своего времени, употреблял прилагательное «областнический». Потом это понятие подхватил уральский филолог А.И. Лазарев, говоривший об «областнических гнездах» – культурных конгломератах, сформировавшихся под влиянием обстоятельств, диктуемых географией и историей.

Таким образом можно говорить как об уральском, так и о харбинском тексте русской литературы. Однако не следует понимать эти понятия «арифметически». Что есть харбинский текст – корпус произведений, созданных русскими эмигрантами, собравшимися вокруг КВЖД, в большинстве – профессиональными военными или железнодорожниками, слабо владевшими китайским языком? Или дискурс, ими заданный и продолженный не только непосредственными историческими участниками, но и последующими поколениями как российских, так и китайских ученых и ценителей словесности?

Сегодня популярен подход В.Н. Топорова, позволяющий говорить о литературном мифе места – той мифологеме топоса, что создана писателями. Харбинский литературный миф – тот образ Харбина, что создан и авторами-белоэмигрантами, и их оппонентами в СССР, и нашими современниками, пытающимися осмыслить те время и место. То же можно сказать и об уральском литературном мифе. Однако в наше время, когда интернет делает доступным множество вербальных и даже невербальных (аудио- и визуальных) источников, встроиться в такой миф оказывается не так уж и сложно, что размывает его границы.

Ещё один замечательный подход к данной проблеме представлен в монографии амурского филолога А.А. Забияко [4], развивающей понятие дальневосточного фронта и фронтирной ментальности.

Можно говорить об уральском и дальневосточном фронтах. Миф (по Топорову) возникает на пересечении фронтиров. И хотя последняя воля остается все-таки за каждым конкретным автором, отрицать влияние на литературу культурных фронтиров невозможно.

Как же связаны Урал и Харбин? В рамках мифологического подхода Урал – водораздел, граница между Европой и Азией; Китай же – глубина Азии, её аутентичное выражение, особенно в представлении европейца. Китай и китайцы для литературы европейской части России выполняют скорее роль экзотики (вспомним китайских персонажей Булгакова и Пелевина). В сибирском же Забайкалье интересом к китайской культуре никого не удивишь. Урал является «срединным» звеном, соединяющим азиатское и европейское. Впрочем, данный взгляд оказывает влияние прежде всего на самих уральских авторов, часто апеллирующих к евразийскому пафосу.

Фронтирный подход позволяет выявить и другие точки соприкосновения Урала и Китая. Вспомним описание уральским писателем Евгением Фёдоровым Троицкой ярмарки, интерес юного главного героя к китайским купцам и их товарам. Однако наиболее чётко фронтирная линия, соединяющая Урал и Харбин, протянулась в годы Гражданской войны с отступлением колчаковских войск. Упомянем мемуары казака Гавриила Енборисова «От Урала до Харбина», романы «Ледяной смех» Павла Северного, «Оренбургский владыка» Валерия Поволяева, описания Ледяного похода в поэзии Арсения Несмелова.

Отступая, отряды Колчака привлекали с собой и местное гражданское население – те его слои, которым не на что было надеяться в случае прихода к власти большевиков. Иные же уральцы и сибиряки оставались в своих прежних домах, будучи связаны с уходившими на восток узами родства и дружбы.

В результате уже в 1920-х гг. на Урале можно говорить о харбинском мифе – ещё не на уровне литературы, а лишь на уровне слухов: у кого-то в числе отступавших оказался брат, отец, сослуживец. За исключением нескольких пропагандистских брошюр и статей об их харбинском настоящем негде было прочесть. К 1930-м иссякал и скудный поток писем. Харбин для уральцев стал сравним по-своему «с загробным миром»: где, как хочется верить, близкие существуют, но никаких вестей от них получить невозможно.

В 1940–50-х гг. часть русских эмигрантов двинулась из Харбина в обратный путь, в Россию. Многие оседали на Урале и в Сибири: кто-то просто возвращался домой, кому-то не позволяли двигаться дальше условия ссылки. Вернувшиеся с «последнего острова старой России» привозили с собой необычные вещи, делились устными воспоминаниями. Немало было верующих, некоторые были рукоположены в священный сан – на Южном Урале, в краю комсомольских строек, они составили костяки православных церковных общин.

На Южном Урале молчание о Харбине в официальной печати нарушила книга Владислава Гравишкиса «Гвардии Красной сын» [3], увидевшая свет в 1950-х гг. Детская повесть, мало соответствовавшая канонам соцреализма, пробила в московскую печать во времена хрущевской оттепели, сделалась на время культовым явлением, однако затем была прочно забыта (ибо не содержала антисоветской крамолы, но лишь имела новаторскую форму). Автор её, скромный библиотекарь, писал о себе: «из-за плохого зрения не смог работать плотником, устроился избачом, так и привык к книгам». Главный герой повести Витя Дунаев, прообразом которого послужил Федя Горелов – молодой житель города Миасса, всю жизнь одержимый мстью местному золотопромышленнику Шмарину за гибель в шахте отца, но сам казнённый колчаковцами как террорист.

Почти банальная, хотя и трагическая история превращается под пером Гравишкиса в квазирелигиозный эпос: герой проходит инициацию, готовящую его к будущей мести, невесть откуда взявшийся балтийский матрос учит его творить чудеса во имя строительства нового мира, наконец герой погибает за коммунистическую идею. Однако справедливость должна восторжествовать. И в повести Гравишкиса появляется «апокалиптический финал»: младший брат Виктора – Сергей Дунаев в звании лейтенанта попадает в 1940-х гг. в Харбин и встречается там сына главного антагониста – Николая Шмарина.

Сын буржуа называет себя «китайским» именем Нико Шмари. На самом деле китайского значения у этого звукового набора нет, зато возникает масса русских омофонических ассоциаций (со словом «кошмар» и т.д.).

Нико Шмари оставлен белогвардейцами, отчалившими на корабле прямо в Америку, в качестве шпиона против советских войск. Одет он типично для суперагента (серый плащ макинтош и так далее), однако ведёт себя достаточно странно. Взяв в лавке пачку сигарет, он расплачивается не монетами, а пулей, выстрелив в стоявшего за прилавком мальчишку – сына хозяина Ван Цоя. Ребёнок погибает, но злодея настигает русский лейтенант Дунаев, олицетворяющий «историческую справедливость».

Автор повести Владислав Гравишкис в Китае не бывал, однако, с большой вероятностью, пользовался рассказами эмигрантов, вернувшихся из Харбина. В его наивной книге впервые появляются образы и схемы, которые впоследствии лягут в основу «харбинского советского мифа». Это детали пейзажа – бедные китайские фанзы и одновременно русские вывески с ятями. Это известная дихо-

томя: трудящийся китаец – бродячий хунхуз, которой мы ещё коснёмся в разговоре о творчестве Павла Северного и Арсения Несмелова. Наконец, это советская вера в то, что свободу от социальных противоречий традиционного общества, компас прогресса китайскому народу принесёт именно победа социализма.

«Советские врачи вылечат твоего сына», – говорит безутешному отцу через переводчика лейтенант. Но старик Ван Цой не верит в чудеса. Главное, чтобы не ушел от возмездия Нико Шмари: «Пусть его судит китайский народ». Суд выносит расстрельный приговор.

В начале 1960-х гг. советским читателям открывается творчество другого уральского автора, сделавшего значительный вклад в харбинский литературный текст, – Павла Александровича фон Ольбриха, работавшего под псевдонимом Павел Северный.

Павел Северный был ровесником XX в., родился в 1900 г. в Верхнем Уфалее в семье горного инженера. В этом небольшом городке на самом севере Челябинской области и сегодня существует музейная экспозиция, посвященная его памяти. На Урале пережил он первые литературные опыты, ещё юношей, до начала Гражданской войны, и в 1956 г., вернувшись на Южный Урал, в Чкаловскую (Оренбургскую) область, Северный начинает именно с книг об уральской природе (ибо харбинская тема кажется ещё достаточно опасной). Уральские черты узнаются и в поздних описаниях Северным маньчжурской тайги, хотя его сложно упрекнуть в фантазии по причине незнания реальности – именно в китайский период своей жизни он много времени проводил в различных экспедициях. Сказались таёжные увлечения и на выбранном им псевдониме.

В 1919–20 гг. поручик Ольбрих, командир роты 25 Екатеринбургского полка 7 Уральской дивизии Колчака отступал вместе с единомышленниками на восток, пережил тяготы Ледового похода (оставив воспоминание о них в итоговом романе «Ледяной смех») и, наконец, оказался в Харбине. Свою литературную карьеру он начинает как драматург, скоро на харбинской сцене ставится его пьеса «Смерть императора Николая» (одно из событий, потрясших бойцов колчаковской армии), а затем и «Только мое, а может быть и Ваше» – посвященная самому легендарному генералу Колчаку.

В середине 1930-х гг. Павел Северный совершает пеший переход из Харбина в Шанхай, пересекая весь Китай, не имея денег и не зная языка. Но литератор всегда начеку, и путешествие со временем превращается в книгу-травелог «Фарфоровый китаец качает головой». В Шанхае для Северного начинается новая жизнь, он работает в просоветской газете, и в 1950-х гг., не испытывая сомнений, не выбирает дорогу на Тубабао и далее в США, а возвращается назад в СССР. Его возвращают на Урал, власти поначалу не доверяют ему. Однако несколько лет спустя в столичном издательстве «Детгиз» выходит его книга «Шумит тайга Маньчжурии», в которой автор переосмысляет харбинское прошлое, открывая эту доселе неизвестную страницу юному советскому читателю. Северный просит разрешения переехать в Москву, ему разрешают избрать Подольск, где полуоупальный писатель проводит остатки дней.

Не секрет, что старшее поколение харбинских русских – белоэмигрантов и «кавэждэков» жило воспоминаниями о трагедии их страны России, переплетенной с их личными трагическими судьбами. Китайский язык всерьез изучали их дети, младшая генерация «чураевцев», детство которой прошло уже в Харбине – к этому поколению принадлежит, например, известный поэт, переводчик

Ли Бай, Ши Цзянь-у, Сунь Ди, популяризатор китайской классической литературы Валерий Перелешин. Старшие же подчас владели только русским языком и территории, прилегающей к КВЖД не покидали.

В творчестве старших, полном тревожных ожиданий, часто возникает образ хунхуза. Хунхуз для русского литератора – романтизированный лесной бродяга, нередко разбойник, избирающий отшельнический образ жизни для того, чтобы бросить тем самым вызов традиционному социуму. Хунхуз опасен (группа хунхузов может ограбить село или поезд), но и сами «белые», бросившие вызов победившему на их родине социализму, не принятые, не ассимилированные и китайским народом, чем они хуже лесных бродяг. Так же точно, таясь и отбиваясь, отступали они по льду Байкала, а местные власти считали их бандитами. Главный поэтический голос этого поколения Арсений Несмелов выражал это в строках: «Те же джунгли этот гаолян, // Только без озёр и без полян. //Здесь на свист хунхуза – за версту // Свистом отзывается хунхуз...// И на длинной жерди голова // Не жива была и не мертва, // И над ней кружилось воронье: // Птицы ссорились из-за нее» [5].

Однако русский бродяга не одинок, у него есть вера, идеалы, святыни. А.А. Забияко отмечает [4] интересный факт уже не русского, а китайского фольклора – почитание «Старика вокзала», как местные жители восприняли святителя Николая Чудотворца. На центральном вокзале Харбина была дорожная часовня с чтимой иконой этого святого. Русские с благоговением прикладывались к ней, осеняя себя крестным знамением. Китайцы тоже охотно обращались с мольбами к «русскому» старцу, громко хлопая в ладоши, и обращаясь русскими словами «помогай» и «понужай» (слово, усвоенное от русских извозчиков).

Наконец, этот персонаж снова возвращается в литературу, в поэме Арсения Несмелова: «Стар и сед, а силы на медведя...// Медный крест сияет на груди...// Кто ты, дедка? Мы тебя не знаем, // Ты мелькаешь всюду и везде. // Прозываюсь, парень, Понужаем, // Пособляю русскому в беде...» То ли вспоминая прошлое, то ли предвидя будущее многих русских харбинцев – трудное возвращение в Россию, Несмелов отправляет Понужая в новый Ледяной поход: «Бороды в сосули превращались, // В градуснике замерзала ртуть... // И опять винтовку заряжая, // Шёл солдат дорогой ледяной... // Смертная истома Понужая, // Старика с седою бородой!»

Совершенно иначе переосмысляются эти образы в повести Павла Северного «Шумит тайга Маньчжурии» [6]. Напомним, что книга, задуманная в Китае, была воплощена уже в СССР. Революционная логика подсказывала, что потенциальный «хунхуз» не обязан быть разбойником, он может оказаться и революционным партизаном, не просто бросающим вызов традиции своего народа.

В центре повествования – мужающий юноша Шитоу-Эр, сирота, выросший в тайге. Товарищем его детских игр становится тигренок Гу-Эр, тоже в буквальном переводе «сирота», подранок, мать-тигрица которого была умерщвлена недобрыми людьми. Только тайга может вырастить нового человека для нового мира. Однако для того чтобы «маугли» Шитоу-Эр не одичал, не свернул с правильного пути, ему даётся в наставники старец Пан Хун-цзы. Это своеобразный «старик Понужай» – охотник, много лет проживший среди русских, усвоивший их ценности – пожалуй не столько христианские, сколько гуманистические и социалистические. В прологе повести Пан Хун-цзы ведёт Шитоу-Эра на вершину горы, чтобы показать советскую границу. «Почему китайцы не могут построить народное счастье так, как это сделали русские?» – задаётся вопросом юноша.

Пан Хун-Цзы проповедует эти идеи и остальным, но традиционное китайское крестьянское общество не принимает его, считает «обрусевшим», и старец

вынужден жить в лесной хижине – фанзе, промышляя охотой и поиском корня женьшеня. Корень помогает разбогатеть, но богатство не приносит счастья, и вот уже обитатели таежной фанзы Пан Хун-Цзы, Шитоу-Эр и Гу-Эр вынуждены оставить обжитое место и отправиться в скитания. Постепенно к ним присоединяются другие изгнанники: красавица-беглянка Сюэ-Хуа, не пожелавшая стать наложницей богача У, народный поэт, ярмарочный артист Сун Чан-ю, воспевавший в своих сочинениях справедливость по отношению к простому человеку и другие – формируется постепенный партизанский отряд.

Символически важной становится сцена, когда беглецы идут через маковое поле и задаются тем вопросом, который ставили перед собой в XX веке многие китайцы: ихэтуани-«боксеры», гоминьдановцы или коммунисты. Девушка Сюэ-Хуа в восторге восклицает о красоте алых цветов. Старец Пан Хун-цзы напоминает ей, что в красивые одежды способно рядиться и зло. Белые чужестранцы принесли в Китай прогресс, построили железные дороги. Но они же познакомили китайцев и с опиумом. Из стеблей алых цветов производится опасный яд, убивающий не только тело, но и душу человека.

Китайский народ должен выбрать свой путь. Безусловно, путь должен вести к модернизации, однако он должен быть индивидуальным, особенным, не продиктованным европейцами, русскими или японцами.

В то же время оставаться исключительно в рамках традиции, жить по-прежнему китайский народ в представлении автора уже не сможет. Павел Северный ставит интересный литературный эксперимент. В повести появляется ещё один старец, философ и поэт Ли Го-Сян. Мыслитель-конфуцианец по имени Ли Го-Сян действительно существовал в истории, вот только жил он не в XX в., когда разворачивается действие повести, а во II в. новой эры. Павел Северный делает древнего философа наставником юного императора Пу И – последнего представителя маньчуржской династии Цин. В 1932 г. Пу И становится во главе прояпонского государства Маньчжоу-Го и призывает старого воспитателя помочь в управлении государством. Философ произносит патриотические речи, плетёт интриги, убеждая себя, что действует исключительно на «пользу нации».

Но однажды партизаны (или, может быть, безыдейные хунхузы) сжигают его родовое имение. Ли Го-Сян берёт у императора отпуск, чтобы уладить дела, но на самом деле едет на пепелище с твёрдым намерением покончить с собой. Его знания, прежняя мудрость, веками скреплявшая основы государства, теперь признается ненужной. Всё-таки Ли Го-Сян – гуманист, он верит в человечество, в то, что мир спасет красота. В дороге он сочиняет свое последнее стихотворение, о шорохе падающих осенних листьев, которого больше не услышит. Автор жестоко обходится с героем: лист бумаги с записанным стихотворением Ли Го-Сян дарит последнему встреченному в своей жизни человеку. Им оказывается опиумоторговец Тай, который поэзии не понимает и готов пустить бумагу на самокрутку для приготовления очередной партии дурмана. Тай в ту же ночь сам становится жертвой партизан – строителей нового мира, нового Китая, новой народной философии, стихов и песен.

Наконец, упомянем ещё один современный текст – фантастический роман Елены Чижовой «Китаист» [8]. Елена Чижова – петербурженка, однако принимает живое участие в культурных событиях Урала.

Роман создан в популярных жанрах антиутопии и альтернативной истории. Автор ставит эксперимент, в чем-то схожий с Аксеновским «Островом Крымом».

Во время Второй мировой войны советские войска не выдерживают немецкого наступления, и Гитлер расширяет территорию рейха до Урала. Таким образом, Россия раскалывается на две части. Европейская Россия становится развивающейся капиталистической страной, окраиной Европы. Азиатская социалистическая Россия попадает под сильное культурное влияние коммунистического Китая.

Главный герой романа – студент-китаист Андрей отправляется из азиатской России в европейскую. У него достаточно сентиментальные представления о Москве и Петербурге – тех самых дорогих сердцу топосах, без которых как будто невозможна культура его родины. Однако, сталкиваясь с реальностью, он ужасается «пошлости», культу комфорта и эгоизма и даже потери подлинного русского языка, превратившегося в «немрусский», более напоминающий уголовный слэнг. Ему непонятны те, кто живет западнее Урала, а он, в свою очередь, непонятен им.

Роман, получивший в 2017 г. разгромные отзывы критиков, тем не менее, содержит интересную метафору: в мире, созданном Чижовой, для того, чтобы постичь русскую культуру, необходимо выучить китайские иероглифы. Это очевидность для россиянина-азиата и абсурд для россиянина-европейца. История (в своей альтернативной модели) зафиксировала оба варианта в качестве равноправных.

Однако, обращаясь к литературе русской диаспоры Китая, не такую же ли дихотомию обнаруживали перед собой харбинские эмигранты? Харбин – последний остров «старой России» в мире устойчив до той поры, пока волна модернизации – построения нового мира не накроет принимающий его Китай. Что же дальше? Симпатии к европейскому фашизму, которые пережил печально известный Константин Родзаевский и его соратники? Большевиетские убеждения, принятые Павлом Северным, но увы, сочтенные предательством его бывшими соратниками? Путь вживания в новую азиатскую реальность (не только в составе русской диаспоры в Китае, но и в Южной Корее и т.д.)? Путь отрицания мирского, как это произошло со иными верующими, членами РПЦЗ? Путь поисков гуманизма в Европе и США?

У каждого из этих вариантов нашлись приверженцы среди русских харбинцев. В то же время ни один из избранных путей нельзя считать абсолютно верным. Просто судьба части России и россиян оказалась вписанной в судьбы Дальнего Востока. Чтобы понять её, нужно «выучить иероглифы» – осознать пути развития современной Юго-Восточной Азии, так или иначе неразрывно связанные с путем развития России.

1. Давыдов О.М. Китайский гипертекст Южноуральской прозы // Наследие земли Уральской. – Челябинск, Край Ра, 2017. Вып. 2. С. 134–136.

2. Давыдов О.М. Чураевка на стыке геопоэтических фронтиров: русская литература Шанхая и Харбина // Церковь. Богословие. История: материалы VI Всероссийской научно-богословской конференции – Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2018. С. 234–240.

3. Гравишкис В.Р. Под Уральскими звездами. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1968. – 288 с.

4. Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина: монография. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. – 437 с.

5. Русская поэзия Китая / сост. В.П. Крейд. – М.: Время, 2001. – 720 с.

6. Северный П. Шумит тайга Маньчжурии. – М.: Детгиз, 1960. – 176 с.

7. Чижова Е.С. Китаист. – М.: АСТ, 2017. – 608 с.

УДК 82

«ЦЕЛИНА ПО-МАНЬЧЖУРСКИ»: ТООГЕН В ТВОРЧЕСТВЕ ХАРБИНСКИХ АВТОРОВ

Г.В. Эфендиева,

канд. филол. наук, доцент

кафедра литературы и мировой художественной культуры

Амурский государственный университет,

г. Благовещенск

Статья посвящена истории переселения русских эмигрантов Харбина в специально создаваемые в 1940-х гг. сельскохозяйственные районы на Севере Маньчжурии. Тема переселения в Тооген (один из таких районов) активно освещалась в местной периодике. Тайга и лесные поселки, влияние природного мира, земли и тяжелого труда на характер и жизнь человека нашли отражение и в художественной литературе (в рассказах Б. Юльского, А. Несмелова и др.).

Ключевые слова: *этнокультура, Северная Маньчжурия, русский Харбин, японская оккупация, Маньчжоу-го, миграция, переселенческие районы, Тооген, «Рубеж», художественная этнография.*

«TSELINA BY MANCHURGY»: TOOGEN IN THE WORKS OF RUSSIAN AUTHORS HARBIN

G.V. Efendieva,

Ph.D. in Philology, Associate Professor

Department of Literature and world culture

Amur State University

Article is devoted to the history of the resettlement of Russian emigrants in Harbin specially created in the 1940s. agricultural areas in the north of Manchuria. Subject resettlement Toogen are covered in local periodicals. Taiga and its settlers, the impact of the taiga of the world, the land and the nature of human life is also reflected in the literature (in stories B. Yulskogo, A. Nesmelova).

Keywords: *Ethnic Culture, Northern Manchuria, Russian Harbin, the Japanese occupation, Manchukuo, migration, resettlement areas, Toogen, "Frontier", art Ethnography.*

Изучение культурного и литературного наследия русского дальневосточного зарубежья невозможно без понимания этнорелигиозной, социально-экономической и общественно-политической ситуации в регионе.

Как известно, после оккупации территории Маньчжурии Японией и образования в марте 1932 г. марионеточного государства Маньчжоу-го во главе

с последним императором династии Цин – Пу И в жизни русской диаспоры в Китае начались серьезные изменения. Было создано специальное Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ) – своеобразное средство тоталитарного контроля над эмиграцией и орудие, с помощью которого в эмигрантскую среду внедрялись идеологические установки японских властей.

В результате деятельности этого учреждения, а также целого ряда действий со стороны японцев российские эмигранты (кто не успел к тому времени бежать на юг Китая и в Шанхай) оказались «под колпаком». Всем, кто не имел китайского подданства, не разрешалось перемещаться по стране (даже на краткосрочный выезд далее 20 километров требовалась виза департамента полиции). В учебных заведениях было введено обязательное изучение японского языка, ликвидировано несколько политических группировок и периодических изданий (придерживающихся независимых взглядов). Все события подавались теперь только сквозь призму действующей политики. Ужесточилась цензура. Журнал «Рубеж» хотя и продолжал существовать, но из-за экономических проблем его вид стал совсем непрезентабельный [1]. Литературное творчество все чаще становилось средством идеологической пропаганды, а обращение писателей к тем или иным жанрам, темам и образам диктовалось социальным заказом. Именно поэтому тексты харбинских авторов, особенно опубликованные в местных газетах и журналах, требуют критического и комплексного анализа, и не должны вырываться из общего контекста периодического издания, так же как и из контекста исторической эпохи и общего литературного контекста.

Особенно сильно идеологическое давление в культурной жизни русского Харбина стало ощущаться в годы Великой Восточно-Азиатской войны (так называют в Японии Вторую мировую войну на Тихом океане). В каждом номере «Рубежа» печатались статьи о победах японской армии, несокрушимой силе японского духа, подвигах «камикадзе» и «превосходстве доблестных японских воинов над англо-саксами». Именно в эти годы стали проводиться Восточно-Азиатские конкурсы эмигрантских поэтов, беллетристов, драматургов и композиторов. Так, например, в 1944 г. такой конкурс (уже 4-й по счету) проходил под лозунгом «Ближе к жизни» и преследовал следующие цели: 1) отражение конкретных задач эмиграции в областях политической, культурной, военной, экономической и государственной; 2) преодоление жизненных трудностей, необходимое для победоносного завершения ведущейся в настоящее время Священной войны; 3) отражение борьбы против демократий и коммунизма; 4) художественное изображение типа человека новой эпохи и др. [2, с. 2].

В этом же году отдельным изданием вышла поэма Г.Г. Сатовского (мл.) «Великая Восточная Азия». В рецензии на это сочинение писали: «Грандиозные события переживаемого времени и, в частности, Великая Восточно-Азиатская война пока еще слабо отражены в нашей эмигрантской литературе. Об этом, разумеется, можно лишь пожалеть <...>. Эта небольшая, изящно изданная книжка, снабженная многочисленными иллюстрациями и портретами государственных деятелей Великой Восточной Азии – плод, несомненно, творческого вдохновения. Поэма содержит 12 стихотворений, посвященных всем восточно-азиатским странам. Все эти стихотворения объединены общностью темы и проникнуты пафосом освободительной Священной войны и широкого строительства Великой Восточной Азии» [3, с. 24]. В начале 1944 г. известный дальневосточный писатель-натуралист Н. Байков в прояпонской газете «Время» публикует статью

под названием «Наш долг», где он, в частности, призывает: «Мы, российские эмигранты, нашедшие приют и гостеприимство в пределах Маньчжурской Империи, обязаны всемерно содействовать ведению войны, а также культурному и экономическому процветанию государства, входящего в блок Восточной Азии, памятуя, что это не только наш долг по отношению к стране, нас приютившей, но и наш национальный священный долг» [4, с. 2].

В этой же газете, кстати, вышла рецензия на новый сборник рассказов Байкова «Таежные пути». Приведем из нее небольшую (но показательную) цитату: «Произведения Н.А. Байкова кроме своих литературно-художественных достоинств и биологической ценности, имеют еще и большое воспитательное значение, как здоровая, бодряя, жизнерадостная литература, внушающая веру в Бога, любовь к природе, и дающая высокие идеалы человеческого духа, основанные на героизме, чувстве долга, жертвенности и беззаветной преданности отечеству, что соответствует ниппонскому духу Бусидоо» [5, с. 4].

Переселенческая политика, начатая японскими властями в Маньчжурии в начале 1940-х гг., была частью движения за «служение сельского хозяйства делу становления нового порядка в Восточной Азии». Как вспоминает Е.П. Таскина, японцы требовали от оккупированной Маньчжурии все больше ресурсов для фронта, для тихоокеанской войны. Маньчжурия надрывалась от поставок. Тяжелое экономическое положение, безработица, трудности в обеспечении продуктами питания городского населения – все это привело к решению создать так называемые «Особые переселенческие районы» для русских (Чол, Тооген, Люто, долины Западного Похинганья). Переселение контролировалось со стороны Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) и Японской военной миссии (ЯВМ). В Харбине велась активная агитация за переселение городского населения на «землю». В итоге, к февралю 1945 г. в этих районах насчитывалось уже около 3000 русских переселенцев [6, с. 318].

Переселенческий район Тооген, начальником которого являлся М.Н. Гордеев, основанный в октябре 1943 г. в долине реки Тайванхэ (правый приток Сунгари), приблизительно в 300 км. от Харбина, в непосредственной близости с советской границей (недалеко от нынешнего Хэйхэ) – имел важное стратегическое значение. Для освоения Тоогенского района сюда тянули железнодорожную ветку от станции Цзямусы. В его состав входило три поселения – Ново-Покровская, Петро-Павловская и Воскресенская. В основном в них жили бывшие служащие фирмы Чурина, затем – и с других предприятий Харбина, особенно много требовалось специалистов-инженеров и простых рабочих. На разработку земель отправлялась и русская молодежь – студенты учебных заведений. Многие эмигранты переезжали в Тоогенский район лишь потому, что переселенцев призывного возраста временно освобождали от воинской повинности. По свидетельству очевидцев, это были очень живописные места, но требовавшие от людей тяжелого и непривычного труда. Некоторая часть поселенцев не выдержала и вернулась в Харбин. После окончания японской оккупации вернулись и остальные [7, с. 432].

Строительство новых русских поселков, жизнь русских поселенцев в Тоогене регулярно освещались на страницах харбинской периодики, в частности, в журнале «Рубеж». Это и не удивительно, учитывая, что периодическая печать является одним из мощнейших средств пропаганды, способом идеологического воздействия на общество. Практически ни один номер «Рубежа» за 1943–

1944 г. не обходился без «тоогенских» материалов, отражающих переселенческую политику, проводимую действующей властью: «Тоогэн – один из прекраснейших уголков Маньчжурской Империи», «На просторах Тоогэна», «Среди чарующих красот Тоогэна», «Растут русские поселки в Маньчжу-Го», «Александровка – новый пример энергии и трудолюбия» и многие другие. Все они отличаются повышенной эмоциональностью, пронизаны идеей духовно-нравственного и национального возрождения российской эмиграции, воспевают красоту и богатство края, величие тайги и геройство пионеров-переселенцев. Один из выпусков (№ 29 за 1944 г.) целиком был посвящен годовщине основания Тоогена. «Развитие дела русских поселений в Тоогэне является одним из самых жизненных вопросов в текущий момент для всей эмиграции и в то же время является большим вкладом в дело государственного строительства, а также в дело укрепления тыла в дни Великой войны за Восточную Азию. Мы стараемся дать яркую и правдивую картину того, как живет, работает и развивается Тоогэн...», – говорилось в заметке, открывающей номер [8, с. 1]. Среди других материалов выпуска назовем также статьи и очерки: «Как нашли Тоогэн. Краткая историческая справка», «Чарующая природа Тоогэна», «Тоогэн перерождает поселившихся там людей», «Кто едет в Тоогэн?», «Тоогэн – сельскохозяйственная база эмиграции». Поэт В. Обухов на годовщину Тоогена откликнулся поэмой «Лунный край», В. Логинов стихами «Харбин – Тоогэну», где есть такие строки:

О, Тоогэн!
Плацдарм грядущих поколений!
Тая богатств в себе неисчислимый груз,
Ты поразил навек людей воображеньем.
Ты к жизни трудовой создал любовь и вкус.
Охотник, рыболов и скромный землепашец! /
На девственной земле, меж сопок, скал и рек,
Вы пожинаете плоды усилий наших.
И – создается здесь счастливый человек.

Этой теме были посвящены и два рассказа – «Тайга» С. Яворского (псевдоним гл. редактора «Рубежа» М. Рокотова) и «Земля лечит...» А. Арсеньева (псевдоним А. Несмелова). В «Тайге» герой-повествователь, житель Харбина, оказывается в таежных горах Маньчжурии – один, первый раз в жизни и без ружья. Он почти сразу начинает испытывать ощущение покинутости, незащитности, надвигающейся опасности. В какой-то момент его начинает одолевать страх, но вскоре он встречает рабочего лесной концессии, который не просто указывает ему путь из леса, но и поражает спокойным, глубоким и пронизывающим взглядом. На следующий день он снова встречает в тайге этого человека и узнает, что тот – бывший кадровый офицер (полковник, командир полка), который прожил 24 года – все время эмиграции – в тайге. На вопрос: «И вас вполне удовлетворяет эта жизнь?», бывший военный отвечает: «Вполне. <...>. Прожил все двадцать четыре года и нисколько не жалею! Нисколько... Я знал, наблюдал, что происходит там у вас, в Харбине... Я сменил мундир на тайгу – на таежную, суровую, но прекрасную и богатую по-своему жизнь» [9, с. 4]. На противопоставлении городской (харбинской) и сельской жизни строится и второй рассказ – «Земля лечит...». Сергей Родионович Кругосвяттов – известный в городе человек, который занимался общественной работой, писал в газеты –

вдруг неожиданно увял и потерял вкус к жизни. Когда через два года Кругосветов появился в Харбине, его старый приятель и коллега сразу отметил, что голос его стал более мужественным, глаза спокойными и уверенными, а руки крепкими и здоровенными. Спасением и способом выздоровления для него стал отъезд из Харбина и жизнь в деревне, на земле. Герой объясняет это тем, что русские традиционно были земледельческим народом, и очень крепко – психологически – связаны с землей. Он нашел себя и свой путь в простом, но всем полезном и нужном труде. «Поля, лес, тишина, воздух. Работа в поле, работа в лесу. Вальть деревья, пилить дрова, охотиться. В руках топор, заступ или коса; иногда ружье. Сознание, что ты никому и ничем не обязан, – только вот этим своим красным рукам, своим мышцам и своей настойчивости. И вот душа моя стала выздоравливать от тоски, от сознания своей ненужности, неприкаянности, ничемности... И выздоровела» [10, с. 7]. Оба рассказа не лишены тенденциозности и пропагандистского релятивизма. Авторы идеализируют своих персонажей и сильно романтизируют (часто упрощают) суровую таежную (крестьянскую) жизнь русских переселенцев.

Несколько особняком стоят несколько рассказов Б. Юльского. В 1943 г. этот писатель вместе со своими друзьями уехал в один из переселенческих поселков Тоогена (точные причины, побудившие его сделать это, не известны). Одна из русских газет в Харбине в 1944 г. писала: «Беллетрист Б.М. Юльский очень доволен своей жизнью в Тоогене. Охотно он рассказывает о своих литературных планах: "Прежде всего, хочу написать цикл рассказов под общим заголовком "Новая земля", наподобие "Зеленого легиона", с той лишь разницей, что "Новая земля" будет посвящена тайге и ее поселенцам». Позже в «Рубеже» были опубликованы первые два рассказа цикла («Зверь и огонь» и «Енотовое озеро») с кратким авторским предисловием: «Это новая серия рассказов, объединенных общим заголовком и сюжетом, но отдельных по содержанию, посвящается пионерам Тоогенского района, создающим новые русские поселения там, где до настоящего времени бродили только дикие козы, табуны диких кабанов и волчьи стаи. Эти рассказы пишутся там же, в таежном бараке, где люди, похожие на героев Джека Лондона, строят новую жизнь на новой земле, которую природа щедро одарила своими богатствами» [11, с. 1].

Год спустя у Б. Юльского выходит еще один рассказ о людях Тоогена – «Чернозем» [12]. Здесь, так же как и в текстах «С. Яворского» и «А. Арсеньева», используется прием противопоставления, присутствует мотив «перерождения». В основе сюжета – приезд в тоогенский поселок молодого человека по имени Виктор Шепелев, сына крупного харбинского предпринимателя. Отец поручил ему осмотреть район и оценить его с точки зрения коммерческой перспективы. Там он встречается Надю, с которой пять лет назад у него был непродолжительный роман (Виктор соблазнил девушку, а после того, как узнал о ее беременности, сбежал в Шанхай). Он с удивлением замечает, что она очень сильно изменилась. Лицо стало старше, серьезнее и вдумчивее. От кроткой и покорной Надюши, «которая когда-то с беззаветным обожанием заглядывала ему в глаза и ловила каждое его слово, каждое движение губ», не осталось и следа. У нее ребенок и муж. Беззаботному, безнравственному и скучающему красавцу Виктору (похожего на голливудского киноартиста) автор противопоставляет Надю и ее внешне непримечательного мужа – людей крестьянского труда, исполненных высокого человеческого достоинства.

Как видим, из публицистических и художественных текстов, посвященных Тоогену (назовем еще рассказ Ю. Алтайского «Переселенец») складывается совершенно определенный образ русских пионеров-переселенцев – сильных, стойких, трудолюбивых до самозабвения, счастливых и довольных жизнью людей. Однако выбранный писателями ракурс освещения этой темы (романтический пафос, жизнеутверждающий тон) во многом был связан с идеологической атмосферой времени. Трудовой фронт, маньчжурская «целина» не стали заметными темами дальневосточной эмигрантской литературы (в отличие от Маньчжурии в целом – дикого таежного края). Идеологическая востребованность вскоре ушла. Да и само поступательное развитие русской эмигрантской литературы на Дальнем Востоке было прервано приходом советских войск и началом массового исхода русских беженцев из Китая. Наступила другая эпоха...

1. Таскина Е.П. Поэты русского Харбина // Проблемы Дальнего Востока. – 1989. № 4. С. 118–120.
2. <Б.п.> Четвертый Восточно-Азиатский конкурс эмигрантских поэтов, беллетристов, драматургов и композиторов // Рубеж. 1944. № 18.
3. О.Ш. «Великая Восточная Азия». Поэма Г.Г. Сатовского-Ржевского (мл.): [рец.] // Рубеж. 1944. № 11.
4. Байков Н. Наш долг // Время. 1944. 5 февраля.
5. <Б.п.> Таежные пути // Время. 1944. 6 января.
6. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). – М., 2004. – 432 с.
7. Русские в Китае / Под общ. ред. и предисл. А.А. Хисамудинова. – Шанхай, 2010. – 572 с.
8. <Б.п.> Привет Тоогэну. К годовщине его основания // Рубеж. 1944. № 29.
9. Яворский С. Тайга // Рубеж. 1944. № 29.
10. Арсеньев А. Земля лечит... // Рубеж. 1944. № 29.
11. Юльский Б. Новая земля // Рубеж. 1944. № 13.
12. Юльский Б. Чернозем // Рубеж. 1945. № 34.

УДК 241.8

КАК РУССКИЙ ХАРБИН КРЕЩЕНИЕ ПРАЗДНОВАЛ: ЗАМЕТКИ ОЧЕВИДЦЕВ

Я.В. Зиненко,

аспирант кафедры религиоведения и истории

*Амурский государственный университет,
г. Благовещенск*

В статье представлен обзор публикаций в харбинском журнале «Рубеж» (1930–1940-е гг.), посвященных православным праздникам. В полном объеме публикуются статьи из журнала, посвященные празднику Крещения Господня.

Ключевые слова: *православный праздник, православие, русский Харбин, журнал, Китай.*

AS A RUSSIAN HARBIN CELEBRATED BAPTISM: EYEWITNESS NOTES

Ya.V. Zinenko,

*post-graduate department of religious studies and history,
Amur state University*

The article presents a review of publications in Harbin journal of “Rubezh” (1930–1940-s.), dedicated to Orthodox festivals. Articles from the journal devoted to the Epiphany are published in their entirety.

Keywords: *Orthodox holiday, Orthodoxy, Russian Harbin, magazine, China.*

Русская православная церковь в Северной Маньчжурии с конца XIX – первой половины XX в. занимала прочные позиции в эмигрантской среде. Это было обусловлено рядом причин: во-первых, русское население, прибыв в Маньчжурию для строительства КВЖД, привезло с собой не только традиционный быт и уклад жизни, но и традиционную для Российского государства религию; во-вторых, в годы Гражданской войны в России часть эмигрировавшего населения осела в Китае, центром стал Харбин, что способствовало образованию в 1922 г. самостоятельной Харбинской епархии [11, с. 73]. Таким образом, православная церковь в годы эмиграции стала неотъемлемой частью повседневной жизни русского населения Северной Маньчжурии. При РПЦ в Харбине была открыта Серафимовская столовая, которая кормила нуждающихся бесплатными и удешевленными обедами, были открыты приюты для сирот, больных и нуждающихся, также церковь имела свой свечной завод и типографию, где выпускался журнал «Хлеб Небесный». Все это способствовало сохранению русского языка, русских традиций, быта и уклада жизни, существовавших при царской России. Напри-

мер, в Радоницу обязательно служились молебны, посещались кладбища [5, с. 11]; Рождество традиционно отмечалось торжественными службами во всех православных храмах. После Рождества наступало Крещение, не менее значимый церковный праздник, который чтили не только русские, но и китайцы [13, с. 12–13].

Ведущую роль в культурной жизни русского Харбина почти два десятилетия (1926–1945) играл еженедельный литературно-художественный журнал «Рубеж» [7, с. 19]. Уникальность социокультурной ситуации в дальневосточном зарубежье заключалась в том, что русская диаспора в Харбине сформировалась на основе сохранения исторической памяти, языка, культурных традиций. Тем не менее, существенное влияние на русских оказывали этнорелигиозные, этнокультурные представления и традиции коренных народов Китая. Поэтому специфика культуры дальневосточной эмиграции определяется синкретичной [3, с. 467–468] целостностью русских и инокультурных традиций. «Рубеж» был одним из периодических изданий русского Харбина, который в полной мере отразил эту особенность культуры дальневосточной эмиграции. Так, в одном выпуске «Рубежа» могли быть опубликованы статьи, посвященные русским праздникам (например, «Охотничья Пасха» [1, с. 2] или «Иордань на Сунгари» [13, с. 12]), и в то же время публиковались статьи, в которых рассказывалось о культурных и религиозных традициях народов Маньчжурии (например, «Священное дерево маньчжур» [12, с. 17], «Праздник в честь “Обо”. Красочная церемония у монголов» [10, с. 5]).

В настоящее время архивы журнала «Рубеж» представляют собой исторический документ целой эпохи. Помимо огромного количества фактического материала о культурной, общественной и литературной жизни русских эмигрантов на территории Китая, этот журнал является свидетелем православных традиций русской эмиграции в Маньчжурии. На его страницах можно было встретить публикации о служениях в православных храмах, посвященных церковным праздникам [14, с. 21], освящение деятельности служителей Харбинской православной епархии [4, с. 9], обобщающие публикации о значении православия в жизни русских эмигрантов на территории Северо-Восточного Китая [2, с. 3–4].

Богоявление – двенадцатый непреходящий праздник в христианстве, знаменующий явление миру Бога в лице Иисуса Христа. Иначе называется праздником Крещения Господня. В канун праздника установлен особо строгий пост; в сам праздник Богоявления совершается «великое» освящение воды в церквях и водоемах. На Руси такое действо называлось «водокрещением» [8, с. 183]; в Северной Маньчжурии его именовали Водосвятием или Крещением. В периодической печати традиционно появлялись статьи о прошедшем в Харбине празднике Крещения.

Ниже представлены новостные статьи, посвященные празднику Крещения в Харбине. Авторами данных статей стали корреспонденты-очевидцы. Ежегодно авторы статей отмечали, что на празднике Крещения всегда многолюдно, большие толпы людей собирали крестные ходы со всех церквей города. Ежегодно собиралась многотысячная толпа эмигрантов, китайцев, маньчжуров, японцев посмотреть на «водосвятие». В Сунгари вырубалась крестообразная прорубь, а над ней высился большой ледяной крест. Обряд освящения воды традиционно сопровождался хоругвями, иконами, служился «водосвятный» молебен и крест погружался в прорубь, выпускались голуби. После водосвятия многие верующие окунались на несколько минут в воду, так как считалось, что в этот день вода обладает целебными свойствами для организма. Святую воду набирали в боль-

ших количествах во все емкости: кофейники, чайники, бутылки и бидоны. Предприимчивые китайцы устраивали торговлю сосудами для забывчивых харбинцев, товар расходился быстро. Набирали воду не только православные верующие, но и местные жители, которые отмечали, что освященная вода имеет чудодейственные свойства, лечит от всех болезней.

Материал, опубликованный в соответствии с нормами современной орфографии, сопровождается комментариями и представляет интерес для широкого круга исследователей восточной эмиграции, религиоведов, филологов, культурологов, историков.

ИОРДАНЬ НА СУНГАРИ

Свыше 20.000 молящихся, до 70 купальщиков!¹

Арк. Упиинский

Русская эмиграция в Харбине сохранила верность всем красочным старым русским обычаям, из которых наиболее импозантным, несомненно, является крестный ход на Иордань² и водосвятие³ в Сунгари.

Величественное зрелище Иордани неизменно собирает многотысячную массу эмигрантов и привлекает множество корреспондентов иностранных газет и журналов, и толпы местного маньчжурского и ниппонского населения⁴, любящегося редкостным зрелищем.

В этом году крестный ход на Сунгари отличался особенным многолюдьем. Когда крестные ходы из всех церквей соединились вместе у Благовещенской церкви⁵, свыше 20 тысяч человек запрудили улицу тесной стеной на несколько кварталов, остановив трамвайное и автомобильное движение.

¹ Очерк сопровождается фотографиями: «У Софийского храма», «Крестный ход возвращается в город», «Перед освящением воды», «Молящиеся набирают святой воды», «Иконы и хоругви у огромного ледяного креста на Иордани», «С хоругвями», «На льду Сунгари».

² Иордань – прорубь, в которой освящают воду на замёрзших водоёмах, название «иордань» она получила в честь крещения Иисуса Христа в Иордане.

³ Водосвятие или Богоявление (Крещение) – двадцатый непреходящий праздник в христианстве, знаменующий явление миру Бога в лице Иисуса Христа.

⁴ Ниппонское население – японское население (самоназвание страны Японии – «Ниппон»), проживающие на территории Маньчжоу-го – марионеточного государства, образованного японской военной администрацией на оккупированной Японией территории Маньчжурии; существовало с 1 марта 1932 г. по 19 августа 1945 г.

⁵ Благовещенская церковь – находилась в районе Пристани г. Харбина. В 1902 г. был построен деревянный храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы по просьбе жителей Пристани, а также рабочих и служащих Главных Механических мастерских КВЖД. В 1918 г. храм сгорел. На месте сгоревшего храма построили новый. Он был небольшой и к концу 20-х гг. по инициативе Митрополита Мелетия решено было строить новый просторный храм. К его строительству приступили осенью 1930 г. по проекту инженера Б.М. Тустановского. Храм строился долго и был возведен только к началу 1940 г. Еще год ушел на его отделку. Первоначально храм был в ведении Пекинской Духовной Миссии, а с 1942 г. его передали Харбинской епархии. Храм освящен в 1941 г. Благовещенская церковь не сохранилась. В 60-гг. XX в. храм был закрыт, после в нем разместили цирк, а затем снесли, поставив на его месте обычный дом.

Отсюда с развевающимися вызолоченными хоругвями¹, с иконами, несомыми женщинами на полотенцах, с зажженными церковными фонарями впереди и длинной вереницей священнослужителей, ризы которых сверкали золотом в лучах зимнего солнца, – крестный ход, с архиепископами Мелетием² и Нестором³, и епископом Ювеналием⁴ во главе двинулся к набережной Сунгари.

А в это время на середине реки огромная толпа сгрудилась вокруг высокого ледяного креста, с нетерпением поджидала прибытие крестного хода. Вот он вышел на высокий берег и медленно стал спускаться по крутым лестницам на лед... Вот уже длинная черная лента растянулась по длинному полю скованной льдом реки. Вот уж хоругви и иконы сгруппировались вокруг ледяного креста, духовенство заняло свои места, и началась служба. В огромной толпе, тесным кольцом охватившей Иордань, – много иностранцев⁵: маньчжуры, китайцы, nipпонцы, немцы, англичане. Они снуют по толпе, спеша запечатлеть на пленку кодака или ручного киноаппарата невиданное зрелище.

– «Во Иордани крещающуся Тебе, Господи!»⁶ – разносится пение в звенящем от мороза воздухе, и архиепископ Мелетий троекратно погружает крест в воду проруби...

Выпущенные из клеток голуби тучей взвиваются вверх и стаями носятся над головами. Высокий nipпонец, стоя на автомобиле перед микрофоном радиостанции, установленным около хора, начинает что-то говорить в микрофон, быстро и отчетливо, и радио передает всем, кто не смог прийти на реку, все перипетии торжественного водосвятия.

Служба кончена, и лес хоругвей начинает медленно продвигаться в толпе по направлению к городу. Узкий, длинный прорубь наполнившийся водой, атакуется верующими, спешащими набрать освященной воды в бутылки, кофейники, чайники и даже бидоны. Многие, крестясь, пьют воду из проруби прямо горстями, мочат лоб, моют себе лицо. Потом проталкиваются к ледяному кресту, целуют его ледяную отливающую перламутром поверхность, трут об него руки, чтобы унести на них оттаявшую воду с освященного креста.

Энергично расталкивая локтями толпу, к проруби старается пробиться китаец с жестяным чайником.

– Ты зачем?

– Моя святой вода нада: моя сынка шибко больной есть!⁷ – и из его рассказа выясняется, что в прошлом году один китаец промыл освященной водой из Сунгари больные трахомой глаза своего сына, и у того все прошло.

¹ Хоругвь – религиозное знамя с образом Иисуса Христа, Богородицы или святых.

² Мелетий – в миру Заборовский Михаил (1869–1946.), митрополит Харбинский и Маньчжурский.

³ Нестор – в миру Анисимов Николай (1885–1962), митрополит Кировоградский и Николаевский, Камчатский миссионер.

⁴ Ювеналий – в миру Килин Иван (1875–1958), епископ Цицикарский.

⁵ В данном контексте иностранцами в Харбине в первой половине XX в. было принято считать всё население, которое не было русским.

⁶ Тропарь (краткое песнопение, выражающее суть празднуемого события) исполняется на Крещение.

⁷ Здесь употреблён русско-китайский пиджин («маньчжуро-русский воляпюк» – А. Несмелов «Нина Гранина»).

А вот предприимчивый китаец расположился на льду с батареей самых разнообразных пустых бутылок. Возле него теснится толпа забывчивых харбинцев. Товар раскупается ходко.

А несколько ниже в это самое время один за другим в проруби купаются смельчаки. Сальников, 68-летний старик, уже не спеша, одевается.

– Здесь уж 16-й раз купаюсь, – отвечает он на расспросы, – а всего 44-й. Жил раньше в Сарапуле, Вяткой губернии, да в молодости и заболел. Добрые люди присоветовали искупаться на Крещение в проруби, и все как рукой сняло. С тех пор, вот, каждый год купаюсь, и никакая болезнь ко мне не пристаёт...

Пожилые мужчины и молодые люди, юные девушки и старухи сменяют у проруби один другого. Многие не ограничиваются только тем, что окунутся, но еще и прыгают в студеной воде, разбрасывая во все стороны снопы брызг. Вокруг – давка. Многие сотни любопытных теснятся к проруби, чтобы поглазеть на смелых купальщиков. Бесперывно шелкают затворы фотоаппаратов, на всех языках слышатся возгласы восхищения одобрения, удивления... Еще бы, – ведь в воздухе 25 градусов мороза!

В этом году купалось около 70 человек, из которых около 20 были женщины. Несколько часов прошло, пока растеклась по городу, делясь впечатлениями, толпа верующих и просто любопытных.

Зиму проводили, – скоро весна.

Печ. по: Рубеж. 1936. № 5. С. 12–13.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ХАРБИН НА КРЕЩЕНСКОМ ВОДОСВЯТИИ¹

М. Шмидт

Тысячи и тысячи молящихся. – Импозантная, внушительная процессия. Молебен на льду реки. – Крещенские купальщики.

Светлый, ясный, радостный день неизменно сопровождает в Харбине Крещенское Водосвятие на Сунгари.

Еще накануне, в крещенский сочельник² повсюду в городе чувствовалось нарастающее торжественное праздничное волнение.

Во всех храмах с 9 часов утра служились Царские часы³ и литургия Св. Василия Блаженного⁴, соединенная с вечерней. Молящиеся переполняли церкви во время великого освящения воды.

¹ Очерк сопровождается фотографиями: «Крестный ход у Благовещенского храма перед отправлением на Иордань», «На льду Сунгари во время крещенского водосвятия», «Каждый год в Крещение в Сунгари купаются до двадцати купальщиков», «Бесчисленные хоругви колышется над растянувшимся на версту крестным ходом», «Ледяной крест у Иордани», «С иконой богородицы».

² Крещенский сочельник – вечер-приготовление перед православным праздником, который называется Богоявление Господне или Крещение. В этот день православные держат строгий пост до вечерней звезды (или до принесенной из храма освященной воды), а потом семья собирается за постным столом с непременно сочивом из разваренного зерна, миндального или орехового «молока» и меда. В некоторых местах этот вечер называли «Голодной кутьей».

³ Царские или Великие часы – христианские общественные богослужения, молитвенно освящающие определенное время суток. Царские часы служат только перед Рождеством, Крещением и в великую пятницу.

⁴ Здесь стоит предположить, что автор статьи имеет в виду литургию Василия Великого. Христианское богослужение, цикл духовных песнопений, посвященное Василию Великому, совершается в православной церкви 10 раз в году, в том числе на праздники Рождество Христово и Крещение.

А на утро Крещения мелодичный звон с отдельных колоколен возвестил о ранних и поздних литургиях. Многочисленные прихожане потянулись в Иверский¹, Софийский², Пророка-Ильинский³ и Петро-Павловский⁴ храмы, откуда было назначено движение крестных ходов. Как всегда, особенно многолюдно прошла служба в Софийском храме, где, несмотря на обширные размеры новой церкви, молящиеся заполняли почти всю ограду.

К концу одиннадцатого часа службы кончились, и духовенство вышло из храмов, подготавливаясь к крестному ходу. Архипастыри⁵ и певчие хоры заняли места в полукруге хоругвей, и с иконами впереди крестные ходы из всех церквей направились к обычному месту сбора – Благовещенскому храму⁶, где литургию совершал правящей владыка архиепископ Мелетий. К этому времени весь прибрежный район Пристани⁷ уже превратился в человеческий муравейник. Густая толпа окружала Благовещенский храм, растягиваясь от Новгородней до Полицейской улиц; сплошные ленты прохожих заполняли Китайскую улицу от Полицейской до Набережной, где берег на большом протяжении также занимали толпы народа, пришедшего на великое Крещенское Водосвятие.

Радостно загудели все колокола при приближении к Благовещенскому храму крестных ходов, встреченных вышедшим навстречу архиепископом Мелетием.

Тысячи молящихся, сопровождавших крестные ходы, растянулись на ряд ближайших кварталов, а когда владыка во главе шествия двинулся с поднятым над головой крестом к Сунгари, движение всякого рода экипажей в этой части Китайской улицы полностью прекратилось. Сверкая золотом хоругвей, икон и облачений священнослужителей, соединённый крестных ход медленно подвигался к реке, а за ним сплошной стеной шла многотысячная толпа.

¹ *Иверский храм* – находился в районе Пристани г. Харбина. Церковь в честь Иверской иконы Божией Матери была построена в 1907 г. по проекту архитектора К.Х. Денисова. Храм принадлежал Заамурскому округу Отдельного корпуса пограничной стражи. С 1957 г. находится в юрисдикции Китайской православной церкви. В настоящее время не действует.

² *Софийский храм* – первая церковь с таким названием была построена в Харбине около 1905 г., являлась домовою церковью 4-й Восточно-Сибирской дивизии. Когда дивизия передислоцировалась на другое место, церковь разобрали, в марте 1907 г. ее перенесли в район Пристани г. Харбина. В 1923 г. началась вторая перестройка храма, которая продолжалась около 10 лет. Полное освящение обновлённого собора произошло в 1932 г. После ухода русских из Харбина собор пришёл в запустение. Долгие годы собор находился в полнейшем запустении. В конце XX в. собор был восстановлен китайскими властями г. Харбина. В настоящее время соборе расположен архитектурный музей, в котором демонстрируются фотографии и макеты зданий Харбина.

³ *Пророка-Ильинский храм* – располагался в районе Пристани г. Харбина. Храм во имя пророка Илии. Был открыт в 1922 г. В настоящее время не существует.

⁴ *Петро-Павловский (Петропавловская церковь) храм* – располагался в Сунгарийском поселке г. Харбина. Был построен в начале 20-х гг. XX в. В 1943 г. храм перестраивали в 1943 г. по проекту архитектора М.М. Осолкова. В настоящее время не существует.

⁵ *Архипастырь* – почтительное название высших чинов духовенства православной церкви (епископа, митрополита, патриарха).

⁶ *Благовещенский храм* – см. выше.

⁷ *Район Пристани* – район Харбина, заключенный в пространстве между р. Сунгари и линией КВЖД. Один из самых крупных районов по численности населения. Район города, расположенный у паромных причалов, получил одноименное название – Пристань.

Среди собравшегося на великое торжество, кроме русского населения Харбина, было множество маньчжур, ниппонцев и других иностранцев, многие из которых, вероятно, впервые наблюдали этот красочный обряд. Повсюду щелкали фотокамеры, среди любителей живописных снимков были и кинокамеры.

Совершенно преобразилась в этот день и пустынная обычно зимой Сунгари. Множество народу уже находилось на реке, окружая крестообразную прорубь, над которой высился большой ледяной крест, сверкающий на солнце миллионами алмазных искр.

Иордань и расположенная вблизи прорубь для крещенского купания¹ на сей раз предусмотрительно были огорожены про пол кой, чтобы теснящаяся толпа не нарушала порядка богослужения и не мешала бы всегда возбуждающему общему любопытству купанью.

Как и в прошлые годы, Иордань была сделана почти прямо против Китайской улицы, ближе к левому берегу Сунгари.

Когда крестный ход приближался к реке, – на всем ее протяжении, от Чияхэ² до моста, были видны отдельные группы людей, спешащих к Иордани к моменту погружения креста. Одновременно со спуском на лед крестного хода, с харбинской стороны зазвенели колокола Затонской церкви³, оттуда к реке также направился крестный ход.

Собравшееся вокруг купели духовенство начало водосвятный молебен. Трогательно и волнующе дрожали в морозном воздухе исполняемые слившимися хорами песнопения.

Молчаливые молитвы тысяч сердец возносились к немому светлому небу, в то время как глаза всех были прикованы к великому и прекрасному символу веры, – сиявшему по середине, над толпами молящихся ледяному кресту...

Наконец под пение торжественного тропаря⁴ «Во Иордане крещающуся Тебе, Господи» владыка Мелетий троекратно погрузил в реку святой крест и благословил море склонивших голов. Взлетели выпущенные в разных местах голуби⁵ и, шурша крыльями, взмыли к голубым небесам, совершая плавные круги над Иорданью и зашумевшей в радостном волнении толпой.

После водосвятия тотчас же появились первые купальщики, бесстрашно опустившиеся на несколько минут в освященную ледяную воду и выбиравшиеся из проруби под одобрительные реплики окружающих. Как всегда, нашлось несколько десятков крепко верующих людей, в том числе, много женщин и девушек, пожелавших искупаться в великий день Крещения Господня. Эта процедура

¹ Здесь стоит предположить, что автор имеет в виду две проруби, вырубленных для освящения воды и купания. Возможно, это было связано с масштабами проведения Водосвятия, т.к. из контекста ясно, что праздник собирал много жителей Харбина, целесообразно было отделить тех, кто набирал освященную воду и тех, кто желал искупаться.

² Чияхэ (Ченхэ) – район г. Харбина. В конце XIX начале XX вв. небольшой китайский хутор Чэн-Ян-Хэ (Чэн-Ин-Хэ). В начале 20-х гг. XX в. был заселен русскими. В разные годы носил названия: Старый и Новый Чен-Ян-Хэ, Остроумовский городок (в честь Б.В. Остроумова управляющего дороги), после 1924 г. стал называться Чэнхэ.

³ В одном из районов г. Харбина – Затоне располагалась церковь в честь Святителя Николая.

⁴ Тропарь – жанр церковной гимнографии, краткое песнопение, выражающее суть празднуемого события или краткая песнь, в которой прославляется святой (святые).

⁵ Голубей выпускали как символ шествия Святого Духа на землю.

заняла довольно много времени, и толпа еще долго не расходилась с реки, над которой как бы разлилась подлинная Божья благодать.

В следующем номере мы предлагаем дать снимки крещенских купальщиков.

В течение двух, если не больше часов, пристанские автобусы и трамваи уходили в Новый город и на окраины, все еще переполненные многочисленными участниками Крещенского торжества. И по всем улицам шли и шли богомольцы с Сунгари, унося в свои дома светлую радость в душах от преображения к соборной молитве. В чайниках, флягах и бутылках очень многие несли домой святую воду, взятую из Иордани.

Великий день снова внес в души и сердца тысяч людей мир, успокоение и веру в животворящую силу святого креста...

Печ. по: Рубеж. 1937. № 4. С. 12–13.

ВОДОСВЯТИЕ НА СУНГАРИ¹

Арк. Утинский

– Все как было в России!..

Чем любопытен Харбин для иностранных туристов и особенно мил русскому сердцу?.. Тем, что только здесь почти нетронутыми сохранила русская эмиграция старые русские обычаи и почти весь уклад жизни дореволюционной России.

Вот только что русский Харбин чисто по-русски отпраздновал Рождество, а уже вплотную надвинулось Крещение. И, наверное, и в этом году русские харбинцы отпразднуют этот день, как праздновали каждый год здесь, как праздновали его и в России.

С самого утра – к церквям, а оттуда потом к Сунгари тянутся русские со всех концов города. Несмотря на суровый мороз, каждому хочется присутствовать при торжественном освящении воды.

Крестные ходы из нескольких церквей, добравшись до Благовещенской церкви, запружают несколько кварталов. Оттуда под колокольный звон, соединенный крестный ход торжественно движется к реке. Несут церковные фонари, большой крест, за ними колыхается вереница хоругвей, золото которых сверкает огнем в лучах зимнего солнца. Архиепископ Мелетий, сопутствуемый рядом священников, несет на голове крест с аналоя, а далее над головами толпы высится огромная икона Иверской Божьей Матери и целая вереница других икон. К этому времени сделанные заблаговременно на льду реки огромный ледяной крест, аналой и крестообразные проруби уже плотно окружены толпой молящихся. В толпе много ниппонцев, маньчжур, иностранцев, корреспондентов иностранных газет.

Начинается служба. В морозном воздухе далеко разносится пение хора и громогласные ектеньи протодьякона². Вот хор поет «Во Иордане крещающуся

¹ Очерк сопровождается фотографиями: «Длинной вереницей тянутся хоругви крестного хода», «Сверкает, переливается на солнце большой крест у Иордани с ледяным же голубем на нем», «Многотысячная толпа окружает место богослужения», «У гигантского креста, выдолбленного во льду реки».

² *Ектеньи* – ряд молитвенных прошений, произносимых диаконом или священником от лица всех молящихся во время богослужения. Начинается ектенья с призыва к молитве, за которым следуют различные прошения и завершается возгласом, прославляющим Бога (произносится священником); *протодьякон* – первый или главный дьякон в епархии, занимающий, свою должность при кафедральном соборе епархиального города.

Тебе, Господи». Троекратно погружается крест в чашу с набранной из реки водой, которая затем выливается в прорубь. Со свистом и хлопанием крыльев взвиваются над головами освобожденные голуби. Хоругви начинают двигаться к городу.

Проруби во льду атакуются народом, спешащим набрать святой воды. Флаконы, бутылки и даже кофейники и чайники один за другими опускаются в воду. Иные, став перед прорубью на колени, пьют воду пригоршнями, мочат лоб, умывают лицо. Потом проталкиваются к ледяному кресту, прикладываются к нему, трут об него свои руки, чтобы унести на них оттаявшую воду со священного креста. От елок, насаженных вдоль прорубей, через минуту остаются только одни скелеты: каждый спешит отломать от них на память по кусочку ветки, чтобы хранить его около икон до следующего года¹.

Прорубь, сделанная несколько ниже ледяного креста и предназначенная для купанья, окружена такой плотной стеной народу, что запоздавшему фотографу потребуются не менее четверти часа упорных усилий, чтобы пробраться в первые ряды. Зато его старания вознаграждаются.

Ежегодно в этот день в проруби купается от 50 до 70 мужчин и женщин. Перекрестившись, купальщики прыгают в воду по двое, по трое одновременно окунаются, плавают и вылезши из воды, не спеша одеваются, хотя густой пар поднимается от их тел. Среди них неизменно бывает 70-летний старик Сальников, который еще в России болел тяжелой болезнью и через купанье в Крещение исцелился и с тех пор купается ежегодно: в этом году будет купаться уже 46-й раз, а в Харбине – 18-й.

Надеемся в одном из ближайших номеров дать снимки крещенских купальщиков этого года.

Печ. по: Рубеж. 1938. № 3. С. 13–14.

-
1. Аргунский Н. Охотничья Пасха // Рубеж. 1928. № 13. С. 18.
 2. Глава Харбинской епархии посещает свою паству на окраинах // Рубеж. 1937. № 29. С. 25.
 3. Забияко А.П. Синкретизм религиозный // Религиоведение: словарь / под ред. Е.С. Элбакян. – М., 2007. – 637 с.
 4. И.И. Епархиальное собрание в Харбине // Рубеж. 1940. № 28. С. 24.
 5. Йогель И. Радоница в Харбине. Русский быт крепко живет в эмиграции // Рубеж. 1940. № 21. С. 22.
 6. Камский Б. Уголок прежней России в маньчжурских степях // Рубеж. 1934. № 30. С. 25.

¹ Степанов Н.П. в работе «Народные праздники на Святой Руси» пишет: «<...> В Белоруссии, кроме того, собирают еловые ветви, поставленные на “Иордани”, которую принято украшать сколь возможно благолепнее, и хранят их около образов, как вербу, чтобы окуривать, для изгнания нечистой силы, свои хаты, бросают по амбарам от крыс и мышей и, настояв ими воду, поят лошадей, чтобы они не надорвались в работе и прочее», стоит предположить, что таким образом традиции были воспроизведены в Харбине, где смешались народные верования и канонические обряды православия. Пальмовая ветвь в христианстве – символ вечности и победы над смертью. В Харбине пальмовая ветвь была заменена на елочную.

7. Литература русского зарубежья. Восточная ветвь: Хрестоматия: в 4 т. Т. 1: Проза: в 3 ч. / сост., общ. ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2013. Ч. 1 (А-К). – 370 с.
8. Мозговой С.А. Богоявление, эпифания // Религиоведение: энцикл. слов / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М., 2008. – 1520 с.
9. Наши иерархи // Рубеж. 1940. № 2. С. 28.
10. Праздник в честь «Обо». Красочная церемония у монголов // Рубеж. 1944. № 24. С. 18.
11. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А.А. Забияко, А.П. Забияко, С.С. Левашко, А.А. Хисамутдинов; под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2015. – 462 с.
12. Священное дерево маньчжур // Рубеж. 1943. № 32. С. 17.
13. Упшинский Арк. Иордань на Сунгари. Свыше 20 000 молящихся и до 70 купальщиков // Рубеж. 1936. № 5. С. 26.
14. Шмейссер М. Светлый Праздник в Харбине // Рубеж. 1939. № 15. С. 34.

УДК 291

РЕЛИГИОЗНЫЙ СИНКРЕТИЗМ В КУЛЬТУРЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ХАРБИНЕ

Е.А. Конталева,

ст. преподаватель, кафедра религиоведения и истории

*Амурский государственный университет,
г. Благовещенск*

Автор обращается к проблеме мистицизма и восприятия мистического в культуре восточной ветви русской эмиграции. Ситуация дальневосточного фронта определяет разнонаправленные тенденции настроений дальневосточных эмигрантов. С одной стороны, она стимулирует стремление к сохранению идентичности, усиливает связь с православной культурой и православием. С другой – определяет интерес к мистике, магии, спиритизму. Материалом исследования становятся страницы журнала «Рубеж» – самого популярного периодического издания в дальневосточной эмиграции (1926–1945). В публикациях «Рубежа» можно увидеть отклик на общий подъём интереса к сверхъестественному в разных его проявлениях: спиритомании и египтомании, ясновидения, гадательных и оккультных практик, создания теософских кружков и пр., а также закономерную реакцию русской диаспоры на пережитые социополитические катаклизмы.

Ключевые слова: *оккультизм, мистика, синкретизм, периодика, эмиграция, русское зарубежье, Харбин, журнал «Рубеж».*

RELIGIOUS SYNCRETISM IN THE CULTURE OF RUSSIAN ÉMIGRÉ COMMUNITY IN HARBIN

E.A. Kontaleva,

*senior lecturer at the Department of Religious Studies and History
Amur State University*

The author addresses the problem of mysticism and relation to mystics in the culture of east branch of the Russian émigré community. The state of Far Eastern frontier designates multidirectional tendencies of the emigrants' thought. On the one hand, it causes aspiration to maintaining identity and strengthens the contact with Orthodox belief and culture. On the other hand, the state increases interest to mystics, magic, spiritualism. The research is based on the materials of "Rubezh" ("Frontier") journal – the most popular periodical in the Far Eastern émigré community (1926–1945). In the publications of "Rubezh" one can found response to general surge of interest to supernatural in its different manifestations: spiritualism and Egyptomania, clairvoyance, mantic and occult practices, creations of theosophic circles etc., and natural reaction of the Russian émigré community to its critical state as a result of sociopolitical upheavals.

Keywords: *occultism, mysticism, syncretism, periodical press, emigration, Russian émigré community, Harbin, "Rubezh" journal.*

Первый выпуск «Рубежа» вышел в эмигрантском Харбине более 90 лет назад. С начала своего возникновения журнал стал самым известным и популярным литературно-художественным изданием восточной ветви русской эмиграции¹.

Для представителей аристократии и интеллигенции литературные устремления, чтение и обсуждение прочитанного были одним из способов сохранения связей с прежней жизнью, поддержания уровня культуры, жизненной привычкой и необходимостью. При этом доступность печатных изданий была ограничена: если не считать личные собрания и общественные библиотеки с обширными фондами, которых было немало, книги были редки и дороги. Русские, оторванные от родины и попавшие в инокультурную среду, ощущали «психологическую бездомность» и острую потребность в сохранении культурной идентичности, упрочении связей с русской культурой и литературой². Харбин был богат творческими людьми, особенно литературной молодёжью – писателями и поэтами, для которых еженедельный «Рубеж» стал реальной возможностью регулярно печататься. Значительную часть населения Харбина охватывает «жажда творчества» – возможно, потому, что душевным потрясениям от внезапного статуса эмигранта и тоске по родине нужен был какой-то практический выход.

Мистицизм и оккультизм в формах масонства, спиритизма, медиумизма, хиромантии и, конечно, теософии и её версии «более высокого порядка» – антропософии, был популярен и в дореволюционной России, где поддерживался прежде всего со стороны богемы – аристократии и интеллигенции. Эпоха Серебряного века пронизана мистическими аллюзиями, которые усиливаются в годы реакции. В 1920–1940-х годах тяга к сверхъестественному в разных его проявлениях в целом являлась общераспространённой: это и новые волны спи-

¹ Подробнее см.: Крузенштерн-Петерце Ю.В. О «Рубеже» // Русский Харбин / сост., предисл. и коммент. Е.П. Таскиной. – М.: Изд-во Моск. ун-та (МГУ): Наука, 2005. С. 94–96; Таскина Е.П. «Рубеж» // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. – М.: РОССПЭН, 2000. С. 349–350; Лютова Н.К. Дальневосточный журнал «Рубеж» // Книжные свидетели былых времен (редкие и ценные издания в фондах Дальневосточной государственной научной библиотеки. – Хабаровск, ДВГНБ, 2017. С. 437–445; «Рубеж» в цифрах // Рубеж. Харбин, 1938. № 14 (532). С. 7 и др.

² Подробнее см., например: Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...» (Художественный мир лирики русского Харбина): Монография. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. С. 18–51; Эфендиева Г.В. Что читал русский Харбин? (о литературных пристрастиях русского восточного зарубежья 1920–1930-х гг.) // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 6. К 70-летию профессора В.В. Агеносова: сб. науч. работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. С. 182–194; Забияко А.А. Дальневосточный фронт в художественном сознании русских эмигрантов // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А.А. Забияко А.А., А.П. Забияко, С.С. Лешко, А.А. Хисамутдинов / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. С. 141–359; Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина: монография. – Новосибирск: Изд-во Сибирск. Отд. РАН, 2016. С. 3–20; 58–84.

ритомании и египтомании, интерес к ясновидению, гадательным и оккультным практикам, создание теософских кружков и пр. В отношении же русской диаспоры, в условиях обретенной замкнутости Харбина – этого «сказочно-утопического пристанища для всех страждущих и нуждающихся» – само харбинское пространство быстро мифологизировалось и маргинализировалось [3, с. 15]. Зёрна мистических идей «как облачения контрреволюционных настроений» совершенно закономерно проникают в эмигрантскую среду и попадают в одну из самых благоприятных почв – прозу и лирику русского Харбина.

В периодической печати того времени (газеты «Заря», «Гун-Бао», «Рупор», «Новости жизни») явно прослеживается интерес эмигрантов к теме инобытийности [9, с. 346–352; 6, с. 323–335]. На страницах журнала «Рубеж», помимо рассказов и стихов, также публиковались статьи и объявления на мистическую тематику. Значительное количество рассказов, содержащих вкрапления сверхъестественного, написано зарубежными авторами и переведено для публикации в журнале.

И здесь важным будет следующее уточнение. Среди текстов «Рубежа» необходимо различать публикации самих дальневосточных эмигрантов, публикации других писателей (европейских, советских, иных) и републикации из зарубежных дореволюционных или современных изданий. Очевидно, что не все они совпадают по временному срезу, а также не могут быть безоговорочно отнесены к исключительно репрезентативным текстам. Тем не менее, все изученные публикации обладают общим основанием – религиозно-мистическим контентом, который, несомненно, был востребован эмигрантским сообществом. В настоящей статье мы не ставим цели сравнительного анализа религиозно-мистического содержания в соответствии с тремя основными группами публикаций, обозначенными выше; главной задачей на данном этапе является вычленение и реконструкция религиозных и мистических идей в общем корпусе текстов «Рубежа» и составление общего перечня раскрываемых тем.

Отметим, что в рамках данной статьи в фокус нашего внимания включены прозаические и публицистические тексты без учёта поэтических произведений. Также, ввиду отсутствия полного собрания выпусков журнала, мы исключим длинные рассказы или статьи, публикация которых осуществлялась в нескольких номерах. В общей сложности в ходе исследования автором было проработано 264 номера журнала «Рубеж» за период с 1928 по 1945 год. В отношении сюжетного и смыслового наполнения текстов можно условно выделить несколько основных тем – прежде всего, потому, что художественные произведения, как правило, представляют собой синкретические конструкторы, где переплетаются различные религиозные, мифологические, мистические и фольклорные элементы. Переплетение действительности и легенды, проникновение фантастического в обыденное, субъективность и относительность времени, рассмотрение реальности с точки зрения наивного восприятия «примитивного» человека, возможность и способность соприкосновения героев с инобытийной реальностью, культурный контекст повествований позволяет нам соотнести многие из произведений с таким жанром, как *магический реализм* (здесь и далее курсив мой. – Е.К.).

Интересующие нас тексты семантически можно разделить на: 1) раскрывающие спиритические мотивы – встреча с духами, призраками; 2) содержащие магические идеи и отсылки к разнообразным мантическим практикам, гипнозу;

3) реконструирующие суеверные представления тех или иных народов; 4) посвященные теме соприкосновения с инобытийной божественной реальностью.

1. Общение с духами, призраками. Спиритомания.

Тексты, посвященные теме общения с инобытийной реальностью в форме духов и призраков, составляют одну из наибольших групп. На страницах «Рубежа» разворачиваются различные сюжеты об опасных покойниках-визитёрах, тревожащих живых¹; о неприкаянных душах, привязанных к месту или вещи²; о духах, просящих или предупреждающих о чём-либо, являющихся в момент смерти тела³.

Легенды и поверья о визите покойника известны многим народам с древнейших времён. Начиная с ранних этапов своей культурной истории, человек предпринимает попытки ограничить возможности умерших с помощью разнообразных ритуалов, особых способов захоронения, сопроводительных обрядов и т.д., связанных не только с желанием помочь умершим с переходом в иной мир и обеспечить их дальнейшее инобытийное существование, но и со страхом перед усопшими. А. Несмелов в рассказе «Болезнь Нины Павловны» чётко обозначает эту амбивалентность: «Никому не показалось странным, что кроткий Сергей Александрович, которого все так искренне жалели и чью смерть от сердца оплакали, – вдруг превратился в духа вредоносного и страшного, против которого надо было применять эти жуткие заклинания» [11, с. 1].

В народных представлениях славян покойники делились на две категории: «чистые», т.е. умершие своей смертью и обычно называемые «родителями», и «нечистые», «заложные» покойники («мертвяки»), к которым относили тех, кто умер неестественной, преждевременной смертью и/или вёл несправедливую жизнь (опойцы, самоубийцы, проклятые, некрещёные дети и др., а также колдуны) [17, с. 197]. Отношение к этим двум группам умерших отличалось коренным образом. Первых – родителей – почитали, вторых считали опасными существами, способными посещать живых и даже вредить им ввиду обладания неизрасходованной жизненной силой.

Визитёрство умерших нередко было обусловлено сохранившимися связями с живыми и посюсторонним миром: сильной привязанностью к близким; неисполненной последней волей усопшего; долгом; неулаженной ссорой; чувством мести и т.п., а также неточным исполнением каких-либо погребальных обрядов. Схожие доминанты прижизненной привязанности мы наблюдаем, например, в рассказе Беррэса «Четвёртая стена», повествующем об артисте, чей призрак

¹ Например: Несмелов А. Болезнь Нины Павловны // Рубеж. 1933. № 22 (279). С. 1–2, 4–6, 10–12; Лович Я. Влюбленный призрак // Рубеж. 1939. № 30 (599). С. 1–4, 6–8, 10; Мэзон А. В двенадцать часов / пер. с англ. Т. Беяева // Рубеж. 1937. № 1 (466). С. 22, 24, 26–30; Каленберг Г. Потусторонний голос // Рубеж. 1928. № 14. С. 3–4; Кряжев В. Легенда о призраке Рудольфа Валентино // Рубеж. 1928. № 33. С. 11.

² Например: Беррэс. Четвёртая стена // Рубеж. 1928. № 15. С. 10–11; Сабурова И. Санта-Луара // Рубеж. 1937. № 8 (473). С. 1–4, 6–8, 10–11.

³ Например: Товненд В. Возвращение моряка / пер. с англ. О. Любимова // Рубеж. 1937. № 4 (469). С. 15–18, 20; Ирви В. Видение / пер. Г. Орг // Рубеж. 1944. № 4 (809). С. 15–16, 18; Борис Л. Нездешняя // Рубеж. 1944. № 3 (808). С. 16, 18, 20; Ачаир А. Тайна северной тайги // Рубеж. 1937. № 23 (488). С. 1–6; Бауэн М. В новогоднюю ночь / пер. с англ. П.Н. Анисимова // Рубеж. 1940. № 1 (622). С. 22, 24, 26–28.

бродит по коттеджу, в котором он любил останавливаться при жизни; рассказе И. Сабуровой «Санта-Луара» о призраке моряка, желающего вернуть принадлежащее ему Евангелие. Указанные причины определяют тот факт, что и «чистые» покойники могли стать так называемыми «непритомниками» – «нечистыми» усопшими, посещающими живых в неурочное время и опасными тем, что могут увести за собой близкого человека. В список причин их «хождения» также входит тоска живых [1, с. 118].

А. Несмелов реконструирует эти представления в рассказе. Тоска по мужу является одной из причин «болезни» Нины Павловны и вызывает ночные видения, которые плохо сказываются на психическом и физическом состоянии героини: «Нина Павловна не решалась уже оставаться одной в комнате даже днём: страх совершенно парализовал её волю, все движения её души протекали под вызванной им депрессией. Пошатнулось и физическое здоровье» [11, с. 2].

Ограничителями возможностей перемещения покойников нередко выступали природные элементы, чаще всего – вода (так, Несмелов упоминает реку как границу), или огонь, известный своей очистительной силой. Подобные представления характерны для культур не только первобытных народов, но и развитых цивилизаций. Важно было и место захоронения, которое зачастую находилось на достаточно большом расстоянии от места обитания живых. На Руси «нечистых» умерших хоронили не на кладбище, а на месте их смерти, на границах полей, обочинах дорог и особенно – перекрёстках; нередко их вообще избегали зарывать в землю, а относили подальше в овраги, оставляли в лесу, в болотах и т.д., а также в особых «убогих домах» – скудельницах [5, с. 88–128].

Кроме этого, уже похороненных покойников могли выкапывать и переносить на новое место, переворачивать их в могиле и заливать её водой (особенно во время засух, неурожая), вбивать осиновые колья в грудь, гроб или в могилу. Последний ритуал отражает в своём рассказе Несмелов: старушка-кормилица Аграфена, взяв «грех на душу», вбивает в могилу Сергея Александровича «огромный карандаш, который кто-то подарил Серёже незадолго до его смерти», что и обнаруживает Нина Павловна, когда приходит на могилу мужа.

Не остаётся без внимания и вопрос околосмертного опыта и переселения душ, мистических превращений: «Рубеж» предлагает читателю сюжеты о выходе из тела и последующем возвращении¹, обмене телами². Так, главный герой рассказа Б. Юльского «Катастрофа», Андрей Петрович Гурьев, после крушения поезда приходит в себя в больнице, где из зеркала на него глядит «совсем чужое лицо» и «новая, незнакомая и чужая оболочка»: каким-то образом он оказался в теле своего попутчика, инженера Виктора Хижина. Гурьев пытается жить его жизнью, однако сознание законного хозяина всё ещё внутри тела и иногда прорывается наружу. Придя однажды в свою прежнюю квартиру, он узнает, что умер, после чего отправляется на кладбище, где умирает возле своей могилы уже в облике Хижина.

Идейное содержание рассказа Юльского соотносится с представлениями об одержимости в её анимистическом понимании, т.е. в форме проникновения в человека духа или божества и использования тела в своих целях [4, с. 718–719].

¹ Кент А. В четвертом измерении // Рубеж. 1933. № 22 (279). С. 16–20.

² Юльский Б. Катастрофа // Рубеж. 1934. № 43 (346). С. 1–3, 6, 8, 10.

2. Магия, мантика, гипноз.

На страницах «Рубежа» неоднократно можно встретить художественную реализацию самых разнообразных магических идей. Например, рассказ П. Михайлова «Лекарка-ворожея» (из цикла «Тибет») отражает идеи не только народного целительства, знахарства, но и древних мантических практик. По сюжету, богатый тибетец Тамба отправляется к старухе-знахарке подлечиться. После лечения Тамба попросил старуху поворожить: лекарка «вытащила <...> баранью лопатку <...> погладила её, постучала в её бугорки, потом подняла её обеими руками к своему лбу, закрыла глаза и так долгое время молчала...» [10, с. 10].

Гадание на лопатках (чаще – бараньих, но также могли использоваться бизоньи, оленьи, тюленьи, заячьи, птичьи и др.) уходит корнями в глубокую древность и встречается у многих народов – особенно у кочевых, занимавшихся скотоводством. В зависимости от цели гадания лопатку могли окуривать дымом, варить, нагревать на огне, бросать через плечо. Также встречается вариант гадания на старой кости, обнаруженной в лесу, степи и т.д. На лопатки могли наноситься различные знаки и надписи: например, известна особая система иероглифических знаков *цзягувэнь* («письмена на черепаших панцирях и костях»), считающаяся древнейшим образцом китайской письменности.

Гадательным практикам, ясновидению и предсказаниям будущего, зодиакальной тематике, гороскопам, хиромантии, экстрасенсорике посвящено большое количество статей журнала¹. Встречающиеся нечастые объявления также предлагают услуги магов и гадалей². Алхимические мотивы рассказов «Рубежа» связаны с дихотомией молодость-старость и сводятся к поиску возможности либо обратить время вспять и вернуть молодость³, либо наоборот – состарить тело за одну ночь⁴.

¹ Например: <Б.п.>. Целитель душ // Рубеж. 1928. № 8. С. 3; Шмидт М. Ясновиденье через руки // Рубеж. 1928. № 38. С. 11; Дюкро Ж.А. Близка «великая кара!»... Ужасы надвигаются на мир... // Рубеж. 1933. № 42 (299). С. 12–13; Каржевин А. Знаки зодиака мрачны, но... не будем унывать! // Рубеж. 1934. № 5 (314). С. 4–5; Приват М. Папа – король Италии?.. Сенсационные предсказания знаменитого астролога по звездам римского неба // Рубеж. 1934. № 23 (332). С. 3; С-н И. Феномен или шарлатан? Человек, который буквально видит насквозь // Рубеж. 1935. № 30 (390). С. 7; <Б.п.>. Заглянем в будущее?.. Новая игра, соединенная с гаданием // Рубеж. 1935. № 30 (390). С. 19; Шмидт М. Чёрная магия для всех... Пифии и астрологи на подмостках монмартрских кафе // Рубеж. 1937. № 1 (466). С. 17; Каржевин А. Ясновиденье на службе у правосудия // Рубеж. 1938. № 1 (518). С. 22–23; Денис В. Судьба – по линиям ног!.. Новый способ гадания // Рубеж. 1938. № 21 (538). С. 15; <Б.п.>. Что сулят нам звёзды?.. Предсказания астрологов и ясновидящих на 1939 год // Рубеж. 1939. № 1 (570). С. 9; Клеменс Ю. Признаки счастья. Проверьте, есть ли они у вас // Рубеж. 1939. № 12 (581). С. 9–10; Савский Г. Что обещает Новый Год?.. Сводка предсказаний европейских астрологов на 1940 год // Рубеж. 1940. № 1 (622). С. 9; Кряжев В. Что ждет вас в этом месяце? Предсказания холливудского астролога читателям «Рубежа» // Рубеж. 1940. № 1 (622). С. 21–22.

² Например: Хелтлей Р. Предсказание будущего. Определение судьбы человека // Рубеж. 1928. № 41. С. 14; <Б.п.>. Профессор черной магии (Индия) // Рубеж. 1934. № 34 (343). С. 25; <Б.п.>. Хиромантка-окультистка. Друг тоскующих // Рубеж. 1934 г. № 43 (352). С. 8.

³ Гиббс Ф. Ключ жизни // Рубеж. 1942. № 41 (765). С. 18–20, 22–27.

⁴ Бэдд У.А. В тупике / пер. с англ. М. Чжан // Рубеж. 1939. № 51 (620). С. 8, 10–11, 14.

Частью магических практик является вера в существование и использование волшебных предметов – амулетов и талисманов. Представление о камне как сосредоточии могущественной, чудодейственной силы встречается в самых разных культурных традициях и формах [19, с. 208–228]. Например, сюжет об исполняющем желания камне, полученном людьми от богини за усердные молитвы, разворачивается в рассказе А. Лугового «Седьмая милость богини»¹.

Особые свойства приписывались и разным драгоценным и полудрагоценным камням. Главный герой рассказа Н.А. Протопопова «Камни живут...» в дар от цыганки за спасение младенца из горящего дома *суперик* – «простенькое дешёвое серебряное колечко с вделанным в него некрупным получает агатом» [13, с. 10–13]. По словам цыганки, камень этот – особенный и будет талисманом для хозяина, предупреждая его об опасностях.

История о нефритовом диске – камне богини, исполняющем желания, разворачивается на страницах рассказа Э. Джемсона «Любовный талисман»². Рассказ «Мечь фараона»³, раскрывающий читателю историю о Каирской археологической экспедиции, участникам которой мстит дух фараона Бадарха за то, что они потревожили его покой и взяли *кольцо*, помимо прочего, связан с новой волной египтомании, возникшей после обнаружения Говардом Картером гробницы фараона Тутанхамона в 1922 году.

3. Суеверия, поверья, предрассудки.

Известно, что суеверия, будучи остаточными элементами первобытных верований, ведут свою историю с глубокой древности и занимают значимое место во многих культурах. Нередко суеверные настроения захватывают общество в периоды острых социальных кризисов. В журнале «Рубеж» можно обнаружить произведения и статьи (в том числе, просветительско-ознакомительного характера)⁴, строки которых передают поверья и суеверия, бытовавшие не только в русской, но и в других культурах.

Рассказ А. Хейдока «Ночной поезд» отсылает читателя к идее о *джеттаторе* (с итал. «человек, насылающий проклятие»). Главный герой рассказа, от лица которого ведётся повествование, и его попутчик подозревают друг друга в том, что один из них – джеттаторе, т.к. всегда, когда они оказываются вместе в одном поезде, происходит крушение.

В тексте также поднимается тема соприкосновения с инобытийной реальностью: главный герой, отстав от поезда, придя к *перекрёстку* и сев на *придорожный камень*, повстречал старика, одетого в нечто похожее на монашескую рясу. Старик будто «благословлял землю, по которой ходил <...> и со всех сторон

¹ Луговой А. Седьмая милость богини // Рубеж. 1938. № 3 (520). С. 1–11.

² Джемсон Э. Любовный талисман / пер. с англ. Т. Беляева // Рубеж. 1933. № 21 (278). С. 16–18, 20.

³ <Б.п.>. Мечь фараона / пер. с англ. И. Мирандов // Рубеж. 1928. № 48. С. 12, 14.

⁴ Например: Арт. Глаз. Проклятие йога // Рубеж. 1928. № 47– С. 10; Дюкро Ж. Как выглядит Сатана? // Рубеж. 1933. № 45 (302). С. 5; Русланова Л. «Хороший день – пятница, тринадцатого числа!..». Члены «Клуба Противников Суеверий» не боятся никаких дурных примет // Рубеж. 1935. № 22 (383). С. 6–7; Россов Ю. Бойтесь ли Вы тринадцатого числа? О предрассудках и суевериях // Рубеж. 1939. № 30 (599). С. 11–12; Яворский С. Жертвы ужасного психоза. Вера в ведьм стоила миллионов жизней // Рубеж. 1945. № 3 (844). С. 8–9.

сбегались к нему розовые, синенькие, зелёные души цветов» [18, с. 4]. Как только он ушёл, вокруг потемнело, зашумел ветер, забеспокоились птицы. Герой увидел приближающегося во мраке всадника, и, почуяв неладное, специально отправил его в сторону, противоположную той, куда ушёл старик. Позже герой, догнав поезд, расскажет своему попутчику, что «видел *святого* и видел *демона*».

Неслучайно обозначенная встреча происходит на перекрёстке, образ которого играет значительную роль во многих культурах. Место пересечения дорог, которые и сами по себе нередко наделяются особым, сакральным смыслом, характеризуется полярностью семантических полюсов и воспринимается неоднозначно, подчас двояко. Общим для многих культур является то, что распутье является точкой пересечения мира живых и мёртвых, сосредоточением нечистой силы (например, персонажей низшей демонологии в славянской традиции), местом установления связей со сверхъестественным.

Мотив соприкосновения с инобытийной реальностью в форме нечистой силы прослеживается в рассказе В. Перелешина «Замок белой женщины», посвящённом легенде о Констанции Гаммерштейн – девушке удивительной красоты, брошенной своим жестоким мужем в темницу, сошедшей там с ума, заключившей сделку с дьяволом и являющейся теперь живущим в замке. Описывая сцену обнаружения мужем преображённой Констанции, Перелешин наполняет текст различными образами, подчёркивающими связь девушки с колдовским, мистическим, сверхъестественным миром: Эбергард Гаммерштейн увидел жену в окружении змей, крыс, летучих мышей, сов, ящериц и жаб; у ног её лежали «череп, глаз, ржавый кинжал, вязанка прутьев и сухих листьев, корни мандрагоры, волчий зуб, кости и камни; подле них высилась большая чаша с человеческой кровью...» [12, с. 8].

В мифологических и фольклорных представлениях многих народов (особенно – христианизированных) змеи, жабы, ящерицы имеют хтоническую природу и нередко выступают как приспешники ведьм и колдунов, равно как и летучие мыши, в народном сознании отождествляющиеся с образом вампира, ночного кошмара. Ржавый кинжал, вероятно, отсылает к представлениям о всевозможных жертвоприношениях на ведьминских шабашах; кости, камни, корни мандрагоры, волчий зуб также являются магическими предметами. Образ волка неоднозначен, но во многих мифологических традициях (особенно – в славянской) волк являлся представителем потусторонних, демонических сил. Части тела волка часто служили в качестве амулетов, наделялись лечебными свойствами. Корень мандрагоры, ввиду своего особенного, похожего на человека, строения, а также психотропного воздействия на человеческое сознание с древности использовался в народной медицине, магии, колдовстве, а позже – в алхимических опытах. В европейской традиции мандрагору иногда называли «свечой дьявола», «цветком ведьмы». Вязанка прутьев и сухие листья, вероятно, аллюзия на костры инквизиции.

Одним из самых неоднозначных предметов у ног героини является череп. Будучи одним из наиболее распространённых образов, череп входит в основную матрицу символов жизни и смерти. С древнейших времён череп использовался в различных ритуальных целях, в религиозных, магических, колдовских обрядах. Череп занимает особое место в христианской традиции – голова Адама изображается у ног Христа, означая спасение и освобождение от смерти. Возможно, это в каком-то смысле справедливо и для Констанции – будучи при смерти в

темнице, она заключает сделку с дьяволом и, умерев как человек, «воскресает» как инобытийное существо.

Демонические мотивы содержит и рассказ В. Рачинской «Скрипка Паганини». Автор переплетает биографические сведения о Паганини с суеверными представлениями о нём как о «дьявольском музыканте», играющем «колдовскую музыку». Паганини в рассказе заявляет однажды публике, что играет не на струнах, а на душах: «Я в любой инструмент перемещаю живую человеческую душу...» [15, с. 10]. Стоит отметить, что слухи о дьявольском таланте Паганини действительно ходили при жизни и после смерти маэстро.

К этому корпусу текстов также можно отнести рассказ Хелтлей Р. «Несчастливое число. Происшествие в Монте-Карло»¹, посвящённый числу тринадцать.

4. Религиозные мотивы. Боги и божества.

Тема соприкосновения с божественной реальностью задаёт семантике текстов два противоположных направления: первое раскрывает древние, языческие, мрачные образы², второе – передаёт чувства благоговейного трепета и божественной любви³.

В рассказе В. Кадашева «Истукан над провалом» затрагиваются мотивы идолопоклонства, жертвоприношений, божественной андрогинии. Герои рассказа держат путь через Красную Степь: мёртвую землю, где вставал «тёмный и древний ужас» и «памятью тёмной веры оставались каменные старые боги, любившие алую кровь жертвы и сладострастие весенних праздников». По мере продвижения путникам приходится остановиться на ночлег у Чёртова Провала, над которым возвышается идол, *имеющий признаки мужского и женского пола*, «без глаз, без носу, с низким обезьяньим лбом, с едва намеченными в камне, будто связанными, ногами» [8, с. 4].

Как известно, *мотив божественной андрогинии* – архаическое представление о божественном гермафродитизме – широко распространён во множестве религий. В своей основе эта идея сводится к наделению такого божества абсолютным могуществом, восприятию его как «последней реальности», не допускающей ограничения никакими атрибутами, в том числе, мужское-женское (особенно это касается демиургов).

Вероятно, сюжет рассказа Кадашева также отсылает читателя к древним шаманским и экстатическим ритуалам: в ходе одной из экспедиций в Красную Степь главный герой обнаруживает племя, сохранившее идолопоклонство. От них он увозит предметы культа: «Рогатые тиары, фартуки с ременными висюльками, стилизующими змей, семихвостые бичи, бубны...» [8, с. 8]. Эти предметы соотносятся с шаманскими атрибутами и уходят корнями в глубокую древность:

¹ Хелтлей Р. Несчастливое число. Происшествие в Монте-Карло // Рубеж. 1928. № 29. С. 1–3.

² Например: Кадашев В. Истукан над провалом // Рубеж. 1935. № 15 (376). С. 1–2, 4–5, 6, 8; Букэн Дж. Роша Астарты / пер. с англ. М. Чжан // Рубеж. 1941. № 9 (682). С. 15–18; Сибрэр Г. Богиня... в нижней юбке. Разоблаченные тайны загадочного «вуду» // Рубеж. 1931. № 22. С. 7–8.

³ Например: Рамбаев В. Тия божественная // Рубеж. 1933. № 25 (282). С. 1–2, 4–6, 8; <Б.п.>. Брамин великого духа / пер. с англ. И. Мирандов // Рубеж. 1928. № 47. С. 11, 14; Яворский С. Дети, видевшие Богоматерь // Рубеж. 1933. № 20 (277). С. 5.

например, рогатые тиары связаны почитанием рогатого бога (например, шумеро-аккадского Энлиля, кельтского Кернунна (Цернунноса) и др.), образ которого является одним из древнейших. В основном такие божества были связаны с плодородием, земледельческим циклом и сочетали в себе архетипические черты умирающего и воскресающего бога, что также определяет экстатическую специфику их культа. Как и фигура рогатого бога, образ змеи появляется уже на самых ранних этапах развития культурной истории человечества и связан с «плодородием, землёй, женской производящей силой, водой, дождём, с одной стороны, и домашним очагом, огнём (особенно небесным), а также мужским оплодотворяющим началом – с другой» [7, с. 468]. В развитых мифологических системах образ змеи в основном имеет отрицательную коннотацию.

Совсем другое настроение – чувство пылающей любви, трепета при соприкосновения с божественным – передаёт рассказ В. Рамбаева «Тия божественная», знакомящий читателя с культурой андских цивилизаций. Судьба главного героя – Михаила Геннадьевича Гаршина – оказывается связана с Тиахуанако – городом, когда-то населённым великанами, «городом мёртвых... священным городом Тии!».

Тиахуанако (Тиауанако, Тиуанако, Тиуанаку, Тиванака, также – Тайпикала; ориг. *Tiwanaku*) имел огромное значение в мифологической картине мира инков, считавших его местом происхождения своего первого легендарного правителя Манко Капака. На сегодняшний день Тиауанако занимает важное место в духовной культуре современных аймара и с 2000 г. является объектом всемирного наследия ЮНЕСКО.

Услышав легенду о древнем городе от старого индейца по имени Нао, Гаршин загорается желанием увидеть город великанов воочию. Там они спускаются в храм-усыпальницу Тии, где обнаруживают множество коленопреклонённых великанов, обращённых в одну сторону – жрецов, воинов и рабов богини, добровольно ушедших вслед за своей повелительницей. Представления о том, что истуканы Тиауанако суть жившие здесь ранее великаны, обращённые в камень по воле божества, мы обнаруживаем, например, у индейцев аймара [16, с. 132].

На троне герой различает силуэт женщины в белых одеждах и, подойдя ближе, заглядывает ей в лицо: «Во мне совершался какой-то внутренний переворот. Слезы счастья, неизъяснимой любви и сладкой грусти подступали к моим глазам... Человеческий язык слаб и бессилён и нет в нём слов, которыми можно было бы достойно описать её красоту» [14, с. 8]. Переполняющие героя чувства, невозможность их рационально объяснить и выразить увиденное словами говорят нам о соприкосновении Гаршина с инобытийной реальностью – о *мистическом опыте*. И, возможно, Рамбаев не случайно представляет Тию в виде некоего «живого» силуэта женщины во плоти, а не каменной статуи – этим он подчёркивает её сущностное отличие от каменных «рабов», действительное божественное присутствие, реальность мистического опыта героя. Любопытно, что при изучении Тиауанако было обнаружено, что ни одна из каменных фигур никогда не изображала женщину, несмотря на то, что некоторые из идолов были посвящены, скорее всего, богиням [2, с. 321].

Среди опубликованных рассказов, содержащих отсылки к различным мистическим и оккультным идеям, особняком стоят те, в композиционных частях которых (чаще – в прологе, завязке) мы наблюдаем мистические ноты, но в кульминации или развязке становятся очевидны совершенно обыденные, рацио-

нальные причины описываемых событий. К таким текстам можно, например, отнести рассказы О. Кука «Белая яхта»; С. де Вере «Слепая ревность»; М. Хэнсома «Башня монахов»¹.

Таким образом, в условиях особого положения Харбина само окружающее пространство русской диаспоры достаточно быстро мифологизировалось и маргинализировалось, что создавало возможность восприятия и транслирования разнообразных религиозно-мифологических и мистических идей. Порубежное положение русской эмиграции, оторванность от родины и так называемая «психологическая бездомность» давали импульс к своеобразному эскапизму и поиску новых откровений, иллюзорных возможностей изменения объективной реальности, что выразилось в проявлении интереса к мистическим и оккультным мотивам, транслированным в разные формы – в том числе, литературно-художественные.

Основными мистическими нотами в текстах журнала «Рубеж» становятся общение с духами и покойниками, экстрасенсорика, магические практики, вера в амулеты и талисманы, различные виды мантики – хиромантия, разнообразные иные гадания, гипноз, суеверия – вера в проклятия, в несчастливые числа и людей, приносящих несчастья, вера в ведьм и демонические силы и др., а также разнообразные религиозные мотивы. Интерес к мистическому проявлялся не только в собственных произведениях эмигрантов, но и в заметной популярности работ зарубежных авторов.

-
1. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – 321 с.
 2. Галич М. История доколумбовых цивилизаций / пер. с исп. Г.Г. Ершовой и М.М. Гурвица; вступ. статья Ю.В. Кнорозова. – М.: Мысль, 1990. – 407 с.
 3. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии: Монография. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. – 340 с.
 4. Забияко А.П. Одержимости состояние // Религиоведение. Энциклопедический словарь / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический проект, 2006. С. 718–719.
 5. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. – М.: Индрик, 1995. – 432 с.
 6. Землянская К.А. Мистика и магия в жизни русского Харбина 1920–1940-х гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: сб. / под ред.: А.П. Забияко, А.А. Забияко; пер. на кит.: Ван Цзяньлин, на англ. О.Е. Пышняк. – Вып. 10: Этнокультурные процессы в политическом контексте. – Благовещенск: Изд-во Амур.гос. ун-та, 2013. С. 323–335.
 7. Иванов В.В. Змей // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 1. А–К. – М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 468–471.
 8. Кадашев В. Истукан над провалом // Рубеж. 1935. № 15 (376). С. 1–2, 4–5, 6, 8.

¹ Например: Кук О. Белая яхта / пер. с англ. Е. Александрова // Рубеж. 1937. № 12 (477). С. 14–18, 20; Де Вере С. Слепая ревность / пер. с англ. Беляева Т. // Рубеж. 1933. № 25 (282). С. 14–18, 20; Хэнсом М. Башня монахов / пер. с англ. А. Тушканова // Рубеж. 1939. № 22 (591). С. 17–20.

9. Крыжанская К.А. Опыт соприкосновения с мистическим в повседневной жизни русского Харбина (по материалам периодической печати г. Харбина 1920–1930 гг.) // *Россия и Китай: социально-экономическое взаимодействие между странами и приграничными регионами: материалы междунар. науч.-практ. конференции / под общ. ред. Л.А. Понкратовой, А.А. Забияко.* – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2011 С. 346–352.
10. Михайлов П. Лекарка-ворожея // *Рубеж.* 1945. № 10 (851). С. 6, 10, 12.
11. Несмелов А. Болезнь Нины Павловны // *Рубеж.* 1933. № 22 (279). С. 1–2, 4–6, 10–12.
12. Перелешин В. Замок белой женщины // *Рубеж.* 1936. № 20 (433). С. 4,6, 8–10.
13. Протопопов Н.А. И камни живут... // *Рубеж.* 1945. № 8 (849). С. 10–13.
14. Рамбаев В. Тиябожественная // *Рубеж.* 1933. № 25 (282). С. 1–2, 4–6, 8.
15. Рачинская В. Скрипка Паганини // *Рубеж.* 1936. № 22 (435). С. 1–3, 6, 8–10.
16. Стингл М. Поклоняющиеся звёздам. По следам исчезнувших перуанских государств / пер. с чеш. В.А. Каменская, О.М. Малевич. – М.: Прогресс, 1983. – 182 с.
17. Токарев С.А. Религия в истории народов мира / общ. ред. и предисл. А.Н. Красникова. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Республика, 2005. – 543 с.
18. Хейдок А. Ночной поезд // *Рубеж.* 1934. № 34 (343). С. 1–2, 4, 8.
19. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1999. С. 208–228.

УДК 397/398

БЫТОВАНИЕ ФОЛЬКЛОРА В РУССКОМ ТРЁХРЕЧЬЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

А.П. Забияко,

д-р. филос. наук, профессор, кафедра религиоведения и истории

А.А. Забияко,

д-р филол. наук, профессор, кафедра литературы и мировой художественной культуры

Амурский государственный университет,

г. Благовещенск

В статье рассматриваются гендерные аспекты фольклора русского Трёхречья. Русское население Трёхречья – особая этно-локальная группа. Трёхречье представляет собой исторически и этнически уникальную территорию Северо-Восточного Китая, которая находится на границе с российским Забайкальским краем. Исторически сложившаяся гендерная структура основных этнических групп Трёхречья создала условия для браков между русскими и китайцами и формирования особой группы разнородного населения. Поскольку большинство русских в Трёхречье являются неграмотными и не имеют прямых контактов с Россией, функция перевода и сохранения русской культуры здесь в последние десятилетия в основном выполняется фольклором. Женский гендерный фактор оказал решающее влияние на сохранение русской культуры и самоопределение потомков межнациональных браков. «Женский» и «мужской» фольклорные тексты отличаются тематически и стилистически. Носителями фольклора в основном являются женщины, «старушки» («старушки»).

Ключевые слова: русские, Трёхречье, фольклор, гендер, трансляция культуры.

THE EXISTENCE OF FOLKLORE IN THE RUSSIAN TREKHRECHIYE (CHINA): THE GENDER DIMENSION

A.P. Zabayako,

*Doctor of Philosophy, Professor
Department of the Study of the Religion and History
Amur State University*

A.A. Zabayako,

*Doctor of Philology, Professor
Department of Literature and World Art
Amur State University*

Trekhrechiye is historically and ethnically a particular territory of North-Eastern China, which is located on the border with Russian Trans-Baikal region. The Russian

population of Trekhrechiye is a special ethno-local group of Russians. The historically formed gender structure of the main ethnic groups of Trekhrechiyecreated conditions for the marriages between Russians and Chinese and the formation of a special group of the miscegenatedpopulation. In inter-ethnic marriages, at the first stage and later onthe female half was made up of Russians or “half-bloods”who considered themselves Russians and kept in touch with the Russian way of life, culture. Those who were Russian by origin or self-identity of the mother, grandmother, great-grandmother provided intergenerational transmission of Russian culture and identity in the miscegenatedfamilies, representatives of which still consider themselves Russian. The female gender factor had a decisive influence on the preservation of Russian culture and the self-determination of the descendants of inter-ethnic marriages. Since most Russians in Trekhrechiyeare illiterate and do not have direct contacts with Russia, the function of translating and preserving Russian culture here in the last decades is primarily served by folklore. “Female” and “male” folklore texts differ thematically and stylistically. The bearers of folklore are mostly women, “old ladies” (“starushky”). The article examines the gender aspects of folklore of the Russian Trekhrechiye.

Keywords: Russian, Trekhrechiye, folklore, gender, culture transmission.

Трѣхречье – особая в историческом и этническом отношении территория Северо-Восточного Китая, граничащая с российским Забайкальем. Жизнь русскоговорящего населения Трѣхречья является результатом длительной истории формирования русской диаспоры на этих землях [1].

Характерная особенность русского населения Трѣхречья после завершения Гражданской войны заключалась в гендерном дисбалансе, который выражался в существенном преобладании доли женского населения над мужским. Этот дисбаланс был обусловлен, во-первых, тем, что в условиях войны из приграничных районов Забайкалья в Китай бежали, спасаясь от разгула беззакония, прежде всего молодые женщины и девушки. Во-вторых, численность мужского населения снизилась в результате братоубийственной войны между русскими. С другой стороны, гендерный состав нерусского (китайского, ханьского) населения Трѣхречья тоже отличался резким дисбалансом. Китайцы-мигранты были в своём большинстве молодыми мужчинами, неженатыми или оставившими свои семьи в далёких провинциях Центрального Китая.

Такая гендерная структура основных этнических групп Трѣхречья создавала условия для русского-китайских браков и формирования особой группы метисированного населения. В последующие десятилетия численность этой метисированной русского-китайской группы росла от поколения к поколению в результате межэтнических браков и снижения численности собственно русского населения в результате депортаций, эмиграции в СССР, Австралию, другие страны, а также вследствие репрессий в годы «великой культурной революции». Более 50 лет политический террор, демографические тиски, экономические тяготы, культурные и образовательные ограничения деструктивно воздействовали на русскую диаспору Трѣхречья. Важно, что в межэтнических браках на первом этапе и впоследствии женскую половину составляли русские или «полукровки», которые считали себя русскими и сохраняли связь с русским образом жизни, культурой. Русские по происхождению или самоидентичности матери, бабушки, прабабушки обеспечивали межпоколенную трансляцию русской культуры и идентичности в метисированных семьях, представители которых по-прежнему считают себя русскими. Женский гендерный фактор оказал решающее влияние на сохранение русской культуры и самоопределение потомков межэтнических браков.

В настоящее время в Трёхречье существует несколько деревень, населённых, в основном, «полукровцами» – людьми, родившимися в смешанных браках русских и китайцев. Образ жизни русско-китайских «полукровцев» исторически связан с деревенским бытом. В 50-е годы прошлого века некогда развитые русские школы в Трёхречье были закрыты. Страшные события «культурной революции», нищета многодетных семей не дали многим русским трёхреченцам возможность получить даже начальное или среднее образование в китайских школах. Так как большинство русских в Трёхречье неграмотны и лишены прямых контактов с Россией, функцию трансляции и сохранения русской культуры здесь выполняет прежде всего фольклор – действительно живая стихия русскости в данной этнической группе.

Материалы данной статьи были собраны в процессе трёх международных экспедиций в китайский район Трёхречье. В них принимали участие русские и китайские учёные – этнографы, религиоведы и филологи (июнь 2015 г., участники: А.П. Забияко, А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян, Ван Цзянлин; сентябрь 2015 г., участники: А.П. Забияко, А.А. Забияко, Чжан Жуян; май 2016 г., участники: А.П. Забияко, А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян). В ходе экспедиций были опрошены, иногда многократно, более 25 русских жителей Трёхречья (средний возраст 60–80 лет), в т. ч.: Иван <Васильевич> Васильев (92 г., 1923–2015, Караванная), Тамара <Васильевна> Ерохина (77 л., 1939 г.р., Караванная), Екатерина <Александровна> Литвинцева (74 г., 1942 г.р., Караванная), Таисья Николаевна Петухова (85 л., 1931 г.р., Караванная), Василий Зоркальцев (72 г., 1944 г.р., Караванная), Анна Первоухина (Дементьева) (64 г., 1953 г.р., Караванная), Иван Дементьев (71 г., 1945 г.р., Караванная), Александр Чешнов (78 л., 1938 г.р., Караванная), Александр Первоухин (60 л., 1956 г.р., Караванная), Маруся Первоухина (88 л., 1928 г.р., Ернишная), София Зоркальцева (71 г., 1945 г.р., Лабдарин), Галина Зоркальцева (69 л., 1947, Лабдарин), Мария <Михайловна> Андреева (74 г., 1942 г.р., Лабдарин), Елизавета Фомина (75 г., 1941 г.р., Лабдарин), Клавдия Ушакова (82 г., 1934 г.р., Лабдарин), Варвара Ушакова (71 г., 1945 г.р., Лабдарин), Федора Ушакова (75 л., 1941 г.р., Сиратуй), Галина Фелюшина (58 л., 1958 г.р., Лабдарин), Павел Зоркальцев (Сунь, ок. 35 л., Лабдарин), Лидия Корытникова (74 г., 1942 г.р., Олочи), Альгея Астафьева (81 г., 1935 г.р., Покровка/Шан-Кули), Христина Васильевна Литвинцева (88 л., 1928 г.р., Покровка/Шан-Кули) и др.

Как следует из этого списка, нашими собеседниками являлись пожилые люди (в возрасте 60–80 лет), из них всего 5 мужчин, остальные – женщины, «старушки». Данное гендерное соотношение информантов определило и специфику жанров, собранных у них. Нашими основными информантами стали Иван Васильев, Василий Зоркальцев, Шура Чешнов, Таисия Петухова, Клавдия Ушакова, Анна Первоухина, Маруся Дементьева, Ирина Громова.

Иван Васильев (по другим источникам – Печатников), 曲常山 Qu Changshan (Цюй Чаншань, 1923 г., Балей, Россия – 2015 г., Караванная-(Эньхэ), Китай). Этот человек был очень известной личностью в Трёхречье. Фотографии Ивана Васильева украшают стены местных музеев, некоторые биографические сведения о нем опубликованы в публицистических статьях и научных изданиях, посвящённых русским Трёхречья. В материалах китайских авторов И. Васильев изображается ярким представителем потомков русско-китайских браков, неко-

торые черты его образа и биографии идеализируются и отчасти мифологизируются, принимают фольклорные черты [5].

Вскоре семья отца Ивана оказалась в Китае. Дед Ивана по материнской линии Александр был плотником. Мать, прожив большую часть жизни в Китае, вплоть до последних дней хотела вернуться в Россию: *«Мама говорит: я умру, меня увезите в Россию, там хотя бы схороните»*, – вспоминал И. Васильев. Мама Ивана была грамотная: *«Мама умела читать и писать»*, – сообщал важную подробность Иван, личные русские книги и журналы которого зачитаны буквально до дыр. Отец Ивана хорошо говорил по-русски, поскольку долго проработал в России, в семье много общались по-русски. Семья долгое время жила в Драгоценке, позже, когда Советская армия начала войну с Японией от рук японцев рядом с этой деревней погибли три дяди Ивана. Иван по бедности не учился в школе, «самоукой» пытался учить русский язык вместе с сестрой, которая ходила в школу в Драгоценке. В 18 лет уехал в Хайлар учиться на шофера, при японцах год и три месяца работал шофером, немного выучил японскую азбуку, потом (когда «японцев угнали») английский язык. Иван был женат на родившейся в русско-китайском браке женщине с русским именем Нина, в браке родилось шесть сыновей и две дочери; в конце 1980-х гг. она ушла из жизни. После войны Иван работал в совхозе плотником. В 1949 г. ездил с детьми в СССР.

Иван рассказал, что на пенсии он сам, нигде не учась, освоил кузнечное дело: *«кузницу наладил себе, у нас было десять лошадей, подковы я сам ковал, не боялся работы, я – когда было время – я урывками [работал]»*, кроме того, он разбирался в механике, сварщицком ремесле, электрике – *«я сварщик, электрик и машину ремонтирую. Я не учился на кузнеца, но умею, механик я»*. Помогал Иван сельчанам и как костоправ – эти способности неожиданно открылись у него в зрелые годы: *«Я тута за доктора, за фелшара. Кто руку изломать, я наладю. Здесь мальчик был, 4 месяца ему было, вывих руки, родители в больницу не хотели, ко мне пришли, я ему руку вправил. Раньше была девочка 7 месяцев, тоже помог. Ночью приехали за мной из Гитары, а я огонь караулил, как же, люди приехали – мне отказать не можно, поехал, 3 месяца ребенку – сиську сосет – плачет, я все проверил, я потом тихонько поправил, на место поставил, ребенок раз и плакать [перестал], титьку [стал] сосать, и вот все бегут ко мне! Я говорю – я же не доктор, если хорошо, а если плохо [сделаю] – то век жить. Люди просят, как же откажешься, денег не надо, у меня жалование, я на пенсии, у меня дети есть»*.

Иван хранил православные традиции, собирал молитвы, тщательно изучил православный календарь, привезенный из России. На книжной полке в доме Ивана стояли несколько зачитанных до ветхости русских книг с его пометками на русском и китайском языках. Здесь же рядом лежали журналы, среди которых выделялся такой же потрёпанный от многократного употребления и вручную склеенный ежемесячный журнал «Русский мир» (№ 9).

В преклонные годы жизни Иван испытывал телесные недуги, но не утрачивал присущего жизнелюбия и интереса к жизни, в первую очередь – к истории и сегодняшней жизни в России, к её взаимоотношениям с другими странами. За Россию Иван Васильев болел душой, остро переживал российско-украинский конфликт, недружественные действия американских властей в отношении России и Китая. При первой встрече он с порога задал нам вопрос: *«Какие новости в России?»* и удовлетворенно кивнул, услышав: *«Новости сейчас в России»*

хорошие». Не дожидаясь расспросов, Иван стал излагать свое видение современной международной обстановки: *«Сейчас как Китай с Россией – дружба хорошая. <...> Я вот слыхал, Украина плохо... Ну, нехорошо: мирный договор был, зачем нарушать, плохо это, неправильно, голова должна работать! Человек живет век один. Русские люди дружат с Украиной, а они (Америка, Европа. – Авт.) не желают. Китай, Россия – дружба, – не желают. Чтобы Америка [укреплялась, желают]. Сейчас Китай как хорошо жил! Когда в Луганске плохо, Китай помог! <...>»*

Я русский, бы с китайцами дружба – и как хорошо! Америка с японцами сколько китайцев убили! Чтобы так ни было, надо мирный договор [на Украине]! Зачем воевать! Наш век человек один раз пожить, у их жены, у их отец-мать, а зачем они повоюют?! Вот каждая держава воюет за свое, вот японцы на нас, Китай, а Германия на Россию. Тогда же Жуков был, проводил тогда же воевать, стали – Сталин же – тогда договор мирный заключили, не прошло же полмесяца, воевать стали! Как так?! Мирный договор; а ведь разведчики из России пролетели! Сейчас вот у Китая с русскими договор мирный: как чё бы ни было – помогать, как хорошо – свободно жить нам как братья, чё дуреть? Ни к чему. Я говорю: умные люди проводят это. Вот Россия с Украиной как братья – зачем это [война]? Неправильно они так делают! Россия сколько им хлеба завезла! Америка кого сделала? Путин, чё же, не хочет воевать!»

Стены комнат дома Ивана были украшены многочисленными фотографиями в рамках. Иван осознавал себя членом большой русско-китайской семьи. Часть этой семьи, представленной на снимках, старых и новых, обрела свою судьбу в Китае, другая часть – в России. В избе Ивана на побеленной стене главной комнаты висели не только семейные фотографии и иконы, но и вырезанные из китайских журналов и помещенные в самодельные рамки фотографии Мао Цзэдуна и В.В. Путина. В душе русского человека, родившегося в русско-китайской семье, два народа, две страны, их прошлое и настоящее соединялись в одно целое.

Александр (Шура) Чешнов, 刘连吉, Liu Lianji (Лю Лянцзи, 1936 г.р.). Мать у Александра – русская, Екатерина Чешнова, отец – китаец, крещённый в России под именем Фёдор. Александр родился в Трёхречье. Его детство прошло у старшей сестры в Покровке, сестра была замужем за богатым русским по фамилии Кудин. Александр женился на полукровке Галине, в браке родилось шестеро детей; овдовел 9 лет назад. В настоящее время проживает в д. Эньхэ (Караванная). До недавнего времени Шура, как он себя называет, жил в доме, который сам построил, будучи молодым, но в последнее время здоровье стало слабеть. В ноябре 2015 г. он, упав по дворе дома, чуть было не замерз. С тех пор он живёт с младшим сыном, который тоже женат на полукровке. Этому много пережившему человеку свойственно в разговоре о прошлом переходить к поднимающимся до философских обобщений рассуждениям о судьбе «нации», о трудных испытаниях, которые довелось пережить русским Трёхречья. Он не ищет тех, кто виновен в пережитых страданиях, личных или общих. Для него тяжёлая личная доля – малая естественная часть общей судьбы народа и общего устройства жизни, в которых лишения и страдания неизменно преобладают над редкими радостями. Переживание жизни как страдания и сострадания очень характерно для русской духовности, православного мироощущения, идейного строя русской литературы. В этом простой, малограмотный трёхреченец очень соприроден искон-

ным началам русской культуры. Обращаясь к современности, Александр, житель зажатой отрогами Большого Хингана деревеньки, вдумчиво рассуждает о политике, в первую очередь, об отношениях России и Америки, Америки и Китая. Свои русские устои он утверждает следованием православным традициям в их народном трёхреченском истолковании. Александр отличается набожностью, нередко возвращается к рассказу о том, как в детстве ему были видения Богоматери, помнит многие детали православного прошлого Трёхречья, старается в жизни соблюдать православную обрядность. Он сильно, до слёз, желает, чтобы его внучка научилась читать и писать по-русски – для этого просил прислать ему учебник из России. Пока, однако, не владеющая русским языком китайская внучка русского дедушки осваивает английский язык в Хайларском университете. Жизнь в семьях Трёхречья пошла по разным колеям, уводящим поколения все дальше друг от друга.

Василий Зоркальцев, 孙德福, Sun Defu (Сунь Дефу, 1944 г.р.), по паспорту – «русский Китая». Мать – русская, отец – крещёный китаец. Отец, выходец из центрального Китая, добывал золото в Забайкалье с напарниками, там нашёл невесту, женился, приехал с женой в Олочи. Затем они переехали в Баргу, где жили до прихода японцев, после перебрались в Караванную, где отец стал разводить скот. Мать Василия умерла от тифа в 1950 г. Василий два года ходил в русскую школу. Затем учился в китайской школе. Во время «культурной революции» отца раскулачили. Василий был арестован как советский шпион, закован в кандалы, работал на принудительных работах.

После 1976 г. был реабилитирован. Работал в лесхозе. Женился на девушке из русско-китайской семьи Наталии Гладковой, Тале (умерла в 2015 г.). В браке родилось 5 детей: 3 дочери (Зоя, Катя, Соня), 2 сына (Семён, Павел). Младший сын Павел учился в духовном учебном заведении в Москве, которое не закончил по разным причинам. Работает алтарником в храме в Лабдарине. В конце 1980-х гг. Василий ездил в Новосибирск, хотел переехать на постоянное жительство в Россию, но отец и жена Наталия воспротивились этим планам. Работая в лесхозе, Василий много «охотничал». Сам построил себе пятистенный дом, украсил его немудрёными украшениями, покрасил в бирюзовый цвет. Очень домовитый, он старательно выращивает огород, ухаживает за плодовыми деревьями. Вся деревянная мебель в русском стиле в доме Василия сделана его руками, украшена нехитрыми орнаментами.

Василий держит при себе не только инструменты, при помощи которых обеспечил новую жизнь. Он бережно хранит в памяти дорогие его сердцу воспоминания о старой жизни русской деревни, о русской маме и школе, где дети учили стихи по «божьей пташке». Он не забыл о второй половине 1960-х гг., когда прежний уклад жизни в спокойном труде и достатке был разрушен, о тяготах «великой культурной революции», гонениях на русских и всё русское. Василий заботливо сохраняет семейный фотоархив, собирает то, что связано с русской культурой. Несколько лет назад он попросил русских водителей привезти ему из России гармонь и балалайку, научился на них играть, разучивает песни по дискам и русским песенникам. Василий при любой возможности самостоятельно осваивает русский язык: у русских спрашивает новые слова, обозначения новых реалий. Внука учит запоминать русские песни и старые («мамины») русские стихи. Русские для него – дорогие гости; приготовить вместе борщ, достать

селедку собственного посла и прочие угощения, устроить долгое застолье с душевными разговорами – для этого человека большая радость. Василий много размышляет о судьбе своей народности, о продолжении рода русских полукровцев. Конечно, он тесно связан с китайской средой, ее традицией и современными реалиями. О многих вещах ему проще говорить по-китайски. Но дожить свой век он хочет по-русски.

Иван Дементьев, 果富贵, Quo Fugui (Цсю Фуцуй, 1945 г.р.), по паспорту китаец, неграмотный. По-русски говорит поначалу с трудом, но постепенно осваивается, начинает шутить, любит уснастить речь матерщинными шутками-прибаутками. Его бабушка во время Гражданской войны пришла с четырьмя детьми из России (Нерчинский завод), вышла замуж за китайца. Мать тоже в 16 лет вышла замуж за китайца. Иван родился в Караванной. Мама и бабушка по материнской линии умели «ладить» – были знахарками. Некоторые способности передались и Ивану, правда, жена Анна Первоухина относится к этому скептически. В 1990-е гг. Иван ездил в Россию к родственникам в Читу, несколько лет работал в китайской бригаде в России. Работавшие рядом русские по его внешнему виду не признавали в нём китайца, о чем Иван вспоминает с большим удовольствием.

Иван знает много русских быличек, бывальщин, сказок, усвоенных от мамы и бабушки, с готовностью выразительно рассказывает их по-русски и по-китайски. Он очень покладистый, доброжелательный и трудолюбивый человек, сам смастерил мебель у себя в доме, работает на приусадебном участке, помогает по хозяйству детям.

Таисья Николаевна Петухова (22.05.1931 г., д. Драгоценка – январь 2016 г., д. Караванная), русская, почти всю жизнь прожила без гражданства, отказываясь принимать китайское; только в 2009 г. получила российский паспорт. Родители Таисьи родом из Забайкалья. Отец был красноармейцем, участвовал в антияпонской войне; добывал разведсведения для советской армии. Был зверски убит японцами. Муж был полукровец в третьем поколении, в браке родилось два сына и дочь; муж ушёл из жизни в 2000 г. Таисья была знаменитым в Трёхречье пекарем: сама варила дрожжи, пекла хлеб по особому, только ей ведомому рецепту; ездила в Пекин для обмена опытом русского хлебопечения.

Вместе с сыновьями Таисья держала маленькие гостиницы для туристов с юга Китая и транзитных водителей – в них сохранялся русский колорит, соблюдалась чистота. В ее стареньком домишке было также очень чисто и уютно. Около дома нередко собирались китайские ребятишки – у Таисьи всегда были припасены для них недорогие конфетки и угощения. Независимый характер Таисьи помогал ей решать разные вопросы с «казной» (местной администрацией) – она без страха высказывала все претензии, касающиеся положения полукровцев. Все трёхреченские русские знали ее как хранительницу народных традиций и русского фольклора. Речь Таисьи была наполнена русскими пословицами и поговорками, часто перемежалась фразами из частушек, которых она знала множество и с удовольствием исполняла. Таисья считала себя обязанной сохранять «истинную веру» от всяких новых (протестантских) веяний. Она старательно высчитывала все православные праздники, начиная с прошедшей Пасхи.

Клавдия Ушакова, 辛桂英, Xin Quiying (Син Цюйинг, 1934 г.р., Драгоценка – 2017, Лабдарин), по паспорту – русская, неграмотная. Сестра Варвары Ушаковой. Клавдия вышла замуж в 18 лет, муж был китаец, умер в возрасте 55 лет, примерно в 1987 г. У неё семеро детей: 4 сына, 3 дочери. Образование – не полных 3 года китайской школы. Дети Клавдии все получили китайское образование. Она гордилась тем, что её дети и внуки знают русский язык и используют его в работе. В Трёхречье это – редкое явление: одна дочь Клавдии работает учителем русского языка в г. Харбине; другая дочь – переводчик с китайского на русский. Внучка защитила в г. Чите кандидатскую диссертацию по русскому языку, работает там преподавателем, свободно говорит по-русски. Была хлебо-сольная, радушная хозяйка, несмотря на свои возрастные недуги. Предпочитала русскую кухню в её трёхреченском понимании (чай с молоком, белый хлеб, «коровье» масло, сметана, солёные «огурчики» и т.д.). Она была знатоком и исполнительницей «старинных» русских песен – «жестоких романсов», военных песен, услышанных «от мамы», припевок. Многие песни оказались известны ей одной из трёхреченцев – Клавдия сознательно берегла их в памяти, повторяла. Очень тепло относилась к русским посетителям, совершенно искренне признавалась в том, что русское общение ей ближе – не случайно с сестрами Варварой и Дорой они разговаривали преимущественно по-русски. Клавдия и Варвара старались сохранить русскую культуру как явление китайской жизни – их силами собраны интерьеры для экспозиции краеведческого музея Лабдарине, посвящённого «русской национальности Китая»: там красуются родительская кровать, сундук и комод «от мамы».

Анна Первоухина (по мужу *Дементьева*), 朱玉花, Zhu Yuhua (Чжу Юйхуа, 1953 г.р.), неграмотная. В Трёхречье, в Драгоценке и некоторых других деревнях раньше было много родственников, носивших фамилию Первоухины. Мы воспроизводим фамилию Анны так, как она сама её называет. Бабушка Анны была русская, дедушка – китаец, они поженились в Китае в д. Ернишной. Родители – полукровцы. Анна замужем за Иваном Дементьевым, родившемся в русско-китайском браке, у них двое сыновей, двое внуков. Они с мужем держат маленькую гостиницу для туристов, живут тихо и ладно – во многом благодаря деликатной натуре жены. Анна печёт хлеб на продажу, а для себя – колоба, шаньги, булочки. Очень скромная, тихая, на первый взгляд – весьма чинная, Анна при этом – очень чуткая. Если гости ей пришлись по душе – она откроет всю свою сердечность, радушие, русское хлебосольство. К ней с большой теплотой относятся не только русские, но и китайские туристы. Уже несколько лет подряд к ней приезжает погостить средних лет женщина из Гонконга. Побывав здесь впервые как туристка, она прониклась домашней обстановкой в гостинице Анны, её кулинарным мастерством, личным обаянием и теперь считает себя почти родственницей хозяйке, а та снисходительно воспринимает некоторые причуды своей приятельницы: «она у нас чудачка така...»

Анна – заботливая дочь, постоянно посылает хлеб и булочки своей маме в Ернишную, привозит ее к себе погостить. Очень переживает за больного брата Виктора, женатого на непутёвой («непутяшшей», «гуляшшей») монголке в Ернишной. Анна знает много русских сказок и историй, с удовольствием их рассказывает.

Маруся Дементьева, 果佩珍, Quo Peizhen (Го Пейчжен, 1941 г.р.), по паспорту китаянка. Маруся родилась в Караванной в большой русско-китайской семье. Китайские исследователи прозвали ее «бабушка, излучающая тепло». Им импонирует бойкий и доброжелательный характер этой очень обаятельной женщины [6, с. 270–275]. Постоянно говоря о том, что она ни во что не верит, Маруся знает большое количество рассказов из разряда русской «несказочной прозы». У Маруси очень задорный нрав, в общении со своими собратями-полукровцами она за словом в карман не полезет.

Ирина Громова (по мужу *Якимова*), **王秀枝, Wang Xiuzhi** (Ван Сючжи, 1942 г.р.), по паспорту – китаянка. Бабушка (по матери) – русская, дед – китаец, перевёз бабушку из России. Мать Ирины родилась в Китае, в посёлке Гольдучи. Отец Ирины – кореец, который работал на японскую армию («работал японцем». – *И. Громова*), был убит в 1945 г. в Усть-Урове при отступлении японцев. Мать вышла замуж за полукровца Николая Ивановича Громова (кит. имя Ван Цзяжун). Н.И. Громов – личность в Трёхречье легендарная, о нем написаны целые главы книг. Он был двойным разведчиком, работавшим и на советскую разведку, и на КПК; доставлял информацию через границу. Несколько раз благодаря своей ловкости и бесстрашию убегал от японских полицейских прямо из следственного изолятора. Проявил себя как верный и самоотверженный боец, на спине выносивший раненых друзей через границу [7, с. 178]. Николай Иванович воспитывал Ирину, его она считает своим родным отцом. После отступления японцев Н.И. Громову разрешили взять жену и дочь в СССР, так Ирина с родителями переехала жить в Читинскую обл., в п. Нерчинский завод. Затем, через 10 лет, семья добровольно вернулась в Китай.

Ирина вышла замуж за полукровца Якимова. Свекровь Улита Якимова была русская, а свёкр – китаец. Поначалу Ирина с мужем жила в д. Олочи, работала в совхозе, стала бригадиром. Вся семья сильно пострадала в годы «культурной революции» – и Ирина с мамой, и её героический отец, которого мучали, заставляя признать себя «советским шпионом». Однако Ирина все эти годы старалась не забыть русский язык, тайно вела свой русский блокнотик – «поминушка», в который записывала русские песни. Эта «поминушка» объединила многих трёхреченцев – уехавших в Австралию и Россию, ушедших и живущих. В ней запечатлена устная культура русского Трёхречья 1950–1990-х гг., многие носители которой не умели писать.

С началом реформ Дэна Сяопина Ирину, как хорошо знающую устный и письменный русский язык, пригласили работать учителем русского языка в школу в Лабдарин. Она переехала туда с мужем и детьми, проработала 25 лет (до 2003 г.) в средней школе № 1, её приглашали преподавать русский язык студентам и курсантам военных училищ в Харбин и Хайлар. В 1980-е гг. стала членом «Общества китайских эмигрантов», чем очень гордится. Ирина – очень крепкая натура: ни политические испытания, ни болезни не победили её любовь к России и русским, любовь к знанию. Она перенесла два инсульта и заново научилась ходить и говорить по-русски и по-китайски. Младшая дочь Ирины работает в России, держит ресторан. Внучка (дочь сына) закончила в Иркутске бакалавриат по направлению «туризм», вернулась в Лабдарин, работает в администрации города. Дети, внуки, племянники Ирины выучили русский язык.

Современное бытование русского фольклора в среде русскоязычных потомков Трёхречья позволяет сделать любопытные наблюдения о том, какие жанры оказались наиболее востребованными в наши дни, какие сохранили свою не просто эстетическую привлекательность, но и языковую, этнокультурную информативность и содержательность.

Устная история Трёхречья, запечатлённая в семейных меморатах, была поведена нам и пожилыми мужчинами, и женщинами. Мемораты трёхреченских русских, с одной стороны, отражают индивидуальное сознание представителей этой особенной этнической группы и семейную историю каждой конкретной семьи, с другой – заключают в своём содержании ключевые компоненты коллективного самосознания диаспоры – память о родине предков, обстоятельствах исхода, особенностях общей культуры и основных этапах совместно пережитой истории: *«Мама – русская, папа – китаец. Мама Анисия Александровна. У меня дедушка Александр плотник был. Три дяди было: Иван, Николай, когда воевали – погибли. С японцами воевали, ближе к Драгоценке, Советский Союз помогал в Китае. Это у меня кашель, я раньше сварщиком был. У меня шесть сыновей, две дочери.<...> Отец искал, где заработать, поехали в Россию они, ехали – доехали до Маньчжурии, уехали в Россию. Их 8 человек было. Вот там жили у русских, работали, как раз это царь с советскими воевали (видимо, речь о Гражданской войне. – Авт.). Вот в армию записались [хозяева], они уехали на прииск [отец], там с матерью пожил, потом в Китай вернулись»* (И. Васильев).

При этом женские мемораты более обращены к бытовым подробностям семейной жизни, к взаимоотношениям членов семьи, к кулинарным традициям русских Трёхречья: *«Ну, я вот думаю, как мать с китайцем жила? Тяжело. Китаец, а она чиста руска была, как разговаривали? По-китайски мать не говорила, а он чисто китаец, тоже по-русски не говорил, но потом, когда мы нарождались, то много стал по-русски говорить. С нами по-русски и по-китайски говорил отец»* (Т. Ерохина). Хранят в семейных меморатах женщины и традиции народной медицины, то, как «бабушки ладили».

Мужские мемораты русских Трёхречья отличает присущее русской ментальности и русской культурной традиции стремление к философствованию, политической рефлексии, осознанию мировых исторических процессов, мифологизации истории. Например, неграмотный В. Зоркальцев своим разумением пытается объяснить далекие исторические процессы и топонимику своего края: *«Караванна была, видно, постоялка [постоялое село], ерблюды [верблюды] были у монголов, а потом деревню поставили. Я раньше не знал, что Чингисхан в этих местах был, он в Олочах был, потом Хайлар построил, потом Президент стал»* (В. Зоркальцев).

Он размышляет о том, что случилось с людьми и их психологией в «культурную революцию»: *«Я подумал – это Божья верка. Мао Цзэдун – Бог в то время. Верили-то много. Все верят в свою верку, каждый говорит: “Моя верка правильная”. В культурную революцию все сойдутся, каждый говорит: “Я верю!”, – “А я лучше верю”; так стала Божья верка»* (В. Зоркальцев). Ему не безразлична судьба его страны – Китая и те процессы, которые идут его стране во благо: *«Си Цзиньпин – хороший президент, поправил коммунистов, чтобы они без корня [не] сгнили. <...> Видишь, Китай подымаца!»* (В. Зоркальцев).

Интересуются русские мужчины далёких приаргунских сел Китая не только внутренними делами Китая, но и тем, что происходит на родине исхода – при

этом опираются только на информацию официальных телевизионных каналов: «*России трудно сейчас. Опять Америка на Россию лезет и лезет. Только маленько поправится, опять худо. Надо деньги на фронт* (речь о Донбассе. – Авт.), *а тут така беда*» (В. Зоркальцев); «*Все китайцы любят Путина: вот такой мужик! Не боится ничего, все его любят. Он не боится высказать [правду]*» (А. Первоухин).

«– А Вы что думаете про Сталина?»

– *Тожже думаю: он так плохо делат. Как война – это можно, а потом война прошла, люди погибли. У нас был такой царь Цин, тожже плохо. А Мао – он не такой, когда это воевал, он умно, он знат, как воевать, а в культурну революцию тожже много людей он обманул. Он сюда приедет, эту деревню заберёт и сразу всем землю дают: “Садитесь сами, вы сами хозяева”. Когда он стал руководителем, на первом месте стал, и все забрали эту земл[ю], в огороде даже лук нельзя было садить. Он, когда воевать – мог, а как жизнь делать – не мог, дурак был. Дэн Сяопин – он мог, если бы не он, мы бы так дальше бедно жили. Коров нельзя держать, всё запрямишили, только в государстве работай, мало деньги даёт. Хотели баню затопить, баня только для себя. Тут кто метис, у тех есть баня, а у китайцев бани нет, они не моются. Они ждут – когда река откроется, в год раз. Китайцы ходят к русским, просят помыться. Без бани как жить? У нас сначала работать, у китайцев, а у русских – приехали, сразу баню построить. Русские захали, сразу тут дома строить, там баню. В неделю каждый день моют[ся], два раза моют[ся]. Сейчас все деньги есть, начали в бани китайцы ходить, раньше никогда не моются. За этого китайцы никогда не боятся холодно [из-за того, что китайцы не моются, они не боятся холода – Авт.]» (А. Первоухин).*

Особенности языковой идентификации трёхреченцев, причины забывания ими русского языка, образования языковых лакун в именовании современных реалий наши информанты-мужчины связывают с отсутствием русского образования и неумением читать по-русски: «*Мы, когда юных лет были, тогда полукровцы все большие по-русски говорили. Тогда у меня отец чистый китаец, он с нами по-русски говорил, чисто говорил, он в России лет много прожил. А потом, когда мы вышли на занятия, стали забывать, язык стал картавить, и не с кем поговорить по-русски. И нигде ни журналов, ничего нету и стали забывать много. Я по-русски-то кого – первый класс не прошёл, меня увезли к сестре, а тут маленька деревня, школы не было, а там в Покровке китайска школа. Китайска школа на том краю Покровки, а у меня сестра на этом краю – купили дом русский, всё по-русски. <...> Кругом-то все русски, со мной русски ребяташки-то играют: “Не ходи в китайскую школу, пойдём в русскую школу”. Я хожу в русску [школу], приду, сумку повешу, у меня сестра ничего не проверят и не спрашивают. Я за всю зиму-то не дошло, потом у меня зять-то приехал, он вздумал лопать поменять иль чё ли, он приехал, посмотрел – у меня в сумке-то букварь, русский букварь, тетрадки, всё по-русски. Ой, потом меня пробрали. Отказали, больше не стал. Вот, я немножко подучился азбуку. Вот бы сейчас были бы журналы, чё ли бы, а то кого, буду читать слово да за словом. У меня внучка просит меня поучить по-русски, а я говорю: помаленечки, если достану букварь, буду тебя учить.*

Раньше здесь были из Харбина, покупали календарь: в который день родился, надо сразу русское имя ставить, который день сколь именов, такое и выби-рай, а в который день нету можно вперёд посмотреть или назад. Потом, когда

календарёв не стало, стали сами – како имя мама скажет, тако и поставят» (А. Чешнов).

Наши непосредственные наблюдения и живое общение с трёхреченцами в домашней среде – в будничной жизни и на праздничном застолье – позволяют утверждать, что первостепенным значением и для мужчин, и женщин обладают *паремии* и жанры *лирические*. Это логически и прагматически оправдано: мнемоническая природа таких жанров основана на рифме, которая всплывает ассоциативно, порою – не мотивированно. В настоящее время на посиделках полукровцев исполняются наиболее актуальные для этих возрастных групп жанры – песни и частушки (которые также можно рассматривать как короткие песни)

При этом песни могут быть как фольклорного, так и литературного происхождения, но это не фиксируется исполнителями – тексты песен усваивались и передавались в течение десятков лет устно, со многими искажениями и добавлениями. К таким песням, например, относятся «По диким степям Забайкалья», «Зач[э]м же я вас, родненький узнала...», «Варяг», «Как родная меня мать провожала...», «Рябина кудрявая», «Ой, цветёт калина», «По Дону гуляет...» и др. Весьма характерно распределение предпочтений в исполнении лирических песен.

«Старинны» песни предпочитают мужчинами, они становятся способом обращения полукровцев к истории своих предков, пришедших на эти земли в поисках лучшей доли: для того, чтобы спастись от властей, найти новые пахотные земли, обрести достаток, добыть золото и т.д. Это – очередная возможность погордиться ими. Именно таким отношением было проникнуто, к примеру, исполнение песни «По диким степям Забайкалья» Иваном Васильевым. Уже с трудом говорящий, Иван Васильев спонтанно начал петь нам песню сразу после знакомства. Пропев долгую песню от начала до конца, Иван прокомментировал: *«И русские люди за родину стоят, за свободу они погибли, из чё же – из тюрьмы бежал тёмною ночью, он правду сказал»*. Эту песню Иван считал необходимым транслировать своим русским собеседникам как жизненное кредо русского по духу человека.

Главными хранительницами лирических жанров в Трёхречье остаются все же «старушки». Репертуар трёхреченских песельниц в целом отражает историю России с конца XIX в., а затем Советского Союза и его отношений с Китаем вплоть до 1950-х гг.

Исполнение и «старинных», и «новых» песен старушками-трёхреченками носит типологически сходный характер: часть реалий (топонимического, социокультурного, общеупотребительного характера) им абсолютно не знакома (например, название легендарного корабля «Варяг»). «Додумывание» этих реалий трёхреченками сродни действию механизма «детской этимологии»: *«Врагу не сдается наш гордый моряк, / Пошиады никто ни жилаит», «Готовыи к бою орудия и в ряд / На солнце злодейство сверк»*.

Бытование частушек в среде русских Трёхречья также гендерно обусловлено. Частушки (припевки) в Трёхречье по традиции пелись девушками да парнями, когда они повзрослели – женщинами либо мужчинами средних лет, теперь же, в основном – «старушками», по их самоопределению, – стариков осталось немного:

Болит ручка, ножка,
Болит голова,
На грудь не здорова,
Сама чуть жива.

(А. Астафьева)

Я пошла-пошла-пошла,
 Да остановилася,
 Полбутылки выпила
 И развеселилася.

(В. Ушакова)

Женщины сохраняют в памяти частушки в основном любовного содержания (цикл «Дуля», «Подружка») [4, с. 160–172]. Мужчины редко исполняют частушки, но если берутся, то, как правило, вспоминают тексты фривольные либо матерщинные:

Балалаечка
 Без струн,
 Кто играет –
 Тот дристан!

(В. Зоркальцев)

В памяти Ивана Дементьева сохранилась частушка, связанная с жизнью золотодобытчиков и их спутниц:

Я на берегу жила,
 Да золото копала;
 Да если б не моя п..да,
 С голоду [б] пропала.

– А чё, девушки так и “работали”: золото копали, а золото нету, так и “работали”. Раньше много было таких» (И. Дементьев).

Даже столь малочисленные в среде неграмотных трёхреченцев маргинальные тексты [3, с. 144–156] имеют свою гендерную специфику. В них отражены индивидуальные стратегии и тактики русского речевого поведения полукровцев (мужчин и женщин), сохранения ими этнической самобытности. Так, Иван Васильев на полях православного календаря оставил записи и пометы, связанные с его стремлением сохранить знание церковных праздников и библейских историй, а также высказать свои суждения о тех или иных этико-религиозных проблемах, поднимаемых в заметках. А в тексте романа «Искры» (1949) г. Иван выделил непонятные ему политические термины, перевел их на китайский язык, желая осознавать свою сопричастность политической жизни Советского Союза. Ирина Громова, чей блокнот мы исследовали в качестве маргинального текста, вела так называемый «девичий альбом». В нем она зафиксировала все песни, которые были ею усвоены при жизни в СССР и затем русские песни, стихи, частушки, которые она собрала уже среди своих друзей-трёхреченцев (начиная с 1954 по 2000 г.). Этот блокнотик она очень ценила, он прошел с нею годы «культурной революции» и встретил возрождение Китая.

В условиях резкого снижения численности русского населения в 50–60-е гг. XX в., давления со стороны властей – закрытия русских школ, искоренения внешних признаков русскости в период «великой культурной революции», минимизации прямых контактов с Россией именно фольклор, устное слово и историческая память стали для русского населения Трёхречья основой сохранения их культуры. В настоящее время многое из русского прошлого этого района Китая уже навсегда исчезло. И только фольклор, в его «женском», в основном, зву-

чании сейчас остаётся действительно живой стихией русскости в этой этнокультуральной группе русских.

1. Аргудяева Ю.В. Русские казаки в Трёхречье. – Благовещенск: Изд-во АмГУ; «ИПК «ОДЕОН», 2016. – 477 с.
2. Забияко А.А., Забияко А.П. История поколений русско-китайских семей в меморатах Трёхречья // Уральский исторический вестник. 2017. № 1.
3. Забияко А.А., Забияко А.П. Маргинальные письменные тексты русских Трёхречья: частные истории формирования маргинальной этничности // Cuadernos de Rusística Española. 2017. № 13.
4. Забияко А.А., Забияко А.П. Русские Трёхречья: фольклор как основа сохранения идентичности в китайской среде // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 2.
5. Кляус В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – 416 с.
6. Цин Цзюе. Исследование деревни Эньхэ. – Пекин: Китайское экономическое изд-во, 2011. – 359 с.
7. Ян Гуанцин, Дун Сянжуй. Русская народность в Аргуни. – Хайлар: Комитет книж. сер. «Романтический город», 2013. – 286 с.

УДК 821.161.1

КИТАЙСКИЙ И РУССКИЙ ТЕКСТ В ФОЛЬКЛОРЕ РУССКИХ ТРЁХРЕЧЬЯ

Чжан Жуян,

аспирант кафедры литературы и мировой художественной культуры

*Амурский государственный университет,
г. Благовещенск*

Тезисы основаны на материалах полевых исследований 2015–2018 гг. русскоязычной диаспоры Трёхречья (Саньхэ цюй), Внутренняя Монголия, КНР. Для этой этнической группы (официально – русской народности Китая) одним из важнейших факторов сохранения русской идентичности являются язык и фольклор. Отличительными чертами фольклора русской диаспоры китайского Трёхречья являются, с одной стороны, бытование архаических вариантов, с другой – появление инокультурных (китайских, реже монгольских) мотивов и образов.

Ключевые слова: *Трёхречье, русские, китайцы, фольклор, русский и китайский текст, сказки, припевки, маргинальные жанры.*

CHINESE AND RUSSIAN TEXT IN THE FOLKLORE OF THE RUSSIAN TRYOKHRECHYE (SANHE)

Zhang Ruyang,

*postgraduate student of the Department of Literature
and World Culture of the Amur State University,
Blagoveshchensk*

The theses are based on the materials of field researches (2015–2016) of the Russian-speaking diaspora of the Tryokhrechye (SanheQu), Inner Mongolia, China. For this ethnic group (officially – the Russian nationality of China) language and folklore are one of the most important factors of preserving Russian identity. The special features of the folklore of the Russian diaspora of the Chinese Tryokhrechye are, on the one hand, the existence of their archaic variants, on the other – the appearance of foreign cultures (Chinese, less often Mongolian) motifs and images.

Keywords: *Tryokhrechye, Russian, Chinese, folklore, Russian and Chinese text, fairy tales, pripevki, marginal genres.*

Культура русского Харбина – впечатляющий образец культуры, сложившейся в дальневосточном порубежье на стыке русской и китайской культур. Харбинская культура демонстрирует отчетливо выраженную тенденцию к консервации русскости – так, как она была понята русской диаспорой, значительное число которой в Харбине было представлено образованными выходцами из Рос-

сии. Важнейшим способом консервации и трансляции русскости, русской идентичности для харбинской диаспоры была литература и другие «высокие» формы культуры [3]. Этнокультурная стратегия харбинской диаспоры не могла быть, однако, универсальным образцом для всех русских этнических сообществ, развивавшихся в китайской культурной среде.

Задолго до строительства Харбина и КВЖД в Северо-Восточном Китае, Маньчжурии, было положено начало формированию другого русского анклава. В середине XVII в., когда значительная часть огромной территории современного Северо-Восточного Китая, Забайкалья и Приамурья ещё не имела закреплённого межгосударственными договорами статуса, на правом берегу реки Аргунь, приток Амура, начали переселяться русские. Во второй половине века по условиям Нерчинского договора 1689 г. этот край официально отошёл к Китаю. Однако в силу удалённости от основной части Цинской империи и малочисленности населения правом берегу Аргуни и, прежде всего, бассейн трёх её притоков – рек Ган, Дербул и Хаул оставались территорией, на которой временно или постоянно проживали русские. До середины XIX в. русское население было крайне небольшим. Оно состояло из промысловиков, казаков, ухотивших из родных деревень российского левобережья Аргуни через границу в Китай с целью охоты и покоса сена, строивших там временное жильё – заимки, а также из беглых преступников, каторжан. Во второй половине XIX в. русское население начинает быстро расти и обустриваться, отстраивая традиционные русские избы и закладывая деревни. Китайские власти этому не препятствовали, поскольку благодаря труду русских земледельцев и предприимчивости купечества край начал экономически развиваться, принося через налоги деньги в казну разорённой войнами Цинской империи. Русские деревни становились пунктами притяжения для китайских крестьян, оседавших рядом с русскими, и местного монгольского, бурятского, тунгусского населения, включавшегося в обмен товарами и культурными навыками. Начал формироваться полиэтнический – преимущественно русский – анклав, получивший название Трёхречья (кит. *саньхэ цюй*) [2, с. 109–110].

Судьба Трёхречья в XX в. вместила многие события русско-китайской истории. Это и Гражданская война, и трагические события 1929 г., и японская оккупация, и освобождение частями Советской армии. Культурная революция, годы охлаждения отношений России и Китая... Наконец, национальный подъём эпохи Дэн Сяопина и начало возрождения российско-китайских отношений. Наконец, туристический бум последних десятилетий. В настоящее время в Трёхречье существует несколько деревень, где живут потомки русских поселенцев, в основном – люди, родившиеся в смешанных браках («полукровцы», как они себя называют). По разным данным, к таким русским себя относит более тысячи человек [8, с. 187–208]. В условиях практически полной изоляции от России, её языка, литературы, музыки и других сторон культуры потомки русских в Трёхречье, тем не менее, сохранили русское этническое самосознание и основы русской культуры [5, с. 19–60].

Фольклорные жанры трёхреченских русских были собраны в результате четырёх международных экспедиций, в которых принимали участие специалисты – этнографы, религиоведы и филологи (июнь 2015 г., участники: А.П. Забияко, А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян, Ван Цзянлин; сентябрь 2015 г., участники: А.П. Забияко, А.А. Забияко, Чжан Жуян; май 2016 г., участники: А.П. Забияко, А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян), август 2018 г.,

участник: Чжан Жуян. В ходе экспедиций были опрошены более сорока информантов.

Фольклор русских в Трёхречье (речь идет о поколении 60–80-летних информантов, «старушек») – действительно, живая стихия, то, что называется «фольклорной реальностью». В обыденной жизни русские трёхреченцы общаются, как правило, по-китайски. «Половина русска – половина китайска» (А. Астафьева) – так сами трёхреченцы определяют свою маргинальную этничность. Фольклорные жанры фольклора фиксируют взаимодействие русского и китайского языка, русской и китайской ментальности в сознании трёхреченских полукровцев [2, с. 109–126].

Это явно обнаруживается на тематическом уровне фольклорных текстов. В целом этническая установка по отношению к китайцам у русских трёхреченцев была позитивна. Таисья Петухова на вопрос: «А как жили с китайцами-то?» – отвечала, не задумываясь: «Хорошо жили, дружно». При этом нами были записаны юмористические частушки о межнациональных браках китайских мужчин и русских девушек. Исполнительницы этих текстов (Клавдия и Варвара Ушаковы) рождены в межнациональном браке, замужем за китайцами, Лидия Корытникова – вдова китайца, Таисья Петухова была вдовой полукровца. Решающую роль здесь играет этнокультурная идентичность исполнительниц – они считают себя русскими (этнических же китайцев именуют «китаюхами»). В частушках нашли отражение самые разные признаки дифференцирования русскости и китайскости, например – непривычность китайской кухни для русских женщин, отсутствие в рационе китайцев привычного хлеба:

Ой, милочка моя,
Почему ты похудела?
– За китайцем я была,
С пару манты ела.

(Т. Петухова)

Отразилась в частушках и способность китайцев употреблять в пищу самые невообразимые для русского желудка продукты:

Ты китаец, ты китаец –
Ты не русский человек:
Кошку жарил, хвост оставил
Своей жёнке на обед.

(Т. Петухова)

В припевке китаец оставил своей жене «хвост от кошки» – самый вкусный кусочек, хрящи в китайской кухне – любимое лакомство. То есть ироническому осмыслению подвергается только «инаковость» китайца, проявленная в необычности его гастрономических пристрастий.

Незлобивый и созерцательный национальный характер трудолюбивых китайцев отразился в частушке:

Тирьда по воду поехал,
Тирьда за угол задел,
Тирьда бочку опрокинул,
Тирьда песенку запел!

(Т. Петухова)

В.Л. Кляус фиксирует особенные формы припевок на русском и китайском языках, относя их к «гибридным формам»:

Чжу Минь Я,
 Чжу Минь Я,
 Чжу Минь – Ягодка моя!
 朱敏呀, (Zhu min ya)
 朱敏呀,(Zhu min ya)
 朱敏- (Zhu min-)
 我的小心肝儿!(wo de xiao xin gan er).
 [6, с. 44–45]

Отметим, в этом тексте соединилось не только китайское имя девушки и жанровая форма частушки. «Гибридность» текста выражается в пиджинизации грамматических форм – частица «Ya» [呀(ya)] означает на китайском языке одобрительную либо уменьшительно-ласкательную форму (аналогично русскому постфиксу -еньк/оньк, ешечк/ошечк). Буквально на русском эта фраза должна была бы звучать так: «Чжу Миньяшечка (Чжу Миньяночка)». В результате поэтической игры рождается эпифорически-анафорический подхват, из китайского «Ya» [呀(ya)] выходит русская (но не совсем) «Ягодка моя!». Словесный образ милой сердцу исполнителя «полукровочки» становится реальным и зримым благодаря гибридизации русской и китайской поэтической стихии.

Любопытный пример гибридизации текста обнаруживаем в практически непере译имой ни на русский, ни на китайский язык, но абсолютно понятной трёхреченским русским полускабрёзной частушки:

Иге тру-ля-ля,
 Лянге тру-ля-ля,
 Ниде-мои фанцзы
 Пельмень куша <Я>

Иге (一个, yige, одна порция, один раз) тру-ля-ля
 Лянге (两个, liangge, две порции, два раза) тру-ля-ля
 Ниде (你的hide, твой, твоя)-мои фанцзы (房子, fangzi, дом)
 Пельмень куша Я. (呀ya)

В разговорном языке ономапейный образ «труля-ля» является игровой фигурой умолчания (образованной опять-таки из разговорного перифраза – обозначения флирта) понятию «сексуальная связь».

Смысл частушки, соответственно, таков: «Один раз <...> тру-ля-ля./ два раза <...> тру-ля-ля./ <теперь> в твоей-моей фанзе/вместе кушаем пельмени» (образовалась уже русско-китайская семья). В данном случае гибридизация художественных средств языка становится сродни тайному языку. Криптограмматизм фривольной частушки понятен только билингуам-трёхреченцам. Не случайно исполнитель Володя (кит. 尹宗兴-Инь Цзунсин), практически не говорящий по-русски, тем не менее, частушку помнит и поет ее, лукаво подмигивая собирателю-китайцу.

Еще один случай взаимодействия русского и китайского текста – проникновение китайских реалий и бытовых привычек в сугубо русский текст. В исполнении Шуры Чешнова известная бытовая сказка «Каша из топора» («Кашица из топора») со временем приобрела китайский гастрономический колорит: «Один шёл солдатик, смотрит – избушка, зашёл, там живёт бабушка бедно. Он зашёл и говорит: “Бабушка, покорми меня, я голодный”. Бабушка говорит:

“У меня ничё нету, чем я тебя покормлю?” Солдатик ей отвечает: “А топор-то есть? Я топором обед сделаю”. Она пошла за топором. Он поставил кастрюлю, поварил и говорит: “Вот бы сметанку добавить и было бы хорошо”. Бабушка: “Есть, есть”. Сходила и сметанку принесла. Он потом опять говорит: “Вот были бы огурцы, покрошили, было бы хорошо”. Бабушка: “Есть, есть”. Сходила, огурцы притащила. “А капуста есть?” – “Есть”. Сходила, капусту притащила. Вот суп хороший сварили. Кто их знает – кто рассказал сказку...» (Ш. Чешнов).

Как видно, привычная крупа и маслице оказались заменены на огурцы и капусту. В результате сметливый солдат варит не кашу, а местный овощной суп (китайские ши – tang; 汤), характерный для трёхреченской крестьянской (и в целом, северо-восточной китайской) кухни. Кроме того, даже прагматика русского текста несёт уже отпечаток китайской грамматики – наш исполнитель спонтанно переводит сказку уже в её китайском варианте для русского слушателя.

В маргинальных фольклорных текстах (записанных самими трёхреченцами устных жанров) распространены случаи фольклорного билингвизма. Например, в блокноте Ирины Громовой («поминушке») мы обнаружили более 40 текстов, бытующих в среде трёхреченцев на русском и китайском языке [1, с. 229–242]. Так, песня «Степь» в «поминушке» Ирины на китайском именуется также, как и на русском языке – «草原» (в кит.источниках «茫茫大草原»). Но её текст отличается от китайского варианта:

茫茫大草原，路途多遥远，有个马车夫，将死在草原。
车夫挣扎起，拜托同路人，请你埋葬我，不必记仇恨。
请把我的马，交给我爸爸，再向我妈妈，安慰几句话。
转告我爱人，叫她别悲伤，这个定戒指，请你交还她。
爱情我带走，叫她莫伤怀，别找知心人，结婚永相爱。

(последние две строчки не совпадают с китайским устоявшимся переводом:

转告我爱人，再不能相见，这个订婚戒，请你交还她。
爱情我带走，请她莫伤怀，重找知心人，结婚永相爱。)

Среда трёхреченских полукровцев богата поэтическими талантами, а билингвизм русских потомков позволяет им органично реализовывать их и на русском, и на китайском языках, встречает поддержку у титульной нации – ханьцев. Любопытным явлением в «поминушке» и предстает сочиненная кем-то на русском языке песня, представляющая синтез русской и китайской образности:

Солнце вошло в родном крае

В небе лазурном тихо бегут белые облака,
Быстрые кони резво бегут, твёрдо ведёт рука.
Степь словно сад цветёт кругом, птицы поют надо мной.
Радость и гордость в сердце моём, гордость моей страной.
Здесь миллионы дружных людей в мире и счастье живут,
Партии славу поют своей, Мао-ЗцэДун [так в записи]
Славу поют.
Вместе с народом я пою, славлю свободу труда.
Солнце вошло в родном краю, солнце [зачёркнуто] не закатит<ь>ся
никогда!

Очевидно, что текст песни написан в Трёхречье в 1950-е гг. и отражает реалии трёхреченской жизни; причем, скорее всего – написан именно на русском языке носителем языка, а не переведён. В данной песне налицо умелое сочетание тонкого лирического восприятия сочинителем родных с детства образов-топосов Трёхречья – Внутренней Монголии (*облака, степи, бегущие кони*) и официозной прагматики текста, китайской велеречивости (*дружные люди, Мао Цзэдун, слава, счастье труда, солнце*).

В устных историях, содержащих знание русской и китайской культуры, полукровцы подчеркивают свою уникальность и демонстрируют бикультурную компетентность: *«У меня, когда девка [дочь] в Маньчжурии официанткой служила, я поехал посмотреть туда, Китай тогда бедно жил, а русских много приезжало туда, на машине приедут. На глаза-то смотрят, видят, что не китаец я. Это говорит: “Кого продают?” – по-русски – катышки с липкого рису. Они спрашивают: “Кушать приятно, нет?” Я говорю: “Если в сахар макать – ничё”. Из липкого рису стряпано, они [китайцы] в ведре вылавливают, продают. Они [русские] спрашивают: “Зачем это?” Они [китайцы] из липкого рису катышки в камышином листе заматывают, таки треугольны. “Это поминают, раньше был, начальника царя, это уж прошло 2 тыщи лет, вот поминают, он за жителей очень стоял. С жителей много пошлины снял, потому-ка он царю не пригланулся, он [царь – император. – Чжан Жуян] хотел его зарезать, когда он услышал, он сам любил на лодке кататься, с лодки утонул в Аргунь. Он же любил вот эти катышки кушать, поминала его сестра, стряпала и бросала в Аргунь. Вот жителя учинили, поставили праздник в этот день – это по лунному числу 5 мая, он утонул”. Вот – поразговаривали»* (А. Чешнов).

Шура рассказывает о празднике Дуань-у, который отмечается в Китае пятого числа пятого месяца по лунному календарю и входит в число «трех больших праздников Китая», это «праздник драконьих лодок», день ритуального самоубийства «начальник царя» Цюй Юаня. Цюй Юань, ок. 340–278 до н.э., эпоха Воюющих царств – великий китайский поэт (поэмы «Лисао», «Тяньвэнь», «Цзюгэ», «Хуйша»). Видя, что его родина в опасности, Цюй Юань давал правителям княжества Чу ценные советы об укреплении мощи государства, но признан не был. В результате несправедного гонения покончил с собой – бросился в реку Милоцзян. Спасая его тело от рыб, рыбаки и местные жители стали бросать в реку разные яства. «Цзуньцзы» (завернутые в бамбуковые листья сладкие рисовые шарики) – праздничное лакомство, вошедшее в традицию почитания этого легендарного человека.

Совершенно очевидно, что Шура не просто «отречивает» канонический сюжет китайской мифологической истории, подобно тому, как он «трансформировал» под трёхреченские реалии сюжет о Христе и его страданиях [4, с. 112] – он его русифицирует в самой жанровой основе, создает новый русско-китайский апокриф.

Итак, в исторических обстоятельствах формирования и воспроизводства русской диаспоры Трёхречья задачи фиксации, сохранения и трансляции исторической памяти, важнейших представлений о *своём и чужом, добре и зле, праведном и неправедном*, свойственных русской культуре, выполнял и выполняет русский фольклор. При этом русский фольклор в Трёхречье не только обнаружил свойственную его глубинной природе живучесть и устойчивость, но и проявил гибкость по отношению к инокультурным влияниям. Образы русского

фольклора получили своё развитие в китайскоязычных вариантах, образы китайского быта и китайского фольклора перетекли отчасти в русские сюжеты. Вступая в живое сообщение с местными реалиями и китайской культурной традицией отцов, русский фольклор Трёхречья обогатился и получил новый импульс к развитию.

1. Забияко А.А., Забияко А.П. Маргинальные письменные тексты русской народности в китайском Трёхречье: частные истории формирования маргинальной этничности // CUADERNOS DE RUSÍSTICA ESPAÑOLA (CRE). Ученые записки испанской русистики. 2017. № 13. 229–242.

2. Забияко А.А., Забияко А.П., Зиненко Я.В., Чжан Жуян. Фольклор русскоязычной диаспоры Трёхречья как основа сохранения этничности // Изв. Иркут. гос. ун-та. 2016. Т. 17. С. 109–126.

3. Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2015. – 503 с.

4. Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Монография. – Новосибирск: Изд-во Института Археологии, антропологии и этнографии РАН, 2017. – 350 с., ил.

5. Кляус В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – 416 с.

6. Кляус В.Л. «Ты меня хочешь замуж? Надо мне кого – платье купить!» (об одном семейном предании китайских русских Трёхречья, КНР) // Традиционная культура. 2016. № 3 (63). С. 88–99.

7. Кляус В.Л., Острогская А.А. Русский фольклор на китайском языке: опыт полевого исследования в Трёхречье // Традиционная культура. 2014. № 4. С. 44–55.

8. Тарасов А.П. Русская национальная волость Эньхэ в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в приграничном Китае // Общество и государство в Китае. – М.: Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН). 2014. Т. XLIV. Ч. 2., С. 187–208.

УДК 392/394

**«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ»
АМУРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ,
КУЛЬТУРЫ И ЛИТЕРАТУРЫ ВОСТОЧНОЙ ВЕТВИ РУССКОГО
ЗАРУБЕЖЬЯ**

А.А. Забияко,

д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник «Центра изучения дальневосточной эмиграции», заведующий кафедрой, кафедра литературы и мировой художественной культуры

*Амурский государственный университет,
г. Благовещенск*

Статья представляет собой краткий обзор деятельности «Центра изучения дальневосточной эмиграции», созданного в 2013 г. в Амурском государственном университете. Направления работы Центра связаны с научно-исследовательской и музейно-выставочной деятельностью (литературно-источниковедческая лаборатория и музей «Русский Харбин: история, культура, литература»). Центр интегрирован в широкое международное научное пространство и осуществляет разнообразные исследовательские, издательские и просветительские проекты совместно с китайскими и европейскими коллегами.

***Ключевые слова:** «Центр изучения дальневосточной эмиграции», литературно-источниковедческая лаборатория, текстологическая реконструкция, выставки-экспозиции, антропология, этнография, литературоведение, полевые исследования, русский анклав в Китае.*

**THE CENTER FOR THE STUDY OF THE FAR EASTERN EMIGRATION"
OF THE AMUR STATE UNIVERSITY: RESULTS AND PROSPECTS
OF THE STUDY OF HISTORY, CULTURE AND LITERATURE
OF THE FAR EASTERN EMIGRATION**

A.A. Zabiyako,

*Doctor of Philology, Leading Researcher
«Center for the Study of Far Eastern Emigration», head of the department
literature and world art culture
Amur State University*

The article presents a brief overview of the activities of the "Center of the study of Far Eastern emigration", established in 2013 at the Amur state University. The direc-

tions of the Center's work deal with research and Museum and exhibition activities (literary source laboratory and the Museum "Russian Harbin: history, culture, literature"). The center is integrated into a wide international scientific space and carries out various research, publishing and educational projects together with Chinese and European colleagues.

Keywords: *"Center of the study of far Eastern emigration", literary source laboratory, textual reconstruction, exhibitions, anthropology, Ethnography, literary studies, field research, Russian enclave in China.*

«Центр изучения дальневосточной эмиграции» возник в Амурском государственном университете в 2013 г. при кафедре литературы и мировой художественной культуры по инициативе Г.В. Эфендиевой, А.А. Забияко и при финансовой поддержке ректора АмГУ А.Д. Плутенко. Появлению Центра предшествовали 13 лет интенсивной и скрупулезной работы ученых-литературоведов АмГУ (магистрантов, аспирантов, докторантов, доцентов, профессоров – И.А. Дябкина, К.А. Крыжанской, А.А. Левченко, Г.В. Эфендиевой, Т.А. Неваленной, Е.Г. Иващенко, А.А. Забияко) в архивах и библиотеках (ГАРФ, ГАХК, РГАЛИ, Российская государственная библиотека, Славянская библиотека (Чехия), Тургеневская библиотека (Франция) и т.д., Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова (Хабаровск), Литературный музей (Москва), в частных коллекциях (В.А. Слободчикова, Л.Н. Андерсен, В. Янковской и др.). За эти годы нами были собраны и обработаны материалы архивов В. Перелешина, В. Марта, В. Янковского, Н. Щеголева и др. писателей дальневосточной эмиграции.

На основе изучения архивных материалов были защищены кандидатские и докторские диссертации (Эфендиева Г.В. «Художественное своеобразие женской лирики восточной ветви русской эмиграции», канд. дисс. филол. наук; 2006; Забияко А.А. «Лирика "харбинской ноты": культурное пространство, художественные концепты, версификационная поэтика», докт. дисс. филол. наук; 2007; Дябкин И.А. «Неомифологизм как этнорелигиозный феномен культуры дальневосточного зарубежья», канд. дисс. филос. наук, 2015), изданы монографии и научные статьи [8]. В 2005–2007 гг. сотрудники кафедры литературы и мировой художественной культуры провели полевые исследования во Франции (Г.В. Эфендиева – г. Иссанжо, Ларисса Андерсен), в Москве (Г.В. Эфендиева, А.А. Забияко – В.А. Слободчиков, Е.П. Таскина), успев собрать уникальный мемориальный материал у последних могилки литературы и истории дальневосточной эмиграции [1; 2; 3].

К 2013 г. учеными АмГУ было собрано более 10 000 единиц хранения по истории, культуре и литературе дальневосточной эмиграции: электронные и бумажные версии журналов и газет дальневосточной эмиграции, эпистолярные русских эмигрантов, раритетные бумажные варианты эмигрантских изданий, фото-, кино- и аудиоматериалы, связанные с историей, культурой, литературой дальневосточного зарубежья; личные вещи писателей и поэтов, простых эмигрантов; предметы, связанные с историей КВЖД и жизнью русских и китайцев в Северной Маньчжурии.

К моменту создания Центра сотрудники кафедры литературы и мировой художественной культуры определенно осознавали концепцию его деятельности, которая продолжает быть актуальной по сегодняшний день. Она состоит в сочетании работы литературно-источниковедческой лаборатории по научной обра-

ботке архивных материалов и музейно-выставочной деятельности. Для реализации этих направлений при Центре были открыты литературно-источниковедческая лаборатория и музейный зал «Русский Харбин: история, культура, литература» (как часть Научного музея АмГУ).

Научная работа Центра интегрирована в широкое пространство российского и зарубежного научного сообщества. Огромное значение для развития Центра имело и имеет сотрудничество с доктором филологических наук, профессором В.В. Агеносовым (Россия) и профессором Ли Иннань (Университет иностранных языков, Пекин, КНР), с теоретиком литературы и ведущим отечественным стиховедом О.И. Федотовым, с русистами-эмигрантологами – профессором Брониславом Кодзисом (Опольский ун-т, Польша)¹ и Зденек Пехалом (Оломоуцкий ун-т, Чехия)², с учеными г. Москвы (Дом русского зарубежья, Российская государственная библиотека, ИМЛИ РАН – Е.П. Таскина, О.Ф. Кузнецова, Вл. Резвый и др.), г. Санкт-Петербурга (историк архитектуры русского зарубежья С.С. Легошкова)³, г. Владивостока (А.А. Хисамутдинов, Т.Н. Калиберова)⁴.

Участники международной научно-практической конференции: Ли Иннань, С.С. Легошкова, Бр. Кодзис, Зд. Пехал, О. Цымакал и др. – в зале Музея слушают доклад А.А. Хисамутдинова

Краткими итогами деятельности литературно-источниковедческой лаборатории при Центре можно назвать издательские проекты, посвященные истории, культуре, литературе дальневосточной эмиграции:

1. Выпуск 1 тома 3-томной хрестоматии «Литература русского зарубежья. Восточная ветвь». «Проза» [4]; в настоящее время научные сотрудники Центра работают над подготовкой 2 тома (Лирика) и 3 тома (Литературная критика).

¹ Кодзис Б. Литературные центры русского Зарубежья 1918–1933: Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание. – Мюнхен, 2002. – 318 с.

² Пехал Зд., Зырянов О. Гоголь как художественный и культурно-исторический феномен. – Оломоуц, 2015. – 200 с.

³ Легошкова С.С. Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX века. Хабаровск, 2004. – 176 с. Основные труды. URL: www.artstudy.amursu.ru

⁴ Хисамутдинов А.А. Основные труды. URL: www.artstudy.amursu.ru

2. Издание сочинений Н. Щеголева «Победное отчаянье» (в сотрудничестве с Вл. Резвым) [5]

3. Выпуск 1 тома серии «В художественном мире харбинских писателей» – «Арсений Несмелов. Т. I. Ч. 1, 2. Материалы к творческой биографии» [7]. В настоящее время готовы к печати Т. 2 (Лирика, фельетоны, литературная критика) и Т. 3 (Исследование творчества).

4. Публикация коллективной монографии, посвященной истории, культуре, архитектуре, литературе русского Харбина (Забияко А.А., Забияко А.П., Левашко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта) / под ред. А.П. Забияко, 2015 [6].

5. Публикация монографии А.А. Забияко «Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина», 2016 г. [8]

Издания сотрудников «Центра изучения дальневосточной эмиграции»

Помимо издания монографий и ранее не публикуемых художественных текстов, сотрудниками Центра было опубликовано более 160 научных статей, многие из которых вошли в сборники научных трудов «Русский Харбин, запечатленный в слове» (вып. 1–7) [12] и «Россия и Китай на дальневосточных рубежах» (вып. 1–12) [13], были опубликованы в журналах «Проблемы Дальнего Востока», «Русский язык за рубежом», «Религиоведение», «Эмигрантология славян» и т.д.

В 2018 г. в результате работы с фондами Центра была защищена диссертация Е.В. Сениной «Образы взаимного восприятия в русской и китайской литературе и публицистике первой половины XX в.» (РУДН, научный руководитель А.А. Забияко), материалом которой стали, в том числе, исследованные с точки зрения филологической имагологии произведения дальневосточных эмигрантов.

В настоящее время с материалами литературно-источниковедческой лаборатории Центра работают студенты, магистранты, аспиранты кафедры литературы и мировой художественной культуры и аспиранты кафедры религиоведения и истории АмГУ, из них 15 человек – граждане КНР. Данной ситуации весьма способствует тесное сотрудничество Центра с китайскими коллегами и учеными из разных университетов Китая.

С 2015 г. одним из научных направлений работы «Центра изучения дальневосточной эмиграции» стало изучение культуры и фольклора русского анклава в Трёхречье (Внутренняя Монголия, КНР) совместно с учеными кафедры религиоведения и истории АмГУ. Нашими научными коллективами было проведено 4 научных международных экспедиции, в которых приняли участие научные сотрудники и аспиранты АмГУ (Ван Цзяньлинь, Чжан Жуян, Я.В. Зиненко, А.А. Забияко, А.П. Забияко). В результате полевых исследований 2015–2018 гг. были опрошены более 50 информантов, собран огромный аудио- и видеоматериал, опубликовано более десятка научных статей, издана монография «Русские Трёхречья: основы этнической самобытности [9]. Последнюю экспедицию аспирант Чжан Жуян провел самостоятельно, сумев собрать уникальный этнографический и фольклорный материал на русском и китайском языках. В этом направлении сотрудники Центра и кафедры литературы и мировой художественной культуры плодотворно взаимодействуют с доктором филологических наук, профессором В.Л. Кляусом, заведующим отделом фольклора ИМЛИ РАН, гл. редактором научного альманаха «Традиционная культура» (Государственный республиканский центр русского фольклора) и китайским академиком Лю Куйли (КАОН).

Фольклористическая и антропологическая направленность изысканий сотрудников Центра, связанных с изучением русской народности Китая, продолжилась и продолжается в экспедициях в разные регионы Китая (Харбин, округ Хэйхэ) [11]. Параллельно вместе с китайскими антропологами и историками сотрудники Центра и аспиранты кафедры собирают фольклорный и антропологический материал, связанный с жизнью русских китайцев на территории Амурской области (Зейский р-он, Свободненский р-он, г. Благовещенск) [13].

С 2015 по 2018 гг. сотрудники Центра и аспиранты кафедры ЛиМХК (А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Е.В. Сенина, Чжан Жуян, Цзюй Куньи, Чжоу Синьюй) провели 6 полевых исследований среди бывших и настоящих жителей Харбина – русских и китайцев, заставших русский этап его истории (в Харбине, Пекине, Москве, Санкт-Петербурге, Благовещенске).

Уникальной темой наших исследований стала *художественная этнография* Дальнего Востока. Собранные и систематизировав труды эмигрантов-этнографов (П.В. Шкуркина, Н.А. Байкова и др.), исследовательский коллектив Центра составляет их материалы с данными В.К. Арсеньева и другими учеными – исследователями Дальнего Востока России.

В 2016 г. на основе материалов, исследованных учеными «Центра изучения дальневосточной эмиграции», был снят цикл научно-популярных фильмов «Рус-

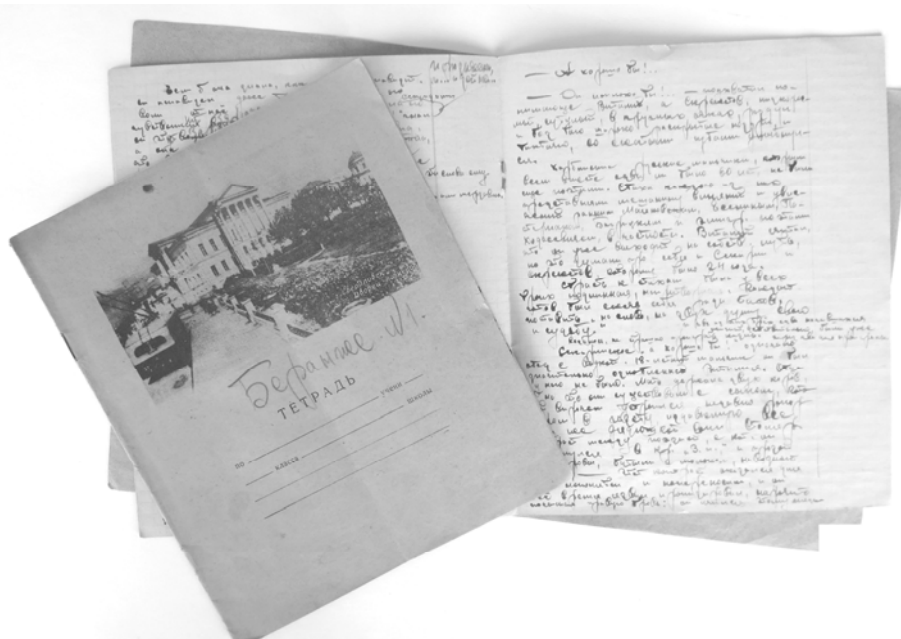
ские и китайцы: истории приграничной жизни» (Амурский государственный университет – Альфаканал; реж. Н. Овсийчук, авт. сценария А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева) [16]. Содержание цикла включает истории о первых русских исследователях-писателях Северной Маньчжурии (Н.А. Байкове, П.В. Шкуркине), о том, как была построена КВЖД и г. Харбин, о Гражданской войне на Дальнем Востоке и в Амурской области, о пути русских изгнанников в эмиграцию, о том, как русские эмигранты воспринимали Китай и китайцев и как отражались эти процессы в художественном творчестве, о русских, оставшихся в Китае и сформировавших свой анклав во Внутренней Монголии, в Трёхречье, и о многом другом. В 2017 г. по мотивам монографии А.А. Забияко «Ментальность дальневосточного фронта. Культура и литература русского Харбина» на радио «Эхо Москвы в Благовещенске» был записан цикл радио-программ «Амурские волны: Русские и китайцы в условиях дальневосточного фронта» (реж. М. Митрофанов, вед. М. Митрофанов и А. Забияко).

Исследовательская и издательская работа Центра с момента его образования поддерживается грантовым финансированием: Федеральным агентством по науке и инновациям в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (руководитель: А.П. Забияко); РГНФ-КАОН (проект № 12-21-21001 а(м) «Русские и китайцы: межэтнические отношения на Дальнем Востоке в контексте политических процессов» (руководитель: А.П. Забияко), Российским научным фондом, проект № 14-18-00308 «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)» (руководитель: А.П. Забияко) и внебюджетными средствами Амурского государственного университета.

Т.Н. Калиберова вручает в дар музею «Русский Харбин: история, культура, литература» личные вещи Лариссы Андерсен

Обратимся к музейно-выставочной деятельности «Центра изучения дальневосточной эмиграции». В зале «Русский Харбин: история, культура, литература» на постоянной основе действуют следующие экспозиции, разработанные Г.В. Эфендиевой и А.А. Забияко: «История г. Харбина как центра русской эмиграции в Китае», «Харбинский миф – Свято-Николаевский храм», «Эпистолярные русские писатели-харбинцы (Вл. Слободчиков, Л. Андерсен и др.)», «Периодические и книжные издания дальневосточных писателей-эмигрантов», «Ларисса Андерсен – легенда русского Харбина», «Мода русского Китая», «Повседневная жизнь русского эмигранта в Китае», «Отечественные и зарубежные исследования истории, культуры, литературы дальневосточного зарубежья», «Архив В. Перелешина», «Архив Н. Щеголева: история чудесного обретения» (куратор Г.В. Эфендиева) [10]. Многие экспонаты этих экспозиций заимствованы из частных коллекций Г.В. Эфендиевой и А.А. Забияко. Свой дар музею сделала и Т.Н. Калиберова, передав в коллекцию «Ларисса Андерсен – легенда русского Китая» личные вещи поэтессы (ципао, шелковую курму и перчатки). Благодаря помощи С.С. Лешоко и поддержке А.Д. Плутенко мы смогли приобрести редкие харбинские издания в г. Риге.

Рукописи Н. Щеголева, переданные в дар Музею Виктором Потриваевым (г. Екатеринбург)

За 5 лет существования Музея в нем были проведены многочисленные сменные выставки-экспозиции, основанные на материалах архивов и частных коллекций: «Елена Петровна Таскина: русская харбинка, исследователь культуры русского Харбина» (куратор А.А. Забияко), «Немец с русской душой: Павел Северный – загадочная фигура в литературе русского зарубежья» (кураторы И.А. Дябкин, А.А. Левченко), «Как русский Харбин Пасху праздновал» (куратор Я.В. Зиненко), «Как русский Харбин Рождество праздновал» (куратор Я.В. Зиненко), «Русский Харбин и русский Китай в фотоальбомах» (куратор А.А. Забияко),

«История простой харбинки: архив М. Поляковой, няни в семье Ли Лисаня» (кураторы А.А. Забияко, Я.В. Зиненко), «Дорогой длинною...: Александр Вертинский в русском Харбине» (кураторы Я.В. Зиненко, О.Е. Цмыкал) и др. Презентация многих выставок-экспозиций сопровождалась интерактивными мероприятиями: дегустациями кулинарных изделий, выполненных по рецептам журнала «Рубеж» (повседневные блюда, пасхальные лакомства), демонстрациями моделей одежды, сшитых по выкройкам, размещенным в журнале «Рубеж», чтением стихотворений и исполнением романсов, инсценировками фельетонов и скетчей А. Несмелова, Маманди и др. [22].

Музей «Русский Харбин: история, культура, литература» активно посещают школьники, студенты, делегации из китайских университетов, музеев, научных организаций, административных органов. Нужно подчеркнуть, что зал Музея одновременно является и учебной аудиторией – в ней учатся русские и китайские студенты кафедры литературы и мировой художественной культуры. В дни проведения международной научно-практической конференции «Россия и Китай на дальневосточных рубежах» в зале Музея проводится секция, посвященная культуре и литературе дальневосточной эмиграции. В течение года здесь проводятся занятия международного молодежного научного семинара «Дальневосточный фронт: язык, культура, литература» [22].

Экспозиции музея «Русский Харбин: история, культура, литература»

В 2017 г. деятельность Центра перешла на новый качественный уровень взаимодействия с китайскими учеными, административными органами, частными компаниями. В августе 2017 г. в г. Харбине в рамках «Российско-китайской ярмарки» состоялось открытие выставки «Модерн»: живая душа старого Харбина», подготовленной совместными усилиями российских и китайских партнеров. Инициаторами ее создания с китайской стороны стали Комитет государствен-

ных активов по контролю и управлению и крупнейшая харбинская корпорация «Модерн», а с российской стороны – Амурский государственный университет, сотрудники «Центра изучения дальневосточной эмиграции» (кураторы Я.В. Зиненко, О.Е. Цмыкал, Е.А. Конталева, Чжан Жуян). Активное участие в подготовке выставки приняли ведущие российские музеи – Государственный литературный музей и Государственный Музей-институт семьи Рериха, а также хранительница коллекции Лариссы Андерсен Тамара Калиберова.

С китайской стороны мероприятие открывали вице-мэр г. Харбина, первый секретарь КПК г. Харбина и другие крупные руководители, с российской стороны – ректор Амурского государственного университета А.Д. Плутенко.

Ректор АмГУ А.Д. Плутенко открывает выставку «Модерн»: живая душа старого Харбина». Харбин, август 2017 г.

На выставке были представлены материалы, свидетельствующие о том, как в первой половине XX в. город Харбин стал крупнейшим международным культурным городом, центром дальневосточной эмиграции. В экспозиции было представлено более 450 редких фотографий, портретов А. Вертинского, Ф. Шаляпина, эмигрантских писателей и ученых, и пр.; картины Н. Рериха, личные вещи поэтессы, балерины Лариссы Андерсен; состоялась премьера научно-популярного фильма «Модерн»: живая душа старого Харбина» (Амурский госуниверситет – ООО Корпорация «Модерн», авт. сценария А.А. Забияко, реж. Овсийчук) [17].

Куратором выставки с китайской стороны выступил г-н Цзюй Вэй (член Постоянного Комитета Всекитайского Собрания народных представителей), с российской стороны – профессор АмГУ А.А. Забияко. Научным консультантом выставки стал профессор АмГУ А.П. Забияко.

В качестве переводчиков выставки работали сотрудники Центра и аспиранты кафедры литературы и мировой художественной культуры АмГУ Цзюй Куньни и Ольга Цмыкал. Главным менеджером выставки с российской стороны стал сотрудник «Центра изучения дальневосточной эмиграции» АмГУ Чжан Жуян.

Открытие выставки широко освещалось в СМИ – на центральном китайском канале CCTV, российских каналах «Россия 24», «Культура» и других федеральных и региональных каналах, в центральных газетах «Харбин жибао», «Жизнь» и т.д. [18]

Харбинские газеты, в частности, писали: «Какой был вид у Харбина 100 лет назад? Как русские эмигранты жили в те времена? С 10–15 каждый день 9:30–20:00 на Центральной улице 198, все желающие могут полюбоваться на 450 ред-

ких исторических фото и увидеть редкие экспонаты, которые русские и китайские учёные и специалисты нашли совместными усилиями».

«Харбин – чудо истории развития городов. Строительство КВЖД обозначило качественный рывок от одной исторической эпохи к историческому рубежу иного образца. Всего за 30 лет из небольшой рыбацкой деревни город вырос в самый престижный международный мегаполис Северо-Восточной Азии. Здесь работали консульства 19 стран мира. Сотни тысяч эмигрантов из 33 стран поселились здесь. Среди них русская эмиграция составляла самую значительную часть. Согласно демографическим записям, в 1922 г. общее количество российских эмигрантов превысило больше 220 000. Русский писатель Всеволод Никанорович Иванов вспоминал о том, что Харбин в кратчайшие сроки стал международным городом с высокоскоростным развитием. Он писал об уникальном достижении, созданном совместно китайским и русским людьми всего за 20 лет. Русский писатель подчеркивал, что именно Китай принял большую часть российских беженцев в 1920 г., предположительно, 200 000 человек, и обеспечил им превосходные условия жизни.

«Модерн» – жемчужина международного мегаполиса Харбина – свидетельство этого периода истории. Уже в первом номере журнала газеты «Китайский голос», опубликованном в ноябре 1946 года, отель «Модерн» получил высокую оценку: «Это не столь величественное и не очень большое здание может стать свидетелем того, как процветает город. Он пережил многое, он помнит горечь, помнит, как оскорбили его японские военачальники. Каждый камень его стены может ясно рассказать нам историю Харбина».

Современная история «Модерна» – это концентрированная современная история Харбина. Чтобы углубиться в эту покрытую пылью историю, при поддержке всех сторон и напряженной работе китайские и российские эксперты и ученые в течение года перелистали и просмотрели множество исторических данных и собрали исторические документы русских эмигрантов в Харбине. В целом было собрано более 10 000 экземпляров драгоценных русских исторических материалов о «Модерне».

Сегодня ООО Корпорация «Модерн» с темой «"Модерн" – живая душа старого Харбина: харбинская литературно-историческая выставка» отчитывается перед жителями города по результатам своих исследований. <...> Сегодня у нас есть возможность, пройдя через время и пространство, благодаря этой драгоценной картине, узреть перипетии века в Харбине и прочесть историю, которая когда-то была покрыта пылью забвения».

Выставка имела огромный успех. За первые дни работы ее посетили более 150 000 человек – русских и китайцев.

В течение 2017–2018 гг. передвижная выставка экспонировалась в различных административных и культурно-просветительских учреждениях г. Харбина [19].

В июне 2018 г. часть выставки успешно была экспонирована в г. Пекин (Российско-китайский фонд развития культуры и образования), г. Кайфын (Хэнаньский ун-т) [20]. С конца июня 2018 г. по октябрь выставка была с успехом представлена в стенах Амурского областного краеведческого музея им. Г.С. Новикова-Даурского [21].

В настоящее время новым научным направлением «Центра изучения дальневосточной эмиграции» является исследование механизмов этнической совместности и этнического взаимодействия двух великих народов – русских

и китайцев, предотвращения проявлений межэтнической и межнациональной розни и факторов риска ее возникновения. Одной из форм изучения столь глобальной проблемы стала фиксация устной истории русских и китайцев, проживавших и проживающих в условиях дальневосточного фронта и тесных межэтнических контактов – в первой половине XX в. в Харбине, Шанхае, по линии КВЖД, во Внутренней Монголии, в округе г. Хэйхэ. Наши информанты – люди с разным социокультурным, образовательным багажом и этнокультурным опытом (врачи, учителя, преподаватели, художники, писатели, историки, крестьяне, домохозяйки), этнические русские, китайцы, метисы. Многие из них проживают сегодня в России – в Санкт-Петербурге, Москве, Благовещенске; в Австралии, в Америке, в Китае (Пекине, Харбине, Хайларе, Лабдарине, дд. Эньхэ, Сюнькэ и т.д.). Одна из последних экспедиций в Пекин (А.А. Забияко, Цзюй Кунь) помогла собрать интереснейший материал, имеющий отношение к семье Ли Лисаня и его супруги Елизаветы Павловны Кишкиной. Нами были записаны устные истории Ли Иннань, дочери Ли Лисаня, о жизни ее семьи в Харбине в начале 50-х гг., о судьбе их харбинской няни, о детских годах среди русской диаспоры в Пекине – вплоть до «культурной революции». Зять Ли Иннань, сын известного китайского деятеля Чжан Бао, Валерий Руденко (известный в СССР художник, уже более 30 лет живущий в Китае), рассказал об истории своей семьи, также связанной с послереволюционным Харбином. Публикации, основанные на этих данных, готовятся в следующий выпуск сборника «Русский Харбин, запечатленный в слове».

Исследования сотрудников Центра носят комплексный междисциплинарный характер и объединяют методологию и методику исследования разных гуманитарных наук: филологии, антропологии, этнографии, религиоведения, интегрируют ученых разных кафедр и научных центров. При Центре на платформе сайта АмГУ работает сайт Ассоциации исследователей Русского зарубежья в АТР [23].

Сегодня научные сотрудники Центра работают над несколькими издательскими проектами: Антология «Культура и фольклор народов Дальнего Востока и Северо-Востока Китая в исследованиях дальневосточной эмиграции» («Центр изучения дальневосточной эмиграции» – «Лаборатория антропологии и археологии» АмГУ; Институт России, Хэйхэский ун-т), «Антология драматургии русской эмиграции (А.А. Забияко – Бр. Кодзис, Польша), «История и культура Харбина в устных историях дальневосточных эмигрантов» («Центр изучения дальневосточной эмиграции» – Департамент краеведения пр. Хэйлунцзян), «Забывтый архив Н. Щеголева: текстологическая реконструкция и эдиционная практика».

Таким образом, «Центр изучения дальневосточной эмиграции» активно развивает издательскую, образовательную, научную, просветительскую деятельность на российском и международном уровне. Стратегически важной задачей Центра является все более глубокая интеграция с учеными Китая – филологами, этнографами, фольклористами. Именно в тесном сотрудничестве с китайскими коллегами мы видим развитие концепции и деятельности нашего Центра.

1. Забияко А.А. Тропа Судьбы Алексея Ачаира: монография. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2005. – 274 с.

2. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы» (художественный мир лирики русского Харбина). – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2008. – 430 с.

3. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии: монография. – Благовещенск: Изд-во Амурский гос.университет, 2009. – 361 с.
4. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Т. 1. Ч. 1–3. Проза: хрестоматия / сост. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева; подгот. текстов И.А. Дябкина, А.А. Забияко, К.А. Землянкой, Р.В. Поливан, Г.В. Эфендиева. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2013. – 950 с.
5. Забияко А.А. «Мои это годы, моя это жизнь и судьба!» (Жизнь и творчество поэта Николая Щеголева в контексте судьбы «взыскующих поэтов» дальневосточного зарубежья. [в:] Щеголев Н. Победное отчаянье. Сочинения / сост. Вл. Резвый, А. Забияко / под ред. Вл. Резвого. Послесловие А.А. Забияко. – М.: Водолей, 2014. – 352 с.
6. Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2015. – 503 с.
7. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Научное издание: в 3 т. Т. I. Ч. 1, 2. Материалы к творческой биографии / сост. А.А. Забияко, В.А. Резвый, Г.В. Эфендиева; подгот. текстов Е.Е. Бибик, И.А. Дябкина, А.А. Забияко, К.А. Землянкой, Г.В. Эфендиевой; комментарии А.А. Забияко, В.А. Резвого; послеслов. Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2015. – 850 с.
8. Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. – Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2016. – 447 с.
9. Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трехречья: основы этнической самобытности: монография. – Новосибирск: Издательство Института Археологии, антропологии и этнографии Российской академии наук, 2017. – 350 с., ил.
10. Забияко А.А. «Черт с ними, а я до последнего слова выскажусь»: заметки о неопубликованном архиве харбинского поэта Н.А. Щеголева // сб. научн. тр. к 75-летию В.В. Агеносова. – М., 2017. С. 146–161.
11. Забияко А.А., Зиненко Я.В., Чжан Жуан. Беседы с русской харбинкой: Любовь Николаевна Ли // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12: Русская эмиграция в Китае: опыт исхода / под ред. А.А. Забияко, А.П. Забияко; пер. на кит.: Чжоу Синьюй, англ.: О.Е. Цмыкал. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2018. С. 236–258.
13. Зиненко Я.В. «Зейские» китайцы: проблема сохранения этничности и этнической идентификации китайских потомков в России // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12. Русская эмиграция в Китае: опыт исхода / под ред. А.А. Забияко, А.П. Забияко; пер. на кит.: Чжоу Синьюй, англ.: О.Е. Цмыкал. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2018. С. 214–219.
14. Русский Харбин, запечатленный в слове: сб. науч. тр. / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Вып. 1–7. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2006–2017.
15. Россия и Китай на дальневосточных рубежах: сб. науч. тр. / под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Вып. 1–12. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 1999–2018.
16. «Русские и китайцы: истории приграничной жизни». Цикл научно-популярных фильмов (АмГУ – Амурифо, 2016). Реж. Н. Овсичук, авт. сцена-

рия: А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева. URL: <http://video.amur.info/news/2016/07/2...>; <https://www.facebook.com/echo.blag101.5/posts/1737825546485467>; Радиопрограммы «Амурские волны: Русские и китайцы в условиях дальневосточного фронта» <http://www.amur.info/audios/4741/4741.mp3> Архив «Эха» – <http://www.amur.info/audio> Прямой эфир– <http://online.domradio.fm/>

17. «"Модерн ": живая душа старого Харбина». Научно-популярный фильм (АмГУ–ООО Корпорация «Модерн», 2017). реж.: Н. Овсийчук, авт. сценария: А.А. Забияко.

18. <http://www.meipian.cn/>; https://mail.yandex.ru/message_
http://tjctfs.ftn.qq.com/ftn_handler/; <http://www.vesti.ru/>; Харбинская ежедневная газета. 哈尔滨日报. 10.07. 2017. С. 1.

19. Цзюй Вэй, Цзюй Куньи. Наследие русской и китайской истории (итоги международной выставки «"Модерн": живая душа старого Харбина», Харбин, 2017) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12: Русская эмиграция в Китае: опыт исхода / под ред. А.А. Забияко, А.П. Забияко; пер. на кит.: Чжоу Синьюй, англ.: О.Е. Цмыкал. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2018. С. 118–124.

20. Забияко А.А. Круглый стол «Проблемы изучения, распространения, популяризации русского языка, русской литературы, культуры, истории, образования и науки в Китае» (Пекин, КНР) // Традиционная культура. Научный альманах. 2018. № 4. С. 164–170.

21. Шлямова Н. Анна Забияко: Русскому Харбину помогут туристы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.amur.info>. 30 июня 2018.

22. Научный музей Амурского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: <https://museum.amursu.ru/>

23. Сайт Ассоциации исследователей Русского зарубежья в АТР [Электронный ресурс]. URL: www.artstudy.amursu.ru

НАШИ АВТОРЫ

Анташкевич Евгений Михайлович – член Союза писателей России, автор романов «Харбин» и «33 рассказа о китайском полицейском поручике Сорокине», г. Москва; *e-mail: antash179@yandex.ru*.

Баранникова Наталья Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и юриспруденции ФГБОУ ВО «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет», г. Комсомольск-на-Амуре; *e-mail: barannikova75@mail.ru*.

Бельчич Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, Институт истории, естествознания и техники имени С.И. Вавилова, г. Москва; *e-mail: zaob5@mail.ru*.

Буяков Алексей Михайлович – председатель Приморского краевого отделения Русского географического общества – Общества изучения Амурского края, г. Владивосток; *e-mail: oiak@bk.ru*.

Врадий Сергей Юрьевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН «Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН», г. Владивосток; *e-mail: vradis@yandex.ru*.

Галлямова Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН», г. Владивосток; *e-mail: ludagal@mail.ru*.

Давыдов Остап Михайлович – сотрудник информационно-издательского отдела Челябинской епархии, г. Челябинск; *e-mail: Ostap.Davydov@mail.ru*.

Дин Сян – аспирантка кафедры философии и культурологии Востока, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург; *e-mail: elina1847@gmail.com*.

Еремин Сергей Юрьевич – руководитель исторической секции Русского Клуба в Харбине, член ПКОО ВОО «РГО» – ОИАК, г. Харбин, КНР; *e-mail: es200660@mail.ru*.

Забияко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой религиоведения и истории, главный научный сотрудник Лаборатории археологии и антропологии Амурского государственного университета, г. Благовещенск; *e-mail: sciencia@yandex.ru*.

Забияко Анна Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник «Центра изучения дальневосточной эмиграции», заведующий кафедрой литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета, г. Благовещенск; *e-mail: sciencia@yandex.ru*.

Зиненко Яна Викторовна – магистр, аспирант кафедры религиоведения и истории Амурского государственного университета, г. Благовещенск; *e-mail: yasya11111@mail.ru*.

Зуенко Иван Юрьевич – научный сотрудник ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН», г. Владивосток; *e-mail: ivanzuwei@gmail.com*.

Капинос Елена Владимировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт филологии СО РАН (ИФЛ СО РАН)», г. Новосибирск; *e-mail: dzerv@mail.ru.*

Капран Инесса Константиновна – кандидат исторических наук, преподаватель КГА ПОУ «Энергетический колледж», председатель секции Дальневосточный информационно-культурный центр «Русское Зарубежье» Приморского краевого отделения Российского географического общества – Общества изучения Амурского края, г. Владивосток; *e-mail: kapran@mail.ru.*

Киричков Игорь Владимирович – архитектор, аспирант Сибирского федерального университета (Kirichkov Igor, architect, PhD student of Siberian Federal University), докторант Харбинского политехнического института, г. Харбин, *e-mail: kiri4kov@mail.ru.*

Кондалева Евгения Александровна – старший преподаватель кафедры религиоведения и истории, младший научный сотрудник Лаборатории археологии и антропологии Амурского государственного университета, г. Благовещенск; *e-mail: narbeleth@bk.ru.*

Кравцов Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, куратор Издательского проекта «ЧтецЪ», г. Сидней, Австралия; *e-mail: kravtsov@4tets.ru.*

Краснова Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры речевой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург; *e-mail: taikrasnova@yandex.ru.*

Куликова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения, Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск; *e-mail: kulis@mail.ru.*

Курто Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва; *e-mail: olga.kurto@gmail.com.*

Кушнарченко Марина Сергеевна – председатель Русского клуба в Харбине, г. Харбин, КНР; *e-mail: rus.harbin@yandex.ru.*

Ларкина Людмила Леонидовна – создатель и главный редактор журнала «Австралийская лампада» и литературно-музыкального салона «Лампада»; поэт, писатель, журналист, исследователь русской эмиграции в Австралии; член Союза Писателей России; член Международной Гильдии Писателей; член Ассоциации Австралийских Авторов; член Приморского краевого отделения Русского географического общества, г. Брисбен, Австралия; *e-mail: liudmilalarkin@gmail.com.*

Литаврина Марина Геннадиевна – доктор исторических наук, профессор Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва; *e-mail: culture@hist.msu.ru.*

Ли Яньлин – кавалер Ордена Дружбы РФ, профессор Цицикарского университета КНР, иностранный член Российской академии наук, член Союза писателей России, г. Харбин, КНР; *e-mail: sergeili315@163.com.*

Ли Лян – независимый исследователь культуры Русской эмиграции, директор музея писем Русской эмиграции в Харбине, государственный эксперт европейской кухни, г. Харбин, КНР; *e-mail: lilianglil@yeah.net.*

Лю Цуньин – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы Института государственного управления Хэйлуцзянской университет, г. Харбин, КНР; *e-mail: liunina2003@mail.ru, liucongying2004@163.com.*

Лю Ши – магистр, аспирант кафедры литературы и мировой художественной Амурского государственного университета, г. Благовещенск; *e-mail: 228349909@qq.com.*

Нагорных Ольга Станиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета, г. Нижний Новгород; *e-mail: aldan12@yandex.ru*.

Петров Алексей Викторович – кандидат политических наук, доцент, президент Иркутской городской общественной организации «Клуб молодых ученых “Альянс”», г. Иркутск; *e-mail: Alexey1975irk@gmail.com*.

Подалко Пётр Эдуардович – профессор, доктор наук (лингвокультурология), Университет Аояма Гакуин, г. Аояма, Япония; *e-mail: podalko@sipeb.aoyama.ac.jp*.

Родионова Ксения Игоревна – аспирантка Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ, член ПКО ВОО «РГО» – ОИАК, г. Владивосток; *e-mail: rodionovadvfu@gmail.com*.

Сенина Екатерина Владимировна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета, г. Благовещенск; *e-mail: katya-senina@mail.ru*.

Сердюк Мария Борисовна – доктор исторических наук, профессор Департамента искусств и дизайна Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ, член ПКО ВОО «РГО» – ОИАК, г. Владивосток; *e-mail: userdyuk@mail.ru*.

Скорородова Светлана Игоревна – доктор филологических наук, доцент; профессор ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва; *e-mail: svetloyar.skorokhodova@yandex.ru*.

Фэн Ишань – магистр, аспирант кафедры литературы и мировой художественной Амурского государственного университета, г. Благовещенск; *e-mail: 1024495050@qq.com*.

Хадынская Александра Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и переводоведения Сургутского государственного университета, г. Сургут; *e-mail: opus2000@mail.ru*.

Цзюй Вэй – член Постоянного Комитета Всекитайского Собрания народных представителей, г. Харбин. КНР.

Цзюй Куньи – магистр филологии, аспирант кафедры литературы и мировой художественной Амурского государственного университета, г. Благовещенск; *e-mail: j_kueen@aliyun.com*.

Цмыкал Ольга Евгеньевна – магистр филологии, аспирант, ассистент кафедры литературы и мировой художественной Амурского государственного университета, г. Благовещенск; *e-mail: olgatsmykal@yandex.ru*.

Чжан Жюан – магистр филологии, аспирант кафедры литературы и мировой художественной Амурского государственного университета, г. Благовещенск; *e-mail: 358860148@qq.com*.

Чжоу Синьюй – магистр филологии, аспирант кафедры литературы и мировой художественной Амурского государственного университета, г. Благовещенск; *e-mail: 927220094@qq.com*.

Эфендиева Галина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета, г. Благовещенск; *e-mail: galina.efendiyeva@gmail.com*.

Яроцкая Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток; *e-mail: ulita6@yandex.ru*.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ АВТОРОВ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

李延龄

(俄罗斯联邦友谊勋章获得者，俄罗斯科学院外籍院士，中国俄语教育杰出贡献奖获得者，阿穆尔州作家协会副主席，中国多所大学教授)

论中国俄罗斯侨民文学

简介：作者强调，中东铁路是俄中合资企业。恰恰是中东铁路成为哈尔滨俄罗斯侨民出现和存在的经济基础。这些侨民创造了中国俄罗斯侨民文学与文化。本文旨在评价中国俄罗斯侨民文学与文化的价值，阐述作者关于哈尔滨白银时代与哈尔滨批判现实主义的理论。

关键词：中东路，哈尔滨，俄罗斯侨民，哈尔滨白银时代，哈尔滨批判现实主义

12

安塔什克维奇·叶甫根尼·米哈伊洛维奇

(俄罗斯作家联盟会员，小说《哈尔滨》和《关于中国警察中尉索罗金的 33 个故事》的作者)

中国的神秘之都哈尔滨

简介：E. M. 安塔克维奇是一位作家，其作品致力于初始哈尔滨的研究，致力于俄侨文化鼎盛时期的研究，致力于俄罗斯侨民所处复杂的政治、社会、经济环境的研究。在他的文章中，作者写到了在过去及在现实生活中真实与虚拟如何交织在一起。哈尔滨城市的独特建筑风格在中国当局的努力之下保存完好，至今仍然让人们可以感受到俄罗斯精神，也使哈尔滨人民生活在一个特殊的氛围中。

关键词：哈尔滨，俄罗斯，中国，中东铁路，俄罗斯人，外籍人士，俄罗斯精神

16

库什纳连科· 玛丽娜· 谢尔盖耶夫娜

(哈尔滨俄侨协会会长, 2003 年至今居住于哈尔滨)

关于哈尔滨俄侨协会

简介: 这篇文章讲述了哈尔滨俄侨协会是如何建立的, 以及它的活动方向。

关键词: 哈尔滨俄侨协会、哈尔滨现代俄罗斯人、俄罗斯人在哈尔滨的社交、M.C.库什娜连科。

.....21

巴兰尼科娃· 娜塔莉亚· 瓦列里耶夫娜

(阿穆尔河畔共青城, 阿穆尔国立人文师范大学, 历史学与法学教研室副教授)

1924-1931 年的满洲形势 (依据哈尔滨的期刊)

简述: 文章根据期刊出版物, 这些期刊主要描述了哈尔滨俄罗斯人生活中的重要时期, 即从 1924 至 1931 年中东铁路路权转让为止。

关键词: 中东铁路、路权、《曙光》、《喉舌》、侨民、中国政府、政治法关系。

.....32

弗拉迪· 谢尔盖· 尤里耶维奇

(俄罗斯科学院远东分院历史学、考古学与远东民族志研究所, 历史学副博士, 符拉迪沃斯托克)

中东铁路对俄罗斯远东地区和中国东北经济发展的作用

简述: 本文简要分析了中东铁路的建设对 19 世纪末至 20 世纪初俄罗斯远东地区和中国东北地区政治和经济发展的影响。

关键词: 俄罗斯、中国、中东铁路、满洲。

.....37

加利亚莫娃·柳德米拉·伊万诺夫娜

(俄罗斯社科院远东分院历史学、考古学与远东民族志研究所，历史学博士、教授、主任研究员。符拉迪沃斯托克)

中东铁路 — 中国东北地区社会文化发展的一个推动因素

简述：文章分析了中东铁路对东北地区社会文化发展的意义。文章介绍了中东铁路在医疗保健系统发展中的作用、医务人员在与急性流行病的无私斗争中为保护俄罗斯和中国居民健康所开展的活动。本文重点关注了中东铁路在公共教育系统方面，为满洲俄罗斯人及中国青少年所做的工作。

关键词：俄罗斯，中东铁路、中国东北、卫生保健、公共教育。

.....43

谢尔久克·玛莉亚·鲍里索夫娜

(远东联邦大学，历史学博士，教授)

中东铁路的货币：图书纲要

简述：1918年，俄罗斯亚洲银行发行了一系列钞票以确保中东铁路的运作。本文通过俄语书目的形式，对这些货币的研究进行了概括。

关键词：中东铁路、俄罗斯亚洲银行、货币流通、纸币研究、书目。

.....52

第二章. 俄罗斯侨民东部分支的社会、政治和经济问题

祖恩科·伊万·尤里耶维奇

(俄罗斯社科院远东分院历史学、考古学与远东民族志研究所。符拉迪沃斯托克)

中国的俄语地名（黑龙江省和内蒙古自治区）

简述: 本文取材于相关的汉语资料(黑龙江省民政文件), 这些资料是关于中国的俄语地名及其在 1960 - 1970 年代“文化大革命”期间的重新命名。在对中俄资料进行比较分析的基础上, 笔者对地名语料库进行了重构, 并将其结果展示在文章中。

关键词: 地名、满洲、三河流域、黑龙江、俄罗斯边境、历史记忆。

.....59

卡普兰·伊涅萨·康斯坦丁诺夫娜

(“俄罗斯边疆”文化事务中心。历史学副博士, 国立区域自治专业教育机构“能源学院”讲师, 俄罗斯地理协会滨海边疆区分会阿穆尔地区研究会主席。符拉迪沃斯托克)

20 世纪 30-40 年代哈尔滨俄侨的生活状况

简述: 文章以对生活条件的分析为基础, 介绍了 20 世纪 30-40 年代哈尔滨俄侨的日常生活: 住房、餐饮、衣着和社会适应。

关键词: 俄侨、移民、日常生活、生活条件、社会适应。

.....68

克拉斯诺娃·塔季扬娜·伊万诺夫娜

(圣彼得堡国立大学语言交际教研室, 语言学博士、副教授。圣彼得堡。)

俄罗斯革命时期的满洲移民

简述: 本文概括了哈尔滨报纸中与俄罗斯革命事件有关的短篇报道, 并统计了它们的读者数量。文章重点分析了出版物对布尔什维克主义的态度, 以及这些出版物的特点, 即它们与社会心理、与哈尔滨俄侨问题相一致的若干特点。

关键词: 哈尔滨报纸、反布尔什维克主义、地方色彩、修饰方法和题材。

.....74

库尔塔·奥莉加·伊格列夫娜

(历史学副博士、研究员，俄罗斯科学院米克卢霍·马克拉亚民族学与人类学研究院。
莫斯科。)

中国边境城市在俄罗斯侨民适应中国生活过程中的作用

简述：本文阐述了迄今尚未充分研究的、有关俄罗斯侨民团体方面的课题。作者介绍了自己在实地研究中收集的、尚未发表的资料，并且对文献资料进行了分析。通过对连云港和众多其它中国城市俄罗斯团体的比较，作者特别阐明了现代俄罗斯人对另一种文化环境的适应能力。

关键词：俄罗斯人，俄罗斯人团体，散居在境外的人、满洲、中东铁路、在华俄侨。

.....80

拉尔金娜·柳德米拉·莱昂尼朵夫娜

(《澳大利亚长明灯》杂志和《长明灯》文学音乐沙龙创立者和主编;诗人，作家，记者，澳大利亚俄侨研究员;俄罗斯作家协会会员;国际作家协会会员，意大利作家协会会员;俄罗斯地理学会滨海边疆区分会会员。大利亚布里斯班)

《澳大利亚长明灯》杂志与文学音乐沙龙的历史

简述：本文致力于介绍《澳大利亚长明灯》(澳大利亚)俄罗斯侨民期刊和“澳大利亚长明灯”文学音乐沙龙的诞生、活动和现状。文学音乐沙龙的成员们重点关注旨在保留俄罗斯文化的工程。作者尤其关注了《澳大利亚长明灯》期刊在第五大洲对保留和传播俄罗斯文化所起的作用，以及该杂志编辑委员会与澳大利亚东正教教区的联系和在澳大利亚开办的第一个俄罗斯博物馆这一项目。

关键词：移民、杂志、俄罗斯文化、东正教教区、创意晚会、竞赛、俄语。

.....88

刘聪颖

(心理学副博士, 副教授, 政府管理学院社会工作教研室, 黑龙江大学)

哈尔滨俄侨的文化适应之路

简述: 本文探讨了二十世纪哈尔滨俄侨的文化适应过程。作者根据著名心理学家贝瑞的文化理论分析了当时俄罗斯移民的生活状态, 得出结论: 在适应中国文化的过程中, 俄罗斯移民采用了三种策略: 分离、同化、整合。

关键词: 俄侨、分离、同化、整合。

.....97

李良

(自由研究者, 收藏家, 哈尔滨私人历史档案持有者)

二十世纪上半页哈尔滨欧洲食品工业和公共食品发展史简述

简述: 本文简要概述了二十世纪上半叶哈尔滨欧式饮食文化、食品加工业和餐饮业: 首先是“俄罗斯菜”的形成与发展。基于各种档案资料和历史出版物的综合, 本文还引入以前未发表过的数据资料。

关键词: 哈尔滨、俄侨、欧洲食品工业、欧洲饮食文化、餐饮业。

..... 101

纳戈尔内赫·奥莉加·斯坦尼斯拉夫娜

(伏尔加河畔医科大学社会学与人文学教研室, 历史学副博士、副教授。下诺夫哥罗德)

十九世纪中国的俄罗斯医生: 两种文化间的医学对话

简述: 在历史回顾中, 医学被认为是 19 世纪俄中关系体系形成的主要因素之一。这个问题在历史学和医学史上都没有得到充分的研究。十九世纪俄罗斯医生在中国的活动成为两国互动的方向之一, 为未来的跨文化对话奠定了基础。

关键词: 医学史、科学史、历史渊源、俄中关系、外交、俄罗斯人在北京的精神使命、学术交流。

..... 109

第三章. 俄罗斯移民东部分支的信仰和文化生活

别里契奇·尤利娅·维克多罗夫娜

(俄罗斯科学院瓦维洛夫自然历史与技术研究院, 莫斯科)

杰出的俄罗斯远东和北满地区地质和矿产资源研究家 Э. Э. 阿

涅尔特教授 (1865-1946)

简述: 本文讲述了采矿工程师、地质学家 Э.Э.阿涅尔特 (1865-1946) 在俄罗斯和北满地区生活、工作、研究和社会活动的主要阶段。

关键词: Э.Э. 阿涅尔特教授、俄罗斯地质勘探协会、满洲、П.Т.де.夏尔丹、哈尔滨廖里赫条约委员会, 侨民。

..... 115

丁香

(哲学和东方文化教研室博士研究生, 圣彼得堡国立大学, 圣彼得堡)

哈尔滨俄罗斯建筑学与文化的丰碑

简述: 本文分析了哈尔滨 (现黑龙江省行政中心) 俄罗斯建筑学和文化经验。作者将俄罗斯帝国和苏联建筑艺术的具体作品作为历史和文化现象进行考察, 一方面可以追溯俄罗斯文化在中国传播的方式, 另一方面可以追溯当地人对“俄罗斯风格”的看法。

关键词: 中国、哈尔滨、建筑、城市景观、建筑的文化内涵、建筑风格、俄罗斯风格的建筑古迹、俄罗斯形象。

..... 122

叶廖明·谢尔盖·尤里耶维奇

(自 2005 年为哈尔滨俄侨协会历史部门负责人和圣母教区居民)

哈尔滨圣母教堂历史

简述: 本文介绍了如今哈尔滨为数不多保存下来的、且唯一仍在运作的东正教教堂的历史, 即圣母帡幪教堂。本文在综合各种信息来源和文献资料的基础上, 介绍了作者在自己研究过程中获得的之前还未发表的材料。

关键词: 教堂、东正教、东正教教会社区、教堂建筑者、牧师、哈尔滨俄侨。

..... 131

基里奇科夫·伊格里·弗拉基米罗维奇

(建筑师, 西伯利亚联邦大学博士研究生。新西伯利亚)

哈尔滨皇山公墓东正教教区重新修复工程

简述: 俄罗斯和中国政府越来越关注在中国的东正教纪念碑修复工作。哈尔滨皇山公墓的东正教教区是中国唯一仍在使用的东正教墓地。墓地的修复工程采取了一种创新的途径, 即每个想要永久纪念亲属的人都可以安置纪念碑。境外东正教纪念碑的修复有其自身的问题和特殊性, 因为直到最近(二十世纪中叶)在中国仍然不提倡建立墓地, 建设墓地仍然是很特殊的, 并且中国人对待宗教问题持有十分谨慎的态度。这项研究基于哈尔滨居民的记忆、埋葬地点的实地考察、历史文献和档案文件等等。预计, 皇山墓地的复原部分将成为中国唯一的民间东正教墓地, 俄侨后代将能够来此纪念他们的亲人。

关键词: 东正教皇山墓地、哈尔滨、修复工程、环境改善、古迹修复、中国建筑学。

..... 144

利达弗琳娜·玛琳娜·根纳季耶夫娜

(莫斯科莱蒙诺索夫国立大学, 莫斯科)

我们行驶在哈尔滨中东铁路上(1909年女演员В. Ф. 科米萨尔热夫斯卡娅的哈尔滨巡演)

简述: 本文讲述了俄罗斯著名女演员薇拉·费德洛夫娜·科米萨尔热夫斯基卡娅远东巡演的历史, 特别是她在哈尔滨的巡回演出。

关键词: 巡演、戏剧、女演员、远东巡演、戏剧生活、俄罗斯。

..... 152

彼得罗夫·阿列克谢·维克多罗维奇

(伊尔库茨克市“‘联盟’青年学者俱乐部”, 政治学副博士、副教授。伊尔库斯克。)

建筑师弗拉基米尔·拉斯林-从伊尔库茨克到哈尔滨的漫长道路

简述: 文章讨论了伊尔库茨克和哈尔滨市总建筑师 B. A. 拉斯林人生中的重要阶段。生于伊尔库茨克, 在圣彼得堡接受到出色的教育, 28 岁成为州府的首席建筑师。在市杜马领袖 B. П. 苏卡切夫任市长期间, 因积极工作而闻名。他在切列姆霍沃拥有煤矿。曾留下了巨大的建筑学遗产。他不认同苏维埃政权, 因而去了哈尔滨, 在那里建造房屋、改造公园、在当地报纸上刊登作品, 并逝世于此。建筑师 B. A. 拉斯林被认为是罕见的重要专家。在伊尔库茨克地区人们为他建了两座纪念碑, 但他在中国的足迹还没有得到足够的研究。

关键词: 拉斯林、建筑学、伊尔库斯克、哈尔滨。

..... 162

克谢尼娅·伊戈列夫娜·罗迪奥诺娃

(远东联邦大学历史考古部, 博士研究生。符拉迪沃斯托克。)

中国东北地区的天主教徒 (20 世纪上半叶): 参考书目

简述: 本文阐述了移民时期在中国东北地区, 特别是哈尔滨开展活动的天主教团体的历史。它包含了国内的史料和外国研究人员的工作成果, 涵盖了天主教团体的拉丁和拜占庭 - 斯拉夫仪式的历史。

关键词: 哈尔滨俄侨、哈尔滨天主教徒、满洲、移民、天主教、东仪天主教徒。

..... 166

斯科罗霍多娃·斯维特兰娜·伊戈列夫娜

(莫斯科国立师范大学, 语言学博士, 副教授。莫斯科)

上海的精神思想家约翰(马克西莫维奇): 南斯拉夫王国的俄罗

斯移民哲学及其与旅华俄侨的哲学思想间的相互影响

这项工作获得了俄罗斯基础研究基金会的支持, 项目编号 18-011-00554 “南斯拉夫王国的俄罗斯移民哲学及其与 20 世纪 20 至 40 年代旅华、旅日俄侨哲学思想的相互影响”。

简述: 本文讨论了著名俄侨圣徒之一——上海约翰的一些观点。以南斯拉夫王国白人移民工作中的主权问题为例, 阐明了境外俄罗斯人在世界各地的团结一致。据称约翰神父呼吁通过对背叛和弑君的忏悔进行精神重建, 因为他只在这条途径上看到了俄罗斯复兴的可能。应着重指出的是, 上海约翰对俄罗斯移民现象中最高精神提升和彻底的道德沦丧持模棱两可的态度。结论是, 主教最高的创造是他的事业, 他作为牧师的职责, 即使在圣者死后, 依旧能唤起生活在各地的人们精神要求。

关键词: 上海的约翰、俄侨、南斯拉夫王国、上海、哈尔滨、卡尔洛瓦茨教会、神圣罗斯、生命、死亡、精神修复。

172

第四章. 远东俄侨: 文学、出版物、回忆录、民俗

波达尔科·彼得·爱德华多维奇

(日本大阪大学, 国际关系教研室教授, 哲学博士, 语言与文化专业博士, 国际政治、经济与传媒学院。日本东京)

侨民回忆录。俄侨“东部分支”题材的特点: 以帕维尔·瓦斯科

维奇为例

简述: 本文论述了回忆录这一文学风格的特点适用于俄罗斯革命后的移民回忆录, 将此类移民回忆录的特点与大部分回忆录加以区分。作者将更多的关注放在俄罗斯学者、外交官 П.Г. 瓦斯科维奇上, 他是俄罗斯第一位获得专业证书的日本学家, 自 1903 年至 1925 年在远东不同的国家工作, 俄国革命后侨居在中国大连, 后来搬到了日本。通过这个事例, 作者试图研究移民回忆录相较于其他题材回忆录的特点。

关键词: 移民、外交和国家职务、回忆录。

180

雅罗茨卡娅 · 尤利娅 · 亚历山大洛夫娜

(远东联邦大学, 语言学副博士, 俄语语言文学系副教授。符拉迪沃斯托克)

哈尔滨的童年与少年记忆中的俄罗斯文化与艺术

简述: 在本文中, 我们选中了两位女士的回忆, 哈尔滨是她们早年生活过的地方: М.Е.季托娃·沙拉莫娃 (1924-1995) 和 Н.И.伊琳娜 (1914-1994)。我们感兴趣的是, 围绕着城市有哪些文化记忆留存了下来, 有什么样的艺术形式渗入了她们的生活, 以及比较回忆者对文化环境和哈尔滨俄侨艺术的记忆与 В.К. 阿尔谢尼耶夫 (1872-1930)或在那里漂泊的 М.М. 普里希文 (1873-1954)对于生活印象之间有哪些相互联系。

关键词: 哈尔滨、俄罗斯传统、家庭、住宅、移民、俄罗斯艺术、欧洲艺。

..... 191

鞠伟

(中国人大哈尔滨市常务委员会委员)

鞠坤依

(阿穆尔州国立大学, 文学与世界艺术文化教研室博士研究生。布拉戈维申斯克)

扎比亚科·安娜·安纳托利耶夫娜

(语言学博士, “远东移民研究中心” 主任研究员, “文学与世界艺术文化” 教研室主任。阿穆尔国立大学)

远东移民记忆中的哈尔滨历史: 回忆录 VS , 口述记忆。

简述: 以口述历史作为主要的研究材料 - 前远东俄侨关于中国和哈尔滨生活的回忆录。采访资料源于 2015-2018 年在布拉戈维申斯克、莫斯科、圣彼得堡、哈尔滨、北京的实地调查。

关键词: 哈尔滨俄侨、远东移民、神话化的历史、口述历史、口述记忆、回忆录、流派创意、采访、俄罗斯哈尔滨人。

..... 200

刘石

(“文学与世界艺术文化”教研室博士研究生, 阿穆尔国立大学, 布拉戈维申斯克)

中国学者评价中的俄罗斯移民文化与文学

摘要: 本文分析了二十一世纪初中国学者对远东移民文化和文学的研究。作者详细介绍了3位移民学学者: 李延龄、李英男、李萌。作者通过这些作品, 确定了远东俄侨文化与文学的价值观; 为俄罗斯作家与中国诗人揭示了艺术感受的特性; 对哈尔滨和20世纪上半叶的中东铁路沿线地区的俄中关系给出了当代的评价。

关键词: 中东铁路、移民、哈尔滨俄侨、俄罗斯移民文化、俄罗斯移民文学
..... 214

周欣宇

(“文学与世界艺术文化”教研室博士研究生, 阿穆尔国立大学, 布拉戈维申斯克)

作家、汉学家 П. В. 施库尔金著作中的中国民间传说

简述: 本文展示了俄罗斯学者、作家、远东俄侨 П.В.施库尔金收集到的中国东北的民间传说。施库尔金展示了上个世纪初远东地区和中国东北居民的精神世界。另一方面, 施库尔金填补了对远东边境地区研究的空白。

关键词: П.В.施库尔金、民间传说、民间传说的由来、《中国传说》、传说、汉族传说、民间戏剧、满族传说。

..... 220

谢妮娜·叶卡捷琳娜·弗拉基米洛夫娜

(语言学副博士, “文学与世界艺术文化”教研室, 阿穆尔国立大学)

远东移民著作中对中国文化的跨文化接受

简述: 本文研究了远东俄侨作家跨文化地接受中国、中国人、中国文化的方法: 翻译、模仿、仿造、对中国古典文本的重新定义、俄罗斯和中国文学传统体裁的综合、混搭。本文特别关注了 Г. 科丘洛夫 и В. А.卡查洛夫斯基尚未被深入研究的作品。

关键词: 远东移民文学、上海俄罗斯文学、哈尔滨俄罗斯文学、艺术感知形象、跨文化接受、翻译、模仿、混搭。

..... 228

冯轶珊

(“文学与世界艺术文化” 教研室博士研究生, 阿穆尔国立大学, 布拉戈维申斯克)

A. A. 阿恰伊尔抒情诗中祖国的形象

简述: 本文阐述了阿恰伊尔诗歌中祖国的形象。阿恰伊尔通过各种情节、主题体现了祖国的形象, 思乡、告别祖国、归国、关于祖国的回忆等等。关于祖国的主题对于失去俄罗斯的诗人来说非常重要, 他可以通过这种方式来保留自己的文化记忆。

关键词: 祖国、祖国的形象、移民文学、阿列克谢·阿恰伊尔、抒情诗、世界语言图景、世界民族图景。

..... 242

卡比诺斯·叶莲娜·弗拉迪米洛夫娜

(俄罗斯科学院西伯利亚分院语言研究所文学研究部, 语言学博士, 主任研究员。新西伯利亚。)

库利科娃·叶莲娜·尤里耶夫娜

(俄罗斯科学院西伯利亚分院语言研究所文学研究部, 语言学博士, 主任研究员。新西伯利亚。)

瓦列里·佩列列申《没有主题的诗》的高峰派背景

简述: 本文论述了佩列列申《没有主题的诗》的高峰派潜台词。高峰派普遍对“丘拉耶夫卡”和哈尔滨的俄国诗人具有独特的影响, 他们排斥譬如苏维埃的前卫派文化。对 H.古米廖夫和 Г.阿达莫维奇的崇拜是佩列列申周围诗人的特点, 但是 M.库兹明的双重性格, 回声、镜子等主题和 A.阿赫马托娃对佩列列申的影响更大。阿赫马托娃《没有主人公的诗》的标题和关于格列波娃形象的情节对《没有主题的诗》起到了影响作用。此外, 佩列列申带有东方色调的“无客体”主题也被高峰派哲学所模仿。

关键词: 高峰派、M.库兹明、双重性格、对 H.古米廖夫的崇拜、“丘拉耶夫卡”、B.佩列列申的《没有主题的诗》、A.阿赫马托娃的《没有主人公的诗》。

..... 251

哈登斯卡娅·亚历珊德拉·安纳托利耶夫娜

(苏尔古特国立大学,语言学与翻译学教研室,语言学副博士,副教授。)

拉丽莎·安德森的诗歌神话

简述: 本文阐述了拉丽莎·安德森的诗意世界,她是中国俄罗斯侨民女诗人。侨民主题的作品普遍显露出了高峰派的抒情和神话般的象征意义。在深层的诗歌主题上也显露了H.古米廖夫观点的影响。

关键词: 拉丽莎·安德森、俄罗斯第一波侨民潮的诗歌、俄罗斯移民的东部分支、神话主义、诗意的世界、高峰派的传统。

..... 260

茨梅卡尔·奥莉加·叶夫根尼耶夫娜

(阿穆尔国立大学,“文学与世界艺术文化”教研室,博士研究生。)

拉里莎·安德森创作遗产研究的文献学问题

简述: 本文在文献学角度阐述了对拉里莎·安德森作品的研究,拉里莎·安德森是著名的杰出远东侨民女诗人。本文作者分析了拉里莎·安德森诗歌选集《沿着草地》的两个版本,第一个版本于1940年在上海出版,第二个版本于2006年在莫斯科出版(选集《独自在桥上》,出版社为“俄罗斯之路”)。通过若干诗句可以分析出,诗人的心理和哲学主导思想在整理选集《独自在桥上》的过程中出现了本质的变化。作者还提出了所谓的“作者的意愿”的问题。

关键词: 哈尔滨俄侨、远东移民文学、文献学、作者的意愿、校订、诗集。

..... 269

克拉夫佐夫·安德烈·尼古拉耶维奇

(语言学副博士,«Чтець»出版项目管理者)

《边界》杂志最受爱戴的作者们:洛维奇等

简述: 在中国的众多俄罗斯期刊中,《边界》(1926-1945)杂志占据了一个特殊的地方。不同的作者在该刊物上发表自己的文学作品,但有些作者发表得最为频繁。

关键词: 《边界》、洛维奇、在华俄侨、期刊、远东。

..... 276

达维多夫·奥斯塔普·米哈伊洛维奇

(俄罗斯东正教车里雅宾斯克教区出版部)

从乌拉尔到哈尔滨：“地域诗歌”边境的交叉路口

简述：我们认为乌拉尔文学和哈尔滨俄侨文学的相互联系是地缘上的特殊现象。

关键词：地理边界、哈尔滨俄侨、乌拉尔文学、帕维尔·谢韦内内。

..... 283

埃芬季耶娃·加林娜·弗拉基米罗夫娜

(阿穆尔国立大学，文学和世界艺术文化教研室，副教授、语言学副博士。)

《满洲的处女地》：哈尔滨作家作品中的 ТООГЕН

简述：本文致力于 20 世纪 40 年代哈尔滨俄罗斯侨民在北满地区开拓农垦区的历史。搬迁到 ТООГЕН (众多农垦区之一) 的主题雨后春笋版出现在地方杂志中。在文学中也可以找到丛林和林区的城镇、自然界、大地和繁重劳动对人们性格和生活的影响。(在 Б. 尤里斯基、А. 涅斯梅洛夫等作家的故事中)。

关键词：民族文化，北满，哈尔滨俄侨，日本的侵占，满洲国，迁徙，移民区域，ТООГЕН，《边境》，艺术民族学。

..... 290

季年科·亚娜·维克多罗夫娜

(宗教学和历史学教研室博士研究生，阿穆尔国立大学)

哈尔滨俄侨庆祝主显节：目击者的简述

简述：本文简要介绍了 20 世纪 30 年代至 40 年代出版于哈尔滨的《边境》杂志，该杂志致力于东正教的节日。本文摘录了《边境》杂志中记叙主显节的文章。

关键字：东正教节日，东正教，哈尔滨俄侨，杂志，中国

..... 296

甘达列娃·叶夫根尼娅·亚历山大洛夫娜

(阿穆尔国立大学, 宗教学和历史学教研室, 高级讲师。阿穆尔国立大学。)

哈尔滨俄侨文化中的宗教合一

简述: 作者提出了俄罗斯侨民东部分支中神秘主义和对神秘主义认知的问题。远东地区的状况决定了远东侨民思想多方向发展的趋势。一方面, 它推动了加强与东正教和东正教文化之间关系的趋势; 另一方面, 它导致了对神秘主义、魔法和招魂术的兴趣。研究的材料取自杂志《边界》(1926-1945) — 远东移民中最流行的出版物。在出版物《边界》中可以发现对不同表现形式的超自然现象的普遍兴趣: 招魂、预见、占卜和通灵、神智学团体的建立, 以及俄罗斯流亡者对其所处的社会政治动荡有规律的反应。

关键词: 神秘主义, 神秘论, 混合主义, 移民, 俄罗斯移民, 哈尔滨, 《边境》杂志。

..... 306

扎比亚科·安德烈·巴甫洛维奇

(阿穆尔国立大学, 宗教学和历史学教研室, 教授、博士)

扎比亚科·安娜·安纳托利耶夫娜

(语言学博士, 阿穆尔国立大学“文学与世界艺术文化教研室”主任)

三河地区俄罗斯族民俗的流传: 性别方向(中国)

简述: 本文分析了三河地区俄罗斯族民俗中的性别因素。三河地区的俄罗斯族居民 — 一个特殊的、地区性的群体。三河地区位于中国东北, 与俄罗斯外贝加尔地区毗邻, 是历史和民族学上的一个独特的地区。历史上形成的、三河地区主要民族的性别结构为俄罗斯人与中国人的通婚和不同种族组成的居民团体的形成提供了条件。由于三河地区的俄罗斯族人的文化水平不高, 且与俄罗斯之间没有直接的接触, 所以在最近十年中俄罗斯文化基本上是靠民俗的方式来传承和保留的。女性在俄罗斯文化的保留和跨民族婚姻后代的民族认定上起了决定性的作用。“女性”和“男性”在民俗作品中的主题和风格有所不同。民俗的承担者基本上都是女性, 尤其是“老太太”。

关键词: 俄罗斯族人, 三河地区, 民俗, 性别, 文化的传播

..... 318

张如阳

(阿穆尔国立大学, 文学和世界艺术文化教研室, 博士研究生。布拉格维申斯克市。)

三河流域俄罗斯族民俗的中俄文本

简述: 本文章基于 2015 年至 2018 年间对中国内蒙地区三河流域的考察资料为主, 着重以通熟俄语的侨民为主要调查对象。对于该民族来说(官方称谓-中国俄罗斯族)保留民族身份的重要因素为本民族语言以及本民族民俗文化。而中国三河流域俄罗斯侨民的民俗非常独特之处在于, 一方面, 它以最古老的形式加以保留。另一方面, 外族文化(汉族, 少数民族蒙古族)的渗透。

关键词: 三河流域, 俄罗斯人, 中国人, 民俗, 中俄文本, 童话, 小调, 边缘题材。

..... 332

扎比亚科·安娜·安纳托利耶夫娜

(“远东侨民研究中心”主编, 阿穆尔国立大学“文学与世界艺术文化教研室”主任、语言学博士。)

阿穆尔国立大学“远东移民研究中心”: 远东俄侨的历史、文化和文学研究的结果与展望

简述: 本文简要概述了 2013 年于阿穆尔州立大学建立的“远东移民研究中心”的活动。该中心的工作方向涉及博物馆和展览活动的研究(文学与史料学实验室及博物馆“哈尔滨俄侨: 历史, 文化, 文学”部分)。该中心融入了广阔的国际科学环境, 并与中国和欧洲的同事一起开展各种研究、出版和教育项目合作。

关键词: “远东移民研究中心”, 文学与史料学实验室, 文献复原, 展览, 人类学, 文艺学, 田野考察, 中国的俄罗斯“飞地”。

..... 339

Перевод на кит. язык**Литературная редакция:** ЧЖОУ СИНЬЮЙ.**Переводчики:** Чжан Жуян; Цзюй Куньи; Фэн Ишань; Лю Ши; Дэн Голун; Ван Юйци; Чжао Ян (кафедра литературы и мировой художественной культуры, Амурский государственный университет)**文学编辑:** 周欣宇**汉语翻译:** 张如阳, 鞠申依, 冯轶珊, 刘石, 刘国龙, 王宇琦, 赵杨。(阿穆尔国立大学)

Научное издание

ЛЮБИМЫЙ ХАРБИН – ГОРОД ДРУЖБЫ РОССИИ И КИТАЯ

Материалы международной научно-практической конференции,
посвященной 120-летию русской истории г. Харбина,
прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае

Харбин
16–18 июня 2018 г.

*Ответственный редактор – Ли Яньлин, кавалер Ордена Дружбы РФ,
профессор Цицикарского университета КНР, иностранный член
Российской академии наук, член Союза писателей России*

Редактор Л.Е. Стрикаускас
Корректор М.А. Шкарубо
Верстка М.А. Портновой
Дизайн обложки Г.П. Писарева

Подписано в печать 13.05.2019. Формат 70×100/16.
Бумага писчая. Печать цифровая. Усл.-печ. л. 30,06.
Уч.-изд. л. 32,4. Тираж 500 [I–100] экз. Заказ 558

Издательство Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41